КОЛЛЕКЦИОННАЯ ФАНТАСТИКА

Конни УИЛЛИС

Книга Страшного суда

Книга Страшного суда
Конни Уиллис

Аннотация
Конни Уиллис. Книга Страшного суда
Благодарности
Книга первая
  Глава первая
  Глава вторая
  Глава третья
  Глава четвертая
  Глава пятая
  Глава шестая
  Глава седьмая
  Глава восьмая
  Глава девятая
Книга вторая
  Глава десятая
  Глава одиннадцатая
  Глава двенадцатая
  Глава тринадцатая
  Глава четырнадцатая
  Глава пятнадцатая
  Глава шестнадцатая
  Глава семнадцатая

Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Книга третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая
Глава двадцать девятая
Глава тридцатая
Глава тридцать первая
Глава тридцать вторая
Глава тридцать третья
Глава тридцать четвертая
Глава тридцать пятая
Глава тридцать шестая

Аннотация

Студентку с помощью машины времени отправляют в XIV век. Конечно, любой исследователь проходит подготовку, изучая эпоху, получая прививки от чумы и оспы. Однако точно попасть в нужную точку во времени и угадать все события не всегда удается. Героиня попадает в Средневековье, где начинает вести «Книгу Страшного суда», но почти сразу понимает, что она тяжело больна. В это время в современной Англии вспыхивает опасная эпидемия гриппа, источник которой еще предстоит найти. И это только часть невероятных событий и головоломного сюжета.

Конни Уиллис
Книга Страшного суда

Благодарности

Лоре и Корделии — моим Киврин

Отдельная благодарность главному библиотекарю Джейми Ларю и остальным работникам Общественной библиотеки Грили за огромную неоценимую помощь.

Кроме того, я бесконечно признательна Шейли и Келли, Фрейзеру и Си, и особенно Марте — моим любимым друзьям.

> «И дабы не поглотило время и не запамятовали грядущие в мир опосля нас то, что надлежит помнить, я, узревший столько невзгод и целый свет в руке Антихриста, сам оказавшись будто среди мертвых и пребывая на пороге смерти, доверяю пергамену все, чему сподобился стать свидетелем.

И дабы не погибли записи вместе с писателем, а труд вместе с мастером, я оставляю место на пергамене, и буде отыщется кто уцелевший или какой из родов адамовых избегнет этой напасти, да продолжит начатое мной…»

Брат Джон Клин, 1549

Книга первая

«Важнее всего для звонаря не сила, а умение вступать вовремя… Время и колокола, колокола и время — они должны соединиться воедино в сознании и не разлучаться вовек».

Рональд Блайз, «Этенфилд»

Глава первая

Мистер Дануорти открыл дверь в лабораторию.

— Опоздал? — Очки моментально запотели, и он сорвал их, близоруко щурясь на Мэри.

— Закрой дверь. Ничего не слышу из-за этого дурацкого трезвона.

Дануорти закрыл, но со двора продолжали накатывать волны гимна «Придите к младенцу».

— Я все пропустил?

— Только речь Гилкриста. — Мэри откинулась на стуле, давая Дануорти проход на узкую галерею для наблюдателей. Свои пальто с шапкой она бросила на второй стул, вместе с большим пакетом, набитым подарками. Ее седые волосы топорщились во все стороны, — видимо, Мэри пыталась взъерошить их после шапки. — Длиннющую речугу о приобщении кафедры медиевистики к путешествиям в прошлое и о том, что теперь бриллиант Брэйзноуза по праву засияет в короне истории. Дождь еще не перестал?

— Нет. — Протерев очки уголком шарфа, Дануорти подошел к тонкой стеклянной перегородке, желая взглянуть, что там происходит. Посреди

лаборатории громоздилась разбитая повозка в окружении перевернутых сундуков и коробов; над ними, присобранные под потолком, белели тонкие, как парашютный шелк, защитные занавеси. Между сундуками бродил Латимер, куратор Киврин, казавшийся еще дряхлее обычного. Монтойя, в джинсах и штормовке с капюшоном, нетерпеливо поглядывала на свои электронные часы. Сидящий за терминалом Бадри что-то печатал, хмуря брови на экран.

— Где Киврин? — спросил Дануорти.

— Пока не видела, — покачала головой Мэри. — Ты садись. По графику переброска в полдень, но я сильно сомневаюсь, что они к этому времени управятся. Тем более если Гилкрист толкнет еще речь.

Она перевесила пальто на спинку своего стула, а сумку с подарками поставила рядом на пол.

— Очень надеюсь, что эта возня не на весь день. К трем иду встречать Колина — это мой внучатый племянник — на станцию. Он на метро приедет. — Мэри начала рыться в недрах сумки. — Дейдра, моя племянница, уезжает на праздники в Кент, а Колина отправила ко мне, чтобы под присмотром был. Ему двенадцать, хороший мальчик, светлая голова, однако лексикон

у него… Через слово либо «апокалиптично», либо «некрозно». И сладкого слишком много ест, куда только Дейдра смотрит?

Наконец она выудила из глубин сумки узкую красно-зеленую полосатую коробку.

— Вот, мой подарок ему на Рождество. Надеялась до прихода сюда закончить с покупками, но там ливень и эти электронные колокола на Хай-стрит, от которых у меня уши вянут.

Мэри открыла коробку и развернула папиросную бумагу.

— Не знаю, что по нынешним временам в моде у двенадцатилетних мальчишек… впрочем, шарф ведь всегда пригодится, как думаешь, Джеймс? Джеймс!

Дануорти оторвался от экранов.

— А?

— Я говорю, шарф — подходящий подарок для мальчишки?

Дануорти посмотрел на предмет обсуждения. Шерстяной шарф в темно-серую шотландскую клетку. Под страхом смерти не надел бы такой в детстве — а ведь оно пятьдесят лет назад закончилось…

— Подходящий, — подтвердил он, отворачиваясь к перегородке.

— Что с тобой, Джеймс? Что-то не так?

Латимер взял в руки окованный медью ларец и растерянно завертел головой, будто забыл, зачем он ему понадобился. Монтойя нетерпеливо глянула на свои электронные часы.

— Где Гилкрист? — спросил Дануорти.

— Ушел туда. — Мэри показала на дальнюю дверь. — Осветил роль кафедры медиевистики в истории, поговорил с Киврин, оператор что-то протестировал, а потом Гилкрист увел Киврин через ту дверь. Наверное, и сейчас там, дает наставления.

— Наставник… — пробурчал Дануорти.

— Давай, Джеймс, садись, расскажи мне, что тебе не нравится, — попросила Мэри, запихивая шарф обратно в коробку, а коробку — обратно в сумку. — И где ты был. Я ожидала, что ты, наоборот, меня здесь встретишь. Как-никак, Киврин — твоя любимая студентка.

— Разыскивал декана исторического факультета, — не сводя взгляда с экранов, объяснил Дануорти.

— Бейсингейма? Я думала, он уехал на рождественские каникулы.

— Он и уехал. А Гилкрист подсуетился и в качестве временно исполняющего обязанности

декана открыл Средние века для путешествий. Отменил сплошную десятибалльную шкалу и заново присвоил категорию каждому столетию. Знаешь, какая досталась XIV веку? Шестая! Шестерка! Будь Бейсингейм здесь, он бы никогда такого не допустил. Но его нигде нет. — Дануорти с надеждой взглянул на Мэри. — Ты случайно не знаешь, куда он уехал?

— Нет. Куда-то в Шотландию, кажется.

— Куда-то в Шотландию… — с досадой повторил Дануорти. — А тем временем Гилкрист забросит Киврин в столетие, которое тянет на добрую десятку. Золотуха, чума и сожженная на костре Жанна д'Арк.

Он оглянулся на Бадри — тот что-то командовал в микрофон на терминале.

— Ты сказала, Бадри провел тесты. Что он проверял? Координаты? Проекцию поля?

— Понятия не имею. — Мэри неопределенно махнула на экраны, где непрерывно бежали матрицы и колонки цифр. — Я ведь врач, а не оператор сети. А оператора я, кажется, узнала. Он ведь баллиольский?

Дануорти кивнул.

— Лучший во всем колледже. — Взгляд его был прикован к Бадри, который нажимал кнопки

по одной, следя за изменениями на экране. — Все операторы из Нью-колледжа разъехались на каникулы. Гилкрист собирался поставить стажера-первогодка, который вообще никогда людей не перебрасывал. На удаленку — стажера!.. Еле уговорил его взять Бадри. Раз уж отменить переброску не получается, по крайней мере позабочусь, чтобы ее проводил специалист.

Бадри, недовольно покосившись на экран, вытащил из кармана индикатор и двинулся к повозке.

— Бадри! — окликнул его Дануорти.

Тот даже головы не повернул. Поглядывая на индикатор, он обходил по кругу короба и сундуки, один короб сдвинул чуть влево.

— Он тебя не слышит, — сказала Мэри.

— Бадри! — крикнул Дануорти. — Мне надо с тобой поговорить!

Мэри встала.

— Джеймс, он тебя не слышит. Перегородка звуконепроницаемая.

Бадри что-то сказал Латимеру, застывшему с окованным медью ларцом в руках. Латимер посмотрел озадаченно. Бадри забрал у него ларец и установил на меловую отметку.

Дануорти оглянулся в поисках интеркома, но

нигде ничего похожего не нашел.

— Как же вы слушали речь Гилкриста? — недоуменно поинтересовался он у Мэри.

— Он что-то нажимал там, внутри, — объяснила она, показывая на кнопочную панель рядом с сетью.

Бадри снова уселся за терминал и что-то произнес в микрофон. Защитные занавеси начали опускаться. Тогда он дал другую команду, и занавеси снова собрались складками.

— Я велел Бадри все перепроверить — сеть, расчеты стажера, все, — сказал Дануорти. — В случае обнаружения хотя бы мельчайшей ошибки немедленно отменить переброску, и плевать на недовольство Гилкриста.

— Гилкрист не станет подвергать Киврин опасности, — успокоила Мэри. — Он утверждает, что все возможные накладки просчитаны.

— Просчитаны… Ни разведки, ни проверки параметров… На кафедре XX века мы два года пробные переброски без людей проводили, прежде чем кого-то отправлять в прошлое. А он? Бадри просил его повременить с переброской, чтобы сделать хотя бы одну пробную, а Гилкрист вместо этого взял и передвинул срок на два дня вперед. Полный профан.

— Так ведь он объяснил, почему нужно именно сегодня, — возразила Мэри. — В своей речи. В XIV веке не особенно обращали внимание на даты, за исключением начала сева, уборки урожая и церковных праздников. Вокруг Рождества таких праздников больше всего, поэтому медиевисты и решили послать Киврин сейчас, чтобы она сориентировалась по дням Рождественского поста и вернулась в точку переброски двадцать восьмого декабря.

— Ни при чем тут Рождественский пост и праздники, — отмахнулся Дануорти, не сводя глаз с Бадри. Тот снова, хмурясь, нажимал поочередно на кнопки. — Мог бы отправить ее на следующей неделе, а датой стыковки выбрать Крещение. Мог полгода проводить пробные переброски, а потом послать ее одномоментной. Гилкристу надо непременно сейчас, потому что Бейсингейм в отъезде и не сможет его остановить.

— Боже мой! — ахнула Мэри. — То-то я думаю, он как-то слишком торопится. Даже уговаривал меня выписать Киврин из лечебницы раньше положенного. Пришлось объяснить, что прививки действуют не сразу.

— Возвращение двадцать восьмого декабря, — с горечью проговорил Дануорти. — Чувствуешь?

День избиения младенцев! При такой организации переброски совпадение может оказаться не случайным.

— Почему тогда ты не вмешаешься? Ты ведь вправе не пустить Киврин? Ты ее куратор.

— Нет, — ответил Дануорти. — Она не моя. Она учится в Брэйзноузе. И курирует ее Латимер. — Он махнул в сторону перегородки, за которой Латимер рассеянно разглядывал нутро ларца. — Киврин пришла в Баллиол и попросилась ко мне в подопечные неофициально. — Дануорти уставился на перегородку невидящим взглядом. — Я еще тогда сказал, что никто ее в Средневековье не пустит…

Киврин пришла к нему на первом курсе.

— Я хочу в Средние века, — заявила она. Полтора метра ростом, светлые косички. Такую через дорогу-то страшно одну отпускать.

— Не выйдет, — ответил он. Грубейшая ошибка. Надо было отправить ее обратно на кафедру медиевистики, чтобы обсудила сперва вопрос со своим куратором. — Средние века закрыты. Это десятая категория.

— По сплошной шкале, — возразила Киврин. — А мистер Гилкрист говорит, не дотягивают они до десятки. Если рассматривать отдельно, по

годам. Десятку дали из-за уровня смертности, который обусловлен прежде всего плохим питанием и никудышным здравоохранением. Для историка, сделавшего нужные прививки, категория будет гораздо ниже. Мистер Гилкрист намерен просить исторический факультет пересмотреть категорийность и открыть для путешествий часть XIV века.

— Очень сомневаюсь, что факультет станет открывать столетие, в котором бушевали чума, холера, да еще и Столетняя война.

— А вдруг? И если откроют, я хочу туда отправиться.

— Исключено, — попытался вразумить ее Дануорти. — Даже если откроют, кафедра не пошлет туда женщину. В XIV веке женщина без сопровождения — это немыслимо. В одиночку перемещались только беднейшие из бедных, рискуя стать легкой добычей любого душегуба или дикого зверя. Знатные дамы и представительницы зарождающегося среднего класса путешествовали под присмотром отца, мужа или слуги — обычно всех троих разом. А вы, кроме того, что женщина, еще и студентка. XIV век слишком опасен, чтобы кафедра отважилась отправить студентку. Если пошлют, то опытного исто-

рика.

— Там не опаснее, чем в XX столетии, — не сдавалась Киврин. — Иприт, автокатастрофы, точечные бомбардировки… В Средневековье на меня хотя бы бомбу не сбросят. И потом, кто у нас опытный медиевист? Полевого опыта нет ни у кого, а ваши баллиольские специалисты по XX веку не разбираются в Средних веках. Никто ничего не знает. Из источников одни приходские книги и налоговые списки, о повседневной жизни вообще никакого представления. Поэтому я и хочу туда. Хочу понять, как они жили, какие они были. Неужели вы мне не поможете?

— Боюсь, вам придется сперва обратиться на кафедру медиевистики, — наконец сообразил Дануорти, но было уже поздно.

— Я обращалась. Они тоже ничего не знают о Средних веках. В смысле, ничего полезного. Мистер Латимер учит меня средневековому английскому, но там только про всякие местоименные флексии и сдвиги гласных, а как что сказать — непонятно. Мне нужно выучить язык и обычаи, — продолжала она, облокачиваясь на стол Дануорти. — Деньги, поведение за столом, быт. Вы знаете, например, что в XIV веке не было тарелок? Вместо них использовали половинки

круглого хлеба, которые назывались «манше», и в конце трапезы их тоже съедали, разламывая на куски. Вот во всяком таком мне и нужно поднатаскаться, чтобы не попасть впросак.

— Я специалист по XX веку, не по Средним. Средних я уже сорок лет не касался.

— Зато вы представляете, на что нужно обращать внимание. Я могу поискать и выучить, главное скажите — что именно искать.

— А Гилкрист? — спросил он, хотя и считал Гилкриста самовлюбленным болваном.

— Он переделывает шкалу, ему некогда.

«И что толку ее переделывать, если из историков все равно послать некого?» — подумал Дануорти.

— Монтойя копает средневековое поселение около Уитни. Что-нибудь наверняка знает про обычаи.

— Мисс Монтойе тоже некогда, она усиленно вербует добровольцев на Скендгейтский раскоп. Видите? Ни от кого нет толку. Только вы можете мне помочь.

«Зато они, в отличие от меня, из Брэйзноуза», — вот что надо было ответить. Но он не смог сдержать внутреннего злорадства, услышав то, что подозревал и сам: из Латимера песок

сыплется, у Монтойи не хватает рабочих рук, а Гилкрист не в состоянии нормально готовить историков. Он покажет кафедре медиевистики, как надо работать.

— Мы оснастим вас переводчиком, — пообещал Дануорти. — Помимо средневекового английского у Латимера вам нужно будет изучить церковную латынь, англо-нормандский и старонемецкий.

Киврин тут же вытащила из кармана тетрадь с карандашом и принялась конспектировать.

— Нужны практические крестьянские навыки — доить корову, собирать яйца, огородничать, — загибая пальцы, продолжал профессор. — Волосы нужно отрастить, придется принимать кортикоиды. Научиться прясть — веретеном, не прялкой. Прялку тогда еще не изобрели. И ездить верхом.

Он замолчал, опомнившись.

— Знаете, чему вам на самом деле придется научиться? — Киврин старательно строчила в тетрадке, потряхивая короткими косичками. — Обрабатывать язвы и инфицированные раны, обмывать тело младенца перед погребением, копать могилы. Уровень смертности все равно останется десяткой, даже если Гилкрист умудрится перекроить шкалу. Средняя продол-

жительность жизни в XIV веке — тридцать восемь лет. Нечего вам там делать!

Киврин подняла глаза, карандаш застыл над тетрадным листом.

— Куда мне сходить, чтобы посмотреть на мертвых? В морг? Или в лечебнице спросить, у доктора Аренс?

— Я ей говорил, что никуда ее не пустят, — сказал Дануорти, невидящим взглядом уставившись на перегородку, — но она и слушать не хотела.

— Знаю. Меня тоже, — подтвердила Мэри.

Дануорти со скрипом опустился на соседний стул. От этой беготни за Бейсингеймом под дождем у него разыгрался артрит. Опомнившись, что так и не снял пальто, он выпутался из рукавов и размотал шарф.

— Я собиралась каугеризировать ей нос. Объяснила, что наш организм просто не приспособлен к запахам XIV века — экскременты, гнилое мясо, разложение… Тошнота — плохой помощник в работе.

— Но она отказалась наотрез, — кивнул Дануорти.

— Да.

— Я ей втолковывал, что Средние века опасны, что Гилкрист слишком легкомысленно относится

к мерам предосторожности, а она мне в ответ, мол, я беспокоюсь по пустякам.

— Может быть, и так. В конце концов, переброску проводит Бадри, а не Гилкрист, и в случае какого-нибудь сбоя он ее просто прервет.

— Да, — глядя на Бадри за стеклом, ответил Дануорти. Бадри снова нажимал по одной кнопке, не сводя глаз с экранов. Бадри — лучший оператор не только в Баллиоле, но и во всем университете. Он на удаленках собаку съел.

— Киврин хорошо подготовилась. И с твоей помощью, и с моей — мы с ней в лечебнице весь месяц работали. У нее прививка от холеры, тифа и прочих эпидемий 1320 года, к которым твоя чума, кстати, не относится. «Черная смерть» добралась до Англии только в 1348 году. Я вырезала Киврин аппендикс и укрепила иммунитет. Выдала ей целый арсенал антивирусных препаратов и провела краткий курс по средневековой медицине. Да и сама она отлично потрудилась. Даже в лечебнице, чтобы даром времени не тратить, изучала целебные травы.

— Знаю, — подтвердил Дануорти.

Все прошлые рождественские каникулы Киврин зубрила чины церковных служб на латыни, осваивала ткачество и вышивку, и он сам учил

ее всему, чему мог. Но уберегут ли эти знания от копыт коня или домогательств подгулявшего рыцаря, возвращающегося домой из крестового похода? В 1320-м еще не отвыкли чуть что тащить людей на костер. Никакая прививка не спасет, если Киврин увидят в момент переброски и объявят ведьмой.

Дануорти оглянулся на перегородку. Латимер в третий раз подхватил и поставил обратно ларец. Монтойя посмотрела на часы. Оператор, хмурясь, нажимал кнопки.

— Надо было мне отказаться от кураторства. Я взялся только за тем, чтобы утереть нос профану Гилкристу.

— Глупости, — возразила Мэри. — Ты взялся из-за Киврин. Ты видишь в ней себя — такая же умная, предприимчивая, решительная.

— И упертая. Я таким не был.

— Еще как был. Прекрасно помню, как ты рвался в лондонский блиц, под бомбы. И еще припоминаю один случай в старой Бодлеинке…

Дальняя дверь распахнулась, и в лабораторию вошли Гилкрист с Киврин. Девушка, осторожно приподнимая длинную юбку, перешагнула через разбросанные короба. На ней был белый плащ, подбитый кроличьим мехом, и ярко-синий

киртл[1], который она приходила показывать Дануорти накануне. Домотканый плащ напоминал старое шерстяное одеяло, а в длинных рукавах киртла руки просто тонули. Длинные светлые волосы, убранные на лбу под полотняную повязку, рассыпались по плечам. Такую через дорогу-то страшно одну отпускать.

Дануорти встал, собираясь постучать по стеклу, как только Киврин посмотрит в его сторону, но она остановилась вполоборота к перегородке посреди разбросанного скарба, нашла отметку на полу и, подвинувшись чуть вперед, расправила волочащийся по земле подол длинного платья.

Гилкрист подошел к Бадри, что-то ему сказал и, взяв лежащий на терминале планшет, заскользил световым пером по списку, проставляя галочки.

Киврин заговорила, показывая на окованный медью ларец. Монтойя, заглядывавшая Бадри через плечо, нетерпеливо выпрямилась и, качая головой, подошла к Киврин. Та что-то повторила, уже настойчивее, и Монтойя, опустившись на колени, подвинула какой-то из сундуков ближе

---

[1] Примечания: 1.1

Киртл — средневековое платье, надевавшееся на нижнюю рубаху, облегающее, со шнуровкой, расклешенное от бедра. — Здесь и далее примеч. пер.

к повозке.

Гилкрист отметил еще один пункт в списке, потом обратился к Латимеру, и старик принес плоскую металлическую коробочку. Тогда Гилкрист повернулся к Киврин, и она, склонив голову над соединенными перед грудью ладонями, начала что-то шептать.

— Упражняется в молитве? — предположил Дануорти. — Полезное дело, — кроме божьей помощи, ей там рассчитывать будет не на что.

Мэри высморкалась.

— Они проверяют имплант.

— Какой имплант?

— Специальный записывающий чип, чтобы вести отчеты по ходу практики. В то время грамоту мало кто знал, поэтому я вживила Киврин в одно запястье микрофон и АЦП, а в другое — карту памяти. Включается сжатием подушечек ладоней, поэтому со стороны выглядит, как будто она молится. Объем памяти — два с половиной гигабайта, хватит на две с половиной недели записей.

— Надо было заодно вживить ей пеленгатор, чтобы она могла, если что, позвать на помощь.

Гилкрист возился с металлической коробочкой. Покачав головой, он подвинул сложенные вместе

ладони Киврин повыше. Длинноватый рукав киртла съехал к локтю. А это что? Поранилась? По руке девушки змеилась коричневая струйка засохшей крови.

— Хорошенькое начало! — Дануорти повернулся к Мэри.

Киврин снова зашептала в сомкнутые ладони. Гилкрист кивнул. Киврин подняла на него глаза, увидела Дануорти и радостно улыбнулась. На виске у нее, пропитав повязку и волосы, тоже темнела кровь. Гилкрист, заметив Дануорти, с недовольным видом поспешил к перегородке.

— Еще отправить никуда не успели, а уже покалечили. — Дануорти постучал по стеклу.

Гилкрист нажал на кнопку в стеновой панели.

— Мистер Дануорти. Доктор Аренс. Рад, что вы тоже пришли на проводы, — проговорил он, едва уловимо подчеркнув последнее слово. Получилось зловеще.

— Что с Киврин? — спросил Дануорти.

— А что с ней? — удивился Гилкрист. — Не понимаю, о чем вы.

Киврин, приподнимая окровавленной рукой длинную юбку, направилась к перегородке. На щеке алела свежая ссадина.

— Мне нужно с ней поговорить.

— Боюсь, времени нет, — ответил Гилкрист. — Все расписано по минутам.

— Дайте мне с ней поговорить, я требую.

Гилкрист недовольно поморщился, и у крыльев носа обозначились резкие складки.

— Смею напомнить, мистер Дануорти, — произнес он ледяным тоном, — что эта переброска организована Брэйзноузом, а не Баллиолом. Я, разумеется, признателен вам за содействие в лице предоставленного оператора, и я уважаю ваш многолетний исторический опыт, но, поверьте, у меня все под контролем.

— Почему тогда ваша практикантка умудрилась пострадать еще до отбытия?

— Ой, мистер Дануорти, я так рада, что вы пришли! — воскликнула подошедшая Киврин. — Боялась, что не смогу с вами попрощаться. Как все замечательно, правда?

«Лучше некуда».

— У тебя кровь идет, — заметил Дануорти вслух. — Что случилось?

— Ничего. — Киврин осторожно коснулась виска и посмотрела на свои пальцы. — Это часть образа. — Она обернулась к Мэри: — Доктор Аренс, вы тоже пришли! Как хорошо.

Мэри встала, не выпуская из рук пакет с по-

дарками.

— Дай-ка я взгляну на прививку против вируса. Какая-то реакция была, кроме вздутия? Чешется?

— Все в порядке, доктор Аренс, — заверила Киврин. Она задрала рукав и сразу вновь его опустила, не дав Мэри толком разглядеть руку. На предплечье мелькнул еще один синяк, уже лиловеющий.

— Ты бы лучше спросила, почему у нее кровь идет, — вмешался Дануорти.

— Я же говорю, так надо по легенде. Я Изабель де Боврье, чудом уцелевшая после нападения разбойников. — Она показала на перевернутую повозку и рассыпавшиеся сундуки. — Всю поклажу украли, а меня бросили умирать. Вы мне сами эту идею подали, — с укором напомнила она Дануорти.

— Я точно не предлагал отправлять тебя в прошлое избитой и окровавленной.

— Бутафорская кровь нам не подошла, — пояснил Гилкрист. — Расчет вероятности не давал статистически значимых шансов, что рану не станут обрабатывать.

— И вы не догадались правдоподобно сымитировать рану? Вместо этого вы просто стукнули девушку по голове? — рассердился Дануорти.

— Мистер Дануорти, еще раз напоминаю…

— Что переброску организовывает Брэйзноуз, а не Баллиол? Очень точно подмечено. Будь это XX век, мы бы всеми силами берегли историка от возможных увечий, а не наносили их сами. Дайте мне поговорить с Бадри. Мне надо знать, перепроверил ли он расчеты стажера.

Гилкрист поджал губы.

— Мистер Дануорти, конечно, мистер Чаудри — ваш оператор, но переброской все же заведую я. Будьте уверены, мы просчитали все возможные накладки.

— Это просто царапина, — вмешалась Киврин. — И ни чуточки не болит. Со мной все хорошо, правда. Не расстраивайтесь, мистер Дануорти, пожалуйста. Это я придумала насчет раны. Вспомнила, как вы рассказывали про беззащитных женщин в Средневековье, и решила: пусть я буду казаться еще беззащитнее, чем есть.

«Куда там беззащитнее?» — подумал Дануорти.

— Прикинувшись бездыханной, я смогу подслушать, что обо мне будут говорить, зато меня не станут расспрашивать, ведь и так будет ясно…

— Вам пора на позицию, — перебил Гилкрист, делая угрожающий шаг к настенной панели.

— Иду, — ответила Киврин, не двигаясь с ме-

ста.

— Мы включаем сеть.

— Знаю, — невозмутимо ответила она. — Сейчас приду, только попрощаюсь с мистером Дануорти и доктором Аренс.

Гилкрист коротко кивнул и, удалившись к перевернутой повозке, буркнул какую-то резкость Латимеру, обратившемуся к нему с вопросом.

— Что значит «на позицию»? — спросил Дануорти. — Он тебя вырубит свинчаткой согласно вероятностным подсчетам, чтобы твой обморок не вызывал сомнений у современников?

— Значит просто лечь и закрыть глаза, — улыбнулась Киврин. — Не волнуйтесь.

— Что мешает подождать до завтра? Дать Бадри хотя бы проверку параметров доделать? — настаивал Дануорти.

— Покажи-ка мне еще раз след от прививки, — потребовала Мэри.

— Перестаньте вы оба беспокоиться! — воскликнула Киврин. — Прививка не чешется, ссадина не болит, а Бадри сидит за терминалом все утро. Я понимаю, что вы за меня волнуетесь, но вы не волнуйтесь. Точка переброски на большой Оксфордско-Батской дороге, в двух милях от Скендгейта. Если никто не появится, я дойду

до деревни и скажу, что на меня напали разбойники. После того, разумеется, как определю свое местонахождение, чтобы потом снова вернуться в ту же точку. — Она приложила ладонь к стеклу. — Я просто хотела поблагодарить вас обоих за все, что вы для меня сделали. Я больше всего на свете хотела отправиться в Средневековье, и вот я отправляюсь.

— После переброски могут начаться легкая слабость и головокружение, — предупредила Мэри. — Так действует разница во времени.

К перегородке снова подошел Гилкрист.

— Пора на позицию.

— Надо идти, — подбирая тяжелые юбки, сказала Киврин. — Спасибо вам обоим огромное! Если бы не вы, я бы никуда и не отправилась.

— До свидания! — попрощалась Мэри.

— Будь осторожна, — напутствовал Дануорти.

— Буду, — пообещала Киврин, но Гилкрист уже нажал кнопку на панели, и Дануорти этих слов не услышал. Она улыбнулась, пошевелила пальцами поднятой руки на прощание и пошла к перевернутой повозке.

Мэри, усевшись обратно на стул, принялась рыться в сумке в поисках платка. Гилкрист зачитывал список с планшета. Киврин кивала на

каждый пункт, и Гилкрист ставил галочки световым пером.

— А если от раны на виске у нее будет заражение крови? — не отходя от перегородки, спросил Дануорти.

— Не будет никакого заражения. Я укрепила ей иммунитет. — Мэри высморкалась.

Киврин о чем-то спорила с Гилкристом. Тот снова поморщился, белея носогубными складками. Киврин отрицательно помотала головой, и Гилкрист сердитым, резким движением отчеркнул еще один пункт на планшете.

Ладно, пусть Гилкрист профан вместе со всей своей кафедрой, но Киврин-то умница. Она занималась средневековым английским, церковной латынью и англосаксонским. Выучила службы, научилась доить корову и вышивать. Она сама придумала себе легенду и правдоподобное объяснение тому, как оказалась в одиночку на Оксфордско-Батской дороге, у нее имеется переводчик и повышенный иммунитет, и удален аппендикс.

— Она справится на отлично, — подытожил Дануорти вслух. — И тем самым убедит всех, что в методах Гилкриста нет ничего опасного и рискованного.

Гилкрист подошел к пульту и передал Бадри планшет. Киврин снова сомкнула ладони, на этот раз почти у самого лица, и зашевелила губами.

Мэри встала рядом с Дануорти, зажав в руке платок.

— Когда мне было девятнадцать — боже, сорок лет назад, а кажется почти вчера, — мы с сестрой отправились в путешествие по Египту. Как раз во время Пандемии. На каждом шагу карантины, израильтяне палят по американцам не глядя, а нам хоть бы что. И в голову не пришло, что мы тоже в опасности, можем заразиться или угодить под пулю. Нам хотелось посмотреть на пирамиды.

Киврин закончила молиться. Бадри встал из-за терминала и подошел к ней. Несколько минут он что-то ей втолковывал, не переставая хмурить брови. Девушка опустилась на колени, потом улеглась рядом с повозкой, откинувшись на спину и закрыв рукой лицо. Юбки запутались в ногах, и оператор поправил их, затем, вытащив индикатор, обошел Киврин кругом, вернулся за пульт и что-то проговорил в микрофон. Киврин лежала не шевелясь, кровь на светлых волосах казалась почти черной.

— Ох, какая же она молоденькая, — сказала Мэри.

Бадри что-то произнес в микрофон, недовольно скользнул взглядом по строчкам на мониторе и снова подошел к Киврин. Переступив через ее ноги, он наклонился поправить рукав, потом замерил показания, подвинул беспомощно закинутую руку и замерил еще раз.

— И как вы, посмотрели на пирамиды? — спросил Дануорти.

— Что?

— В Египте. Когда вы мотались по Ближнему Востоку, не ведая об опасности. Пирамиды удалось посмотреть?

— Нет. В Каире ввели карантин, как раз когда мы прилетели. — Мэри посмотрела на распростертую рядом с повозкой Киврин. — Но в Долину царей мы попали.

Бадри сдвинул руку Киврин еще на волосок, постоял над ней, хмурясь, и вернулся за терминал. Гилкрист и Латимер последовали за ним. Монтойя подвинулась, пропуская их к монитору. Бадри скомандовал в микрофон, и кисейные экраны начали опускаться, будто вуалью закрывая Киврин.

— Мы не жалели, что поехали, — сказала Мэри. — Вернулись домой целые и невредимые.

Занавеси опустились до конца, собравшись

складками на полу, как подол платья Киврин, и замерли.

— Береги себя, — шепнул Дануорти. Мэри взяла его за руку.

Латимер с Гилкристом уткнулись в экран, ошеломленные внезапным водопадом цифр. Монтойя глянула на часы. Бадри открыл сеть. Воздух под занавесями сгустился и замерцал.

— Стой! — вырвалось у Дануорти.

Запись из «Книги Страшного суда»

(000008-000242)

Запись первая. Двадцать третье декабря 2054 года, Оксфорд. Здесь я буду вести исторические заметки о жизни в графстве Оксфордшир, Англия, с двенадцатого по двадцать восьмое декабря 1320 года (по старому стилю).

(Пауза.)

Мистер Дануорти, я назову эти заметки «Книга Страшного суда», поскольку они станут бытописанием средневекового уклада, как и одноименная книга Вильгельма Завоевателя, хотя создавал он ее совсем не за этим, а чтобы учесть каждый фунт налогов и податей, которые ему должны были заплатить.

Кроме того, по-моему, именно такое название вы бы для нее выбрали — вы ведь так уверены, что со мной непременно случится что-то страшное. Я вижу вас за перегородкой, вы рассказываете доктору Аренс о всяких ужасах, которые творятся в XIV веке. Но вы зря беспокоитесь. Она меня уже предостерегла и насчет разницы во времени, и обо всех средневековых недугах — не скупясь на страшные подробности, хотя у меня ко всем этим болезням должен быть иммунитет. О разгуле насильников в XIV веке она меня тоже предупредила. И тоже не слушает, когда я уверяю, что ничего со мной не случится. Со мной все будет хорошо, мистер Дануорти.

Конечно, вы это и сами знаете, — раз вы слушаете эту запись, я вернулась в целости и сохранности, точно в срок, так что имею полное право немного вас подразнить. Я знаю, что вы просто за меня тревожитесь и что без вашего участия и помощи я не смогла бы вернуться в целости и сохранности.

Поэтому я посвящаю «Книгу Страшного суда» вам, мистер Дануорти. Если бы не вы, я не стояла бы тут в киртле и плаще и не наговаривала бы эту запись, дожидаясь, пока Бадри и мистер Гилкрист закончат свои бесконечные расчеты, и мысленно

их поторапливая, потому что мне очень хочется наконец попасть в прошлое!

(Пауза.)

Я на месте.

Глава вторая

— Так, — протяжно выдохнула Мэри, — я бы чего-нибудь выпила.

— А я думал, тебе надо идти забирать своего внучатого племянника, — проговорил Дануорти, не сводя глаз с того места, где только что была Киврин. Под защитными занавесями морозно искрился воздух. Прозрачная перегородка заиндевела изнутри у самого пола.

Несвятая троица из медиевистики застыла перед мониторами, на которых не было пока ничего, кроме ровной линии прибытия.

— За Колином мне только к трем, — объяснила Мэри. — Тебе немного взбодриться тоже не помешает, тем более что «Ягненок и крест» отсюда в двух шагах.

— Я дождусь, когда он установит привязку, — заявил Дануорти, глядя на оператора.

На экранах ничего нового не появлялось. Бадри хмурился. Монтойя, посмотрев на часы, что-то спросила у Гилкриста. Тот кивнул. Подхватив завалившуюся под терминал сумку, археолог помахала на прощание Латимеру и вышла через боковую дверь.

— В отличие от Монтойи, которая минуты не может прожить без своих раскопок, я останусь здесь, пока мы не удостоверимся, что Киврин благополучно переправилась, — повторил Дануорти.

— Я ведь не предлагаю уходить в Баллиол, — возразила Мэри, втискиваясь в пальто. — Привязка займет не меньше часа, а то и двух, и от того, что ты будешь тут торчать, быстрее не получится. Это как с закипающим чайником. А паб в двух шагах. Маленький и уютный, без лишней мишуры и электронных хоралов. — Мэри протянула ему пальто. — Выпьем, перекусим, а потом можешь возвращаться и пропахивать тут дорожки в полу сколько душе угодно, пока не установят привязку.

— Я подожду здесь. — Дануорти сверлил взглядом пустую сеть. — Почему Бейсингейм себе в запястье чип не имплантировал? Декан исторического факультета не имеет права брать и уезжать, не оставив даже номера для связи.

Гилкрист выпрямился, отрываясь от застывшего экрана, и похлопал Бадри по плечу. Латимер растерянно заморгал, будто не совсем понимая, где находится. Гилкрист, широко улыбаясь, пожал ему руку и с самодовольным видом напра-

вился к кнопочной панели.

— Пойдем. — Дануорти выхватил из рук Мэри свое пальто и распахнул дверь. По ушам ударили аккорды гимна «Пока пастухи стерегли отары». Мэри пулей выскочила наружу, Дануорти поспешил за ней через внутренний двор колледжа Брэйзноуз к воротам.

На улице оказалось промозгло. Дождь не шел, однако, судя по всему, мог начаться снова в любую минуту, и прохожие, наводнявшие тротуары, считали, видимо, так же. Половина открыла зонтики заранее, на всякий случай. На Дануорти налетела женщина с большим красным зонтом и полными охапками свертков.

— Смотреть надо, куда идете, — буркнула она, не сбавляя ход.

— Дух Рождества, — съязвила Мэри, одной рукой застегивая пальто, а другой придерживая набитый подарками пакет. — Паб вон там, за аптекой. — Она показала подбородком на противоположный тротуар. — Все из-за этого дурацкого трезвона, не иначе. Любое настроение убьет.

Она принялась лавировать в толпе между зонтиками. Дануорти подумал, не накинуть ли пальто, но решил, что ради двух шагов не стоит, и последовал за Мэри, уворачиваясь от зонтов

и одновременно пытаясь отгадать, какой гимн электронные колокола терзают теперь. Видимо, «Джингл белз», хотя на слух больше напоминало помесь рожка, трубящего атаку, и погребального звона.

Мэри застряла на тротуаре напротив аптеки, снова копаясь в своей сумке.

— Что это за жуткое дребезжание? — Она достала складной зонтик. — «О малый город Вифлеем»?

— «Джингл белз», — поделился догадкой Дануорти, шагая на проезжую часть.

— Джеймс! — Мэри схватила его за рукав.

Переднее колесо велосипеда просвистело в нескольких сантиметрах, педаль задела Дануорти по ноге.

— Улицу переходить научитесь! — ругнулся велосипедист, вильнув в сторону.

Дануорти попятился и чуть не сбил с ног шестилетку с мягким Сантой в руках. Мама ребенка испепелила Дануорти взглядом.

— Осторожнее, Джеймс. — Мэри перевела его через дорогу сама.

Пошел дождь. Нырнув под козырек аптеки, Мэри попыталась открыть зонт. На витрине, обрамленной зеленой с золотом мишурой, между

флаконами туалетной воды торчала табличка: «Спасем колокола Марстонской приходской церкви. Пожертвования в благотворительный фонд».

Колокола кончили издеваться над «Джингл белз» или «Малым городом Вифлеемом» и принялись за «Вот волхвы с востока идут» — Дануорти узнал минорную тональность.

Зонт у Мэри никак не раскрывался. Она сунула его обратно в сумку и зашагала по тротуару. Дануорти пустился следом, обходя встречных прохожих, и, миновав писчебумажный и табачный магазины с мигающими красно-зелеными гирляндами, вошел в дверь, которую придерживала для него Мэри.

Очки тут же запотели. Он снял их и принялся протирать о лацканы пальто. Мэри плотно закрыла дверь, погружая расплывчатое коричневое нутро паба в блаженную тишину.

— Ох ты, — огорчилась Мэри. — А я еще уверяла, что они не любители мишуры.

Дануорти надел очки. Полки за барной стойкой перемигивались бледно-зелеными, розовыми и анемично-голубыми огоньками гирлянд. В углу вращалась на подставке искусственная елка.

Больше в узком помещении паба никого не было, кроме корпулентного мужчины за стойкой.

Мэри протиснулась между двумя пустыми столиками в самый угол.

— По крайней мере здесь не слышно трезвона, — водружая сумку на скамью, порадовалась она. — Нет, я сама схожу принесу. Ты сиди. Этот велосипедист тебя чуть не угробил.

Мэри выудила из сумки несколько мятых фунтовых бумажек и отправилась к бару.

— Две пинты горького, — попросила она и обернулась к Дануорти: — Из еды что-нибудь взять? Есть сандвичи и гренки с сыром.

— Заметила, как Гилкрист сиял улыбкой Чеширского кота над терминалом? Даже не обернулся посмотреть, переправилась Киврин или так и лежит полумертвая посреди комнаты.

— И еще хорошего крепкого виски, пожалуй, — дополнила заказ Мэри.

Дануорти сел. На столе пристроился рождественский вертеп с крохотными пластмассовыми овечками и полуголым младенцем в яслях.

— Гилкристу следовало бы перебросить ее непосредственно с раскопа. Расчеты для удаленной переброски в разы сложнее, чем для локальной. Хотя, наверное, надо сказать спасибо, что он ее еще и одномоментной не отправил. Этот оператор-стажер совсем ничего посчитать не мог. Я

боялся, что, заполучив Бадри, Гилкрист решит по такому случаю перекинуть Киврин одномоментно, а не в реальном времени.

Дануорти переставил одну из овечек поближе к пастуху.

— Если он вообще понимает, что это разные вещи. Знаешь, что он ответил на мои просьбы провести хотя бы одну пробную переброску? «Если случится неприятность, мы ведь можем вернуться пораньше во времени и вытащить мисс Энгл еще до происшествия?» То есть он ни малейшего представления не имеет ни о принципах работы сети, ни о временных парадоксах, ни о том, что все происходящее с Киврин в прошлом будет реально и необратимо.

Мэри протиснулась между столиками, неся в одной руке виски, а в другой с трудом удерживая две пинтовые кружки. Виски она поставила перед Дануорти.

— Вот. Прописываю как врач всем пострадавшим в велокатастрофах и всем папашам, страдающим гиперопекой. По ноге заехал?

— Нет.

— Был у меня на прошлой неделе такой же пострадавший. Из ваших, с кафедры XX века. Только что вернулся с Первой мировой. Две недели под

пулями в битве на Марне — и ни царапины, а потом взял и попал под «пенни-фартинг»[2] на Брод-стрит. — Она пошла назад к бару за гренками с сыром.

— Ненавижу притчи, — сказал Дануорти, поднимая пластмассовую фигурку Марии в голубом платье с белым плащом. — Если бы он все-таки послал ее одномоментной, ей хотя бы не грозила смерть от холода. Надо было найти ей что-нибудь потеплее, чем то кроличье одеяльце. Неужели Гилкристу не пришло в голову, что 1320-й — это уже начало Малого ледникового периода?

— Я поняла, кого ты мне напоминаешь, — заявила Мэри, ставя на стол тарелку и салфетки. — Мамашу Уильяма Гаддсона.

Удар ниже пояса. Уильям Гаддсон учился на первом курсе, и его мать за первый семестр успела наведаться в Оксфорд уже шесть раз, первый — чтобы привезти Уильяму меховые наушники.

— Без них он простудится, — объяснила она Дануорти. — Уилли всегда подхватывал простуду в два счета, а уж теперь, вдали от дома, и подавно.

---

[2] Примечания: 1.2

Пенни-фартинг — модель велосипеда, вошедшая в моду в 70-х годах XIX века. Название получила за большую разницу в диаметрах переднего и заднего колеса, напоминавшую разницу между более крупной (пенни) и более мелкой (фартинг) английскими монетами.

Его куратор совершенно о нем не заботится, хотя я неоднократно проводила с ним беседы.

Уилли был крепок, словно дуб, и так же «восприимчив» к простуде.

— Я уверен, что ваш сын не пропадет, — сказал он тогда миссис Гаддсон, совершив тем самым огромную ошибку. Она тут же внесла Дануорти в список тех, кто не желает как следует заботиться об Уилли, но при этом не перестала являться каждые две недели с витаминами и требованием исключить Уилли из команды гребцов, чтобы он не переутомлялся.

— Не надо сравнивать меня с миссис Гаддсон. Гиперопека тут ни при чем. В XIV веке полно разбойников и лиходеев. И еще кого похуже.

— Точно так же миссис Гаддсон отзывалась об Оксфорде, — заявила Мэри, безмятежно отпивая эль. — Я ей на это сказала, что невозможно бесконечно ограждать Уилли от жизни и держать под колпаком. И у тебя не получится оградить Киврин. Ты ведь сам историк, в вашей науке ничего не добьешься, прячась дома под кроватью. Тебе все равно пришлось бы ее отпустить, несмотря на опасности. Любой век тянет на десятку, Джеймс.

— В нашем веке нет чумы.

— Зато была Пандемия, унесшая тридцать пять

миллионов жизней. А в 1320 году чумы в Англии тоже не было. Она дошла до нас только в 1348-м. — Мэри поставила кружку на стол, и фигурка Марии повалилась на спину. — А даже если бы была, Киврин чума не грозит. Я ей вколола противочумную вакцину. — Она печально улыбнулась Дануорти. — У меня тоже случаются приступы миссис-гаддсонита. И потом, чумой Киврин точно не заболеет, потому что именно этого мы и боимся. То, чего боишься, никогда не случается. Случается то, о чем и думать не думаешь.

— Спасибо, утешила. — Дануорти поставил бело-голубую фигурку Марии рядом с Иосифом. Фигурка снова упала, и он осторожно ее поправил.

— Конечно, утешила, Джеймс, — горячо возразила Мэри. — Очевидно же, что ты перебрал все несчастья, которые только могут обрушиться на Киврин. А значит, с ней все в полном порядке. Сидит, наверное, сейчас в замке и обедает фазаньим пирогом — хотя нет, наверное, там время суток отличается от нашего?

Дануорти кивнул.

— Сдвиг будет обязательно — какой величины, одному богу известно, Гилкрист ведь не проводил проверку параметров. По прикидкам Бадри

— несколько дней.

Или несколько недель. И тогда, угодив в середину января, Киврин не сориентируется по церковным праздникам. Но даже при разнице в несколько часов она может оказаться на Оксфордско-Батской дороге глухой ночью.

— Лишь бы не пропустила Рождество, — вздохнула Мэри. — Она так хотела посмотреть средневековую рождественскую службу.

— До Рождества там еще две недели. У них Юлианский календарь. На Григорианский перешли только в 1752 году.

— Знаю. Этот аспект мистер Гилкрист в своей речи тоже осветил. Устроил длинный экскурс в историю календарной реформы и разницу в датах между старым стилем и новым. В какой-то момент я даже подумала, что он сейчас начнет диаграммы рисовать. И какое там сегодня число получается?

— Тринадцатое декабря.

— Может, оно и к лучшему, что мы не знаем точно, какое у нее там время. Когда Дейдра с Колином уезжали на год в Штаты, я с ума сходила от волнения, но все невпопад. Например, мне мерещилось, что Колин попадает под машину по дороге в школу, а у них как раз глухая ночь

стояла. Чтобы страхи сбылись, надо представлять несчастье во всех подробностях, включая погоду и время суток. Я еще немного поволновалась из-за того, что не понимаю, о чем волноваться, а потом успокоилась совсем. Наверное, с Киврин будет то же самое.

Похоже на то. Он действительно представлял Киврин такой, какой запомнил перед отправкой — распростертой среди раскиданных сундуков, — но ведь наверняка все уже изменилось. С момента переброски прошел почти час. Даже если поблизости не появится никакой путник, на дороге лежать холодно, да и не станет Киврин покорно выжидать с закрытыми глазами, очутившись в Средневековье, это просто невозможно.

Он сам, впервые попав в прошлое, тоже не стоял столбом. Его переместили глухой ночью во внутренний двор колледжа, велев не сходить с места, пока сеть не откроется снова. Но разве устоишь смирно, когда ты в Оксфорде 1956 года и знаешь, что с привязкой будут возиться минут десять, не меньше? Он промчался четыре квартала по Брод-стрит — посмотреть на старую Бодлеинку — и чуть не довел оператора до инфаркта, опоздав к открытию сети.

И Киврин не станет столько времени лежать с

закрытыми глазами, когда вокруг раскинулось Средневековье. Дануорти вдруг увидел ее воочию, как она стоит в своем непрактичном белом плаще на Оксфордско-Батской дороге, готовая в любую секунду шлепнуться обратно на землю при виде ничего не подозревающего путника, а сама при этом восторженно шепчет в молитвенно сложенные ладони обо всем, что происходит вокруг. Беспокойство тут же отступило.

Ничего, через две недели она пройдет через сеть обратно, закутанная в потрепанный и перепачканный плащ, и расскажет тысячи леденящих душу историй со счастливым концом, которые еще не одну неделю будут преследовать его в ночных кошмарах.

— Ты же знаешь, Джеймс, с ней все будет отлично, — нахмурившись, повторила Мэри.

— Знаю. — Он сходил к бару и принес им еще по полпинты. — Во сколько, ты сказала, твой внучатый племянник приезжает?

— В три. Он сюда на неделю, а я понятия не имею, что с ним делать. Кроме как беспокоиться, конечно. Наверное, можно сводить его в музей Ашмола… Дети ведь любят музеи? Плащ Покахонтас и прочие диковинки?

Дануорти вспомнил плащ Покахонтас — за-

скорузлый кусок серой тряпки, напоминающей оттенком злосчастный шарф.

— Я бы предложил Музей естествознания.

В паб ворвались дребезжащие аккорды «Динь-дон слышно в вышине». Дануорти в тревоге оглянулся на дверь. На пороге стоял его секретарь, близоруко щурясь в полумрак.

— Может, запустить Колина в башню Карфакс, чтоб испортил карильон? — высказала Мэри крамольную мысль.

— Это Финч. — Дануорти вскинул руку, привлекая его внимание, но тот уже и сам направлялся к их столу.

— Я вас везде ищу, сэр. У нас нелады.

— С привязкой?

— С привязкой? — недоуменно переспросил секретарь. — Нет, сэр. С американками. Они прибыли слишком рано.

— Какие еще американки?

— Звонари. Из Колорадо. Женская гильдия мастеров переменного звона Западных штатов.

— Еще колокола? Нам своих мало, хотите сказать? — воскликнула Мэри возмущенно.

— Я думал, они двадцать второго приезжают, — удивился Дануорти.

— Сегодня и есть двадцать второе, — отве-

тил Финч. — Должны были приехать днем, но концерт в Эксетере отменили, поэтому они опережают график. Я позвонил на кафедру медиевистики, и Гилкрист сказал, что, видимо, вы пошли праздновать. — Он покосился на пустую кружку Дануорти.

— Я не праздную. Я жду, пока будет готова привязка на мою практикантку. — Он взглянул на часы. — Еще не меньше часа ждать.

— Вы обещали устроить им экскурсию по местным колокольням, сэр.

— Правильно, зачем тут сидеть? — подхватила Мэри. — Я могу позвонить тебе в Баллиол, когда установят привязку.

— Вот когда установят, тогда я с ними и встречусь, — не сдавался Дануорти. — Поводите гостей по колледжу, а потом накормите обедом. Как раз около часа и выйдет.

Финча предложение не обрадовало.

— Они здесь только до четырех. Вечером у них концерт на ручных колокольцах в Или, и они очень хотели посмотреть колокола в Крайст-Чёрч.

— Так и сводите их в Крайст-Чёрч. Покажите «Большого Тома». Поднимитесь на башню Святого Мартина. Или в Нью-Колледж. А я приду сразу

как освобожусь.

Финч хотел уточнить что-то еще, но передумал.

— Я скажу им, что вы через час подойдете, сэр. — Он направился к двери, однако с полдороги вернулся. — Да, чуть не забыл, сэр. Звонил викарий, интересовался, будете ли вы читать из Евангелия на межконфессиональной рождественской службе. В этом году она проводится в церкви Святой Девы Марии.

— Передайте, что буду, — кивнул Дануорти, радуясь, что Финч наконец отстал от него со звонарями. — И еще попросите, чтобы пустил нас днем на колокольню, когда я приведу этих американок.

— Да, сэр. Может быть, свозить их в Иффли? Там чудесные образцы XI века.

— Непременно, — согласился Дануорти. — В Иффли обязательно. А я как только, так сразу.

Финч открыл рот и тут же закрыл.

— Да, сэр, — сказал он и вышел на улицу под аккомпанемент хорала «Падуб и плющ».

— Что-то ты с ним слишком сурово, не находишь? — спросила Мэри. — Американцы вообще-то страшные люди.

— Вот увидишь, через пять минут он вернется

спросить, в Крайст-Чёрч сначала вести или куда. Никакой инициативы у человека.

— Я думала, тебе как раз это в молодежи и нравится, — съязвила Мэри. — Зато не сбежит в Средневековье.

Дверь открылась, снова впуская внутрь «Падуб и плющ».

— Вот и Финч, с животрепещущим вопросом, чем кормить звонарей на обед.

— Паровым мясом и разваренными овощами, — подсказала Мэри. — Американцы любят рассказывать страшилки про нашу кухню. Ох, боже.

Дануорти обернулся. На пороге в ореоле хмурого уличного света стояли Гилкрист и Латимер. Гилкрист, широко улыбаясь, что-то говорил, перекрикивая колокольный перезвон. Латимер сражался с большим черным зонтом.

— Наверное, надо проявить вежливость и пригласить их к нам? — предположила Мэри.

Дануорти потянулся за пальто.

— Проявляй, если хочешь. Я не собираюсь слушать, как эти двое поздравляют друг друга с тем, что отправили зеленую студентку к черту на рога.

— Ты снова заговорил как сам-знаешь-кто.

Случись что серьезное, они бы сюда не пришли. Наверное, Бадри закончил с привязкой.

— Рановато как-то, — усомнился Дануорти, но все же сел на место. — Скорее, он их выгнал, чтобы не торчали над душой.

Гилкрист, видимо, заметил вставшего Дануорти и развернулся, собираясь выйти, но Латимер уже подходил к столу. Гилкрист направился следом, стирая улыбку с лица.

— Есть привязка? — спросил Дануорти.

— Привязка? — не понял Гилкрист.

— Да, привязка. Местоположение Киврин во времени и пространстве, дающее возможность забрать ее потом оттуда.

— Ваш оператор говорит, что для определения координат ему нужен еще как минимум час, — процедил Гилкрист. — Он всегда так копается? Сказал, что придет за нами, когда все будет готово, но по предварительным показателям переброска прошла успешно, и сдвиг получился минимальный.

— Отлично! — с облегчением выдохнула Мэри. — Присаживайтесь. Мы тут пропустили по пинте в ожидании привязки. Заказать вам что-нибудь? — спросила она Латимера, который застегивал укрощенный зонт.

— Почему бы и нет? — согласился Латимер. — В конце концов, сегодня великий день. Капельку бренди, пожалуй. «И доброе вино на стол поставил, и текло оно весь вечер за веселым разговором»[3]. — Он принялся вылавливать хвостик застежки, запутавшейся в спицах зонта. — Наконец у нас появилась возможность воочию наблюдать отмирание флексий у прилагательных и переход к именительному единственного числа.

«Великий день», — не удержался от сарказма Дануорти, но и он почувствовал невольное облегчение. Сдвиг, вот что его беспокоило. Это самый непредсказуемый аспект переброски, даже с проверкой параметров. Теоретически сдвиг служит защитным механизмом, оберегающим время от парадоксов. С помощью сдвига вперед во времени сеть предотвращает столкновения, встречи, поступки, способные повлиять на ход истории, аккуратно пронося путешественника мимо того момента, когда он мог бы застрелить Гитлера или спасти тонущего ребенка.

Однако определять эти критические моменты и рассчитывать, каким окажется сдвиг в данной

---

[3] Примечания: 1.3

Цитата из «Кентерберийских рассказов» Д. Чосера. — Здесь и далее цитируется в переводе И. Кашкина, О. Румера, Т. Поповой.

конкретной переброске, теория сети так и не научилась. Какую-то вероятность дает проверка параметров, но Гилкрист ведь обошелся без проверки. А значит, Киврин могло сместить и на две недели, и на месяц. Чего доброго угодила в апрель в своем меховом плаще и зимнем киртле.

С другой стороны, Бадри прогнозировал минимальный сдвиг. Тогда разница составит пару дней, и у Киврин будет уйма времени определиться в числах и прибыть на стыковку в назначенный срок.

— Мистер Гилкрист, — услышал он голос Мэри, — вам бренди заказать?

— Нет, спасибо.

Мэри выудила еще одну смятую банкноту и пошла к бару.

— Ваш оператор вроде бы справляется успешно, — заявил Гилкрист. — Кафедра медиевистики согласна подрядить его и на следующую переброску. Мы хотим отправить мисс Энгл в 1355 год, пронаблюдать последствия чумы. Исторические источники в этом отношении абсолютно ненадежны, особенно когда речь заходит о показателях смертности. Принятая цифра в пятьдесят миллионов погибших не выдерживает никакой критики, как и подсчеты, согласно которым чума

выкосила от одной трети до половины населения Европы. Очень хотелось бы, чтобы мисс Энгл посмотрела на это профессиональным взглядом.

— А вы не слишком торопите события? — спросил Дануорти. — Может, пусть Киврин сперва вернется живой или хотя бы благополучно прибудет в 1320 год?

Гилкрист оскорбился.

— Мне кажутся крайне несправедливыми ваши бесконечные намеки, будто медиевистика не способна провести студенческую практику. Уверяю вас, мы все тщательно продумали. Все аспекты путешествия Киврин просчитаны до мельчайших подробностей. Вероятностный расчет оценивает частоту появления путников на Оксфордско-Батской дороге в один и шесть десятых часа, а правдоподобие рассказа Киврин о нападении разбойников — в девяносто два процента, поскольку тогда такие нападения случались сплошь и рядом. Вероятность ограбления путника в Оксфордшире — сорок два с половиной процента зимой, пятьдесят восемь и шесть десятых процента летом. В среднем, разумеется. В определенных частях Отмура и Вичвуда, а также на второстепенных дорогах шансы подвергнуться нападению значительно возрастали.

Откуда, интересно, такие результаты? В «Книге Страшного суда» не перечислены воры (за возможным исключением ее составителей, королевских переписчиков, которые иногда не только переписывали, но и прибирали к рукам все, что плохо лежит), а разбойники той поры вряд ли вели учет ограбленных и убитых, аккуратно отмечая места на карте. Догадаться о том, что кто-то погиб в пути, можно было исключительно де-факто: уехал и не вернулся. А сколько народу обрело вечный покой в глухом лесу, без могилы и надгробия…

— Будьте уверены, мы приняли все необходимые меры, чтобы обезопасить Киврин, — заявил Гилкрист.

— Провели проверку параметров? Пробные переброски, тесты на симметрию?

Вернулась Мэри.

— Прошу вас, мистер Латимер. — Она поставила перед ним стакан с бренди и села рядом, повесив мокрый зонт старика на спинку скамьи.

— Я тут убеждаю мистера Дануорти, что все аспекты переброски нами досконально изучены и просчитаны. — Гилкрист взял фигурку волхва с позолоченным ларцом. — Например, окованный медью ларчик в пожитках — точная копия

ларца с драгоценностями из музея Ашмола. — Он вернул волхва на место. — Даже вымышленное имя мисс Энгл — результат кропотливых исследований. Изабель чаще остальных женских имен упоминается в свитках тяжб и королевском реестре с 1295 по 1320 год.

— На самом деле это искаженная форма имени Елизавета, — провозгласил Латимер, словно с лекционной кафедры. — Оно получило широкое распространение в Англии начиная с XII века и предположительно ведет начало от Изабеллы Ангулемской, супруги короля Иоанна.

— Киврин, насколько я знаю, подстраивалась под реально существующего исторического персонажа — Изабель де Боврье, дочь знатного йоркширского феодала, — сказал Дануорти.

— Правильно, — подтвердил Гилкрист. — У Жильбера де Боврье было четыре дочери подходящего возраста, но их имена не значились в свитках. Обычная практика. Женщин часто указывали только по фамилии и степени родства, даже в приходских книгах и на надгробиях.

Мэри успокаивающе похлопала Дануорти по руке.

— А почему вы выбрали Йоркшир? — поспешно спросила она. — Не слишком ли далеко знатная

девица забралась от родных мест?

«Она в семи сотнях лет от родных мест, — подумал Дануорти. — В том веке, где женщина не удостаивалась даже имени на могиле».

— Так предложила сама мисс Энгл, — пояснил Гилкрист. — Чтобы никто не попытался связаться с ее родными.

Или увезти «в отчий дом», за многие мили от места переброски. Киврин предложила. Наверное, все остальное тоже придумала она, перелопатив горы казначейских свитков и приходских книг в поисках семьи с дочерью подходящего возраста, не приближенной ко двору, живущей достаточно далеко в ист-райдингской глуши, чтобы снег и непроезжие дороги помешали доброму вестнику сообщить семейству Боврье о благополучном скором возвращении потерянной дочери.

— Медиевистика уделила такое же пристальное внимание и прочим деталям переброски, — продолжал Гилкрист. — К примеру, предлог, под которым она отправилась в дальнюю дорогу — болезнь брата. Мы удостоверились, что в 1319 году в этой части Глостершира свирепствовал грипп, хотя могли бы не трудиться понапрасну — в Средние века болезни были частым явлением, и он с таким же успехом мог подхватить холеру

или заражение крови.

— Джеймс… — предостерегла Мэри.

— Наряд мисс Энгл сшит вручную. Голубая ткань для платья также окрашена вручную с помощью вайды — по средневековому рецепту. И мисс Монтойя тщательно исследовала деревню Скендгейт, где Киврин проведет эти две недели.

— Если доберется, — вставил Дануорти.

— Джеймс…

— Как вы помешаете доброму путнику, появляющемуся на дороге с вероятностной частотой в одну и шесть десятых часа, сдать Киврин в монастырь в Годстоу или в лондонский бордель — или объявить ведьмой, увидев ее появление из ниоткуда? Как вы убедитесь, что добрый путник на самом деле добрый, а не разбойник, нападающий на сорок два с половиной процента проезжающих?

— Согласно вероятностным расчетам, шанс появления кого-то вблизи места переброски составляет не более четырех сотых процента.

— Ой, смотрите, вот и Бадри! — Мэри встала между Гилкристом и Дануорти. — Как вы быстро управились. Все в порядке с привязкой?

Бадри пришел без пальто, в мокром лабораторном халате.

— Вы совсем продрогли, — забеспокоилась Мэри, глядя на его осунувшееся от холода лицо. — Идите сюда, садитесь. — Она показала на свободное место рядом с Латимером. — Я принесу бренди.

— Сделал привязку? — спросил Дануорти.

— Да. — У промокшего Бадри зуб на зуб не попадал.

— Молодец! — Гилкрист, поднявшись, хлопнул его по плечу. — А говорили, еще около часа понадобится. По такому случаю нужен тост. У вас найдется шампанское? — крикнул он бармену и, снова хлопнув Бадри по плечу, направился к бару.

Бадри уставился ему вслед, дрожа и растирая озябшие плечи. Вид у него был какой-то рассеянный, отсутствующий.

— Ты точно установил привязку? — переспросил Дануорти.

— Да, — не отрывая взгляда от Гилкриста, ответил Бадри.

Мэри вернулась за стол, неся бренди.

— Вот, держите, грейтесь. Как врач рекомендую.

Бадри, нахмурившись, уставился на стакан, будто не вполне понимая, что перед ним. Зубы у

него по-прежнему стучали.

— Что такое? — забеспокоился Дануорти. — С Киврин все в порядке?

— Киврин, — глядя на стакан, повторил Бадри, а потом вдруг будто очнулся и поставил бренди на стол. — Пойдемте со мной. — Он начал проталкиваться между столиками к двери.

— Что случилось? — Дануорти вскочил. Фигурки в вертепе попадали, а одна из овец, прокатившись по столу, свалилась на пол.

Бадри открыл дверь под «Возрадуйтесь, добрые христиане!» в колокольном исполнении.

— Бадри, подождите, мы же хотели тост! — окликнул его Гилкрист, вернувшийся с бутылкой и охапкой бокалов.

Дануорти потянулся за пальто.

— Что такое? — всполошилась Мэри, хватая свою сумку. — Не получилась привязка?

Дануорти не ответил. Сграбастав пальто, он поспешил за Бадри. Оператор уже прошагал половину улицы, продираясь сквозь прохожих, будто не замечая их вовсе. Дождь лил стеной, но Бадри не замечал и его. Дануорти кое-как набросил пальто и вклинился в толпу.

Что-то случилось. Либо все-таки сдвиг, либо стажер напутал в расчетах. Или какая-то поломка

в самой сети. Хотя там и безопасность, и фильтры, и отмены. Нет, если технический сбой в сети, Киврин просто не переместилась бы. А Бадри сказал, что привязка установлена.

Значит, сдвиг. Это единственная накладка, которая не прервала бы переброску.

Бадри перешел улицу, едва не попав под велосипед. Дануорти протиснулся между двумя женщинами с магазинными пакетами даже обширнее, чем у Мэри, перешагнул через вест-хайленд-уайт-терьера на поводке и отыскал взглядом Бадри на два дома впереди.

— Бадри! — позвал он. Оператор обернулся и врезался прямо в женщину средних лет с большим цветастым зонтом.

Она шла согнувшись, выставив зонт против ветра, и тоже не увидела Бадри. Зонт, расписанный лавандовыми фиалками, вывернулся наизнанку и полетел на тротуар, под ноги шагавшему напролом Бадри.

— Смотрите, куда идете! — сердито отчитала его женщина, хватая зонт за край. — Разве можно здесь так носиться?

Бадри посмотрел на нее, потом на зонт тем же отсутствующим взглядом, что и в пабе, но затем, извинившись, нагнулся за зонтом. Несколько

секунд они с двух сторон сражались с фиалковым полем, пока Бадри наконец не подцепил зонт за ручку, не вывернул обратно и не подал хозяйке, раскрасневшейся то ли от ярости, то ли от холода.

— Извините?! — возмущенно передразнила она, поднимая ручку зонта над головой, словно собираясь обрушить ее на Бадри. — Это все, что вы можете сказать?

Он рассеянно провел рукой по лбу, а потом, как и в пабе, словно очнулся, и снова припустил почти бегом. В ворота Брэйзноуза, через внутренний двор, в боковую дверь лаборатории и по галерее в помещение сети. Когда Дануорти вошел, Бадри уже сгорбился за терминалом, хмурясь на экран.

Дануорти боялся, что увидит там сплошной «снег» или, хуже того, черноту, но на экране шли ровные колонки цифр и матрицы.

— Привязка установлена? — спросил Дануорти, пытаясь отдышаться.

— Да. — Бадри перестал хмуриться, однако смотрел по-прежнему отрешенно, словно ему стоило больших сил сосредоточиться. — Когда… — начал он и, затрясшись в ознобе, будто забыл, что хотел сказать.

Хлопнула стеклянная дверь, в лабораторию

вошли Гилкрист и Мэри, а за ними Латимер, складывающий зонт.

— Что такое? Что случилось? — спросила Мэри.

— Что «когда», Бадри? — теребил его Дануорти.

— Я сделал привязку. — Оператор повернулся к экрану.

— Это она и есть? — Гилкрист навис у него над плечом. — И что значат все эти символы? Переведите для несведущих.

— Когда было что? — повторил Дануорти.

Бадри потер лоб рукой.

— Что-то не так.

— Что именно? — воскликнул Дануорти. — Сдвиг? Там получился сдвиг?

— Сд-д-двиг? — едва выговорил оператор, выбивая зубами дробь.

— Бадри. — Мэри наклонилась к нему. — С вами все хорошо?

Тот снова посмотрел своим блуждающим взглядом, словно обдумывая ответ.

— Нет, — наконец выдавил он и повалился ничком на пульт.

Глава третья

Перемещение сопровождал колокольный звон. Высокий и дребезжащий, как в тех фоновых подборках, которые непрерывно играли на рождественской Хай-стрит. Предполагалось, что лаборатория звукоизолирована, но каждый раз, когда кто-то открывал наружную дверь на галерею, до Киврин доносились призрачные отголоски рождественских гимнов.

Сперва пришла доктор Аренс, потом мистер Дануорти, и оба раза Киврин пугалась, что они сейчас возьмут и никуда ее не пустят. Доктор Аренс еще в лечебнице чуть не отменила переброску, когда след от прививки у Киврин на руке распух в огромную красную блямбу.

— Никаких переброс, пока не спадет вздутие, — заявила доктор Аренс и отказалась ее выписывать. На самом деле рука еще чесалась, но доктор Аренс об этом знать не должна, иначе она скажет мистеру Дануорти, который и так панику наводит с тех самых пор, как узнал, что Киврин отправляется в прошлое.

«Я ведь ему еще два года назад сказала, что хочу туда». Два года! И все равно, когда вчера она

пришла хвастаться своим нарядом, Дануорти попытался ее отговорить.

— Мне не нравится, как организует переброску кафедра медиевистики, — заявил он. — Даже если они действительно просчитали все накладки, нечего молодой девушке делать в Средневековье одной.

— Все продумано, — убеждала Киврин. — Я Изабель де Боврье, дочь Жильбера де Боврье, дворянина, жившего в Ист-Райдинге с 1276-го по 1332-й.

— И как дочь йоркширского дворянина очутилась в одиночку на Оксфордско-Батской дороге?

— Не в одиночку. Я ехала со своими слугами в Ившемский монастырь за больным братом, и на нас напали разбойники.

— Разбойники… — Дануорти заморгал на нее сквозь очки.

— Вы же сами говорили, что женщины в Средние века никуда не ездили одни, только в сопровождении. Вот, меня сопровождали, но слуги бросились наутек, а разбойники забрали лошадей и все мое добро. Мистер Гилкрист считает, что легенда вполне правдоподобная. По его словам, вероятность…

— Еще бы не правдоподобная. В Средневековье

на каждом шагу сплошные разбойники и воры.

— Знаю, — нетерпеливо отмахнулась она. — А еще разносчики заразы, мародерствующие рыцари и прочие лиходеи. Хороших людей в Средние века, я так понимаю, вообще не водилось?

— Этим некогда было, они ведьм жгли.

Киврин решила сменить тему.

— Я хотела показать вам свой наряд. — Она медленно повернулась на месте, демонстрируя голубой киртл и белый подбитый мехом плащ. — А волосы распущу перед переброской.

— Глупо отправляться в Средневековье в белом. Только перепачкается.

Сегодня утром лучше не стало. Мистер Дануорти мерил узкую галерею шагами, как молодой папаша в приемном покое роддома. Киврин до последнего боялась, что он вдруг возьмет и все отменит.

Отправка откладывалась и откладывалась. Мистеру Гилкристу вдруг вздумалось еще раз объяснить ей, как работает «Книга Страшного суда» — можно подумать, она первокурсница. Никто в нее не верил, кроме, пожалуй, Бадри, да и тот что-то там все высчитывал и пересчитывал, вымерял и перемерял, а один раз даже стер целый набор координат и ввел заново.

Киврин уже стало казаться, что ее так и не позовут на позицию, а когда все-таки позвали, стало еще хуже — лежать с закрытыми глазами и гадать, что происходит. Латимер вдруг засомневался, правильное ли написание имени Изабель они выбрали — как будто в те времена все умели читать и уж тем более писать. Потом над ней нависла Монтойя и начала рассказывать — в двадцать пятый раз, — как узнать Скендгейт по церкви с фресками Страшного суда.

Кто-то (видимо, Бадри, поскольку он единственный не давал никаких наставлений) чуть-чуть передвинул ее руку и поправил подол юбки. Лежать на полу был жестко, и какой-то острый угол впивался под ребра. Мистер Гилкрист что-то сказал, затем снова раздался колокольный звон.

«Пожалуйста, — молила Киврин, — ну, пожалуйста!» Вдруг доктор Аренс решила вколоть ей еще прививку, или Дануорти сбегал на исторический факультет и добился, чтобы категорию снова повысили до десятки?

Дверь, видимо, так и не закрыли — колокольный звон не утихал, хотя мелодию никак не удавалось разобрать. Нет, это не мелодия. Это размеренный набат. Когда он замолк, а потом возобновился, Киврин поняла: «Я на месте».

Она лежала на левом боку, неуклюже подогнув ноги, — предполагается, что она упала как подкошенная от удара напавших на ее повозку разбойников, закрываясь рукой от свинчатки, рассекшей висок. Из-под руки она сможет незаметно подглядывать, когда откроет глаза, но пока она их не открывала, только прислушивалась, не шевелясь.

Кроме колокола, больше никаких звуков. Если она посреди дороги в XIV веке, то должны быть слышны и птицы, и белки. Наверное, они притихли, напуганные ее появлением или мерцанием сети, которая на несколько минут рассеивала в воздухе искрящуюся, будто иней, взвесь.

Наконец послышалась птичья трель, потом еще одна. Что-то прошуршало, замерло и зашуршало снова. Средневековая лесная мышь или белка. Теперь более слабый шелест, наверное, ветер в ветвях, хотя дуновения Киврин не чувствовала, и где-то далеко-далеко приглушенный звон колокола.

Что он значит? Звонят к вечерне? Или к заутрене? Бадри говорил, что не может спрогнозировать величину сдвига. Он просил отложить переброску, чтобы провести ряд проверок, однако мистер Гилкрист сослался на вероятностный

расчет, предсказавший сдвиг максимум в шесть целых четыре десятых часа.

Пока неизвестно, какое здесь время суток. Из подготовительной Киврин вышла без четверти одиннадцать — спросила у мисс Монтойи, увидев, как та в очередной раз смотрит на свои электронные часы, — но сколько они провозились потом, непонятно. Такое впечатление, что вечность.

Переброску планировали на полдень. Если перемещение произошло вовремя и вероятностные расчеты не ошиблись насчет максимального сдвига, то сейчас часов шесть вечера. Тогда для вечерни слишком поздно. А если это все-таки вечерня, почему колокол все еще вызванивает?

Он может звонить и на службу, и на похороны, и на венчание. В Средневековье колокола звонили почти непрерывно, возвещая о вторжениях и пожарах, помогая заблудившимся детям найти дорогу к дому и даже отгоняя грозы. Мало ли почему он звонит.

Мистер Дануорти, ни секунды не сомневаясь, назвал бы этот звон похоронным. «Продолжительность жизни в XIV веке составляла тридцать восемь лет, — сказал он, когда Киврин впервые выразила желание отправиться в Средневековье. — И то, если не помрешь от холеры, оспы и

заражения крови, если не отравишься гнилым мясом или грязной водой и не попадешь под лошадь. И тебя не сожгут на костре как ведьму».

«Или не погибнешь от холода», — подумала Киврин. Ее уже начало пробирать, хотя она пролежала тут всего ничего. Острый угол, впивающийся в бок, казалось, просверлил ребра и подбирался к легкому. Мистер Гилкрист велел вылежать несколько минут, а потом неуверенно подняться на ноги, будто приходя в себя. Киврин решила, что несколько минут будет маловато, учитывая данные вероятностных расчетов о проходимости здешних дорог. Ждать какого-нибудь путника явно придется подольше, и она не собиралась упускать преимущество мнимой потери сознания.

Ведь это действительно преимущество, как бы там мистер Дануорти ни уверял, что половина Англии набросится на лежащую без чувств женщину с целью изнасиловать, а вторая половина потащит ее на костер как ведьму. Если Киврин будет в сознании, спасители начнут задавать вопросы. Если же она будет лежать в отключке, они начнут строить предположения сами — обсуждать, куда ее везти, гадать, кто она и откуда. И это куда информативнее, чем «Кто вы такая?» в лоб.

Но теперь ей все отчаяннее хотелось сделать именно так, как советовал мистер Гилкрист, — встать и оглядеться. От земли тянуло холодом, в боку кололо, а голова начинала гудеть в такт колоколу. Все как предупреждала доктор Аренс. Перемещение в такое далекое прошлое вызывает симптомы, сходные с перемещением между часовыми поясами — головную боль, бессонницу и сбой суточных ритмов. Киврин почувствовала, что мерзнет. Это что, тоже из-за разницы во времени или земля такая остывшая, что даже подбитый мехом плащ не спасает? Или сдвиг получился больше расчетного, и сейчас на самом деле глухая ночь?

Кстати, если она угодила точно на дорогу, то отсюда определенно надо уходить. Иначе в темноте ее затопчет несущийся всадник или переедет повозка — под боком чувствовалась тележная колея.

Только ведь ночью колокола не звонят, да и судя по тому, сколько света проникает сквозь сомкнутые веки, вряд ли сейчас ночь. Но если это все-таки вечерня, то дело к закату, поэтому лучше встать и осмотреться, пока совсем не стемнело.

Она снова прислушалась — к щебету птиц, к шелесту ветра в ветвях, к ровному шороху. Коло-

кол умолк, оставив в воздухе эхо, и где-то рядом послышался едва уловимый звук — будто затаенное дыхание или шарканье ступни по мягкой земле. Совсем рядом.

Киврин сжалась, надеясь, что под плащом это невольное движение останется незаметным, и застыла в ожидании, но никаких шагов и голосов не последовало. Птицы тоже стихли. Кто-то стоял прямо над ней. Она слышала, чувствовала его присутствие. Этот кто-то простоял не шевелясь довольно долго. Когда прошла целая вечность, Киврин поймала себя на том, что тоже старается не дышать, и осторожно, медленно выдохнула. Потом прислушалась, но ничего не уловила, кроме стука собственного сердца. Тогда она издала протяжный вздох и застонала.

Ничего. Незваный гость не шелохнулся. Прав был мистер Дануорти, глупо прикидываться лежащей без чувств в том столетии, когда по лесам еще рыскали волки. И медведи. Но тут птицы вдруг запели снова, а значит, либо это все-таки был не волк, либо волк ушел. Киврин еще раз прислушалась и открыла глаза.

Она увидела только свой рукав, закрывающий лицо, но виски все равно заломило от света. Снова смежив веки, Киврин слабо простонала и поше-

велилась, подвинув руку, чтобы в следующий раз хоть что-то разглядеть. Потом затрепетала ресницами и сделала вторую попытку «очнуться».

Никто над ней не стоял, и до глухой полночи тоже было далеко. Через путаницу веток просвечивало серо-голубое бледное небо. Киврин приподняла голову и осмотрелась.

Первое, что сказал ей мистер Дануорти, услышав о намерении отправиться в Средневековье, было: «Там сплошная грязь и антисанитария, это выгребная яма истории, и чем раньше вы выкинете из головы свои сказочные образы, тем лучше».

Он был прав. Конечно, прав. Но лес вокруг и впрямь казался сказочным. Киврин со своей повозкой и скарбом очутилась посреди крошечного просвета, слишком маленького и темного, чтобы называться поляной. Над головой смыкались раскидистые кроны.

Киврин лежала под дубом. На голых ветках в вышине зацепилось несколько пожухлых листьев и темнело множество гнезд, хотя птицы снова притихли, испуганные неожиданным шевелением. Землю покрывал толстый лиственно-травяной ковер — против ожидания, совсем не мягкий. То твердое, что впивалось в бок, ока-

залось шляпкой желудя. У скрюченных корней дуба притаилась россыпь белых в красную крапинку грибов. Вся полянка — стволы деревьев, повозка, грибы, плющ — искрилась морозным инеем сети.

Ясно, что никто сюда не забредал, ни сейчас, ни раньше, и что это никакая не Оксфордско-Батская дорога, а значит, никакой путник не появится здесь с регулярностью в одну и шесть десятых часа. Если вообще появится. Судя по всему, насчет точности средневековых карт, по которым высчитывалось место переброски, мистер Дануорти тоже не ошибся. Дорога явно дальше к северу по сравнению с тем, что говорит карта, а она, Киврин, угодила в Вичвудский лес.

«Сразу же определите свое пространственно-временное положение», — инструктировал мистер Гилкрист. Как, интересно, она должна его определить? Спросить у птиц? Отсюда, снизу, не поймешь, кто там сидит в ветвях, да и массовое вымирание началось только в 1970-х. Если это не странствующие голуби и не дронты, их биологический вид и род ей все равно не подскажет ни времени, ни места.

Киврин привстала, и тишина взорвалась громким хлопаньем крыльев. Она замерла, дожидаясь,

пока утихнет шум, потом осторожно приподнялась на колени. Крылья захлопали снова. Тогда она сжала ладони вместе и закрыла глаза, чтобы у случайного путника создалось впечатление, что она молится.

— Я здесь, — начала Киврин и замолчала. Если сообщить, что она приземлилась в лесной чаще вместо Оксфордско-Батской дороги, мистер Дануорти только уверится в некомпетентности мистера Гилкриста и в ее собственной беспомощности. Хотя нет, ерунда — запись ведь будут прослушивать уже после ее благополучного возвращения.

Только маловероятно, что оно будет благополучным, если так и сидеть в лесу всю ночь. Киврин встала и осмотрелась. Либо предзакатные сумерки, либо очень раннее утро, тут не поймешь, и по солнцу вряд ли определишь, даже если выбраться туда, где хорошо просматривается небо. Мистер Дануорти предупреждал, что иногда историки, попадая в прошлое, так и кружили до самого возвращения, не в силах разобраться. Ориентироваться по солнцу Киврин в итоге научилась, но для этого нужно знать, который час, а тратить время на выяснение, где север и где юг, сейчас некогда. Надо выбираться.

Лес уже почти целиком погрузился в тень.

Никаких признаков дороги или хотя бы тропинки. Киврин обошла вокруг повозки, выискивая просвет. К западу деревья редели, но когда она двинулась в ту сторону, оглядываясь на каждом шагу и проверяя, не пропал ли из виду выцветший голубой тент повозки, просвет оказался всего лишь березняком, белеющим в сумерках. Киврин вернулась к повозке и пошла в противоположном направлении, хотя лес там был гуще.

Идти пришлось всего каких-нибудь ярдов сто. Киврин перелезла через поваленный ствол, продралась через заросли вербы и выглянула на дорогу. Большую дорогу, как сулили вероятностные расчеты. Но на большую она не тянула. Да и на дорогу не тянула. Скорее, утоптанная тропа. Возможно, коровья. Вот, значит, какие они, знаменитые большие дороги Средневековья, развивающие торговлю и открывающие новые горизонты…

Повозка здесь, может, и протиснется, но только одна. Впрочем, одна здесь проезжала точно — судя по глубоким колеям, в которые намело опавших листьев. Кое-где в колеях и у края дороги чернела вода, местами стянутая ледяной коркой.

Киврин стояла в лощине. Дорога пересекала

ее поперек, взбираясь вверх в обе стороны, и к северу (кажется) лес доходил только до середины холма. Киврин повернулась туда, откуда вышла. За деревьями голубым лоскутком мелькнула повозка — но кто здесь будет приглядываться? Дорога в обоих направлениях терялась в лесу и сужалась — идеальное место для нападения разбойников и грабителей. Заготовленная легенда получится как нельзя более правдоподобной, только вот вряд ли спешащие всадники будут останавливаться в этом узком месте, а если заметят голубой лоскуток в чаще, сразу пришпорят коней, решив, что там кто-то притаился в засаде.

До Киврин постепенно доходило, что, рыская по кустам, она куда больше похожа на головореза, чем на невинную деву, которую недавно стукнули по голове.

Она шагнула на дорогу и стала потирать висок.

— Услышьте, люди добрые! Постигла меня беда неминучая! — крикнула она.

Переводчик должен был автоматически переводить ее слова на средневековый английский, но мистер Дануорти настоял, чтобы первые фразы она выучила наизусть. Вчера они с Латимером до вечера отрабатывали произношение.

— Обороните! Живота лишают супостаты!

Она подумала, не улечься ли опять на дорогу, но на открытом месте стало ясно, что дело гораздо ближе к вечеру, чем ей казалось, солнце уже садится, и если она хочет посмотреть, что там на вершине холма, лучше поторапливаться. Однако сперва надо как-то отметить точку переброски.

Вербы вдоль дороги ничем не выделялись. Киврин поискала взглядом какой-нибудь камень, чтобы оставить напротив голубеющего сквозь ветки лоскутка, но в зарослях придорожной травы ничего похожего не нашла. Тогда она пробралась через чащу обратно к повозке, цепляясь волосами и плащом за ветки, взяла окованный медью ларчик (точную копию экспоната из музея Ашмола) и положила у края дороги.

Не идеал, конечно. Ларец слишком маленький, его могут запросто прихватить с собой, но она ведь недалеко направляется, всего лишь на холм, а перед тем как идти до ближайшей деревни, вернется и сделает более надежную метку. В ближайшее время здесь точно никто не появится. Колея промерзла насквозь, листья лежат нетронутыми, корка льда на лужах цела. По этой дороге за весь день ни один человек не проезжал, а может, и за неделю.

Киврин взлохматила траву вокруг ларца, скрывая его от ненужных глаз, положила сверху ветку и начала взбираться на холм. Дорога, если не считать замерзшей грязной выбоины внизу, оказалась куда ровнее и утоптаннее, чем она ожидала, а значит, лошади тут все-таки скакали, несмотря на неезженый вид.

Подъем был не слишком крутым, но Киврин устала уже через несколько шагов, и виски снова заломило. Если эта разница во времени даст себя знать посильнее — пиши пропало, слишком далеко отсюда жилье и люди. А может, просто так кажется. Она ведь еще не «определила свое пространственно-временное положение», поскольку ни на дороге, ни в лесу нигде не написано, что это именно 1320 год.

Единственный признак цивилизации — это колея, означающая, что колесо уже изобретено, а дороги еще мостить не начали. И то не факт. Похожие дороги, бережно сохраняемые для японских и американских туристов Национальным трестом, по сей день встречаются в радиусе пяти миль от Оксфорда.

Может быть, она вообще никуда не переместилась, и по другую сторону холма обнаружится шоссе М-1 или раскоп мисс Монтойи, или ка-

пельно-оросительная установка. Решив, что определяться в пространственно-временном положении под колесами велосипеда или машины ей не хочется, Киврин осторожно сошла на обочину. Но если перемещение не состоялось, почему так раскалывается голова и гудят ноги?

Она поднялась на вершину и остановилась, запыхавшись. Можно было и не сходить на обочину. Никакая машина тут сроду не проезжала. Лошадь и пролетка тоже. И действительно ни жилья, ни людей поблизости. Холм лысый, видно далеко. Лес, в котором осталась повозка, доходил до середины холма, а оттуда простирался на юг и на запад. Не смени она вовремя направление, точно бы заблудилась.

На востоке тоже темнели деревья, между ними поблескивала река. Темза? Чарвелл? И даже на открытых пространствах повсюду маленькие рощицы, дубравы, перелески — Киврин и не подозревала, что в Англии вообще может быть столько деревьев. По «Книге Страшного суда» 1086 года леса занимали всего пятнадцать процентов земель, а вырубка под пашни и жилье должна была, согласно вероятностным расчетам, сократить их до двенадцати процентов к XIV веку. Похоже, вероятность вместе с составителя-

ми «Книги Страшного суда» здорово ошиблась. Деревья здесь кругом.

А вот построек Киврин не видела. Леса стояли голые, ветки деревьев чернели в предзакатных сумерках, и за ними могли бы вырисовываться поместья и церкви, однако никаких признаков жилья не наблюдалось.

Но ведь где-то же оно должно быть, судя по пашням — узким полоскам пашен, явно средневековым. На одном из полей паслись овцы, тоже вполне в средневековом духе, почему-то одни, без пастуха. Далеко на востоке висела сизая дымка — это наверняка Оксфорд. Прищурившись, Киврин вроде бы разглядела стены и коренастую башню Карфакс, но башни Святой Фридесвайды и Осни растворились в меркнущем свете.

А он явно меркнул. Небо окрасилось в лавандово-голубой с розовым румянцем на западе, и судя по тому, как темнело с каждой минутой, во времени Киврин сориентировалась правильно.

Перекрестившись, она молитвенно сложила ладони, поднеся их к самым губам.

«Вот, мистер Дануорти, я на месте. Более или менее. Хотя и не на Оксфордско-Батской дороге. Я где-то в пятистах ярдах к югу, на какой-то другой тропе, помельче. Отсюда видно Оксфорд. Он

милях в десяти».

Она изложила свои соображения насчет времени года и суток, описала обозримые окрестности, а потом замолчала и уткнулась лицом в ладони. Поведать «Книге Страшного суда» свои дальнейшие планы она не могла, потому что не представляла, как теперь быть. На равнине к западу от Оксфорда разбросано не меньше десятка деревень, но с холма Киврин не видела ни одной, несмотря на возделанные поля и езженую дорогу.

На тропе не было никого. Она спускалась с другой стороны холма и сразу же исчезала в густой роще, а в полумиле оттуда виднелась та самая дорога, мимо которой они промахнулись при переброске, — широкая, утоптанная и светло-зеленая. По дороге, насколько хватал глаз, тоже никто не ехал.

Посреди равнины между холмом и Оксфордом Киврин заметила в левой стороне какое-то движение, но это оказалось всего лишь стадо коров, бредущих домой — к рощице, в которой, видимо, скрывалась деревня. Только не та, куда ее направляла мисс Монтойя, потому что Скендгейт располагался к югу от дороги.

Если только ее не забросило в какую-нибудь

совсем неизвестную местность, что вряд ли. Там, на востоке, точно Оксфорд, а к югу от него, изогнувшись петлей, Темза несет свои воды к буровато-сероватому облаку, в котором, очевидно, прячется Лондон. Только из этого всего совершенно неясно, где же деревня. Может быть, между холмом и дорогой, просто не видна, а может, в противоположной стороне или на другой тропе. Искать было некогда.

Темнело очень быстро. Через полчаса, наверное, появятся огоньки в домах, но столько ждать Киврин не могла. Розовое небо на западе уже окрасилось в лавандовый, а голубое над головой — почти в фиолетовый. Заметно холодало и поднимался ветер. Киврин поплотнее закуталась в плащ, чтобы полы не хлопали за спиной. Остаться декабрьской ночью в лесу наедине с невыносимой головной болью и стаей волков ей не хотелось, но лежать на холодной дороге, надеясь на появление доброго путника, хотелось еще меньше.

Можно отправиться в Оксфорд, но до темноты она туда точно не дойдет. Ей бы хоть какую-нибудь деревушку, любую, чтобы переночевать, а потом уже отправляться на поиски той, про которую говорила мисс Монтойя. Она просле-

дила взглядом вдоль тропы, приведшей ее на холм, выискивая хотя бы малюсенький огонек или струйку дыма, но там ничего не было. Зубы начали выбивать дробь.

И тут зазвонили колокола. Сперва колокол на Карфаксе (голос его ничуть не изменился, хотя с XVI века колокол отливали заново по меньшей мере раза три), а за ним, вторя первому удару, остальные, словно только и ждали сигнала из Оксфорда. Это, конечно, звонили вечерню, скликая людей с пашен, призывая их оставить работу и уделить время молитве.

И заодно обозначая местонахождение деревень. Колокола били почти в унисон, однако Киврин различала голос каждого, даже самых дальних, от которых доносилось только гулкое эхо. Вот там, у той рощицы, и вон там, и еще вон там. Вон та деревня, куда шли коровы, за косогором. На звон колокола коровы пошли быстрее.

Две деревни оказались прямо под носом — одна сразу за большой дорогой, а другая за пашнями, у обрамленного деревьями ручья. Скендгейт, деревня мисс Монтойи, лежала точно там, где и предполагалось, в обратной стороне, за низким пригорком милях в двух с лишним от замерзшей колеи.

Киврин сложила ладони. «Я только что выяснила, где деревня, — проговорила она. Интересно, попадет ли колокольный звон в ее „Книгу Страшного суда“? — Она как раз на этой второстепенной тропе. Сейчас я вернусь к повозке, вытащу ее на дорогу, добреду до деревни, пока еще не совсем стемнело, и рухну на ближайшем пороге».

Какой-то колокол звонил далеко на юго-западе, совсем слабо и невнятно. Не тот ли, который она слышала с самого начала? Почему же он звонит? Может быть, все-таки похороны, как предположил бы мистер Дануорти? «У меня все хорошо, мистер Дануорти, — сказала она в сложенные ладони. — Не волнуйтесь. Я здесь уже больше часа и ничего плохого пока не случилось».

Постепенно колокола стихли, снова начиная с оксфордского, зато эхо его, как ни странно, провисело в воздухе дольше остальных. Небо подернулось фиолетово-синим и на юго-востоке блеснула звезда. «Здесь очень красиво!» — не размыкая ладоней, восхищенно выдохнула Киврин.

Запись из «Книги Страшного суда»

(000249-000614)

Вот, мистер Дануорти, я на месте. Более или

менее. Хотя и не на Оксфордско-Батской дороге. Я где-то в пятистах ярдах к югу, на какой-то другой тропе, помельче. Отсюда видно Оксфорд. Он милях в десяти.

Не знаю точного времени переброски, но если она прошла в полдень, как было намечено, то сдвиг составил около четырех часов. Время года правильное. Деревья стоят почти без листьев, хотя на земле листва лежит еще совсем нетронутая и запахана только треть полей. Определить мое положение во времени точнее пока не представляется возможным, нужно добраться до деревни и спросить у кого-нибудь, какой сегодня день. Вы, наверное, лучше меня знаете, где я и когда, особенно если уже установили привязку.

Но веком я точно не ошиблась. С пригорка, на котором я стою, видны поля. Классические средневековые узкие пашни, закругленные по краям, где поворачивает плуг. Пастбища обнесены изгородями, где-то треть из них — саксонский плетень, остальные — норманнский боярышник. Вероятностные расчеты предсказывали соотношение для XIV века как двадцать пять процентов к семидесяти пяти, но за основу брался Суффолк, а он восточнее.

На юг и на запад простирается лес — Вичвуд-

ский? — полностью лиственный, насколько я могу судить. На востоке видно Темзу. Я почти могу разглядеть Лондон, хотя и понимаю, что это немыслимо. В 1320 году до него должно быть больше пятидесяти миль, а не двадцать, как сейчас. Но, по-моему, я его все-таки вижу. И точно вижу городские стены Оксфорда с башней Карфакс.

Здесь очень красиво. И совсем не похоже, что нас разделяют семь столетий. Оксфорд совсем рядом, рукой подать, и я никак не могу избавиться от ощущения, что, спустившись с холма и дойдя до города, я обнаружу там вас всех, дожидающихся в лаборатории Брэйзноуза, когда будет готова привязка. И Бадри все так же хмурится на экраны, мисс Монтойя рвется к себе на раскоп, а вы, мистер Дануорти, квохчете, будто обеспокоенная несушка. Я как будто совсем недалеко, словно и не перемещалась.

Глава четвертая

Оседая, Бадри зацепился локтем за терминал, на миг замедлив падение. Дануорти встревоженно глянул на экран, испугавшись, что оператор задел какую-нибудь важную кнопку и изменил данные. Бадри кулем повалился на пол.

Латимер с Гилкристом тоже не сумели его подхватить. Латимер даже не сообразил, что с оператором плохо. Мэри отреагировала быстрее, но она стояла позади всех, поэтому успела уцепить только рукав. Опустившись на колени рядом с Бадри, она перевернула его на спину и воткнула себе в ухо наушник.

Затем она порылась в пакете с подарками, выудила пейджер и на целых пять секунд надавила кнопку вызова. «Бадри!» — позвала она громко, и только тут Дануорти осознал, какая мертвая тишина повисла в комнате. Гилкрист за все это время не двинулся с места, но явно кипел от негодования. «Будьте уверены, мы просчитали все возможные накладки…» Такого он точно не предусмотрел.

Мэри отпустила кнопку пейджера и осторожно потрясла Бадри за плечи. Безрезультатно. Тогда

она запрокинула ему голову и нагнулась над ним, приставив ухо почти к самому его рту и не сводя глаз с его грудной клетки. Он дышал. Дануорти видел, как поднимается и опадает его грудь, а значит, Мэри видела тоже. Она сразу поднялась, снова надавив на кнопку пейджера, прижала два пальца к шее Бадри и, казалось, целую вечность спустя, заговорила в пейджер:

— Мы в Брэйзноузе. В исторической лаборатории. Пятьдесят два. Коллапс. Синкопе. Припадка не наблюдается.

Отпустив кнопку вызова, она подняла Бадри веки.

— Синкопе? — переспросил Гилкрист. — Это что такое? Что случилось?

— Обморок, — нетерпеливо буркнула Мэри. — Дай мне аптечку, — попросила она Дануорти. — Там, в пакете.

Опрокинутый при поисках пейджера пакет лежал на боку. Порывшись в свертках и упаковках, Дануорти нащупал твердую пластиковую коробку подходящего размера и открыл крышку. В ней оказались красно-зеленые хлопушки. Дануорти запихнул ее обратно в пакет.

— Давай быстрее, — поторопила его Мэри, расстегивая рабочий халат Бадри. — Что ты там

копаешься?

— Не могу найти…

Она выхватила пакет и перевернула вверх тормашками. Хлопушки раскатились по полу, из подарочной коробки выпал шарф. Тогда Мэри сорвала со стула свою сумку и, вжикнув молнией, вытащила большой плоский несессер. Оттуда она извлекла браслет электронного тонометра и закрепила на запястье Бадри. На дисплее появились показатели давления.

Дануорти эти кривые ничего не говорили, по лицу Мэри тоже было не понять, что они означают. Бадри по-прежнему дышал, сердце билось, кровь вроде бы ниоткуда не шла. Может, просто обморок? Но люди обычно не падают без сознания ни с того ни с сего, разве что в книгах или фильмах. Значит, он ранен или болен. В пабе он был почти в шоковом состоянии. Может, угодил под велосипед? И не сразу почувствовал, что ранен? Тогда ясно, откуда бессвязная речь и непонятное возбуждение.

Но почему же в таком случае он пришел без пальто, позвал всех с собой и сказал: «Что-то не так»?

Дануорти посмотрел на экран терминала. Там после падения оператора ничего не изменилось,

все те же матрицы. Прочитать он их не мог, но выглядели они как самая обычная привязка, да и Бадри сам сказал, что Киврин благополучно переместилась в прошлое. Что же «не так»?

Мэри похлопала Бадри по рукам, по груди, по ногам, его веки задрожали, но тут же вновь закрылись.

— Неизвестно, были у Бадри какие-нибудь проблемы со здоровьем?

— Это оператор мистера Дануорти, — заявил Гилкрист. — Из Баллиола. Нам его одолжили. — По его обвиняющему тону можно было подумать, будто Дануорти специально подстроил этот обморок, в целях саботажа.

— Я ни о чем таком не слышал, — ответил Дануорти. — В начале семестра он должен был сдать все анализы и сделать сезонную серию прививок.

Мэри это не удовлетворило. Надев фонендоскоп, она долго слушала сердце Бадри, потом еще раз проверила давление и пульс.

— И ты не знаешь, не было ли у него в анамнезе эпилепсии? Или диабета?

— Нет.

— А наркотики или запрещенные эндорфины он не принимал? — Не дожидаясь ответа, она

снова нажала кнопку пейджера. — Это Аренс. Пульс сто десять. Давление сто на шестьдесят. Беру анализ крови. — Она разорвала упаковку с марлевой салфеткой, протерла вторую руку Бадри, на которой не было браслета, и надорвала еще одну упаковку.

Наркотики или запрещенные эндорфины. Тогда понятно, откуда бессвязная речь и непонятное возбуждение. Но если он употребляет, анализы в начале семестра это бы выявили, да и не смог бы он под кайфом работать над тонкими расчетами для сети. «Что-то не так».

Мэри еще раз протерла кожу на его руке и вставила катетер. Веки Бадри, затрепетав, открылись.

— Бадри, вы меня слышите? — Она выудила из кармана пальто ярко-красную капсулу. — Давайте, надо измерить температуру. — Мэри поднесла капсулу термометра к его губам, но он не отреагировал.

Тогда Мэри сунула капсулу обратно в карман и принялась рыться в аптечке.

— Скажи, когда на катетере появятся данные, — попросила она Дануорти, вытряхивая из несессера все скопом и тут же засовывая обратно. Отложив аптечку, она переключилась

на сумку. — Вроде был же у меня тут обычный термометр…

— Появились, — сообщил Дануорти.

Мэри схватила пейджер и начала диктовать в него цифры с дисплея.

Бадри открыл глаза.

— Вам надо… — Глаза снова закрылись. — Холодно, — пробормотал он.

Дануорти сбросил пальто, но оно оказалось слишком сырым. Он беспомощно оглянулся в поисках какого-нибудь покрывала. Будь Киврин еще тут, можно было бы использовать ее плащ. Наконец Дануорти наткнулся взглядом на засунутый под терминал пиджак самого Бадри и набросил его на оператора, перевернув рукавами вдоль тела.

— Холодно, — выдавил Бадри и затрясся.

Мэри, не переставая диктовать цифры в пейджер, резко обернулась.

— Что он говорит?

Бадри пробормотал что-то невнятное, потом четко выговорил: «Голова болит».

— Голова, — повторила Мэри. — Не тошнит?

Он слегка повел головой, давая понять, что нет.

— Что было… — Он ухватил Мэри за руку. Она

накрыла его ладонь своей и, нахмурившись, пощупала свободной рукой его лоб.

— У него жар.

— Что-то не так, — сказал Бадри и закрыл глаза. Пальцы, вцепившиеся в руку Мэри, разжались, и кисть упала на пол.

Мэри взяла его безвольную руку в свою, посмотрела на показания датчика и снова пощупала лоб.

— Где же этот несчастный термометр? — Она принялась по второму разу перебирать несессер.

Пейджер пропищал.

— Прибыли. Кто-нибудь выйдите, встретьте их. — Мэри похлопала Бадри по груди. — А вы лежите, не двигайтесь.

Дануорти открыл дверь, медики уже стояли на пороге. Двое санитаров из лечебницы вкатили медицинские чемоданы размером с теплоходные кофры.

— Немедленную перевозку, — скомандовала Мэри, не дав им даже раскрыть чемоданы. Она поднялась с колен. — Давайте носилки, — велела она медсестре. — Еще аксиллярный термометр и капельницу с сахарозой.

— Я полагал, сотрудников кафедры XX века проверяют на эндорфины и наркотики, — заявил

Гилкрист.

Мимо него промчалась медсестра с насосной трубкой.

— На медиевистике такое было бы недопустимо… — Он посторонился, пропуская санитара с носилками.

— Это что, передозировка? — спросил санитар, взглянув на Гилкриста.

— Нет, — ответила Мэри. — Принесли термометр?

— У нас нет аксиллярных, — покачал головой санитар, вставляя трубку в разъем. — Только термисторы и глотательные капсулы. Придется подождать, пока доедем. — Он подержал пластиковый мешок над головой, дожидаясь, пока запустится мотор насоса, и прилепил капельницу к груди Бадри.

Медсестра сняла с Бадри пиджак и укрыла его серым одеялом.

— Холодно, — пробормотал он. — Вам надо…

— Что сделать? — спросил Дануорти.

— Привязка…

— Раз-два, — хором сосчитали санитары и перекатили Бадри на носилки.

— Джеймс, мистер Гилкрист, пожалуйста, поезжайте со мной, надо заполнить регистрационные

листы, — попросила Мэри. — И мне нужна его медкарта. Кого-то одного можем взять в «Скорую», второй прибудет следом.

Дануорти не стал дожидаться, пока Гилкрист заведет спор, кому ехать в «Скорой». Он забрался внутрь и сел рядом с Бадри, который учащенно дышал, будто запыхавшись после путешествия на носилках.

— Бадри, — настойчиво проговорил он, — ты сказал, что-то не так. Ты имел в виду привязку?

— Привязку я установил, — нахмурился Бадри.

Санитар, подключающий Бадри к устрашающей паутине датчиков, недовольно покосился.

— Стажер неверно определил координаты? Бадри, это важно! Он ошибся в координатах переброски?

Мэри забралась в «Скорую».

— Как исполняющий обязанности главы факультета сопровождать больного в карете «Скорой помощи» должен я, — донесся снаружи голос Гилкриста.

— Подъезжайте в неотложку лечебницы, — сказала доктор Аренс, закрывая двери. — Померили температуру? — обратилась она к медсестре.

— Да. Тридцать девять и пять. Давление девяносто на пятьдесят, пульс сто пятнадцать.

— Была ошибка в координатах? — допытывался Дануорти.

— В салоне все на местах? — спросил водитель в интерком.

— Да, — ответила Мэри. — Код «единица».

— Пухальски напутал с пространственными координатами дистанционной переброски?

— Нет, — сказал Бадри и ухватил Дануорти за лацкан пальто.

— Тогда что? Сдвиг?

— Я, наверное… — проговорил Бадри. — Столько тревог.

Остальные его слова потонули в реве сирены.

— Ты, наверное, что? — переспросил Дануорти, перекрикивая вой и рев.

— Что-то не так, — выдохнул Бадри и снова отключился.

Что-то не так. Видимо, все-таки сдвиг. Помимо неверных координат это единственная накладка, которая не прервет переброску, а Бадри говорит, что пространственные координаты были заданы верно. Насколько серьезный в таком случае получился сдвиг? Предварительно Бадри прогнозировал две недели максимум, значит, из-за меньшего срока он вряд ли побежал бы под дождем без пальто в паб. Сколько же тогда? Месяц?

Три месяца? Но ведь он сообщил Гилкристу, что пока сдвиг минимальный.

Мэри протиснулась мимо Дануорти и в третий раз пощупала Бадри лоб.

— Добавьте в капельницу тиосалицилат натрия. И сделайте анализ на лейкоциты. Джеймс, подвинься.

Дануорти пересел на скамью в задней части салона.

Мэри снова схватила пейджер.

— Дождитесь общего анализа крови и результатов серотипирования.

— Пиелонефрит? — предположила санитарка, наблюдая, как меняются показатели. Давление — девяносто шесть на шестьдесят, пульс сто двадцать, температура тридцать девять и пять.

— Непохоже, — покачала головой Мэри. — Болей в брюшной полости не наблюдается, но это явно какая-то инфекция, учитывая температуру.

Сирена вдруг сбавила обороты и умолкла. Санитар принялся отключать приборы от настенных источников питания.

— Приехали, Бадри. — Мэри снова похлопала его по груди. — Скоро поставим вас на ноги, будете здоровехоньки.

Он не шелохнулся. Мэри подтянула на нем

одеяло до горла и уложила сверху болтающиеся провода. Водитель распахнул двери, санитары выкатили носилки наружу.

— Сделайте полное обследование крови, — скомандовала Мэри и, держась за дверцу, спустилась вниз. — РСК, РТГ, идентификацию антигенов[4].

Дануорти, выкарабкавшись из «Скорой», пошел в отделение неотложной помощи вслед за Мэри. Та уже отдавала распоряжения дежурной за регистрационной стойкой.

— Найдите мне его медкарту. Бадри… Как его фамилия, Джеймс?

— Чаудри.

— Номер госздравовского полиса? — спросила дежурная.

— Номер не знаю. Но он сотрудник Баллиола.

— Продиктуйте мне фамилию, будьте добры.

— Ча-уд…

Мэри помчалась в травматологию. Дануорти поспешил за ней.

— Простите, сэр! — Дежурная, выскочив из-за стойки, преградила ему путь. — Сядьте, пожалуйста.

— Мне надо поговорить с больным, которого

---

[4] Примечания: 1.4

РСК — реакция связывания комплемента, РТГ — реакция торможения геммаглютинации.

только что привезли.

— Вы родственник?

— Нет. Я его начальник. Очень важное дело.

— Он сейчас в смотровой. Я попрошу, чтобы вас пропустили к нему, как только закончится обследование. — Она осторожно уселась обратно за стойку, готовая выскочить снова при малейшем неверном движении с его стороны.

Дануорти хотел было рвануться в смотровую, но решил не рисковать — еще выдворят из больницы насовсем, да и Бадри все равно не в состоянии сейчас общаться. Из «Скорой» его выкатывали в бессознательном состоянии. Без сознания и с температурой тридцать девять и пять. «Что-то не так».

Дежурная посмотрела на него с подозрением.

— Вам не сложно будет продиктовать мне эту фамилию еще раз?

Дануорти продиктовал, а потом спросил, откуда можно позвонить.

— Телефон прямо по коридору. Возраст?

— Не знаю. Двадцать пять? В Баллиоле он работает четыре года.

По мере сил ответив на остальные вопросы, Дануорти выглянул за дверь посмотреть, не появился ли Гилкрист, и пошел прямо по коридору

искать телефон. Дозвонившись в Брэйзноуз, он попал на сторожа, украшавшего миниатюрную синтетическую елку у себя в привратницкой.

— Позовите, пожалуйста, Пухальски, — попросил Дануорти, надеясь, что не перепутал фамилию оператора-стажера.

— Его нет, — ответил сторож, свободной рукой наматывая серебристую гирлянду на еловые лапы.

— Передайте, пожалуйста, когда вернется, что мне нужно с ним поговорить. Это очень важно. Он должен расшифровать привязку сети. Номер… — Дануорти сделал паузу, дожидаясь, пока сторож управится с гирляндой, и только тогда продиктовал номер телефона, который сторож нацарапал на крышке коробки с украшениями. — Если не найдет меня по этому номеру, пусть позвонит в приемный покой лечебницы. Как думаете, когда он примерно вернется?

— Сложно сказать, — протянул сторож, разворачивая фигурку ангела. — Некоторые, бывает, возвращаются на пару дней раньше, но основная масса приезжает сразу к началу семестра.

— То есть? Вы хотите сказать, что его сейчас нет в колледже?

— Он был. Собирался настраивать сеть для ка-

федры медиевистики, но потом оказалось, что не понадобится, и он уехал домой.

— Тогда дайте мне его адрес и домашний телефон.

— По-моему, где-то в Уэльсе он проживает, но точнее сказать не могу — это к секретарю колледжа, и ее сейчас тоже нет.

— А она когда будет?

— Не знаю, сэр. Уехала в Лондон искать подарки.

Дануорти продиктовал еще одно сообщение, пока сторож расправлял ангелу крылья, затем, повесив трубку, стал вспоминать, оставались ли в Оксфорде другие операторы на Рождество. Видимо, нет, иначе Гилкрист с самого начала не стал бы поручать работу стажеру.

На всякий случай он позвонил еще в колледж Магдалины, но там никто не отвечал. Он положил трубку, подумал минуту и набрал номер Баллиола. Там тоже было глухо. Наверное, Финч все еще с американками, показывает им колокола на Большом Томе. Дануорти посмотрел на часы. Всего-то полтретьего, а казалось, гораздо больше. Тогда, возможно, они только обедать сели.

Он позвонил в привратницкую Баллиола, но и там его ждало молчание. Тогда он вернулся в

приемный покой, полагая, что Гилкрист уже там. Гилкриста не было, зато были два санитара из «Скорой», они разговаривали с сестрой из приемного покоя. Гилкрист, наверное, отправился к себе в Брэйзноуз, планировать следующую переброску или даже две. Может, на третий раз пошлет Киврин прямиком в разгар чумы, чтобы, так сказать, воочию и тому подобное.

— Вот вы где, — сказала сестра. — А я боялась, что вы ушли. Пойдемте, пожалуйста, со мной.

Дануорти думал, она обращается к нему, однако санитары тоже последовали за ней по коридору.

— Проходите. — Придерживая дверь, она пропустила санитаров внутрь. — Чай на тележке, туалет вон там, подальше.

— Когда я смогу увидеть Бадри Чаудри? — спросил Дануорти, останавливаясь на пороге.

— Сейчас подойдет доктор Аренс, — ответила сестра и все-таки закрыла за ним дверь.

Санитарка из «Скорой» тут же ссутулилась в кресле, сунув руки в карманы. Санитар подошел к тележке и сунул в розетку штепсель электрического чайника. Ни тот, ни другая никаких вопросов дежурной не задавали, так что, возможно, происходила некая стандартная процедура, хотя Дануорти с трудом представлял, зачем сани-

тарам дожидаться Бадри. И зачем их всех здесь собрали.

Этот зальчик находился в противоположном крыле от приемного покоя. Но там были такие же кресла с неудобными спинками, такие же столы с веерами пропагандистских брошюр, и тележку с чаем украшала такая же серебристая мишура, закрепленная веточками пластикового остролиста. Только стены глухие, без окон, и даже дверь без стекла. Замкнутое помещение, в котором обычно родственники больного ожидают самого худшего.

Дануорти сел, чувствуя, как наваливается усталость. Ожидают худшего… Инфекция. Давление девяносто шесть, пульс сто двадцать, температура тридцать девять и пять. Единственный остававшийся в Оксфорде оператор уехал в Уэльс, а секретарь отправилась искать подарки. Киврин где-то в 1320-м, в нескольких днях или неделях от расчетного времени. Если не месяцах.

Санитар налил в чашку молока, насыпал сахара и размешал, дожидаясь, пока закипит чайник. Его напарница, судя по всему, задремала.

Дануорти уставился на нее отрешенным взглядом, думая о сдвиге. Бадри сказал, что, по предварительным данным, сдвиг получился

минимальным, но это по предварительным. На самом деле должно быть недели две, что больше похоже на правду.

Чем дальше в прошлое историк отправляется, тем, в среднем, сильнее сдвиг. Перебросси в XX век давали смещение на несколько минут, в XVIII — на несколько часов. В колледже Магдалины, на пробных переброссах в эпоху Ренессанса, сдвиг получался от трех до шести дней.

Но это в среднем. Сдвиг варьировался от человека к человеку, и спрогнозировать точные цифры на конкретную переброску было невозможно. Как-то раз у кафедры XIX века вышел сдвиг в сорок восемь дней, причем на незаселенной территории, где обычно обходилось без сдвигов вообще.

Причины их появления тоже не поддавались логике. Когда проводили первые «пристрелочные» переброски в XX век еще в двадцатых годах, он сам из пустого внутреннего двора Баллиола перенесся в два часа ночи четырнадцатого сентября 1956 года с трехминутным сдвигом. Однако при повторной переброске на восемь минут третьего сдвиг составил целых два часа, и Дануорти чуть не приземлился на голову выпускника, тайком пробирающегося в общежитие после ночной

вылазки.

Что, если Киврин сейчас где-нибудь в полугоде от расчетного времени и не знает, когда теперь стыковка? И Бадри прибежал в паб сообщить, что ее надо вытаскивать?

Вошла Мэри, по-прежнему в пальто. Дануорти встал.

— Как Бадри? — спросил он, боясь услышать ответ.

— Он в неотложке. Нам нужен номер его полиса в ГСЗ, и мы не можем найти его карту в баллиольском файле.

Несмотря на взлохмаченные седые волосы, в остальном вид у Мэри был привычно собранный и деловой — как всегда, когда она обсуждала с Дануорти его студентов.

— Так вы не там ищете. — Дануорти почувствовал облегчение. — Операторов распределяют по колледжам, но официально они числятся за университетом.

— Значит, личное дело Бадри в канцелярии. Хорошо. Не знаешь, он не выезжал из Англии за последний месяц?

— Две недели назад проводил локальную переброску в Венгрии для кафедры XIX века. После этого все время в Англии.

— А родственники из Пакистана к нему не приезжали?

— У него их нет. Он англичанин в третьем поколении. Уже выяснили, что с ним?

— Где Гилкрист и Монтойя? — не слушая, спросила Мэри.

— Ты сказала Гилкристу прийти сюда, но он пока не появлялся.

— А Монтойя?

— Она уехала, как только закончили переброску.

— А куда, неизвестно?

«Не больше, чем тебе, — подумал Дануорти. — Мы же вместе видели, как она уходила».

— Наверное, в Уитни, на свой раскоп. Она там почти все время пропадает.

— На раскоп? — переспросила Мэри, будто не понимая, о чем речь.

Что с ней? В чем дело?

— В Уитни. На объекте Национального треста. Раскапывает средневековую деревню.

— В Уитни… — огорченно протянула Мэри. — Ее нужно немедленно вернуть.

— Позвонить ей? — предложил Дануорти, но Мэри уже направлялась к санитару, стоящему у тележки с чаем.

— Нужно привезти одного человека из Уитни, с фермы Национального треста, — сообщила она ему. Санитар поставил недопитую чашку с блюдцем и набросил куртку. — Ее зовут Лупе Монтойя. — Мэри вышла за дверь вместе с санитаром.

Дануорти думал, она только объяснит ему, как добраться до Уитни, и вернется, но она не вернулась. Дануорти выглянул в коридор. В коридоре ее не было, и санитара тоже, зато была сестра из приемного покоя.

— Простите, сэр. — Она преградила ему дорогу, точь-в-точь как дежурная. — Доктор Аренс просила, чтобы вы подождали ее здесь.

— Я не собираюсь выходить из лечебницы. Мне нужно только позвонить своему секретарю.

— Сейчас принесу вам телефон, — пообещала сестра и обернулась.

По коридору шли Гилкрист с Латимером.

— Надеюсь, мисс Энгл выпадет возможность столкнуться со смертью кого-нибудь из тогдашних, — вещал Гилкрист. — Отношение к смерти в XIV веке сильно отличалось от нашего. Смерть была чем-то обыденным, поэтому не вызывала у современников ни сострадания, ни горя.

— Мистер Дануорти! — Сестра потянула про-

фессора за рукав. — Вы подождите в комнате, а я вам принесу телефон.

Она вышла навстречу Гилкристу с Латимером и со словами: «Пройдемте со мной, пожалуйста», — провела их в ту же комнату ожидания.

— Я исполняю обязанности главы факультета. — Гилкрист возмущенно сверкнул глазами на Дануорти. — Ответственность за Бадри Чаудри лежит на мне.

— Да, сэр, — согласилась сестра, закрывая дверь. — Доктор Аренс сейчас подойдет.

Латимер пристроил свой зонтик на кресло, а на соседнее пакет Мэри с подарками. Он, видимо, собрал все свертки, которые Мэри высыпала на пол, — на самом верху виднелась коробка с шарфом и торчали хлопушки.

— Никак не могли поймать такси, — тяжело дыша, пояснил он, усаживаясь рядом с поклажей. — Пришлось на метро.

— Этот стажер, которому вы хотели поручить переброску — Пухальски? — он где живет? — спросил Дануорти у Гилкриста. — Мне нужно с ним поговорить.

— О чем, хотел бы я знать? Или вы тут без меня уже и медиевистику к рукам прибрали?

— Нужно, чтобы кто-то расшифровал привязку

и подтвердил, что все в порядке.

— А вы только и ждете неполадок! Вы с самого начала вставляли нам палки в колеса.

— Жду неполадок? — Дануорти не верил своим ушам. — Да все и так хуже некуда. Бадри лежит в неотложке без сознания, и мы понятия не имеем, добралась ли Киврин до нужного места и времени. Вы ведь слышали Бадри. Он сказал, что с привязкой что-то не так. Надо добыть другого оператора, чтобы он выяснил, в чем дело.

— Я бы не стал доверять сказанному под воздействием наркотиков или дорфов, или что он там употребляет, — заявил Гилкрист. — И смею напомнить вам, мистер Дануорти: единственное, что в этой переброске не так — это участие в ней кафедры XX века. Мистер Пухальски отлично справлялся. Однако я поддался на ваши уговоры и позволил вашему оператору его сменить. Очевидно, делать этого не следовало.

Все трое обернулись на открывшуюся дверь. Сестра принесла Дануорти портативный телефон и тут же выскочила обратно в коридор.

— Мне нужно позвонить в Брэйзноуз, сообщить, где я, — сказал Гилкрист.

Дануорти, не обращая на него внимания, включил видеоэкран и позвонил в колледж Иисуса.

— Дайте мне, пожалуйста, фамилии и домашние телефоны ваших операторов, — попросил он секретаря и.о. ректора, увидев ее лицо на экране. — Никто из них случайно не остался на каникулы в колледже?

Никто не остался. Дануорти записал фамилии и номера на пропагандистской брошюре, повесил трубку и начал обзванивать по списку.

Первый номер оказался занят. Остальные отзывались короткими гудками еще на стадии набора межгорода, а на последнем вклинился компьютерный голос и сообщил: «Все линии заняты. Пожалуйста, попробуйте перезвонить позже».

Тогда он набрал Баллиол, сперва главное здание, потом собственный кабинет. По обоим номерам никто не ответил. Наверное, Финч повез американок в Лондон, послушать Биг-Бен.

Гилкрист стоял рядом в ожидании телефона. Латимер, склонившись над тележкой с чаем, пытался воткнуть шнур чайника в розетку. Ему помогла проснувшаяся медсестра.

— Вы освободили телефон? — натянуто спросил Гилкрист.

— Нет, — ответил Дануорти и принялся снова набирать номер Финча. И снова никто не снял трубку. — Вызовите своего оператора обратно в

Оксфорд, пусть он вытаскивает Киврин. Немедленно. Пока она не ушла с точки переброски.

— Командуете? Еще раз напоминаю, что переброску осуществляет кафедра медиевистики.

— Не важно, кто ее осуществляет. — Дануорти старался держать себя в руках. — Университетская политика предписывает в случае возникновения сбоев прервать переброску.

— Смею также напомнить, что единственный сбой на данный момент — то, что вы не удосужились проверить своего оператора на дорфы. — Гилкрист потянулся за телефонной трубкой. — Мне решать, когда прерывать переброску и прерывать ли вообще.

Телефон зазвонил.

— Гилкрист слушает. Минуточку. — Он вручил трубку Дануорти.

— Мистер Дануорти, — раздался встревоженный голос Финча. — Слава богу! Я вас повсюду вызваниваю. Вы не представляете, каких трудов мне стоило…

— Меня задержали, — вставил Дануорти, не дожидаясь, пока Финч пустится в пространные разъяснения. — Слушайте внимательно: возьмите в канцелярии личное дело Бадри Чаудри. Оно нужно доктору Аренс. Позвоните ей. Она в

лечебнице. Попросите к телефону ее лично. И она вам скажет, что продиктовать из личного дела.

— Да, сэр. — Финч поспешно строчил в блокноте.

— После этого сразу отправляйтесь в Нью-колледж к старшему куратору. Скажите, что мне нужно немедля с ним поговорить, и оставьте вот этот номер телефона. Передайте, что дело безотлагательное и нам необходимо как можно скорее отыскать Бейсингейма, чтобы тот срочно приехал в Оксфорд.

— Думаете, он сможет, сэр?

— В каком смысле? Бейсингейм давал о себе знать? С ним что-то случилось?

— Нет, сэр, я ничего такого не слышал.

— Тогда почему он вдруг не сможет? Он всего-навсего на рыбалке, жестким графиком не связан. Когда поговорите со старшим куратором, расспросите всех студентов и преподавателей, кого только сможете найти. Вдруг кто-то подскажет, куда именно поехал Бейсингейм. И заодно узнайте, не оставался ли на каникулы кто-нибудь из операторов.

— Хорошо, сэр. А что мне делать с американками?

— Придется сообщить, что мне очень жаль, но

я не смогу с ними встретиться, поскольку меня непредвиденно задержали. Они ведь в четыре должны уехать в Или?

— Должны были, да, но…

— Но что?

— Понимаете, сэр, я сводил их посмотреть Большого Тома и старую Марстонскую церковь, а потом хотел отвезти их в Иффли, но нас не пустили.

— Не пустили? Кто?

— Полиция, сэр. Дорога перекрыта. И американки очень расстроились, что концерт срывается.

— Перекрыта?

— Да, сэр. A4158. Что, если разместить их в Сальвиновском корпусе? Там в северном крыле Уильям Гаддсон и Том Гейли, а корпус Базеви красят.

— Ничего не понимаю, — растерялся Дануорти. — Почему перекрыли дорогу?

— Так ведь карантин, — удивленно ответил Финч. — Или давайте поместим их в Фишеровский. Отопление там на каникулы отключили, но можно разжечь камины.

Запись из «Книги Страшного суда»

(000618-000735)

Я снова на переброске. Она чуть в стороне от дороги. Хочу вытащить телегу из леса, чтобы меня скорее заметили, но если в течение получаса никто не появится, я отправлюсь в Скендгейт, который обнаружила благодаря колокольному звону, сзывающему к вечерне.

Ощутимо сказывается разница во времени. Довольно сильная головная боль, знобит. Симптомы куда хуже, чем я ожидала со слов Бадри и доктора Аренс. Особенно голова. Хорошо, что деревня недалеко.

Глава пятая

Карантин. Разумеется. Санитар, посланный за Монтойей, расспросы Мэри о пакистанской родне и то, что всех согнали в эту укромную, отрезанную от остальных комнату с бдительной медсестрой на вахте… Конечно.

— Так как, отправить их в Сальвин? Американок? — Финч ждал указаний.

— Полицейские не сказали, почему кар… — Дануорти осекся. Гилкрист наблюдал за ним, но вряд ли ему был виден экран. Латимер возился у тележки с сахарным пакетиком. Медсестра спала. — Полицейские не сказали, зачем эти меры предосторожности?

— Нет, сэр. Сообщили только, что оцеплен Оксфорд и ближайшие окрестности, а по всем вопросам велели звонить в Госздрав.

— Позвонили?

— Я пытался, сэр, но там занято. Межгород тоже весь занят. Американки хотели дозвониться в Или, чтобы отменить концерт, — глухо.

Оксфорд и окрестности. Это значит, что метро тоже перекрыли, и сверхскоростной экспресс до Лондона, и все автодороги. Неудивительно, что

теперь народ обрывает телефоны.

— Давно объявили? Когда вы отправились в Иффли?

— В три с минутами, сэр. Потом я обзванивал всю округу в поисках вас, потом подумал, что, может, вы уже в курсе. Позвонил в лечебницу, потом начал звонить по больницам.

«Нет, я был не в курсе», — подумал Дануорти. Он стал вспоминать, при каких условиях объявляется карантин. Изначально предписывалось вводить его «при любом неустановленном заболевании или подозрении на инфекцию», но указания эти появились во времена всеобщей паники после Пандемии, а потом с каждым годом все больше смягчались и размазывались, поэтому теперь Дануорти уже не представлял, что там в точности сказано.

Несколько лет назад добавляли «абсолютную идентификацию опасного инфекционного заболевания», когда в газетах раздули шумиху по поводу ласской лихорадки, три недели бушевавшей в одном испанском городе, потому что местные врачи не сделали типирование вируса. В результате стали добиваться, чтобы предписания ужесточили, однако Дануорти не знал, что из этого вышло.

— Значит, я определяю их в Сальвин, да, сэр? — уточнил Финч.

— Да. Нет. Разместите их пока в студенческом зале. Пусть репетируют свои перезвоны или что у них там. Возьмите дело Бадри и позвоните доктору Аренс. Если везде занято, звоните на этот номер, я подойду, даже если доктора Аренс не будет. Потом разузнайте насчет Бейсингейма. Сейчас как никогда важно его отыскать. А американок расселите попозже.

— Они очень огорчены, сэр.

«А уж как я огорчен», — подумал Дануорти.

— Передайте американкам, что я все выясню и перезвоню. — Экран померк.

— Не терпится доложить Бейсингейму о неудаче медиевистики? — поинтересовался Гилкрист. — Вы ведь полагаете это нашей неудачей, хотя именно ваш оператор поставил переброску под угрозу своим пристрастием к наркотикам, о чем я несомненно уведомлю Бейсингейма по возвращении.

Дануорти посмотрел на часы. Половина пятого. Финч сказал, что их развернули с дороги где-то около трех. Полтора часа. За последние годы временный карантин в Оксфорде вводился лишь дважды. В обоих случаях ложная тревога — в пер-

вом аллергическая реакция на укол, а во втором студентка решила подшутить. Карантин сняли сразу же как получили анализ крови, на который ушло минут десять, не больше. Мэри взяла у Бадри анализ еще в «Скорой», Дануорти видел, как санитар передавал пробирки штатному врачу, когда они приехали в лечебницу. Результаты давно должны быть известны, за такой-то срок. Три четверти часа.

— Без сомнения, мистеру Бейсингейму будет крайне любопытно узнать, что вы допустили оператора к работе без надлежащей диспансеризации и в результате он чуть не сорвал переброску, — не унимался Гилкрист.

Дануорти мог бы и сам догадаться по симптомам, что речь идет об инфекции. Низкое давление, затрудненное дыхание, подскочившая температура… Мэри ведь еще в «Скорой» подозревала инфекцию, но он тогда подумал, что подразумевается локальное воспаление — стафилококки или аппендицит. Что же тогда на самом деле? Оспу и тиф искоренили еще в XX веке, полиомиелит в этом. Бактериальные инфекции исключены благодаря определению антител, а антивирусные препараты настолько эффективны, что даже насморком никто не страдает.

— Крайне странно, что уделяя такое пристальное внимание мерам предосторожности, принимаемым медиевистикой, вы упустили из виду элементарное — проверить своего оператора на наркотики, — разорялся Гилкрист.

Наверное, какая-то болезнь из третьего мира. Мэри ведь спрашивала и про пакистанских родственников, и про выезды Бадри за пределы Британии. Но Пакистан — это не третий мир, а за пределы Сообщества Бадри не выпустили бы без курса необходимых прививок. Впрочем, он и не выезжал за пределы. Если не считать той венгерской переброски, он все время сидел в Оксфорде.

— Мне нужен телефон, — потребовал Гилкрист. — Необходимо вызвать Бейсингейма, чтобы он взял дело в свои руки.

Дануорти в замешательстве заморгал. Оказывается, он так и не отдал трубку.

— Вы что, помешаете мне позвонить Бейсингейму? — напирал Гилкрист.

— Что такое? Что случилось? — Латимер встал, широко распахивая объятия, словно Дануорти мог кинуться ему на шею.

— Бадри ничего не употребляет, — ответил Дануорти Гилкристу. — Он болен.

— Не понимаю, как вы беретесь утверждать

подобное, не проведя анализы. — Гилкрист выразительно посмотрел на телефон.

— В Оксфорде карантин, — разъяснил Дануорти. — Заболевание инфекционное.

— Это вирус, — раздался в дверях голос Мэри. — Секвенирование[5] еще не проведено, но по предварительным данным это вирусная инфекция.

Полы расстегнутого пальто развевались, как плащ у Киврин. В руке Мэри несла лабораторный поднос, заваленный врачебными инструментами и одноразовыми упаковками.

— Тесты показывают, что это скорее всего миксовирус, — сказала Мэри, водружая поднос на тумбочку. — И симптомы у Бадри совпадают — жар, дезориентация, головная боль. Ретро-вирусы и пикорнавирусы исключены совершенно, и это хорошо, однако окончательная идентификация займет еще какое-то время.

Она подвинула к столу пару стульев и уселась на один из них сама.

— Мы уведомили Международный центр по гриппу в Лондоне, выслали им образцы для идентификации и секвенирования. Пока вирус не

---

[5] Примечания: 1.5

Секвенирование — анализ первичной структуры генома вируса для идентификации, изучения происхождения и эволюции штаммов.

определен точно, вводится временный карантин, согласно предписаниям Госздрава на случай эпидемической угрозы. — Мэри натянула защитные перчатки.

— Эпидемия! — Гилкрист метнул гневный взгляд на Дануорти, будто тот специально распространил вирус, чтобы дискредитировать кафедру медиевистики.

— Эпидемическая угроза, — поправила Мэри, вскрывая одноразовые упаковки. — Эпидемии пока никакой нет. Единственный случай зафиксирован у Бадри. Мы проверили по базам данных Сообщества, аналогичных случаев не отмечено, и это тоже хорошо.

— Где он мог подхватить вирусную инфекцию? — ядовито щурясь на Дануорти, спросил Гилкрист. — Полагаю, этим мистер Дануорти тоже не озаботился.

— Бадри — сотрудник университета, — вмешалась Мэри. — В начале семестра он должен был пройти медосмотр и сдать анализы.

— Должен был? То есть вы не знаете? — поразился Гилкрист.

— Канцелярия закрыта на Рождество. До секретаря дозвониться не удалось, а файл медкарты Бадри без номера полиса не добыть.

— Я отправил своего секретаря в нашу канцелярию, может быть, там есть копии личных дел в распечатанном виде, — сказал Дануорти. — Тогда по крайней мере выясним номер.

— Хорошо, — одобрила Мэри. — Нам будет легче разобраться с вирусом, если станет ясно, какие антивирусные препараты Бадри принимал и как давно. Может быть, у него отмечены нестандартные реакции, не исключено, что он мог и пропустить сезонную прививку. Мистер Дануорти, вы не в курсе его религиозных взглядов? Он не из новых индусов, случайно?

— Нет, англиканин.

Дануорти догадывался, к чему клонит Мэри. Новые индусы верили, что любая жизнь священна, в том числе и жизнь убитого (если так можно выразиться) вируса. Поэтому они отказывались от прививок и вакцин. Университет выдавал им освобождение по религиозным мотивам, однако запрещал проживать на территории.

— Бадри получил допуск к работе в начале семестра. Без него он бы не имел права приближаться к сети.

Мэри кивнула, подтверждая, что и сама пришла к тому же выводу.

— Как я уже сказала, вполне вероятна аномаль-

ная реакция.

Гилкрист хотел что-то возразить, но тут открылась дверь.

Вошла сестра, охранявшая подступы к комнате ожидания, — в маске, в халате, в защитных перчатках, с пачкой документов и карандашами.

— В качестве меры предосторожности нам нужно взять у людей, контактировавших с больным, анализ на антитела. Мы возьмем кровь и померяем температуру, а также попросим вас составить список всех, с кем пересекались вы сами и мистер Чаудри.

Сестра выдала мистеру Дануорти несколько листов бумаги и карандаш. Верхний лист оказался бланком направления на госпитализацию; лист под ним, озаглавленный «Первичные», был поделен на колонки под шапками «фамилия», «место» и «время». Третий лист отличался лишь заглавием — «Вторичные».

— Поскольку единственный клинический случай пока у Бадри, — пояснила Мэри, — он считается первичным носителем. Способ передачи пока не установлен, поэтому вы должны перечислить всех, кто хоть как-то, хоть на секунду контактировал с Бадри — разговаривал, дотрагивался, что угодно.

Перед глазами Дануорти возник Бадри, склоняющийся над Киврин, чтобы передвинуть руку и поправить рукав.

— Любого, кто с ним пересекался, — повторила Мэри.

— Включая нас всех? — уточнила санитарка.

— Да.

— И Киврин, — подсказал Дануорти.

Мэри посмотрела непонимающе, словно забыла вдруг, кто такая Киврин.

— Мисс Энгл был сделан полный курс антивирусных прививок и Т-клеточное наращивание, — сообщил Гилкрист. — Ей ничего не грозит, правильно?

— Да, — после секундной заминки ответила Мэри. — Она ведь не контактировала с Бадри до сегодняшнего утра?

— Мистер Дануорти предоставил мне своего оператора лишь два дня назад, — сказал Гилкрист, практически выхватывая бумаги и карандаш из рук сестры. — Разумеется, я полагал, что мистер Дануорти подвергает своих сотрудников такой же тщательной проверке, как и мы на кафедре медиевистики. Как выяснилось, нет. И о вашей халатности, мистер Дануорти, будет непременно доложено Бейсингейму.

— Если Киврин впервые столкнулась с Бадри только сегодня утром, то она защищена полностью, — успокоила Мэри. — Мистер Гилкрист, прошу вас. — Она показала на соседний стул, и Гилкрист уселся.

Забрав у сестры пачку бумаг, Мэри продемонстрировала лист с надписью «Первичные».

— Любой, с кем пересекался Бадри, считается первичным контактом. Все, с кем пересекались вы, — вторичные контакты.

В этом списке, пожалуйста, перечислите все случаи вашего соприкосновения с Бадри за последние три дня, а также все известные вам случаи его соприкосновения с кем-то еще. А в этом списке, — она подняла лист с шапкой «Вторичные», — укажите все свои контакты, помечая время. С нынешнего момента и далее в обратном порядке.

Мэри дала Гилкристу проглотить капсулу термометра и прикрепила ему на запястье датчик, отлепив предварительно бумажную полоску с клейкой стороны. Сестра выдавала бумаги Латимеру и санитарке. Дануорти принялся заполнять свои.

В бланке направления требовалось указать фамилию, номер полиса ГСЗ и полный анамнез,

хотя, разумеется, по номеру полиса его можно было выяснить куда точнее, чем полагаясь на память заполняющего. Заболевания. Хирургические операции. Прививки. Если Мэри до сих пор не выяснила номер Бадри, значит, больной все еще без сознания.

Дануорти понятия не имел, какого числа делались антивирусные прививки в начале семестра. Поставив напротив этого пункта вопросительные знаки, он перешел к списку «первичных» и в первой графе написал свою собственную фамилию. Латимер, Гилкрист, санитары из «Скорой». Их фамилий он не знал, а санитарка опять спала, скрестив руки на груди и зажав бумаги в кулаке. Дануорти засомневался, писать ли врачей и сестер, которые занимались Бадри в приемном покое. В итоге написал «персонал отделения неотложной помощи» и поставил вопросительный знак. Монтойя.

И Киврин, которая, по заверению Мэри, защищена полностью. А Бадри сказал: «Что-то не так». Он имел в виду инфекцию? Почувствовал, работая над привязкой, что заболевает, и прибежал в паб предупредить насчет Киврин?

Паб. В пабе никого не было, кроме бармена. И еще Финча, но он ушел до того, как появился

Бадри. Дануорти приподнял лист и внес Финча во «вторичные», а на первом листе записал: «бармен из „Ягненка и креста“». На улице, в отличие от паба, народ валил валом. Перед глазами Дануорти замелькали картинки: вот Бадри проталкивается сквозь рождественскую толпу, едва не сносит женщину с зонтом в цветочек, уворачивается от пожилого мужчины и мальчика с «вест-хайлендом». Мэри просила «всех, с кем он соприкасался»…

Дануорти оглянулся на Мэри, которая, придерживая запястье Гилкриста, аккуратно заполняла таблицу. Она что, собирается брать анализы крови у всех поименованных в этом списке? Но это невозможно. Бадри натыкался и дышал на десятки людей, когда не разбирая дороги несся обратно в Брэйзноуз. Разумеется, ни он сам, ни Дануорти их в жизни не вспомнят. Плюс еще столько же, если не больше, по пути в паб. И все они тоже с кем-то сталкивались после этого в переполненных магазинах.

В итоге он написал: «большое количество покупателей и пешеходов на Хай-стрит (?)», отчеркнул и принялся вспоминать, при каких еще обстоятельствах он видел Бадри. Заняться сетью он его попросил только два дня назад, услышав от

Киврин, что Гилкрист собирается взять стажера.

Звонок Дануорти застал Бадри как раз по возвращении из Лондона. Киврин в тот день находилась в больнице, проходила окончательное обследование, что хорошо. Значит, тогда она с Бадри пересечься не могла, а до этого он сидел в Лондоне.

Во вторник Бадри приходил к Дануорти сообщить, что перепроверил координаты после стажера и полностью протестировал систему. Но Дануорти он не застал, поэтому оставил записку. Киврин тоже приходила во вторник в Баллиол, показать свой костюм, однако это было утром. Бадри сказал в записке, что все утро провозился с сетью. А Киврин собиралась днем наведаться к Латимеру в Бодлеинку. Но ведь после этого ничто не мешало ей зайти в помещение сети или побывать там до демонстрации костюма.

Дверь открылась и сестра пропустила в комнату Монтойю. Судя по промокшим насквозь штормовке и джинсам, на улице по-прежнему шел дождь.

— В чем дело? — спросила Монтойя у Мэри, которая наклеивала ярлык на пробирку с кровью Гилкриста.

— Очевидно, — ответил Гилкрист, прижимая

ватку к внутреннему сгибу локтя, — мистер Дануорти не удосужился отправить своего оператора на диспансеризацию, прежде чем допускать его к работе с сетью, поэтому теперь тот лежит с температурой тридцать девять и пять. Судя по всему, какая-то экзотическая лихорадка.

— Лихорадка? — не поняла Монтойя. — Но тридцать девять и пять — это же очень мало?

— По Фаренгейту — сто три градуса, — пояснила Мэри, вставляя пробирку в держатель. — Возможно, заболевание Бадри заразно. Поэтому мне нужно взять анализы, а вы должны переписать всех, с кем вы и Бадри контактировали.

— Хорошо. — Монтойя села на освобожденный Гилкристом стул и сбросила с плеч штормовку. Мэри протерла ватным тампоном ее руку, соединила пустую пробирку с одноразовой иглой. — Давайте не будем тянуть. Мне надо скорее вернуться на раскоп.

— Не вернетесь, — покачал головой Гилкрист. — Вы разве не слышали? Из-за халатности мистера Дануорти мы все на карантине.

— Карантин? — Она дернула рукой, и Мэри промахнулась мимо вены. Известие о заразной болезни ее не взволновало ничуть, в отличие от сообщения о карантине. — Мне нужно обратно!

Сколько вы хотите продержать нас здесь?

— Пока не будут готовы результаты анализов, — ответила Мэри, заново нацеливаясь на вену.

— А сколько это займет? — Монтойя попыталась взглянуть на часы, развернув руку, над которой работала Мэри. — Парень, который меня сюда привез, даже не дал мне накрыть площадку или хотя бы обогреватели включить, а там льет со страшной силой. Пока я тут сижу, у меня погост в плавательный бассейн превратится.

— Займет столько, сколько понадобится, чтобы взять у всех пробы крови и проверить на уровень антител. — Монтойя, видимо, уяснила подтекст, потому что выпрямила руку и больше не дергалась. Мэри наполнила пробирку, выдала Монтойе градусник и надела манжету тонометра. Дануорти наблюдал, размышляя, насколько Мэри лукавит. Она ведь не обещала отпустить Монтойю, когда будут готовы результаты анализов, только сказала, что придется сидеть тут до их получения. А потом что? Их разведут по отдельным палатам или поместят в общую? Или дадут лекарство? Или возьмут еще анализы?

Мэри сняла манжету с руки Монтойи и выдала ей последний комплект опросников.

— Мистер Латимер! Теперь вы.

Латимер встал, сжимая в руке бумаги. Окинув их недоуменным взглядом, он положил стопку на стул и двинулся к Мэри, но с полпути вернулся за пакетом с подарками.

— Вот, вы оставили в Брэйзноузе, — вручая пакет Мэри, сообщил он.

— Спасибо. Поставьте сюда, под стол, хорошо? У меня перчатки стерильные.

Латимер сделал, как она просила, слегка перекособочив пакет. Хвост шарфа вывалился на пол, и Латимер стал запихивать его обратно.

— А я совсем про него позабыла. Во всей этой суматохе… — И тут Мэри ахнула, прижав ладонь в стерильной перчатке ко рту. — Боже мой! Колин! Из головы вылетело… Сколько времени?

— Четыре часа восемь минут, — сообщила Монтойя, даже не взглянув на свои электронные.

— Он должен был приехать в три. — Мэри встала, и пробирки в держателе зазвенели.

— Может быть, он понял, что ты его не встретишь, и пошел к тебе в общежитие? — предположил Дануорти.

Мэри покачала головой.

— Он первый раз в Оксфорде. Поэтому я и обещала его встретить. А сама только сейчас о нем и

вспомнила, — обескураженно договорила она.

— Тогда он наверняка еще в метро, на станции, — обнадежил Дануорти. — Давай я за ним съезжу?

— Нет. Ты контактировал с носителем вируса.

— Тогда позвоню на станцию. Можешь сказать ему, чтобы взял такси. Куда он должен был приехать? На «Корнмаркет»?

— Да, «Корнмаркет».

Дануорти набрал номер справочной, с третьей попытки дозвонился, списал с экрана нужный телефон и позвонил на станцию. Там было занято. Он нажал отбой и попробовал еще раз.

— Колин ваш внук? — поинтересовалась Монтойя, откладывая в сторону комплект бумаг. Остальные словно ничего не заметили. Гилкрист заполнял опросники, недовольно хмурясь, будто обнаружил еще одно свидетельство халатности и некомпетентности. Латимер с закатанным рукавом сидел смирно. Санитарка все так же спала.

— Внучатый племянник. Должен был приехать сюда на рождественские каникулы. На метро.

— А когда объявили карантин?

— В десять минут четвертого.

Дануорти поднял руку, показывая, что дозвонился.

— Это станция «Корнмаркет»? — Явно. На экране виднелись ворота и недовольная толпа за спиной начальника станции. — Я звоню по поводу мальчика, который должен был приехать в три часа. Из Лондона. Ему двенадцать. — Дануорти накрыл трубку ладонью и повернулся к Мэри: — Как он выглядит?

— Светловолосый, с голубыми глазами. Не по возрасту высокий.

— Высокий, — повторил Дануорти, перекрывая гул толпы. — Его зовут Колин…

— Темплер, — подсказала Мэри. — Дейдра обещала посадить его в час дня на «Марбл-Арч».

— Колин Темплер. Вы его не видели?

— Вы вообще понимаете, о чем спрашиваете? — прорычал начальник станции. — У меня тут полтысячи человек, а вам нужен какой-то мальчик. Смотрите, что творится.

На экране показалась колышущаяся толпа. Дануорти принялся высматривать высокого светловолосого мальчика с голубыми глазами, но перед ним снова возникло лицо начальника.

— Карантин ввели, — перекрикивая толпу, которая с каждой минутой шумела все громче, излагал начальник, — у меня тут полная станция народа, и всем нужно знать, почему поезда не

ходят и почему это я бездельничаю. Я их едва сдерживаю, чтобы они мне станцию не разнесли. Куда мне еще мальчишек искать?

— Его зовут Колин Темплер, — прокричал Дануорти. — За ним должна была приехать двоюродная бабушка.

— Так и приезжала бы, мне хлопот меньше. Народ бушует, всем надо знать, когда снимут карантин и почему я ничего не предпринимаю. — Связь резко оборвалась — то ли начальник повесил трубку, то ли ее выхватил у него из рук рассерженный пассажир.

— Ну что, он видел Колина? — спросила Мэри.

— Нет. Надо кого-то за ним отправить.

— Да, сейчас кого-нибудь найду. — Мэри вышла в коридор.

— Карантин объявили в десять минут четвертого, а он должен был приехать только в три, — напомнила Монтойя. — Может, он опоздал.

Об этом Дануорти не подумал. Если карантин застал поезд на подступах к Оксфорду, состав могли остановить на ближайшей станции и пустить пассажиров в объезд или отправить обратно в Лондон.

— Позвоните еще раз на станцию. — Дану-

орти передал Монтойе трубку и продиктовал номер. — Скажите, что поезд отправлялся в час с «Марбл-Арч». А я найду Мэри, пусть позвонит племяннице. Может, Колин уже домой вернулся.

Он выглянул в коридор, собираясь попросить сестру, чтобы отыскала Мэри, но сестры там не оказалось. Наверное, ее и послали на станцию.

В коридоре не было никого. Оглянувшись, Дануорти поспешно подошел к телефону-автомату и набрал номер Баллиола. Вдруг, чем черт не шутит, Колин все же добрался к Мэри на квартиру. Он пошлет Финча туда, а если Колина там нет, то на станцию. Все равно в одиночку мальчика в этой неразберихе вряд ли кто отыщет.

— Хелло, — ответила появившаяся на экране женщина.

Дануорти озадаченно посмотрел на высветившийся номер. Нет, набран правильно.

— Я звоню мистеру Финчу в колледж Баллиол.

— Его сейчас нет. — Женщина говорила с американским акцентом. — А я мисс Тейлор. Что ему передать?

Судя по всему, она из ансамбля звонарей. Такая молодая, не намного старше тридцати, и слишком хрупкая для звонаря.

— Передайте, пожалуйста, как вернется, пусть

позвонит мистеру Дануорти в лечебницу.

— «Мистер Дануорти», — записала она. — А, мистер Дануорти! — Тон ее резко изменился. — Так это из-за вас мы тут застряли?

Что ей ответить? Сам виноват, не надо было звонить в студенческий зал. Финч ведь должен быть у казначея.

— Государственная служба здравоохранения вводит временный карантин в случае неустановленного заболевания. Обычная мера предосторожности. Приношу извинения за причиненные неудобства. Мой секретарь постарается поскорее вас разместить, и если я чем-то могу вам помочь…

— Помочь? Помочь?! Доставить нас в Или, вот чем вы можете нам помочь! В восемь вечера у нас концерт, а завтра нам нужно быть в Норидже, чтобы звонить там на Рождественской службе.

Ну уж нет, пусть кто-нибудь другой ей сообщает, что в Норидж их завтра не выпустят.

— Я уверен, в Или уже все знают, но я с радостью позвоню им в собор и объясню…

— Объясните? Может, заодно и мне объясните? Я не привыкла к такому вопиющему нарушению гражданских свобод. В Америке ни у кого и в мыслях нет указывать, куда можно, а куда нельзя

ходить.

«Вот поэтому во время Пандемии погибли больше десяти миллионов американцев».

— Уверяю вас, мэм, карантин введен для вашей же безопасности, а организаторы концертов обязательно пойдут вам навстречу и перенесут выступления. А пока вы самые желанные гости в Баллиоле. Я рад буду увидеться с вами лично. Мы столько о вас слышали!

«Кабы так, я напугал бы вас карантином, когда вы еще только отправляли мне заявку на приезд».

— Рождественскую службу нельзя перенести. Мы готовим новый концерт — «Малый чикагский сюрприз». Нориджское отделение рассчитывает на нас, и мы намерены…

Дануорти нажал отбой. Финч, наверное, у казначея, ищет медкарту Бадри, но Дануорти туда звонить не рискнул, побоявшись нарваться еще на какую-нибудь участницу ансамбля. Он стал набирать найденный в справочнике номер Регионального транспортного управления.

В конце коридора открылась дверь, вошла Мэри.

— Звоню в Региональное транспортное, — пояснил Дануорти и, набрав оставшиеся цифры,

передал Мэри трубку.

Она с улыбкой отмахнулась.

— Все в порядке. Я только что говорила с Дейдрой. Поезд Колина остановили в Бартоне. Пассажиров отправили на метро обратно в Лондон, и Дейдра сейчас едет за ним на «Марбл-Арч». — Мэри вздохнула. — Она не особенно рада его возвращению. Планировала встречать Рождество с семьей своего нового бойфренда, так что Колин там явно некстати, но что уж теперь поделаешь. Хорошо, хотя бы в нашу заварушку не попал.

В голосе Мэри слышалось облегчение. Дануорти положил трубку.

— Настолько серьезно?

— Только что пришла предварительная идентификация. Миксовирус типа А. Грипп.

Дануорти опасался худшего — какой-нибудь лихорадки из третьего мира или ретровируса. Гриппом ему доводилось болеть, давно, до введения антивирусных препаратов. Да, хорошего мало — самочувствие поганое, жар, тело ломит, но если обеспечить постельный режим и обильное питье, через несколько дней идешь на поправку.

— Значит, карантин снимут?

— Только после того, как мы добудем медкарту

Бадри. Я все еще надеюсь, что он всего-навсего пропустил последний курс прививок. Если нет, тогда придется ждать, пока мы отыщем источник заражения.

— Но ведь это всего лишь грипп.

— Если антигенный дрейф небольшой, точечный, то да, всего лишь грипп, — кивнула Мэри. — А если серьезный сдвиг, шифт, то это уже инфлюэнца, и это гораздо серьезнее. «Испанка» 1918 года тоже была миксовирусом. Она унесла двадцать миллионов жизней. Вирусы мутируют каждые несколько месяцев. Поверхностные антигены меняются, делая вирус неузнаваемым для иммунной системы. Поэтому и важно делать сезонные прививки. Однако от большого антигенного сдвига они не защитят.

— А это он и есть?

— Вряд ли. Крупные мутации случаются раз в десять лет, не чаще. Скорее всего Бадри просто забыл сделать прививки. Он в начале семестра никуда на объект не выезжал?

— Не знаю. Мог.

— Если да, то велика вероятность, что пропустил. Тогда у него обычный зимний грипп.

— А Киврин? Она делала прививки?

— Да. И еще полный антивирусный курс и

Т-клеточное наращивание. Защищена со всех сторон.

— Даже на случай инфлюэнцы?

Мэри замешкалась с ответом на долю секунды.

— Если она подверглась воздействию вируса только сегодня утром при контакте с Бадри, то ей ничего не грозит.

— А если раньше?

— Если я тебе скажу, ты только зря растревожишься, а оно того не стоит, я уверена. Все курсы были проведены с таким расчетом, чтобы иммунитет достиг своего пика к моменту переброски.

— И Гилкрист передвинул отправку на два дня вперед, — с горечью подхватил Дануорти.

— Я бы никуда ее не пустила, не будь я уверена, что все в порядке.

— Но ты ведь не рассчитывала, что она проконтактирует с вирусом инфлюэнцы, не успев еще никуда отправиться.

— Нет, но это ничего не меняет. Частичный иммунитет у нее имеется, и потом мы ведь не знаем наверняка, проконтактировала она или нет. Бадри к ней и не приближался.

— А если она подверглась воздействию раньше?

— Ведь знала, что не надо тебе говорить, —

вздохнула Мэри. — У большинства миксовирусов инкубационный период составляет от двенадцати до двадцати четырех часов. Даже если Киврин проконтактировала два дня назад, иммунитет уже был достаточно силен, чтобы побороться с вирусом и помешать ему размножиться. Если симптомы и будут, то слабые. Но это не инфлюэнца. — Мэри успокаивающе похлопала Дануорти по плечу. — К тому же ты забываешь о парадоксах. Если она подхватила вирус, значит, она чрезвычайно заразна. Сеть ее бы не пропустила.

— Каковы шансы, что у населения Англии 1320 года окажется иммунитет?

— К современному вирусу? Почти никаких. Там около тысячи восьмисот возможных точек мутации. Если современники не переболели именно этим вирусом, они все в группе риска.

Риск.

— Мне нужно к Бадри. В пабе он сказал: «Что-то не так». И повторял всю дорогу до больницы.

— Разумеется, не так, — ответила Мэри. — У него серьезная вирусная инфекция.

— Или он знает, что заразил Киврин. Или не смог сделать привязку.

— Он говорил, что сделал. — Мэри посмотрела сочувственно. — Я так понимаю, бесполезно

просить тебя не беспокоиться о Киврин. Ты сам видел, как я паниковала из-за Колина. Однако я не зря сказала, что им чем дальше отсюда, тем лучше. Киврин там куда в большей безопасности, даже среди душегубов и разбойников, которых ты никак не выкинешь из головы. Зато ей не надо возиться с карантинными требованиями Госздрава.

— И американскими звонарями, — улыбнулся Дануорти. — Америку ведь еще не открыли.

Дверь в конце коридора с грохотом распахнулась, и внутрь влетела дородная женщина с большим саквояжем.

— Вот вы где, мистер Дануорти! — загремел по коридору ее трубный глас. — Я вас повсюду ищу!

— Это кто-то из звонарей? — спросила Мэри.

— Хуже. Это миссис Гаддсон.

Глава шестая

Под деревьями и у подножия холма сгущались сумерки. Голова у Киврин начала разламываться еще на подходах к замерзшей колее, словно реагируя на эти едва заметные перепады высоты и света.

Повозка совсем затерялась в лесу, Киврин не видела ее, даже встав прямо напротив ларчика, а когда попробовала вглядеться в густую темноту, голова заболела еще сильнее. Если это «незначительные симптомы перескока во времени», как же тогда выдерживают значительные?

«Когда вернусь, — думала Киврин, продираясь сквозь чащу, — надо будет пообщаться с доктором Аренс. Похоже, они там недооценивают пагубное воздействие этих „незначительных симптомов“ на историка». Спуск с холма отнял еще больше сил, чем подъем, к тому же холод пробирал до костей.

Плащ цеплялся за ветки, волосы тоже, на руке появилась длинная царапина, которая начала саднить. Споткнувшись, Киврин чуть не растянулась на земле, и от толчка голова на секунду перестала болеть, а потом вновь загудела с удво-

енной силой.

На поляне почти стемнело, хотя очертания еще просматривались — краски не столько угасали, сколько сгущались. Черно-зеленый, черно-коричневый, черно-серый… Птицы устраивались на ночлег. Уже, видимо, перестав смущаться присутствия Киврин, они почти не прерывали своих вечерних серенад и колыбельных.

Наскоро собрав разбросанные ящики и расколотые короба, Киврин побросала их в накренившуюся повозку и, ухватившись за дышло, потащила к дороге. Повозка сдвинулась на пару дюймов, скользнула по коврику из прелых листьев — и застряла. Киврин уперлась покрепче в землю и снова дернула. Повозка накренилась сильнее. Какой-то из коробов полетел на землю.

Киврин вернула его на место и обошла вокруг повозки, выясняя, чем она застревает. Правое колесо уперлось в корень дерева, но вытолкнуть можно, если найти где ухватиться. Только не с этой стороны — эту сторону изрубили топором, чтобы выглядело, будто повозка разбилась, когда ее занесло. Постарались на славу. Одни щепки. «Просила ведь мистера Гилкриста, чтобы разрешил мне надеть перчатки».

Киврин зашла с другой стороны, взялась за ко-

лесо и стала толкать. Оно не поддавалось. Тогда, подобрав подол платья и плащ, она опустилась рядом с колесом на колени, чтобы подпереть его плечом и вытолкнуть вверх.

Рядом с колесом отпечатался след ноги. На гладком, не занесенном листьями пятачке шириной как раз со ступню. Вокруг лежала ковром опавшая листва, и на ней, конечно, никаких следов в сумерках было не разглядеть, зато этот след просматривался отчетливо.

«Нет, не может быть, — подумала Киврин. — Земля ведь мерзлая». Она коснулась отпечатка рукой — вдруг это тень или оптический обман. На застывшей колее ничего бы не отпечаталось, но здесь земля упруго подалась под ее рукой. След оказался достаточно глубоким.

След ноги в обуви на плоской мягкой подошве — большой ноги, крупнее, чем у Киврин. Мужской ноги. Но ведь мужчины в XIV веке были куда ниже ростом, и размер ноги у них должен быть соответствующий. А тут просто гигантская лапища.

«Может, это старый след?» — лихорадочно размышляла Киврин. Дровосека или крестьянина, который разыскивал заблудившуюся овцу. А может, здесь проезжала королевская охота?

Хотя непохоже, чтобы этот след оставили в пылу погони. Нет, человек стоял тихо и наблюдал. «Я ведь его слышала! — Киврин почувствовала панический спазм в горле. — Я слышала, как он тут дышал».

Она застыла на коленях, вцепившись в колесо. Если этот человек — этот верзила — все еще где-то поблизости и наблюдает за ней, он увидит, что она обнаружила след.

— Ау! — крикнула Киврин, перепугав птиц до полусмерти. Щебетанье сменилось гвалтом и хлопаньем крыльев, потом все стихло. — Есть здесь кто-нибудь?

Она постояла, прислушиваясь, и ей показалось, что рядом снова кто-то дышит.

— Отзовитесь! Мне грозит погибель и слуги мои разбежались.

«Отлично, молодец. Теперь он знает, что ты одна и совершенно беззащитна».

— Ау! — крикнула она снова и двинулась в осторожный обход по поляне, всматриваясь в темноту между деревьями. Ничего не видно, даже если он там, она его все равно не разглядит. За кромкой поляны все сливалось в одну сплошную тень. Даже дорогу и рощицу теперь не отыскать. Провозится еще дольше, и станет совсем темно,

как тогда вытаскивать повозку?

Впрочем, вытаскивать ее теперь все равно нельзя. Тот, кто наблюдал за Киврин, стоя между двумя дубами, уже знает, что повозка в лесу. Может, он даже видел, как она возникла из ниоткуда, в искристом мерцании, будто наколдованная алхимиком. Тогда он наверняка побежал за столбом для костра, который, по уверениям мистера Дануорти, здесь припасен у каждого. Но если так, он бы все равно что-нибудь сказал. Хотя бы «Батюшки-светы!» или «Свят-свят-свят!» и Киврин услышала бы, как он ломится через подлесок.

А раз он не убежал, значит, при появлении не присутствовал. Он набрел на нее позже, увидел, как она лежит без сознания в лесу рядом с перевернутой повозкой. И что подумал? Что ее ограбили на дороге, а сюда отволокли, чтобы скрыть следы?

Тогда почему он не попытался помочь? Почему стоял, молчаливый, словно дуб, успел даже оставить глубокий отпечаток, а потом снова скрылся? Может, решил, что она мертва? И испугался необряженного тела? Ведь вплоть до XV века бытовало поверье, что в тело усопшего, не погребенного по всем правилам, тут же вселяются злые духи.

А может, как раз наоборот, он побежал за помо-

щью — например, в тот же Скендгейт — и теперь сюда спешит полдеревни с фонарями.

Тогда нужно оставаться на месте и ждать. Даже, наверное, лучше лечь. Они придут, начнут строить вслух догадки, понесут ее в деревню, и она, как предполагалось с самого начала, сможет услышать их говор. А что, если он вернется один? Или с друзьями, но совсем не для того, чтобы помочь?

Мысли путались. Теперь ломило не только виски, но и лоб. Киврин потерла его рукой, и в ушах зазвенело. А холодно-то как! Этот плащ, несмотря на кроличий мех, совсем не греет. Как люди пережили Малый ледниковый период в таких плащах? А кролики как пережили?

Ладно, с холодом еще можно бороться. Насобирать хворост и разжечь костер, а потом, если хозяин отпечатка вернется с недобрыми намерениями, отогнать его горящей головней. Если же он пошел за подмогой и не может отыскать повозку, то огонь укажет ему путь.

Киврин заново обошла поляну, выискивая хворост. Дануорти настоял, чтобы она научилась разводить костер без трута и кремня. «Гилкрист хочет, чтобы вы бродили по Средневековью в разгар зимы, не умея даже костер развести?» —

возмущался он, и Киврин в оправдание сказала, что ей ведь, по вероятностным подсчетам, не придется проводить много времени на открытом воздухе. Но все-таки могли бы учесть, как тут холодно.

От мерзлых веток леденели руки, каждый наклон отдавался головной болью. В конце концов она перестала нагибаться, просто шарила по земле, не опуская голову. Помогло, но не слишком. Может, это все от холода — и раскалывающаяся голова, и бессилие? Надо поскорее разжечь костер.

Хворост был сырым и заледеневшим. Не загорится. И листья тоже сырые, прелые, на растопку не пойдут. Нужен сухой трут и острая палка. Сложив охапку хвороста у корней дерева и стараясь не качать головой, Киврин пошла назад к повозке.

На раскуроченной стороне повозки нашлось несколько подходящих щепок. Киврин посадила две занозы, пока их отламывала, зато разжилась сухой растопкой — хоть и холодной. Углядев прямо над колесом большой заостренный обломок, Киврин нагнулась к нему — и чуть не упала от накатившего головокружения и тошноты.

— Давай-ка ты лучше ложись, — велела она

самой себе вслух.

Держась за борт повозки, Киврин осела на землю.

— Доктор Аренс, — прерывающимся голосом сказала она, — пора бы что-то изобрести против симптомов перескока. Это тихий ужас.

Надо чуть-чуть отлежаться, тогда, может быть, головокружение пройдет и получится разжечь костер. Но для этого нужно нагибаться, а у нее при одной мысли тошнота к горлу подкатывает.

Натянув на голову капюшон, Киврин закрыла глаза. Боль тут же усилилась, словно била теперь в одну точку. Что-то не так. Не может это быть реакцией на перемещение во времени. Симптомы предполагались незначительные, затухающие в течение пары часов, а не усиливающиеся. Легкая головная боль, небольшая слабость. Доктор Аренс ничего не говорила о тошноте и о сотрясающем все тело ознобе.

Ужасно холодно. Она завернулась в плащ, как в одеяло, но от этого стало почему-то еще холоднее. Зубы застучали, как тогда, на холме, а плечи затрясло крупной дрожью.

«Я умру от холода. Но сделать ничего не могу. Не могу встать и развести костер. Не могу, слишком холодно. Жаль, что вы ошиблись насчет совре-

менников, мистер Дануорти… — Даже от этих коротких мыслей ее мутило. — Как бы славно было сейчас оказаться на костре!»

Она не поверила бы, что забылась сном, скорчившись на мерзлой земле. Она не заметила разливающееся по телу тепло, а заметив, подумала бы, что это немеют руки и ноги от переохлаждения, и попыталась бы как-то бороться. Однако все-таки она заснула, потому что, когда она снова открыла глаза, в лесу стояла ночь, глухая черная ночь, а высоко в ветвях запутались морозные звезды, и Киврин смотрела на них с земли.

Во сне она сползла ниже и теперь сидела, привалившись головой к колесу. Ее все еще била дрожь, хотя зубы клацать перестали. Голова гудела, словно колокол, ломило все кости, особенно в груди, к которой она прижимала хворост, собранный для костра.

«Что-то не так», — подумала Киврин, пугаясь уже по-настоящему. Может, у нее какая-то неведомая аллергия на путешествия во времени? Такое бывает? Дануорти ничего не говорил про аллергические реакции, а ведь столькими напастями пугал — и насильниками, и холерой, и тифом, и чумой.

Повернув руку под плащом, она потрогала

вздувшееся после антивирусной прививки место укола. Вздутие еще чувствовалось, но уже не болело и не чесалось. Может, это как раз и плохо? Раз не чешется, значит, не действует?

Киврин попыталась поднять голову. Закружилась. Тогда она осторожно опустила ее обратно и выпростала руки из-под плаща, медленно и плавно, чувствуя, как накатывает с каждым движением тошнота. Она поднесла сложенные ладони к губам.

— Мистер Дануорти, кажется, меня нужно забирать.

Она заснула снова, а когда проснулась, услышала тоненький дребезжащий рождественский перезвон. «Отлично! Значит, сеть открыли». Киврин попыталась сесть, прислонившись к колесу.

— Мистер Дануорти, я так рада, что вы пришли, — проговорила она, борясь с тошнотой. — Я боялась, что вы не получите сообщение.

Дребезжащий звон усилился, в темноте забрезжил огонек. Киврин подтянулась повыше.

— Вы разожгли костер? Правильно вы меня предупреждали насчет холода. — Колесо повозки леденило спину через плащ. Зубы снова принялись выбивать дробь. — И доктор Аренс тоже.

Надо было подождать, пока сойдет вздутие. Я не знала, что такая сильная будет реакция.

Нет, это все-таки не костер. Это фонарь. Дануорти шел к ней с фонарем.

— Это ведь не значит, что я подхватила вирус? Или чуму? — Зубы клацали так, что слова давались с трудом. — Что может быть ужаснее? Заболеть чумой в Средневековье… Зато сойду за свою.

Она рассмеялась пронзительным, почти истерическим смехом, который наверняка перепугал бы Дануорти до полусмерти.

— Ничего. — Киврин едва разбирала собственные слова. — Я знаю, что вы беспокоитесь, но все будет в полном порядке. Только…

Он остановился перед ней, дрожащее пятно света от фонаря выхватило из темноты его ноги. Дануорти был обут в бесформенные кожаные башмаки, совсем как те, что оставили след на поляне. Киврин хотела спросить его про эту странную обувку, узнать, не Гилкрист ли заставил его облачиться в «аутентичный средневековый наряд», но от прыгающего света вновь закружилась голова.

Киврин закрыла глаза, а когда открыла, он стоял перед ней на коленях. Поставленный на

землю фонарь высвечивал капюшон и сложенные руки.

— Все в порядке. Я знаю, вы беспокоитесь, но со мной все в порядке. Правда. Просто чуть-чуть приболела.

Он поднял голову. «*Certes, it been derlostuh dayes forgott foreto getest hissahntes im aller*». Лицо у него оказалось суровое, все в морщинах, жестокое лицо разбойника. Он увидел, что она тут лежит, потом ушел, дождался темноты и теперь вот вернулся.

Киврин хотела оттолкнуть его, но руки запутались в складках плаща.

— Уходи, — язык не ворочался, зуб на зуб не попадал. — Уходи…

Он произнес еще что-то, на этот раз с вопросительной интонацией. Киврин не понимала, что он говорит. «Это средневековый английский. Я учила его три года, я спец по флексиям прилагательных. Я должна его понимать. Это все от жара. У меня жар, поэтому я не понимаю ни слова».

Незнакомец повторил вопрос, а может, задал новый, она даже этого не разобрала.

«Это все из-за болезни. Я не понимаю, потому что больна».

— Милостивый сударь… — Она забыла, что там

дальше. — Помогите. — Она пыталась вспомнить, как это будет на средневековом, но в голове осталась одна церковная латынь. — Domine, ad adjuvandum te festina[6].

Он склонил голову над сложенными ладонями и принялся бормотать себе под нос, а потом Киврин, наверное, потеряла сознание, потому что он поднял ее на руки и понес. Откуда-то из открытой сети по-прежнему плыл надтреснутый колокольный звон, и она пыталась разобрать, с какой стороны доносится это дребезжание, но все перекрывал стук зубов.

— Я заболела, — сказала Киврин, когда он усаживал ее на белого коня. Повалившись вперед, она ухватилась за гриву, чтобы не упасть. Всадник придержал ее рукой за талию. — Не понимаю, как так вышло. Я сделала все прививки.

Ослик медленно тронулся вперед. В узде тоненько зазвенели бубенцы.

Запись из «Книги Страшного суда»

(000740-000751)

Мистер Дануорти, кажется, меня нужно заби-

---

[6] Примечания: 1.6
Господи, поспеши на помощь мне.

рать.

Глава седьмая

— Я так и знала! — Миссис Гаддсон летела по коридору на всех парах. — Он подхватил какую-то жуткую болезнь? Все эта гребля!

Мэри шагнула вперед.

— Сюда нельзя. Здесь инфекционное отделение.

Миссис Гаддсон это не остановило. Она шагала, угрожающе размахивая саквояжем, и с прозрачного дождевика, надетого поверх пальто, летели крупные брызги.

— Вы не можете мне запретить. Я его мать. Я требую встречи!

— Стойте! — голосом дежурной сестры велела Мэри, вскидывая руку вверх, словно регулировщик.

Миссис Гаддсон, как ни странно, остановилась.

— Мать имеет полное право навестить своего сына. Он очень болен? — спросила она, смягчая тон.

— Если вы про своего сына Уильяма, то он не болен вовсе, — ответила Мэри, — насколько мне известно. Нет-нет, не приближайтесь, стойте там, — попросила она, снова вскидывая руку. —

Почему вы решили, что Уильям заболел?

— Догадалась в тот самый миг, как объявили карантин. Когда начальник станции сказал «временный карантин», меня будто молния поразила. — Она поставила саквояж, чтобы показать, куда именно ее поразила молния. — Все потому, что он не принимал витамины. Я ведь обращалась к руководству колледжа, чтобы проследили. — Она метнула на Дануорти убийственный взгляд, которому взгляды Гилкриста и в подметки не годились. — А мне в ответ, мол, он уже большой, может сам о себе позаботиться. Вот и ошиблись.

— Карантин ввели вовсе не из-за Уильяма, а из-за университетского оператора, который слег с вирусной инфекцией.

Дануорти мысленно поблагодарил Мэри за то, что не сказала «баллиольского оператора».

— Пока оператором все и ограничивается, нет никаких признаков, что болезнь распространится. Карантин всего лишь мера предосторожности, уверяю вас.

Миссис Гаддсон это не убедило.

— Мой Уилли всегда был болезненным. Он совсем о себе не думает, корпит над книжками, а в комнате сплошные сквозняки. — Она кинула еще

один уничтожающий взгляд на Дануорти. — Удивительно, как он в самом деле не слег с вирусной инфекцией.

Мэри опустила руку и нашарила в кармане пейджер. «Надеюсь, она вызовет подмогу», — подумал Дануорти.

— Всего семестр в Баллиоле, и мой мальчик уже успел основательно подорвать здоровье. А в довершение куратор оставляет его на каникулы читать Петрарку! — бушевала миссис Гаддсон. — Разве я могла не приехать? Как представлю, что он тут один-одинешенек на Рождество, питается бог знает чем, губит себя, чахнет… Материнское сердце не выдержало.

Она снова ткнула кулаком туда, куда ее «пронзила молния».

— Это перст судьбы, что я приехала именно сейчас. Воистину перст судьбы. Я чуть не опоздала на поезд, этот саквояж безумно неудобный, и у меня мелькнула мысль: «А, ладно, поеду на следующем». Но мне так не терпелось увидеть Уилли… Я крикнула, чтобы подержали двери, и стоило мне выйти на «Корнмаркет», как начальник объявляет: «Временный карантин. Отправление поездов откладывается». Только подумать, если бы я не успела на этот поезд и села на следующий, меня

бы не пустили из-за карантина.

Да, подумать только.

— Уверен, Уильям очень удивится вашему приезду, — сказал Дануорти в надежде, что она отправится на поиски сына.

— О да, — мрачно ответила миссис Гаддсон. — Наверняка сидит на сквозняке и без шарфа. Он этот вирус как пить дать подхватит. Он все хватает. В детстве сплошные аллергии и сыпь. Вот увидите, заразится. Но мамочка здесь, мамочка его выходит.

Дверь распахнулась, и в коридор вбежали двое в масках, халатах, перчатках и каких-то бумажных накидках на обувь. Увидев, что никто не лежит без сознания на полу, они перешли на шаг.

— Помещение нужно изолировать и повесить соответствующий знак на двери, — распорядилась Мэри. — Боюсь, вы тоже могли подвергнуться воздействию вируса, — продолжила она, обращаясь к миссис Гаддсон. — Мы пока не определили способ передачи, поэтому не исключаем воздушный путь.

На какой-то жуткий миг мистеру Дануорти показалось, что сейчас она посадит миссис Гаддсон к ним в комнату ожидания.

— Проводите, пожалуйста, миссис Гаддсон в

изоляционный бокс, — попросила она кого-то из облаченных в халаты с масками. — Нужно будет взять анализ крови и переписать всех, с кем вы контактировали. А вы, мистер Дануорти, пойдемте со мной. — Не дожидаясь протестов миссис Гаддсон, она увела его в комнату ожидания и закрыла дверь. — Сохраним бедняге Уилли несколько лишних часов свободы.

— От этой особы любой сыпью покроется, — кивнул Дануорти.

Все, кроме санитарки, подняли взгляды на вошедших. Латимер так и сидел с закатанным рукавом у стойки с пробирками. Монтойя разговаривала по телефону.

— Поезд Колина завернули назад, — объяснила Мэри. — Наверное, он уже дома.

— Это хорошо, — порадовалась Монтойя, освобождая телефон, который тут же перехватил Гилкрист.

— Простите, мистер Латимер, что заставила вас ждать. — Мэри вскрыла упаковку защитных перчаток и начала собирать иглу для взятия крови.

— Могу я поговорить со старшим куратором? — произнес Гилкрист в трубку. — Да. Я разыскиваю мистера Бейсингейма. Да, я подожду.

«Старший куратор понятия не имеет, где он

может быть, — подумал Дануорти. — И казначей тоже». Он уже спрашивал у них, когда пытался остановить переброску. Казначей даже про Шотландию не знал.

— Рада, что парень нашелся, — сказала Монтойя, глядя на часы. — Как думаете, сколько нас здесь еще продержат? Мне срочно нужно на раскоп, пока он не превратился в болото. Мы сейчас копаем скендгейтский погост. Большая часть захоронений относится к XV веку, но есть несколько умерших от чумы и несколько до Вильгельма Завоевателя. На прошлой неделе нашли могилу рыцаря. Отлично сохранилась. Интересно, Киврин уже там?

«Там — надо понимать, в деревне, а не на кладбище», — догадался Дануорти.

— Надеюсь, — ответил он.

— Я просила ее сразу же начать записывать наблюдения по Скендгейту, все что касается деревни и церкви. И особенно этой могилы. Надпись там частично стерлась, как и часть резьбы, но дата читается — 1318 год.

— У меня неотложное дело. — Гилкрист возмущенно сопел, дожидаясь, пока ответят на том конце провода. — Да знаю я, что он на рыбалке! Я хочу выяснить, где именно.

Мэри заклеила руку Латимера пластырем и махнула Гилкристу. Тот помотал головой. Мэри пошла будить санитарку. Сонно моргая, она послушно последовала к тумбочке с пробирками.

— Очень многое можно установить лишь в ходе непосредственного наблюдения, — продолжала Монтойя. — Я велела Киврин записывать все подробно. Надеюсь, места на этом чипе хватит. Он такой крошечный. — Монтойя снова взглянула на часы. — Еще бы. Вы его не видели до имплантации? Не отличишь от костной шпоры.

— Шпоры? — Дануорти смотрел на пробирку, в которую струилась кровь медсестры.

— Чтобы не возникло анахронизма, если чип вдруг обнаружат. Как раз помещается на ладонной стороне ладьевидной кости. — Она потерла косточку под большим пальцем.

Мэри махнула рукой Дануорти, и санитарка встала, раскатывая рукав. Дануорти опустился на ее место. Отлепив защитную бумагу с датчика, Мэри прикрепила его на тыльную сторону запястья Дануорти, а потом выдала ему пилюлю глотательного термометра.

— Пусть казначей перезвонит мне на этот номер, как только вернется, — попросил Гилкрист и повесил трубку.

Выхватив у него телефон, Монтойя лихорадочно забегала пальцами по кнопкам.

— Привет. Можете сообщить мне границы карантина? Они захватывают Уитни? Там мой раскоп. — На том конце провода, видимо, сообщили, что нет. — Тогда с кем я могу поговорить о переносе границ? Это срочно!

«У всех что-то срочное и безотлагательное, — подумал Дануорти, — и никому даже в голову не приходит побеспокоиться о Киврин. Конечно, о чем там беспокоиться? Диктофонный чип замаскирован под костную шпору, чтобы не вызвать анахронизма, если современникам заблагорассудится отсечь ей руки, прежде чем тащить на костер».

Мэри померила ему давление, потом ткнула в вену иглой.

— Если телефон когда-нибудь освободится, — сказала она, заклеивая ранку пластырем и кивая Гилкристу, который нетерпеливо переминался рядом с Монтойей, — надо бы позвонить Уильяму Гаддсону и предупредить, что мамуля вот-вот нагрянет.

— Да, номер Национального треста, — подтвердила Монтойя и, повесив трубку, нацарапала номер на первой попавшейся брошюре.

Телефон запиликал. Гилкрист, не дойдя до Мэри, кинулся к нему, опережая Монтойю.

— Нет, — буркнул он и нехотя передал трубку Дануорти.

Звонил Финч. Из кабинета казначея.

— Взяли карту Бадри?

— Да, сэр. Здесь полиция, сэр. Ищут, куда поместить иногородних, застрявших в Оксфорде из-за карантина.

— Предлагают нам поселить их в Баллиоле?

— Да, сэр. Сколько мы можем принять?

Мэри встала, держа в руках пробирку с кровью Гилкриста, и стала делать какие-то знаки Дануорти.

— Минуту, — попросил он, нажимая кнопку удержания звонка.

— Просят приютить карантинных? — спросила Мэри.

— Да.

— Все комнаты не отдавай, могут понадобиться под лазарет.

— Скажите им, что можем разместить в Фишеровском, — отпуская кнопку, проинструктировал Дануорти Финча, — и в оставшиеся комнаты в Сальвине. Если еще не расселили звонарей, уплотните их, пусть селятся по две в комнату. Пе-

редайте полиции, что корпус Балкли-Джонсона затребовала под свои нужды лечебница. Так вы говорите, нашли карту Бадри?

— Да, сэр. Всю голову сломал, пока нашел. Оказалось, казначей записал его как «Бадри» запятая «Чаудри», а американки…

— Номер полиса ГСЗ выяснили?

— Да, сэр.

— Тогда передаю трубку доктору Аренс, — поспешно сказал Дануорти, не дожидаясь, пока Финч пустится в повествование о звонарях, и махнул Мэри. — Вы прямо ей все и продиктуете.

Мэри заклеила пластырем руку Гилкриста, а на тыльную сторону кисти прикрепила температурный датчик.

— Я дозвонился в Или, сэр, — договорил Финч. — Сообщил про отмену концерта, и мы очень мило пообщались, но американки все равно расстроены.

Мэри записала результаты обследования Гилкриста, стянула перчатки и взяла у Дануорти трубку.

— Финч? Это доктор Аренс. Продиктуйте, пожалуйста, номер полиса Бадри.

Нацарапав его на подсунутом Дануорти списке «вторичных», она попросила зачитать историю

прививок и принялась неразборчиво черкать на том же листе.

— Аллергические реакции отмечены? — Она выслушала ответ. — Нет, не надо. Остальное я добуду в компьютере. Если еще что-то понадобится, я вам перезвоню. — Мэри вернула трубку Дануорти. — Он просит тебя. — Прихватив записи с собой, она удалилась.

— Им очень не нравится эта вынужденная задержка. — Финч вернулся к прерванному разговору. — Мисс Тейлор грозит подать в суд за непреднамеренный срыв контракта.

— Когда у Бадри записан последний курс антивирусных препаратов?

Финч долго копался в пачке распечаток, страниц из Евангелия и накладных на туалетную бумагу.

— Вот, сэр, нашел. Четырнадцатого сентября.

— Курс проведен полностью?

— Да, сэр. Аналоги рецепторов, активатор микофеноловой кислоты и сезонные прививки.

— Аллергия на антивирусы имелась когда-нибудь?

— Нет, сэр. В графе «аллергии» пусто. Я ведь уже сказал доктору Аренс.

Прививки сделаны полностью. Аллергии не

отмечено. Плохо дело.

— В Нью-колледж съездили уже? — спросил Дануорти.

— Нет, сэр. Собираюсь. Как мне быть с расходными материалами, сэр? Мыла пока достаточно, а вот туалетная бумага на исходе.

Дверь открылась, но вместо Мэри вошел санитар, которого посылали за Монтойей. Подойдя к тележке, он включил электрочайник.

— Как думаете, сэр, что лучше, урезать выдачу туалетной бумаги или повесить объявления с призывом экономить?

— На ваш выбор, — ответил Дануорти и нажал отбой.

Дождь, видимо, так и не закончился. Санитар вошел весь мокрый, а как только закипел чайник, начал греть озябшие красные руки над струей пара.

— Вы уже освободили телефон? — осведомился Гилкрист.

Дануорти отдал ему трубку. Интересно, какая сейчас погода у Киврин и просчитывал ли Гилкрист вероятность дождя в момент ее переброски. Плащ у нее довольно промокаемый на вид, а этот добрый путник, который должен появляться с регулярностью в одну и шесть десятых часа,

наверняка предпочтет пересидеть непогоду на постоялом дворе или на сеновале, дожидаясь, пока подсохнут дороги.

Дануорти научил Киврин разводить костер, но какой костер с озябшими руками да сырым хворостом? Зимы в XIV веке стояли суровые. Вплоть до снега. 1320 год — самое начало Малого ледникового периода, когда стала замерзать даже Темза. Понижение температур и погодные катаклизмы привели к такой череде неурожаев, что некоторые историки именно в голоде и скудном рационе видели основные причины разбушевавшейся впоследствии чумы. Погода определенно не радовала. Осенью 1348-го в одном районе Оксфордшира дождь шел не прекращаясь с Михайлова дня[7] до Рождества. Лежит сейчас Киврин посреди мокрой дороги, умирая от переохлаждения…

«И вся в аллергической сыпи, — одернул себя Дануорти, — от чрезмерной преподавательской опеки и треволнений». Мэри была права, он вылитая миссис Гаддсон. Осталось только ворваться в 1320 год, силой раздвинув сеть, словно двери уходящего поезда, и Киврин так же «запрыгает

---

[7] Примечания: 1.7
Михайлов день — 29 сентября.

от восторга» при виде его, как Уильям Гаддсон при виде мамочки. И так же будет «нуждаться в помощи».

Киврин — самая смышленая и изобретательная из его студентов. Уж конечно, она найдет, как укрыться от дождя. Наверняка все предыдущие каникулы провела у эскимосов, обучаясь постройке иглу, с нее станется.

Она ведь все продумала, обо всем позаботилась, вплоть до ногтей. Обломанные, с траурной каемкой — показала ему, когда пришла демонстрировать костюм. «Я, конечно, благородная дама, но ведь из сельских, а они, кроме того что гобелены для королевы Матильды[8] вышивали, еще и в земле копались. В Ист-Райдинге ножниц не знали до XVII века. Поэтому я половину воскресенья провела на раскопе у Монтойи, роясь среди останков».

Стоит ли беспокоиться о таких пустяках, как снег?

Но Дануорти ничего не мог с собой поделать. Поговорить бы с Бадри, выяснить, что он имел в виду своим «не так», убедиться в благополуч-

---

[8] Примечания: 1.8

Ковер королевы Матильды — французское название гобелена из Байе, памятника раннесредневекового искусства, представляющего собой вышивку по льняному полотну.

ном исходе переброски и отсутствии серьезного сдвига — вот тогда он бы перестал нервничать. Однако, раз Мэри не удавалось узнать номер полиса до звонка Финча, значит, Бадри еще без сознания? Или хуже…

Дануорти поднялся и, подойдя к тележке, налил себе чашку чая. Гилкрист снова занял телефон, очевидно разговаривал со сторожем, но тот про местонахождение Бейсингейма тоже ничего не знал. Дануорти он сообщил, что вроде бы слышал от декана про озеро Лох-Балкиплан, однако такого озера нигде не обнаружилось.

Пока Дануорти пил чай, Гилкрист позвонил казначею и заместителю ректора колледжа. Там насчет Бейсингейма тоже ничего не прояснили. Пришла сестра, прежде караулившая выход, заканчивать брать кровь на анализ. Санитар взял со стола какую-то брошюру и углубился в чтение.

Монтойя села заполнять бланк направления и списки контактов.

— Что тут писать? — спросила она у Дануорти. — Всех, с кем я пересекалась за сегодняшний день?

— За последние три.

Ожидание продолжалось. Дануорти выпил еще чашку чая. Монтойя позвонила в Государ-

ственную службу здравоохранения и принялась уговаривать, чтобы ей выдали освобождение от карантина, позволяющее вернуться на раскопки. Санитарка снова погрузилась в сон. Сестра привезла на тележке ужин.

— «Трактирщик наш, приветливо их встретив, за ужин усадил», — продекламировал Латимер, впервые за весь вечер подав голос.

За едой Гилкрист делился с Латимером планами отправить Киврин в послечумные времена.

— Принято считать, что чума совершенно уничтожила средневековое общество, — излагал он, разрезая ростбиф, — однако мои исследования показывают, что воздействие было, скорее, очистительным, нежели пагубным.

«С чьей точки зрения?» — подумал Дануорти.

Почему так долго? Они действительно там делают анализ крови или просто ждут, пока кто-нибудь один или все скопом свалятся на тележку с ужином, тем самым обозначая точные сроки инкубационного периода?

Гилкрист еще раз позвонил в Нью-Колледж и попросил секретаря Бейсингейма.

— Ее там нет, — сказал Дануорти. — Уехала на Рождество в Девоншир с дочкой.

Гилкрист пропустил информацию мимо ушей.

— Да, передайте ей, пожалуйста. Я ищу мистера Бейсингейма. Это срочно. Мы только что отправили историка в XIV век, но Баллиол недостаточно ответственно подошел к медосмотру оператора, работавшего с сетью, и в результате тот подхватил инфекционный вирус. — Он положил трубку. — Если мистер Чаудри пропустил положенные прививки, вы ответите за это лично, мистер Дануорти.

— В сентябре он прошел полный курс.

— Имеются доказательства?

— Это оттуда? — спросила санитарка.

Все, включая Латимера, удивленно обернулись. Санитарка до этого вроде бы крепко спала, свесив голову на грудь и прижимая к себе стопку бумаг.

— Вы кого-то отправили в Средневековье, — перешла она в наступление. — Так?

— Боюсь, я не улавливаю… — начал Гилкрист.

— Вирус! Он мог проникнуть сюда через машину времени?

Гилкрист с тревогой оглянулся на Дануорти.

— Это исключено, я правильно понимаю?

— Правильно, — подтвердил Дануорти. Гилкрист не разбирается ни в парадоксах континуума, ни в теории струн. Какой из него и.о. декана? Если даже о том, как работает сеть, куда он так

самоуверенно запустил Киврин, этот человек не имеет ни малейшего понятия? — Через сеть вирус проникнуть не мог.

— Доктор Аренс сказала, что у этого индийца пока единственный случай. А вы, — она показала пальцем на Дануорти, — утверждаете, что он сделал полный курс прививок. Если он принял антивирус, значит, не мог ничего подхватить, разве что болезнь пришла откуда-то извне. Средневековье ведь так и кишело заразой? Оспа, чума…

— Уверен, что факультет принял меры, исключающие такую возможность.

— Она исключена сама по себе, — сердито бросил Дануорти. — По законам пространственно-временного континуума.

— Но людей ведь вы перемещаете, — не отступала санитарка, — а вирус меньше человека.

Дануорти не слышал этого довода с первых лет внедрения сети, когда теорию ее работы никто не понимал толком.

— Уверяю вас, мы все предусмотрели, — заявил Гилкрист.

— Сеть не пропустит ничего, что может изменить ход истории, — поправил Дануорти, возмущенно сверкнув глазами на Гилкриста.

Только лишние опасения провоцирует своими разговорами о предосторожностях и вероятностях. — Ни радиация, ни токсины, ни микробы — ничего из этого через сеть не пройдет. Она просто не откроется.

Санитарку его слова не убедили.

— Уверяю… — завел свое Гилкрист, но тут вошла Мэри.

В руках она несла кипу разноцветных бумаг. Гилкрист вскочил.

— Доктор Аренс, есть вероятность, что вирусная инфекция, подхваченная мистером Чаудри, могла проникнуть к нам через сеть?

— Разумеется, нет. — Мэри нахмурилась, удивленная нелепостью предположения. — Во-первых, болезни через сеть не пробраться. Иначе возникнут парадоксы. Во-вторых, даже в таком случае — совершенно невозможном! — вышло бы, что Бадри заразился в течение часа после попадания вируса в наше время. То есть инкубационный период равен часу! Такого не бывает. Но даже если — а это исключено! — вы все уже заболели бы. — Она посмотрела на часы. — Потому что контакту вы подверглись больше трех часов назад. — Мэри начала собирать заполненные опросники.

— У меня, как исполняющего обязанности главы исторического факультета, — возмущенно начал Гилкрист, — имеется масса неотложных дел. Сколько вы намерены продержать нас тут?

— Минут пять. Сейчас только соберу списки и выдам указания.

Она забрала опросник у Латимера. Монтойя схватила с тумбочки свой и принялась лихорадочно строчить.

— Пять минут? — переспросила санитарка, спрашивавшая про вирус и сеть. — То есть мы свободны?

— Условно. Под амбулаторное наблюдение. — Сунув собранные списки в самый низ разноцветной кипы, Мэри стала раздавать верхние листы ядовито-розового цвета. Это оказались бланки выписки, освобождающие университетскую лечебницу от дальнейшей ответственности за здоровье выписываемого.

— Анализы крови готовы, повышенного уровня антител ни в одном не наблюдается.

Она вручила Дануорти голубой бланк, снимающий какую бы то ни было ответственность с Государственной службы здравоохранения и подтверждающий готовность подписавшего полностью и в тридцатидневный срок оплатить

любые расходы, не покрываемые полисом ГСЗ.

— Я связывалась с Международным центром по гриппу, они рекомендуют наблюдать динамику, отслеживая температурные показания и проводя анализ крови каждые двадцать четыре часа.

Теперь она раздавала зеленые листки с заголовком «Памятка для первичных». На верхней строке значилось: «Избегайте контактов с другими людьми».

Дануорти подумал о Финче и о звонарях, которые, без сомнения, караулят его у ворот Баллиола со списком претензий и Евангелием, а потом о толпах прохожих и иногородних карантинных, сквозь которые придется пробираться.

— Записывайте температуру каждые полчаса, — велела Мэри, раздавая желтые бланки. — Если датчик, — она постучала пальцем по своему, — покажет резкий скачок температуры, немедленно обращайтесь. Незначительные колебания — норма. Обычно температура поднимается к вечеру. От тридцати шести до тридцати семи и четырех — нормально. Если температура поднимется выше тридцати семи и четырех или резко подскочит, сразу обращайтесь; то же самое если почувствуете какие-то из симптомов — головную боль, стеснение в груди, затуманенность

сознания, головокружение.

Все дружно посмотрели на датчики и явно почувствовали подступающую головную боль. У Дануорти голова гудела с самого утра.

— Старайтесь как можно меньше контактировать с остальными, — продолжала Мэри. — Все случаи контактов фиксируйте. Мы по-прежнему не располагаем точными данными о способе передачи инфекции, однако большинство миксовирусов распространяются воздушно-капельным путем и через непосредственный контакт. Поэтому чаще мойте руки.

Мэри выдала Дануорти еще один розовый бланк. Цвета начали повторяться. Этот листок оказался очередным опросником с заголовком «Контакты» и графами «фамилия, адрес, тип контакта, время».

Жаль, что вирусу, поразившему Бадри, не довелось пройти через Центр по контролю заболеваемости, ГСЗ и МЦ по гриппу. Дальше порога не пробился бы.

— Завтра в семь отметиться здесь. А пока я рекомендую хорошенько поужинать и выспаться. Отдых — лучшая профилактика против любой инфекции. Вас, — обратилась она к санитарам, — я снимаю с дежурства на время карантина. — Раз-

дав остальные бланки всех цветов радуги, она осведомилась бодро: — Еще вопросы есть?

Дануорти оглянулся на санитарку, ожидая вопроса, может ли оспа проникнуть через сеть, но та безучастно смотрела на ворох разноцветных листков.

— Могу я вернуться на раскоп? — поинтересовалась Монтойя.

— Только если он попадает в границы карантина.

— Супер! — Монтойя в сердцах стала рассовывать бланки по карманам своей штормовки. — Пока я здесь торчу, у меня всю деревню смоет. — Она вышла, возмущенно топая.

— Еще вопросы? — невозмутимо повторила Мэри. — Тогда жду вас в семь утра, до встречи.

Санитарка неторопливо пошла к выходу, зевая и потягиваясь, будто намеревалась еще вздремнуть. Латимер сидел, не сводя глаз со своего датчика температуры, но Гилкрист довольно резко окликнул его, и тогда старик поднялся, надел пальто, взял зонт и собрал бумаги.

— Я рассчитываю, что меня будут держать в курсе развития событий, — заявил Гилкрист. — Как только свяжусь с Бейсингеймом, сообщу, что он должен незамедлительно вернуться и взять

дело в свои руки. — На этом он хотел удалиться, но пришлось стоять и придерживать дверь Латимеру, который нагнулся за двумя оброненными бланками.

— Зайди утром за Латимером, хорошо? — попросила Мэри Дануорти, просматривая списки контактов. — Сам он не вспомнит, что к семи надо прийти сюда.

— Мне нужно к Бадри, — сказал Дануорти.

— Лаборатория, Брэйзноуз, — перечисляла Мэри, скользя глазами по строчкам. — Кабинет декана, Брэйзноуз. Лаборатория, Брэйзноуз. Неужели никто нигде не встречался с Бадри вне сети?

— В «Скорой» он бормотал: «Что-то не так». Может, там сдвиг. Если недельный и больше, она не узнает, когда выходить на стыковку.

Мэри, не отвечая, хмуро пролистала списки по второму разу.

— Я должен убедиться, что с привязкой все в порядке, — не сдавался Дануорти.

Мэри подняла голову.

— Ладно. Никакого толку от этих списков. В перемещениях Бадри за последние три дня сплошные белые пятна. Кроме него самого нам никто не скажет, где он был и с кем контакти-

ровал. — Она повела Дануорти по коридору. — Я подсылала к нему сестру, но он плохо соображает в бреду и пугается ее. Может, тебя признает.

Дойдя до лифта, она произнесла в интерком: «На первый, пожалуйста».

— У Бадри бывают минуты просветления, но очень короткие. Так что расспросы могут затянуться на всю ночь.

— Ничего. Я все равно не успокоюсь, пока не станет ясно, что Киврин переместилась благополучно.

Они поднялись на лифте на два этажа и прошли по коридору к двери с табличкой «Не входить. Инфекционное отделение». За дверью сидела перед монитором угрюмая сестра.

— Веду мистера Дануорти навестить мистера Чаудри, — пояснила Мэри. — Нам нужны СЗК. Как он там?

— Снова жар. Тридцать девять и пять. — Сестра выдала им СЗК, которые оказались бумажными защитными костюмами, запаянными в одноразовые упаковки. Халат с завязками на спине, шапочка, маска, не налезающая поверх шапочки, бахилы и защитные перчатки. Дануорти опрометчиво начал с перчаток, и потом целую вечность копался, разворачивая халат и прила-

живая маску.

— Вопросы нужно задавать как можно четче, — инструктировала Мэри. — Спроси, что он делал утром, когда встал, один провел ночь или с кем-то, где завтракал, кто там еще был — в таком духе. В бреду он будет путаться. Поэтому, возможно, придется переспрашивать по несколько раз. — Она открыла дверь в палату.

Хотя какая там палата. В комнатке едва умещались койка и складной стул, даже не кресло. Стену позади кровати занимала аппаратура и разные экраны. На дальней стене виднелось занавешенное окно, а вокруг еще аппаратура. Глянув мельком на Бадри, Мэри принялась изучать данные на экранах. Дануорти тоже посмотрел. Ближайший пестрел цифрами и аббревиатурами, на нижней строчке значилось: «ПИТ 14320691-22-12-54 1803 200/повт 1800КС упнцлн 200 мг/к6 ч ГСЗ 40-211-7 Аренс». Видимо, назначения лечащего врача.

На остальных экранах скакали ломаные линии и шли колонки цифр. Совершенно ничего не понятно, за исключением строчки посередине второго экранчика с краю. «Темп. 39,9» Ох ты!

Дануорти перевел взгляд на Бадри. Руки больного лежали поверх одеяла, и к ним тянулись

трубки подвешенных на штативах капельниц. В одной из них штук пять баллонов подсоединялись к одной общей трубке. Глаза у Бадри были закрыты, лицо осунувшееся, будто он резко похудел за утро. Оливковая кожа приобрела какой-то странный лиловатый оттенок.

— Бадри! — Мэри наклонилась над койкой. — Ты нас слышишь?

Бадри открыл глаза и посмотрел бессмысленным взглядом — впрочем, узнаванию помешал, скорее, не вирус, а защитные бумажные одеяния.

— Это мистер Дануорти, — подсказала Мэри. — Он пришел тебя навестить.

У нее запиликал пейджер.

— Мистер Дануорти? — прохрипел Бадри и попытался сесть.

Мэри мягко уложила его обратно.

— Он задаст тебе несколько вопросов. — Ласково похлопав Бадри по груди, как в лаборатории Брэйзноуза, она выпрямилась, разглядывая экран над койкой. — Лежи спокойно. Мне надо уйти, но мистер Дануорти останется с тобой. Отдыхай и постарайся ответить на вопросы.

Она вышла.

— Мистер Дануорти? — снова повторил Бадри, словно осмысливая.

— Да. — Профессор сел на складной стул. — Как ты себя чувствуешь?

— Когда он должен вернуться? — выдавил Бадри через силу и снова попытался приподняться. Дануорти придержал его, не давая сесть.

— Что-то не так, — сказал Бадри.

Глава восьмая

Ее жгли на костре. Вокруг бушевало пламя. Наверное, ее уже привязали к столбу, хотя она этого и не помнит. Зато помнит, как разжигали огонь. Она упала с белого коня, потом разбойник подобрал ее и принес сюда.

— Давайте вернемся на переброску, — попросила она.

Он наклонился ближе, и Киврин увидела его лицо в пляшущих отблесках огня.

— Как только мистер Дануорти поймет, что дела плохи, он откроет сеть, — объяснила Киврин. Не надо было этого делать. Теперь он принял ее за ведьму и сожжет на костре.

— Я не ведьма.

Откуда-то протянулась прохладная рука и легла ей на лоб, а мягкий голос сказал: «Тс-с-с».

— Я не ведьма, — проговорила Киврин как можно отчетливее. Разбойник ее не понимал. Она пыталась сказать ему, что не нужно уходить с переброски, а он не слушал. Посадил ее на белого коня и повез прочь от полянки, через березы, в самую чащу.

Киврин силилась запомнить дорогу, чтобы

вернуться, но качающийся в руке разбойника фонарь освещал лишь несколько дюймов земли под ногами, а свет резал глаза. Поэтому она их закрыла — очень необдуманно, поскольку от неровной поступи коня ее тут же укачало, и она свалилась.

— Я не ведьма. Я историк.

— *Hawey fond enyowuh thissla dey?* — донесся издалека женский голос. Видимо, селянка подошла подложить хвороста в огонь и тут же отодвинулась, подальше от жара.

— *Enwodes fillenun gleydund sore destrayste,* — ответил мужской голос, похожий по тембру на мистера Дануорти. — *Ayeen mynarmehs hoor alle op hider ybar.*

— *Sweltes shay dumorte blauen?* — спросила женщина.

— Мистер Дануорти… — Киврин протянула к нему руки. — Я попала к разбойникам! — Но лицо профессора терялось в густом дыму.

— Тс-с-с, — сказала женщина, и Киврин поняла, что прошло какое-то время, что невероятнейшим образом она умудрилась заснуть. Интересно, сколько обычно горят на костре? Пламя пылает так жарко, она давно уже должна была сгореть дотла, но рука, поднесенная к глазам, оказалась

целой и невредимой, несмотря на огненную кайму, обрамляющую пальцы. Пламя слепило, и Киврин смежила веки.

«Хоть бы не упасть с коня еще раз». Она ведь цеплялась за его шею обеими руками, хотя от неровной поступи ужасно болела голова, цеплялась изо всех сил, и все равно упала, а мистер Дануорти не зря настоял, чтобы она брала уроки верховой езды, договорился, чтобы ее потренировали на конюшне под Вудстоком. Мистер Дануорти предупреждал. Он с самого начала сказал, что ее ждет костер.

Женщина поднесла к губам Киврин чашку. Наверное, уксус на губке, его давали мученикам. Нет, какое-то питье, теплое, кисловатое. Женщине пришлось слегка приподнять голову Киврин, чтобы она смогла отпить, и Киврин только теперь осознала, что, видимо, лежит на спине.

«Надо будет сказать мистеру Дануорти, что людей сжигали в лежачем положении». Она попыталась сложить ладони домиком и поднести к губам, чтобы надиктовать запись, но пламя потянуло их вниз.

«Я больна», — подумала Киврин, осознавая, что теплое питье — это какой-то целебный отвар и

он немного сбил температуру. Что она лежит не на земле, а на кровати в темной комнате, и женщина, шептавшая «тс-с-с» и поившая ее отваром, по-прежнему рядом. Киврин слышала ее дыхание. Она попыталась повернуть голову, но затылок тут же пронзила боль. Женщина, кажется, спала, дыша ровно и громко, будто храпя. Голова у Киврин затрещала от этого сопения еще сильнее.

«Я, наверное, в деревне. Сюда меня привез тот рыжий».

Когда она свалилась с коня, разбойник подсадил ее обратно, но потом она заглянула ему в лицо, и оказалось, что оно совсем не разбойничье. На нее смотрел рыжеволосый юноша, по-доброму смотрел. Это он пришел к ней, когда она сидела привалившись к колесу, преклонил колено и спросил: «Кто вы?» Тогда она прекрасно поняла его слова.

— *Canstawd ranken derwyn?* — спросила женщина, снова приподнимая голову Киврин, чтобы напоить ее горьковатым отваром. Киврин глотала с трудом. Теперь огонь полыхал у нее в горле, она воочию видела эти оранжевые языки пламени, хотя отвар должен был их погасить. Может, ее привезли в какие-нибудь дальние земли, в

Испанию или Грецию, где говорят на незнакомом переводчику языке?

Рыжего она поняла отлично. Он спросил: «Кто вы?», и она подумала, что тот, второй, возможно пленный слуга, привезенный из крестового похода, поэтому говорит на своем турецком или арабском, и она его не понимает.

— Я историк, — начала объяснять Киврин, но, когда подняла глаза, добрый юноша куда-то пропал, и перед ней снова был разбойник.

Она начала оглядываться в поисках рыжего. Разбойник укладывал сучья крест-накрест между камнями, чтобы развести костер.

— Мистер Дануорти! — в отчаянии позвала Киврин, и разбойник присел рядом с ней в дрожащем свете фонаря.

— Не страшитесь, — проговорил он. — Скоро он вернется.

— Мистер Дануорти! — завопила Киврин, и рыжий вернулся, и снова опустился перед ней на колени.

— Не надо было мне уходить с переброски, — сокрушалась она, не сводя глаз с лица юноши, чтобы он снова не превратился в разбойника. — Наверное, произошел какой-то сбой. Отведите меня обратно.

Он расстегнул пряжку своего плаща и, легко сбросив его с плеч, укрыл им Киврин. Значит, он ее понял.

— Мне нужно домой.

Когда он склонялся над ней, фонарь подсвечивал его доброе лицо и отблески плясали на рыжих волосах, будто пламя.

— *Godufadur*, — позвал он. Видимо, это имя слуги. *Gauddefaudre*. Он попросит слугу показать, где тот меня нашел, и отвезет обратно к месту переброски. К мистеру Дануорти. Мистер Дануорти с ума сойдет, когда откроет сеть, а меня там не окажется. «Все в порядке, мистер Дануорти, — сказала она про себя. — Я уже иду».

— *Dreede nawmaydde*, — произнес рыжий, поднимая ее на руки. — *Fawrthah Galmnnath coam*.

— Я больна, — сообщила Киврин сидящей рядом женщине, — поэтому я вас не понимаю.

В этот раз никто не наклонился из темноты успокоить ее. Может, им надоело смотреть, как она горит, и они ушли. Очень долго получается, хотя огонь полыхает все жарче.

Рыжий тогда посадил ее перед собой на белого коня и повез в лес, и Киврин подумала, что он везет ее к месту переброски. У коня появилось седло, и бубенчики, которые вызванивали на

ходу «Придите к младенцу», все громче и громче с каждым куплетом, пока их стало не отличить от колоколов в церкви Святой Девы Марии.

Они ехали долго, наверняка уже должны были добраться до переброски.

— Далеко еще до места? — спросила она у рыжего всадника. — Мистер Дануорти будет очень волноваться. — Но всадник не ответил. Они выехали из леса и стали спускаться по склону. Сквозь голые ветки деревьев серебрилась луна, заливая бледным светом церковь у подножия холма.

— Не туда! — Киврин хотела потянуть узду и развернуть коня, но побоялась отпустить шею рыжеволосого всадника, чтобы снова не свалиться. А потом перед ней возникла дверь, которая открылась, и еще раз открылась, и был огонь, и свет, и колокольный звон, и Киврин поняла, что ее все-таки привезли к месту переброски.

— *Shay boyen syke nighonn tdeeth*, — сказала женщина. Шершавыми морщинистыми руками она подоткнула одеяло, и лица Киврин коснулся мягкий пушистый мех — а может, волосы женщины.

— Куда вы меня привезли?

Женщина подалась вперед, словно не рас-

слышав, и Киврин осознала, что говорит на современном английском. Переводчик не работал. Предполагалось, что он будет автоматически переводить ее мысленные высказывания с современного на средневековый английский. Вот, наверное, почему она никого не понимает. Переводчик не действует.

Она попыталась выстроить фразу на среднеанглийском самостоятельно. «Куда принесяше мя?» Нет, не то. Надо спросить, что это за место, но она не помнит, как это сказать на средневековом.

Мысли путались. Женщина укрывала ее все новыми и новыми одеялами, и чем выше становилась гора мехов, тем больше Киврин мерзла, будто женщина как-то уменьшала огонь.

Если она спросит: «Что это за место?», они не поймут. Явно какое-то селение. Рыжий привез ее в селение. По дороге была церковь, а потом они подъехали к большому дому. Надо спросить: «Как именуется эта деревня?»

Деревню можно назвать весью или юдолью, но как построить фразу? Синтаксис ведь, наверное, должен быть французский.

— *Quelle demeure avez vous m'apporté?* — произнесла она вслух, но женщина уже ушла, и все равно получилось неправильно. Французы уже

двести лет как ни при чем. Надо спрашивать по-английски. «Где деревня, в которую вы меня привезли?» Но как будет «деревня»?

Мистер Дануорти предупреждал, что нечего рассчитывать на переводчик, надо учить среднеанглийский и нормандский французский, и немецкий. Он заставлял ее декламировать Чосера целыми страницами по памяти. «День отблистал, и ниспустилась ночь, велящая заканчивать работу»[9] Нет, не то. «Где деревня, в которую меня привезли?» Как же это сказать?

Он привез ее в селение и постучал в дверь. Им открыл старик с топором. Топор, само собой, чтобы рубить дрова для костра. Старик, потом женщина, и оба говорили на непонятном языке, потом дверь закрылась, оставив их снаружи, в темноте.

— Мистер Дануорти! Доктор Аренс! — закричала Киврин, и в груди тут же стало печь. — Не давайте им закрыть переброску, — попросила она рыжеволосого, но тот снова превратился в разбойника, в душегуба.

— Нет, — сказал он, — всего лишь ранена.

И дверь отворилась снова, и он внес ее внутрь,

---

[9] Примечания: 1.9
Чосер, Джеффри. «Птичий парламент» (пер. С. Александровского).

на костер.

Как же тут жарко.

— *Thawmot goonawt plersoun roshundt prayenum comth ithre*, — произнесла женщина, и Киврин подняла голову, чтобы попить, но женщина держала не чашку, а свечу, которую она приблизила к самому лицу Киврин. Слишком близко. Сейчас волосы загорятся.

— *Der maydemot nedes dya*, — сказала женщина.

Свеча трещала у самой щеки. Волосы уже занялись. Языки пламени плясали на выбившихся прядях, сжигая их дотла.

— Тс-с-с! — Женщина стала хватать Киврин за руки, но та уворачивалась и не давалась, хлопая по волосам, чтобы погасить огонь. Пламя перекинулось на ладони.

— Тс-с-с. — Женщина прижала ее руки. Нет, не женщина, слишком сильная хватка. Киврин заметалась, завертела головой, сбивая пламя, но голову тоже кто-то прижал. Волосы полыхнули факелом.

Когда она очнулась, в комнате было дымно. Огонь, наверное, погас, пока она спала. Так уже было с одним мучеником, которого тоже отправили на костер. Его друзья подложили в хворост зеленых веток, чтобы он задохнулся в дыму и не

горел заживо, но получилось только хуже: огонь поутих, и несчастный тлел много часов подряд.

Над кроватью склонилась женщина. Сквозь дым Киврин не могла разобрать, молодая она или старая. Наверное, это рыжеволосый погасил костер. Он укрыл ее своим плащом, потом подошел к костру и раскидал его ногами, а теперь все затянуло дымом и ничего не видно.

Женщина окропила Киврин водой, и капли зашипели, как на раскаленной сковороде.

— *Hauccaym anchi towoem denswile?* — спросила женщина.

— Я Изабель де Боврье, — представилась Киврин. — Мой брат лежит больной в Ившеме. — Слова не шли на ум. «Кель демер». «Когда апрель обильными дождями, разрыхлил землю, взрытую ростками…» — Где я? — спросила она по-английски.

Над ней возникло чье-то лицо.

— *Hau hightes towe?*

Лицо разбойника из заколдованного леса. Киврин в страхе отпрянула.

— Уходите! — воскликнула она. — Что вам нужно?

— *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus sancti*, — произнес мужской голос.

«Латынь», — облегченно вздохнула Киврин. Здесь где-то священник. Она попыталась приподняться, силясь разглядеть священника за спиной душегуба, но не смогла. Слишком дымно. «Я ведь знаю латынь. Мистер Дануорти велел ее выучить».

— Зачем вы его сюда впустили? — По-латыни получалось. — Он разбойник! — Слова застревали в саднящем горле, но, судя по тому, как разбойник изумленно отшатнулся, ее услышали.

— Не бойся, — сказал священник, и Киврин отлично поняла. — Ты лишь вернешься домой.

— К переброске? Вы отвезете меня к месту переброски?

— *Asperges me, Domine, hyssope et mundabor*[10], — проговорил священник. «Окропивши мя иссопом, и очищуся». Все понятно, до единого слова.

— Помогите мне, — попросила она на латыни. — Я должна вернуться туда, откуда пришла.

— *…nominus…* — произнес священник едва слышно. Имя. Ему нужно ее имя. Киврин приподняла голову. Она казалась непривычно полегчавшей, будто волосы и впрямь сгорели целиком.

---

[10] Примечания: 1.10
Во имя Отца, и Сына и Святого Духа, аминь.

— Имя? — переспросила Киврин.

— Назови мне свое имя, — повторил священник.

Надо ответить, что ее зовут Изабель де Боврье, дочь Жильбера де Боврье из Ист-Райдинга, но протолкнуть все эти имена через сдавленное болью горло вряд ли удастся.

— Мне нужно обратно. Иначе они меня не найдут.

— *Confiteor deo omnipotenti*, — донесся издали голос священника. Она не видела его лица. За спиной лиходея бушевало пламя — наверное, в костер снова подбросили дров. — *Beatae Mariae simper Virgini*[11].

Он читает «Исповедую», сообразила Киврин — покаянную молитву. Тогда разбойнику здесь не место. На исповедь не допускаются посторонние.

Теперь ее очередь. Она попыталась сложить руки в молитвенном жесте, но не смогла, и священник помог ей, а потом позабыла слова, и он стал читать с ней хором. «Помилуй меня, отче, ибо я согрешила. Исповедую Господу всемогущему, и тебе, отче, что я согрешила много мыслию, словом и делом. Моя вина».

---

[11] Примечания: 1.11

Исповедуюсь Господу всемогущему, блаженной Приснодеве Марии (лат.).

— Mea culpa, — шептала Киврин. — Mea culpa, mea maxima culpa.

Моя вина, моя вина, моя величайшая вина — но ведь это не так, это просто формулировка в покаянной молитве.

— Каков твой грех? — спросил священник.

— Грех? — непонимающе откликнулась Киврин.

— Да, — подтвердил он мягко, наклоняясь почти к самому ее уху. — Покайся в грехах своих, и Господь дарует тебе прощение, и ты войдешь в царство небесное.

«Я ведь только хотела отправиться в Средневековье. Так старалась, учила языки и уклад, все делала, что велел мистер Дануорти. Я просто хотела стать историком».

Она сглотнула, и горло словно огнем обожгло.

— На мне нет греха.

Священник отпрянул — наверное, рассердившись, что она не хочет исповедаться.

— Надо было слушаться мистера Дануорти. Зря я ушла с места переброски.

— *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus sancti. Amen*[12], — произнес священник, ласково и тихо.

---

[12] Примечания: 1.12

«Через святое помазание и по милосердию своему…» (лат.).

На лоб легла прохладная, освежающая ладонь.

— *Quid quid deliquisti,* — бормотал священник. Он едва заметно коснулся ее глаз, ушей, ноздрей — Киврин не чувствовала его пальцев, только прохладные капли елея.

Это уже не исповедание, поняла Киврин. Это соборование. Последнее напутствие.

— Не надо… — выдавила она.

— Не бойся… И, избавив тебя от грехов, да спасет тебя и милостиво облегчит твои страдания. — Огонь, поджаривавший подошвы ее ног, угас.

— Почему вы меня соборуете? — спросила Киврин, но тут же вспомнила, что ее сжигают на костре. «Я умру, и мистер Дануорти не узнает, что со мной сталось».

— Меня зовут Киврин, — сказала она. — Передайте мистеру Дануорти…

— Да увидишь ты лицом к лицу своего Искупителя, — произнес священник (только вместо него опять возник душегуб), — и утешишься созерцанием Бога во веки веков.

— Я умираю, да? — спросила Киврин.

— Бояться нечего, — ответил он и взял ее за руку.

— Не оставляйте меня. — Она сжала его ладонь.

— Не оставлю. — Лицо его терялось в дыму. — Да помилует тебя Всевышний и, отпустив грехи твои, да приведет тебя к жизни вечной.

— Заберите меня, мистер Дануорти, пожалуйста.

Священника заслонило от нее взметнувшееся пламя.

Запись из «Книги Страшного суда»

(000806-000882)

Domine, mittere digneris sanctum Angelum tuum de caelis, qui custodiat, foveat, p rote gat, visitet, atque defendat omnes habitantes in hoc habitaculo.

(Пауза.)

Exaudi orationim meam et clamor meus ad te veniat[13].

Господи, услышь молитву мою, и вопль мой да придет к тебе!

---

[13] Примечания: 1.13

Господи, сподоби ниспослать ангела святого с небес, дабы охранять, беречь, защищать и спасать всех, в этом доме живущих.

Глава девятая

— Что такое, Бадри? Что случилось? — спросил Дануорти.

— Холодно, — выдавил Бадри.

Дануорти, нагнувшись, подтянул его одеяло повыше, но оно оказалась тонюсенькое, не толще бумажной больничной пижамы. Еще бы он не мерз.

— Спасибо, — пробормотал Бадри и, выпростав руку из-под одеяла, ухватил ладонь Дануорти, а потом закрыл глаза.

Дануорти тревожно глянул на экран, но там ничего не прояснилось. Температура зависла на тридцати девяти и семи. Рука Бадри пылала жаром даже сквозь перчатку, а ногти обрели непонятный синюшный оттенок. Кожа потемнела, лицо еще сильнее заострилось.

Вошла старшая медсестра, под бумажными одеяниями подозрительно напоминающая миссис Гаддсон.

— Список первичных контактов в таблице, — буркнула она. Неудивительно, что Бадри ее пугается. — «Таб1». — Она показала на клавиатуру под первым экраном слева.

На экране появилась таблица, разбитая на часовые графы. В верхних строчках значился сам Дануорти, Мэри и медсестра с пометкой «СЗК.» в скобках у каждой фамилии, подразумевающей, что они контактировали с больным уже в защитных костюмах.

— Прокрутка, — скомандовал Дануорти, и на экран стали выползать нижние строки, охватывающие прибытие в больницу, поездку на «Скорой», работу над сетью и предыдущие два дня. В понедельник утром Бадри был в Лондоне, налаживал локальную переброску для колледжа Иисуса. В Оксфорд вернулся на метро к полудню.

В половине третьего он пришел к Дануорти и просидел у него до четырех. Дануорти сделал пометки в соответствующей графе. Еще Бадри говорил, что в воскресенье ездил в Лондон, но когда именно, профессор не помнил, поэтому вписал: «Лондон — позвонить в Иисуса, уточнить время».

— Он то в себе, то не в себе, — неодобрительно проворчала сестра. — Это все из-за жара. — Проверив капельницы, она одернула простыни и вышла.

Звук хлопнувшей двери привел Бадри в чувство. Веки затрепетали и открылись.

— Ответь мне на несколько вопросов, пожалуйста. Надо выяснить, с кем ты встречался и разговаривал. Чтобы они тоже не заболели. Поэтому назови, с кем ты виделся.

— Киврин, — ответил Бадри едва слышно, почти шепотом, но крепко сжимая при этом руку Дануорти. — В лаборатории.

— Сегодня утром? А до этого ты ее видел? Вчера?

— Нет.

— Чем ты вчера занимался?

— Проверял сеть, — слабым голосом проговорил Бадри, не выпуская руку Дануорти.

— Весь день?

Он покачал головой, и экраны откликнулись электронным писком и скачками графиков.

— Я заходил к вам.

— Да, я видел твою записку, — кивнул Дануорти. — А после этого? Виделся с Киврин?

— Киврин, — повторил Бадри. — Перепроверял координаты за Пухальски.

— Там не было ошибок?

— Нет. — Бадри наморщил лоб.

— Точно?

— Точно. Два раза проверил. — Он перевел дыхание. — Запустил внутреннюю проверку и

сличение.

У Дануорти отлегло от сердца. Значит, с координатами все в порядке.

— А сдвиг? Какой сдвиг получился?

— Голова… — пробормотал Бадри. — Утром болела. Наверное, перебрал на танцах.

— Каких танцах?

— Устал…

— Каких танцах? — допытывался Дануорти, чувствуя себя инквизитором. — Когда ты ходил на танцы? В понедельник?

— Во вторник. Перебрал. — Бадри уткнулся щекой в подушку.

— Ну, отдохни. — Дануорти осторожно высвободил руку из ладони Бадри. — Поспи.

— Хорошо, что вы пришли. — Бадри снова ухватил Дануорти за руку.

Профессор не стал ее отнимать, он сидел, глядя попеременно то на уснувшего Бадри, то на экран. За окном шел дождь. Стук капель доносился сквозь задернутые шторы.

Дануорти только теперь осознал, насколько серьезно болен Бадри. В своем беспокойстве о Киврин он совсем забыл про оператора. Зря, наверное, он сердится на Монтойю и остальных. Озабоченные собственными проблемами, все

видят в болезни Бадри только досадное недоразумение, не давая себе труда задуматься, чем это на самом деле чревато. Даже Мэри, упомянув, что Балкли-Джонсон может понадобиться под лазарет, не разъяснила подлинные перспективы. Бадри лежит с температурой тридцать девять и семь, несмотря на своевременно проведенный антивирусный курс.

Вечер перетекал в ночь. За окном шумел дождь, колокола на Святой Хильде и чуть подальше, в Крайст-Чёрч, вызванивали четверти. Медсестра пришла буркнуть, что сменяется с дежурства, и вместо нее проверять капельницы и мониторы пришла куда более миниатюрная и приветливая сестричка-блондинка с практикантским значком.

Выкарабкаться из беспамятства стоило Бадри заметного труда, и с каждым разом он все больше и больше выбивался из сил и все бессвязнее отвечал на вопросы.

Однако Дануорти безжалостно тянул из него ответы. Танцы устраивались в Хедингтоне. После танцев Бадри пошел в паб. Название не помнит. В понедельник вечером работал в лаборатории один, проверял координаты Пухальски. Из Лондона приехал в понедельник, в полдень. На метро…

Пассажиры в метро, танцоры в Хедингтоне плюс невероятное количество лондонцев — невозможно отследить и осмотреть всех и каждого, даже если Бадри назовет имена и фамилии.

— Как ты добирался утром до Брэйзноуза? — спросил Дануорти в очередное «просветление».

— Утром? — Бадри посмотрел на зашторенное окно, очевидно, полагая, что сейчас и есть утро. — Сколько же я спал?

Дануорти не знал, что ответить. Бадри весь вечер то засыпал, то просыпался.

— Сейчас десять, — сказал он, глянув на часы. — Тебя привезли в больницу в половине второго. Сеть ты запускал сегодня утром. Перебрасывал Киврин. Ты помнишь, когда почувствовал, что заболеваешь?

— Какое сегодня число? — неожиданно спохватился Бадри.

— Двадцать второе декабря. Ты здесь всего полдня.

— А год? — Бадри силился приподняться. — Год какой?

Дануорти с тревогой посмотрел на экран — температура почти тридцать девять и восемь.

— Год две тысячи пятьдесят четвертый, — успокаивающе наклоняясь к Бадри, ответил

Дануорти. — Двадцать второе декабря.

— Откатываем! — заявил вдруг Бадри.

Дануорти попятился.

— Откатываем, — повторил оператор, потом приподнялся и завертел головой. — Где мистер Дануорти? Мне надо с ним поговорить.

— Вот он я, Бадри. — Дануорти шагнул вперед, но вплотную подходить не стал, чтобы не встревожить больного. — Что ты хотел мне сказать?

— Вы, случайно, не знаете, где он может быть? Тогда передайте ему записку, пожалуйста.

Он протянул воображаемый листок бумаги, и Дануорти догадался, что Бадри заново переживает свой визит в Баллиол во вторник.

— Мне нужно обратно к сети. — Бадри глянул на воображаемые часы. — Лаборатория открыта?

— О чем ты хотел поговорить с мистером Дануорти? О сдвиге?

— Нет. Откатываем! Вы ее сейчас уроните. Крышку! — Он смотрел сквозь Дануорти лихорадочно блестящими глазами. — Чего вы ждете? Сходите позовите его.

Вошла сестра-практикантка.

— Он бредит, — сказал Дануорти.

Взглянув мельком на Бадри, сестра уставилась на экран. Дануорти они пугали — все эти скачу-

щие вдоль и поперек цифры, но практикантка особенно не тревожилась. Посмотрев по очереди на каждый из экранов, она спокойно принялась подкручивать капельницы.

— Давайте-ка ляжем, ладно? — попросила она, не глядя на Бадри, однако он, как ни странно, послушался.

— Я думал, вы ушли, — проговорил он, откидываясь на подушку. — Слава богу, вы тут. — И он снова отключился.

Практикантка не заметила, занятая подкручиванием капельниц.

— Он потерял сознание, — сообщил Дануорти.

Девушка, кивнув, начала вводить данные на мониторы. На Бадри, под смуглой кожей которого проступала мертвенная бледность, она даже не взглянула.

— Может быть, надо позвать врача? — настаивал Дануорти.

Дверь открылась, и вошла высокая женщина в СЗК. Так же не удостоив Бадри взглядом, она по очереди посмотрела на экраны.

— Признаки плеврального поражения наблюдаются?

— Синюшность, озноб, — ответила практикантка.

— Что назначено?

— Миксабравин.

Врач сняла со стены скрученный фонендоскоп и стала выпутывать мембрану из трубок.

— Кровохарканье?

Практикантка отрицательно мотнула головой.

— Холодно, — пробормотал Бадри. Женщины пропустили его слова мимо ушей. Он задрожал. — Осторожно, уроните! Она фарфоровая была?

— Введите пятьдесят кубиков раствора пенициллина и АСК. — Врач усадила Бадри, дрожащего сильнее прежнего, и, расстегнув липучки бумажной пижамы, ткнула ему в спину холодной мембраной фонендоскопа, будто подвергая изощренной пытке.

— Дышите! — скомандовала она, не сводя глаз с экрана. Бадри вздохнул, стуча зубами. — Незначительное уплотнение в нижней доле левого, — загадочно проговорила врач и передвинула мембрану на сантиметр. — Еще одно. Уже идентифицировали? — поинтересовалась она, поводив мембраной туда-сюда.

— Миксовирус, — ответила сестра, наполняя шприц. — Тип А.

— Секвенировали?

— Нет еще. — Сестра вставила носик шприца

в катетер и надавила плунжер. Где-то снаружи зазвонил телефон.

Врач застегнула пижаму Бадри, уложила его обратно и небрежно накинула на ноги одеяло.

— Приготовьте мне краситель по Грамму, — велела она напоследок.

Телефон все еще звонил.

У Дануорти чесались руки укрыть Бадри поплотнее, но у койки стояла сестра, подвешивая еще одну капельницу на штатив. Подождав, пока она закончит и выйдет, он поправил простыни, натянул одеяло до подбородка Бадри и подоткнул со всех сторон.

— Так лучше?

Бадри не ответил, потому что как раз перестал дрожать и заснул. Дануорти посмотрел на экран — температура упала до тридцати девяти и двух, бешено скачущие линии на других экранах утихомирились.

— Мистер Дануорти, — позвала сестра откуда-то из-за стенки, — вас к телефону. Мистер Финч.

Дануорти открыл дверь. Практикантка, уже в обычной одежде, без защитного халата, махнула ему, чтобы он тоже разоблачался. Он скинул ворох бумажных одеяний в специальный контейнер.

— Очки ваши дайте, пожалуйста. — Сестра начала прыскать их дезинфицирующим средством, а Дануорти тем временем взял трубку и близоруко прищурился на экран.

— Мистер Дануорти, я вас повсюду ищу, — сказал Финч. — Случилось самое ужасное!

— Что такое? — Дануорти глянул на часы. Десять. У вируса инкубационный период равен двенадцати, значит, вряд ли кто-то еще успел заболеть, слишком рано. — Кто-то заболел?

— Нет, сэр, хуже. Миссис Гаддсон. Она в Оксфорде. Каким-то чудом пробралась через оцепление.

— Знаю. С последним поездом. Заставила придержать двери.

— Да, точно. Она позвонила из лечебницы. Требует, чтобы ее оставили в Баллиоле и обвиняет меня в недостаточной заботе об Уильяме, поскольку это я печатал кураторские задания, а куратор, как я понимаю, оставил его на каникулы читать Петрарку.

— Скажите, что у нас нет свободных комнат. Что общежитие на дезинфекции.

— Я говорил, сэр, а она сказала, что тогда подселится к Уильяму. Я не готов его на такое обречь.

— Да, — согласился Дануорти. — Лишениям должен быть предел, даже во время эпидемий.

Вы предупредили Уильяма о том, что мамочка рядом?

— Нет, сэр. Пытался, но его нет в колледже. По словам Тома Гейли, мистер Гаддсон сейчас в гостях у одной своей знакомой в Шрусбери, я ей позвонил, но там никто не отвечает.

— Наверное, ушли читать Петрарку, — сказал Дануорти, пытаясь представить, что произойдет, если миссис Гаддсон застигнет парочку врасплох по дороге в Баллиол.

— Не понимаю, зачем бы ему это, сэр, — обеспокоенно заметил Финч. — И откуда вдруг Петрарка? Ему сейчас латынь и греческий сдавать.

— В общем, когда прибудет миссис Гаддсон, поместите ее в Уоррен. — Практикантка, протирающая стекла очков, резко вскинула голову. — Это хотя бы противоположный корпус. Подыщите комнату с видом на какую-нибудь стену. И проверьте запасы средств от аллергической сыпи.

— Да, сэр. Я тут поговорил с казначеем Нью-колледжа. По ее словам, мистер Бейсингейм перед отъездом упоминал, что хочет «отдохнуть от всех», но она думала, хоть кому-то он сообщил, куда едет. Обещала позвонить его жене, как только телефонная связь наладится.

— А про операторов вы спросили?

— Да, сэр. Все разъехались домой на праздники.

— Кто из наших операторов живет ближе всего к Оксфорду?

— Наверное, Эндрюс, — ответил Финч после некоторого раздумья. — В Ридинге. Дать его номер?

— Давайте. А на остальных составьте мне список телефонов и адресов.

Финч продиктовал телефон Эндрюса.

— Я принял меры по урегулированию нехватки туалетной бумаги. Развесил плакаты «Расточительность ведет к нужде».

— Замечательно, — ответил Дануорти и, отключившись, позвонил Эндрюсу. Занято.

Забрав у практикантки очки и новый комплект СЗК, в этот раз он одевался уже со знанием дела — сперва маску, потом шапочку, а перчатки напоследок. И все равно долго провозился. Оставалось надеяться, что сестра управится быстрее, если Бадри вдруг понадобится помощь и он нажмет кнопку вызова.

Когда профессор вошел в палату, Бадри спал беспокойным сном. Дануорти посмотрел на экран. Тридцать девять и два.

Болела голова. Он снял очки и потер перено-

сицу. Потом сел на складной стул и принялся изучать составленную таблицу контактов. Хотя какая там таблица, сплошные пробелы. Как назывался паб, в который Бадри пошел после танцев? Где Бадри провел утро понедельника? Где он был в понедельник днем? В полдень он приехал на метро из Лондона, а Дануорти позвонил ему с просьбой наладить сеть только в половине третьего. Где он провел эти два с половиной часа?

Куда он отправился во вторник днем, после того как зашел в Баллиол и оставил записку, что провел системную проверку сети? Обратно в лабораторию? Или еще в какой-нибудь паб? Может, он с кем-то разговаривал в Баллиоле, когда заходил? Когда позвонит Финч с очередным отчетом про звонарей и туалетную бумагу, надо будет дать ему задание опросить всех, кто был в колледже, не виделись ли они с Бадри.

Дверь открылась, вошла сестра-практикантка, замотанная в СЗК. Дануорти машинально вскинул взгляд на экран, но никаких разительных перемен не заметил. Бадри все еще спал. Сестра ввела несколько цифр на дисплей, проверила капельницы и одернула простыни. Потом раздвинула шторы и застыла у окна, теребя в руках шнур.

— Я нечаянно услышала ваш разговор по телефону… Вы упомянули миссис Гаддсон. Я понимаю, что ужасно неприлично спрашивать, но все же — вы, случайно, не мать Уильяма Гаддсона имели в виду?

— Да, — удивился Дануорти. — Уильям — мой студент из Баллиола. Вы знакомы?

— Мы с ним дружим. — Девушка зарделась так густо, что даже сквозь защитную маску было видно.

— Вот как. — Интересно, когда Уильям успевает читать Петрарку? — Его мать здесь, в лечебнице, — объяснил он, чувствуя, что девушку надо предупредить, вопрос только, о ком. — Приехала навестить сына под Рождество.

— Она здесь? — Практикантка зарделась еще сильнее. — Я думала, у нас карантин.

— Успела на последний поезд из Лондона, — с сожалением проговорил Дануорти.

— Уильям знает?

— Мой секретарь должен его предупредить. — Дануорти опустил подробности про студентку в Шрусбери.

— Он в Бодлеинке, читает Петрарку. — Девушка размотала с руки шнур от шторы и вышла — видимо, звонить в Бодлеинку.

Бадри заворочался и что-то пробормотал неразборчивое. Вид у него был горячечный, дыхание затрудненное.

— Бадри! — позвал Даноурти.

Оператор открыл глаза.

— Где я?

Дануорти посмотрел на экран. Температура спала на полградуса, взгляд стал чуть более осмысленным.

— В лечебнице. Ты потерял сознание в лаборатории Брэйзноуза, когда работал с сетью. Помнишь?

— Помню, что странно себя почувствовал. Было холодно. Я пришел в паб, сообщить, что установил привязку. — Лицо его приобрело непонятное испуганное выражение.

— Ты говорил, что-то не так. Что именно? Образовался сдвиг?

— Тут что-то не так, — повторил Бадри, пытаясь приподняться на локте. — Что со мной не так?

— Ты заболел. Гриппом.

— Я никогда не болел. — Он ворочался, силясь сесть. — Они умерли, да?

— Кто умер?

— От нее все умирали.

— Ты кого-то видел, Бадри? Это важно. Кто-то

еще подхватил вирус?

— Вирус? — повторил он с видимым облегчением. — У меня вирус?

— Да. Что-то вроде гриппа. Не смертельно. Тебе ввели антимикробные препараты, и аналог уже на подходе. Скоро будешь здоровее прежнего. Ты не знаешь, от кого мог заразиться? Кто-то еще болеет этим вирусом?

— Нет. — Бадри опустился на подушку. — Я думал… Нет! — Он встревоженно вскинул глаза на Дануорти. — Что-то не так, — в отчаянии пробормотал он.

— Что? — Профессор потянулся к кнопке звонка. — Что не так?

— Мне больно! — с расширенными от страха глазами воскликнул Бадри.

Дануорти нажал на кнопку. Тут же вбежала сестра со штатным врачом, и они снова начали тыкать в больного ледяным фонендоскопом.

— Он жалуется на озноб, — сообщил Дануорти. — И на боли.

— Где болит? — спросил врач, не сводя глаз с экрана.

— Здесь. — Бадри прижал ладонь к правой стороне груди, и его снова начало колотить.

— Плеврит нижней доли правого, — заключил

врач.

— Болит, когда дышу, — клацая зубами, добавил Бадри. — Что-то не так.

«Не так». Значит, он имел в виду не привязку, а собственное самочувствие. Сколько ему лет? Ровесник Киврин. Регулярные риновирусные прививки стали делать лет двадцать назад. Получается, он действительно мог за всю жизнь даже насморка не схватить.

— Кислород? — спросила сестра.

— Рано, — покачал головой врач, выходя. — Для начала двести единиц хлорамицетина.

Сестра уложила Бадри обратно, приладила к капельнице двойной баллон, минуту понаблюдала за снижением температуры у больного и вышла.

Дануорти посмотрел на льющий за окном дождь. «Странно себя почувствовал». Не больным почувствовал, а «как-то странно». Логично, что человека, ни разу в жизни даже не чихнувшего, озноб с температурой поставят в тупик. Он поймет только, что дело плохо, и, бросив лабораторию, помчится в паб сообщить кому-нибудь. «Надо сказать Дануорти. Что-то не так».

Профессор снял очки и потер глаза. Их щипало от дезинфицирующего средства. Навалилась усталость. Он не успокоится, пока не узнает, все

ли в порядке с Киврин. Бадри спал, избавленный равнодушными врачами от хрипов в дыхании. И Киврин тоже где-то спит, в кишащей блохами постели за семь сотен лет отсюда. А может, не спит, поражает современников застольными манерами и черной каемкой под ногтями или, преклонив колени на грязном каменном полу, наговаривает свои впечатления на диктофон.

Наверное, он задремал. Ему приснилось, что звонит телефон и Финч сообщает, будто американки грозят подать в суд за нехватку туалетной бумаги. А потом заходит декан с Библией. «Евангелие от Матфея, глава вторая, стих одиннадцатый, — цитировал Финч. — Расточительность ведет к нужде». В этот момент практикантка открыла дверь и передала просьбу Мэри зайти к ней в приемный покой неотложки.

Дануорти посмотрел на часы. Двадцать минут пятого. Бадри по-прежнему спал, и вид у него был почти умиротворенный. Практикантка встретила Дануорти в коридоре с флаконом дезинфицирующего средства и направила к лифту.

Запах дезинфектора гнал сон прочь, к первому этажу Дануорти почти проснулся. Там его ждала Мэри — в маске и прочей защитной атрибутике.

— Поступила еще одна пациентка с виру-

сом, — вздохнула Мэри, вручая ему упаковку СЗК. — Одна из карантинных. Может, из прохожих. Посмотри, вдруг ты ее узнаешь.

Дануорти облачился в СЗК, почти так же неуклюже, как в первый раз, и чуть не разорвал накидку, раздирая застежки-липучки.

— Сомневаюсь. На Хай-стрит целые толпы по магазинам ходили, — сказал он, натягивая перчатки. — И потом, я смотрел только на Бадри, вряд ли я кого-то вспомню из прохожих.

— Понимаю. — Мэри повела его по коридору в неотложку. Казалось, прошла вечность с тех пор, как они здесь сидели.

Впереди группа совершенно неузнаваемых в бумажных облачениях людей катила носилки. Дежурный врач, тоже в защитном костюме, опрашивал худую перепуганную женщину в мокром дождевике и зюйдвестке в тон.

— Ее зовут Беверли Брин, — сообщала женщина слабым голосом. — Сурбитон, Пловер-Уэй, двести двадцать шесть. Я сразу заподозрила неладное, когда она стала твердить, что надо ехать в Нортгемптон на метро.

Она держала в руках зонт и большую сумку, и когда врач спросил, не знает ли она номер полиса поступившей, женщина прислонила зонт к реги-

страционной стойке и начала рыться в сумке.

— Пациентку только что привезли со станции метро с жалобами на головную боль и озноб, — пояснила Мэри. — Ждала в очереди на размещение.

Махнув санитарам, чтобы притормозили, она слегка откинула натянутое до подбородка больной одеяло, давая Дануорти присмотреться получше. Но в этом не было нужды.

Женщина в мокром дождевике нашла карточку с номером, вручила ее врачу и пошла следом за носилками, прижимая к груди сумку, охапку разноцветных бланков и зонт. Большой зонт. Расписанный лавандовыми фиалками.

— Бадри столкнулся с ней на обратном пути в лабораторию, — сказал Дануорти.

— Ты уверен?

Дануорти показал на приятельницу больной, присевшую за столик заполнять бланки.

— Я узнал по зонту.

— Во сколько он с ней столкнулся?

— Не помню точно. В полвторого?

— Как именно столкнулся? Он до нее дотрагивался?

— Налетел на нее на тротуаре. — Дануорти попытался мысленно восстановить картину. —

Вышиб случайно зонт, потом начал извиняться, а она на него накричала. Он подобрал зонт и отдал ей.

— Кашлял, чихал?

— Не помню.

Больную вкатили в приемный покой.

— Надо ее в инфекционное, — спохватилась Мэри, вставая и отправляясь следом за каталкой.

Подруга больной тоже встала, выронила один из бланков и неуклюже прижала остальную стопку к груди.

— Инфекционное? — испуганно переспросила она. — А что с ней?

— Пройдемте со мной. — Мэри повела ее куда-то, видимо, брать кровь и брызгать зонт дезинфицирующим раствором, а Дануорти даже не успел спросить, дожидаться ему или нет. Сперва он хотел уточнить у дежурной, затем передумал и устало опустился в кресло у стены. На соседнем лежала пропагандистская брошюра, озаглавленная «О пользе здорового сна».

Шея болела от спанья на складном стуле, в глаза словно песку насыпали. Надо было бы вернуться в палату к Бадри, но Дануорти сомневался, что хватит сил снова одолеть СЗК. И на то, чтобы разбудить Бадри с вопросом, кого еще могут в

ближайшее время привезти на каталке в неотложное отделение с температурой под сорок.

Киврин уж точно не привезут. Сейчас половина пятого ночи. С владелицей лавандового зонта Бадри столкнулся около половины второго. Получается инкубационный период в пятнадцать часов, а пятнадцать часов назад Киврин была полностью защищена от инфекции.

Вернулась Мэри, без шапочки, с растрепанными волосами и болтающейся на шее маской. На лице у нее была написана та же смертельная усталость, которую чувствовал Дануорти.

— Миссис Гаддсон я отпускаю, — сообщила она дежурной, — но в семь пусть явится на анализ крови. — Совсем про нее забыла, — призналась Мэри с улыбкой, подходя к Дануорти. — Вот она ругалась. Грозила подать в суд за незаконное удержание.

— Тогда ей к моим звонарям. Они хотят засудить меня за срыв контракта.

Мэри пригладила взъерошенные волосы.

— Мы получили идентификацию вируса от Международного центра по гриппу. — Она встала, будто почувствовав неожиданный прилив сил. — Пожалуй, надо выпить чаю. Пойдем.

Дануорти, с трудом заставляя себя подняться,

перехватил пристальный взгляд дежурной.

— Я буду в приемной хирургии, — предупредила ее Мэри.

— Да, доктор, — кивнула девушка, а потом добавила нерешительно: — Извините, я случайно услышала ваш разговор…

Мэри напряглась.

— Вы сказали, что отпускаете миссис Гаддсон, а еще вы упомянули Уильяма, и я подумала — это, случайно, не та миссис Гаддсон, которая мать Уильяма Гаддсона?

— Да, она, — озадаченно подтвердила Мэри.

— Вы дружите с Уильямом? — догадался Дануорти. Интересно, она тоже покраснеет, как та практикантка-блондинка?

Покраснела.

— Мы с ним довольно близко познакомились на каникулах. Он остался тут читать Петрарку.

— Помимо всего прочего.

Оставив девушку краснеть, Дануорти увел Мэри по коридору за дверь с табличкой «Инфекционное отделение. Вход воспрещен».

— Что тут еще за дела? — удивилась Мэри.

— К Уильяму, оказывается, не только простуда липнет, — ответил Дануорти, проходя в комнату ожидания.

Мэри щелкнула выключателем и направилась к тележке с чаем. Поболтав чайником, она ушла в уборную налить воды.

Дануорти сел в кресло. Поднос с инструментами для анализа крови кто-то убрал и передвинул тумбочку обратно, но пакет Мэри с подарками по-прежнему стоял посреди комнаты. Дануорти нагнулся и перетащил его поближе к креслам.

Мэри вынесла полный чайник и включила его в розетку.

— Удалось вычислить контакты Бадри?

— Если это можно назвать контактами. Прошлым вечером он ездил на рождественские танцы в Хедингтон. Туда и обратно на метро. Насколько это катастрофично?

Мэри разложила чайные пакетики по чашкам.

— Молоко только порошковое, извини. Не знаешь, он ни с кем из Штатов в последнее время не контактировал?

— Нет. А что?

— Сахар класть?

— Насколько плохи дела?

Мэри насыпала в чашки порошковое молоко.

— Самое плохое, что Бадри болен серьезно. Сезонные прививки он делал через университет, а здешняя вакцина обладает большей степенью за-

щиты, чем по требованиям Госздрава. Он должен был быть полностью защищен от пятиточечного дрейфа и частично — от десятиточечного. Тем не менее все симптомы гриппа налицо, значит, мы имеем дело с основательно мутировавшим вирусом.

Чайник свистел как паровоз.

— То есть это эпидемия?

— Да.

— Пандемия?

— Возможно. Если в Международном центре по гриппу не смогут быстро секвенировать вирус или произойдет утечка. Или карантин прорвется.

Мэри выключила чайник из розетки и налила кипяток в чашки.

— Есть и обнадеживающие новости. В Международном центре по гриппу считают, что вирус пришел из Южной Каролины. — Она протянула Дануорти чашку. — Тогда он уже секвенирован, имеются аналог и вакцина, он поддается воздействию антимикробных препаратов и симптоматическому лечению. И он не смертелен.

— Сколько длится инкубационный период?

— От двенадцати до сорока восьми часов. — Мэри, встав рядом с тележкой, сделала глоток

чая. — Центр по гриппу пересылает пробы крови в Атланту, в Центр по контролю заболеваемости, чтобы там выдали рекомендованный курс лечения.

— Когда Киврин поступила в понедельник в лечебницу на антивирусный курс?

— В три. Пробыла до девяти утра вторника. Я оставила ее на ночь, чтобы она хорошенько выспалась.

— Бадри говорит, что вчера он ее не видел, — рассуждал Дануорти. — Но он мог пересечься с ней в понедельник, до того, как она пришла в лечебницу.

— Чтобы заразиться, ей надо было подвергнуться воздействию до вакцинации, тогда вирус еще успел бы размножиться. Так что, даже если она виделась с Бадри в понедельник или во вторник, у нее гораздо меньше шансов заболеть, чем у тебя, Джеймс. — Мэри пристально посмотрела на него поверх чашки. — Тебе привязка покоя не дает?

Он неопределенно мотнул головой.

— Бадри говорит, что перепроверил координаты стажера, там все правильно, и сдвиг, как он уже сообщал Гилкристу, минимальный.

Если бы только Бадри четко ответил ему самому на вопрос о сдвиге…

— Что еще могло случиться плохого? — спросила Мэри.

— Не знаю. Ничего. Если забыть, что она одна в Средневековье.

Мэри поставила чашку на столик.

— Она там в большей безопасности, чем здесь. Заболевших будет много. Грипп распространяется со скоростью лесного пожара, а карантин только все усугубит. Медиков всегда косит в первую очередь. Если они свалятся или запас антибиотиков подойдет к концу, наше столетие тоже потянет на десятку.

Она устало пригладила растрепанные волосы.

— Прости, это я от переутомления. В конце концов, сейчас не Средние века. И даже не двадцатый. У нас есть метаболизаторы и адъюванты, а если вирус действительно южнокаролинский, то имеются и аналог с вакциной. Но я все-таки рада, что Колин и Киврин сейчас далеко отсюда.

— В безопасном Средневековье, — буркнул Дануорти.

— Среди разбойников и душегубов, — подхватила с улыбкой Мэри.

Дверь со стуком распахнулась. На пороге стоял высокий светловолосый мальчишка со спортивной сумкой для регби. С его куртки капало

на пол.

— Колин! — воскликнула Мэри.

— Вот ты где! А я тебя ищу повсюду! — сказал Колин.

Запись из «Книги Страшного суда»

(000893-000898)

Мистер Дануорти, *ad adjuvandum me festina*[14].

[14] Примечания: 1.14
Спасите меня поскорее (лат.).

Книга вторая

«Той зимой морозной Ветер выл сурово,
Мир застыл, как камень, Сталью вод окован.
Снег ложился, падал снова,
Падал снова — Той зимою древней И суровой».
Кристина Россетти (пер. А Крутова)

Глава десятая

Огонь погас. Дымом тянуло по-прежнему, но Киврин понимала, что это из очага в комнате. Неудивительно. Дымовые трубы в Англии появились лишь в конце XIV века, а сейчас только 1320 год. Эта мысль потянула за собой другие: «Я в 1320 году, и я заболела. У меня начался жар».

Больше ни о чем пока не думалось. Было спокойнее просто лежать и отдыхать. Сил не осталось совсем, будто она прошла через тяжкое испытание, которое выжало из нее все соки. «Я думала, меня жгут на костре». Она вспомнила, как отбивалась и как плясали вокруг языки пламени, лизавшие руки и волосы.

«Волосы пришлось отрезать», — подсказала следующая мысль. Вправду отрезали или это ей приснилось? Сил не хватало даже на то, чтобы поднять руку и пощупать, даже на то, чтобы вспомнить. «Мне было очень худо. Меня соборовали». «Не бойся, — говорил он. — Ты просто вернешься домой». *Requiscat in pace*[15]. Киврин заснула.

---

[15] Примечания: 1.15
Покойся с миром.

Когда она проснулась, в комнате было темно, и где-то далеко звонил колокол. Ей показалось, что он звонит уже давно, как тот одинокий, чей звон она слышала при переброске, однако через минуту ему начал вторить еще один, потом еще, на этот раз совсем рядом, чуть ли не под окном, заглушая все остальные. «Вечерня», — подумала Киврин, кажется, даже припоминая эту нестройную разноголосицу, совпадающую с рваным ритмом ее сердца.

Нет, такого не может быть. Наверное, ей все приснилось. Приснилось, что ее жгут на костре. Что ей отстригли волосы. Что здесь говорят на непонятном языке.

Ближайший колокол смолк, а остальные еще немного позвонили, словно пользуясь возможностью быть услышанными, и это Киврин тоже показалось знакомым. Сколько же она здесь пролежала? В лесу был вечер, сейчас утро. Получается, одну ночь, тогда откуда столько людей, которые время от времени над ней склонялись? Она вспомнила женщину с чашкой, потом священника, и с ним еще был разбойник — она их ясно видела, не в тусклом свете дрожащей свечи. А в промежутках темнота, чадящие плошки с жиром и колокольный звон, то умолкающий, то

начинающийся снова.

Ее бросило в холодный пот. Сколько она здесь? Что, если несколько недель, и давно пропустила стыковку? Нет, исключено. Человек не может неделями валяться в бреду, даже при тифе, а у нее точно не тиф. Ей ведь сделали все прививки.

В комнате было холодно, будто огонь погас за ночь. Она попыталась нашарить одеяло, и протянувшаяся из темноты рука заботливо укрыла ее плечи чем-то мягким.

— Спасибо! — сказала Киврин и заснула.

Снова проснувшись от холода, она подумала, что проспала всего пару минут, хотя в комнате уже брезжил неяркий свет. Он сочился через узкое окно, проделанное в каменной стене. Ставни были открыты — вот откуда проникал холод.

На каменной приступке под окном стояла женщина и, приподнявшись на цыпочки, растягивала над проемом кусок полотна. Одета она была в черный балахон и белый апостольник с чепцом-куафом. Киврин сперва подумала, что очутилась в женском монастыре, но тут же опомнилась — в Средние века замужние женщины всегда прятали волосы под головной убор. Только девицы могли ходить с непокрытой головой.

Хотя эта на вид тоже слишком молода и для за-

мужества, и для монастыря. Киврин вспомнила, что видела в комнате сквозь жар и бред какую-то женщину, но та была гораздо старше, судя по морщинистым, грубым рукам и скрипучему голосу, — впрочем, возможно, это Киврин тоже померещилось в бреду.

Женщина повернулась к свету. Белый чепец оказался желтоватым, а балахон — не балахоном, а киртлом под темнозеленым сюрко[16]. Все это было плохо прокрашено и скроено будто из мешковины, такого грубого плетения, что Киврин различала его даже в тусклом предутреннем свете. Наверное, служанка. Хотя служанки не носят льняных апостольников и связок ключей на поясе. Тогда кто-то рангом повыше, например, ключница.

Дом ведь явно непростой. Вряд ли замок, судя по тому, что стена, у которой стоит кровать, не каменная, а деревянная, из грубо отесанного дерева, но вполне возможно, господский дом, владение непосредственного вассала короля — мелкого барона, а может, кого и покрупнее. Вот, например, кровать, на которой она лежит — настоящая, с рамой на ножках, с пологом, с жесткими льняны-

[16] Примечания: 1.16

Сюрко — верхнее платье без рукавов, с боковыми разрезами, похожее на длинный двойной фартук.

ми простынями, не просто соломенный тюфяк. И покрывало меховое. На каменной лежанке под окном — вышитые подушки.

Женщина зацепила полотнище за небольшие каменные выступы по обоим углам узкого окна, сошла с приступки и наклонилась за чем-то. Киврин не видела, за чем именно, полог мешал. Его тяжелые, будто ковры, занавеси были отдернуты и подвязаны веревкой.

Женщина выпрямилась с деревянной плошкой в одной руке и, подхватив другой рукой край длинной юбки, снова залезла на приступку и принялась мазать ткань чем-то густым. Масло, подумала Киврин. Нет, воск! Вощеный лен вместо стекол. Хотя в XIV веке в господских домах окна уже должны быть стеклянные. Знать при переездах возила стекла с собой, вместе с вещами и мебелью.

«Надо записать на диктофон, что в некоторых знатных домах стекол не водилось». Киврин сложила руки домиком, но держать их на весу оказалось слишком тяжело, и она уронила их на покрывало.

Женщина оглянулась в ее сторону, затем снова принялась вощить лен длинными неровными мазками. «Наверное, я выздоравливаю, — поду-

мала Киврин. — Пока я болела, она не отходила от моей постели. Интересно, сколько все-таки времени прошло? Надо будет выяснить. А потом найти переброску».

Вряд ли она очень далеко. Если это та самая деревня, куда она собиралась дойти, переброска самое большее в миле отсюда. Киврин попыталась припомнить, сколько ее сюда везли. Кажется, долго. Разбойник посадил ее на белого коня с бубенцами в узде. Только он был не разбойник, а добродушный рыжеволосый юноша.

Надо спросить, как называется деревня. Если повезет, это Скендгейт. Но даже если нет, все равно по названию станет ясно, в какой стороне переброска. А потом, когда она окрепнет и встанет на ноги, местные наверняка смогут показать, где ее подобрали.

«Как называется деревня, в которую меня привезли?» Вчера она все время путалась в словах, но это, конечно, из-за жара. А теперь все в порядке. Они с мистером Латимером не один месяц оттачивали произношение. Местные наверняка поймут. «В каких краях я очутилась?» или «Что за приют достался мне?» А если будут какие-то диалектические вариации, переводчик автоматически поправит.

— Как называется сия обитель? — спросила Киврин вслух.

Женщина, вздрогнув, обернулась. Сойдя с приступки, она пошла к кровати, не выпуская из одной руки плошку, а из другой кисть. Только это оказалась не кисть — теперь Киврин разглядела получше, — а очень мелкая квадратная деревянная ложка.

— *Gottebae plaise tthar tleve*, — сказала женщина, прижимая плошку с лопаткой к груди. — *Beth naught agast*.

Переводчик должен был автоматически перевести сказанное. Может быть, произношение у Киврин настолько непривычное, что женщина, приняв ее слова за иностранную речь, пытается ответить на ломаном французском или немецком?

— Как называется сия обитель? — размеренно произнесла Киврин, делая паузы между словами, чтобы переводчик успел включиться.

— *Wick londebay yae comen lawdayke awtreen godelae deynorm andoar sic straunguwlondes. Spekefaw eek waenoot awfthy taloorbrede*.

— *Lawyes sharess loostee?* — раздался голос.

Ключница оглянулась на невидимую для Киврин дверь, и в комнату вошла еще одна жен-

щина, гораздо старше, с морщинистым лицом и теми самыми грубыми старческими руками из бредовых воспоминаний Киврин. На шее у нее висела серебряная цепочка, а в руках она несла кожаный ларчик, наподобие того, что Киврин оставила в качестве метки, только поменьше и окованный железом, а не медью. Ларчик старуха опустила на подоконную лежанку.

— *Auf specheryit darmayt?*

Голос Киврин тоже узнала, скрипучий и недовольный. Его владелица обращалась к молодой женщине, сидевшей у постели Киврин, как к служанке. Может, она и есть служанка, а эта старуха — хозяйка дома, хотя чепец у нее ненамного белее и платье не сказать чтобы более тонкого материала. Тем не менее никаких ключей на поясе у нее не наблюдалось, и Киврин только теперь вспомнила, что связку должна носить вовсе не ключница, а как раз хозяйка дома.

Хозяйка поместья, одетая в пожелтевший лен и плохо прокрашенную дерюгу… Значит, наряд Киврин коту под хвост, как и отработанное с Латимером произношение, как и заверения доктора Аренс, что никакие средневековые болезни Киврин не страшны.

— Мне ведь сделали все прививки, — пробор-

мотала она, и обе женщины разом обернулись.

— *Ellavih swot wardesdoor feenden iss?* — резко спросила старшая. Кто она младшей? Мать? Свекровь? Кормилица? Непонятно. Киврин не могла выделить в ее речи ни одного знакомого слова, хотя бы имени или обращения.

— *Maetinkerr woun dahest wexe hoordoumbe*, — ответила младшая, на что старшая сказала:

— *Nor nayte bawcows derouthe*.

Глухо. Короткие предложения, по идее, должны распознаваться легче, но Киврин не понимала даже, одно слово она слышит или фразу.

Молодая упрямо вскинула обтянутый апостольником подбородок.

— *Certessan, shreevadwomn wolde nadae seyvous*, — сердито проговорила она.

Может быть, они спорят о том, как с ней поступить? Киврин уперлась слабыми руками в покрывало, словно пытаясь отодвинуться, и молодая, поставив плошку с лопаткой, тут же поспешила к ней.

— Spaegun yovor tongawn glaisl — проговорила она, что могло означать с равным успехом и «Доброе утро!», и «Как вы, получше?», и «На рассвете мы вас сожжем». Наверное, переводчик все-таки не работает из-за болезни. Вот когда жар совсем

спадет, наступит ясность.

Старуха опустилась на колени рядом с кроватью и, зажав в ладонях серебряный ковчежец, свисавший на цепочке у нее с шеи, принялась молиться. Молодая наклонилась посмотреть лоб Киврин, потом нащупала что-то у нее на затылке, небольно дернув за волосы, и Киврин догадалась, что ей, видимо, перевязали рану на голове. Она коснулась рукой повязки, потом хотела потрогать спутанные локоны на плечах, но их не было. Неровно обкорнанные пряди заканчивались чуть ниже ушей.

— *Vae motten tiyez thynt*, — озабоченно произнесла женщина. — *Far thotyiwort wount sorr*.

Она, похоже, что-то объясняла Киврин, но та не понимала. Хотя на самом деле все ясно: в том сильном бреду Киврин померещилось, что на волосы перекинулся огонь, и кто-то — старуха? — хватала ее за руки, не давая сбить пламя. Что им еще оставалось?

Киврин столько натерпелась с этой непокорной массой волос, столько намучилась с бесконечным мытьем головы, так долго выясняла, какие прически носили средневековые женщины, заплетали они волосы или нет, и старалась даже не думать о том, как она проживет шестнадцать

дней своей практики с немытой головой. Радоваться надо, что ее обстригли, но почему-то в голову лезли только картинки со стриженой Жанной д'Арк, которую сожгли на костре.

Молодая хозяйка убрала руки от повязки и с опаской смотрела на Киврин. Киврин улыбнулась ей неуверенно, и та улыбнулась в ответ. С правой стороны у нее не хватало двух зубов, а третий, рядом с щербиной, потемнел, но все равно, улыбаясь, эта женщина выглядела не старше первокурсницы.

Развязав узел, она положила повязку на покрывало. Тот же пожелтевший лен, что и у ее чепца, только разорванный на ветхие полоски и покрытый коричневатыми пятнами крови. Крови оказалось куда больше, чем Киврин предполагала. Наверное, открылась нанесенная мистером Гилкристом рана.

Женщина неуверенно коснулась виска Киврин, будто не зная, что делать дальше.

— *Vexeyaw hongroot?* — спросила она и, поддерживая затылок Киврин, помогла ей приподнять голову.

Старуха подала младшей деревянную плошку, и та поднесла ее к губам Киврин. Киврин осторожно отпила, заподозрив сперва, что это все

та же посудина с воском. Но нет, это оказался не воск, и даже не то питье, которое ей давали прежде. Это была жидкая, зернистая кашица, не горькая, в отличие от питья, зато оставляющая жирный привкус.

— *Thasholde nayive gros vitaille towayte*, — произнесла старуха.

«Точно свекровь», — решила Киврин.

— *Shimote lese hoor fource*, — мягко возразила молодая.

Каша оказалась вкусной. Киврин хотела выпить все, но после нескольких глотков поняла, что сил совсем нет.

Молодая хозяйка отдала плошку старухе, которая тоже подошла к постели, а потом уложила голову Киврин обратно на подушку. Взяв в руки окровавленную повязку, она снова потрогала висок Киврин, явно решая, перевязывать или уже не надо, затем отдала старухе и эту тряпицу. Старуха положила повязку с плошкой на ларь, стоявший в изножье кровати.

— *Lo, liggethsteallouw*, — произнесла молодая, снова улыбаясь своей щербатой улыбкой, и Киврин, хоть и не разобрала ни слова, поняла безошибочно. «А теперь поспите». Киврин послушно закрыла глаза.

— *Durmidde shoalausbrekkeynow*, — сказала старуха, и обе вышли, закрыв за собой тяжелую дверь.

Киврин медленно повторила про себя последнюю фразу, пытаясь выцепить хоть что-то знакомое. Переводчик, по идее, должен не только накапливать средневековую лексику, но и усиливать способность вычленять фонемы и распознавать синтаксические конструкции — однако пока никаких подвижек. С таким же успехом эти дамы могли бы разговаривать на сербскохорватском.

«А что, если так и есть? Мало ли куда они меня притащили. Я была в бреду. Может, разбойник погрузил меня на корабль и перевез через Ла-Манш…» Нет, это невозможно. Она помнит то ночное путешествие почти целиком, хотя и невнятно, как сквозь сон. «Я упала с лошади, потом меня подхватил рыжий. Мы проехали мимо церкви».

Наморщив лоб, она попыталась припомнить дорогу поподробнее. Сперва углубились в лес, отдаляясь от березовой рощицы, потом выехали на проезжую тропу, добрались до развилки, и там Киврин упала. Если найти эту развилку, возможно, оттуда удастся отыскать и переброску. От

развилки до колокольни всего ничего.

Но если переброска так близко, тогда это, наверное, Скендгейт, и хозяйки дома должны говорить на среднеанглийском, а если они говорят на среднеанглийском, почему она их не понимает?

«Может, я ударилась головой, падая с лошади, и от удара переводчик сломался?» Нет, такого точно не было. Она просто разжала руки и соскользнула на землю, буквально сползла. «Это все жар. Он каким-то образом мешает переводчику распознавать слова».

А латынь тогда как же? В груди Киврин завязался тугой узелок страха. «Переводчик распознал латынь. Я не могла заболеть. Мне сделали все прививки». Ей вдруг вспомнилось чесавшееся вздутие после противочумного укола. Но ведь доктор Аренс посмотрела перед отправкой. И сказала, что все в порядке. «Нет у меня никакой чумы. Ни одного симптома похожего».

У чумных вырастают огромные опухоли под мышками и в паху. Больных рвет кровью, подкожные сосуды лопаются и чернеют. Нет, у нее точно не чума… Тогда что, и где она это подхватила? Ей сделали прививки против всех основных заболеваний, существовавших в 1320 году, да и потом, она ведь даже проконтактировать бы с

вирусом не успела. Симптомы проявились сразу после переброски, Киврин еще ни с кем не встречалась. Микробы не могут просто летать у переброски в ожидании подходящей жертвы. Они передаются через прикосновение, через чихание, через блох… Чуму, например, распространяли блохи.

«Нет у меня никакой чумы, — решительно одернула она сама себя. — Заболевшему чумой не до рассуждений и прикидок. Он просто берет и умирает».

Это не чума. Блохи-разносчики живут на крысах и людях, а не посреди лесной чащи, к тому же черная смерть достигла Англии только к 1348 году. Наверняка просто какая-то средневековая болезнь, о которой доктор Аренс не знала. В Средневековье полно было непонятных болезней — и золотуха, и пляска святого Витта, и разные безымянные горячки. Наверное, это какая-то из них, поэтому укрепленная иммунная система сперва слегка стормозила и только потом начала активно бороться. Но теперь все позади, температура спала и переводчик должен начать действовать. Главное сейчас — отдохнуть, отлежаться и набраться сил.

Успокоенная этой мыслью, Киврин снова за-

крыла глаза и погрузилась в сон.

Кто-то ощупывал ее. Киврин открыла глаза. Свекровь. Она осматривала руки Киврин, поворачивая их так и сяк, терла исцарапанным указательным пальцем тыльную сторону кисти, пристально изучала ногти. Увидев, что Киврин проснулась, она бросила ее руки на покрывало и проговорила презрительно:

— *Sheavost ahvheigh parage attelest, baht hoore der wikkonasshae haswfolletwe?*

Глухо. Киврин надеялась, что во сне переводчик как-нибудь переработает полученную информацию, и, проснувшись, она уже сможет разбирать речь. Но по-прежнему ни слова не понятно. На слух похоже было, скорее, на французский — проглоченные окончания, легкий вопросительный подъем в конце фраз, — однако нормандский французский Киврин знала (выучила по настоянию мистера Дануорти), и из него ни одного знакомого выражения не попадалось.

— *Hastow naydepesse?*

Старуха взяла одной рукой Киврин за локоть, а другой обхватила за плечи, будто собираясь помочь ей подняться. «Я слишком слаба, чтобы вставать. Куда она меня хочет вытащить? На допрос? На костер?»

В комнату вошла молодая, держа горшок на ножках. Она поставила его на лежанку у окна и подхватила Киврин под другую руку.

— *Hastontee natour yowrese?* — улыбнулась она своей щербатой улыбкой, и Киврин начала догадываться, что, видимо, ее хотят сводить в туалет. Она попыталась сесть и спустить ноги с кровати.

Голова тут же закружилась. Киврин сидела, свесив ноги на пол, дожидаясь, пока отпустит. Из одежды на ней была одна только нижняя рубаха. Интересно, куда дели остальные вещи? Хорошо, хотя бы рубаху оставили. В Средние века никто не переодевался ко сну.

Сантехнических удобств в Средние века тоже не существовало, напомнила себе Киврин. Только бы не пришлось идти наружу, в нужник. В замках иногда имелись внутренние «уборные» или специальные отхожие места с пробитой в толще стены шахтой, дно которой нужно было периодически вычищать, но это ведь не замок.

Младшая набросила на плечи Киврин тонкое сложенное пополам одеяло, и хозяйки вдвоем помогли ей подняться. Деревянный дощатый пол был ледяным. Киврин сделала несколько шагов, и голова снова закружилась. «Я не доберусь до двора…»

— *Wotan shay wootes nawdaor youse der jordane?* — резко бросила старуха, и Киврин померещилось знакомое слово — «жардан», «сад» по-французски — но с какой стати они вдруг станут обсуждать сады?

— *Thanway maunhollp anhour*, — ответила молодая, поддерживая Киврин за талию и закидывая ее руку себе на плечо. Старуха взяла Киврин под локоть обеими руками. Ростом она едва доходила Киврин до подмышки, а в молодой на вид было не больше девяноста фунтов веса, и тем не менее им вдвоем как-то удалось довести свою подопечную до края кровати.

С каждым шагом голова кружилась все сильнее. «Мне не дойти даже до двери…» Но у изножья кровати дамы остановились. Там стоял ларь, низкий деревянный сундук, с грубым резным рисунком на крышке, изображающим то ли птицу, то ли ангела. На нем обнаружилась деревянная лоханка с водой, окровавленная повязка с головы Киврин и еще одна лоханка, поменьше, пустая. Киврин, сосредоточившая все силы на том, чтобы не упасть, сначала не поняла, зачем эта лоханка, пока старуха не сказала: «*Swoune nawmaydar oupondre yorresette*» и не изобразила, как приподнимает тяжелые юбки и присаживается над

лоханкой.

«Ночной горшок, — сообразила Киврин. — Мистер Дануорти, в поместьях 1320 года были в ходу ночные горшки!» Она кивнула, показывая, что поняла, и дала им опустить себя на горшок. Правда, чтобы не упасть, пришлось ухватиться за тяжелые занавеси полога, а потом в груди закололо так, что Киврин, едва начав выпрямляться, тут же снова согнулась пополам.

— *Maisry!* — крикнула старуха в сторону двери. — *Maisry, Com undtvae holpoon!*

Судя по интонации, она явно звала кого-то — Марджори? Мэри? — на подмогу, но поскольку никто не появился, возможно, Киврин и тут ошиблась.

Она осторожно разогнулась, проверяя, не скрутит ли ее снова, и попыталась подняться. Хотя боль слегка поутихла, хозяйкам все равно пришлось нести подопечную обратно чуть ли не на себе, и под покрывало Киврин забралась совсем без сил. Она закрыла глаза.

— *Slaeponpon donu paw daton*, — сказала молодая, и это наверняка означало «Отдыхайте», или «Поспите», но Киврин по-прежнему ничего не могла разобрать. «Переводчик сломался», — подумала она, снова ощущая в груди тугой узелок

паники, куда более мучительный, чем боль под ребрами.

Глупости, как он мог сломаться? Это ведь не механизм, а химический усилитель памяти и распознавания синтаксиса. Там нечему ломаться. Однако некий набор лексики для работы ему необходим, а уроки мистера Латимера явно себя не оправдывают. «Когда апрель обильными дождями…» У мистера Латимера в корне неправильное произношение, поэтому переводчик и не может вычленить знакомых, но по-другому произнесенных слов, однако это не значит, что он сломан. Просто нужно накопить новый запас материала, и он пока ограничивается несколькими фразами, которых явно недостаточно.

Только вот латынь… Киврин снова похолодела от страха. «Нет, все логично. Он распознал латынь, потому что обряд соборования — это затверженный текст, ты уже знала, какие там слова. А речь хозяек дома заранее неизвестна, но все равно ее можно расшифровать. Имена собственные, обращения, существительные, глаголы, предлоги будут появляться в определенных повторяющихся позициях. Они себя обнаружат довольно скоро и послужат переводчику ключом ко всему остальному. Поэтому пока основная

задача — набрать материал, слушать и слушать, не вдумываясь. А переводчик пусть работает».

— *Thin keowre hoorwoun desmoortale?* — спросила молодая.

— *Got tallon wottes*, — ответила старуха.

Вдалеке зазвонил колокол. Киврин открыла глаза. Обе хозяйки обернулись к окну, хотя за льняной шторой ничего не было видно.

— *Bere wichebay gansanon*, — сказала молодая.

Старая промолчала. Молитвенно сложив руки у груди, она не отрываясь смотрела в окно, будто видела сквозь штору.

— *Aydreddit ister fayve riblaun*, — произнесла молодая. Колокол звонил в одиночестве, остальные не спешили вторить. Может, это тот самый, чей сиротливый звон Киврин слышала тогда поздним вечером?

Старуха резко отвернулась от окна.

— *Nay, Elwiss, itbahn diwolffin.* — Она подняла с деревянного ларя ночной горшок. — *Gawynha thesspyd…*

За дверью послышалась громкая возня, топот бегущих по лестнице ног, и детский вскрик:

— *Modder! Eysmertemay!*

Вбежавшая в комнату маленькая девочка, по плечам которой прыгали светлые косички и

завязки шапки, чуть не налетела на старуху, державшую горшок. Круглое личико девчушки было красным и заплаканным.

— *Wol yadothoos forshame ahnyous!* — рявкнула старуха, поднимая горшок повыше. — *Yowe maun naroonso inhus*.

Девочка, не обратив на нее никакого внимания, кинулась с ревом прямо к молодой хозяйке.

— *Rawzamun hattmay smerte, Modder!*

«Моддер!» — ахнула Киврин. «Мать», «матушка».

Девочка потянулась к матери — да, точно, матери! — и та подхватила ее на руки. Малышка уткнулась ей в шею и заревела.

— Ш-ш-ш, аххнес, ш-ш-ш, — принялась успокаивать хозяйка.

Это «хх» — немецкое гортанное «г», сообразила Киврин. «Ш-ш-ш, Агнес».

С дочкой на руках мать села на подоконную лежанку и принялась вытирать девочке слезы завязкой чепца.

— *Spekenaw dothass bifel*, Агнес.

Да, точно, Агнес. А «спекен» — это рассказывать. «Расскажи, что случилось».

— *Shayoss mayswerte!* — заявила Агнес, показывая на вторую девочку, которая только что вошла

в комнату. Она была заметно постарше, лет девяти-десяти, с длинными темными волосами, перехваченными темно-синей повязкой.

— *Itgan naso*, Агнес, — сказала старшая девочка. — *Tha pighte rennin gawn derstayres*. — Досада пополам с заботой красноречиво говорила сама за себя. Несмотря на отсутствие внешнего сходства, Киврин уже не сомневалась, что девочки — сестры. — *Shay pighte renninge ahndist eyres, modder*.

Снова «мама» и «shay» — это «she», «она», а pighte — это «упала». Интонации французские, но ключ надо искать в немецком. Произношение, конструкции — все германское. Киврин отчетливо ощутила, как встают на место части головоломки.

— *Na comfitte horr thusselwys*, — проворчала старуха. — *She hathnau woundes. Hoor teres been fornaught mais gain thy pitye*.

— *Hoor nay ganful bloody*, — ответила молодая. Киврин ее не слышала, она слышала переводчик, который хоть и неуклюже и с явным отставанием, но потихоньку переводил: «Не балуй ее почем зря, Эливис. Она не ушиблась. Просто ластится к тебе», — и дальше ответ Эливис: «У нее коленка разбита».

— *Rossmunt brangund oorwarsted frommecofre*, — попросила хозяйка, показывая на изножье кровати, и переводчик продублировал: «Розамунда, принеси ткань из сундука». Старшая девочка послушно пошла к ларю.

Значит, старшую зовут Розамунда, а младшую — Агнес, а их невероятно молодую мать в апостольнике и чепце — Эливис.

Розамунда вытащила истрепанную повязку, явно побывавшую до этого на лбу Киврин.

— Не трогай! Не трогай! — заверещала Агнес, и Киврин даже переводчик не понадобился, тем более что он по-прежнему ощутимо отставал.

— Я только перевяжу, чтобы кровь не шла, — успокоила Эливис, забирая у Розамунды тряпицу, которую Агнес тут же отпихнула. — Повязка не… — переводчик пропустил незнакомое слово, — …тебя, Агнес. — Там явно должно быть «не обидит», «не укусит». Странно, что переводчик, даже если этого слова у него в базе нет, не смог подобрать похожее по контексту.

— …будет penaunce! — взвизгнула Агнес, и переводчик откликнулся: «Будет…» — и снова пропуск. Наверное, чтобы Киврин послушала незнакомое слово и сама попробовала догадаться. Мысль неплохая, но переводчик настолько

запаздывал, что Киврин не поняла, какое именно слово он пропускает.

— Будет penaunce! — хныкала Агнес, отпихивая материнскую руку. — «Будет больная», — шепнул переводчик, и Киврин облегченно вздохнула, радуясь хоть какому-то варианту, хоть и не особенно правильному грамматически.

— Как ты упала? — спросила Эливис, отвлекая малышку.

— Она побежала вверх по лестнице, — ответила за сестру Розамунда. — Хотела поведать тебе, что… приехал.

Снова пропуск, но в этот раз Киврин уловила слово. Гэвин. Судя по всему, имя, и переводчик тоже, очевидно, пришел к такому же выводу, потому что, когда Агнес выкрикнула: «Это я должна была сказать маме, что Гэвин приехал», он уже ничего не пропустил.

— Я сама хотела, — прогундосила Агнес сквозь слезы и уткнулась в плечо Эливис, которая тут же воспользовалась этим, чтобы перевязать ушибленное колено дочери.

— Так поведай теперь, — попросила Эливис.

Агнес помотала головой.

— Слабовато завязала, невестушка, — проговорила старуха. — Свалится поди.

На взгляд Киврин, повязка сидела вполне плотно — если завязать потуже, начнутся новые вопли. Старуха так и стояла посреди комнаты с ночным горшком в руках. Почему она его не вынесет, раз собралась?

— Чш-ш, тихо, — утешала дочку Эливис, легонько баюкая и гладя по спине. — Поведай мне, сделай милость.

— Падению предшествует надменность, — сказала старуха, определенно пытаясь снова довести Агнес до слез. — Ты сама виновата, что упала. Негоже бегать по дому.

— На чем Гэвин приехал? На белой кобыле? — спросила Эливис.

На белой кобыле? Не Гэвин ли, случаем, привез ее больную в поместье?

— Не-ет, — протянула Агнес таким тоном, что стало ясно — это какая-то общая у них с Эливис шутка. — На своем вороном коне Гринголете. Он подъехал прямо ко мне и сказал: «Сударыня Агнес, я желаю говорить с твоей матерью».

— Розамунда, своим попустительством ты навлекла скорбь на сестру, — не отступалась старуха. Поскольку Агнес расстроить не вышло, она выбрала новую жертву: — Почему ты за ней не смотрела?

— Я сидела над вышивкой, — ответила Розамунда, оглядываясь на мать в поисках поддержки. — Мейзри должна была следить за Агнес.

— Мейзри вышла встречать Гэвина, — сообщила Агнес, вертясь у матери на коленях.

— И поточить лясы с конюшенным, — подхватила старуха. — Мейзри! — крикнула она, подойдя к двери.

Мейзри. Теперь переводчик даже на именах собственных не делал пропусков. Непонятно, кто такая Мейзри, — наверное, служанка, — но, судя по тому, какой оборот принимает дело, ей не поздоровится. Старуха ищет себе жертву, и запропастившаяся невесть куда Мейзри попадет под горячую руку.

— Мейзри! — закричала она снова, так что по дому прокатилось эхо.

Розамунда, улучив возможность, подошла поближе к матери.

— Гэвин молвил, что просит дозволения подняться и поговорить с тобой.

— Он ждет внизу? — уточнила Эливис.

— Нет. Сперва поехал в церковь потолковать об этой даме с отцом Рожей.

Падению предшествует надменность. Переводчик явно зарвался. Наверное, отец Род или отец

Роже? Уж никак не отец Рожа.

— Какая ему надобность толковать с отцом Рожей? — требовательно спросила старуха, возвращаясь в комнату.

Киврин напрягла слух, пытаясь пробиться через раздражающий шепот переводчика. Рош. Французское имя, означает «камень». Отец Рош.

— Может, он что-то узнал о даме, — предположила Эливис, оглянувшись на Киврин. До этого никто как будто и не вспомнил, что она тоже находится в комнате. Киврин поспешно закрыла глаза, притворяясь спящей.

— Гэвин отправился утром на поиски тех душегубов, — продолжала Эливис. — Наверное, он их отыскал. — Наклонившись, она завязала тесемки полотняной шапочки Агнес. — Агнес, сходи с Розамундой в церковь и скажи Гэвину, что мы потолкуем с ним в зале. Дама спит. Ее нельзя тревожить.

Агнес метнулась к двери, крича:

— Чур я ему скажу, Розамунда!

— Розамунда, уступи сестре, — попросила мать вдогонку. — Агнес, не бегай.

Девочки скрылись за дверью и наперегонки затопали по лестнице.

— Розамунда уже не дитя, — сказала старуха. —

Негоже ей быть на побегушках. Худо, что дочери твои без пригляда. Надо бы тебе послать в Оксенфорд за нянькой.

— Нет, — неожиданно твердо возразила Эливис. — Мейзри за ними приглядит.

— Мейзри и за овцой не усмотрит. Не следовало нам в такой спешке покидать Бат. Надо было дождаться…

Переводчик снова оставил пропуск, а Киврин не отловила нужную фразу, но главное она уяснила — хозяева поместья переехали из Бата. Поместье недалеко от Оксфорда.

— Пусть Гэвин съездит за нянькой. И за знахаркой для дамы.

— Я не буду ни за кем посылать, — отказалась Эливис.

— Пошлем в… — Еще какое-то непонятное для переводчика название. — Леди Ивольда отлично врачует раны. И охотно отрядит нам нянькой любую из своих камеристок.

— Нет. — Эливис оставалась непреклонной. — Мы выходим ее сами. Отец Рош…

— Отец Рош! — презрительно скривилась старуха. — Да какой из него лекарь!

«Но ведь я поняла все, что он говорил», — подумала Киврин. Она вспомнила негромкий голос,

читающий отходную, ласковое прикосновение к вискам, к ладоням, к подошвам ног. Он уговаривал ее не бояться и спрашивал имя. И держал за руку.

— Если она знатного рода, — гнула свое старуха, — неужто ты допустишь, чтобы ее выхаживал неотесанный деревенский священник? Леди Ивольда…

— Мы не будем ни за кем посылать, — заявила Эливис, и Киврин только теперь расслышала в ее голосе испуг. — Супруг наказал нам сидеть здесь до его приезда.

— Лучше бы поехал с нами.

— Вы же знаете, что он не мог. Я должна пойти поговорить с Гэвином. — Она направилась к двери, обогнув старуху. — Гэвин обещал поискать следы лиходеев на том месте, где обнаружил даму. Может быть, он что-то выяснил, что подскажет нам, кто она и откуда.

Место, где обнаружил даму. Значит, это Гэвин ее нашел, это он тот рыжеволосый юноша с добрым лицом, который посадил ее на коня и привез сюда. И это произошло наяву, хотя белая лошадь ей явно приснилась. Он привез ее сюда, и он знает, где переброска.

— Постойте, — позвала Киврин, приподнима-

ясь на подушках. — Подождите, пожалуйста. Я хочу поговорить с Гэвином.

Старуха замерла. Эливис с тревогой подошла к кровати.

— Я хочу поговорить с человеком по имени Гэвин, — размеренно проговорила Киврин, делая паузу перед каждым словом и дожидаясь перевода. Потом процесс дойдет до автоматизма, а пока она мысленно произносила слово, ждала перевода и только затем проговаривала его вслух. — Я должна отыскать место, где он меня нашел.

Эливис потрогала лоб Киврин, но та нетерпеливо сбросила ее ладонь.

— Я хочу говорить с Гэвином.

— Нет, Имейн, жара у нее нет, — сообщила Эливис старухе. — И все равно она силится что-то сказать, хоть и сознает, что мы ее не понимаем.

— Она говорит на тарабарском языке, — обвиняющим тоном заявила Имейн. — Может, она французская доглядчица?

— Это не французский, — возразила Киврин. — Это средне-английский.

— Наверное, латынь, — предположила Эливис. — Отец Рош говорит, она отвечала на латыни, когда он ее соборовал.

— Отцу Рошу дай бог «Отче наш» без запинки

прочитать, — съязвила леди Имейн. — Мы должны послать в… — Снова непонятное название. Корси? Керси?

— Я желаю говорить с Гэвином, — сказала Киврин на латыни.

— Нет, — отказалась Эливис. — Мы дождемся мужа.

Старуха резко развернулась, плеснув содержимым горшка себе на руку. Она вытерла ее об юбку и вышла, хлопнув дверью. Эливис посмотрела ей вслед.

Киврин схватила Эливис за рукав.

— Почему вы меня не понимаете? Я ведь вас понимаю. Мне нужно поговорить с Гэвином. Пусть он скажет мне, где переброска.

Эливис осторожно высвободилась.

— Успокойтесь, не надо плакать. Попробуйте поспать. Вам надо как следует отдохнуть, чтобы добраться до дома.

Запись из «Книги Страшного суда»

(000915-001284)

Дела из рук вон плохи, мистер Дануорти. Я не понимаю, где я, и не знаю языка. Что-то случилось с переводчиком. Речь здешних я более или менее

разбираю, но они меня не понимают совсем. Это, впрочем, еще не самое страшное.

Я подхватила какую-то болезнь. Не знаю какую. Это не чума, поскольку не наблюдаю ни одного из симптомов и явно выздоравливаю. И потом, у меня от чумы прививка. Я сделала все прививки, и Т-клеточное наращивание, и все остальное, но, видимо, что-то не сработало, или просто от этой средневековой болезни нет прививки.

Симптомы такие: головная боль, температура, головокружение и еще боль в груди, когда пытаешься пошевелиться. Я на какое-то время впадала в беспамятство, поэтому не знаю, где я. Сюда меня привез на лошади человек по имени Гэвин, однако поездку я почти не помню (кроме того, что было темно и мы ехали, кажется, несколько часов). Надеюсь, на самом деле все-таки меньше, просто я не сориентировалась из-за жара, и это все же та деревня, о которой говорила мисс Монтойя.

Это вполне может быть Скендгейт. Я помню церковь, а дом, в который меня привезли, скорее всего поместье. Я сейчас в спальне или в горнице, потому что тут есть лестница, а значит, это дом по меньшей мере какого-нибудь мелкого барона. Еще есть окно, и как только пройдет слабость, я

заберусь на подоконную лежанку и посмотрю, видно ли отсюда церковь. Там имеется колокол — только что он отзвонил к вечерне. Но в деревне мисс Монтойи колокольни не было, поэтому я все же опасаюсь, что попала не туда. Наверняка мы где-то недалеко от Оксфорда, поскольку одна из хозяек предлагала послать туда за лекарем. Кроме того, поблизости находится селение под названием Корси или Керси, но на карте мисс Монтойи такого не значилось. Хотя это может быть имя землевладельца.

Насчет положения во времени я тоже не совсем уверена, поскольку отключалась. Я пытаюсь припомнить, и мне кажется, что я проболела не больше двух дней. А спросить, какой сегодня день, я не могу, поскольку меня никто не понимает, и выбраться из кровати сама не могу — ноги не держат, а еще меня обстригли, и вообще я не знаю, как быть. Что случилось? Почему не работает переводчик? Почему подвело Т-клеточное наращивание?

(Пауза.)

У меня под кроватью крыса. Я слышу, как она шуршит в темноте.

Глава одиннадцатая

Никто ее не понимал. Киврин снова попыталась поговорить с Эливис, достучаться до нее, но та лишь улыбнулась участливо и велела Киврин отдыхать.

— Пожалуйста, — взмолилась Киврин вдогонку уходящей Эливис. — Не уходите. Это важно! Кроме Гэвина никто не знает, где переброска.

— Почивайте, — сказала Эливис. — Я скоро вернусь.

— Дайте мне с ним поговорить, — безнадежно просила Киврин, но Эливис уже стояла в дверях. — Я не найду переброску.

На лестнице послышался топот.

— Агнес, я ведь послала тебя передать… — открывая дверь, начала Эливис и, не договорив, попятилась. Ни испуга, ни тревоги Киврин не заметила, однако рука на дверном косяке слегка дрогнула, будто готовясь захлопнуть дверь, и сердце у Киврин бешено заколотилось. «Вот оно. Пришли тащить меня на костер».

— Доброе утро, сударыня, — произнес мужской голос. — Ваша дочь Розамунда пригласила меня в зал, однако вас там не обнаружилось.

Мужчина вошел в комнату. Лица его Киврин не видела, он встал в изножье кровати, и его загораживали занавеси полога. Киврин попыталась повернуть голову, чтобы разглядеть получше, но перед глазами все поплыло. Она откинулась на подушку.

— И я смекнул, что найду вас у постели болящей. — Собеседник Эливис был одет в утепленный дублет и кожаные штаны. На поясе висел меч; Киврин слышала, как он звякнул при ходьбе. — Как она?

— Сегодня лучше, — ответила Эливис. — Свекровь ушла изготовить ей отвар окопника для исцеления раны.

Судя по словам о «вашей дочери Розамунде», это был Гэвин, тот самый, которого послали искать напавших на Киврин, но Эливис, хоть и убрала руку с косяка, отступила еще на два шага, и с лица ее не сходила настороженность. Киврин снова кольнула тревога, и вдруг подумалось: а что, если разбойник не померещился ей в бреду, что, если тот человек со свирепым лицом и есть Гэвин?

— Отыскали какие-нибудь приметы, проясняющие, откуда наша дама? — сдержанно поинтересовалась Эливис.

— Нет. Все ее добро украли, лошадей увели. Я

питал надежду, что она сама поведает нам что-нибудь о своих обидчиках — сколько их было, с какой стороны напали…

— Боюсь, она не в силах вам ничего поведать, — покачала головой Эливис.

— Неужто немая? — Гэвин шагнул к кровати.

Тогда, в лесу он представлялся выше, и волосы его теперь, при дневном свете, оказались не рыжими, а просто светлыми, но лицо по-прежнему оставалось таким же добрым, как тогда, когда он сажал ее на коня. На черного коня Гринголета.

Когда нашел ее на полянке. Он не разбойник, разбойник ей померещился, его навеяло бредом и опасениями мистера Дануорти, вместе с белой лошадью и рождественскими хоралами, а реакцию Эливис она просто неправильно расценивает. Как ошибалась недавно насчет намерения хозяек, ведущих ее на горшок.

— Нет, она не немая, но изъясняется на каком-то странном, непонятном наречии. Боюсь, как бы от раны не помрачился ее рассудок. — Эливис встала рядом с кроватью, и Гэвин подошел следом. — Сударыня, я привела Гэвина, это рыцарь моего мужа.

— Доброго дня, сударыня, — поздоровался Гэвин, старательно, будто для глухой, выговаривая

каждый слог.

— Это он нашел вас в лесу, — добавила Эливис.

«Где именно в лесу?» — в отчаянии подумала Киврин.

— Отрадно, что ваши раны исцеляются, — выделяя каждое слово, продолжал Гэвин. — Прошу, поведайте мне о тех, кто на вас напал.

«Не уверена, что получится», — мысленно ответила Киврин, не решаясь произнести вслух из опасений, что Гэвин тоже ничего не поймет. Во что бы то ни стало нужно, чтобы он понял. Он знает, где переброска.

— Сколько их было? — спросил Гэвин. — Они скакали верхом?

«Где вы меня нашли?» — проговорила Киврин про себя, так же, как Гэвин, выделяя каждое слово. Она дождалась полного перевода, тщательно запоминая интонации и сопоставляя их с уроками мистера Дануорти.

Гэвин и Эливис смотрели выжидающе. Киврин сделала глубокий вдох.

— Где вы меня нашли?

Они переглянулись — Гэвин удивленно, Эливис как бы говоря «Вот видите».

— Она так же разговаривала той ночью. Но я думал, это из-за раны.

— И я так думаю, — согласилась Эливис. — А свекровь считает, что она из Франции.

— Нет, это не французский, — покачал головой Гэвин. — Сударыня, — повысив голос почти до крика, обратился он к Киврин. — Вы прибыли из чужеземных краев?

«Да, — подумала Киврин. — Из чужеземных. И попасть обратно можно только через переброску, и только ты знаешь, где она».

— Где вы меня нашли? — спросила она снова.

— Все ее добро похитили, — повторил Гэвин. — Но повозка у нее богатая, и ларцов там много.

Эливис кивнула.

— Да, я боюсь, что она знатного рода и ее будут разыскивать.

— В какой части леса вы меня нашли? — проговорила Киврин громче.

— Мы ее тревожим, — обеспокоилась Эливис и, наклонившись, похлопала Киврин по руке. — Тс-с-с. Почивайте. — Она отошла от кровати, а вслед за ней Гэвин.

— Велите мне съездить в Бат к лорду Гийому? — спросил невидимый теперь за пологом Гэвин.

Эливис снова попятилась, словно от испуга, как раньше, когда Гэвин появился в дверях. Но ведь они стояли у кровати почти плечом к плечу. И

разговаривали как старые знакомые. Наверное, беспокойство Эливис вызвано еще чем-то.

— Велите мне привезти вашего мужа? — продолжал Гэвин.

— Нет, — опустив глаза, ответила Эливис. — У моего супруга достаточно хлопот, и он не сможет приехать, пока не закончится суд. А нас он вверил вашим заботам и попечительству.

— Тогда, с вашего соизволения, я отправлюсь на то место, где напали на даму, и продолжу поиски.

— Да, — не поднимая глаз, ответила Эливис. — Возможно, в спешке они обронили что-то, что расскажет нам о незнакомке.

«То место, где напали на даму, — повторила Киврин про себя, пытаясь расслышать оригинал сквозь перевод и затвердить наизусть. — Место, где на меня напали».

— Я отправляюсь в путь, — сказал Гэвин.

— Сейчас? — Эливис вскинула глаза. — Уже темнеет.

— Покажите мне место, где на меня напали, — попросила Киврин.

— Я не страшусь темноты, леди Эливис, — заявил Гэвин и вышел, бряцая мечом.

— Возьмите меня с собой! — крикнула Киврин

им вслед.

Тщетно. Они уже ушли, а переводчик не работал. Она приняла желаемое за действительное. Если она что и разбирала, то лишь благодаря урокам мистера Дануорти. А может, она и не разобрала ничего, ей это только кажется.

Не исключено, что разговор шел вовсе не о ней, а о чем-то совершенно другом — о розысках заблудившейся овцы, например, или об отдаче подозрительной особы под суд.

Леди Эливис закрыла за собой дверь, выходя, и в комнате повисла тишина. Даже колокольный звон смолк. Из-под навощенной шторы сочился синеватый свет. Темнеет.

Гэвин сказал, что поедет к месту переброски. Если окно выходит на двор, можно посмотреть, в какую сторону он поскачет. Он говорил, что здесь недалеко. Заметить направление, а там поискать самой.

Она попыталась приподняться, но малейшее усилие вызывало резкую боль в груди. Стоило спустить ноги на пол, как снова закружилась голова. Тогда Киврин откинулась на подушку и закрыла глаза.

Головокружение, жар, боли в груди… На что похоже? Жар и озноб бывают в начале кори, причем

сыпь появляется только на второй-третий день. Киврин подняла руку, разглядывая, нет ли сыпи. Непонятно, сколько она уже болеет, но все же вряд ли это корь, потому что там инкубационный период от десяти до двадцати одного дня. Десять дней назад Киврин была еще в оксфордской лечебнице, в том времени, где вирус кори уже сто лет как уничтожен.

Она лежала в лечебнице с прививками против всего, чего только можно: кори, тифа, холеры, чумы… Значит, они все исключены? А если они исключены, что тогда остается? Пляска святого Витта? Да, положим, от нее прививки не делали, но ведь помимо прививок ей еще и иммунитет повышали, чтобы организм мог бороться с неизвестными инфекциями.

На лестнице послышался топот.

— Моддер! — закричал уже знакомый голос. Агнес. — Розамунда не уступила!

Ворваться в комнату с тем же неистовством ей не удалось, мешала тяжелая дверь, но приоткрыв ее и просочившись в щель, Агнес не разбирая дороги кинулась с ревом к подоконной лежанке.

— Моддер! Гэвину я должна была сказать! — прорыдала она — и остановилась, увидев, что матери в комнате нет. Слезы моментально вы-

сохли.

Агнес в раздумьях постояла у окна, очевидно, прикидывая, не повторить ли спектакль попозже, а потом бросилась к двери. Однако на полпути она заметила Киврин и снова замерла.

— А я знаю, кто ты! — сообщила девочка, подходя к кровати. Ей едва хватало роста, чтобы заглянуть наверх. Тесемки шапочки опять болтались по плечам. — Ты дама, которую Гэвин нашел в лесу.

Киврин отвечать не стала, из опасений, что исковерканная переводчиком речь напугает ребенка, поэтому просто кивнула, приподнявшись слегка на подушках.

— А что с твоими волосами? — удивилась Агнес. — Их украли разбойники?

Киврин мотнула головой, улыбнувшись неожиданному предположению.

— Мейзри говорит, разбойники украли у тебя язык. — Агнес показала на лоб Киврин. — Ты ушиблась головой?

Киврин кивнула.

— А я коленкой. — Агнес ухватилась обеими руками за согнутое колено, приподнимая, чтобы показать Киврин грязную повязку. Старуха была права. Повязка уже начала сползать, приоткры-

вая содранную кожу. Киврин думала, что там обычная ссадина, однако рана выглядела куда серьезнее.

Запрыгав на одной ноге, Агнес отпустила колено и снова облокотилась на кровать.

— Ты умрешь?

«Не знаю», — подумала Киврин, вспомнив о болях в груди. Смертность от кори составляла в 1320 году семьдесят пять процентов, а укрепленный иммунитет пока почему-то не справлялся.

— Брат Губард умер, — со знанием дела продолжала Агнес. — И Гилберт. Он свалился с лошади. Я его видела. У него голова была вся красная. А Розамунда говорит, что брат Губард умер от синей хвори.

Интересно, что еще за синяя хворь? Удушье? Апоплексия? И не тот ли это капеллан, которому так жаждет найти замену свекровь Эливис? У знати принято было возить с собой собственных священников, а отец Рош наверняка местный — скорее всего необразованный и даже неграмотный, хотя его латынь Киврин поняла без труда. И он добрый. Он держал ее за руку и уговаривал не бояться. «Вот, мистер Дануорти, в Средневековье есть и хорошие люди. Отец Рош, и Эливис, и Агнес».

— Отец обещал привезти мне сороку, когда приедет из Бата, — похвасталась Агнес. — У Аделизы есть сокол. Она дает мне его подержать. — Девочка подняла чуть согнутую в локте руку, сжав пухлый кулачок, показывая, как на воображаемой перчатке должен сидеть сокол. — А еще у меня есть гончий пес.

— И как его зовут? — полюбопытствовала Киврин.

— Я зову его Черныш, — ответила Агнес, хотя Киврин подозревала, что это переводчик постарался. На самом деле, наверное, Чернец или Вороной. — Потому что он черный. А у тебя есть гончий?

Киврин онемела от изумления: кто-то понял ее речь. Агнес ее странное произношение, выходит, ничуть не смутило. Просто на этот раз Киврин спросила не задумываясь и не дожидаясь, пока сработает переводчик — вот, значит, как надо?

— Нет, у меня нет собаки, — ответила она, пытаясь повторить тот же фокус.

— Я буду учить сороку разговаривать. Чтобы говорила: «Доброе утро, Агнес».

— А где твоя собака? — сделала Киврин еще одну попытку. Получалось как-то по-другому, проще, с той самой бормочущей французской ин-

тонацией, которую она слышала у хозяек дома.

— Хочешь посмотреть Черныша? Он в конюшне. — Похоже, Агнес и впрямь отвечает на вопрос, но с ее манерой не разберешь — может, она просто болтает обо всем подряд. Надо проверить наверняка — спросить что-то не относящееся к теме и подразумевающее однозначный ответ.

Агнес поглаживала мягкий мех покрывала и мурлыкала себе под нос.

— Как тебя зовут? — спросила Киврин, надеясь, что переводчик подхватит. Он выдал что-то мало похожее на правду, вроде «Как ты нарекаешься?» — но девочку это не смутило.

— Агнес. Отец говорит, у меня будет сокол, когда я дорасту до того, чтобы ездить на взрослой лошади. А сейчас у меня пони. — Она перестала гладить мех, облокотилась на край кровати и подперла подбородок кулачками. — А я знаю, как тебя зовут, — заявила она хвастливо. — Катерина.

— Что? — в замешательстве переспросила Киврин. Катерина. Откуда взялась Катерина? Ее ведь должны звать Изабель. Неужели они, как им кажется, что-то о ней разузнали?

— Розамунда говорит, что никто не ведает твое

имя, — продолжала хвастаться Агнес. — А я слышала, как отец Рош сказал Гэвину, что тебя зовут Катерина. А еще Розамунда обманула, что ты не умеешь разговаривать — ты ведь умеешь.

Киврин снова увидела, как священник склоняется над ней, невидимый за пляшущими языками пламени, и просит на латыни: «Назови мне свое имя». И как она пытается выговорить что-то пересохшим языком, боясь, что умрет, и никто не узнает, что с ней случилось.

— Тебя правда зовут Катерина? — допытывалась Агнес, и Киврин расслышала ее слова сквозь перевод. «Катерина» на слух звучало совсем как «Киврин».

— Да, — ответила Киврин. В горле защипало от слез.

— А у Черныша есть… — Переводчик не разобрал слово. Кроватка? Крылатка? — Красная. Хочешь посмотреть? — не дожидаясь ответа, Агнес выбежала в приоткрытую дверь.

Киврин понадеялась, что загадочная «крылатка» не окажется какой-нибудь живностью. Жаль, не спросила, что это за место и сколько она уже здесь лежит. Впрочем, Агнес, наверное, все равно не знает, слишком маленькая. Ей на вид не больше трех — по современным меркам.

Значит, лет пять-шесть на самом деле. Надо было и это спросить. Хотя не факт, что Агнес знает свой возраст. Жанна д'Арк, например, не знала и даже инквизиторам под пытками не могла сказать.

По крайней мере теперь можно спрашивать. И переводчик не сломан. Просто временно впал в ступор из-за непривычного произношения, или действительно на него жар повлиял, но теперь все в порядке, а Гэвин знает, где переброска, и сумеет показать.

Киврин приподнялась на подушках, чтобы видно было дверь. В груди снова закололо, и заболела голова. Киврин обеспокоенно потрогала щеки и лоб. Теплые, но это, может быть, потому что руки ледяные. В комнате стоял дикий холод, и во время прогулки к ночному горшку Киврин не заметила нигде ни жаровни, ни хотя бы грелки.

Угольные грелки для кроватей уже изобрели? Должны были изобрести. Иначе как бы они пережили Малый ледниковый период? Зверская холодина…

Киврин начала бить дрожь. Наверное, снова поднимается жар. Так бывает? В учебнике по истории медицины говорилось, что лихорадка спадает, потом наступает слабость, но чтобы лихорадка возвращалась? Хотя нет, бывает. На-

пример, при малярии — озноб, головная боль, пот, повторяющиеся приступы высокой температуры. Еще как возвращается.

Нет. Малярия не характерна для Англии, комары не выживут в Оксфорде посреди зимы и вообще здесь не водятся, да и симптомы не те. В пот не бросает, а озноб просто от температуры.

Головная боль и жар бывают при сыпном тифе, он переносится вшами и крысиными блохами, которые вполне себе водились в средневековой Англии — и явно водятся в этой постели, — однако у сыпного тифа слишком длинный инкубационный период, около двух недель.

У брюшного тифа инкубационный период короткий, несколько дней, и головную боль он тоже вызывает, и боль в суставах, и жар. Не повторяющиеся приступы жара, а повышение температуры к ночи. То есть, получается, днем жар спал, а теперь начинается снова.

Знать бы, который час. Эливис сказала, что темнеет, и свет из-под вощеной шторы уже совсем сизый, но в декабре дни самые короткие, значит, на самом деле сейчас, наверное, середина дня. То, что спать хочется, тоже не показатель. Она весь день то засыпает, то просыпается.

Для брюшного тифа характерна сонливость.

Киврин стала вспоминать остальные симптомы из прочитанного доктором Аренс «краткого курса» по средневековой медицине. Носовые кровотечения, обложенный язык, розовая сыпь. Сыпь должна появляться только на седьмой-восьмой день, но Киврин все равно задрала на всякий случай рубаху и осмотрела живот и грудь. Сыпи нет, значит, корь тоже исключается. При кори высыпает на второй-третий день.

Интересно, куда подевалась Агнес? Может, взрослые спохватились наконец и запретили ей входить к больной, а может, нерадивая Мейзри все-таки решила за ней приглядеть. Или, что вероятнее, девочка заигралась со своей собакой в конюшне и забыла про обещание показать Киврин эту самую «крылатку».

С головной боли и жара начинается чума. Доктор Аренс беспокоилась насчет противочумной прививки, хотела повременить с переброской, пока не спадет вздутие на месте укола. «Нет, не чума, — возразила сама себе Киврин. — У тебя нет ни одного симптома. Ни бубонов размером с апельсины, ни раздувшегося во весь рот языка, ни подкожных кровоизлияний, от которых чернеет все тело».

Наверное, какой-нибудь грипп. Это единствен-

ная болезнь, которая накрывает так внезапно, да и доктор Аренс не нравилось, что мистер Гилкрист передвинул дату переброски, потому что до пятнадцатого антивирусы еще не наберут полную силу, и иммунитет будет слабее требуемого. Наверняка грипп. Чем лечат грипп? Антибиотики, покой, обильное питье.

«Тогда отдыхай», — велела себе Киврин и закрыла глаза.

Она не помнила, как заснула, но сколько-то она точно проспала, потому что в комнате снова появились обе хозяйки, а Киврин не видела, как они входили.

— Что поведал Гэвин? — Старуха что-то размазывала в миске тыльной стороной ложки, потом достала из раскрытого окованного железом сундучка какой-то мешочек, высыпала его содержимое в миску и продолжила мешать.

— По ее вещам невозможно судить, откуда она родом. Все пожитки похищены, сундуки раскрыты и выпотрошены. Но повозка, он сказал, богатая. Дама определенно знатного рода.

— И наверняка ее ищут. — Старуха поставила миску и принялась с треском рвать полоски ткани. — Надобно послать в Оксенфорд и известить, что она у нас.

— Нет, — категорично отказалась Эливис. — Только не в Оксенфорд.

— Какие у тебя вести?

— Никаких. Но мой супруг повелел нам оставаться здесь. Если все пойдет как надо, он через неделю прибудет сам.

— Пойди все как надо, был бы уже здесь.

— Процесс едва начался. Может быть, он уже сейчас спешит домой.

— А может быть… — Еще какое-то непереводимое имя, Торквил? — …Торквила ждет виселица, и моего сына вместе с ним. Не нужно было ему вмешиваться.

— Он его друг, а обвинения ложны.

— Он остолоп, а мой сын еще больший остолоп, раз решился свидетельствовать в его пользу. Настоящий друг велел бы ему уехать из Бата… Мне нужна горчица. Мейзри! — крикнула старуха, шагнув к двери. — Про свиту нашей дамы Гэвин ничего не выяснил?

Эливис присела на лежанку под окном.

— Нет. И ни следа лошадей.

Вошла рябая девица с сальными волосами, падающими на лицо. Неужели это та самая Мейзри, которая крутит шашни с конюхами, вместо того чтобы присматривать за девочками? Припав на

одно колено в неуклюжем реверансе — будто просто споткнулась, — девица спросила:

— *Wotwardstu, Lawttymayeen?*

«Нет, — испугалась Киврин. — Что опять с переводчиком?»

— Принеси мне горчицу из кухни, да не мешкай, — приказала старуха, и девица поплелась к двери. — Где Агнес и Розамунда? Почему они не с тобой?

— *Shiyrouthamay*, — пробурчала девица.

Эливис встала.

— Ну-ка не мямли.

— Они (что-то) от меня прячут.

Нет, с переводчиком все в порядке. Просто разница между нормандским английским, на котором говорит знать, и саксонским диалектом простонародья, хотя ни то ни другое ничуть не похоже на среднеанглийский, которому учил Киврин восторженный мистер Латимер. Странно, как переводчик вообще что-то разбирает.

— Я как раз искала их, когда меня позвала леди Имейн, сударыня, — ответила Мейзри, и на этот раз переводчик все передал, хотя и с заминкой, которая придавала словам Мейзри (возможно, обоснованную) заторможенность.

— Где ты их искала? На конюшне? — Эливис

хлопнула Мейзри по ушам обеими руками, будто в музыкальные тарелки ударила. Мейзри, взвыв, схватилась грязной рукой за левое ухо, а Киврин вжалась в подушки.

— Принеси леди Имейн горчицу и отыщи Агнес.

Мейзри кивнула, не особенно перепуганная, но руку от уха не отняла. Потом, изобразив еще один спотыкающийся реверанс, с той же черепашьей скоростью вышла из комнаты. Непохоже, что неожиданная выволочка ускорит доставку горчицы.

Киврин поразила обыденность и быстрота расправы. Эливис и не рассердилась, после ухода Мейзри она как ни в чем не бывало села на приступку под окном и произнесла спокойно:

— Даму нельзя перевозить, даже если за ней приедут. Она может остаться у нас, пока не вернется мой супруг. К Рождеству он будет здесь непременно.

На лестнице послышался шум. Киврин уже решила, что ошиблась, и оплеуха все-таки придала Мейзри скорости, когда в комнату вбежала Агнес, прижимая что-то к груди.

— Агнес! — воскликнула Эливис. — Ты что здесь делаешь?

— Я принесла свою… — Переводчик по-прежнему затруднялся. Корытку? — Показать нашей даме.

— Негоже так себя вести, Агнес — прятаться от Мейзри и тревожить гостью, — отчитала дочку Эливис. — Ее раны сильно болят.

— Но она сама сказала, что хочет посмотреть. — Агнес подняла повыше свое сокровище — им оказалась игрушечная двуколка, выкрашенная в красный с золотом.

— Господь карает лжесвидетелей вечными муками, — заявила леди Имейн, цепко хватая малышку за руку. — Дама не разговаривает, и тебе это известно.

— Со мной она разговаривала, — заупрямилась Агнес.

Отлично, подумала Киврин. Вечные муки. Как можно пугать такими ужасами маленького ребенка? Но ведь это Средневековье, здесь священники только и твердят что о конце света, о Судном дне и адских муках.

— Она сказала, что хочет посмотреть мою повозку, — поделилась Агнес. — И что у нее нет гончего.

— Не выдумывай, — велела Эливис. — Дама не разговаривает.

«Пора это прекращать, — испугалась Киврин, — иначе они и Агнес уши надерут».

— Я разговаривала с Агнес, — приподнявшись на локтях, произнесла она. Лишь бы не подвел переводчик! Если он именно сейчас вновь отключится и Агнес зададут трепку, это будет последней каплей. — Я попросила ее принести тележку.

Обе хозяйки обернулись — Эливис изумленно, а старуха сперва оторопело, потом настороженно, будто Киврин прежде нарочно их дурачила.

— Я же говорила! — Агнес направилась к кровати вместе с тележкой.

Киврин обессиленно откинулась на подушки.

— Что это за место?

Эливис не сразу оправилась от изумления.

— Вы в доме моего супруга и повелителя… — Переводчик, как обычно, не уловил имя. Гийом то ли д'Ивери, то ли Деверо.

— Рыцарь моего мужа нашел вас в лесу и привез сюда, — возбужденно рассказывала Эливис. — На вас напали разбойники и серьезно ранили. Кто на вас напал?

— Не знаю, — ответила Киврин.

— Меня зовут Эливис, а это мать моего супруга, леди Имейн. А вас как зовут?

Пришло время для тщательно разработанной

легенды. Киврин, правда, назвалась перед священником Катериной, но леди Имейн уже дала понять, что его мнение ни в грош не ставит. Он ведь якобы даже латыни не знает толком. Можно сказать, что он не расслышал, и назваться Изабель де Боврье или соврать, что в бреду звала сестру или мать. Или даже выдумать, что молилась святой Катерине.

— Из какого вы рода? — спросила леди Имейн.

Хорошая ведь легенда. Обозначит ее происхождение и положение в обществе, гарантируя при этом, что никто не станет посылать за ее родными. До Йоркшира далеко, а дорога на север непроходима.

— Куда вы ехали? — полюбопытствовала Элливис.

Кафедра медиевистики тщательно изучила погодные условия и состояние дорог. В декабре две недели лил непрекращающийся дождь, а потом почти до конца января дороги оставались раскисшими, потому что ни разу не ударяли сильные морозы. Но Киврин своими глазами видела дорогу на Оксфорд. Сухую и чистую. В цвете ее платья и преобладании стеклянных окон в домах знати медиевистика тоже не сомневалась. И среднеанглийский они изучили в совершенстве.

— Я не помню сего.

— Ничего? — Эливис обернулась к леди Имейн: — Она ничего не помнит.

Им слышится «ничего», сообразила Киврин. Непривычное для местных произношение скомкало разницу между отрицательными формами.

— Все из-за раны, — решила Эливис. — Память помутилась.

— Нет, нет… — запротестовала Киврин. Она не собиралась симулировать амнезию. Она должна изображать Изабель де Боврье, из Ист-Райдинга. Если здесь дороги сухие, это не значит, что они проходимы дальше к северу, а Эливис даже в Оксфорд Гэвина боится отпустить, чтобы разузнать о незнакомке, и в Бат за мужем тоже боится послать. Вряд ли она отправит его в Ист-Райдинг.

— Вы даже своего имени не помните? — нетерпеливо переспросила леди Имейн, наклоняясь почти вплотную и дыша Киврин в лицо. Дыхание было смрадным — запах старости и тлена. И гнилых зубов полон рот. — Как вас зовут?

Мистер Латимер утверждал, что Изабель — самое распространенное имя в начале XIV века. А Катерина? И потом, имена дочерей медиевистике все равно неизвестны. Что, если до Йоркшира не так уж далеко и леди Имейн знакома с семьей де

Боврье? Получится лишнее подтверждение тому, что Киврин — шпионка? Лучше не отступать от распространенного имени. Надо назваться Изабель де Боврье.

Но старуха только позлорадствует, узнав, что священник чего-то там недослышал. Убедится в его невежестве, некомпетентности, найдет лишний довод послать в Бат за новым капелланом. А он держал Киврин за руку и уговаривал не бояться…

— Меня зовут Катерина.

Запись из «Книги Страшного суда»

(001300-002018)

Дела здесь плохи не только у меня, мистер Дануорти. Современникам, которые меня забрали, похоже, тоже несладко.

Хозяина поместья, лорда Гийома, сейчас здесь нет. В Бате судят его друга, и он тоже там, дает показания, что, как я понимаю, чревато опасностями и для него. Его мать, леди Имейн, назвала сына дураком за желание вмешаться и помочь, а леди Эливис, его жена, нервничает и тревожится.

Они переехали впопыхах, без слуг. Знатной

даме XIV века полагалась по крайней мере одна камеристка, но ни у Эливис, ни у Имейн таковых не имеется, и даже няньку детей — у Гийома две малолетние дочери — они с собой не взяли. Леди Имейн хотела послать за новой и за капелланом, однако Эливис ей не разрешает.

Думаю, лорд Гийом, предчувствуя неприятности, отослал домашних подальше для пущей безопасности. А может, беда уже случилась — Агнес, младшая из девочек, упомянула о смерти капеллана и некоего Гилберта, у которого «голова была вся красная», так что, возможно, произошло кровопролитие, и женщинам пришлось спасаться бегством. Лорд Гийом приставил к ним для охраны одного из своих рыцарей в полном вооружении.

В 1320 году в Оксфордшире не отмечено крупных восстаний против Эдуарда II, хотя ни король, ни его фаворит Гуго Диспенсер популярностью не пользовались, поэтому заговоров и мелких стычек в других краях хватало. В том году (то есть в этом году) двое баронов — Ланкастер и Мортимер — забрали у Диспенсеров шестьдесят три поместья. Возможно, к какому-то из этих заговоров причастен друг лорда Гийома.

Хотя, конечно, может статься, что дело совсем

в другом. Передел земли, например. В начале XIV века судебных тяжб было ничуть не меньше, чем в конце XX. И все же вряд ли. Леди Эливис подскакивает от каждого шороха и запретила леди Имейн рассказывать соседям о своем приезде.

С одной стороны, это к лучшему. Раз они скрывают свое пребывание, обо мне тоже не станут распространяться и не будут рассылать гонцов с выяснениями, кто я такая. С другой стороны, дом того и гляди окажется в осаде. Или Гэвин — единственный, кто знает, где переброска, — может погибнуть, защищая поместье.

(Пауза.)

15 декабря 1320 года (по старому стилю). Переводчик худо-бедно справляется, и здешние начали понимать, что я говорю. Я их тоже понимаю, хотя их среднеанглийский не имеет ничего общего с тем, который я учила с мистером Латимером. Там сплошные флексии и мягкое французское звучание. Мистер Латимер ни за что бы не узнал своего «апреля с обильными дождями».

Переводчик оставляет некоторые слова и синтаксис как есть, поэтому я поначалу тоже пыталась строить фразы так же, говорила «ничтоже сумняшеся» и «не ведаю, отколь пришла я», но

это только все портит, — переводчик зависает намертво, а я спотыкаюсь на произношении. Теперь я просто говорю, не задумываясь, на современном английском, надеясь, что в обработанном виде получается не слишком далеко от того, как должно быть, и что переводчик не особенно коверкает выражения и падежи. Бог весть, на что это похоже. Наверное, на речь французской шпионки.

Помимо языка есть и другие нестыковки. Платье у меня тоже неправильное, слишком тонкой работы, слишком ярко окрашенное, хоть и вайдой. Ярких цветов я здесь не вижу. А еще я слишком высокая, у меня слишком крепкие зубы и руки слишком нежные, как я ни копалась в грязи перед отправкой. Руки должны быть не только грязные, но и в цыпках. У всех, даже у детей, кожа потрескавшаяся и исцарапанная. Как-никак, декабрь на дворе.

Пятнадцатое декабря. Я подслушала обрывок спора между леди Имейн и леди Эливис о том, не послать ли за другим капелланом, и Имейн сказала: «Времени предостаточно. До Рождества еще целых десять дней». Так что передайте мистеру Гилкристу, хотя бы во времени я сориентировалась. Но я по-прежнему не знаю, далеко ли отсюда до переброски. Я пыталась вспомнить,

как Гэвин вез меня в поместье, но все события той ночи путаются в сознании, и примешивается вымысел. Я помню белую лошадь с бубенцами в узде, которые вызванивали рождественский хорал, как колокола на башне Карфакс.

Если здесь пятнадцатое декабря, то у вас там уже Сочельник, традиционный прием с шерри, а потом экуменическая служба в церкви Святой Девы Марии. В голове не укладывается, что до вас целых семьсот лет. Постоянно кажется, что вот выберусь из кровати (я пока не могу, голова сразу кружится, наверное, опять растет температура), открою дверь — а там не средневековые покои, а лаборатория Брэйзноуза, и вы все меня ждете. Бадри, и доктор Аренс, и вы, мистер Дануорти. И вы, протирая очки, скажете: «Вот, я ведь предупреждал». Жаль, что вас нет.

Глава двенадцатая

Леди Имейн не поверила в амнезию Киврин. Агнес принесла показать свою собаку, которая оказалась крошечным черным щенком с огромными лапами.

— Вот мой гончий, леди Киврин. — Девочка подсунула пса Киврин, сжимая поперек толстого брюшка. — Можешь его погладить. Помнишь как?

— Да, — заверила Киврин, забирая у девочки намертво стиснутого щенка и гладя его бархатистую шкурку. — А ты разве не должна заниматься шитьем?

Агнес потянула щенка обратно.

— Бабушка распекает мажордома, а Мейзри сбежала на конюшню. — Она развернула щенка к себе и чмокнула в нос. — Вот я и пришла. Бабушка очень сердится. Мажордом с домочадцами жил у нас в зале, когда мы приехали. — Она еще раз чмокнула щенка. — Бабушка говорит, что это мажордомова жена вводит его в грех.

Бабушка. Конечно, Агнес такого слова не употребляла, термин появился только в XVIII веке, но переводчик уже разошелся вовсю, оставляя при

этом нетронутой переиначенную «Катерину» и пропуски в тех местах, где смысл угадывался по контексту. Киврин оставалось лишь надеяться, что подсознание не ошибается.

— Ты любодейка, леди Киврин? — поинтересовалась Агнес.

Нет, подсознание явно ошибается.

— Что? — не поняла Киврин.

— Любодейка. — Щенок отчаянно пытался вывернуться из объятий Агнес. — Бабушка тебя так назвала. Она говорит, что для изменницы потеря памяти куда как удобна.

Прелюбодейка. Что ж, это, пожалуй, лучше, чем французская шпионка. Впрочем, с леди Имейн станется подозревать ее сразу и в том, и в другом.

Агнес снова чмокнула щенка.

— Бабушка говорит, что даме негоже разъезжать зимой по лесам.

Они оба правы, подумала Киврин. И леди Имейн, и мистер Дануорти. Она до сих пор не выяснила, где переброска, хотя и попросилась поговорить с Гэвином, когда леди Эливис пришла поутру промыть рану на виске.

— Он отправился на поиски тех лиходеев, что вас ограбили, — объяснила Эливис, смазывая ра-

ну отчаянно жгучим снадобьем, которое воняло чесноком. — Вы что-нибудь о них помните?

Киврин покачала головой, надеясь, что не подведет своей мнимой амнезией какого-нибудь бедолагу крестьянина под петлю. Она ведь не сможет сказать: «Нет, это не тот», если предполагается, что память ей отказала.

Зря, наверное, она стала изображать, что ничего не помнит. Вероятность, что хозяева знают де Боврье, крайне мала, зато у леди Имейн теперь прибавилось подозрений на ее счет.

Агнес пыталась натянуть свою шапочку на голову щенка.

— В лесу водятся волки, — заявила она. — Гэвин зарубил одного волка своим топором.

— Агнес, Гэвин тебе рассказывал, как он меня нашел?

— Ага. Чернышу нравится моя шапочка, — завязывая тесемки гордиевым узлом на шее собаки, похвасталась Агнес.

— Непохоже. И где Гэвин меня нашел?

— В лесу. — Щенок вывернулся из шапочки и чуть не свалился с кровати. Агнес пересадила его на середину покрывала и приподняла за передние лапы. — Черныш танцует!

— Дай-ка я его подержу. — Киврин, спасая

несчастного, взяла его на руки. — А где в лесу он меня нашел?

Агнес привстала на цыпочки, чтобы видеть щенка.

— Черныш спит, — прошептала она.

Затисканный щенок действительно заснул, и Киврин уложила его рядом с собой на меховое покрывало.

— Далеко отсюда то место, где Гэвин меня нашел?

— А то, — ответила Агнес, и Киврин поняла, что девочка ничего на самом деле не знает.

Бесполезно. Надо говорить с самим рыцарем.

— Гэвин уже вернулся?

— Да, — поглаживая спящего щенка, кивнула Агнес. — Хочешь с ним потолковать?

— Хочу.

— Так ты любодейка?

Киврин не поспевала за скачками девочкиных мыслей.

— Нет, — ответила она, но тут же спохватилась, что не должна ничего помнить. — Я забыла, кто я такая.

Агнес тискала Черныша.

— Бабушка говорит, что только любодейка станет так дерзко напрашиваться на встречу с

Гэвином.

Дверь открылась, и в комнату вошла Розамунда.

— Тебя там все обыскались, неслух, — уперев руки в боки, отчитала она сестру.

— Я разговариваю с леди Киврин, — оправдалась Агнес, кинув тревожный взгляд на покрывало, где, почти сливаясь с собольим мехом, лежал Черныш. Видимо, собак не разрешают приносить в дом. Киврин прикрыла щенка краем одеяла, чтобы не увидела Розамунда.

— Матушка сказала, дама должна почивать, чтобы рана затянулась поскорее, — строго заявила Розамунда. — Пойдем к бабушке. — Она вывела малышку из комнаты.

Киврин проводила их взглядом, отчаянно надеясь, что Агнес не сболтнет леди Имейн насчет просьбы поговорить с Гэвином. Она-то думала, что имеет более чем весомую причину искать с ним встречи, что все поймут: она тревожится о своих пожитках и о поимке разбойников. Но в начале XIV века оказалось «негоже» незамужней знатной девице «дерзко напрашиваться» на разговоры с молодыми людьми.

Эливис общаться с ним не возбранялось — она хозяйка дома, и рыцарь подчиняется ей так же,

как ее супругу, который сейчас временно в отлучке. Леди Имейн тем более — она мать его господина. Киврин же следовало дождаться, пока он сам к ней обратится, а потом отвечать с «приличествующей девице скромностью».

«Все равно я должна с ним поговорить. Кроме него никто не знает, где переброска».

В горницу ворвалась Агнес и сразу же схватила на руки спящего щенка.

— Бабушка очень сердится. Она думала, я свалилась в колодец, — выпалила девочка и тут же умчалась.

И наверняка «бабушка» не преминула надрать за это уши Мейзри. Служанке сегодня уже досталось, когда она проморгала Агнес, притащившую Киврин серебряный ковчежец леди Имейн — девочка, повергнув переводчик в ступор, назвала его «реквиларием». Как поведала Агнес, в маленьком медальоне хранится обрывок савана святого Стефана. Оплеуху Мейзри отвесили за то, что не уследила за Агнес и позволила ей взять цепь, при этом ни словом не попрекнули за то, что ребенок ходит в комнату к больной.

Никого почему-то не беспокоило, что девочки сидят рядом с Киврин и могут от нее заразиться. Да и Эливис с Имейн никак не пытались себя

обезопасить.

Конечно, в это время еще не понимали механизм передачи заболевания — болезнь считалась карой за грехи, а эпидемия — божьим гневом, но про заразность уже знали. Взять хотя бы девиз чумных времен: «Беги поскорее, подальше, подольше», да и карантины существовали.

Но не здесь. Что, если девочки заболеют? Или отец Рош?

Он сидел с ней всю горячку, касался ее, спрашивал имя. Киврин, наморщив лоб, попыталась припомнить ту ночь. Сперва падение с коня, потом костер… Нет, это ей привиделось в бреду. Как и белая лошадь. У Гэвина конь вороной.

Они проехали через лес и вниз по холму мимо церкви, а потом разбойник… Нет, бесполезно. От той ночи остались только беспорядочные обрывки с пугающими лицами, колоколами, пламенем. Даже переброска, и та растворялась в зыбком тумане. Киврин помнила дуб за вербной рощицей, и как она сидела, привалившись к колесу повозки, борясь с головокружением, а потом разбойник… Да нет же, разбойник только померещился. И белая лошадь. А может, и церковь лишь порождение бреда?

Придется узнавать у Гэвина, где переброска,

но только не на глазах у леди Имейн, которая считает Киврин «любодейкой». Надо поправиться, набраться сил, чтобы встать с кровати, спуститься в зал, выйти на конюшню, отыскать Гэвина и поговорить с ним наедине. Надо выздоравливать.

Она уже слегка окрепла, хотя дойти до ночного горшка без посторонней помощи пока не получалось. Головокружение прошло, жар спал, однако дыхание по-прежнему сбивалось. Хозяйки тоже, очевидно, решили, что Киврин идет на поправку — к ней почти все утро никто не заходил, только Эливис заглянула, чтобы смазать рану вонючим снадобьем. «И выслушать мои дерзкие притязания на Гэвина», — добавила Киврин мысленно.

Она решила не терзать себя пустыми домыслами о словах Агнес, о том, почему подвели прививки, и о том, где находится переброска, а сосредоточиться вместо этого на выздоровлении. Пользуясь тем, что днем к ней никто не заглянул, она снова и снова садилась на кровати и спускала ноги на пол. Когда под вечер зашла Мейзри с лучиной, чтобы проводить ее на горшок, Киврин уже смогла дойти обратно до кровати сама.

Ночью похолодало еще сильнее, и Агнес поутру зашла ее проведать в красной накидке с

толстым суконным капюшоном и белых меховых рукавицах.

— Хочешь посмотреть мою серебряную пряжку? Мне ее подарил сэр Блуэт. Принесу ее завтра. Сегодня не могу, мы идем за святочным поленом.

— За святочным поленом? — встревожилась Киврин. Ритуальное полено обычно рубят двадцать четвертого, а сегодня только семнадцатое. Или она неправильно поняла леди Имейн?

— Да, — кивнула Агнес. — Дома мы всегда ждали до Сочельника, но скоро начнется вьюга, поэтому бабушка наказала отправляться сейчас, пока сухо.

Вьюга. Как же она узнает место, если все занесет снегом? Повозка и сундуки еще там, но если снегу выпадет хотя бы по щиколотку, дорога станет неразличимой.

— Все-все-все пойдут за поленом? — спросила Киврин.

— Нет. Отец Рош позвал матушку к больному коттеру[17].

---

[17] Примечания: 1.17

Коттер — малоземельный крестьянин, владеющий лишь хижиной и клочком приусадебной земли, слишком ничтожным, чтобы с него прокормиться, поэтому вынужденный идти в батраки к владельцу поместья.

Вот почему свирепствует леди Имейн, распекая всех подряд — и Мейзри, и мажордома, и Киврин заодно.

— Бабушка тоже с вами?

— А то. Я поеду на своем пони.

— И Розамунда поедет?

— Да.

— И мажордом?

— Ну да, — нетерпеливо кивнула Агнес. — Вся деревня.

— И Гэвин?

— Не-е-ет! — Судя по тону девочки, предположение было абсурдным. — Пойду на конюшню, надо сказать Чернышу «до свидания». — Она убежала.

Значит, леди Имейн едет в лес, и мажордом, а леди Эливис где-то ухаживает за больным крестьянином. А Гэвин, по какой-то само собой разумеющейся для Агнес, но не для Киврин, причине, остается. Может быть, он отправился с Эливис. Если нет, если он, например, сидит тут и охраняет поместье, можно поговорить с ним с глазу на глаз.

Мейзри, судя по грубому коричневому подобию пончо, наброшенному на плечи, и рваным опоркам на ногах, тоже отправлялась с остальными. Она принесла Киврин завтрак, проводила ее на

горшок, потом горшок вынесла и притащила жаровню, полную горячих углей, — и все это с невиданным доселе проворством.

Киврин выждала час после ее ухода, чтобы все точно успели уехать, потом выбралась из кровати, подошла к окну и отдернула штору. За окном виднелись лишь ветки и свинцовое небо, но холодом оттуда тянуло сильнее, чем в комнате. Киврин забралась на лежанку.

Окно выходило на въездной двор — пустой, с распахнутыми настежь воротами. Каменная кладка двора и низкие соломенные крыши построек были мокрыми. Киврин опасливо высунула руку, проверяя, не пошел ли снег, но влаги не почувствовала. Тогда она сползла вниз с лежанки, придерживаясь за ледяные камни, и сжалась в комочек у жаровни.

Жаровня почти не грела. Киврин обхватила себя руками, дрожа в тонкой рубахе. Знать бы, куда подевали ее одежду. В Средневековье одежду вешали на перекладины рядом с кроватью, но в этой комнате ни перекладин, ни крючков не наблюдалось.

Одежда, аккуратно сложенная, отыскалась в большом ларе у изножья кровати. Киврин вытащила свои вещи, вздохнув с облегчением при

виде башмаков, а потом долго отсиживалась на крышке ларя, пытаясь отдышаться.

«Нужно обязательно отловить Гэвина сегодня утром, — уговаривала свои слабые руки и ноги Киврин. — Когда еще удастся улучить такой удобный момент? А потом снег пойдет».

Она оделась, то и дело присаживаясь на ларь и приваливаясь к столбикам полога, когда натягивала чулки и башмаки, затем прилегла на кровать. «Чуть-чуть отдохну, только чтобы согреться», — подумала Киврин — и тут же заснула.

Ее разбудил колокол, юго-западный, тот самый, который она слышала во время переброски. Вчера он звонил весь день, а когда умолк, Эливис подошла к окну и долго там стояла, будто пытаясь разглядеть, в чем дело. Свет из-под шторы слегка потускнел — тучи сгустились плотнее.

Киврин закуталась в плащ и открыла дверь. За порогом открывалась крутая лестница без перил, прилепившаяся одним боком к каменной стене. Агнес повезло, что она только колено ссадила, а не полетела отсюда головой вниз. Киврин спустилась до середины, придерживаясь за стену, и встала, окидывая взглядом зал.

«Я действительно в прошлом. Это и вправду

1320 год». Посреди зала теплились в очаге темно-красные угли, в дыру-дымоход над очагом и в высокие узкие окна проникало немного света, но большей частью зал тонул в потемках.

Киврин вглядывалась в дымную полутьму, пытаясь понять, есть ли кто-нибудь внизу. У дальней стены стояло господское тронное кресло с высокой резной спинкой и подлокотниками, а рядом второе — чуть пониже и попроще, для леди Эливис. Стену за ними украшали гобелены, а в противоположном конце виднелась приставная лестница, ведущая, очевидно, на чердак. На остальных стенах висели над широкими лавками тяжелые деревянные столы, прямо под лестницей приткнулась еще одна скамья, поуже. Скамья для нищих. А за стеной, в которую она упирается, — сени.

Киврин спустилась до самого конца и на цыпочках подошла к сеням, шурша рассыпанным по полу тростником. Сени служили тамбуром, не пускавшим в зал холод от парадной двери. Иногда в них устраивали отдельную клетушку с кроватями в альковных нишах по обеим сторонам, но здесь они представляли собой лишь узкий проход с крючками для плащей. Сейчас крючки были пусты. «Отлично, — обрадовалась

Киврин. — Все ушли».

Дверь оказалась открытой. У порога оставили пару стоптанных башмаков, деревянную бадью и тележку Агнес. Киврин постояла в тесных сенях, восстанавливая сбившееся дыхание и жалея, что некуда присесть, а потом осторожно выглянула за дверь и вышла наружу.

В замкнутом дворе не было ни души. По краям его обрамляла желтоватая каменная кладка, но всю середину, где стояла выдолбленная из древесного ствола колода, развезло от грязи. Вокруг, между мутными коричневыми лужами, отпечатались многочисленные следы ног и копыт. К одной из луж осторожно припала клювом тощая, замызганная курица. Кур разводили только ради яиц, на стол в начале XIV века попадали большей частью голуби и горлицы.

И действительно, у ворот виднелась голубятня. Соседнее здание с соломенной крышей, наверное, кухня; остальные постройки помельче — кладовые. На другой стороне Киврин опознала конюшню с широкими створками ворот, а за ней, через узкий проход, большой каменный амбар.

Сперва она заглянула на конюшню. Навстречу, радостно тявкая, выскочил на заплетающихся лапах щенок Агнес, и Киврин пришлось, поспешно

затолкав его обратно, закрыть за собой тяжелую деревянную створку. Гэвина здесь явно не было. Не обнаружилось его ни в амбаре, ни на кухне, ни в других пристройках, самая большая из которых оказалась пивоварней. Агнес так неподдельно удивилась предположению, что Гэвин поедет за святочным поленом — вот Киврин и домыслила, будто он остается охранять дом. Наверное, она ошиблась, и Гэвин отправился с Эливис к больному коттеру.

«Если так, придется искать переброску самой». Она направилась к конюшне, однако на полпути остановилась. Ей ни за что не забраться на лошадь без посторонней помощи, в таком-то состоянии, и уж точно не удержаться в седле. До переброски пешком тоже не дойти. Но надо. Все уехали, скоро повалит снег.

Она посмотрела на ворота, потом на проход между амбаром и конюшней, гадая, в какую сторону направиться. Они тогда спустились с холма, мимо церкви. Под колокольный звон. Ворот и двора Киврин не помнила, но как иначе она попала бы в дом, если не через них?

Испугав курицу, которая, заквохтав, кинулась искать спасения у колодца, Киврин зашагала по мощеному двору к воротам и выглянула на

дорогу. За бревенчатым мостиком, перекинутым через узкий ручей, дорога, петляя, уходила на юг и скрывалась за деревьями. Никаких холмов, церквей, деревни и хоть чего-то знакомого Киврин не увидела.

Церковь должна где-то быть. Она ведь слышала колокол, когда лежала в кровати. Вернувшись во двор, Киврин увидела короткую тропку, которая вела к плетеной выгородке с двумя грязными свиньями и отхожему месту, выдающему себя невыносимым запахом. Она пошла по дорожке, опасаясь, что у сортира тропка и закончится. Однако, обогнув отхожее место, дорожка выходила на луг.

Там и оказалась деревня. И церковь, на дальнем краю луга, в точности как помнила Киврин, а за ней — холм, с которого они тогда спустились.

Луг на самом деле не отличался живописностью: просто проплешина, с одного края — крестьянские лачуги, с другого — ручей с ивами. Однако на пожухшем травянистом пятачке паслась корова, а под большим голым дубом — привязанная к колышку коза. Лачуги, перемежаясь со стогами сена и навозными кучами, тянулись по близкой стороне — чем дальше от господского дома, тем мельче и кривее, но даже

самый первый и крупный из домов, наверняка принадлежавший мажордому, был просто хибарой. Все такое тесное, грязное и ветхое… Только церковь выглядела как положено.

Колокольня стояла отдельно, между погостом и лугом. Ее, очевидно, пристроили позже, потому что церковь с характерными скругленными вверху романскими окнами была сложена из серого камня, а высокая, толстая колокольня — из желтоватого, почти золотистого.

Мимо погоста и колокольни шла узкая тропка — не шире той, что у переброски — к лесу на холме.

«Вот отсюда мы и приехали», — поняла Киврин и направилась к лугу, но стоило отлепиться от амбарной стены, как налетел ветер. Он пронзил плащ насквозь и ударил прямо в грудь. Киврин запахнулась поплотнее, стиснув края у горла, и двинулась вперед.

На юго-западе снова ожил колокол. К чему бы это? Эливис с Имейн как-то его обсуждали, но до того, как Киврин начала разбирать их речь, а вчера, когда звон донесся в очередной раз, Эливис будто и вовсе его не заметила. Возможно, это обычай Четырехдесятницы. Колокола должны звонить с наступлением сумерек в Сочельник, а

затем в течение часа до полуночи. Не исключено, что и в остальные дни Четырехдесятницы они тоже так звонят.

Киврин скользила по грязи и спотыкалась на корнях. Под ребрами снова начало печь, но она упрямо шла вперед, стараясь шагать побыстрее. Вдалеке, за полем, чувствовалось какое-то движение — скорее всего крестьяне возвращались со святочным поленом или загоняли скотину. Отсюда не разглядеть. И, кажется, там уже начинал сыпать снег. Надо поторапливаться.

Ветер взметнул полы плаща и закружил вихрем опавшие листья. Корова, не поднимая головы, побрела прочь от ветра, к лачугам. Хотя какое из них укрытие, если они чуть выше Киврин и мало чем отличаются от беспорядочно понатыканных вязанок хвороста?

Колокол продолжал звонить, тягуче и размеренно, и Киврин поймала себя на том, что замедляет шаг в такт звону. Так нельзя. Нужно торопиться. Вот-вот пойдет снег. Но стоило прибавить скорость, и приступ кашля скрутил ее, не давая вздохнуть. Киврин остановилась. Не дойти.

«Не глупи, — велела она себе. — Нужно отыскать переброску. Ты больна. Тебе надо домой.

Давай дотянем до церкви, там можно минутку передохнуть».

Киврин зашагала дальше, превозмогая кашель, однако ничего не получалось. Дыхания не хватало. Она не дойдет до церкви, какая уж там переброска… «Дойдешь! — прикрикнула Киврин. — Через не могу!»

Она снова встала, сгибаясь пополам от жжения в груди. Раньше она опасалась, что кто-нибудь из обитателей хижин выйдет и заметит ее; теперь, наоборот, мечтала, чтобы ее увидели и помогли дойти обратно до поместья. Но выходить было некому. Все на полях, собирают под ледяным ветром остатки картофеля{1} и загоняют скот. Киврин подняла взгляд к горизонту. Далекие силуэты уже пропали.

Вот и последняя лачуга. Дальше шла россыпь хлипких сараюшек, в которых, хотелось бы верить, никто не жил. Это явно хозяйственные постройки — коровники и амбары, — а за ними, не так уж и далеко, возвышалась церковь. «Может быть, если двигаться помедленнее…» — с надеждой подумала Киврин и направилась туда. Грудная клетка словно разрывалась на каждом

{1} Комментарии: 2.1
Картофель в Ангии XIV века?

шагу. «Не вздумай падать! Никто не знает, где ты».

Она оглянулась на господский дом. Теперь ей даже туда не дойти. Надо бы присесть и передохнуть, но сидеть на раскисшей тропке было негде. Леди Эливис ухаживает за коттером, леди Имейн с девочками и всей деревней в придачу рубят святочное полено. Никто не знает, куда она пошла.

Ветер усиливался, теперь он дул не порывами, а сплошным потоком с полей. «Надо попытаться дойти до дома», — решила Киврин. Но и на это не было сил. Даже стоять получалось с трудом. Она бы села на что угодно, но между хижинами по самые изгороди все утопало в грязи. Придется идти внутрь.

Лачугу огораживала такая же хлипкая плетенная из ивовой лозы ограда. Она едва доходила до колена и не остановила бы даже кошку, не говоря уж о коровах и овцах, для которых и предназначалась. Только столбы калитки возвышались до пояса, и Киврин облегченно прислонилась к одному из них.

— Ау! — крикнула она в пространство. — Есть здесь кто-нибудь?

До входной двери было рукой подать, а ветхие стены наверняка пропускали любой звук. Они

даже ветер пропускали. Киврин разглядела дыру в стене, где обмазка из глины с соломой отвалилась от напоминающего слежавшийся хворост каркаса. Если в доме кто-то есть, ее не могли не услышать. Скинув ременную петлю, запиравшую калитку, Киврин вошла внутрь и постучала в низкую дощатую дверь.

Как Киврин и предполагала, никто не откликнулся. Еще раз на всякий случай крикнув: «Есть кто дома?» — и даже не проверяя, как справился с вопросом переводчик, она попыталась приподнять деревянный засов. Не вышло, слишком тяжелый. Тогда она попробовала выдвинуть его из пазов. Тоже не получилось. Такая ветхая хижина, того и гляди ветром сдует, а дверь не откроешь. Надо будет рассказать мистеру Дануорти, что средневековые хибарки только на вид хлипкие. Хватаясь за грудь, Киврин прислонилась к двери.

За спиной послышался шорох, и Киврин обернулась, поспешно выпалив:

— Простите, что вторглась на ваш двор.

Там стояла корова, которая, свесив голову через плетеную ограду, пыталась дотянуться до пожухших листьев.

Надо возвращаться обратно в господский дом.

Киврин ухватилась сперва за калитку и закрыла ее, не забыв накинуть обратно петлю, затем за костлявую коровью спину. Корова прошла с ней несколько шагов, решив, видимо, что ее ведут на дойку, потом вернулась обратно во двор.

Дверь одной из нежилых сараюшек распахнулась, оттуда вышел босоногий мальчишка — и застыл в испуге.

Киврин попыталась разогнуться.

— Пожалуйста, — тяжело дыша, попросила она, — можно отдохнуть немного в вашем доме?

Мальчишка уставился на нее с открытым ртом. Он был невероятно тощий, кожа да кости. Руки и ноги не толще прутиков в ограде.

— Сбегай в поместье, попроси кого-нибудь с конюшни прийти за мной. Скажи, что я больна.

«Какой там „сбегай“, в нем еле душа держится», — спохватилась Киврин. Ноги у мальчишки посинели от холода, рот был весь в болячках, а по щекам и верхней губе размазана засохшая кровь из носа. «У него цинга, — поняла Киврин. — Ему еще хуже, чем мне».

— Сбегай в поместье, позови кого-нибудь, — все-таки повторила она.

Мальчишка перекрестился костлявой, в цыпках рукой.

— *Bighaull emeurdroud ooghattund enblastbardey*, — сказал он, пятясь обратно в сарай.

«Ох, нет, — расстроилась Киврин. — Он меня не понимает, а сил втолковать ему, что я хочу, у меня нет».

— Помоги мне, пожалуйста, — попросила она, и мальчик как будто догадался. Он шагнул к ней — а потом вдруг опрометью метнулся со двора.

— Стой! — крикнула Киврин.

Проскочив рядом с коровой, мальчишка выбежал за ограду и без оглядки улепетывал куда-то к церкви. Киврин посмотрела на сарай. Хотя какой там сарай — больше похоже на стог сена. Пучки травы и соломы, воткнутые между жердями, а дверь — охапка веток, связанных между собой грязнющей веревкой. Дунул, и нет этой двери. Мало того, мальчишка оставил ее открытой. Переступив высокий порог, Киврин вошла внутрь.

Там было темно и ужасно дымно — ничего не разглядеть. Стоял страшный смрад, как в конюшне. Хуже, чем в конюшне. К вони скотного двора примешивалась гарь и плесень, и мерзкий крысиный запах. Чтобы пройти в дверь, Киврин пришлось согнуться в три погибели, а выпрямившись, она стукнулась головой о жерди,

служившие стропилами.

Присесть в доме (если это действительно жилище) оказалось негде. Пол был завален мешками и инструментами — наверное, все-таки это сарай, — а мебели не имелось никакой, за исключением грубо сколоченного колченогого стола. Однако на столе стояла деревянная плошка и лежала хлебная краюха, а в центре земляного пола, на единственном свободном пятачке теплился в неглубокой ямке огонь.

Он, видимо, и продымил всю хижину, несмотря на дыру в крыше, которая должна была служить вытяжкой. Огонь горел небольшой, всего несколько прутиков, но через щелястые стены и потолок так сквозило, что дым растаскивало во все стороны, и ветер, продувающий хижину насквозь, гонял его по углам. Киврин закашлялась, чего допускать нельзя было никак — казалось, грудь сейчас разорвет в клочья.

Сцепив зубы, она опустилась на мешок с луком, цепляясь за воткнутую рядом лопату, а потом за хлипкую стенку. Сразу немного полегчало, хотя холод стоял такой, что изо рта шел пар. «Представляю, как здесь пахнет летом», — подумала Киврин и завернулась в плащ, укрыв его полами колени.

По полу тянуло сквозняком. Киврин подоткнула плащ под ноги, потом подобрала валяющийся рядом кованый крюк для обламывания сучьев и поворошила им чахлый костерок. Тот неохотно ожил, освещая хижину и делая ее еще больше похожей на сарай. С одной стороны обнаружилась приземистая пристройка — видимо, навес под конюшню, потому что ее отделял от остального помещения совсем уж низенький заборчик — ниже, чем наружная изгородь. Света от костерка не хватало, чтобы заглянуть в глубь пристройки, но оттуда доносилась какая-то возня и шорох.

Наверное, свинья, хотя всех свиней к этому времени уже должны были заколоть, а может, молочная коза. Киврин снова поворошила огонь, пытаясь направить побольше света в угол.

Шуршание раздавалось из большой клетки с круглой купольной крышкой, стоявшей перед самой загородкой. Непонятно было, откуда она взялась в этом грязном углу — такая аккуратная, с гладким изогнутым ободом, хитроумной дверцей и изящной защелкой. Из клетки, поблескивая глазами в свете чуть разгоревшегося костра, на Киврин смотрела крыса.

Она сидела на задних лапах, зажав в передних кусок сыра, который и заманил ее в ловушку. На

дне валялись еще несколько раскрошенных и заплесневелых кусков. «Больше еды, чем во всей лачуге, — подумала Киврин, замерев на комковатом мешке с луком. — Можно подумать, им есть что беречь от крыс».

Киврин, конечно, видела крыс и раньше — на истории психологии и в тесте на фобии на первом курсе, — но не таких. Таких, по крайней мере в Англии, уже лет пятьдесят никто не видел. Крыса на самом деле была довольно симпатичной, с шелковистой черной шкуркой, размерами чуть побольше белой лабораторной с истории психологии и чуть поменьше бурой, из теста на фобии.

И гораздо чище бурой. Той, с ее грязно-коричневой свалявшейся шерстью и противным голым хвостом, самое место в канализационных трубах, водостоках и тоннелях, откуда ее и достали. Киврин, когда только начала изучать историю Средних веков, наотрез отказывалась понимать, как люди терпели этих отвратительных тварей в своих амбарах, а тем более в домах. При одной мысли, что под кроватью, на которой она лежит, возится крыса, девушку передергивало. Но эта крыса, с блестящими глазами и лоснящейся шерсткой, выглядела чистюлей. Куда чистоплот-

нее Мейзри и не исключено, что посмышленее. Вполне безобидная на вид.

Словно в подтверждение, крыса изящно откусила кусочек сыра.

— Не такая уж ты безобидная, — сказала Киврин вслух. — Ты — страх и ужас Средневековья.

Крыса выронила сыр и подобралась поближе к решетке, подрагивая усами. Ухватившись розовыми лапками за прутья, она умоляюще глянула сквозь них на девушку.

— Я не могу тебя выпустить, ты же понимаешь.

Крыса навострила уши, словно и впрямь слушала.

— Ты поедаешь урожай, портишь еду, разносишь блох и через каких-нибудь двадцать восемь лет вместе со своими сородичами погубишь половину Европы. Вот кого надо бояться леди Имейн, а не французских шпионов и неграмотных священников. — Крыса поблескивала глазами. — Я бы рада тебя выпустить, но не могу. От чумы погибла треть населения Европы. Если я тебя выпущу, твои потомки только ухудшат дело.

Крыса принялась выписывать беспорядочные петли по клетке, врезаясь в стенки.

— Я бы рада, но не могу, — повторила Киврин.

Огонь почти погас. Дверь, оставленная открытой, в надежде, что мальчик приведет подмогу, захлопнулась, погрузив лачугу в темноту.

«Они не догадаются, где меня искать», — подумала Киврин, понимая, что они и не отправлялись на розыски. Все будут думать, что она мирно спит в светлице Розамунды. Леди Имейн даже проведать не заглянет, пока не поднимется принести ужин. Никто не хватится ее до вечерни, а к тому времени совсем стемнеет.

В лачуге было тихо. Ветер, наверное, унялся. И крыса примолкла. В очаге треснул прутик, брызнув искрами на земляной пол.

«Никто не знает, где я. — Киврин схватилась за ребра, почувствовав кинжальную боль в боку. — Никто меня не отыщет. Даже мистер Дануорти».

Нет, отчаиваться рано. Леди Эливис может вернуться и зайти наверх, чтобы смазать рану вонючим снадобьем, или Мейзри заглянет по пути из конюшни, а может, тот мальчишка помчался прямиком в поля за крестьянами, и они вот-вот будут здесь, хоть дверь и закрыта. И даже хватись они ее после вечерни, у них есть факелы и фонари, и родители цинготного мальчишки рано или поздно вернутся готовить ужин и найдут ее, и приведут кого-нибудь из господского дома. «Что

бы ни случилось, — твердила она себе, — тебя не оставят». Это слегка обнадеживало.

Потому что рядом не было никого. Киврин убеждала себя, что о ней помнят, что какая-нибудь загогулина на мониторе сети уже сообщила Гилкристу и Монтойе, что с ней непорядок, а Бадри по настоянию мистера Дануорти уже все двадцать раз проверил и перепроверил, поэтому кто надо в курсе и держат сеть открытой. Но ведь нет. Они знают о ее местонахождении не больше, чем леди Эливис и Агнес. Они думают, что Киврин сидит себе спокойно в Скендгейте, накрепко запомнив место переброски, и изучает Средние века, заполняя «Книгу Страшного суда» наблюдениями о диковинных обычаях и севообороте. Им и в голову не придет, что она пропала без вести, пока через две недели не откроется сеть.

— И тогда наступит полная темнота, — вслух сказала Киврин.

Она сидела не шевелясь, уставившись на огонь. Он почти погас, и больше веток поблизости не наблюдалось. А что, если мальчишка должен был как раз стеречь хворост, и семья теперь останется на ночь без обогрева?

Киврин сидела одна-одинешенька у догорающего очага, и никто не догадывался, что она здесь

— кроме крысы, которая погубит половину Европы. Киврин встала, снова стукнувшись головой, открыла дверь и вышла наружу.

В полях по-прежнему не было ни души, ветер улегся, в воздухе отчетливо слышался колокольный звон с юго-запада. С хмурого неба упало несколько снежинок. Пригорок, на котором стояла церковь, совсем затянуло снежной пеленой. Киврин двинулась туда.

Зазвонил еще один колокол. Где-то южнее и ближе, но выше и пронзительнее по звуку, а значит, и сам он был поменьше. Он тоже звонил размеренно, слегка отставая от первого, поэтому звучал подголоском.

— Киврин! Леди Киврин! — раздался крик Агнес. — Куда ты пропала? — Девочка подбежала к Киврин, разрумянившаяся от холода или долгой прогулки. Или от радости. — Мы тебя обыскались. — Она кинулась назад. — Я нашла ее! Нашла!

— Ничего не ты! — осадила ее Розамунда. — Мы все ее видели.

Старшая сестра поспешила к Киврин, опередив леди Имейн и Мейзри, закутанную в дырявое «пончо». Уши у служанки горели и вид был угрюмый — то ли ей досталось за Киврин, то ли она

заранее готовилась к трепке, то ли попросту замерзла. Леди Имейн кипела от негодования.

— Ты не знала, что это Киврин! — налетела на сестру Агнес. — Ты сказала, что не видишь. Это я ее нашла!

Розамунда, не обращая внимания, подхватила Киврин под руку.

— Что случилось? Почему вы встали с кровати? — встревоженно спросила она. — Гэвин пришел поговорить с вами, а вас нет.

«Гэвин приходил, — подумала Киврин, слабея. — Гэвин, который мог точно сказать, где переброска. Мы разминулись».

— Да, он пришел сказать, что не отыскал и следа напавших на вас разбойников и что…

— Куда это вы направлялись? — поинтересовалась леди Имейн подозрительно.

— Я не могла найти дорогу обратно, — ответила Киврин, думая, как объяснить свою вылазку в деревню.

— Вы ходили с кем-то встречаться? — продолжала леди Имейн прокурорским тоном.

— С кем ей встречаться? — удивилась Розамунда. — Она никого здесь не знает и ничего не помнит из прошлого.

— Я пошла искать то место, где меня нашли, —

сказала Киврин, стараясь не наваливаться на Розамунду. — Подумала, может, вид моих пожитков пробудит…

— Воспоминания, — подхватила Розамунда. — Но…

— Не стоило так себя истязать, — проговорила леди Имейн. — Гэвин уже перевез их сюда.

— Все?

— Да, — кивнула Розамунда. — И повозку, и сундуки.

Второй колокол смолк, и первый остался звонить в одиночестве — мрачно, размеренно и тоскливо. Похоронный звон возвещал гибель последней надежды. Гэвин перевез все в поместье.

— Негоже терзать леди Катерину разговорами на таком морозе, — спохватилась Розамунда, сразу став похожей на свою мать. — Ей нездоровится. Надобно поскорее завести ее в дом, пока она не простыла.

«Я уже простыла», — подумала Киврин. Гэвин перевез все в поместье, и теперь переброску не отыскать. Все приметы перевез. Даже телегу.

— Это ты недоглядела, Мейзри, — сказала леди Имейн, выталкивая Мейзри вперед, чтобы та взяла Киврин под руку. — Нельзя было оставлять ее одну.

Девушка отшатнулась от грязнули служанки.

— Сможете идти? — спросила Розамунда, уже сгибаясь под тяжестью Киврин. — Или лучше привести лошадь?

— Нет. — Мысль о том, чтобы ее везли, как беглую пленницу, на лошади, казалась невыносимой. — Не надо. Я дойду.

Ей пришлось навалиться на плечо Розамунды и на грязную руку Мейзри, и продвигались они медленно, но Киврин выдержала. Мимо лачуг и мажордомова жилища, и любопытных свиней в загоне, на двор поместья. На камнях у амбара темнел толстый ясеневый кряж, и на перекрученные корни ложились легкие снежинки.

— Она себя так в гроб загонит, — проворчала леди Имейн, жестом веля Мейзри открыть тяжелую деревянную дверь. — Как пить дать, опять сляжет.

Снег повалил гуще. Щеколда на двери напоминала хитроумную защелку на клетке с крысой. «Надо было ее выпустить, — подумала Киврин. — Ну и что, что чума. Надо было выпустить».

Леди Имейн махнула Мейзри, и та снова ухватила Киврин под руку. Но Киврин вывернулась, отпустила плечо Розамунды и одна, без поддержки, шагнула через порог в темноту.

Запись из «Книги Страшного суда»

(005982-013198)

18 декабря 1320 года (по старому стилю). Кажется, у меня пневмония. Я хотела сама отыскать место переброски, но не дошла, у меня случился рецидив или что-то вроде. При каждом вдохе кинжальная боль под ребрами, а когда кашляю (кашляю я постоянно), такое чувство, что все внутри рвется в клочья. Некоторое время назад я попыталась сесть в постели — и меня тут же бросило в пот, наверное, подскочила температура. Доктор Аренс перечисляла это все в симптомах пневмонии.

Леди Эливис еще не вернулась. Леди Имейн намазала меня какой-то жутко вонючей растиркой, а потом велела послать за женой мажордома. Я думала, она будет снова ее «распекать» за вторжение в господский дом, но когда явилась эта женщина со своим полугодовалым младенцем, Имейн сказала: «Горячка с головы перекинулась на грудь». Жена мажордома взглянула на мой висок, потом вышла и вернулась уже без ребенка, зато с плошкой горького отвара. Наверное, кора ивы или что-то вроде, потому что жар спал, и под

ребрами печет уже меньше.

Жена мажордома маленькая и тощая, с острым личиком и пепельными светлыми волосами. Кажется, подозрения леди Имейн, что это жена «вводит мажордома в грех», не беспочвенны. Она пришла в подбитом мехом киртле с длиннющими рукавами, чуть не до пола, и ребенок у нее был завернут в шерстяное одеяло тонкой вязки, а разговаривает она, странно растягивая слова, видимо, в подражание выговору леди Имейн.

«Зарождающийся средний класс», как сказал бы мистер Латимер, нувориши, ждущие своего часа, который наступит через тридцать лет, когда грянет чума и унесет с собой треть аристократии.

— Это ее нашли в лесу? — полюбопытствовала жена мажордома с порога — безо всяких церемоний и «приличествующей скромности», улыбаясь леди Имейн, как старой подруге.

— Да. — Леди Имейн умудрилась вложить в один короткий слог раздражение, презрение и неприязнь.

Жена мажордома как ни в чем не бывало подошла к кровати — и отшатнулась, единственная из всех выказывая опасение заразиться.

— У нее не (какая-то там) горячка?

Переводчик не разобрал слово, и я тоже — из-за неудобоваримого выговора. Флоронийская? Флорентийская?

— Рана на голове, — отрезала Имейн. — От нее и горячка в груди.

Жена мажордома кивнула.

— Отец Рош рассказал, как они с Гэвином нашли ее в лесу.

Имейн поджала губы, осуждая панибратское упоминание рыцаря по имени, и жена мажордома, в этот раз уловив недовольство, быстренько убралась заваривать ивовую кору. Даже коротенький реверанс изобразила у порога.

После ухода Имейн ко мне пришла Розамунда — подозреваю, ее назначили приглядывать за мной, чтобы я снова не сбежала, — и я поинтересовалась, правда ли, что Гэвин обнаружил меня не один, а с отцом Рошем.

— Нет, — ответила Розамунда. — Гэвин встретил отца Роша по дороге и поручил присмотреть за вами, чтобы самому отправиться обратно на поиски разбойников, но никого не нашел, и они вдвоем привезли вас сюда. Вам не о чем беспокоиться. Гэвин перевез все вещи в поместье.

Я не помню, чтобы отец Рош появлялся до того, как меня уложили в светлице, но если это правда

и Гэвин встретил его недалеко от переброски, может, он знает место…

(Пауза.)

Я думаю над словами леди Имейн: «Горячка от головы перекинулась на грудь». Похоже, никто здесь не понимает, что я больна. Они спокойно пускают ко мне девочек, насторожилась только жена мажордома, однако и та, узнав, что у меня «горячка в груди», подошла к кровати уже без опаски.

Но ведь она боялась заражения в принципе, и Розамунда на мой вопрос, почему она не пошла с матерью навестить коттера, ответила как о само собой разумеющемся: «Матушка меня не берет. Коттер хворает».

Судя по всему, они не понимают характера моей болезни. Ярко выраженных симптомов вроде оспы или сыпи у меня нет, а жар и бред они приписывают ране на виске. В Средние века раны часто воспалялись, и заражение крови не было редкостью, но для других это не заразно, вот и нет нужды держать девочек подальше от больной.

Впрочем, никто пока и не заразился. Я здесь уже пять дней, а у вирусов инкубационный период от двенадцати до сорока восьми часов.

Доктор Аренс говорила, что больной наибо-

лее заразен как раз до появления симптомов; вполне возможно, я уже перестала быть заразной, когда девочек пустили в комнату. Либо они все давно этим переболели, и у них иммунитет. Жена мажордома подозревала у меня какую-то «флорентийскую» или «флантийскую» горячку; а мистер Гилкрист утверждает, что в 1320-м здесь прошла эпидемия гриппа. Может, его я и подхватила.

Сейчас день. Розамунда сидит под окном, вышивая темно-красной шерстью по льну, а рядом со мной прикорнул Черныш. Теперь я понимаю, мистер Дануорти, как вы были правы. Я оказалась совсем не готова и совершенно не представляла, как оно будет на самом деле. Вы ошиблись лишь в одном: Средневековье не похоже на сказку.

Сказки тут на каждом шагу: красная, как у Красной Шапочки, накидка Агнес, крысиная клетка, плошки с кашей, хижины из веточек и прутиков, которые легко сдует злой и страшный серый волк.

Колокольня похожа на башню, в которой томилась Рапунцель, а Розамунда, румяная и темноволосая, склонившаяся в белом чепце над шитьем, — ни дать ни взять Белоснежка.

(Пауза.)

Снова жар. В комнате пахнет дымом. Леди Имейн, преклонив колени рядом с кроватью, молится с часословом в руках. Опять послали за женой мажордома. Видимо, дела мои совсем плохи, раз леди Имейн согласилась ее снова принять. Позовут ли священника? Если да, надо спросить, вдруг он знает, где Гэвин меня нашел. Здесь так жарко! Вот это уже мало похоже на сказку. За священником посылают, только когда человек при смерти, но вероятность смерти от пневмонии в начале XIV века составляет, согласно расчетам, лишь семьдесят два процента. Надеюсь, священник придет поскорее — пусть скажет, где переброска, и подержит меня за руку.

Глава тринадцатая

Пока Мэри выясняла у Колина, как ему удалось пробраться за оцепление, госпитализировали еще двоих — оба студенты.

— Да раз плюнуть! — отмахнулся Колин. — Кордон работает на выход, а не на вход — всех впускать, никого не выпускать. — Он уже готов был поделиться подробностями, но тут пришла дежурная из регистратуры.

Мэри попросила Дануорти сходить с ней в приемный покой, посмотреть, не узнает ли он кого из вновь поступивших.

— А ты сиди здесь, — велела она Колину. — Ты и так достаточно натворил для одного вечера.

Никого из новеньких Дануорти не узнал, но это не имело значения. Оба больных были в сознании и здравом уме и уже диктовали дежурному врачу фамилии всех своих контактов, когда пришли Дануорти и Мэри. Профессор посмотрел на обоих студентов по очереди и покачал головой.

— Возможно, они из толпы прохожих на Хай-стрит, сложно сказать.

— Ничего, — утешила Мэри. — Хочешь, иди домой.

— Я думал досидеть уж тут до анализа крови.

— Анализ ведь только в… — Мэри глянула на часы. — Боже мой, уже седьмой час!

— Тогда я пойду поднимусь к Бадри.

Бадри спал, и сестра попросила его не будить.

— Конечно, не буду, — кивнул Дануорти и спустился в комнату ожидания.

Посреди нее сидел по-турецки Колин, роясь в своей сумке.

— А где бабушка Мэри? Кажется, я ее слегка напрягаю своим приездом?

— Она думала, что ты благополучно вернулся в Лондон. Твоя мама сказала ей, что поезд остановили в Бартоне.

— Так и было. Всех высадили и пересадили на обратный поезд до Лондона.

— А ты потерялся при пересадке?

— Нет! Я как услышал разговоры про карантин, про страшную болезнь, про то, что все умрут… — Он не договорил, усиленно роясь в сумке, что-то доставая и перекладывая — кассеты, карманный визик, пару ободранных грязных кроссовок. Истинный внук своей бабушки. — А мне, получается, торчать с этим Эриком и пропустить все самое интересное?

— С Эриком?

— Ну, с этим маминым. — Колин извлек из недр сумки огромный красный леденец и, сняв с него несколько прилипших ворсинок, сунул в рот. Щека раздулась, как от флюса. — Самый некрозный тип на свете, — сказал он, перекатывая леденец языком. — В Кенте живет, у него дома скука смертная.

— И ты сошел с поезда в Бартоне. А потом как? Пешком до Оксфорда?

Колин вытащил изо рта леденец — тот уже успел из красного превратиться в зеленовато-синий с разводами, — осмотрел его критически со всех сторон и сунул обратно в рот.

— Нет, конечно. Далековато там пешком топать от Бартона до Оксфорда. Взял такси.

— Да, действительно.

— Я сказал таксисту, что пишу заметку о карантине для школьной газеты и хочу снять кордон на визик. Визик у меня с собой, так что вполне логично. — Продемонстрировав карманный планшетик, мальчишка запихнул его обратно в сумку и продолжил раскопки.

— И он тебе поверил?

— Вроде бы. Спросил, из какой я школы. Я типа обиделся: «Что, разве так не видно?» Он предположил, что из Сент-Эдвардса, и я сказал: «Конечно!»

Наверное, поверил. До оцепления ведь довез.

«И я еще беспокоился, что будет делать Киврин, если не появится добрый путник…» — усмехнулся про себя Дануорти.

— А дальше как? Повторил тот же спектакль перед полицией?

Колин вытащил зеленый шерстяной джемпер, скатал валиком и уложил поверх раскрытой сумки.

— Нет. Я подумал и решил, что легенда хромает. То есть что там снимать-то, если пораскинуть мозгами? Не пожар ведь. Поэтому я двинулся прямо к охраннику, как будто хочу у него узнать насчет карантина, а потом в последнюю минуту отскочил в сторону и нырнул под шлагбаум.

— И они за тобой не погнались?

— Погнались, конечно. Но их хватило всего на пару улиц. Им ведь главное не выпускать, а если внутрь, то и ладно. Потом я прошел немного пешком, пока не увидел знакомое название улицы.

Про такую мелочь, как непрерывный проливной дождь, Колин даже не заикнулся, а складного зонта среди попеременно извлекаемых из сумки вещей не наблюдалось.

— Самое трудное было отыскать бабушку Мэри. — Мальчик улегся головой на сумку. — Сперва

я заглянул к ней домой — там никого. Тогда я подумал, может, она еще дожидается меня на станции, но станцию закрыли. — Он сел, уложил джемпер поудобнее и улегся снова. — А потом до меня дошло — она же врач. Значит, должна быть в лечебнице.

Колин опять сел, утрамбовал сумку по-другому, лег и закрыл глаза. Дануорти откинулся на спинку неудобного кресла, завидуя молодежи. Вот Колин, лег и заснул, ничуть не напуганный и не растревоженный пережитыми приключениями. А ведь прошел пешком глухой ночью под зимним ледяным дождем через весь Оксфорд — или снова ловил такси, или, может, вытащил складной велосипед из своей необъятной сумки — и теперь спит как ни в чем не бывало.

Киврин правильно говорила. Не увидит деревню в предполагаемом месте, значит, пойдет ее искать, или возьмет такси, или уляжется спать безмятежным сном, прикорнув на свернутом под головой плаще.

Появилась Мэри.

— Оба ходили позавчера вечером на танцы в Хедингтон, — сказала она, понижая голос при виде спящего Колина.

— Бадри тоже там был, — прошептал в ответ

Дануорти.

— Знаю. Одна из студенток с ним танцевала. Они там пробыли с девяти до двух, что дает нам от двадцати пяти до тридцати часов — как раз в рамках сорокавосьмичасового инкубационного периода, если они заразились от Бадри.

— А ты думаешь, не от него?

— Я думаю, скорее, все трое заразились от кого-то еще — только Бадри, возможно, виделся с ним чуть раньше в тот же вечер, а остальные позже.

— Переносчик?

Мэри отрицательно покачала головой.

— Человек обычно переносит миксовирус, только заразившись сам, но больной мог либо не обращать внимания на симптомы, либо они проявились в легкой форме.

Дануорти вспомнил, как Бадри повалился на терминал. Как, интересно, можно не обращать внимания на такие симптомы?

— А если, — продолжала Мэри, — этот человек к тому же был четыре дня назад в Южной Каролине…

— Тогда вот она связь с американским вирусом.

— И тебе больше не надо волноваться за Киврин. Она-то не ходила на танцы в Хедингтон.

Хотя, конечно, на самом деле до истинного источника может оказаться еще несколько звеньев.

Да уж, несколько звеньев, которые не обратились в больницу и даже не вызывали врача. Несколько звеньев, которые все как один «не обращали внимания на симптомы».

Мэри, судя по нахмуренному лбу, рассуждала так же.

— А твои звонари, они когда в Англию прибыли?

— Не знаю. Но в Оксфорд они попали только сегодня днем, когда Бадри уже сидел за терминалом сети.

— Все равно выясни. Когда прилетели, куда заезжали, не заболел ли у них кто. Может, у кого-то из участниц родственники в Оксфорде и она приехала пораньше. У тебя в колледже студентов-американцев нет?

— Нет. Монтойя американка.

— Про нее-то я и не подумала, — озадачилась Мэри. — Сколько она уже здесь?

— С начала семестра. Но, может, к ней кто-нибудь из Америки прилетал.

— Вот придет на анализ крови, я у нее спрошу, — решила Мэри. — А ты разузнай у Бадри на предмет знакомых американцев или студентов,

которые ездили в Штаты по обмену.

— Он спит.

— Тебе бы тоже не помешало. Я не имею в виду прямо сейчас расспрашивать. — Мэри похлопала Дануорти по руке. — И анализа не обязательно ждать ровно до семи. Сейчас кого-нибудь пришлю, чтобы у тебя взяли кровь и померили давление, и отправляйся домой. — Перевернув запястье Дануорти, она взглянула на датчик температуры. — Озноб есть?

— Нет.

— Головная боль?

— Да.

— Это от усталости.

Ее взгляд упал на растянувшегося посреди комнаты Колина.

— Его тоже надо на анализ — по крайней мере пока мы не будем знать доподлинно, что инфекция воздушно-капельная.

Рот у Колина приоткрылся, но леденец крепко сидел за щекой. «Подавится еще во сне», — встревожился Дануорти.

— А с твоим племянником что делать? Хочешь, возьму его к себе в Баллиол?

— Возьмешь, правда? Вот спасибо! — обрадовалась Мэри. — Не хочется его на тебя вешать,

но пока мы тут все не наладим, до дома вряд ли доберусь. — Она вздохнула. — Бедный мальчик. Праздники насмарку, Рождество испорчено.

— Подозреваю, что с точностью до наоборот.

— В общем, спасибо тебе! Сейчас кого-нибудь пришлю взять анализы.

Она ушла. Колин тут же вскочил.

— Какие анализы? Я, значит, тоже мог заразиться?

— Искренне надеюсь, что нет, — ответил Дануорти, вспоминая пылающее лицо и затрудненное дыхание Бадри.

— Но я мог, — настаивал Колин.

— Вероятность крайне мала. Не стоит беспокоиться.

— Я и не беспокоюсь. — Колин задрал руку. — Вот, кажется, сыпь, — оживился он, тыкая пальцем в веснушку.

— Сыпь в число симптомов не входит, — огорошил его Дануорти. — Давай собирай вещи, после анализов поедем ко мне. — Он подобрал с кресел свое пальто и шарф.

— А что входит?

— Жар и затрудненное дыхание. — Заметив пакет Мэри, брошенный рядом с креслом, где сидел Латимер, Дануорти решил, что надо бы его

тоже прихватить.

Вошла сестра с подносом приборов для взятия анализа крови.

— Мне жарко, — заявил Колин и театральным жестом схватился за горло. — Я задыхаюсь!

Сестра отшатнулась, звякнув пробирками на подносе.

— Не волнуйтесь, — успокоил ее Дануорти. — Это всего лишь леденцовое отравление.

Колин улыбнулся и бесстрашно засучил рукав, потом затолкал джемпер в сумку и накинул насквозь сырую куртку, пока брали кровь у профессора.

— Доктор Аренс сказала, что результатов дожидаться не надо, — сообщила сестра, удаляясь.

Дануорти надел пальто, взял пакет Мэри и повел Колина через приемный покой к выходу. Мэри нигде не наблюдалось, но она просила не дожидаться, а Дануорти вдруг почувствовал дикую, валящую с ног усталость.

На улице едва-едва начинало светать, по-прежнему лил дождь. Дануорти постоял в нерешительности под больничным козырьком, раздумывая, не вызвать ли такси, но очень уж не хотелось столкнуться у входа с Гилкристом, который вот-вот явится сдавать анализ крови, и слушать про

планы послать Киврин во времена чумы или на битву при Азенкуре. Он выудил из пакета Мэри складной зонт и раскрыл его над головой.

— Слава богу, вы еще не ушли! — выпалила Монтойя, резко тормозя велосипед, так что из-под колеса брызнул водяной веер. — Мне нужен Бейсингейм.

«Всем нужен», — подумал Дануорти. Интересно, где ее носило во время бесконечных телефонных розысков?

Монтойя слезла с велосипеда, завела его в стойку и щелкнула замком.

— Секретарь говорит, никто не знает, где он. Представляете себе?

— Да. Я сегодня… вчера то есть полдня его вызванивал. Он уехал на каникулы куда-то в Шотландию, только никто не в курсе куда. Жена сказала, что рыбачить.

— Зимой-то? Какая в Шотландии зимой рыбалка? Жена обязана знать, где он, и номер телефона какой-нибудь у нее должен быть, чтобы связаться в случае чего. Неужели нет?

Дануорти покачал головой.

— Неслыханно! Я весь комитет здравоохранения на уши подняла, чтобы мне разрешили доступ на раскопки, а Бейсингейм, видите ли, на

каникулах! — Монтойя вытащила из-под полы дождевика стопку разноцветных бумаг. — Они согласились дать мне разрешение, если декан факультета подпишет официальный документ, что раскопки жизненно важны для университета. Как он мог вот так взять и уехать невесть куда, никому ничего не сказав? — Монтойя раздраженно шлепнула бумагами по бедру, так что полетели брызги. — Мне нужна подпись, пока весь раскоп не смыло к чертям. А Гилкрист где?

— Скоро придет на анализ крови. Если вдруг отыщете Бейсингейма, передайте, пусть безотлагательно возвращается. Скажите, что у нас карантин, мы потеряли историка-практикантку, а оператор болен и не может сообщить, где она.

— Рыбачит он! — возмущенно буркнула Монтойя, направляясь в приемный покой. — Если раскоп погибнет, он мне за все ответит.

— Пойдем, — сказал Дануорти Колину, спеша уйти, пока больше никто не явился. Сперва он пытался держать зонтик так, чтобы прикрыть и Колина, но потом понял, что бесполезно. Колин то обгонял его, шлепая по лужам, то отставал поглазеть на витрины или какого-нибудь распластанного по тротуару червяка.

На улицах было пусто — из-за карантина ли,

из-за раннего часа, непонятно. «Может, все еще спят, и мы спокойно проникнем домой и разойдемся по кроватям», — подумал он.

— Я думал, суматохи больше будет, — разочарованно признался Колин. — Сирены и все такое.

— И труповозки, едущие по улицам под крики «Выносите покойников!»? — подсказал Дануорти. — Тебе надо было в прошлое вместе с Киврин. В Средние века эпидемии впечатляли куда больше — у нас всего-то четверо госпитализированных и вакцина из Штатов на подходе.

— А кто эта Киврин? — поинтересовался Колин. — Ваша дочь?

— Студентка. Только что отправилась в 1320-й.

— В прошлое? Апокалиптично!

Они завернули за угол Брод-стрит.

— В Средние века? — загорелся Колин. — Это где Наполеон, да? И Трафальгарская битва?

— Это где Столетняя война, — поправил Дануорти. Колин смотрел непонимающе. Чему их только в школе учат? — Рыцари, дамы, замки и прочее.

— Крестовые походы?

— Крестовые походы чуть раньше.

— Вот куда бы мне попасть! На крестовые походы!

Они подошли к дверям Баллиола.

— Теперь не шуми, — предупредил Дануорти. — Все спят.

Сторожа на месте не было, на парадном дворе тоже ни души. В столовой горел свет — наверное, звонари собрались на завтрак, — но профессорская и Сальвин стояли темные. Если им никто не встретится на лестнице и если Колин вдруг не заявит, что он голодный, получится пробраться в квартиру незамеченными.

— Тс-с-с, — обернулся он к мальчику, который встал посреди двора, устраивая осмотр своему леденцу, поменявшему цвет на фиолетово-черный. — Иначе всех перебудим. — Прижав палец к губам, он шагнул вперед — и наткнулся у самого порога на увлеченно обжимавшуюся парочку в дождевиках.

Парень даже не заметил столкновения, но девушка испуганно высвободилась из его объятий. Она была рыжеволосая и коротко стриженная, а под дождевиком белела медицинская форма практикантки. В парне Дануорти узнал Уильяма Гаддсона.

— Ваше поведение не к месту и не ко времени, — сурово отчитал его Дануорти. — Публичное выражение чувств в колледже строго запрещено. И кроме того, неблагоразумно, учитывая, что

в любую минуту здесь может появиться ваша мать.

— Моя мать? — Уильям оторопел точно так же, как сам Дануорти, увидевший миссис Гаддсон, несущуюся на него с саквояжем по больничному коридору. — Здесь? В Оксфорде? Откуда? Я думал, тут карантин!

— Материнской любви неведомы преграды. Она за вас беспокоится — я, впрочем, тоже, учитывая обстоятельства. — Дануорти, нахмурив брови, глянул на Уильяма и девицу, которая нервно хихикнула. — Советую проводить вашу соучастницу по нарушениям домой и готовиться к маминому прибытию.

— Прибытию? — Теперь Уильям испугался по-настоящему. — Хотите сказать, она остается?

— Боюсь, у нее нет выбора. Карантин.

На лестнице вдруг вспыхнул свет, и на пороге появился Финч.

— Слава богу, вы здесь, мистер Дануорти! — Секретарь помахал стопкой разноцветных бумаг. — Госздрав только что направил к нам еще тридцать карантинных. Я сказал, что у нас нет места, но они не слушали, и я просто в растерянности. У нас элементарно не хватит запасов.

— Туалетной бумаги, — подсказал Дануорти.

— Да! — потрясая разноцветной стопкой, подтвердил Финч. — И продовольствия. Только на сегодняшний завтрак ушла половина яиц и бекона.

— Яичница с беконом? — встрепенулся Колин. — А там еще осталось?

Финч вопросительно посмотрел сперва на Колина, потом на Дануорти.

— Это племянник доктора Аренс, — предупреждая панику, объяснил Дануорти. — Он поживет у меня.

— Тогда хорошо, потому что я просто не в силах разместить еще кого-то.

— Мистер Финч, мы оба всю ночь на ногах…

— Вот список запасов по состоянию на сегодняшнее утро. — Финч вручил Дануорти отсыревший синий листок. — Как видите…

— Мистер Финч, я ценю вашу заботу о припасах, но, полагаю, они спокойно подождут до…

— А это список поступивших звонков — под звездочкой те, кому необходимо перезвонить. Это список назначенных встреч и договоренностей. Викарий просил вас прийти на репетицию службы в церковь Святой Марии в четверть седьмого.

— Обязательно со всеми свяжусь, но только после…

— Доктор Аренс звонила два раза. Спрашивала, что вам удалось узнать насчет звонарей.

Дануорти сдался:

— Селите новых карантинных в Уоррене и Базеви, по трое в комнату. Там в подвале корпуса есть запасные раскладушки.

Финч открыл было рот, чтобы возразить.

— Ничего, запах краски придется потерпеть. — Дануорти отдал Колину пакет Мэри и зонт. — Вот это здание, где горит свет, — столовая. Скажи служителям, пусть накормят тебя завтраком, а потом пусть кто-нибудь из них откроет тебе мою квартиру.

Он повернулся к Уильяму, который шарил руками под дождевиком практикантки.

— Мистер Гаддсон, поймайте своей подельнице такси, а потом разыщите студентов, которые остались здесь на каникулы, и узнайте, не летали ли они в Штаты на прошлой неделе или виделись с кем-то, кто летал. Составьте список. Вы-то сами, случаем, не были недавно в Штатах?

— Нет, сэр, — отпуская практикантку, ответил Уильям. — Я все каникулы сижу тут, читаю Петрарку.

— Действительно, — согласился Дануорти. — Еще выясните, что им известно о перемещениях

Бадри Чаудри начиная с понедельника, и персонал тоже расспросите. Мне нужно знать, где он был и с кем. То же самое относительно Киврин Энгл. Будете стараться и воздержитесь от дальнейших выражений чувств на публике, я договорюсь, чтобы вашу матушку поселили как можно дальше от вас.

— Спасибо, сэр, — ответил Уильям. — Я был бы очень признателен, сэр.

— А теперь, мистер Финч, не подскажете, где я могу найти мисс Тейлор?

Финч выдал ему еще несколько листков — со списками расселения по комнатам, но мисс Тейлор там не наблюдалось. Она была в студенческом корпусе вместе со своими звонарями и, очевидно, еще не размещенными карантинными.

Одна из них, внушительная дама в шубе, схватила Дануорти за руку, едва он перешагнул порог.

— Вы здесь главный? — требовательно спросила она.

«Уже сомневаюсь», — подумал Дануорти, но вслух сказал:

— Да.

— Тогда распорядитесь, чтобы нас куда-нибудь определили. Мы всю ночь на ногах.

— Я тоже, — ответил Дануорти, опасаясь, что это и есть мисс Тейлор. По телефону она выглядела худее и безобиднее, но видеоизображение обманчиво, зато акцент и напор не врали. — Вы, случайно, не мисс Тейлор?

— Я мисс Тейлор, — откликнулась женщина, сидевшая в «ушастом» кресле. Вживую она оказалась еще худее, чем по телефону, и явно поостыла с того времени. — Это со мной вы недавно беседовали, — напомнила она, будто речь шла о дружеской болтовне между двумя ценителями звонарного искусства. — А это мисс Пьянтини, наш тенор[18].

Мисс Пьянтини — дама в шубе — могла бы одной левой сорвать «Большого Тома» с петель. Такую ни один вирус не одолеет.

— Можно вас на пару слов, мисс Тейлор? — Дануорти вывел ее в коридор. — Вам удалось отменить концерт в Или?

— Да. И в Нориджe. Они отнеслись с пониманием. — Мисс Тейлор тревожно подалась вперед. — Это на самом деле холера?

— Холера? — недоуменно переспросил Дануорти.

---

[18] Примечания: 1.18

Тенором называется колокол среднего размера в наборе колоколов, а также играющий на нем звонарь.

— Одна из прибывших со станции сказала, что это холера, которую кто-то привез из Индии, и теперь люди мрут как мухи.

Судя по всему, мисс Тейлор сменила гнев на милость вовсе не потому, что выспалась, а потому, что испугалась. Если сказать ей, что пока больных всего четверо, она чего доброго потребует отправки в Или.

— Возбудителем болезни, видимо, служит миксовирус, — обтекаемо ответил Дануорти. — Когда ваш коллектив прибыл в Англию?

Глаза мисс Тейлор расширились.

— Хотите сказать, это мы привезли вирус? Мы не заезжали в Индию.

— Есть вероятность, что этот миксовирус аналогичен обнаруженному в Южной Каролине. В вашем ансамбле есть кто-нибудь из Южной Каролины?

— Нет. Мы все из Колорадо, за исключением мисс Пьянтини. Она из Вайоминга. И у нас все здоровы.

— Сколько вы уже находитесь в Англии?

— Три недели. Мы должны были объехать с концертами все местные отделения Традиционного совета. У Святой Катерины мы играли «Бостонский трезвон» и «Почтмейстерский звон

в девять колоколов» вместе с тремя звонарями из Бери-Сент-Эдмундс, но эти звоны, конечно, уже заигранные. А вот «Малый чикагский сюрприз»...

— И вы все прибыли в Оксфорд вчера утром?

— Да.

— Никто из звонарей не опережал группу, чтобы, скажем, посмотреть достопримечательности или повидаться с друзьями?

— Нет! — изумилась мисс Тейлор. — Мы на гастролях, мистер Дануорти, а не на отдыхе.

— И у вас все здоровы, вы сказали?

Мисс Тейлор кивнула:

— Мы не можем позволить себе заболеть. Нас всего шесть.

— Спасибо за помощь, — сказал мистер Дануорти и отправил руководительницу обратно в комнату отдыха.

Он позвонил Мэри, которой нигде не оказалось, оставил сообщение и начал обзванивать номера со звездочками в списке Финча. Позвонил Эндрюсу, в колледж Иисуса, секретарю Бейсингейма и в церковь Святой Марии — все безуспешно. Выждав пять минут, пошел по второму кругу. В одну из пауз пробилась Мэри.

— Ты почему еще не в кровати? — спросила она

строго. — С ног ведь падаешь.

— Я расспрашивал звонарей. Они в Англии уже три недели. До вчерашнего дня никто в Оксфорд не приезжал, и заболевших среди них нет. Может, мне вернуться в больницу и поговорить с Бадри?

— Боюсь, толку не будет. Он сейчас ничего связного не скажет.

— Я пока пытаюсь дозвониться в колледж Иисуса, узнать, что им известно о его перемещениях.

— Хорошо. Хозяйку его квартиры тоже спроси. И поспи. — Мэри помолчала. — Еще шесть человек привезли.

— Есть кто-нибудь из Южной Каролины?

— Нет. И никого, кто не мог теоретически контактировать с Бадри. Так что источником пока остается он. С Колином все в порядке?

— Он завтракает. Все хорошо, не волнуйся.

Пойти спать Дануорти удалось только после половины второго. Два часа ушло на то, чтобы дозвониться по всем звездочкам Финча, и еще час на выяснение координат квартиры Бадри. Квартирную хозяйку он не застал, а когда вернулся, Финч потребовал полностью просмотреть список запасов.

В конце концов Дануорти отвязался, пообещав позвонить в Госздрав и потребовать дополни-

тельной туалетной бумаги.

Войдя к себе, он увидел, что Колин свернулся на подоконной лежанке, подложив под голову сумку и укрывшись вязаным ажурным пледом, которого не хватало на ноги. Дануорти накрыл мальчишку снятым с кровати одеялом, а потом сел в широкое честерфилдовское кресло напротив и стал снимать ботинки.

Даже на это сил уже не осталось, но Дануорти знал, что сильно пожалеет, если уляжется спать в одежде. Это привилегия молодых и гибких. Колин, несмотря на впивающиеся пуговицы и задравшиеся рукава, проснется бодрым и отдохнувшим. Киврин приклонит голову на пенек, закутавшись в тонкий белый плащ, и ей тоже ничего не будет. А вот он, если просто подушку не положит или рубашку не снимет, встанет разбитым и помятым. А если и дальше сидеть тут с ботинками в руке, то вообще не ляжет.

Он через силу поднялся с кресла, выключил свет, не выпуская ботинок из руки, и пошел в спальню. Там надел пижаму и откинул покрывало. Лечь и заснуть.

«Засну, не успев даже голову на подушку положить», — подумал Дануорти, снимая очки. Он забрался под одеяло. «Даже свет не успею пога-

сить». Он щелкнул выключателем.

За окном сквозь путаницу плюща хмурилось серое небо. По листьям шелестел дождь. «Надо было закрыть шторы», — подумал Дануорти, но встать было выше его сил.

Киврин хотя бы под дождем не придется мокнуть. Там Малый ледниковый период. Если что и выпадет, то снег. В те времена спали вповалку у очага общей кучей, пока кто-то не додумался изобрести камин и дымовую трубу, однако в оксфордширских деревнях такой роскоши не водилось до середины пятнадцатого века. Но Киврин это нипочем. Свернется, по примеру Колина, клубком и уснет безмятежным сном юности.

Дождь, кажется, прекратился. Судя по тому, что смолк перестук капель за окном. Может, перешел в морось, а может, просто собирается с силами. Так темно и до вечера еще далеко. Дануорти выпростал руки из-под одеяла и посмотрел на светящийся дисплей электронных часов. Всего два. У Киврин сейчас должно быть шесть вечера. Надо позвонить потом Эндрюсу еще раз, пусть расшифрует привязку, чтобы уже узнать точно, где и в каком времени находится Киврин.

Несмотря на уверения Бадри про четырехчасовой сдвиг и про то, что он перепроверил

введенные стажером координаты, Дануорти хотел убедиться наверняка. Положим, Гилкрист проявил безалаберность, но даже подстелив соломки везде где можно, от сбоя не застрахуешься. Сегодняшние события тому доказательство.

У Бадри были сделаны все прививки. Колина посадили на метро и выдали побольше денег… Дануорти и сам, когда первый раз перебрасывался в Лондон, чуть не застрял в прошлом, хотя предусмотрено было все до мелочей.

Элементарная переброска туда-обратно, тестировали локалку. Расстояние всего-навсего в тридцать лет. Дануорти должен был переместиться на Трафальгарскую площадь, доехать на метро от вокзала Чаринг-Кросс до Паддингтона, а оттуда поездом в 10.48 до Оксфорда, где будет открыта главная сеть. Заложили большой запас времени, проверили и перепроверили систему, проштудировали железнодорожный указатель и расписание метро, отсмотрели даты на денежных знаках. Но когда Дануорти добрался до Чаринг-Кросса, станция метро оказалась закрытой. Свет в билетных кассах не горел, проход к деревянным турникетам преграждала ажурная решетка.

Дануорти подтянул одеяло повыше. Сбой может произойти где угодно, на самом ровном месте.

Маме Колина и в голову, наверное, не приходило, что парня высадят в Бартоне. Никто из организаторов переброски и представить не мог, что Бадри повалится всем телом на терминал.

«Мэри права. У меня острый приступ миссис-гаддсонита». Киврин столько трудов положила, столько преодолела, чтобы попасть в Средние века. Даже если что-то случится, она найдет выход. Колина ведь не смутила такая мелочь, как карантин. «И ты сам вернулся тогда из Лондона целый и невредимый».

Он поколотил в запертые двери, потом метнулся по лестнице обратно читать указатели — вдруг где-то сбился с пути. Нет, все правильно. Он оглянулся в поисках часов. Может, сдвиг вышел больше расчетного, и метро закрыли на ночь? Однако стрелки на циферблате над входом показывали четверть десятого.

— Несчастный случай, — пояснил непрезентабельного вида мужчина в засаленной кепке. — Закрыли, пока разгребают.

— А как же… Мне надо на Бейкерлоо… — растерянно проговорил Дануорти, но мужчина уже прошаркал прочь.

Дануорти застыл перед темной станцией, не зная, что теперь делать. На такси денег не хватит,

а до Паддингтона ехать через весь Лондон. К 10.48 не успеть никак.

— Куда мылишься, кореш? — спросил парень в черной кожанке и с зеленым ирокезом. Дануорти не сразу понял смысл вопроса. Панк угрожающе придвинулся.

— На Паддингтон, — выдавил Дануорти осипшим от паники голосом.

Парень полез в карман косухи, но вместо предполагаемого ножа блеснул проездной на метро в пластиковой обложке, и парень принялся изучать карту на обороте.

— Можно по кольцу или по зеленой с «Эмбанкмент». Дуй по Грейвен-стрит, а оттуда налево.

Дануорти пустился бегом, уверенный, что из-за угла сейчас выскочит остальная панковская кодла и отберет все его исторически выверенные деньги. А на «Эмбанкмент» его поставил в тупик билетный автомат.

Выручила женщина с двумя малышами — вбила станцию назначения и количество, потом показала, куда засовывать билет. Дануорти добрался до Паддингтона с запасом времени.

«Неужели в Средние века не было хороших людей?» — спрашивала Киврин. Конечно, были. Парни с выкидухами и картами метро в кармане

существовали во все времена. А также матери с малышами, и миссис Гаддсон, и Латимеры. И Гилкристы.

Он перевернулся на другой бок.

— С ней все будет в порядке, — произнес Дануорти вслух, негромко, чтобы не разбудить Колина. — Она моя лучшая студентка, ей эти Средние века — семечки. — Он натянул одеяло до подбородка и закрыл глаза, представляя парня с зеленым ирокезом, склонившегося над картой. Однако вместо этого увидел бесконечную решетку, преградившую путь к турникетам, и темную станцию позади них.

Запись из «Книги Страшного суда»

(015104-016615)

19 декабря 1320 года (по старому стилю). Мне уже лучше. Могу сделать три-четыре осторожных вдоха-выдоха, не закашлявшись, а утром по-настоящему захотела есть, только не эту жирную кашу, которую притащила Мейзри. За стакан апельсинового сока душу продам.

И за ванну. Я грязная, как свинья. С тех пор как я здесь, мне только лоб вытирали, а последние два дня леди Имейн делает мне повязки на грудь из

льняного полотна, пропитанного какой-то вонючей мазью. Эта мазь, да еще пот, в который меня по-прежнему то и дело бросает, да еще эта постель (которую не перестилали с XIII века) — пахну я отвратительно. И волосы шевелятся, даром что обстриженные. При этом я здесь самая чистая.

Доктор Аренс не зря хотела каутеризировать мне нос. Воняет ото всех, даже от девочек — а ведь сейчас разгар зимы, морозы. Не представляю, что здесь делается в августе. Блохи у всех поголовно. Леди Имейн посреди молитвы может почесаться, и у Агнес под чулком, который она стянула, чтобы показать мне ушибленное колено, вся нога была покусанная.

У Эливис, Имейн и Розамунды лица относительно чистые, однако руки они не моют и после горшка, а мытье посуды и замену набивки в матрасах еще не изобрели. По идее, все должны были давно умереть от антисанитарии, но нет, они пышут здоровьем, если не считать цинги и гнилых зубов. Даже колено у Агнес отлично заживает. Она каждый день приходит показывать мне корочку. А заодно серебряную пряжку, деревянного рыцаря и бедного затисканного Черныша.

Агнес — неисчерпаемый кладезь информации, которой она делится, не дожидаясь вопросов.

Розамунде сейчас «тринадцатый идет», то есть уже исполнилось двенадцать, а комната, в которой меня положили, это ее девичья светелка. В голове не укладывается, что она уже девица на выданье, и ей положена собственная спальня. Но в XIV веке замуж нередко выдавали и тринадцати-четырнадцатилетних. Эливис наверняка пошла под венец в том же возрасте. Еще Агнес доложила, что у нее три старших брата — все остались с отцом в Бате.

Колокол на юго-западе — это Суиндон. Агнес узнает колокола по голосу. Самый дальний, который всегда начинает первым — это Осни, предшественник «Большого Тома». Двойной звон — это из Курси, где живет сэр Блуэт, а два самых ближних — это Уитени и Эсткот. А значит, я почти в Скендгейте. Тут растут ясени, размер деревни почти совпадает, и церковь в нужном месте. Правда, церковь на раскопках была без колокольни, но, возможно, мисс Монтойя просто еще до нее не добралась. К сожалению, названия своей деревни Агнес как раз не знает.

Зато она знает, куда подевался Гэвин. Оказывается, он снова уезжал разыскивать моих обидчиков. «А когда он их найдет, то зарубит мечом. Вот так!» — показала девочка на Черны-

ше. Сомневаюсь, что всем ее россказням стоит верить. Она, среди прочего, поведала, что король Эдуард во Франции и что отец Рош видел дьявола, который весь в черном мчался на вороном скакуне.

Последнее, впрочем, не исключено. (Что отец Рош ей это рассказал, а не что он и впрямь видел дьявола.) Грань между материальным миром и духовным оставалась достаточно зыбкой до самого Возрождения, современники на каждом шагу видели то ангелов, то Страшный суд, то Богородицу.

Леди Имейн постоянно придирается к отцу Рошу за невежество, неграмотность и некомпетентность. Она не оставляет попыток уговорить Эливис послать Гэвина за монахом в Осни. Когда я спросила, нельзя ли, чтобы он пришел и помолился вместе со мной (надеясь, что уж в этой просьбе не усмотрят «дерзости»), она полчаса жаловалась, как он забыл половину псалма «Приидите, воспоем Господу!», задул свечи, вместо того, чтобы затушить фитили пальцами («воск не бережет»), и забивает головы слуг суеверным вздором (наверняка про дьявола на вороном коне).

В XIV веке деревенские священники были

такими же крестьянами, учившими службы и обрывки латыни со слуха. Для меня тут все пахнут одинаково, но знать не считала смердов за людей, поэтому тонкую аристократическую душу Имейн явно коробит исповедаться перед «мужланом».

Наверняка он действительно неграмотный и суеверный. Хотя свое дело знает. Он держал меня за руку, когда я была при смерти. И уговаривал не бояться. И я не боялась.

(Пауза.)

Стремительно иду на поправку. Сегодня днем я просидела в постели целых полчаса, а вечером спустилась к ужину. Леди Эливис принесла мне коричневый киртл из грубого сукна и горчичного цвета сюрко, а еще что-то вроде платка, повязать остриженные волосы (судя по тому, что апостольник с чепцом мне не предложили, Эливис, должно быть, считает меня девицей вопреки всем наговорам Имейн и шипению про «любодеек»). Моя одежда оказалась то ли неправильной, то ли слишком нарядной для повседневной носки — неизвестно, Эливис ничего на этот счет не сказала. Они с Имейн помогали мне одеться. Я думала попросить помыться, прежде чем надевать новое, но побоялась вызвать лишние подозрения у Имейн.

Она и так пристально следила, как я завязываю тесемки на платьях и шнурую обувь, а потом не спускала с меня глаз за ужином. Я сидела между девочками, и мы ели с одной лепешки-тренчера. Мажордома отсадили на самый дальний конец, Мейзри вообще нигде не было видно. Если верить мистеру Латимеру, приходской священник тоже столовался у господ, но, судя по всему, манеры отца Роша и здесь оскорбляли эстетические чувства леди Имейн.

Мы ели мясо — оленину? — с хлебом. Во вкусе оленины чувствовались корица, соль и хранение без холодильника, а хлеб был черствый, как сухарь, но все лучше каши, и ошибок за столом я вроде не наделала.

Хотя в остальное время оплошности я, наверное, совершаю на каждом шагу, настораживая леди Имейн. Одежда, руки, построение фраз — все слегка (или совсем не слегка) не такое, и в итоге я кажусь странной, чужеродной — в общем, подозрительной.

У леди Эливис все мысли занимает тревога за мужа и процесс, ей не до моих промахов, а девочки еще малы. Зато леди Имейн подмечает все и наверняка ведет учет нестыковкам, как грехам отца Роша. Слава богу, я не назвалась

Изабель де Боврье. Она бы лично отправилась в Йоркшир, рискуя завязнуть в снегу, лишь бы меня уличить.

После ужина пришел Гэвин. Мейзри, объявившаяся наконец с пылающим ухом и деревянной бадьей эля, подтащила скамьи к очагу, подсунула в огонь несколько толстых сосновых поленьев, и женщины уселись шить при свете этого костра.

Гэвин встал в сенях — видимо, только что с тяжелой дороги, и сперва его никто не заметил. Розамунда корпела над шитьем. Агнес катала туда-сюда тележку с деревянным рыцарем, а Эливис что-то втолковывала Имейн насчет коттера, которому, кажется, все хуже. От дыма у меня саднило в груди, поэтому я отвернулась, чтобы не закашляться, — и увидела, как рыцарь смотрит на Эливис.

В следующую секунду Агнес наехала своей тележкой на ногу Имейн, которая обозвала ее дьявольским отродьем, и Гэвин шагнул в зал. Я опустила глаза, про себя умоляя его заговорить со мной.

Он заговорил, преклонив колено перед моей скамьей:

— Сударыня, я рад видеть вас в добром здравии.

Я не представляла, что в таких случаях положено отвечать и положено ли, поэтому только склонила голову ниже.

Он, как преданный слуга, так и стоял на одном колене.

— Леди Катерина, вы действительно ничего не помните о своих обидчиках, как мне сказали?

— Да, — пробормотала я.

— И о своих слугах? Куда они могли бы кинуться?

Я потупясь покачала головой.

Он повернулся к Эливис:

— Я напал на след лиходеев, леди Эливис. Их было много, и все конные.

Я испугалась, что сейчас он расскажет, как отловил какого-нибудь бедного крестьянина с вязанкой дров и вздернул на суку.

— Прошу вашего дозволения пуститься за ними в погоню и отомстить за честь дамы!

Эливис отчего-то сторожилась, как тогда, в светелке.

— Мой супруг наказал нам никуда отсюда не отлучаться до его приезда, и вам он поручил охранять дом. Нет, не дозволяю.

— Вы не ужинали, — подала голос леди Имейн, ставя точку в разговоре.

Гэвин встал.

— Благодарю вас за помощь, сударь, — поспешно заговорила я. — Это ведь вы нашли меня в лесу. — В горле запершило от подступающего кашля. — Прошу вас, поведайте мне, где именно это было?

Тараторить не стоило. Я закашлялась, хватанула воздух ртом и согнулась пополам от боли.

Когда я справилась с приступом, Имейн уже поставила на стол мясо и сыр для Гэвина, а Эливис снова принялась за шитье, поэтому я так ничего и не выяснила.

Хотя нет, неправда. Я знаю теперь, почему Эливис напрягается в присутствии рыцаря, и зачем он рассказывает сказки про целую шайку разбойников. И к чему все эти разговоры про «любодеек».

Я видела его лицо, когда он стоял в сенях, и ни один переводчик не мог бы передать его взгляд точнее. Гэвин влюблен в жену своего господина.

Глава четырнадцатая

Дануорти проспал до самого утра.

— Секретарь рвался вас разбудить, но я его не пустил, — проинформировал Колин, протягивая Дануорти растрепанную стопку разнокалиберных бумаг. — Вот, он просил передать.

— Сколько времени? — Дануорти одеревенело сел в кровати.

— Половина девятого. Звонари и карантинники уже в столовой, завтракают. Овсянкой. — Колин сделал вид, будто давится. — Некрознейшая штука. Этот секретарь говорит, что на яйца и бекон придется ввести паек.

— Половина девятого утра? — уточнил Дануорти, близоруко моргая и щурясь на окно, затянутое все той же хмурой пеленой. — Плохо. Я собирался наведаться в лечебницу к Бадри.

— Знаю, — кивнул Колин. — Бабушка Мэри велела дать вам выспаться, а Бадри вы все равно не смогли бы расспросить, потому что они там его обследуют.

— Она звонила? — спросил Дануорти, нащупывая очки на тумбочке.

— Я туда сам сходил утром. На анализ крови.

Бабушка Мэри сказала, что кровь достаточно сдавать раз в сутки.

Дануорти нацепил очки и посмотрел на Колина.

— А вирус еще не определили, она не говорила?

— Не-а, — помотал головой Колин. Щеку его оттопыривал леденец. Интересно, он так с ним и спал всю ночь? Почему тогда леденец не уменьшается в размерах? — Она вам переслала таблицы контактов, — продолжал Колин, вручая Дануорти бумаги. — И еще звонила та женщина, которую мы видели у лечебницы. Которая на велосипеде.

— Монтойя?

— Да. Спрашивала, не знаете ли вы, как связаться с женой Бейсингейма. Я ей обещал, что вы перезвоните. А когда тут почта приходит?

— Почта? — удивился Дануорти, просматривая листки.

— Мама не успела купить подарки, чтобы отдать их мне перед посадкой на поезд. Сказала, что вышлет почтой. Почту ведь пропустят в карантин?

Некоторые из листков склеились — очевидно, Колин продолжал периодически инспектировать леденец — и оказались не таблицами контак-

тов, а разрозненными записками от Финча. В Сальвине заклинило створку обогревательной системы. Госздрав запрещает жителям Оксфорда и окрестностей контактировать с инфицированными. Миссис Бейсингейм уехала на Рождество в Торки. Туалетная бумага почти на исходе.

— Пропустят? Как думаете? Не задержат?

— Что не задержат?

— Да почту же! Из-за карантина. Когда ее привезут?

— В десять, — ответил Дануорти, складывая все записки в одну стопку и открывая большой коричневый конверт. — Только на Рождество она обычно запаздывает — столько посылок и открыток…

Скрепленные листы в конверте тоже мало напоминали таблицы контактов. Это оказался отчет Уильяма Гаддсона о передвижениях Бадри и Киврин, распечатанный и разбитый по дням и времени суток. Такой аккуратности и стройности позавидовал бы любой реферат Уильяма. Поразительно, какое благотворное влияние оказывает на человека близость матери.

— Не понимаю почему, — не унимался Колин. — Это ведь не люди, ничего заразного. А куда ее привозят, в главное здание?

— Кого?

— Почту!

— В привратницкую. — Дануорти просматривал отчет про Бадри. Во вторник днем после захода в Баллиол оператор вернулся к сети. В два часа разговаривал с Финчем, искал Дануорти, потом, около трех, снова не найдя профессора, отдал Финчу записку. Где-то между двумя и тремя третьекурсник Джон И. видел, как Бадри шел через двор в лабораторию, кого-то разыскивая.

Тремя часами дня Бадри записан в журнале брэйзноузского сторожа. Там он работал за терминалом сети до половины восьмого, потом вернулся к себе домой переодеться на танцы.

Дануорти позвонил Латимеру.

— Когда вы были в лаборатории сети во вторник днем?

— Во вторник? — растерянно заморгал с экрана старик. — Это вчера?

— Накануне переброски. Днем вы ходили в Бодлеанскую библиотеку.

Латимер кивнул.

— Она спрашивала, как сказать: «Спасите, на меня напали разбойники».

Дануорти понял, что старик имеет в виду Киврин.

— Киврин встречалась с вами в библиотеке или в Брэйзноузе?

Латимер задумчиво поскреб подбородок.

— Мы засиделись до самого вечера, размышляя над местоименными формами. В начале XIV века процесс исчезновения местоименных флексий еще не завершился.

— Киврин пришла к вам в лабораторию?

— В лабораторию? — недоуменно переспросил Латимер.

— В помещение сети в Брэйзноузе! — отчеканил Дануорти.

— В Брэйзноузе? Разве рождественская служба там будет?

— Служба?

— Викарий хотел, чтобы я прочел благословение. Службу проведут в Брэйзноузе?

— Нет. Во вторник вы встречались с Киврин, чтобы придумать ей речь. Где именно вы встречались?

— Очень много затруднений вызвало слово «разбойники». Оно происходит от староанглийского…

Безнадежно.

— Рождественская служба будет в семь часов в церкви Святой Марии, — сказал Дануорти и

нажал отбой.

Потом он позвонил сторожу Брэйзноуза и, оторвав от наряжания елки, заставил найти в регистрационном журнале Киврин. Как выяснилось, во вторник днем Киврин в Брэйзноуз не заходила.

Дануорти загрузил в компьютер таблицы контактов, добавив к ним отчет Уильяма. Во вторник Киврин с Бадри не виделась. Во вторник утром она была в лечебнице, потом приходила к нему, к Дануорти. Во вторник днем разбирала флексии с Латимером, и к моменту их выхода из Бодлеинки Бадри уже должен был отбыть на танцы. В понедельник с трех она лежала в лечебнице, однако остается еще белое пятно между двенадцатью и половиной третьего в понедельник.

Дануорти снова заскользил взглядом по сведенным воедино таблицам контактов. Список Монтойи занимал всего пару строчек. Она внесла тех, с кем пересекалась в среду утром, а про понедельник и вторник забыла и ничего не указала насчет Бадри.

Дануорти сперва удивился, но потом вспомнил, что Монтойя пропустила инструктаж Мэри по заполнению таблиц.

Может быть, Монтойя видела Бадри до утра

среды или знает, где он провел промежуток от полудня до половины третьего в понедельник?

— Мисс Монтойя, когда звонила, не оставляла своего телефона? — спросил он у Колина. Никто не ответил. Дануорти оторвался от бумаг. — Колин?

Его не было ни в комнате, ни в гостиной, где осталась спортивная сумка с раскиданными по ковру вещами.

Дануорти отыскал телефон брэйзноузской квартиры Монтойи и позвонил туда — без особой надежды. Если она еще разыскивает Бейсингейма, значит, разрешения выехать на раскопки пока не получила, и тогда она, без сомнения, в Госздраве или терзает Национальный трест, добиваясь подтверждения, что участок представляет собой «невосполнимую ценность».

Одевшись, он отправился в столовую разыскивать Колина. Дождь лил по-прежнему, небо было такое же серое и мокрое, как буковые стволы и каменные плиты. Дануорти надеялся, что звонари и карантинные уже позавтракали и разошлись по своим комнатам, однако надежда оказалась тщетной. Не дойдя и до середины двора, он услышал взволнованные женские голоса.

— Слава богу, вы встали, сэр, — прямо с порога

кинулся к нему Финч. — Только что звонили из Госздрава. Просят принять еще двадцать карантинных.

— Скажите, что нам некуда. — Дануорти обвел взглядом толпу собравшихся. — Нам приказано избегать контактов с инфицированными. Вы не видели племянника доктора Аренс?

— Только что был здесь. — Финч тоже устремил взгляд поверх женских голов, но профессор уже заметил Колина, который рядом со столом звонарей намазывал маслом гренки.

Дануорти пробрался к нему.

— Мисс Монтойя, когда звонила, не оставила номер, по которому ее можно найти?

— Та, которая с велосипедом? — уточнил Колин, плюхая сверху джем.

— Да.

— Нет, не оставила.

— Завтракать будете, сэр? — спросил Финч. — Яичницы с беконом, боюсь, уже не осталось, и джем стремительно заканчивается. — Он выразительно посмотрел на Колина. — Но есть каша и…

— Мне просто чаю, — ответил Дануорти. — А она не сообщила случайно, откуда звонит?

— Да вы садитесь, — пригласила мисс Тейлор. — Я хотела поговорить с вами о нашем «Чикагском

сюрпризе».

— Что сказала мисс Монтойя, дословно?

— Что раскоп гибнет и бесценная связующая нить с прошлым рвется, а всем плевать, и вообще, кому только придет в голову рыбачить зимой, — процитировал Колин, доскребая джем со стенок вазочки.

— Чай почти весь, — предупредил Финч, наливая Дануорти бледной заварки.

Дануорти сел за стол.

— Может, хочешь какао, Колин? Или молока?

— Молоко на исходе, — вмешался Финч.

— Нет, ничего не надо, спасибо, — отказался Колин, слепляя вместе две гренки намазанными сторонами внутрь. — Прихвачу с собой вот этот бутерброд и пойду к воротам дожидаться почту.

— Викарий звонил, — вспомнил Финч. — Передавал, что в церковь на Рождественскую службу раньше половины седьмого можно не приходить.

— А службу разве не отменили? — удивился Дануорти. — Вряд ли кто-нибудь явится, учитывая обстоятельства.

— Викарий говорит, Экуменический комитет проголосовал против отмены, — ответил Финч, добавляя в бледный чай четверть ложки молока

и отдавая чашку Дануорти. — Им кажется, что служба поможет поддержать дух.

— Мы исполним несколько произведений на ручных колокольчиках, — вставила мисс Тейлор. — Им, конечно, далеко до настоящего звона, но хотя бы что-то. Священник из Святой реформистской церкви собирается читать «Мессу чумных времен».

— Да, — сказал Дануорти. — Очень способствует поддержанию духа.

— Мне тоже надо идти? — спросил Колин.

— В такую погоду пусть дома сидит, — отрезала налетевшая словно гарпия миссис Гаддсон и водрузила перед Колином большую тарелку овсянки. — Нечего ему микробов всяких цеплять и простывать на сквозняке. — Она подвинула Колину стул. — Садись и ешь кашу.

Мальчик оглянулся на Дануорти в поисках спасения.

— Колин, я оставил у себя наверху телефон мисс Монтойи. Не сбегаешь?

— Да! — Колин рванул так, что пятки засверкали.

— Когда этот мальчик сляжет с индийским гриппом, — начала миссис Гаддсон, — я надеюсь, вы вспомните, что сами поощряли его неразбор-

чивость в питании. Теперь мне предельно ясно, из-за чего началась эпидемия. Плохой рацион и полное отсутствие дисциплины. Организация хромает на обе ноги. Я просила, чтобы меня разместили вместе с моим сыном Уильямом, а меня вместо этого селят в противоположном здании…

— Полагаю, с этим вам лучше обратиться к мистеру Финчу. — Дануорти встал, завернул сандвич Колина в салфетку и положил в карман. — Пора в лечебницу. — Он поспешно удалился, не дожидаясь, пока миссис Гаддсон заведется по новой.

Поднявшись к себе, он позвонил Эндрюсу. Занято. Затем попробовал дозвониться на раскопки — вдруг Монтойе каким-то чудом удалось получить разрешение. Там никто не подошел. Тогда он еще раз набрал номер Эндрюса. Как ни странно, послышались длинные гудки, после третьего включился автоответчик.

— Это мистер Дануорти, — представился профессор и после некоторого раздумья продиктовал свой домашний телефон. — Мне нужно срочно с вами поговорить. По важному делу.

Он нажал отбой и пошел через двор к воротам, прихватив зонт и сандвич Колина.

Мальчик прятался от дождя в арке, не сводя глаз с улицы, ведущей к Карфаксу.

— Я в лечебницу, поговорить со своим оператором и твоей бабушкой, — объявил Дануорти, отдавая завернутый в салфетку сандвич. — Пойдешь со мной?

— Нет, спасибо, — отказался Колин. — А то почту пропущу.

— Тогда, бога ради, сбегай за курткой, пока не пришла миссис Гаддсон и не начала тебя воспитывать.

— Эта миссис Гадость уже приходила. Пыталась замотать меня в шарф. В шарф! — Он снова с нетерпением выглянул на улицу. — Но я ей не дался.

— Разумеется. К обеду скорее всего вернусь. Если что-нибудь понадобится, обращайся к Финчу.

— Угу… — рассеянно протянул Колин.

«Что же там за подарок такой, ради которого парень готов простаивать под дождем в ожидании? Явно не шарф». Укутав поплотнее собственное горло, Дануорти зашагал в лечебницу. Прохожих на улицах попадалось мало, и те старались держаться друг от друга подальше — одна женщина даже сошла с тротуара, огибая профессора.

Если бы не колокола, вызванивающие «Полночью ясной», никому бы и в голову не пришло, что сейчас канун Рождества. Ни нарядно упако-

ванных подарков в руках прохожих, ни веток остролиста, вообще никаких свертков. Как будто карантин начисто стер все мысли о Рождестве.

А разве нет? Дануорти понял, что и сам давно думать забыл и о елке, и о подарках. Он представил Колина, мокнущего у ворот. Обидно, если тот не дождется подарков от матери. Надо будет на обратном пути купить какой-нибудь сувенир — игрушку, или визик, или еще какую-нибудь мелочь — в дополнение к шарфу.

В лечебнице Дануорти поспешно отправили в инфекционное — опрашивать только что госпитализированных.

— Нам обязательно нужно разобраться с американской версией, — сказала Мэри. — В Международном центре по гриппу пока глухо. Из-за праздников некому провести секвенирование. По идее, они должны всегда быть в боевой готовности, но после Рождества на них сваливается уйма работы — всякие расстройства желудка и прочие издержки праздников, маскирующиеся под вирусы, — поэтому они устраивают себе отдых заранее. Как бы то ни было, ЦКЗ в Атланте согласился отправить аналог в Центр по гриппу, не дожидаясь результатов секвенирования, однако они не могут приступить к изготовлению,

пока не подтвердится связь с Южной Каролиной.

Мэри повела Дануорти по отгороженному коридору.

— Пока у всех заболевших клиническая картина сходна с южнокаролинской. Жар, ломота в теле, осложнения на легкие. К сожалению, это еще не доказательство. — Она остановилась у двери в отделение. — Ты не обнаружил никаких американцев среди контактов Бадри?

— Нет, но там пока довольно много дыр. Не побеседовать ли мне с ним еще раз?

Мэри замялась.

— Ему хуже? — догадался Дануорти.

— У него пневмония. Не знаю, сможет ли он тебе что-нибудь рассказать. Температура по-прежнему очень высокая, все в соответствии с клинической картиной. Мы держим его на антибиотиках и адъювантах, которые помогли справиться с южнокаролинским вирусом. — Она открыла дверь в отделение. — Вот тут список госпитализированных. Спроси у дежурной сестры, на каких они койках. — Мэри нажала пару кнопок на терминале у первой кровати, и на экране открылась разветвленная и перепутанная схема, напоминающая раскидистый бук во дворе колледжа. — Ничего, если Колин и сегодня у тебя

переночует?

— Конечно, пускай.

— Спасибо! Вряд ли я вернусь домой до завтра, а одного его в пустой квартире оставлять не хочется, мало ли что. Хотя я, видимо, одна беспокоюсь, — сердито добавила Мэри. — Я наконец дозвонилась Дейдре в Кент, она там и в ус не дует. «Да, у вас карантин? Правда? Я так забегалась, так забегалась, даже новости не включала». А потом начала рассказывать мне про свои с сожителем планы — читай, ей совершенно не до Колина, и она только рада его сплавить. Поверить не могу иногда, что мы с ней родня.

— Ты не знаешь, она выслала Колину подарки? Он там почту караулит.

— Наверняка она так «забегалась», что даже купить их не успела, не то что отправить. Когда Колин приезжал ко мне на прошлое Рождество, посылка прибыла только к Крещению. Да, кстати, ты не видел случайно мой пакет из магазина? Там были подарки для Колина.

— Он у меня, в Баллиоле.

— Вот хорошо. Я не все успела купить, но если ты упакуешь шарф и остальное, то хотя бы что-то Колин под елкой найдет. — Мэри встала. — Вычислишь связь с Америкой, сразу сообщай. Как

видишь, несколько вторичных мы уже соотнесли с Бадри, но это все могут быть перекрестные, а настоящий источник кто-то еще и до сих пор не обнаружен.

Мэри ушла, а Дануорти присел рядом с койкой хозяйки фиалкового зонта.

— Мисс Брин, — начал он, — ответьте, если вас не затруднит, на несколько вопросов.

Лицо у нее горело, и дышала она так же тяжело, как Бадри, однако на вопросы отвечала четко и ясно. Нет, в Америке за последний месяц не была. Нет, ни с какими американцами не знакома и ни с кем, кто бывал в Америке, тоже. Приехала из Лондона за покупками. В «Блэкуэлл»[19]. Потом прошлась по другим оксфордским магазинам и отправилась на станцию. За день она столкнулась в общей сложности с полсотней человек, каждый из которых мог оказаться нужным Мэри звеном.

Шел уже третий час, когда Дануорти закончил опрашивать «первичных» и пополнять таблицу контактами, из которых никто не подходил под обозначенные Мэри параметры. Правда, обнаружился еще один любитель танцев, побывавший

---

[19] Примечания: 1.19

«Блэкуэлл» — сеть книжных магазинов, один из которых расположен в Оксфорде на Брод-стрит.

вместе с Бадри в Хедингтоне.

Дануорти поднялся к Бадри, не особенно надеясь, что тот окажется в состоянии отвечать на вопросы, однако оператору явно стало лучше. Он спал, но на прикосновение Дануорти отреагировал — открыл глаза и посмотрел осмысленным взглядом.

— Мистер Дануорти, — просипел он слабым голосом, — что вы здесь делаете?

Дануорти опустился на стул.

— Как самочувствие?

— Такое иногда приснится, уму непостижимо. Я думал… Голова трещит…

— У меня к тебе вопрос, Бадри. Ты помнишь, кого видел на танцах в Хедингтоне?

— Там столько народу было. — Бадри с трудом сглотнул, видимо, горло сильно болело. — Знакомых почти никого.

— С кем танцевал, помнишь?

— Элизабет, — прохрипел он. — Какая-то Сису, не помню ее фамилии. — Голос осип до шепота. — И Элизабет Якамото.

Вошла мрачная медсестра.

— Пора на рентген, — возвестила она, не глядя на Бадри. — Вам придется уйти, мистер Дануорти.

— Еще пару минут, разрешите? Это очень важно.

Но медсестра уже барабанила по клавиатуре.

Дануорти наклонился к койке.

— Бадри, ты ведь посмотрел привязку — насколько большой там сдвиг?

— Мистер Дануорти, — с нажимом повторила сестра.

— Больше, чем предполагалось? — не обращая на нее внимания, допытывался Дануорти.

— Нет, — просипел Бадри и схватился рукой за горло.

— Сколько именно?

— Четыре часа, — выдавил Бадри, и Дануорти позволил наконец себя выпроводить.

Четыре часа. Киврин перебросилась в половине первого. Значит, там, в месте прибытия, у нее получается половина пятого, почти вечер, но еще достаточно светло, чтобы осмотреться и, если надо, дойти до Скендгейта.

Дануорти отправился на поиски Мэри, чтобы сообщить ей названные Бадри фамилии. Мэри проверила их по списку вновь поступивших. Таких не значилось. Тогда Мэри отпустила его домой, предварительно померив температуру и взяв кровь, чтобы не пришлось возвращаться.

Он уже направлялся к выходу, когда привезли Сису Фэрчайлд. В колледж Дануорти добрался только к чаю.

Колина не было ни у ворот, ни в столовой, где изнывал от нехватки сахара и масла Финч.

— Не знаете, где племянник доктора Аренс? — спросил его Дануорти.

— Парнишка все утро прождал у ворот, — ответил Финч, озабоченно пересчитывая кубики рафинада. — Почту привезли только во втором часу, а потом он отправился на квартиру бабушки, проверить, вдруг его посылки доставили туда. Я так понимаю, что не доставили. Он вернулся очень мрачный, а где-то полчаса назад его вдруг осенила какая-то мысль, и он убежал. Может, вспомнил, куда еще их могли переслать.

«Если отправляли», — подумал Дануорти.

— А когда сегодня магазины закрываются? — спросил он вслух.

— В канун Рождества? Уже закрыты все, сэр. В Сочельник всегда рано закрывают, а сегодня некоторые еще в полдень закрыли, потому что народу нет. Вам тут просили передать, сэр…

— Это потом.

Дануорти схватил зонт и вышел на улицу. Финч оказался прав. Все магазины уже закрылись.

Он дошагал до «Блэкуэлла», надеясь, что хоть книжный не подведет, но наткнулся на запертую дверь. Правда, свою выгоду магазин поиметь успел. На витрине, среди укрытых снегом домиков игрушечной викторианской деревни, стояли руководства по самолечению, лекарственные справочники и большая книга в кричащей мягкой обложке под названием «Смех продлевает жизнь».

Наконец недалеко от Хай-стрит обнаружилась открытая почта, но там продавали только сигареты, дешевые сладости и поздравительные открытки — совершенно ничего, что могло бы порадовать двенадцатилетнего мальчишку. Дануорти вышел с пустыми руками. Потом вернулся и купил фунт ирисок, леденец размером с небольшой астероид и несколько упаковок пастилок, похожих на мыло. Негусто. По счастью, у Мэри вроде бы еще что-то должно быть в том пакете.

«Еще что-то» оказалось парой серых шерстяных носков, даже более унылых, чем шарф, и обучающим визиком про расширение словарного запаса. Хлопушки и упаковочная бумага немного скрашивали печальную картину, но все равно — пара носков и ириски вряд ли тянут на веселое Рождество. Дануорти задумчиво оглядел

свой кабинет.

Вспомнив, как Колин воскликнул «Апокалиптично!», когда узнал, что Киврин отправилась в Средневековье, Дануорти вытащил с полки «Век рыцарства». Там, правда, только картинки, не голограммы, однако на безрыбье сойдет. Наскоро упаковав книжку в оберточную бумагу вместе с остальными подарками, он переоделся и поспешил под проливным дождем в церковь Святой Марии, срезав путь через пустынный двор Бодлеинки и огибая извергающиеся водостоки.

Нормальный человек в такую погоду и носа на улицу не высунет. В прошлом году церковь оказалась полупустой. В тот раз он пришел вместе с Киврин, которая осталась на каникулы, чтобы позаниматься, и Дануорти, отыскав ее в библиотеке, притащил сперва на вечеринку с шерри, потом на службу.

— И зачем мне туда? — недоумевала Киврин. — Я должна готовиться, материалы собирать к путешествию.

— Вот в церкви и подготовишься. Постройка 1139 года, со Средних веков там ничего не изменилось, включая систему отопления.

— Экуменическая служба тоже исконная? — сыронизировала Киврин.

— Подозреваю, что общим настроем и разными благоглупостями она не особенно уступает средневековой, — ответил Дануорти.

Пройдя быстрым шагом мимо Брэйзноуза, он открыл дверь в церковь, и на него повеяло теплом. Очки тут же запотели. Остановившись в притворе, Дануорти вытер их концом шарфа.

— Вас викарий ищет, — объявил Колин. Под курткой у него белела рубашка, волосы были аккуратно причесаны. Он вручил Дануорти распечатку чина службы из толстой пачки, которую держал в руках.

— Я думал, ты дома останешься, — удивился Дануорти.

— С миссис Гаддсон? Это же некроз! Уж лучше в церковь, поэтому я и вызвался помочь мисс Тейлор донести колокольчики.

— А викарий запряг тебя в работу, — догадался Дануорти, безуспешно пытаясь протереть вновь запотевшие очки. — И как, дела идут?

— Шутите? Там битком.

Дануорти близоруко прищурился. Все скамьи действительно были заполнены, в конце зала расставляли дополнительные складные стулья.

— О, хорошо, что вы пришли! — воскликнул викарий, прорываясь к нему с охапкой песенни-

ков. — Простите за эту парилку. Обогреватель барахлит. Национальный трест не дает поставить современный, а запчасти для старого, на ископаемом топливе, уже не найти. Сейчас вот термостат полетел. Так что либо жаримся, либо мерзнем. — Он выудил из кармана стихаря два листка бумаги. — Вы, случайно, не видели мистера Латимера? Он должен читать благословение.

— Нет, — ответил Дануорти. — Но я ему напоминал, в котором часу начало.

— Да, в прошлом году он перепутал и прибыл на час раньше. — Викарий вручил один из листков Дануорти. — Вот ваш текст. Из короля Якова — по настоянию Церкви Тысячелетия. Спасибо, что не из Общенародной, как было в прошлом году. Библия короля Якова, может, и архаична, но хотя бы не форменное издевательство, как та.

Стряхивая от дождя зонты и шляпы, в притвор вошли еще люди и, получив распечатки от Колина, проследовали внутрь.

— Так и знал, надо было в соборе Крайст-Чёрч проводить, — посетовал викарий.

— Зачем они все сюда? — недоумевал Дануорти. — Не понимают, что эпидемия в разгаре?

— Так всегда, — ответил викарий. — Я помню начало Пандемии. Кружка для пожертвований

трещала по швам. Это потом никого из дома будет не вытащить, а поначалу все жмутся друг к другу — вместе не так тревожно.

— И интереснее, — подхватил священник из реформистской церкви, облаченный в красно-зеленый клетчатый стихарь поверх черной водолазки и брюк. — Как во время войны. Всех влечет драма.

— И инфекция распространяется с удвоенной быстротой, — закончил Дануорти. — Им что, никто не объявил, что вирус заразен?

— Я объявлю, — ответил викарий. — Ваш текст из Евангелия идет сразу после звонарей. Только его поменяли. Снова Церковь Тысячелетия. Из Луки, глава вторая, стихи со второго по девятнадцатый. — Он удалился раздавать песенники.

— А где ваша студентка, Киврин Энгл? — поинтересовался священник. — Я не видел ее днем на латинской службе.

— Она в 1320 году, хотелось бы верить, что в Скендгейте, и, надо надеяться, в тепле и сухости.

— Это хорошо, — обрадовался священник. — Она так хотела отправиться. И в заварушку эту не попала, тоже повезло.

— Да, — согласился Дануорти. — Извините, мне надо хотя бы раз пробежать текст глазами.

Он ушел в глубь нефа. Там оказалось еще жарче, сильно пахло мокрой шерстью и сырым камнем. В окнах и на алтаре вяло моргали лазерные свечи. Звонари устанавливали перед алтарем два больших стола и накрывали их тяжелым красным сукном. Дануорти зашел на кафедру и открыл Библию на Евангелии от Луки.

«В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле».

Архаичная… А Киврин сейчас в том времени, когда и этого перевода еще не существовало.

Дануорти вышел обратно в притвор, к Колину. Поток людей все не кончался. Священник из реформистской церкви вместе с имамом отправились в Ориэл-колледж за стульями, а викарий возился с термостатом отопительного котла.

— Я занял нам два места во втором ряду, — предупредил Колин. — Представляете, что сделала миссис Гаддсон за чаем? Выкинула мой леденец! Назвала его рассадником микробов. Хорошо, что у меня мама не такая. — Он выровнял значительно похудевшую стопку распечаток. — Думаю, посылки задержали из-за карантина. В первую очередь ведь, по идее, должны пропускать провизию и вещи.

— Да, вполне возможно, — согласился Дану-

орти. — Ты когда будешь подарки открывать? Сегодня или завтра?

— Завтра утром хотелось бы, — напустив на себя нарочито безразличный вид, ответил Колин, одаряя распечаткой и ослепительной улыбкой даму в желтом дождевике.

— Надо же, — съязвила она, выхватывая распечатку. — Хорошо, хоть у кого-то рождественское настроение сохранилось в разгар смертельно опасной эпидемии.

Дануорти прошел на свое место и сел. Термостат явно остался безучастным к манипуляциям викария. Сняв пальто и шарф, профессор повесил их на соседний стул.

В прошлом году здесь стоял собачий холод.

— Вполне в средневековом духе, — шепнула ему тогда Киврин. — И Евангелие тоже. — Она процитировала из Общенародного перевода: — «Днесь посудили политиканы устроить перепись для всех налогоплательщиков». Что тогда читали на тарабарском языке, что сейчас.

Пришел Колин и уселся на пальто и шарф Дануорти. Священник из реформистской церкви протиснулся между столом звонарей и алтарем.

— Помолимся! — возгласил он.

Застучали по каменному полу откидные под-

ставки, и все опустились на колени.

— Господи всемогущий, наславший на нас эту напасть, отзови своего карающего ангела, задержи длань свою и не дай земле оскудеть, не уничтожай все живые души до единой!

«Вот вам и укрепление духа», — подумал Дануорти.

— Как в те дни, когда наслал Господь моровую язву на Израиль и умерло из народа, от Дана до Вирсавии, семьдесят тысяч человек, так и сейчас напала на нас беда, и молим мы Тебя отвратить ярость гнева своего от верных.

В трубах древнего котла отопления начался лязг, но священника это не смутило. Он разглагольствовал еще добрых пять минут, припоминая разные случаи, когда Господь карал нечестивых и «насылал на них мор», а потом попросил всех подняться и спеть «Да пошлет вам радость Бог, пусть ничто вас не печалит».

Вдоль рядов украдкой пробралась Монтойя и присела рядом с Колином.

— Весь день проторчала в Госздраве, выбивала разрешение. Они упорно не хотят верить, что я никого не намерена заражать. Двадцать раз сказала, что поеду прямо на раскоп, где нет ни единой живой души, но они разве слушают?

Она повернулась к Колину:

— Если получится выбить разрешение, мне понадобятся добровольцы. Не хочешь покопать могилы?

— Нельзя, — поспешно вмешался Дануорти. — Бабушка не пустит. — Он зашептал, перегнувшись через Колина: — Мы восстанавливаем передвижения Бадри Чаудри в понедельник днем с полудня до половины третьего. Есть что добавить?

— Ш-ш-ш, — шикнула женщина, огрызнувшаяся у входа на Колина.

Монтойя покачала головой:

— Нет, я была с Киврин, показывала ей карту и внутренний план Скендгейта.

— Где? На раскопках?

— Нет, в Брэйзноузе.

— А Бадри туда не заходил? — спросил Дануорти на всякий случай, понимая, что Бадри нечего было делать в Брэйзноузе. Его ведь попросили заняться сетью и переброской только в половине третьего.

— Нет, — прошептала Монтойя.

— Тс-с-с! — шикнула соседка.

— Сколько времени вы провели с Киврин?

— С десяти… Потом ей нужно было показаться

в лечебнице — в три, кажется.

— Тс-с-с!

— Моя очередь, буду читать «Молитву великому Духу», — прошептала Монтойя, вставая и пробираясь вперед по ряду.

Оно пропела свою индейскую молитву, потом звонари в белых перчатках сыграли с сосредоточенными лицами «О, Христос, что с миром связан», на слух почти неотличимый от лязга труб.

— Вот ведь некроз, а? — прошептал Колин, прикрывшись распечаткой чина.

— Это атональная композиция конца двенадцатого века, — прошептал в ответ Дануорти. — Она такая и должна быть.

Когда звонари закончили, Дануорти поднялся на кафедру и начал читать из Евангелия. «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле…»

Монтойя, поднявшись, протиснулась через Колина в боковой проход и шмыгнула за дверь. А ведь Дануорти собирался спросить ее, видела ли она вообще Бадри в понедельник и вторник и не знает ли она о каких-нибудь его контактах с американцами.

Можно будет спросить завтра, когда встретится

с ней на сдаче крови. Главное он выяснил — Киврин не виделась с Бадри в понедельник днем. Монтойя говорит, что до самого ухода в лечебницу Киврин была с ней, но в это время Бадри уже пришел в Баллиол. Значит, Бадри ее заразить никак не мог. «И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям…»

Никто его особенно не слушал. Женщина, огрызнувшаяся на Колина, выпутывалась из рукавов пальто, остальные уже поснимали верхнюю одежду и обмахивались распечатками.

Он вспомнил прошлогоднюю службу — как Киврин, стоя коленями на каменном полу, ловила, казалось, каждое слово. Но она тоже не слушала. Она представляла себе Сочельник 1320 года, когда Евангелие звучало на латыни, а в окнах мерцали настоящие свечи.

У Киврин до Сочельника еще две недели. Если она там, где должна быть. Если с ней все в порядке.

— А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце своем… — закончил Дануорти и вернулся на место.

Затем имам перечислил, когда состоятся рождественские службы в разных церквях, и зачитал

госздравовский бюллетень о необходимости избегать контактов с инфицированными. Викарий начал проповедь.

— Есть такие, — выразительно взглянув на священника из реформистской церкви, возвестил он, — кто полагает, что болезнь — это гнев господень, однако Христос всю свою жизнь врачевал больных, и будь он здесь, я не сомневаюсь, что он исцелил бы заразившихся вирусом, как исцелил самаритянского прокаженного… — Дальше последовала десятиминутная лекция о мерах профилактики гриппа. Викарий перечислил симптомы, объяснил про воздушно-капельную инфекцию и показал, как надевать присланную из Госздрава защитную маску. — Пейте больше жидкости и отдыхайте, — закончил он, простирая руки над кафедрой в благословляющем жесте. — А если почувствуете какие-нибудь из симптомов, обращайтесь к врачу.

Звонари, снова натянув белые перчатки, исполнили «Ангелов с высот небесных» в аккомпанемент органу, и на этот раз вышло даже узнаваемо.

На кафедру поднялся священник Обращенной унитарианской церкви.

— В эту самую ночь более двух тысяч лет назад

Господь послал в наш мир своего сына, зеницу ока своего. Представляете ли вы, какая невероятная любовь двигала им? В ту ночь Иисус покинул горний дом и вошел в мир, полный опасностей и болезней. Он пришел неискушенным беспомощным младенцем, ничего не ведая о зле и предательстве, которые ждали его. Как мог Господь послать своего сына, зеницу ока своего, на верную погибель? Ответ на этот вопрос надо искать в любви. В любви!

— Или в халатности, — пробормотал Дануорти.

Колин оторвался от разглядывания леденца и посмотрел на профессора.

«Господь отпустил его, но беспокоился о нем каждую минуту», — услышал Дануорти. Интересно, пытался ли Господь прервать перемещение?

— Любовь привела Иисуса в наш мир, любовь зародила в нем желание — нет, жажду — оказаться здесь.

«С ней все в порядке», — сказал себе Дануорти. Координаты правильные. Сдвиг — всего четыре часа. Гриппом она не успела заразиться. Сейчас сидит себе спокойно в Скендгейте, точно зная дату стыковки, и заполняет наблюдениями диктофон. В полном здравии, восторге и неведении о том, что творится здесь.

— Он был послан нам, чтобы помочь в злоключениях наших.

Заметив, что викарий подает ему какие-то знаки, Дануорти перегнулся через Колина.

— Мне только что сообщили, мистер Латимер заболел, — прошептал викарий, вручая Дануорти сложенный листок. — Сможете прочитать благословение?

— …посланец Господа, посланец любви, — закончил священник и сел.

Дануорти взошел на кафедру.

— Прошу всех подняться для благословения. — Он развернул текст. — «Господи, отврати гневную десницу свою…»

Дануорти скомкал листок.

— Боже милосердный, защити всех странствующих и верни их домой целыми и невредимыми.

Запись из «Книги Страшного суда»

(035850-037745)

20 декабря 1320 года. Я почти выздоровела. Видимо, наконец включилось Т-клеточное наращивание или антивирусные прививки. При вдохе уже ничего не болит, кашель прошел, и я, кажется, спокойно дошагала бы пешком до

переброски — если бы знала, где она.

Рана на виске тоже затянулась. Леди Эливис взглянула на нее сегодня утром, потом привела Имейн посмотреть. «Это чудо!» — восторгалась Эливис, но Имейн с подозрением поджимала губы. Чего доброго, запишет в ведьмы.

Теперь, когда выхаживать меня не надо, стало непонятно, что со мной делать. К подозрениям в шпионаже (и, наверное, посягательствам на серебряные ложки), которые сеет леди Имейн, добавляется еще одна проблема — поскольку происхождение мое остается тайной, непонятно, каков мой статус и как со мной обращаться, а у Эливис нет ни времени, ни сил на выяснения.

У нее и так хлопот по горло. Лорда Гийома по-прежнему нет, его рыцарь в нее влюблен, а на носу Рождество. Она привлекла к помощи по дому и на кухне половину деревни, но для рождественской трапезы не хватает нужных продуктов, за которыми Имейн требует послать в Оксфорд или Курси. А тут еще Агнес путается под ногами и постоянно удирает от Мейзри.

— Надобно послать к сэру Блуэту за камеристкой, — заявила Имейн, когда Агнес нашли играющей на чердаке амбара. — И за сахаром. У нас не хватит ни для сластей, ни для изысков.

— Мой супруг наказал нам… — вскипела Эливис.

— Я пригляжу за Агнес, — вмешалась я, надеясь, что переводчик не переврал с «камеристкой» и что исторические визики тоже не врали, рассказывая про дам из благородных семейств, которых иногда приглашали присматривать за детьми. Видимо, все сошлось. Эливис благодарно просияла, а Имейн сверкнула на меня глазами не свирепее обычного. Так что теперь Агнес на моем попечении. И Розамунда, видимо, тоже, поскольку утром она попросила помочь ей разобраться с вышивкой.

Выгода моего положения несомненна — я могу сколько угодно расспрашивать девочек об их отце и о деревне, могу отправиться на конюшню и в церковь, отыскать Гэвина и отца Роша. Загвоздка в том, что от девочек многое скрывают. Эливис уже обрывала разговор с Имейн на полуслове при нашем с Агнес появлении, а когда я спросила Розамунду, почему им пришлось переехать сюда, она ответила: «Отец полагает, что в Ашенкоте воздух чище».

Она впервые упомянула название деревни. Ни на карте, ни в «Книге Страшного суда» никакого Ашенкота не значится. «Потерянное селение»?

Тут всего человек тридцать — деревню могла уничтожить чума или поглотить более крупный городок. И все же хочется думать, что это Скендгейт.

Я спросила у девочек, не знают ли они про деревню с таким названием, и Розамунда покачала головой. Это еще ничего не значит, они ведь не здешние, но Агнес, как я понимаю, переспросила потом у Мейзри, и та тоже слыхом не слыхивала о Скендгейте. Мисс Монтойя считает, что корень «гейт» — то есть ворота, правда, тогда имелась в виду запруда — появился в названии не раньше 1360 года. Кроме того, многие англосаксонские названия заменялись норманнизированными или переименовывались в честь новых хозяев. Судьба Гийома д'Ивери и исход суда, с которого он пока не вернулся, в этом свете выглядят не ахти. Разве что это все-таки совсем другая деревня. Тогда дела плохи уже у меня.

(Пауза.)

Возвышенная любовь к Эливис ничуть не мешает Гэвину тискать служанок. Я попросила Агнес показать мне своего пони и пошла с ней на конюшню, надеясь отыскать Гэвина. Он там был, в одном из стойл, вместе с Мейзри, совсем не возвышенно пыхтя. Мейзри выглядела не испу-

ганнее обычного и спокойно держала собранную в узел юбку на животе, так что на изнасилование это не походило. На «куртуазную любовь» тоже.

Пришлось спешно ретироваться и отвлекать Агнес, поэтому я повела ее через луг на колокольню. Задрав головы, мы смотрели на свисающий сверху толстый канат.

— Отец Рош звонит, когда кто-нибудь умирает, — сказала Агнес. — Если он не позвонит, то душу заберет дьявол, и она не попадет на небеса.

По-видимому, еще одна суеверная байка из тех, что раздражают леди Имейн.

Агнес хотела позвонить в колокол, но я уговорила ее зайти вместо этого в церковь и поискать отца Роша.

Внутри его не оказалось. Агнес решила, что он, наверное, у коттера, «который все никак не умирает, хотя его и исповедали», или где-то молится.

— Отец Рош любит молиться в лесу, — сказала она, вглядываясь через преграду в алтарь.

Церковь тут норманнская, с центральным проходом и колоннами из песчаника, пол вымощен каменными плитами. Витражи очень узкие, маленькие и темные, свет почти не пропускают. Надгробие только одно, посередине нефа.

На крышке надгробия скульптурное изображе-

ние рыцаря со скрещенными на груди руками в железных перчатках и уложенным вдоль тела мечом. Сбоку резная надпись: «*Requiscat cum Sanctis tuis in aeternum*». Со святыми упокой вовеки.

Агнес сказала, что это могила ее деда, который умер от горячки «в незапамятные времена».

За исключением могилы и угловатой каменной статуи, неф совершенно пуст. Во время службы положено стоять, поэтому скамеек нет, а украшение церквей памятниками и надгробиями прижилось только в XVI веке.

От таинственного полумрака алтарной части неф отделяет деревянная резная алтарная преграда XII века. Над ней по обе стороны от распятия видны два малохудожественных изображения Страшного суда. На одном праведники входят в рай, на другом — грешников отправляют в ад, но различий почти нет. Обе фрески в кричащих красно-синих тонах, и на лицах что у праведников, что у грешников одинаковый ужас.

Алтарь простой, покрыт белым льняным полотном, по краям два серебряных подсвечника. Угловатая статуя оказалась, вопреки моим предположениям, не Богородицей, а святой Катериной Александрийской. У нее типичное для доренессансной скульптуры укороченное тело

и большая голова, а еще странный квадратный чепец, который заканчивается чуть ниже ушей. Катерина обнимает одной рукой кукольных размеров ребенка, а в другой держит колесо. На полу перед ней стоят две масляные плошки и короткая желтоватая свеча.

— Леди Киврин, отец Рош говорит, что ты святая, — заявила Агнес, когда мы двинулись к выходу.

На этот раз нетрудно было догадаться, откуда у нее это взялось — возможно, с колоколом и дьяволом на вороном коне произошла такая же путаница.

— Меня назвали в честь святой Катерины Александрийской, — объяснила я. — Как тебя назвали в честь святой Агнессы. Святыми мы с тобой от этого не становимся.

Агнес помотала головой.

— Он говорит, что в последние дни Господь пошлет грешникам своих святых. И что когда ты молишься, то говоришь на языке Господа.

Я стараюсь не выдавать себя, наговаривать на диктофон, только оставшись одна в комнате, однако я не знаю, как было дело, когда я лежала больная. Помню, что постоянно просила о помощи и умоляла вас забрать меня. Так что, если отец

Рош слышал мой современный английский, он вполне мог счесть его проявлением глоссолалии. Но пусть лучше принимают за святую, чем за ведьму, ведь леди Имейн тоже тогда присутствовала рядом. Надо быть поосторожнее.

(Пауза.)

Еще раз сходила на конюшню (убедившись предварительно, что Мейзри на кухне). Гэвина там уже не было, как и Гринголета. Зато были мои сундуки и разобранная повозка. Гэвину пришлось, наверное, раз десять съездить, чтобы их сюда перетаскать. Все перебрала — не могу найти окованного ларчика. Надеюсь, Гэвин его просто не заметил и он по-прежнему лежит у дороги, отмечая место. Его наверняка все равно замело, но сегодня солнечно, и снег начал чуть-чуть подтаивать.

Глава пятнадцатая

Пневмония у Киврин прошла так внезапно, что она не сомневалась — наконец-то включились лимфоциты или еще что-то. Боль в груди исчезла, кашель пропал, шрама на виске как не бывало.

Имейн всем видом выражала недоверие, будто подозревала, что Киврин эту рану на голове симулировала. Хорошо, что не стали делать бутафорскую.

— Вы должны благодарить Господа, что он исцелил вас в этот день отдохновения и покоя, — неодобрительно изрекла Имейн, преклоняя колени у кровати.

Она как раз вернулась с воскресной службы, и на шее у нее висел серебряный ларчик на цепочке. Зажав его в ладонях («Совсем как я с диктофоном», — подумала Киврин), леди Имейн прочитала «Отче наш», затем поднялась.

— Жаль, что не удалось сходить с вами на службу, — сказала Киврин.

Имейн хмыкнула.

— Я сочла, что вам еще неможется, — подчеркивая последнее слово, сказала она с укором. — Да и служба была из рук вон.

Она снова пустилась перечислять грехи отца Роша: прочитал Евангелие прежде «Господи, помилуй», надел заляпанный свечным воском стихарь, забыл часть «Исповедую…». После этого настроение у нее улучшилось, и, закончив, она похлопала Киврин по руке со словами:

— Вы еще не совсем поправились. Отлежитесь денек.

Киврин послушно отлежалась, записывая на диктофон наблюдения — про дом, про деревню, про всех, кого встретила здесь. Зашел мажордом с плошкой приготовленного женой горького отвара — темноволосый и грузный, в воскресной куртке, которая его явно стесняла, подпоясанный слишком тонкой работы серебряным ремнем. Забежал мальчик примерно одних лет с Розамундой — сказать Эливис, что ее кобыла «охромела» на переднюю ногу. Священник больше не заглядывал. «Ушел исповедать коттера», — сообщила Агнес.

Агнес по-прежнему служила отличным информатором, с готовностью отвечая на любые вопросы, независимо от знания ответа, и делясь ценными сведениями о деревне и ее обитателях. Розамунда вела себя потише, усиленно стараясь казаться взрослой. «Агнес, не мели языком», —

одергивала она сестру то и дело, но Агнес, к счастью, пропускала нравоучения мимо ушей. Розамунда сама поведала Киврин про своих братьев и отца, который «обещал непременно приехать на Рождество». Видно было, что она его боготворит и скучает по нему. «Жаль, что я не мальчик, — призналась она как-то, когда Агнес показывала Киврин серебряную монетку, подаренную сэром Блуэтом. — Была бы мальчиком, осталась бы с отцом в Бате».

Из этих отрывочных сведений, обрывков подслушанного у Эливис и Имейн и собственных наблюдений Киврин составила более или менее полную картину окружающей обстановки. Деревня оказалась меньше, чем предполагался по вероятностным подсчетам Скендгейт. Вместе с хозяевами поместья и мажордомовым семейством едва сорок человек наберется. У мажордома пятеро детей. «И недавно крещеный младенец», по словам Розамунды. Даже с учетом двух пастухов и нескольких пахарей поместье считалось «беднейшим из владений Гийома», и леди Имейн категорически не устраивало, что именно в этой дыре приходится справлять Рождество. Жена мажордома тянулась «из грязи в князи», Мейзри взяли из местных разгильдяев. Киврин запи-

сывала все — и факты, и слухи, — молитвенно складывая руки при каждом удобном случае.

Снегопад, начавшийся после той неудачной вылазки, продолжался всю ночь и на следующий день — снегу выпало почти по колено. Когда Киврин встала с кровати, пошел дождь, и она надеялась, что снег растает, но тот лишь покрылся твердой коркой наста.

Вряд ли удастся узнать поляну переброски без телеги и сундуков. Нужно просить Гэвина — пусть довезет ее до места. Вот только как? Он заходил в дом лишь к столу или с каким-нибудь вопросом к Эливис, и рядом неизменно оказывалась леди Имейн, поэтому Киврин даже приблизиться к нему не смела. Тогда она начала выводить девочек на небольшие прогулки — во двор, в деревню, надеясь случайно наткнуться на Гэвина, однако его не было ни на конюшне, ни в амбаре. Гринголет тоже пропал из стойла. Киврин начала опасаться, что рыцарь все-таки не внял запрету Эливис и отправился на поиски разбойников, но Розамунда сказала, что он на охоте. «Добывает оленину для рождественского пира», — объяснила Агнес.

Никому не было дела, куда и насколько она уводит девочек. На вопрос Киврин, можно ли

сходить с ними на конюшню, Эливис только кивнула рассеянно, а леди Имейн даже не отчитала Агнес за развязанные тесемки плаща и не надетые рукавицы. Будто, вверив детей заботам Киврин, взрослые тут же забыли о них.

Хозяйки сбились с ног, готовясь к Рождеству. Эливис подрядила всех девиц и старух в деревне печь и варить. Закололи двух свиней, ощипали половину горлиц, во дворе кружились перья и пахло свежим хлебом.

В начале XIV века рождественские праздники длились две недели — с пирушками, весельем и играми. И все же странно, что Эливис затеяла все это, несмотря на обстоятельства. Видимо, верила, что лорд Гийом действительно приедет на Рождество.

Имейн распоряжалась уборкой в зале, непрерывно жалуясь на стесненные условия и отсутствие толковых помощников. Поутру она привела мажордома и еще одного, чтобы снять тяжелые столешницы со стен и водрузить на козлы. Потом Мейзри и другая женщина, со следами золотухи на шее, под ее руководством терли столешницы тяжелыми щетками и песком.

— Лаванды нет, — огорошила она Эливис. — И тростника на пол не хватает.

— Придется обойтись тем, что есть, — ответила Эливис.

— Нет сахара для изысков и нет корицы. Зато в Курси всего этого вдосталь. Нас там примут с распростертыми объятиями.

Киврин, надевавшая Агнес ботинки, собирая ее на повторную вылазку в конюшню, в тревоге подняла глаза.

— Туда всего-то полдня пути, — уговаривала леди Имейн. — Капеллан леди Изольды охотно проведет службу и…

Дальше Киврин не расслышала из-за Агнес, воскликнувшей: «Моего пони зовут Сарацин!»

— Угу, — пробормотала Киврин, прислушиваясь к разговору. На Рождество знать имела обыкновение ездить по гостям. Как она раньше не подумала? Выбирались всем домом и гостили неделями, по меньшей мере до Крещения. Если они отправятся в Курси, то к стыковке вряд ли вернутся.

— Отец назвал его Сарацином, потому что у него дикое сердце, — поведала Агнес.

— Сэр Блуэт вознегодует, узнав, что мы просидели все святки у него под боком и не объявились, — доказывала Имейн. — Чего доброго подумает, что обручение расторгнуто.

— Мы не можем провести святки в Курси, — всполошилась Розамунда, до того спокойно сидевшая на скамье напротив Киврин и Агнес. — Отец обещал непременно приехать на Рождество. Ему не по душе будет, что мы не дождались.

Имейн испепелила Розамунду взглядом.

— Ему не по душе будет, что его дочери не знают приличий и позволяют себе встревать куда не просят. — Она обернулась к озабоченной Эливис. — Уж наверное, моему сыну хватит ума разыскать нас в Курси.

— Супруг наказал нам сидеть здесь и ждать его прибытия, — ответила Эливис. — Он возрадуется, что мы исполнили его наказ. — Она подошла к очагу и взяла шитье Розамунды, ставя точку в споре.

Однако, судя по лицу Имейн, не окончательную. Старуха поджала губы и сердито ткнула пальцем в пятно на столе. Женщина с золотушными следами тут же кинулась отскабливать.

Имейн не отступится, пристанет снова, выдвигая довод за доводом, почему нужно ехать к сэру Блуэту, у которого вдосталь и сахара, и тростника, и корицы. И образованный капеллан для проведения рождественской службы, которую леди Имейн наотрез отказывается слушать в исполне-

нии отца Роша. А у Эливис беспокойство растет с каждой минутой. Она может действительно податься в Курси за помощью. Или даже вернуться в Бат. Нужно во что бы то ни стало отыскать место переброски.

Киврин завязала болтающиеся тесемки шапочки под подбородком Агнес и натянула сверху капюшон накидки.

— В Бате я каталась на Сарацине каждый день. Почему нам здесь нельзя прогуляться? Я возьму с собой Черныша, — мечтала Агнес.

— Собаки не ездят верхом, — поддела Розамунда. — Они бегут рядом.

Агнес упрямо надула губы.

— Черныш еще маленький!

— А почему здесь нельзя на верховую прогулку? — спросила Киврин, гася начинающуюся ссору.

— Потому что некому нас сопровождать, — объяснила Розамунда. — В Бате с нами ездила нянька и один из отцовских рыцарей.

Почему бы в таком случае одному из отцовских рыцарей, Гэвину, не сопроводить их? Тогда можно не только узнать, где переброска, но и попросить показать. Гэвин ведь тут, в доме, Киврин видела его во дворе поутру, поэтому и предложи-

ла поход на конюшню, но если он поедет с ними — еще лучше!

Имейн подошла к сидящей у очага Эливис.

— Если мы остаемся здесь, нам нужна дичь для пирога.

Леди Эливис отложила шитье и встала.

— Пошлю мажордома со старшим сыном настрелять.

— Тогда некому будет сходить за плющом и остролистом.

— Сегодня отец Рош за ними собирался, — возразила леди Эливис.

— Он принесет только для церкви, — не отступала Имейн. — А нам нужно украсить зал.

— Мы съездим, — вызвалась Киврин.

Эливис и Имейн обернулись одновременно. Киврин поняла, что сглупила. В отчаянных попытках изобрести способ поговорить с Гэвином она «забыла приличия» и «позволила себе встрять куда не просят». Теперь леди Имейн окончательно уверится, что им срочно надо в Курси — искать более воспитанную няньку для девочек.

— Простите, что высказываюсь без спроса, сударыня, — опустив очи долу, промолвила Киврин. — Я понимаю, что забот много, а рук не хватает. Мы с Агнес и Розамундой без труда мо-

жем съездить в лес за остролистом.

— Да! — оживилась Агнес. — Я поеду на Сарацине.

Эливис хотела что-то сказать, но ее перебила Имейн:

— Я гляжу, лес не внушает вам страха, хоть вы лишь давеча излечились от раны?

Промах на промахе. Она ведь действительно тащит девочек в тот же самый лес, где на нее якобы напали и бросили умирать.

— Я не имела в виду ехать одним, — объяснила Киврин, надеясь, что не наломает еще больше дров. — Насколько мне известно, девочек обычно сопровождал кто-то из рыцарей вашего супруга?

— Да! — пискнула Агнес. — С нами может поехать Гэвин. И мой пес Черныш.

— Гэвина сейчас нет, — сказала Имейн и отвернулась к женщине, оттирающей столешницу. Повисла пауза.

— А где же он? — спросила Эливис. Тихо спросила, но щеки ее зарделись.

Имейн забрала у Мейзри тряпку и принялась сама сражаться с пятном.

— Он выполняет мое поручение.

— Вы послали его в Курси! — Эливис не спрашивала, она утверждала.

— Негоже нам, находясь в такой близи от Курси, не поздравить Блуэта с праздниками. Он решит, что мы его гнушаемся, а по нынешним временам ой как неразумно гневить такого влиятельного человека…

— Мой супруг наказал никому не сообщать, что мы здесь, — отрезала Эливис.

— Мой сын не наказывал сторониться сэра Блуэта и лишаться его благоволения, когда в том может возникнуть крайняя нужда.

— С какой вестью вы отправили его к сэру Блуэту?

— С добрыми пожеланиями, — ответила Имейн, теребя в руках тряпку. — Попросила передать, что мы будем рады принять его с домочадцами у себя на Рождество. — Старуха заносчиво вскинула подбородок. — Как еще должно поступить, если наши две семьи вот-вот породнятся? Они привезут яств для рождественского стола и слуг…

— И капеллана леди Ивольды, который проведет службу? — ледяным тоном закончила Эливис.

— Они приедут сюда? — раздался голос Розамунды. Девочка снова вскочила, уронив на пол лежащее на коленях шитье.

Имейн и Эливис обернулись недоуменно, слов-

но позабыв, что кроме них кто-то есть в зале.

— Леди Катерина! — сердито воскликнула Эливис. — Вы ведь собирались с девочками в лес за хвоей для зала?

— Но как же мы без Гэвина? — не поняла Агнес.

— Возьмите отца Роша.

— Хорошо, сударыня, — ответила Киврин и повела Агнес за руку к выходу.

— Они приедут сюда? — не отставала Розамунда. Щеки у нее пылали почти так же, как у матери.

— Не знаю, — вздохнула Эливис. — Ступай с леди Катериной.

— Я поеду на Сарацине! — воскликнула Агнес и, вырвав руку, побежала вперед.

Розамунда хотела что-то сказать, но передумала и пошла снимать плащ с крючка в сенях.

— Мейзри, стол уже отчищен, — продолжила распоряжаться Эливис. — Пойди принеси солонку и серебряное блюдо из ларя на чердаке.

Женщина с золотушными пятнами поспешила прочь, и даже Мейзри затопала вверх по лестнице с непривычной прытью. Киврин набросила плащ, торопясь завязать тесемки, пока Имейн снова не припомнила ей разбойников. Но обе

хозяйки молчали. Имейн по-прежнему комкала в руках тряпку, видимо, дожидаясь, пока исчезнут Киврин с девочками.

— А будет… — Розамунда, оборвав себя на полуслове, убежала вслед за Агнес.

Киврин поспешила вдогонку. Гэвина нет, зато у нее есть разрешение на вылазку в лес и есть транспорт. И священник в качестве сопровождающего. Розамунда говорит, Гэвин встретил его тогда на полдороге из леса, значит, не исключено, что и на полянку водил.

Она почти бегом добежала до конюшни — вдруг в последнюю минуту Эливис крикнет им вслед, что передумала, ведь Киврин еще не совсем поправилась, а лес полон разных страхов.

Девочки, видимо, размышляли так же. Агнес уже сидела верхом, Розамунда подтягивала подпругу на своем седле. Пони Агнес оказался совсем не маленькой лошадкой, а крепким рыжим коньком чуть пониже Розамундиной кобылы, и Агнес в седле с высокой задней лукой восседала на немыслимой верхотуре. Поводья держал мальчик, который прибегал сказать Эливис про охромевшую лошадь.

— Не стой как чурбан, Коб! — прикрикнула на него Розамунда. — Оседлай чалого для леди

Катерины.

Парень послушно выпустил поводья, и Агнес потянулась за ними, наклоняясь далеко вперед.

— Да не матушкину кобылу! — рявкнула Розамунда. — А ронсена[20]!

— Мы поедем в церковь, Сарацин, — объясняла Агнес, — и скажем отцу Рошу, чтобы ехал с нами, а потом будем кататься. Сарацин любит кататься! — Она снова опасно нагнулась вперед, чтобы похлопать коня по стриженой гриве, и Киврин с трудом удержалась, чтобы не подхватить девочку.

Агнес, видимо, была опытной наездницей — ни Розамунда, ни мальчик-конюх даже не смотрели в ее сторону. Однако там наверху, в седле с подтянутым до упора стременем, в которое упиралась маленькая ножка в мягком башмачке, она выглядела совсем крохой. Плохо дело, если скачет она так же «осторожно», как передвигается по земле.

Коб оседлал рыжего, вывел его из стойла и встал рядом.

— Ну же, Коб! — снова дернула его Розамунда. Он наклонился, подставляя сцепленные в замок

---

[20] Примечания: 1.20

Ронсен — в Средние века обычный конь для повседневных нужд — работы или верховой езды, хотя мог выступать и боевым. Нередко использовался как вьючной.

руки, и девочка, оттолкнувшись ногой от этой ступеньки, взлетела в седло. — Что ты опять застыл столбом? Помоги леди Катерине.

Мальчик неуклюже двинулся подсаживать Киврин. Та медлила, не понимая, что это вдруг с Розамундой. Ее явно расстроило известие о том, что Гэвин отправился к сэру Блуэту. По идее, участие отца в судебном процессе не ее ума дело, а на самом деле, возможно, она осведомлена куда лучше, чем думают взрослые.

Леди Имейн называла Блуэта «влиятельным человеком» и говорила о «благоволении, в котором может возникнуть нужда». Может быть, Имейн действовала не только из собственной корысти? Может быть, лорду Гийому грозит более серьезная опасность, чем думает Эливис, и Розамунда, тихонько вышивающая у огня, тоже об этом догадывается.

— Коб! — рявкнула Розамунда, хотя мальчик лишь покорно ждал Киврин. — Из-за твоей мешкотни мы разминемся с отцом Рошем!

Киврин ободряюще улыбнулась Кобу и оперлась рукой ему на плечо. На верховую езду мистер Дануорти отправил ее практически первым делом, поэтому Киврин неплохо поднаторела. Хорошо хоть, что боковое седло появится толь-

ко в 1390-х, но и для средневековых требуется сноровка. Киврин посмотрела на высокую, еще выше, чем у тренировочного, заднюю луку.

«Еще вопрос, кто тут полетит с лошади, я или Агнес», — глядя, как девочка уверенно сидит в седле, подумала Киврин. Отпустив поводья, Агнес вертелась как юла, что-то постоянно поправляя в седельной сумке за спиной.

— Поедем уже! — нетерпеливо позвала Розамунда.

— Сэр Блуэт обещал мне серебряную уздечку для Сарацина! — похвасталась Агнес, не переставая рыться в сумке.

— Агнес, брось копаться и едем уже! — рассердилась Розамунда.

— Сэр Блуэт говорил, что привезет ее на Пасху, — продолжала Агнес.

— Агнес! Едем! Дождь польет.

— Не польет, — беспечно отмахнулась Агнес. — Сэр Блуэт…

— Да неужели? — напала на сестру Розамунда. — Ты у нас теперь погодой управляешь? Нюня! Нюня несмышленая, вот ты кто!

— Розамунда! — вмешалась Киврин, берясь за отпущенные поводья Розамундиной кобылы. — Зачем ты обижаешь Агнес? Что с тобой? Тебя

что-то гложет?

Розамунда выдернула поводья, натягивая их до отказа.

— Только то, что мы тут мешкаем из-за несмышленой нюни.

Киврин, хмурясь, отпустила поводья и взобралась в седло с подставленных рук Коба. Никогда еще она не видела Розамунду такой.

Они выехали со двора — мимо опустевшей выгородки для свиней прямиком на луг. День стоял свинцово-пасмурный, тяжелые облака лежали чуть не на крышах, ветра не было вовсе. Розамунда не зря опасалась дождя. В холодном воздухе чувствовалась промозглость. Киврин пустила коня побыстрее.

В деревне явно готовились к Рождеству. Из каждой лачуги тянулся дым, а на дальнем конце луга двое мужчин кололи дрова, бросая их в уже довольно высокую поленницу. Рядом с хибарой мажордома жарился на вертеле большой обугленный кусок мяса — коза? Жена мажордома доила перед дверью костлявую корову, на которую пыталась опереться Киврин в прошлый раз, когда ходила сама искать переброску. Когда-то у них с мистером Дануорти возник спор, надо ли Киврин учиться доить. Она уверяла, что в

XIV веке коров зимой не доили, «запускали», а сыр делали из козьего молока. Про то, что коз не разводят на мясо, она тоже читала…

— Агнес! — рассвирепела Розамунда.

Киврин подняла глаза. Агнес, остановившись, снова извернулась в седле и копалась в сумке. После окрика она послушно двинулась вперед, но Розамунда со словами: «Больше я тебя не жду, нюня!» — послала коня рысью, распугав всех кур и чуть на задавив босоногую девчушку с полной охапкой хвороста.

— Розамунда! — крикнула ей вслед Киврин, однако та уже не слышала, а бросаться в погоню, оставив Агнес одну, было бы неправильно.

— Твоя сестра сердится, потому что не хочет ехать за остролистом? — спросила Киврин, выдвигая заведомо маловероятную версию в надежде, что Агнес предложит более удачную.

— Она постоянно не в духе, — ответила Агнес. — Вот бабушка ей попеняет за то, что ездит как маленькая. — Она пустила своего пони изящной рысцой через луг, благосклонно кивая крестьянам. Ни дать ни взять взрослая дама.

Девчушка, которую чуть не затоптала Розамунда, уставилась им вслед с открытым ртом. Жена мажордома посмотрела на них с улыбкой и про-

должила доить, дровосеки с поклоном стянули шапки.

Они проехали мимо лачужки, где Киврин укрылась в свою прошлую вылазку. Той самой лачужки, где она сидела, когда Гэвин перевозил ее вещи в поместье.

— Агнес, а отец Рош ездил с вами за святочным поленом?

— Да, — кивнула Агнес. — Он его благословлял.

— Ох, — разочарованно протянула Киврин. Она-то надеялась, что священник мог вместе с Гэвином перетаскивать поклажу и знает, где переброска. — А кто-нибудь помогал Гэвину перевозить мои пожитки?

— Нет. — Поди пойми, знает Агнес на самом деле или не знает. — Гэвин очень сильный. Он зарубил своим мечом четырех волков!

Мало похоже на правду, но ведь и в спасение беззащитной девицы от разбойников тоже нелегко поверить. А чтобы завоевать сердце Эливис, он явно способен на все — даже притащить в одиночку повозку с сундуками.

— И отец Рош сильный, — размышляла Агнес.

— Уехал твой отец Рош! — заявила уже спешившаяся Розамунда. Она привязала коня к погостной калитке и стояла уперев руки в боки.

— Ты в церкви смотрела? — спросила Киврин.

— Нет, — буркнула Розамунда. — Подмораживает. У отца Роша хватит ума не сидеть тут сиднем, пока снег пойдет.

— Пойдем заглянем в церковь, — сказала Киврин, слезая с коня и протягивая руки, чтобы подхватить Агнес.

— Нет, — заупрямилась девочка вслед за старшей сестрой. — Я подожду здесь, с Сарацином. — Она похлопала пони по холке.

— Ничего с Сарацином не станется. Пойдем, надо сперва посмотреть в церкви. — Киврин вытащила Агнес из седла и, ухватив за руку, открыла погостную калитку.

Агнес не вырывалась, но то и дело тревожно оглядывалась на оставленных лошадей.

— Сарацину страшно одному.

Розамунда, остановившись посреди погоста, круто развернулась, снова уперев руки в боки.

— Ты что там прячешь, маленькая негодница? Яблок натаскала в седельную сумку?

— Нет! — всполошилась Агнес, но Розамунда уже шагала к лошадям. — Не подходи! Это не твой пони! Он мой!

Киврин подумала, что так и священника искать не придется. Он сам выйдет на шум и крики.

Розамунда расстегнула пряжку на сумке.

— Вы только гляньте! — Она вытащила за шкирку черного щенка.

— Ох, Агнес… — вздохнула Киврин.

— Сейчас отнесу твоего пса к речке и там утоплю. — Розамунда решительно повернулась к ручью.

— Не-ет! — взревела Агнес, бросаясь к калитке. Розамунда подняла щенка повыше, чтобы сестра не достала.

Киврин решила, что хватит, и, шагнув вперед, забрала у Розамунды щенка.

— Агнес, перестань реветь. Никто твоего песика не обидит. — Щенок зацарапался у Киврин на плече, пытаясь лизнуть ее в щеку. — Собаки не ездят верхом. Черныш задохнется у тебя в сумке.

— Тогда я повезу его на руках, — неуверенно предложила Агнес. — Черныш так хотел прокатиться.

— Прокатился до церкви — и будет с него, — отмела возражения Киврин. — Теперь чудесно прокатится обратно в конюшню. Розамунда, отвези его, пожалуйста. — Щенок пытался куснуть Киврин за ухо. Она передала его обратно Розамунде, и та ухватила его за шкирку. — Он еще маленький, Агнес. Он хочет к маме и спать.

— Это ты маленькая, Агнес! — заявила Розамунда с такой злостью, что Киврин начала всерьез опасаться за щенка. — Посадить собаку на лошадь! А мне теперь ездить туда-обратно и терять время. Ничего, скоро я стану взрослой и никто меня не заставит возиться с сопливыми неслухами.

Она забралась в седло, по-прежнему сжимая щенка за шкирку, но, усевшись, почти с нежностью укутала его полой плаща и прижала к груди. Сжав поводья свободной рукой, Розамунда развернула коня.

— Теперь отец Рош точно уехал! — буркнула она напоследок и умчалась.

Киврин подозревала, что Розамунда права. На шум, который они тут подняли, даже мертвые бы выглянули из-под деревянных надгробий, а из церкви так никто и не вышел. Наверняка отец Рош уехал еще до их появления и теперь уже далеко, но Киврин все равно взяла Агнес за руку и повела в церковь.

— Розамунда плохая, — надулась Агнес.

Киврин понимала, что Розамунда совсем не такая, однако защищать ее желания не было, поэтому она просто промолчала.

— И я не маленькая, — продолжала Агнес, ища у Киврин подтверждения, которого не последова-

ло. Толкнув тяжелую деревянную дверь, Киврин встала на пороге, вглядываясь внутрь.

Там никого не было. В нефе царил почти непроницаемый полумрак, темные узкие витражи едва пропускали и без того пасмурный свет, но через полуоткрытую дверь стало видно, что внутри пусто.

— Может быть, он в алтаре, — предположила Агнес, протискиваясь мимо Киврин в темный неф. Там она припала на колени, перекрестилась и нетерпеливо посмотрела через плечо на Киврин.

В алтаре тоже никого — иначе горели бы свечи, совсем не обязательно заходить. Но Агнес не успокоится, пока они не обыщут всю церковь. Киврин опустилась на колени рядом с девочкой и осенила себя крестом. В кромешной темноте они двинулись к алтарной преграде. Свечи перед статуей святой Катерины тоже стояли потухшими, от них резко тянуло дымом и свечным жиром. Наверное, отец Рош погасил их перед уходом. Пожар — опасная штука, даже в каменной церкви, а стеклянных подсвечников, в которых они могли бы спокойно догореть, тут нет.

Подбежав прямо к алтарной преграде, Агнес прижалась лицом к резной решетке и крикнула:

«Отец Рош!», а потом, не подождав и секунды, заявила: «Его здесь нет, леди Киврин. Может быть, он у себя дома» — и выскочила в боковую дверь.

Киврин точно знала, что Агнес туда нельзя, и все же последовала за ней через погост к ближайшему дому.

Она угадала правильно, потому что Агнес уже стояла на пороге, крича: «Отец Рош!» Разумеется, священник должен жить у самой церкви.

Дом оказался такой же лачугой, как та, что приютила Киврин во время неудачной вылазки. Священник должен, по идее, получать десятину с урожая и скота, но в узком дворе не видно было никакой живности за исключением нескольких тощих кур, а у двери лежали поленья — не больше охапки.

Агнес принялась молотить в дверь — такую же хлипкую, как и сама лачуга. Киврин испугалась, как бы девочка, проломив эту дверь, не ввалилась внутрь. Не успела она подойти ближе, как Агнес осенила новая мысль: «Может быть, он на колокольне!»

— Нет, вряд ли, — усомнилась Киврин, перехватывая Агнес за руку, чтобы девочка снова не кинулась куда-нибудь через весь погост. Они пошли обратно к калитке. — Ему ведь не надо

пока звонить, только к вечерне.

— А вдруг? — Агнес склонила голову набок, будто прислушиваясь.

Киврин прислушалась тоже, но было тихо — и она вдруг осознала, что колокол на юго-западе наконец умолк. Он звонил почти непрерывно, пока она лежала с воспалением легких, и когда она ходила на конюшню во второй раз, ища Гэвина, тоже слышала его звон, но с тех пор, звонил он еще или нет, не помнила.

— Ты слышала, леди Киврин? — вырвав руку, Агнес побежала — не к колокольне, а за церковь, к северной стене. — Видишь? — победно возвестила девочка, показывая на свою находку. — Он здесь.

Там стоял серый ослик священника, мирно пощипывая торчащую из-под снега сорную траву. На нем была веревочная уздечка, а на спине — несколько дерюжных мешков, пустых, очевидно, предназначавшихся под остролист и плющ.

— Он точно на колокольне, точно! — воскликнула Агнес, срываясь с места.

Киврин, обогнув церковь следом за ней, вышла на погост, глядя, как Агнес скрывается в колокольне. Она подождала, размышляя, где еще поискать. Может, отец Рош зашел к больному в

какую-нибудь из лачуг?

В окне церкви мелькнула тень. Потом огонек. Наверное, он вернулся, пока они топтались возле ослика. Киврин открыла боковую дверь и заглянула внутрь. Перед статуей святой Катерины теплилась свеча, Киврин видела у самого пола ее дрожащий огонек.

— Отец Рош! — позвала она вполголоса. Никто не ответил. Она шагнула внутрь, не придержав закрывающуюся дверь, и пошла к статуе.

Свеча стояла между квадратными ступнями. Святая склоняла грубо высеченное лицо над уменьшенной взрослой фигуркой, изображавшей маленькую девочку. Опустившись на колени, Киврин подняла свечу. Только что зажженная. Даже сальная лужица под фитилем не успела накопиться.

Киврин окинула взглядом неф. Огонек выхватывал из темноты только кусок пола и квадратный головной убор святой, все остальное тонуло в полумраке.

Тогда Киврин сделала несколько шагов по проходу, не выпуская свечу.

— Отец Рош!

Стояла глухая тишина, как в лесу в тот день, когда она сюда перебросилась. Напряженная ти-

шина, будто кто-то притаился рядом с гробницей или за одной из колонн.

— Отец Рош! — позвала девушка звонче. — Вы здесь?

Ответа не было, только глухая выжидающая тишина. «В лесу ведь тогда никого не оказалось», — напомнила себе Киврин и сделала еще несколько шагов в темноту. Рядом с надгробием рыцаря тоже никто не стоял. Муж Имейн лежал скрестив руки на груди, с мечом вдоль тела, молчаливый и спокойный. И у двери никого.

Сердце колотилось, как тогда, в лесу, заглушая возможные чужие шаги и дыхание. Киврин резко обернулась, и свеча прочертила во тьме огненную завитушку.

Он стоял прямо за спиной. Свеча едва не погасла. Фитиль накренился, огонек заморгал, потом снова выровнялся, освещая лицо разбойника снизу, как тогда фонарь.

— Что вам нужно? — спросила Киврин почти беззвучно. — Как вы сюда попали?

Разбойник не отвечал. Он просто смотрел на нее, как тогда, на поляне. «Он мне не померещился», — испуганно поняла Киврин. Он там был. Он хотел — что? Ограбить ее? Изнасиловать? Гэвин его спугнул.

Киврин попятилась.

— Что вам нужно, отвечайте! Кто вы такой?

Гулкое эхо отразилось от стен, и Киврин поняла, что говорит на современном английском. «Нет, пожалуйста, нельзя, чтобы переводчик сломался…»

— Что вы здесь делаете? — спросила она, заставляя себя говорить помедленнее, и услышала собственный голос: «Каково намерение ваше?»

Он потянулся к ней огромной, грязной, покрасневшей лапищей — разбойничьей лапой, будто хотел дотронуться до остриженных волос.

— Уходите! — Киврин снова попятилась — и уткнулась спиной в надгробие. Свеча погасла. — Я не знаю, кто вы и что вам надо, уходите! — Слова снова прозвучали на современном английском, но какая разница, если он хочет напасть на нее, ограбить, убить, а священника нет и непонятно где он. — Отец Рош! — закричала она в отчаянии. — Отец Рош!

За дверью послышался шорох, стук, потом шуршание дерева по камню — и в проем просунулась Агнес.

— Вот ты где! — обрадовалась девочка. — А я тебя потеряла!

Разбойник оглянулся на дверь.

— Агнес, беги! — крикнула Киврин.

Девочка застыла, прижимаясь к тяжелой двери.

— Беги прочь! — Киврин с ужасом осознала, что по-прежнему кричит на современном. Как там будет «бежать»?

Разбойник сделал шаг к Киврин. Она вжалась спиной в надгробие.

— Текщи, Агнес! Наутек!

Дверь захлопнулась, но Киврин уже неслась по каменным плитам, роняя на бегу свечу.

Домчавшаяся почти до калитки Агнес, увидев Киврин, развернулась и побежала к ней.

— Нет! — замахала руками Киврин. — Беги!

— Там волк? — расширив глаза, воскликнула Агнес.

На объяснения и уговоры времени не было. Дровосеки с луга куда-то подевались. Подхватив Агнес на руки, Киврин бросилась к лошадям.

— В церкви злодей! — усаживая Агнес на пони, только и смогла сказать она.

— Злодей? — переспросила Агнес, не замечая, что Киврин сует ей поводья. — Который напал на тебя в лесу?

— Да, — сражаясь с тугим узлом, ответила Киврин. — Скачи домой как можно быстрее. Не

останавливайся.

— Я его не увидела, — пожаловалась Агнес.

Вполне возможно. Глядя в этот полумрак с порога, она вряд ли что-то рассмотрела.

— Это который похитил твои пожитки и лошадей и стукнул тебя по голове?

— Да. — Она снова принялась за поводья.

— Он прятался за могилой?

— Что? — не поняла Киврин. Узел никак не поддавался. Она со страхом оглянулась на дверь церкви.

— Вы с отцом Рошем стояли у дедовой могилы. А злодей прятался за плитой?

Глава шестнадцатая

С отцом Рошем.

Киврин уронила поводья.

— С отцом Рошем?

— Я зашла на колокольню, но его там не было. Он стоял в церкви. А зачем злодей прятался в дедовой могиле, леди Киврин? — недоумевала Агнес.

Отец Рош. Нет, не может быть. Отец Рош читал над ней отходную. Он мазал миром ее виски и ладони.

— Злодей не обидит отца Роша? — беспокоилась Агнес.

Не может это быть отец Рош. Отец Рош держал ее за руку.

И уговаривал не бояться. Киврин попыталась вызвать в памяти лицо священника. Он наклонялся над ней, спрашивая, как ее зовут, и лицо терялось в дыму.

Но ведь она видела разбойника, когда отец Рош читал отходные молитвы, она испугалась, что его пустили в комнату, и пыталась от него отодвинуться. Значит, это был вовсе не разбойник. Это был отец Рош.

— Злодей сейчас выскочит? — испуганно оглядываясь на церковную дверь, спросила Агнес.

Все сходится. Разбойник, склоняющийся над ней на поляне, сажающий ее на лошадь. Киврин думала, это видение из лихорадочного бреда, а это был отец Рош, он помогал Гэвину перевезти ее в поместье.

— Не выскочит, — успокоила девочку Киврин. — Нет никакого злодея.

— Он еще прячется в церкви?

— Нет. Я обозналась. Злодея не было вовсе.

Агнес по-прежнему сомневалась.

— Но ты кричала.

Киврин представила, как Агнес заявляет бабушке: «Леди Катерина осталась с отцом Рошем в церкви и кричала». Леди Имейн с радостью пополнит список прегрешений отца Роша. И подозрительных оплошностей Киврин.

— Да, кричала, — подтвердила она. — В церкви было темно. Отец Рош неожиданно подошел, я испугалась.

— Но это же отец Рош, — удивилась Агнес, не понимая, как можно его бояться.

— А когда вы с Розамундой играете в прятки, и она выскакивает вдруг из-за дерева, ты ведь тоже вскрикиваешь. — Киврин не знала, как еще

объяснить.

— Однажды Розамунда спряталась на чердаке, когда я пришла посмотреть своего песика, и выпрыгнула. И я с перепугу закричала. Вот так. — Агнес издала леденящий душу визг. — А в другой раз в зале было темно, и Гэвин выскочил из сеней и сказал: «Ух!», и я тоже вскрикнула, и еще…

— Да, именно так. В церкви темень, ничего не видно.

— Отец Рош тоже выпрыгнул и сказал: «Ух!»?

«Да. Он наклонился ко мне, и я приняла его за разбойника».

— Нет, он ничего такого не делал.

— А мы еще идем с отцом Рошем за остролистом?

«Если я его не перепугала. И если он не уехал, пока мы тут разговариваем».

Киврин сняла девочку с лошади.

— Пойдем. Надо его отыскать.

Как быть, если он и вправду ушел, Киврин не представляла. Отвезти Агнес обратно в поместье, чтобы она там рассказывала леди Имейн про крики в церкви, — немыслимо. И уехать, не объяснив все отцу Рошу, тоже невозможно. Только что объяснять? Что она приняла его за грабителя и насильника? Что считала его кошмаром из

своего бреда?

— Нам точно надо опять в церковь? — с неохотой спросила Агнес.

— Все хорошо. Там только отец Рош, больше никого.

Уговоры не особенно помогли, Агнес явно опасалась заходить внутрь. Когда Киврин приоткрыла дверь, девочка спряталась за ее юбку.

— Все хорошо, — успокаивала ее Киврин, вглядываясь в темноту. У могилы никого уже не было. Дверь закрылась, и девушка постояла, дожидаясь, пока привыкнут глаза. Агнес продолжала цепляться за нее с опаской. — Не бойся.

«Он не разбойник, — твердила себе Киврин. — Бояться нечего. Он читал над тобой отходную. Он держал тебя за руку». Но сердце все равно колотилось.

— Злодей здесь? — прошептала Агнес.

— Нет никакого злодея, — ответила Киврин — и тут же увидела его. Наклонившись у статуи святой Катерины, священник ставил к каменным ногам оброненную Киврин свечку.

Надежда, что разбойничий облик ему придавала зловещая игра света и тени на озаренном снизу лице, не оправдалась. Он склонился над статуей так же, как склонялся над Киврин в лесу,

где его тонзуру закрывал капюшон. Сердце снова начало гулко бухать в ребра.

— Где отец Рош? — спросила Агнес, выглядывая из-за юбки. — А, вот он. — И кинулась к статуе.

— Нет! — Киврин бросилась за ней. — Не надо…

— Отец Рош! — крикнула Агнес. — Отец Рош! Мы тебя ищем! — Про злодея она и думать забыла. — Мы и в церкви смотрели, и у тебя дома, а тебя нет и нет нигде!

Девочка бежала прямо на него. Обернувшись, священник наклонился и одним движением подхватил ее на руки.

— Я и на колокольне искала, а тебя и там нет, — продолжала перечислять Агнес без малейших признаков страха. — Розамунда сказала, ты уехал.

Киврин остановилась у последней колонны, унимая сердцебиение.

— Ты прятался? — доверительно обнимая священника за шею, предположила Агнес. — Однажды Розамунда спряталась в амбаре — и как выпрыгнет на меня! Я тогда громко закричала.

— Зачем ты меня искала, Агнес? — спросил священник. — Кто-нибудь заболел?

Он произносил ее имя как «Агнец», и выговор у

него был почти такой же, как у цинготного мальчишки. Переводчик снова запнулся, и Киврин несказанно удивилась, что едва разбирает речь отца Роша. Ведь тогда, в полубреду, она отлично его понимала.

«Наверное, он тогда говорил по-латыни, потому что голос точно его». Тот самый голос, что читал отходную и просил не бояться. И она не боялась. При звуке этого голоса сердце сразу же стало биться ровнее.

— Нет, никто не заболел, — ответила Агнес. — Мы хотим пойти с тобой за плющом и остролистом для зала. Леди Киврин и Розамунда, и мы с Сарацином.

Услышав имя Киврин, отец Рош обернулся, увидел ее у колонны и спустил Агнес на пол.

Киврин ухватилась за колонну.

— Прошу простить меня, святой отец, за крики и бегство. Было темно, и я не узнала вас.

Переводчик, все еще запинающийся, перетолковал последнюю фразу как «Я вас не знаю».

— Она ничего не знает, — вмешалась Агнес. — Злодей стукнул ее по голове, и она теперь ничего не помнит, только как зовут.

— Да, я слышал, — сказал отец Рош, не сводя глаз с девушки. — Ты действительно запамятова-

ла, какая надобность тебя сюда привела?

Киврин почувствовала такое же неодолимое желание признаться во всем, как тогда, когда он спрашивал ее имя. «Я историк. Прибыла наблюдать за вашей жизнью, но заболела и теперь не знаю, где переброска».

— Она ничего не помнит про себя, — подчеркнула Агнес. — Она даже разговаривать не умела. Пришлось ее учить.

— Ты ничего не помнишь о себе?

— Ничего.

— И о том, как сюда попала?

— Тоже. — Наконец-то можно не кривить душой. — Только то, что вы с Гэвином привезли меня в поместье.

— Можно мы уже поедем с тобой собирать остролист? — вмешалась Агнес, которой наскучили взрослые разговоры.

Отец Рош протянул руку, словно благословляя, но вместо этого коснулся виска Киврин, и она поняла наконец, зачем он наклонялся к ней тогда, у могилы.

— Раны нет.

— Она затянулась.

— Поедем, мы хотим уже ехать! — Агнес дернула священника за рукав.

Он снова потянулся к виску, но отвел руку.

— Тебе нечего страшиться. Господь послал тебя к нам на благое дело.

«Ничего подобного, — подумала Киврин. — Он меня вообще не посылал. Меня прислала кафедра медиевистики». Однако на душе стало легче.

— Спасибо.

— Поехали уже! — Теперь Агнес дернула за руку Киврин. — Ты иди за осликом, — велела девочка отцу Рошу, — а мы за Розамундой.

Агнес устремилась к выходу, и Киврин ничего не оставалось, как пуститься за ней, чтобы она не побежала. Прямо перед ними дверь со стуком распахнулась, и на пороге возникла моргающая Розамунда.

— Там дождь. Вы нашли отца Роша? — требовательно спросила она.

— А ты отвезла Черныша на конюшню? — не осталась в долгу Агнес.

— Да. Так что, вы с ним разминулись?

— Нет, он здесь, сейчас поедем. Он был в церкви, а леди Киврин…

— Он ушел за осликом, — перебила Киврин, пока Агнес не начала делиться впечатлениями.

— Я напугалась, когда ты спрыгнула с чердака, Розамунда, — сообщила Агнес, но сестра уже раз-

драженно топала к лошади.

В воздухе висел сырой туман. Киврин подсадила Агнес в седло, а сама забралась на рыжего, использовав погостную калитку в качестве подножки. Отец Рош вывел ослика, и они всей гурьбой отправились по дороге, огибающей церковь, через небольшую рощицу и вдоль заснеженного луга в лес.

— В лесу водятся волки, — заявила Агнес. — Гэвин убил одного мечом.

Киврин слушала краем уха, не сводя глаз с отца Роша, который вел ослика в поводу, и силясь восстановить в памяти тот вечер, когда ее привезли в поместье. Розамунда сказала, что Гэвин встретил священника по пути, и тот помог рыцарю довезти Киврин до господского дома, но девочка могла ошибаться.

Он склонялся над Киврин, когда она сидела привалившись к колесу. Она видела его лицо в пляшущих отблесках костра. Он что-то сказал ей; она не поняла и попросила: «Передайте мистеру Дануорти, чтобы он меня забрал».

— Розамунда ездит не так, как приличествует благородной девице, — чопорно заметила Агнес.

Старшая сестра умчалась далеко вперед и нетерпеливо поджидала остальных у поворота,

почти скрывшись с глаз.

— Розамунда! — окликнула ее Киврин. Девочка прискакала обратно и резко осадила свою лошадь, чуть не задавив ослика.

— Быстрее нельзя? — Круто развернувшись, она снова погнала лошадь вперед. — Мы так до дождя не управимся.

Они ехали через густые заросли, тропка сузилась до пешей. Киврин вглядывалась в деревья, пытаясь увидеть что-нибудь знакомое. Вот показалась вербовая рощица, правда, слишком далеко от дороги, к тому же рядом струился ручей, обметанный по краям ледяной коркой.

По другую сторону тропки рос огромный явор. Он стоял особняком, весь опутанный омелой. За ним виднелся рябинник — ровнешенький, будто деревья по линейке сажали. Этих примет Киврин точно не помнила.

Она надеялась, что какой-нибудь знакомый ориентир всколыхнет ее память, раз в поместье ее везли этой дорогой, но в голове ничего не щелкало. Тогда было слишком темно, а она была слишком больна.

По-настоящему она запомнила только переброску, хотя та полянка теперь тоже расплывалась в памяти, как и дорога в поместье. Полянка,

вербовая рощица и дуб. И лицо священника, склонившегося над ней, когда она сидела привалившись к колесу.

Значит, они нашли ее вдвоем с Гэвином, или Гэвин привел его туда, на полянку, чуть позже. Она ясно помнит его лицо в свете костра. А потом она свалилась с лошади на развилке.

Пока развилок не попадалось. Киврин вообще не видела никаких других дорог, хотя они явно должны быть — от деревни к деревне, к полям, к хижине больного коттера, за которым ходила ухаживать Эливис.

Они принялись взбираться на косогор, и отец Рош оглянулся с макушки — посмотреть, не отстают ли девочки. Он знает, где переброска, пришла к выводу Киврин, надеявшаяся, что Гэвин описал ему место или показал ведущую туда дорогу. Получается, в этом не было нужды. Отец Рош сам там побывал.

Доехав с Агнес до вершины пригорка, Киврин оглянулась. Вокруг стоял сплошной лес, наверняка Вичвудский, он раскинулся на сотню с лишним квадратных километров, и переброска может оказаться на любом из них. Она ни за что не нашла бы то место в одиночку. Сквозь густой подлесок тропка просматривалась едва ли мет-

ров на десять.

Спускаясь с пригорка в самую чащу, Киврин не уставала поражаться дремучести этих лесов. Здесь уже не было никаких тропок вообще. Деревья росли плотной стеной, а тесное пространство между ними заполняли кусты и сугробы.

Нет, она не права, считая этот лес незнакомым. Еще какой знакомый. Именно здесь заблудилась Белоснежка, и Гензель с Гретель, и всякие принцы. Здесь водятся волки и медведи и даже, наверное, пряничные домики. Ведь именно отсюда родом все сказки, верно? Отсюда, из Средневековья. Еще бы. Тут кто угодно заблудится.

Отец Рош остановился вместе со своим осликом, поджидая, пока Розамунда прискачет обратно, а Киврин с Агнес подтянутся. «Вот и заблудились», — подумала Киврин. Но нет, дождавшись остальных, священник снова двинулся вперед через заросли кустарника на еще более узкую тропку, не видную с дороги.

Теперь Розамунда, чтобы не спихнуть отца Роша с тропинки, вынуждена была ехать за ним, однако держалась так близко, что лошадь чуть не наступала на задние копыта ослика. Что же ее терзает? «У сэра Блуэта много влиятельных знакомых», — вспомнила Киврин. Леди Имейн

называла Блуэта союзником, но вдруг на самом деле он им вовсе не помощник? Или отец рассказал Розамунде что-то, что заставляет ее теперь опасаться приезда сэра Блуэта в Ашенкот?

Они проехали мимо ивняка, очень похожего на тот, около переброски, затем свернули с тропы и, протиснувшись через ельник, очутились прямо перед падубом.

Киврин думала, он будет кустовой, как во дворе Брэйзноуза, здесь же падуб рос в виде дерева. Оно тянулось к небу, раскинув широкие лапы, и в блестящей зеленой листве краснели ягоды.

Отец Рош принялся снимать припасенные мешки, Агнес тоже не осталась в стороне. Розамунда, вытащив из-за пояса короткий нож с толстым лезвием, начала кромсать нижние ветки.

Киврин, увязая в снегу, обошла падуб с другой стороны. Там что-то белело сквозь деревья, и она надеялась увидеть ту самую березовую рощицу, но это оказалась просто застрявшая между стволами ветка, укутанная снегом.

Подошла Агнес, а за ней Рош с устрашающим разбойничьим ножом. Киврин думала, что теперь, когда выяснилось, кто он такой, наваждение пропадет. Как бы не так, священник, нависавший с ножом над Агнес, по-прежнему

выглядел лиходеем.

Он подал девочке дерюжный мешок.

— Держи раскрытым, вот так. — Нагнувшись, он показал, как отвернуть края мешка, чтобы удобнее было держать. — А я буду складывать. — Не обращая внимания на колючие листья, он принялся срезать ветви. Киврин принимала их у него и осторожно, чтобы не поломать жесткую листву, опускала в мешок.

— Отец Рош, — начала она. — Я хотела вас поблагодарить за помощь во время моей хворобы и за то, что вы привезли меня в дом, когда…

— Когда ты упала, — закончил он за нее, перерубая неподатливую ветку.

Киврин, собиравшаяся сказать «когда на меня напали в лесу», удивилась такой неожиданной формулировке. Да, она действительно упала с коня. Может, именно тогда отец Рош и появился? К тому моменту они отъехали уже достаточно далеко от переброски, и он, получается, не знает нужное место? И все-таки она отчетливо запомнила его именно там, на поляне.

К чему попусту гадать?

— Вы знаете место, где Гэвин меня нашел? — затаив дыхание, спросила Киврин.

— Да. — Отец Рош перепиливал толстую ветку.

Киврин почувствовала, как слабеют колени от нахлынувшего облегчения. Он знает, где переброска!

— Это далеко?

— Нет. — Он отломил ветку рукой.

— Отведете меня туда?

— Зачем тебе? — полюбопытствовала Агнес, широко расставляя руки, чтобы не закрывался мешок. — Вдруг разбойники еще там?

Судя по взгляду Роша, он задавался тем же вопросом.

— Надеюсь, увидев то место, я смогу вспомнить, кто я и откуда.

Отец Рош осторожно, чтобы не поранить острыми листьями, вручил ей ветку.

— Я тебя отведу.

— Спасибо!

Как хорошо… Она уложила ветку к остальным, Рош завязал мешок и закинул его на плечо.

Показалась Розамунда, волоча по снегу свою добычу.

— Вы еще не закончили?

Подхватив и ее мешок, отец Рош навьючил их оба на ослика. Киврин посадила Агнес на пони, помогла взобраться Розамунде, а отец Рош, встав на колено, сцепил руки, делая подножку для

Киврин.

Он усаживал ее тогда на белую лошадь, когда она свалилась.

Когда она упала. Она помнит, как его большие руки придерживали ее на спине коня. Но ведь они довольно далеко отъехали от переброски, зачем же Гэвин повез туда отца Роша заново? Она не помнит, чтобы они возвращались; впрочем, она вообще мало что помнит — все так зыбко и расплывчато. Наверное, в беспамятстве путь показался длиннее.

Рош вывел осла через ельник обратно на тропу и двинулся обратной дорогой. Розамунда пропустила его вперед, а потом сварливым голосом Имейн буркнула:

— И куда он теперь? Плющ в другой стороне.

— Мы едем смотреть то место, где напали на леди Киврин, — объяснила Агнес.

Розамунда оглянулась на Киврин с подозрением.

— Зачем вам туда? Ваши вещи и повозку уже доставили.

— Ей думается, что это место может пробудить память. Леди Киврин, а если ты вспомнишь, кто ты такая, тебе придется ехать домой? — сообразила Агнес.

— Конечно. У нее есть своя семья. Она ведь не может быть с нами вечно. — Розамунда говорила это, только чтобы досадить сестре, и ей удалось.

— Может! — возмутилась Агнес. — Она будет нас нянчить.

— Зачем ей оставаться с такой нюней? — поддразнила Розамунда, посылая свою лошадь рысью.

— Я не нюня! — крикнула ей вдогонку Агнес. — Это ты нюня! Останься, я не хочу, чтобы ты уезжала, — вернувшись к Киврин, заявила она.

— Не уеду. Отец Рош ждет, поскакали.

Он стоял у дороги и, дождавшись их, двинулся дальше. Розамунда уже умчалась далеко вперед, только снег летел из-под копыт.

Перебравшись через небольшой ручей, они подъехали к развилке — дорога загибала вправо, вторая еще метров сто тянулась прямо, а оттуда резко уходила влево. Розамунда стояла на развилке, не трудясь сдержать нетерпеливо бьющую копытом и мотающую головой лошадь.

«Я упала с белого коня на развилке». Киврин попыталась припомнить деревья, дорогу, ручей — хоть что-нибудь из окружающего пейзажа. На тропинках, пересекающих Вичвудский лес, должны быть десятки развилок, нет никакой

гарантии, что это та самая. Но очевидно, это была она. Отец Рош поехал направо и, свернув с тропы, углубился в лес, ведя за собой ослика.

Там не было ни верб у дороги, ни холма. Наверное, он ведет их той дорогой, которой вез ее Гэвин. Киврин помнила, что до развилки они довольно долго ехали через лес.

Вслед за отцом Рошем девочки свернули в чащу, Розамунда оказалась замыкающей. Почти сразу им пришлось спешиться и вести коней в поводу. Рош двигался напролом, безо всякой тропы, увязая в снегу, подныривая под ветки, сыплющие снегом за шиворот, и огибая колючий терновник.

Киврин пыталась запоминать дорогу, чтобы потом вернуться, но все сливалось в однообразную череду. Правда, пока лежит снег, можно отыскать по следам. Надо будет добраться сюда одной, пока он не растаял, и пометить путь зарубками или тряпочками на ветках. Или хлебными крошками, по примеру Гензель и Гретель.

Теперь Киврин осознала, как легко было заблудиться в лесу и Белоснежке, и принцам. Уже через несколько сот метров Киврин перестала понимать, где осталась дорога, даже отпечатки ног и копыт не помогали. Гензель и Гретель мог-

ли проплутать в этом лесу хоть полгода, так и не выйдя домой. И к пряничному домику тоже.

Ослик остановился.

— Что такое? — спросила Киврин.

Отец Рош отвел его в сторону и привязал к ольхе.

— Пришли.

Нет, это не переброска. Даже не поляна, просто пятачок под кроной раскидистого дуба. Под шатром из голых веток темнела чуть припорошенная снегом земля.

— Можно, мы разведем костер? — спросила Агнес, подбираясь под низко нависшими ветками к кострищу, поперек которого лежало упавшее бревно. Девочка уселась прямо на него. — Я замерзла. — Она поворошила ногой закопченные камни.

Видно было, что костер горел недолго, сучья едва обуглились. Тушили костер землей. Киврин снова увидела присевшего на корточки отца Роша, на лице которого плясали отблески огня.

— Ну? — не утерпела Розамунда. — Вы что-нибудь вспомнили?

Она была здесь. Она помнит этот костер. Она думала, его разожгли, чтобы казнить ее. Но как же так? Ведь Рош приходил на поляну переброс-

ки. Он склонялся над Киврин, когда она сидела у колеса.

— Это точно то место, где меня нашел Гэвин?

— Да, — хмуря брови, подтвердил Рош.

— Если придет злодей, я вонзю в него свой кинжал! — Агнес отломила обуглившийся сучок и занесла его над головой. Почерневший кончик отвалился. Агнес присела на корточки у кострища, вытащила еще одну палку, потом села прямо на землю, опираясь спиной на бревно, и стукнула палками друг о друга. Горелые ошметки разлетелись в стороны.

Киврин посмотрела на Агнес. Она сама сидела так же, привалившись спиной к бревну, когда разводили костер, и Гэвин склонился над ней, рыжеволосый в свете огня, и что-то произнес. А потом раскидал костер ногами, и глаза застлал дым.

— Ну как, ты вспомнила себя? — спросила Агнес, забрасывая сучья обратно в кострище.

— Тебе нездоровится, леди Катерина? — все еще хмурясь, спросил Рош.

— Нет. — Она выдавила улыбку. — Просто… Я надеялась, что увижу то место и вспомню…

Рош посмотрел на нее исподлобья, как тогда, в церкви, а потом, развернувшись, пошел к

ослику.

— Едем.

— Вспомнила? — допытывалась Агнес, хлопая меховыми рукавицами, перемазанными в саже.

— Агнес! — ахнула Розамунда. — Посмотри, как ты рукавицы перепачкала. И плащ весь в снегу! Вот неслух!

Киврин растащила сестер.

— Розамунда, пойди отвяжи пони. Надо ехать за плющом. — Она отряхнула накидку Агнес от снега и попыталась оттереть белый мех.

Отец Рош поджидал их, стоя рядом с осликом. С лица у него не сходила мрачная сосредоточенность.

— Отчистим рукавицы, когда вернемся, — заторопилась Киврин. — Пойдем, отец Рош ждет.

Подхватив кобылу под уздцы, Киврин зашагала вслед за девочками и священником. Пройдя несколько метров в обратном от полянки направлении, они резко вывернули на дорогу. Развилки отсюда видно не было — то ли они вышли дальше, то ли это просто совсем другая дорога. Как тут различить, если кругом одни вербы и полянки с дубами?

Теперь понятно. Гэвин повез ее в поместье, но она от слабости не удержалась на лошади. Тогда

он принес ее на полянку, развел костер и оставил, усадив к поваленному стволу, а сам поехал за подмогой.

Или он развел костер, собираясь охранять Киврин до утра, а отец Рош, увидев огонь, подоспел на помощь, и вдвоем они отвезли ее в поместье. Отец Рош не знает, где переброска. Он думает, что Гэвин нашел Киврин тут, под этим дубом.

А то, как Рош склонялся над ней, когда она сидела у колеса, — это все лихорадочный бред. Ей это привиделось уже в поместье, в светлице, как привиделся колокольный звон, костер и белый конь.

— Ну куда его опять понесло? — сварливо протянула Розамунда, и Киврин захотелось ее шлепнуть. — Плющ растет ближе к дому. Дождь начинается.

Промозглая серость действительно начала превращаться в морось.

— Мы бы уже давно все собрали и вернулись домой, если бы нюня Агнес не притащила своего щенка! — Розамунда вновь умчалась вперед. Киврин даже не пыталась ее остановить.

— Розамунда — грубиянка! — обиделась Агнес.

— Да, — согласилась Киврин. — Ты не знаешь, что с ней такое?

— Это из-за сэра Блуэта. Она за него сосватана.

— Что? — оторопела Киврин. Она слышала от леди Имейн про свадьбу, но подумала, что речь идет о дочери сэра Блуэта и каком-нибудь из сыновей лорда Гийома. — Как могли Розамунду просватать за сэра Блуэта? Разве он не женат уже на леди Ивольде?

— Не-е-ет! — изумилась Агнес. — Леди Ивольда — его сестра.

— Но ведь Розамунда еще не доросла… — начала Киврин и поняла, что ошибается. В XIV веке девочек часто сватали задолго до замужнего возраста, иногда чуть ли не с рождения. Женитьба в Средние века — это сделка, способ породниться и упрочить социальное положение. Розамунду наверняка сызмальства готовили к тому, чтобы выйти замуж за такого вот сэра Блуэта. Однако перед глазами Киврин плыли хороводом несчастные девственницы, выданные силком за отвратительных беззубых старикашек.

— Розамунде нравится сэр Блуэт? — спросила Киврин. Нравится, как же. Она ведь именно поэтому злится, срывается и истерит с того момента, как услышала о его приезде.

— Мне, — подчеркнула Агнес, — нравится. Он подарит мне серебряную уздечку, когда они поженятся.

Киврин посмотрела на Розамунду, поджидающую далеко впереди. Почему сэр Блуэт обязательно должен оказаться беззубым старикашкой? Это все беспочвенные домыслы, как про то, что он женат на леди Ивольде. Может, он молодой, а Розамунда просто нервничает, потому и не в духе. Или, пока дело дойдет до свадьбы, она еще передумает. Девочек обычно вели под венец лет в четырнадцать-пятнадцать, когда уже появятся хоть какие-то признаки зрелости.

— Когда свадьба? — спросила Киврин.

— После Пасхи.

Они доехали до следующей развилки. Эта была поуже, две дороги метров сто тянулись почти параллельно, потом одна из них, та, которую выбрала Розамунда, карабкалась на очередной пригорок.

Двенадцать лет — и через три месяца к алтарю… Понятно, почему леди Эливис так старалась, чтобы сэр Блуэт не узнал об их переезде. Может быть, ей совсем не хочется выдавать дочь замуж такой юной, и девочку обручили только для того, чтобы вызволить ее отца из беды?

Доскакав до гребня пригорка, Розамунда галопом вернулась к отцу Рошу.

— Куда вы нас ведете? Там скоро пустошь.

— Почти приехали, — успокоил священник.

Девочка круто развернула лошадь и скрылась за гребнем, затем появилась вновь, на полпути до отставших Киврин с Агнес резко осадила кобылу и опять понеслась вперед. «Будто крыса в крысоловке, — подумала Киврин. — Мечется в поисках выхода».

Морось превращалась в снег с дождем. Отец Рош натянул капюшон на тонзуру и повел ослика по тропке, взбирающейся на пригорок. Тот безропотно доплелся до вершины — и встал. Отец Рош дернул повод, но ослик стоял как вкопанный.

— Что случилось? — спросила Киврин, подъезжая к ним вместе с Агнес.

— Идем, Валаам, — уговаривал отец Рош, натягивая повод обеими ручищами. Ослик не шелохнулся. Упершись задними копытами, упрямец тянул повод на себя, почти усаживаясь на землю.

— Может, ему дождь не нравится? — предположила Агнес.

— Помочь? — вызвалась Киврин.

— Не надо. — Отец Рош жестом пропустил их вперед. — Езжайте. Авось присмиреет, когда лошади уйдут.

Накрутив повод на руку, он подошел к ослику

сзади, будто собираясь подтолкнуть. Въехав вместе с Агнес на гребень, Киврин на всякий случай оглянулась и, убедившись, что ослик не лягнул священника в лоб копытом, начала спускаться с другой стороны.

Лес у подножия застилала пелена дождя. Снег на дороге уже начал таять, и под пригорком образовалось грязное болото, по обеим сторонам которого росли густые укрытые снегом кусты. Розамунда стояла на соседнем косогоре. Лес покрывал его только наполовину, выше белел снег. «А за ним, — мелькнуло у Киврин, — открытая равнина, и дорога вдали, и видно Оксфорд».

— Ты куда, Киврин, подожди! — закричала Агнес, но Киврин уже гнала рыжего конька к подножию и, соскочив, принялась отряхивать укрытые снегом кусты, проверяя, не верба ли это. Да, это была она, красная верба, краснотал, за которым темнела крона раскидистого дуба. Бросив поводья в куст, Киврин полезла в чащу. Ветви смерзлись от снега. Она рубанула по ним рукой, и снег посыпался за шиворот. В воздух с пронзительным щебетом поднялась стайка птиц. Сквозь заснеженные заросли Киврин продиралась на полянку, которая непременно должна была там быть. И она была.

И дуб тоже. А за ним, чуть поодаль от дороги, белоствольный березняк, который она тогда приняла за просвет. Это переброска. Точно.

Но что-то Киврин смущало. Та полянка была как будто потеснее. А крона у дуба погуще, и гнезд на нем больше. Вот здесь на краю растет терновник, между шипастыми ветвями проглядывают иссиня-черные ягоды. А на той поляне его не было, она бы запомнила.

Это все снег, уверяла себя Киврин. Из-за него поляна кажется просторнее. Снега намело где-то полметра, он лежал нетронутый, ровный. Непохоже, чтобы сюда кто-то наведывался.

— Сюда нас отец Рош вел? — пробираясь через заросли ивняка, спросила Розамунда. Уперев руки в боки, она окинула взглядом поляну. — Здесь нет плюща.

А там был. Обвивался вокруг толстого дубового ствола. И грибы росли.

Это все снег, снова начала уговаривать себя Киврин. Снег скрыл все приметы. И следы повозки, которую тащил Гэвин.

Ларчик… Ларчика она в поместье не видела. Гэвин просто не нашел его в придорожной траве.

Киврин протиснулась мимо Розамунды сквозь заросли, уже не обращая внимания на снежный

душ. Даже если ларчик погребен под снегом, он все равно будет торчать, потому что на обочине сугробов почти нет.

— Леди Катерина! — крикнула почти над ухом Розамунда. — Ну куда же вы?

— Киврин! — жалобно вторила ей Агнес. Она попыталась слезть с пони на полдороге, но запуталась в стремени. — Леди Киврин, иди сюда!

Киврин заметалась взглядом от нее к вершине пригорка. Отец Рош все еще сражался с осликом. Нужно найти ларчик до того, как он придет сюда.

— Агнес, не слезай с пони! — велела она и принялась раскидывать руками снег под ивняком.

— Что вы ищете? — недоумевала Розамунда. — Здесь нет плюща.

— Леди Киврин, иди сюда! — надрывалась Агнес.

Может, кусты вербы согнулись под тяжестью снега, и ларчик где-то дальше в глубине? Киврин наклонилась, хватаясь за тонкие хрупкие прутья, и попыталась сгрести снежный слой. Ларчика там не было. Она поняла это сразу, как только начала копать, — землю и траву под кустами едва припорошило, весь снег лег на ветки. Но ведь, если она не ошиблась с местом, ларчик должен

быть. Если она не ошиблась…

— Леди Киврин!

Она обернулась на крик Агнес. Девочка умудрилась сама слезть с пони и теперь бежала к ней.

— Не беги, — хотела предостеречь Киврин, но не успела договорить, как Агнес споткнулась о корень и со всего размаху упала плашмя.

Задохнувшись от удара, девочка даже не заревела. Подбежавшая вместе с Розамундой Киврин подхватила ее и надавила ладонью на грудь, чтобы разогнуть и заставить сделать вдох. Агнес икнула, втянула воздух и разразилась плачем.

— Приведи отца Роша, — велела Киврин Розамунде. — Он с той стороны холма, ослик заупрямился.

— Он уже идет, — ответила Розамунда.

Киврин повернула голову. Священник неуклюже спешил по склону, оставив ослика наверху, и Киврин едва удержалась, чтобы не закричать «Не бегите!» и ему, но за плачем Агнес он все равно бы ее не услышал.

— Ш-ш-ш, — успокаивала девочку Киврин. — Ничего страшного, ты просто ушиблась.

Подоспел отец Рош, и Агнес немедленно метнулась ему на шею. Он прижал ее к себе и принялся приговаривать своим убаюкивающим голосом:

«Ш-ш-ш, Агнец. Ну, будет. Ш-ш-ш». Плач сменился всхлипываниями.

— Где больно? — отряхивая накидку Агнес от снега, допытывалась тем временем Киврин. — Руки ссадила?

Отец Рош развернул девочку, чтобы Киврин сняла меховые рукавицы. Ладони под ними оказались покрасневшими, но не поцарапанными.

— Ну, где больно?

— Не больно ей нигде! — вмешалась Розамунда. — А плачет, потому что нюня!

— Я не нюня! — с такой яростью закричала Агнес, что чуть не вывернулась из рук отца Роша. — Я ударилась коленкой.

— Какой? — спросила Киврин. — Ушибленной?

— Да! Не смотри! — загородилась она, увидев, что Киврин хочет взглянуть.

— Хорошо, не буду.

На ушибленном колене наросла корочка из струпьев, наверное, Агнес ее и содрала, когда упала. Раз кровь через кожаный чулок не проступила, нет смысла раздевать девочку на холоде.

— Дома посмотрю, хорошо?

— Тогда поедем уже домой, — попросила Агнес.

Киврин беспомощно оглянулась на заросли

вербы. Это наверняка то самое место. Вербы, поляна, голый холм. Наверняка оно. Может, она запихнула ларчик дальше под ветви, чем предполагала, и из-за снега…

— Я хочу домой! — захлюпала носом Агнес. — Я замерзла!

— Хорошо, — кивнула Киврин. Натягивать обратно промокшие белые рукавицы не стоило, поэтому она сняла свои и надела их на Агнес. Они оказались малышке почти до локтя — чем привели ее в несказанный восторг, и Киврин уже решила, что Агнес забудет про больную коленку. Но когда отец Рош хотел посадить Агнес на пони, девочка снова захныкала.

— Я с тобой!

Киврин снова кивнула и забралась на своего рыжего. Отец Рош передал ей Агнес, а сам повел пони на холм. Ослик стоял там, на вершине, пощипывая придорожную траву, проглядывавшую из-под снега.

Киврин оглянулась сквозь завесу дождя на рощицу, силясь разглядеть поляну. «Это точно переброска», — уверяла она себя, однако уверенности не прибавлялось. Даже холм казался отсюда каким-то не таким.

Отец Рош подхватил ослика под уздцы, тот

моментально бросил жевать и уперся копытами в землю, но когда священник развернул его головой в сторону дальнего склона и двинулся туда вместе с пони, ослик покорно зашагал.

Снег раскисал под дождем, и лошадь Розамунды чуть не поскользнулась, скача галопом обратно к развилке. Розамунде пришлось перейти на рысь.

На следующей развилке отец Рош взял влево. Там вдоль всей дороги росли вербы и дубы, и у подножия каждого пригорка виднелось по грязной колее.

— Мы уже домой, Киврин? — спросила Агнес, дрожа в ее объятиях.

— Да. — Она закутала девочку полой своего плаща. — Коленка еще болит?

— Нет. Мы не собрали плющ… — выпрямившись, она развернулась к Киврин вполоборота. — Ты вспомнила себя на том месте?

— Нет.

— Хорошо, — обрадованно прижимаясь к ней спиной, заявила Агнес. — Теперь ты никогда от нас не уйдешь.

Глава семнадцатая

Эндрюс перезвонил Дануорти только под вечер в Рождество. Колин, разумеется, вскочил ни свет ни заря, чтобы открыть свою скромную горку подарков.

— Вы что, собираетесь все Рождество проспать? — укорил он Дануорти, нащупывающего очки на тумбочке. — Уже почти восемь.

Четверть седьмого, если точнее. За окном кромешная тьма, даже не разберешь, идет дождь или кончился. Колин хотя бы лег пораньше Дануорти. После службы профессор отослал мальчика обратно в Баллиол, а сам отправился в лечебницу выяснять, что там с Латимером.

— У него жар, но легкие пока не затронуты, — сообщила Мэри. — Он поступил в пять, говорит, что головную боль и рассеянность почувствовал где-то в час. Сорок восемь часов, тютелька в тютельку. Расспрашивать его, чтобы выяснить, от кого он мог заразиться, думаю, смысла нет. А у тебя как самочувствие?

Мэри оставила его на анализ крови, потом привезли еще одного больного, и Дануорти пришлось ждать, пока того оформят, чтобы затем

попробовать опознать. До кровати он добрался где-то к часу ночи.

Колин вручил Дануорти хлопушку, требуя немедленно ее хлопнуть. Внутри оказалась желтая бумажная корона, которую он сразу нахлобучил на Дануорти, и загадка, которую он тут же зачитал вслух: «Когда олень Санты вошел в дом? — Когда дверь была открыта».

Не забыв и свою собственную красную корону, Колин уселся на пол открывать подарки. Мыльные пастилки вызвали небывалый восторг.

— Видите? — высунув язык, продемонстрировал Колин. — Перекрашивающие!

Перекрашивали они не только язык, но и зубы, и уголки рта.

Книга тоже понравилась, хотя голограмм Колину явно не хватало. Он принялся листать картинки.

— Вот, смотрите! — Он ткнул книжку под нос полусонному Дануорти.

На иллюстрации виднелась могила рыцаря с типичной скульптурной фигурой в доспехах, являвшей воплощение безмятежности и вечного покоя, однако сбоку гробницу украшала декоративная накладка, будто окно внутрь, и на ней труп рыцаря корчился в гробу, отслаивалась

кусками истлевшая плоть, костлявые пальцы сжимались уродливыми крючьями, а череп пялился жуткими пустыми глазницами. По ногам и мечу ползали черви. «Оксфордшир, около 1350 г., — гласила надпись под иллюстрацией. — Пример распространенного после бубонной чумы устрашающего надгробного изображения».

— Апокалиптично, да? — упивался зрелищем Колин.

Он даже к шарфу отнесся дипломатически.

— Главное ведь не подарок, а внимание, — рассудил мальчишка, вытаскивая шарф из коробки за кончик. — Наверное, можно надевать его к больным. Им все равно, какого он цвета.

— К больным? — не понял Дануорти.

Поднявшись с пола, Колин принялся копаться в сумке.

— Викарий вчера попросил меня помочь ему с разными делами — навещать людей в больнице, носить им лекарства и всякое разное.

Он выудил из сумки коричневый магазинный пакет.

— Вот, а это вам! Только не упакован. Финч сказал, что надо экономить бумагу.

В пакете оказалась плоская красная книжица.

— Ежедневник, — пояснил Колин. — Чтобы

отмечать дни до возвращения вашей студентки. Вот, видите, — показал он, открывая первую страницу, — я специально выбрал такой, который начинается с декабря.

— Спасибо! — поблагодарил Дануорти, листая. Рождество. Избиение младенцев. Новый год. Крещение. — Очень кстати.

— Я сперва хотел подарить вам модель башни Карфакс, которая играет «Я слышал звон колоколов рождественских», но она целых двадцать фунтов стоила!

Зазвонил телефон, Дануорти с Колином бросились к нему одновременно.

— Это мама, точно! — воскликнул Колин.

Звонила Мэри, из лечебницы.

— Как ты себя чувствуешь?

— Еще не проснулся, — ответил Дануорти.

Колин растянул рот в улыбке.

— Как Латимер?

— Хорошо. — Лабораторный халат Мэри так и не сняла, но волосы пригладила и выглядела пободрее. — У него, кажется, в легкой форме. Мы нашли связь с Южной Каролиной.

— Латимер туда летал?

— Нет, один из студентов, которых ты расспрашивал вчера — то есть позавчера вечером. Боже

мой, совсем счет времени потеряла. Из тех, которые ходили на танцы в Хедингтон. Он сперва соврал, потому что прогулял колледж, смывшись на встречу с какой-то девушкой, а друга попросил его прикрыть.

— В Южную Каролину успел слетать?

— Нет, в Лондон. Из Штатов была девушка. Прилетела из Техаса, пересаживалась в Чарльстоне, Южная Каролина. ЦКЗ сейчас выясняет, кто из их пациентов был в аэропорту. Дай мне Колина, пожалуйста. Поздравлю его с Рождеством.

Дануорти передал трубку, и Колин пустился в пространное перечисление своих подарков, вплоть до загадки из хлопушки.

— Мистер Дануорти подарил мне книжку про Средние века. — Он продемонстрировал обложку в экран. — Ты знала, что за воровство людям отрубали голову и насаживали на пики Лондонского моста?

— Скажи спасибо за шарф и молчи про поручения викария, — подсказал вполголоса Дануорти, но Колин уже протягивал трубку обратно: — Она просит вас опять.

— Я вижу, Колин там под хорошим присмотром, — сказала Мэри. — Спасибо, ты меня очень выручаешь! Я до сих пор дома не была — поду-

мать страшно, как бы он остался на Рождество один. Обещанные подарки от матери так и не пришли, насколько я понимаю?

— Нет, — украдкой оглянувшись на Колина, который увлеченно рассматривал картинки в книге, ответил Дануорти.

— И позвонить не удосужилась! — возмутилась Мэри. — Есть в этой женщине хоть капля материнской крови? А вдруг Колин лежит в больнице с температурой под сорок?

— Как там Бадри? — перебил Дануорти.

— Утром жар немного спал, но с легкими пока дело плохо. Переводим на синтомицин. В Южной Каролине он хорошо помог. — Пообещав постараться прийти на рождественский обед, Мэри отключилась.

— А вы знали, что в Средние века людей сжигали на костре? — отрываясь от книги, спросил Колин.

Эндрюс не перезванивал. Дануорти отправил Колина в столовую завтракать и попытался сам позвонить оператору, но везде снова было занято наглухо «в связи с праздниками», как сообщил компьютерный голос, очевидно, не перепрограммированный после объявления карантина. Он же посоветовал отложить все несрочные звонки

на завтра. Дануорти попытался еще раза два — бесполезно.

Потом явился Финч с подносом.

— Вы хорошо себя чувствуете, сэр? — обеспокоенно спросил он. — Не заболели?

— Не заболел. Жду междугородный звонок.

— Ох, слава богу. А то я уж заподозрил самое худшее, когда вы не пришли на завтрак. — Он снял с подноса залитую дождем крышку. — Боюсь, для рождественского завтрака бедновато, яйца почти все вышли. Как с обедом быть, ума не приложу. На всей карантинной территории ни одного гуся.

Завтрак на самом деле оказался вполне достойный — вареное яйцо, копченый лосось, оладьи с вареньем.

— Я пытался обеспечить рождественский пудинг, сэр, однако бренди почти на исходе, — извинился Финч, вытаскивая из-под подноса пластиковый конверт и вручая его Дануорти.

На самом верху в нем лежала директива от Госздрава под заголовком: «Начальные симптомы гриппа: 1) дезориентация 2) головная боль 3) ломота в мышцах. Избегайте заражения. Носите рекомендованную ГСЗ медицинскую маску не снимая».

— Маску? — удивился Дануорти.

— Утром привезли из Госздрава. Не представляю, как мы будем обеспечивать помывку рук. Мыло заканчивается.

Дальше шли еще четыре директивы в таком же духе и записка от Уильяма Гаддсона с прикрепленной распечаткой кредитного счета Бадри за понедельник, двадцатое декабря. Судя по всему, недостающие часы с полудня до половины третьего Бадри потратил на поиски подарков. Были куплены четыре книги (мягкая обложка) в «Блэкуэлле», шарф (красный) и электронная звонница (миниатюрная) — в «Дэбенхеме». Превосходно. Значит, еще не один десяток неизвестных контактов.

Пришел Колин с полной салфеткой оладий. На голове у него по-прежнему красовалась бумажная корона, правда, уже порядком раскисшая от дождя.

— Я передам, сэр, — заверил Финч, — что вы придете в столовую, как только дождетесь звонка. Миссис Гаддсон не сомневается, что вы подхватили вирус. Говорит, всему виной плохая вентиляция в общежитиях.

— Я покажусь, — пообещал Дануорти.

Уже у самой двери Финч обернулся.

— Да, сэр, насчет миссис Гаддсон. Она ведет себя отвратительно, ругает колледж и требует, чтобы ее поселили с сыном. Очень сильно подрывает боевой дух.

— Вот-вот, — согласился Колин, плюхая оладьи на стол. — Эта миссис Гадость сказала, что горячая выпечка вредит иммунитету.

— Что, если ей поручить какую-нибудь волонтерскую работу? В лечебнице, например? — предложил Финч. — Чтобы отвлечь от колледжа.

— Нет, нельзя натравливать ее на беспомощных больных, им и так несладко. А она их просто доконает. Может, обратиться к викарию? Ему нужны были помощники для разных мелких дел.

— К викарию? — встрепенулся Колин. — Нет, мистер Дануорти, вы что? У викария ведь уже я работаю.

— Тогда к священнику из реформистской, — предложил Дануорти. — Он любитель поднимать бодрость духа цитатами из «Мессы чумных времен», так что они с миссис Гаддсон найдут друг друга.

— Сейчас же ему позвоню, — пообещал Финч и удалился.

Дануорти съел завтрак, оставив оладью Колину,

и пошел возвращать пустой поднос в столовую, велев мальчику немедленно бежать за ним, если позвонит оператор. Дождь не кончался, с темных веток капало, рождественские гирлянды промокли.

В столовой все еще доедали завтрак, за исключением звонарей, которые собрались в белых перчатках у дальнего стола, выставив на него ручные колокольчики. Финч показывал, как надевать медицинские маски, отлепляя липучки с обеих сторон и прижимая маску к щекам.

— Выглядите вы неважно, мистер Дануорти, — заявила миссис Гаддсон. — Еще бы. Условия в этом коллеже отвратительные. Странно, что эпидемия разразилась только сейчас. Кошмарная вентиляция и на редкость недружелюбный персонал. Ваш мистер Финч просто нагрубил мне, когда я высказала пожелание переселиться к сыну. Мол, я сама напросилась сюда на карантин, поэтому должна жить, где поместили.

В столовую, проехавшись подошвами по полу, влетел Колин.

— Вас кто-то к телефону!

Дануорти попытался разминуться с миссис Гаддсон, однако она решительно преградила ему дорогу.

— Я ответила мистеру Финчу, что он, может, и остался бы дома, бросив своего сына в беде, но я не такая.

— Простите, меня ждут.

— Потому что настоящая мать не станет бездействовать, когда ее сын лежит больной невесть где без ухода.

— Мистер Дануорти! — позвал Колин. — Идемте!

— Вам, конечно, невдомек, о чем я. Вы посмотрите только на этого ребенка! — Она схватила Колина за руку. — Бегает под проливным дождем раздетый.

Дануорти тут же протиснулся мимо нее.

— Вас не волнует, что мальчик подхватит индийский грипп. — Колин вывернулся из железной хватки. — Пичкаете его оладьями и гоняете туда-сюда насквозь промокшим.

Дануорти припустил через двор, Колин за ним.

— Я не удивлюсь, если выяснится, что в вашем колледже этот вирус и завелся, — крикнула им вдогонку миссис Гаддсон. — Вопиющее разгильдяйство, вот что у вас здесь творится! Вопиющее!

Дануорти ворвался в комнату и схватил трубку. Изображения не было.

— Эндрюс? — прокричал он. — Это вы? Я вас

не вижу.

— Линии перегружены, — раздался в ответ голос Монтойи. — Видеосвязь отключили. Это Лупе Монтойя. Мистер Бейсингейм по лососю или по форели?

— Что? — недоуменно хмурясь на темный экран, переспросил Дануорти.

— Я все утро обзваниваю шотландских инструкторов-рыболовов. Когда удается пробиться. Говорят, что искать надо в зависимости от того, по лососю он или по форели. Может, через знакомых? Есть в университете кто-нибудь, кто рыбачит с ним и случайно в курсе?

— Не знаю. Мисс Монтойя, простите, я жду очень важный…

— Я все перебрала — отели, турбазы, лодочные станции, даже его парикмахера. Вышла на его жену в Торки — говорит, он ей не сообщил, куда поехал. Надеюсь, это не значит, что он с кем-то ей изменяет, а Шотландия нужна только для прикрытия.

— Вряд ли мистер Бейсингейм…

— Тогда почему никто не знает, где он? И почему сам не объявился, если про эпидемию трубят все газеты и визики?

— Мисс Монтойя, мне…

— Придется, видимо, обзванивать и лососей, и форель. Если отыщу его, дам знать.

Она наконец отключилась, и Дануорти, положив трубку, уставился на экран, не сомневаясь, что Эндрюс звонил как раз во время разговора с Монтойей.

— Вы ведь говорили, что в Средние века много было эпидемий? — подал голос Колин. Он сидел на окне с книжкой на коленях и жевал оладьи.

— Да.

— Что-то я ни одной не могу найти. Как они пишутся?

— Поищи на «чуму» или «черную смерть».

Промаявшись четверть часа у телефона, Дануорти решил сам позвонить Эндрюсу. По-прежнему занято.

— А вы знали, что в Оксфорде была чума? — Подъев все оладьи, Колин принялся за мыльные пастилки. — Под Рождество. Прямо как у нас.

— Гриппу до чумы далеко, — возразил Дануорти, гипнотизируя телефон. — Черная смерть выкосила от трети до половины всей Европы.

— Знаю. К тому же чума куда прикольнее. Ее разносили крысы, у людей вырастали громадные бумбоны…

— Бубоны.

— Бубоны под мышками, они чернели, раздувались до жутких размеров, а потом человек умирал! С гриппом ничего такого не бывает, — разочарованно закончил мальчик.

— Не бывает.

— И потом, грипп всегда одинаковый. А чума была трех видов. Бубонная — которая с бубонами, пневматическая — она поражала легкие, и человек кашлял кровью…

— Пневмоническая.

— Да, пневмоническая. И септическая — это когда чума проникала в кровь и убивала человека за три часа, а он делался весь черный! Апокалиптично, да?

— Да, — согласился Дануорти.

Телефон зазвонил только после одиннадцати, профессор поспешно схватил трубку, но это снова оказалась Мэри — хотела предупредить, что не сможет выбраться на обед.

— Утром еще пять человек поступило.

— Мы придем в лечебницу, как только дождусь межгорода, — пообещал Дануорти. — Должен позвонить оператор — пусть приедет и прочитает привязку.

— Ты с Гилкристом согласовывал? — осторожно поинтересовалась Мэри.

— С Гилкристом? Ему не до того, он строит планы, как отправить Киврин во времена чумы.

— И все равно, через его голову, мне кажется, не надо. Все-таки он исполняющий обязанности, не стоит с ним ссориться. Если действительно что-то сбилось и Эндрюсу придется прерывать переброску, лучше заручиться поддержкой Гилкриста. — Она улыбнулась. — Ладно, обсудим при встрече. И прививку заодно тебе сделаем.

— Я думал, ты ждешь аналог.

— Я ждала, но мне не нравится, как первичные реагируют на рекомендованный Атлантой курс лечения. Некоторым вроде стало получше, но Бадри точно хуже. Поэтому всем, кто в группе риска, нужно сделать Т-клеточное наращивание.

К полудню Эндрюс так и не позвонил. Дануорти послал Колина в лечебницу на прививку. Обратно мальчик вернулся разобиженный.

— Что, так плохо?

— Хуже. — Колин с размаху плюхнулся на подоконную лежанку. — Меня перехватила миссис Гаддсон. Увидела, как я потираю руку, и начала допытываться, где я был и почему это меня прививают, а Уильяма нет. — Он с упреком посмотрел на Дануорти. — Больно вообще-то! А она сказала, что Уилли первый в группе риска,

и то, что меня укололи вместо него — это самый настоящий некрофилизм.

— Непотизм.

— Непотизм. Хоть бы ей священник какое-нибудь задание потруповознее придумал.

— Как там бабушка Мэри?

— Я ее не видел. Они там с ног все сбились, больных уже в коридорах приходится класть.

На рождественский обед в столовую Дануорти с Колином ходили по очереди. Колин примчался обратно минут через пятнадцать.

— Там звонари начали играть, — сообщил он. — Мистер Финч просил передать, что кончились сахар, масло и сливки. — Мальчик вытащил из кармана куртки пирожное корзиночку с конфитюром. — Почему, интересно, брюссельская капуста никогда не заканчивается?

Оставив Колину инструкцию немедленно доложить, если позвонит Эндрюс, а от остальных записать сообщения, Дануорти пошел обедать. Звонари старались вовсю, вызванивая моцартовский канон.

Финч подал Дануорти полную тарелку брюссельской капусты.

— Простите, сэр, индейки больше нет. Вы вовремя. Сейчас будет рождественское обращение

королевы.

Звонари закончили Моцарта под бурные аплодисменты, и мисс Тейлор, не снимая белых перчаток, вышла к Дануорти.

— Вот вы где. Я вас не видела за завтраком, а мистер Финч сказал, что обращаться нужно к вам. Нам нужна репетиционная.

Подавив желание ответить: «Вы это еще и репетировали?», Дануорти прожевал брюссельскую капусту.

— Репетиционная?

— Да. Чтобы отработать «Чикагский сюрприз». Я договорилась с деканом Крайст-Чёрч, что мы сыграем у них на Новый год, но где-то надо репетировать. Идеально было бы в той большой комнате в Бирдовском корпусе…

— В профессорской?

— Но мистер Финч сказал, что сейчас там кладовая для припасов.

Каких припасов? Все ведь закончилось или на исходе — за исключением брюссельской капусты.

— А лекционные аудитории предназначены под лазарет. Нам нужно какое-нибудь тихое место, чтобы не отвлекаться. «Малый чикагский сюрприз» — очень сложное произведение.

Чередование между положительными и отрицательными рядами и смена зазвонных требуют полной сосредоточенности. Плюс дополнительные развороты.

— Разумеется, — кивнул Дануорти.

— Не обязательно большую комнату, главное — уединенную. Мы пока репетируем здесь, в столовой, но тут все время люди, и тенор выбивается из ритма.

— Мы что-нибудь подыщем.

— Конечно, на семи колоколах надо бы играть трезвоны, однако в прошлом году Североамериканский совет уже исполнял здесь «Филадельфийский трезвон» — как я понимаю, из рук вон плохо. Тенор отставал на целый такт, и остальные совершенно не в лад. Репетиционная нам еще и поэтому нужна: слаженность движений — принципиальный момент.

— Конечно.

На пороге возникла миссис Гаддсон, во всей своей материнской непримиримости.

— Простите, у меня там межгород на проводе, очень важный звонок. — Дануорти поднялся, скрываясь за мисс Тейлор от миссис Гаддсон.

— Межгород на проводе? — Мисс Тейлор недоуменно покачала головой. — Вы, англичане, как

сказанете иногда…

Дануорти ускользнул через дверь кладовой, пообещав найти репетиционную, где можно без помех отрабатывать всякие чередующиеся развороты, и отправился к себе. Эндрюс не звонил. Зато звонила Монтойя.

— Она просила передать: «Уже не важно», — сообщил Колин.

— И все? Больше ничего не сказала?

— Нет. «Передай мистеру Дануорти, что уже не важно».

Либо ей каким-то чудом удалось вычислить Бейсингейма и заполучить его подпись, либо она всего лишь выяснила, по лососю он или по форели. Дануорти подумал, не перезвонить ли ей с уточнением, но не стал — вдруг именно в этот момент линии освободятся и позвонит Эндрюс.

Не позвонил — или не освободились. До четырех вечера.

— Простите, пожалуйста, мне очень жаль, что не смог позвонить раньше. — Изображение так и не включили, но из трубки доносились фоном музыка и оживленные голоса. — До вчерашнего вечера был в отъезде, а потом никак не получалось пробиться. Занято и занято, сами понимаете — праздники. Я перепробовал все…

— Мне нужно, чтобы вы срочно приехали в Оксфорд, — перебил Дануорти. — Необходимо прочитать привязку.

— Конечно, сэр, — сразу согласился Эндрюс. — Когда?

— Как можно скорее. Сегодня к вечеру будете?

— К вечеру? — Готовности в голосе поубавилось. — А до завтра не терпит? Моя девушка приедет только сегодня к ночи, поэтому мы собирались праздновать Рождество завтра, но я могу приехать дневным поездом или вечерним. Так пойдет? Или там ограниченный срок привязки?

— Привязка уже установлена, но оператор свалился с вирусом, поэтому нужно, чтобы кто-то прочитал результаты, — объяснил Дануорти. В трубке послышался дружный хохот. Дануорти повысил голос: — Когда вы сможете приехать?

— Не знаю точно. Давайте я вам завтра позвоню и сообщу, когда буду садиться на метро?

— Хорошо, но на метро вы доедете только до Бартона. Оттуда до кордона придется на такси. Я договорюсь, чтобы вас пропустили. Согласны, Эндрюс?

Эндрюс не ответил, хотя музыка из трубки слышалась хорошо.

— Эндрюс? Вы там?

Отсутствие изображения очень мешало.

— Да, сэр. — В голосе появилась настороженность. — Можно еще раз — что от меня требуется?

— Прочитать привязку. Она уже сделана, только вот оператор…

— Нет, после. Про поезд до Бартона.

— На метро до Бартона, — громко и отчетливо повторил Дануорти. — Дальше поезд не пойдет. Оттуда на такси до карантинного кордона.

— Карантинного?

— Да. — Профессор начал раздражаться. — Я договорюсь, чтобы вас пропустили за оцепление.

— А почему карантин?

— Вирус. Вы что, ничего не слышали?

— Нет, сэр. Я работал на локалке во Флоренции. Только сегодня днем приехал. Что, все серьезно? — Эндрюс спрашивал без испуга, скорее, с интересом.

— Восемьдесят один человек госпитализирован, — ответил Дануорти.

— Восемьдесят два, — поправил Колин с подоконника.

— Но вирус уже идентифицировали, и вакцина скоро будет. Смертельных случаев пока нет.

— Однако есть куча бедолаг, которые наверня-

ка хотели справить Рождество дома, — возразил Эндрюс. — В общем, я позвоню с утра, когда выяснится, к какому часу смогу приехать.

— Хорошо! — прокричал Дануорти, перекрывая шум на фоне. — Буду ждать.

— Договорились.

Раздался новый взрыв хохота, затем тишина — он повесил трубку.

— Приедет? — спросил Колин.

— Да. Завтра. — Дануорти набрал номер Гилкриста.

Исполняющий обязанности декана с воинственным видом восседал за письменным столом.

— Мистер Дануорти, если вы опять насчет того, чтобы вытаскивать мисс Энгл…

«Если бы это было в моих силах», — подумал Дануорти. Неужели Гилкрист действительно не догадывается, что Киврин давно ушла с переброски, и, даже открыв сеть, они ее там не обнаружат?

— Нет. Я нашел оператора, который может прочитать привязку.

— Мистер Дануорти, смею напомнить…

— Да, я целиком и полностью сознаю, что это ваша переброска, — стараясь держать себя в

руках, ответил Дануорти. — Я просто пытаюсь помочь. Поскольку на каникулах оператора в университете отыскать проблематично, я вызвонил его из Ридинга. Он может приехать завтра.

Гилкрист неодобрительно поджал губы.

— Никаких поисков не понадобилось бы в принципе, если бы ваш оператор не заболел… Ладно, раз уж заболел, то ничего не попишешь. Пусть доложится мне сразу по прибытии.

Усилием воли Дануорти заставил себя вежливо попрощаться, но как только экран погас, в сердцах обрушил трубку на рычаг. Подняв ее снова, он принялся набирать номер. Он отыщет Бейсингейма, даже если на это уйдет весь день.

Компьютерный голос снова завел свою шарманку про занятые линии. Дануорти положил трубку и уставился на темный экран.

— Кто-то еще должен позвонить? — спросил Колин.

— Нет.

— Тогда можно мы сходим в лечебницу? У меня подарок для бабушки Мэри.

«А я поговорю насчет пропуска в карантин для Эндрюса».

— Отлично. Шарф не забудь.

Колин запихнул его в карман куртки.

— Надену, когда войдем, — ухмыльнулся он. — А то меня кто-нибудь в нем по дороге увидит.

Видеть его было некому. Улицы опустели полностью, даже велосипеды и такси исчезли. Дануорти вспомнил слова викария о том, что эпидемия разгоняет людей по домам. Либо эпидемия, либо карильон на Карфаксе, вызванивающий «Колядку колокольчиков», которая разносилась громким бренчанием по пустым улицам. А может, все отсыпаются после сытного рождественского обеда. Или не понимают, зачем вылезать под дождь.

До самой лечебницы им никто не встретился. Перед приемным покоем стояла в клетчатом дождевике женщина с транспарантом: «НЕТ ИНОСТРАННОЙ ЗАРАЗЕ!» Мужчина в медицинской маске, придерживая перед входящими дверь, вручил Дануорти отсыревшую листовку.

Дануорти взглянул на нее только после того, как спросил в регистратуре, где Мэри. Наверху жирными буквами значилось:

«НЕ СДАВАЙТЕСЬ ГРИППУ! ГОЛОСУЙТЕ ЗА ОТДЕЛЕНИЕ ОТ ЕС!» Дальше шел текст: «Почему вас разлучили с близкими на Рождество? Почему вы не можете выехать из Оксфорда? Почему вам грозит опасность заразиться или УМЕРЕТЬ?

Потому что ЕС впускает в Англию заразных иностранцев, а Англия беспрекословно их принимает. Индийский иммигрант, принесший нам смертельно опасный вирус…»

Дальше Дануорти читать не стал. На обороте красовался лозунг: «ГОЛОСУЯ ЗА ОТДЕЛЕНИЕ, МЫ ГОЛОСУЕМ ЗА ЗДОРОВЬЕ! Комитет борьбы за независимость Великобритании».

Вошла Мэри, и Колин поспешно обмотал шею выхваченным из кармана шарфом.

— С Рождеством! Спасибо за шарф! Хлопнуть тебе хлопушку?

— Да, давай. — Мэри совсем забегалась. На ней был тот же лабораторный халат, что и два дня назад. Кто-то приколол к отвороту веточку остролиста.

Колин хлопнул.

— Вот, надевай. — Он развернул синюю бумажную корону.

— Ты хоть чуть-чуть отдохнула? — спросил Дануорти.

— Немного, — ответила Мэри, нахлобучивая корону на немытую седую голову. — С полудня поступило еще тридцать человек. Я все пытаюсь затребовать секвенирование из центра по гриппу, но линии заняты наглухо.

— Знаю. Можно мне к Бадри?

— Только на пару минут. — Мэри нахмурилась. — Синтомицин на него не действует, и на тех двоих с танцев в Хедингтоне тоже. Мисс Брин немного получше. — Она еще сильнее сдвинула брови. — Не нравится мне это. Тебе уже сделали прививку?

— Нет еще. А Колину — да.

— И она жутко болючая. — Мальчик вытянул из хлопушки бумажную полоску. — Загадку прочитать?

Мэри кивнула.

— Мне нужно завтра провести на карантинную территорию оператора, чтобы он расшифровал привязку, — сказал Дануорти. — Что для этого требуется?

— Да вроде ничего, насколько я знаю. Кордон работает на выезд, а не на въезд.

Регистрационная сестра отозвала Мэри в сторону и начала ей что-то настойчиво шептать.

— Мне надо идти. А ты не уходи, пока не сделаешь прививку. Спустись потом сюда, когда зайдешь к Бадри. Колин, жди мистера Дануорти здесь.

Дануорти поднялся в инфекционное. За стойкой никого не было, поэтому он сам облачился в

комплект СЗК, вовремя вспомнив, что перчатки надо надевать в последнюю очередь, и прошел внутрь.

Симпатичная медсестра, которая так интересовалась Уильямом, мерила Бадри пульс, не сводя глаз с экранов. Дануорти встал в изножье койки.

Хоть Мэри и предупреждала, что лекарства не действуют, вид Бадри ужаснул профессора не на шутку. Лицо больного снова потемнело от жара, а синяки под глазами будто и впрямь кто-то поставил в драке. Правая рука висела на замысловатой конструкции и на сгибе локтя тоже расплылась иссиня-багровым. Другая рука была еще хуже — все предплечье баклажанного цвета.

— Бадри!

Сестра покачала головой.

— Только на секундочку, не больше, — предупредила она.

Дануорти кивнул.

Уложив безвольную руку Бадри вдоль тела, сестра что-то набрала на клавиатуре и вышла.

Дануорти сел рядом с койкой и посмотрел на экраны. Все по-прежнему: непонятные сокращения, графики, бегущие ломаные линии и цифры, которые ничего ему не говорили. Он перевел взгляд на измученного, будто через мясорубку

пропущенного Бадри, и поднялся, похлопав его на прощание по руке.

— Крысы виноваты… — пробормотал вдруг Бадри.

— Бадри! — вполголоса позвал профессор. — Это мистер Дануорти.

— Мистер Дануорти, — безучастно повторил Бадри, не открывая глаз. — Я умираю, да?

— Нет, конечно, нет! — заверил его Дануорти, холодея. — С чего ты взял?

— Она не оставляет живых.

— Кто — она?

Бадри не ответил. Дануорти посидел с ним до прихода медсестры, но больше ничего не услышал.

— Ему нужно отдыхать, — сказала сестра.

— Да, знаю.

Уже в дверях он снова оглянулся на Бадри.

— Она всех погубила. Половину Европы, — пробормотал тот.

Спустившись, Дануорти обнаружил у регистратуры Колина, который рассказывал дежурной про рождественские подарки.

— Мамины не доехали из-за карантина. Почтальон не пропустил.

Дануорти спросил дежурную насчет Т-клеточ-

ного наращивания, и та кивнула: «Секундочку подождите, сейчас сделаем».

Они сели. «Она всех убила. Половину Европы», — повторил про себя Дануорти.

— А я так и не прочитал загадку, — вспомнил Колин. — Хотите, вам прочитаю? «Где был Санта-Клаус, когда погас свет?» — Он выжидающе посмотрел на Дануорти. Тот покачал головой. — «В темноте».

Колин вытащил из кармана леденец, развернул и сунул за щеку.

— Опять переживаете за свою девушку?

— Да.

Колин свернул обертку от леденца в крохотный конвертик.

— Я вот чего не понимаю: почему вы не можете ее забрать?

— Ее там нет. Надо ждать стыковки.

— Нет, я имею в виду, почему вы не можете отправиться в тот же момент, в который ее отправили, и забрать ее, пока она еще там? Пока ничего не случилось? Вам же все равно, в какой момент перемещаться?

— Нет, — ответил Дануорти. — Послать историка можно в любой момент, ты прав, но когда он уже там, сеть действует только в реальном

времени. Вы в школе парадоксы проходили?

— Да, — ответил Колин без особой уверенности. — Это типа законов для путешествий во времени?

— Пространственно-временной континуум не допускает парадоксов, — объяснил Дануорти. — То есть он не даст Киврин совершить что-то такое, чего не случалось, или вызвать анахронизм.

Колин смотрел непонимающе.

— Человек не может быть одновременно в двух местах — иначе это тоже парадокс. Киврин в прошлом уже четыре дня. И теперь это не изменишь.

— А как же она тогда вернется?

— Когда она переместилась, оператор сделал такую штуку, называется «привязка». Во-первых, по ней ясно, где именно находится переброшенный, а во-вторых, она служит чем-то вроде… — Дануорти поискал подходящее сравнение. — Вроде перемычки. Соединяет два времени, чтобы сеть можно было открыть в нужный момент и забрать путешественника.

— То есть вроде «встретимся у церкви в полседьмого»?

— Именно. Это называется стыковка. У Киврин она через две недели. Двадцать восьмого декаб-

ря. В этот день оператор откроет сеть, и Киврин вернется обратно.

— Вы же вроде говорили, там такое же время? Почему тогда двадцать восьмое через две недели?

— В Средние века использовали другой календарь. Пока там еще только семнадцатое. По нашему календарю она придет на стыковку шестого января. — «Если она в правильном времени. Если я найду оператора, который откроет сеть».

Колин задумчиво уставился на извлеченный из-за щеки леденец. Тот своим синим в белую крапинку оттенком напоминал лунную карту. Мальчик засунул его обратно в рот.

— Значит, если я отправлюсь в 1320 год двадцать шестого декабря, у меня будут два Рождества?

— Да, получается так.

— Апокалиптично… — восхитился Колин. Он развернул обертку от леденца и свернул ее заново в еще более крошечный конвертик. — Кажется, они тут про вас забыли.

— Похоже.

Увидев проходящего мимо штатного врача, Дануорти остановил его и сказал, что ждет Т-клеточного наращивания.

— Да? — удивился врач. — Сейчас выясню. — Он скрылся в приемном покое.

Они с Колином остались ждать. «Крысы виноваты», — снова вспомнил Дануорти. А в первую ночь Бадри спрашивал, какой сейчас год. Но ведь он сам сказал, что сдвиг минимальный. И что стажер не ошибся в расчетах.

Колин вытащил леденец и повертел в пальцах, изучая, как изменился цвет.

— А если что-нибудь страшное случится, нельзя нарушить правила? — спросил он, щурясь на леденец. — Если ей руку отрубят, или она умрет, или подорвется на бомбе?

— Это не правила, Колин, это физические законы. Их нельзя нарушить при всем желании. Если мы попытаемся изменить то, что уже произошло, сеть не откроется.

Колин выплюнул леденец в обертку и осторожно закрутил края.

— Я думаю, что с вашей девушкой все в порядке. — Сунув завернутый леденец в карман куртки, он вытащил комковатый пакет. — Ой, забыл бабушке Мэри подарок отдать.

Вскочив, мальчик кинулся в приемный покой, прежде чем Дануорти успел его остановить, но у двери резко развернулся и помчался обратно.

— Нам кранты! Там миссис Гадость! Идет сюда.

Дануорти встал.

— Только ее здесь не хватало.

— Пойдемте, — позвал Колин. — Я первый раз сюда через заднюю дверь входил. — Он рванул в противоположном от входа направлении. — За мной!

Дануорти не мог припустить бегом, поэтому поспешил за Колином быстрым шагом по лабиринту из коридоров. Через служебный вход они вышли в переулок. Там под дождем стоял человек-бутерброд с плакатами на груди и на спине. «НАШИ СТРАХИ УЖЕ СБЫЛИСЬ», — на редкость точно подмечали лозунги.

— Пойду проверю обстановку, — сказал Колин, бросаясь за угол к главному входу.

Мужчина вручил Дануорти листовку. «КОНЕЦ СВЕТА БЛИЗОК!» — возвещала она крупными буквами. И дальше помельче: «Убойтесь Бога, ибо наступил час суда Его. Откр. 14:7».

Колин помахал Дануорти из-за угла.

— Путь свободен, — слегка запыхавшись, объявил мальчик. — Она внутри, ругается на дежурную.

Дануорти отдал листовку обратно и пошел за Колином, который вел его через переулок на

Вудсток-роуд. По дороге профессор тревожно оглянулся на вход в приемный покой, но там никого не было, даже пикетчики с плакатами за отделение от ЕС пропали.

Колин пробежал еще квартал, потом перешел на шаг. Вытащив из кармана пачку мыльных пастилок, он предложил одну Дануорти.

Тот отказался.

Тогда Колин сунул в рот розовую и промычал, жуя:

— Лучшее Рождество в моей жизни!

Дануорти размышлял над этим признанием несколько кварталов. Карильон терзал уши гимном «Той зимой морозной», тоже на редкость подходящим, и на улицах по-прежнему не было ни души, однако, свернув на Брод-стрит, они увидели одинокого прохожего, который, ссутулившись под дождем, торопился им навстречу.

— Это мистер Финч, — определил Колин.

— Господи! — содрогнулся Дануорти. — Что у нас еще закончилось?

— Надеюсь, брюссельская капуста.

При звуке знакомых голосов Финч поднял голову.

— Вы здесь, мистер Дануорти, какая удача! Я вас везде ищу.

— Что случилось? Я обещал мисс Тейлор что-нибудь придумать насчет репетиционной.

— Нет, сэр, я не за этим. Карантинные. Двое карантинных заболели.

Запись из «Книги Страшного суда»

(082631-084122)

21 декабря 1320 года (по старому стилю). Отец Рош не знает, где переброска. Я добилась, чтобы он отвел меня туда, где его встретил Гэвин, но даже там, на поляне, в памяти ничего не щелкнуло. Судя по всему, с Гэвином они столкнулись уже достаточно далеко от переброски, а к тому моменту у меня уже все перемешалось в голове.

Я поняла сегодня, что самой мне переброску не найти. Лес огромный, в нем уйма полян с дубами и ивняком, которые под снегом все «на одно лицо». Следовало оставить еще какую-нибудь примету, кроме ларчика.

Нужно дождаться Гэвина, чтобы он показал мне ту поляну. Розамунда говорит, что до Курси езды полдня, но он там скорее всего заночует из-за дождя.

Дождь льет не переставая с самого нашего возвращения. Мне бы радоваться — снег сойдет, — но

из-за непогоды нельзя поехать поискать переброску, и в господском доме стоит собачий холод. Все кутаются в плащи и жмутся к огню.

Как справляются крестьяне, не представляю. Их лачуги продуваются насквозь, а в той, куда я заходила, даже одеяла не наблюдалось. Наверное, промерзли в прямом смысле до костей. А мажордом, по словам Розамунды, предрекает дождь до самого Рождества.

Розамунда извинилась за свое поведение во время поездки. «Я злилась на сестру», — сказала она.

Агнес, конечно, тут ни при чем, Розамунду расстраивает приезд жениха. Я улучила минутку с ней наедине и спросила напрямую, как она относится к предстоящему замужеству.

— Такова воля отца, — сказала она, вдевая нитку в иголку. — Нас обручили в Мартинов день[21]. Поженят на Пасху.

— С твоего согласия? — уточнила я.

— Это хорошая партия. Сэр Блуэт — важная птица, и его земли примыкают к отцовским.

— Он тебе нравится?

Девочка с силой воткнула иголку в растянутое

---

[21] Примечания: 1.21
День святого Мартина — 11 ноября.

на пяльцах полотно.

— Отец не пожелает мне худого и не даст меня в обиду, — ответила она, протягивая длинную нитку.

Больше она ничего не сказала, а от Агнес я добилась только того, что сэр Блуэт хороший и подарил ей серебряную монетку — очевидно, в числе прочих гостинцев на помолвку.

Агнес было не до разговоров, ее донимало больное колено. Полдороги она хныкала и жаловалась, а во дворе принялась нарочито прихрамывать. Я сперва думала, она просто притворяется, чтобы ее пожалели, но когда осмотрела колено, увидела, что корочка содрана полностью. Вокруг все распухло и покраснело.

Я промыла ссадину, замотала самой чистой тканью, которую только смогла найти (боюсь, это какой-нибудь чепец Имейн — отыскала его в сундуке у изножья кровати), а потом усадила Агнес тихо играть со своим деревянным рыцарем у огня. Но мне все равно тревожно. Если попадет инфекция, дело плохо. В XIV веке еще не придумали антибиотиков.

Эливис тоже не находит себе места. Она явно ждала Гэвина обратно еще сегодня, поэтому весь день простаивает в сенях, выглядывая во двор.

Я пока не пойму, как она относится к Гэвину. Иногда, как сегодня, мне кажется, что она его любит и боится последствий для них обоих. В глазах церкви прелюбодеяние — смертный грех, так что опасность велика. Хотя в основном у меня впечатление, что «амуры» Гэвина совершенно безответны, и Эливис настолько поглощена тревогами за супруга, что обожателя просто не замечает.

Дама сердца в рыцарских романах всегда образец чистоты и неприступности, но Гэвин, как я понимаю, тоже не ведает, любит его Эливис или нет. Меня он спасал и на разбойников охотился только затем, чтобы произвести на нее впечатление (и произвел бы, будь там на самом деле двадцать головорезов с мечами, секирами и булавами). Он пойдет на все, чтобы покорить ее сердце. Леди Имейн это прекрасно видит. Поэтому, думаю, и отослала его в Курси.

Глава восемнадцатая

К их возвращению в Баллиол слегли еще двое карантинных. Дануорти отправил Колина спать, а сам помог Финчу уложить больных в постель и позвонил в лечебницу.

— Все «Скорые» на вызовах, — сообщила дежурная. — Как только освободится, пришлем.

«Как только» получилось в полночь. До кровати Дануорти добрался во втором часу.

Колин спал на принесенной Финчем раскладушке, сунув под голову «Век рыцарства». Дануорти хотел вытащить книгу, но побоялся разбудить мальчика.

Он улегся в постель. Киврин не могла угодить в чуму. Бадри говорит, сдвиг минимальный, а чума добралась до Англии только к 1348 году. Киврин отправляли в 1320-й.

Дануорти повернулся на бок и решительно закрыл глаза. Не может она попасть в чумные времена. Бадри бредит. Он много чего бормотал непонятного — про крышки и про разбитый фарфор, теперь вот про крыс. Все невпопад. Это жар, воспаленный бред. Или когда он что-то там откатывал. И передавал воображаемые записки.

«Крысы виноваты», — так сказал Бадри. Современники не догадывались, что чуму разносят крысиные блохи, не понимали, откуда она берется. Ополчались на всех подряд — на евреев, на ведьм и полоумных. Убивали юродивых и вешали старух. Сжигали пришлых на костре.

Встав с постели, Дануорти прошлепал в гостиную и, на цыпочках подойдя к Колину, вытащил у него из-под уха «Век рыцарства». Мальчик заворочался, но не проснулся.

Профессор присел на подоконник и отыскал главу про чуму. «Черный мор» начался в Китае в 1333 году, потом на торговых кораблях переправился в сицилийскую Мессину, а оттуда в Пизу. Эпидемия распространилась по всей Италии и Франции, истребив восемьдесят тысяч человек в Сиене, сто тысяч во Флоренции, триста тысяч в Риме — прежде чем перебраться через Ла-Манш. В Англию она проникла в 1348 году «незадолго до дня Иоанна Крестителя» — то есть двадцать четвертого июня.

Тогда сдвиг должен составлять двадцать восемь лет. Бадри, конечно, беспокоился, что сдвиг получится большой, однако он говорил о неделях, не о годах.

Дануорти, перегнувшись через раскладушку,

взял из книжного шкафа «Пандемии» Фицуиллера.

— Что вы делаете? — пробормотал Колин сквозь сон.

— Читаю про чуму, — ответил Дануорти шепотом. — Спи.

— Они ее не так называли, — катая во рту леденец, промычал Колин. Перевернувшись, мальчик укутался поплотнее одеялом. — Они говорили «синяя хворь».

Дануорти забрал обе книги с собой в постель. Фицуиллер вел отсчет эпидемии чумы в Англии с Петрова дня (двадцать девятого июня) 1348 года. В Оксфорд она пришла в декабре, в Лондон — в октябре 1349 года, потом распространилась на север и обратно через Ла-Манш в Нидерланды и Норвегию. Охватила всю Европу, кроме Богемии и Польши, установивших карантин, и, как ни странно, некоторых районов Шотландии.

Болезнь косила селения, как Ангел смерти, не оставляя после себя ни единой души. Некому было прочитать отходную или похоронить разлагающиеся трупы. Был монастырь, где из всех монахов в живых оставался только один.

Этот уцелевший, Джон Клин, оставил запись: «И дабы не утратилось со временем и не запа-

мятовали грядущие в мир опосля нас то, что надлежит помнить, я, узревший столько невзгод и целый свет в руце Антихриста, сам оказавшись будто среди мертвых и пребывая на пороге смерти, доверяю пергаменту все, чему сподобился стать свидетелем».

Он записал все, как истинный историк, а потом скончался — в полном одиночестве. Строки обрываются на полуфразе, и под ними уже другим почерком приписано: «Автор, видимо, умер».

В дверь постучали. На пороге стоял Финч — в купальном халате, осоловелый и растерянный.

— Еще одна из карантинных, сэр, — сообщил он.

Дануорти, прижимая палец к губам, вышел к нему в коридор.

— Вы позвонили в лечебницу?

— Да, сэр. Говорят, «Скорую» смогут прислать только через несколько часов. Больную велели изолировать, дать димантадин и апельсиновый сок.

— Запасы которого у нас, разумеется, вышли, — нетерпеливо закончил Дануорти.

— Да, сэр, но дело не в этом. С ней никакого слада.

Попросив Финча подождать в коридоре, Дануор-

ти оделся, отыскал маску и отправился в Сальвин. Около двери столпились кучкой карантинные, в одеялах и пальто поверх разномастной нижней одежды. Маски виднелись лишь у единиц. «До послезавтра они все окажутся на больничной койке», — подумал Дануорти.

— Слава богу! — обрадовался при виде него один из карантинных. — Мы с ней ничего не можем поделать.

Финч проводил Дануорти к кровати, на которой сидела пожилая женщина с жидкими седыми волосами. В глазах у нее чувствовался тот же лихорадочный блеск, а в движениях — та же судорожность, что и у Бадри в первый день.

— Уходи! — Она замахнулась на Финча, пытаясь залепить ему пощечину, а потом обратила невидящий горящий взгляд на Дануорти. — Папуля! — захныкала она, кривя нижнюю губу. — Я плохо слушалась. Я объелась именинным тортом, и у меня теперь животик болит.

— Видите, сэр? — спросил Финч.

— Индейцы не прискачут, папочка? — продолжала старушка. — Я боюсь индейцев. У них луки со стрелами.

Только к утру ее удалось перевести на раскладушку в лекционной аудитории. Дануорти

пришлось в конце концов попросить ее «быть умницей, угомониться и не огорчать папочку». Только больную утихомирили, как приехала «Скорая».

— Папуля! — вопила старушка в закрывающиеся дверцы машины. — Не уходи!

— Ох, боже… — простонал Финч, когда «Скорая» отъехала. — Завтрак уже давно остыл. Надеюсь, они там не весь бекон доели.

Он отправился нормировать выдачу, а Дануорти поднялся к себе — ждать звонка от Эндрюса. На лестнице ему встретился Колин, который натягивал куртку, дожевывая тост.

— Викарий попросил собрать одежду для карантинных, — проговорил мальчишка с набитым ртом. — И бабушка Мэри звонила. Просила вас перезвонить.

— А Эндрюс?

— Нет.

— Изображение включили?

— Нет.

— Маску не забудь надеть! — крикнул Дануорти уже вдогонку. — И шарф!

Потом он позвонил Мэри и в нетерпении прождал минут пять, пока она шла к телефону.

— Джеймс? — раздался наконец в трубке ее

голос. — Я от Бадри. Он просит тебя.

— То есть ему лучше?

— Нет. Он весь горит, мечется, зовет тебя, говорит, у него что-то срочное и важное. Доводит себя до исступления. Может, если ты к нему придешь, успокоится немного.

— Он про чуму не упоминал?

— Про чуму? — оскорбилась Мэри. — Только не говори, Джеймс, что и ты проникся этими дурацкими слухами — про холеру, про костоломную лихорадку, про вторую Пандемию…

— Нет. Это Бадри. Вчера он сказал: «Она погубила половину Европы» и «крысы виноваты».

— Он бредит, Джеймс. У него жар. Не бери в голову.

«Она права. Карантинная старушка тоже несла бред про индейцев с луками и стрелами, ты же не кинулся смотреть, откуда скачут воины сиу. Старушка вообразила, что объелась тортом, а Бадри придумал себе чуму. Не бери в голову».

Тем не менее он пообещал прийти как можно скорее и пошел разыскивать Финча. Хоть Эндрюс и не уточнил, в какое время позвонит, Дануорти не мог оставить телефон без надзора. Жаль, что не догадался задержать Колина, пока разговаривал с Мэри.

Финч скорее всего в столовой, защищает грудью бекон. Сняв трубку, чтобы никто не дозвонился в его отсутствие, Дануорти пошел туда.

В дверях его встретила мисс Тейлор.

— А я как раз хотела вас искать. Говорят, ночью увезли кого-то из карантинных?

— Да, — оглядывая зал в поисках Финча, ответил Дануорти.

— Боже мой! Значит, мы все могли заразиться?

Финча нигде не было.

— Какой у вируса инкубационный период? — спросила мисс Тейлор.

— От двенадцати до сорока восьми часов. — Дануорти вытянул шею, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь поверх голов.

— Какой ужас! А вдруг кто-нибудь из нас свалится во время концерта? Мы ведь традиционные, а не Совет. В правилах все четко расписано.

Дануорти не понял, почему традиционность (знать бы еще, что имеется в виду) предполагает четкие правила на случай заражения звонаря гриппом.

— «Правило третье, — процитировала мисс Тейлор. — Ни при каких обстоятельствах нельзя выпускать веревку колокола». То есть мы не можем посреди концерта взять и заменить чело-

века, если он вдруг хлопнется без чувств. И ритм нарушится.

Дануорти представил, как звонарка в белых перчатках падает без чувств, и ее тут же выпихивают из круга, — чтобы ритм не нарушала.

— Неужели не бывает никаких тревожных симптомов? — не отставала мисс Тейлор.

— Нет.

— В той бумаге из Госздрава говорилось про дезориентацию, жар и головную боль. Чушь! Голова у нас постоянно болит от звона.

«Еще бы», — подумал Дануорти, оглядываясь в поисках Уильяма Гаддсона или кого-нибудь из студентов, чтобы посадить на телефон.

— Конечно, будь мы Советом, было бы не страшно. У них там исполнителей заменяют сплошь и рядом. Например, титтум в двенадцать колоколов они играли на девятнадцати. Девятнадцать! Это как называется?

Никого из студентов в столовой не наблюдалось, Финч не иначе как забаррикадировался в кладовой, а Колин где-то собирает одежду.

— Вам еще нужна репетиционная? — спросил Дануорти.

— Конечно! Если только и до нас вирус не доберется. Мы, правда, можем сыграть стедман, но

это ведь будет совсем не то…

— Я пущу вас к себе в гостиную, если обещаете отвечать на телефонные звонки и записывать сообщения. Должен позвонить межгород — то есть должны позвонить из другого города, поэтому нужно, чтобы в комнате все время кто-то был.

Дануорти проводил мисс Тейлор к себе.

— Ох, тесновато тут. Не размахнешься. Можно мы слегка подвинем мебель?

— Делайте что хотите, главное — подходите к телефону и записывайте, что передать. Должен позвонить мистер Эндрюс. Скажите, что ему не нужен пропуск для въезда в карантин. Пусть отправляется прямиком в Брэйзноуз, я его там встречу.

— Ладно, думаю, сойдет, — сделала одолжение мисс Тейлор. — Все лучше, чем в столовой на сквозняке.

Он оставил ее передвигать мебель, начиная, впрочем, сомневаться, что поступил правильно, доверив мисс Тейлор телефон, а сам поспешил к Бадри. Зачем-то ведь он его звал. «Она погубила всех. Половину Европы».

Дождь стих, превратившись в мелкую морось, и перед входом в лечебницу толпились пикетчики. Теперь к ним добавились мальчишки возраста

Колина, которые, заклеив лицо черным, кричали: «Отпусти народ мой!»

Один из них ухватил Дануорти за руку.

— Правительство не имеет права удерживать вас здесь насильно, — заявил он прямо в медицинскую маску Дануорти.

— Не валяй дурака! — ответил профессор. — Хочешь устроить вторую Пандемию?

Мальчишка озадаченно отпустил его руку, и Дануорти скрылся за дверью лечебницы.

Приемный покой был забит больными на каталках, один стоял на ногах у лифта. Над ним нависала дородная медсестра в необъятном СЗК, зачитывая что-то из обернутой в полиэтилен книги.

— Вспомни же, погибал ли кто невинный? — прогремела она, и Дануорти с ужасом осознал, что это не медсестра, а миссис Гаддсон. — И где праведные бывали искореняемы?

Сделав паузу, она принялась листать тонкие страницы в поисках еще какой-нибудь вдохновляющей цитаты, и Дануорти нырнул в боковой коридор, а оттуда на лестницу, безмерно благодарный Госздраву за маски.

— Поразит тебя Господь чахлостью, — неслось вдогонку ему по коридору, — горячкою, лихорад-

кою, воспалением…

«И нашлет он на тебя миссис Гаддсон, — мысленно продолжил Дануорти, — и будет она читать тебе Библию, дабы поднять дух твой».

Он вступил в инфекционное отделение, которое теперь, судя по всему, разрослось на весь второй этаж.

— А вот и вы! — приветствовала его сестра. Снова дежурила та симпатичная практикантка-блондинка. Может, предупредить ее насчет миссис Гаддсон? — Я уже решила, что вы не придете. Он вас все утро зовет.

Она вручила ему комплект СЗК, и Дануорти, облачившись, проследовал за ней в палату.

— Полчаса назад он вовсю к вам рвался, — прошептала сестра. — Твердил, что должен с вами поговорить. Сейчас получше.

Бадри действительно выглядел получше. Лихорадочный темный румянец спал, и хотя оливковая кожа казалась чуть бледнее обычного, в целом Бадри уже напоминал себя прежнего. Он полусидел, опираясь на подушки и уложив кисти рук со скрюченными пальцами на согнутые колени. Глаза при этом были закрыты.

— Бадри! — позвала сестра, касаясь его рукой в резиновой перчатке. — Мистер Дануорти при-

шел.

Он открыл глаза.

— Мистер Дануорти?

— Да. — Она показала кивком головы. — Я ведь говорила, что он придет.

Бадри выпрямил спину, но на Дануорти не взглянул. Он пристально всматривался в пространство перед собой.

— Я здесь, Бадри, — встав в поле зрения больного, сказал Дануорти. — Что ты мне хотел сказать?

Бадри все так же не отрываясь смотрел вперед и беспокойно перебирал скрюченными пальцами. Дануорти вопросительно оглянулся на медсестру.

— Он уже давно так. По-моему, печатает.

Поглядев на экраны, девушка вышла.

Бадри действительно печатал. Свесив кисти с колен, он набирал на одеяле что-то замысловатое, сверля взглядом пространство — воображаемый монитор? «Нет, не может быть», — нахмурившись, пробормотал он и снова забарабанил пальцами.

— Что такое, Бадри? В чем дело?

— Наверное, ошибка. — Склонившись чуть влево, он скомандовал: «Построчный по ТАА, пожалуйста».

Это он в микрофон терминала говорит, догадался Дануорти. Читает привязку.

— Что не может быть, Бадри? Что не так?

— Сдвиг. — Не сводя глаз с воображаемого экрана, откликнулся Бадри. — Проверка данных… — произнес он в «микрофон». — Нет, не может быть.

— Что со сдвигом? Слишком большой, больше ожидаемого?

Набрав что-то, Бадри подождал, глядя на экран, потом снова лихорадочно забарабанил пальцами.

— Бадри, какой там сдвиг?

Он печатал примерно с минуту, затем поднял голову и взглянул на Дануорти.

— Столько тревог, — протянул он задумчиво.

— Каких тревог, Бадри? О чем?

Больной внезапно откинул одеяло и ухватился за спинку кровати, потом со словами «Надо найти мистера Дануорти!» стал срывать пластырь, удерживающий катетер.

Экраны на стене словно взбесились, отчаянно пища и мигая. Где-то в коридоре послышался сигнал тревоги.

— Не надо, — попытался остановить больного Дануорти.

— Он в пабе, — отклеивая пластырь, заявил Бадри.

Пляшущие линии на экранах выпрямились. «Разъединение, — сообщил компьютерный голос. — Разъединение».

В палату влетела сестра.

— Ох, мамочки, он уже в третий раз так… Мистер Чаудри, нельзя этого делать. Вы же выдернете катетер.

— Позовите мистера Дануорти, срочно! Дело плохо. — Однако он покорно улегся обратно под одеяло.

Дануорти подождал, пока сестра замотает пластырем катетер и перезагрузит экраны. Бадри стал вялым и апатичным, словно ему все наскучило. Под катетером уже расплывался новый синяк.

— Пожалуй, попрошу выписать успокоительное, — сказала сестра и вышла.

— Бадри, это мистер Дануорти, — обратился профессор к больному, как только она скрылась в коридоре. — Ты хотел мне что-то сказать. Посмотри на меня! Что случилось? Что не так?

Бадри безучастно скользнул по нему взглядом.

— Слишком большой сдвиг, да, Бадри? Киврин попала во времена чумы?

— Некогда, — ответил Бадри. — Я там был в субботу и в воскресенье. — Он снова принялся печатать, беспокойно барабаня пальцами по одеялу. — Что-то не так.

Вошла сестра с баллоном для капельницы.

— Вот, хорошо. — Бадри посветлел лицом, будто все тревоги развеялись. — Не знаю, как так вышло. Голова раскалывалась.

Сестра еще не успела закрепить баллон на штативе, как Бадри уже закрыл глаза и начал посапывать. Девушка вывела Дануорти в коридор.

— Если он проснется и снова будет вас звать, как вас найти?

Профессор дал ей номер телефона и принялся выпутываться из бумажного халата.

— Что именно он говорил? До того, как я пришел?

— Звал вас, твердил, что нужно непременно вас отыскать и что-то важное сообщить.

— А про крыс? Крыс упоминал?

— Нет. Один раз сказал, что необходимо найти Карен… Или Кэтрин…

— Киврин.

— Да, — кивнула сестра. — «Надо найти Киврин. Лаборатория открыта?» Потом что-то еще добавил про ягненка, а про крыс нет, ничего. Но

это только из того, что удалось разобрать.

Дануорти отправил резиновые перчатки в мусорный мешок.

— Пожалуйста, записывайте все, что он говорит. Неразборчивое не надо, — предупреждая возражения, уточнил он, — а остальное дословно. Я еще зайду сегодня.

— Хорошо, попробую. Хотя там в основном белиберда.

«Да, в основном белиберда», — подумал Дануорти, спускаясь. Ничего не значащий бред воспаленного сознания. Тем не менее он вызвал такси, чтобы поскорее добраться до Баллиола и оттуда еще раз позвонить Эндрюсу. Пусть приедет и прочитает привязку.

«Не может быть», — сказал Бадри. Наверняка он имел в виду сдвиг, что же еще? Например, перепутал цифру, принял четыре часа за… За четыре года? За двадцать восемь?

— Вы пешком быстрее дойдете, — произнес кто-то из-под руки. Это оказался мальчишка с черной маской-нашлепкой на лице. — Такси до конца света будете ждать. Они все реквизированы продажными властями. — Взмахом руки он показал на вход в приемный покой, куда как раз подъезжало такси с табличкой Госздрава в

боковом окне.

Поблагодарив мальчика, Дануорти отправился в Баллиол пешком. Снова зарядил дождь, и профессор спешил как мог, надеясь, что Эндрюс уже звонил и едет. «Срочно позовите мистера Дануорти, — просил Бадри. — Что-то не так». Он явно прокручивал по второму разу свои действия после прочтения привязки, когда примчался под дождем в «Ягненок и крест», твердя свое «что-то не так».

Через двор колледжа Дануорти почти бежал, опасаясь, что мисс Тейлор не услышит телефон в звоне колокольчиков. Однако в гостиной его ждала странная картина: звонарки в медицинских масках стояли кружком посреди комнаты, подняв сложенные домиком руки, будто в молитве, и по очереди, в полной тишине, опускали их вниз, одновременно приседая.

— Звонил служитель мистера Бейсингейма, — не прерывая загадочных приседаний, сообщила мисс Тейлор. — Вроде бы мистер Бейсингейм где-то в шотландских горах. А мистер Эндрюс просил перезвонить — вот буквально только что.

Дануорти, чувствуя, как отлегло от сердца, набрал межгород и принялся наблюдать за странными ритуальными плясками, пытаясь выявить

закономерность. Если в приседаниях мисс Тейлор еще угадывался какой-то ритм, то остальные выдавали свои непонятные реверансы без складу и ладу. Самая крупная, кажется, мисс Пьянтини, сосредоточенно сдвинув брови, считала про себя.

Тем временем Эндрюс наконец отозвался.

— Я узнал, вас пропустят в карантинную зону, — сообщил ему Дануорти. — Когда вы приедете?

— Я как раз насчет этого, сэр. — Картинка на экране мельтешила, трудно было разобрать выражение лица. — Знаете, лучше не надо. Я тут посмотрел по визику про карантин, говорят, с этим индийским гриппом шутки плохи.

— Вам не придется контактировать ни с кем из больных, — заверил Дануорти. — Я устрою, чтобы вас сразу направили в лабораторию Брэйзноуза. Бояться нечего. А дело безотлагательное.

— Да, сэр. Визионщики говорят, что причиной болезни могла послужить университетская система отопления.

— Система отопления? — опешил Дануорти. — Откуда, если общеуниверситетской системы нет как таковой, а в колледжах батареям по сотне лет с хвостом и они даже не греют, куда там распространять инфекцию? — Звонарки разом обернулись, но приседать не перестали. — Отоп-

ление тут ни при чем. Равно как и Индия, и гнев господень. Вирус принесли из Южной Каролины. Вакцина скоро будет. Бояться нечего.

— Все равно, сэр, — не сдавался Эндрюс. — По-моему, мне лучше не приезжать.

Звонарки резко остановились. «Простите», — сказала мисс Пьянтини, и они начали заново.

— Но привязку нужно прочитать! У нас историк в 1320 году, и мы не знаем, какой получился сдвиг. Я договорюсь, чтобы вам надбавили за вредность, — предложил Дануорти, тут же сообразив, что промахнулся. — Договорюсь, чтобы вас изолировали, выдали защитный костюм или…

— Я могу прочитать привязку отсюда, — сказал Эндрюс. — У меня есть подруга, которая установит доступ. Она живет в Шрусбери, студентка. — Он помолчал. — Больше никак, простите.

— Простите, — вторила ему мисс Пьянтини.

— Нет-нет, вы вступаете вторым номером, — разъяснила ей мисс Тейлор. — Чередуете второй-третий вверх-вниз, потом третий-четвертый вниз, потом первой на полный удар. И смотрите на остальных, а не в пол. Раз-два-и-и-и! — Замысловатый менуэт возобновился.

— Я просто не могу рисковать, — закончил Эндрюс.

Похоже, переубедить его не удастся.

— Как зовут вашу подругу из Шрусбери? — спросил Дануорти.

— Полли Уилсон, — с явным облегчением ответил Эндрюс и продиктовал номер. — Скажите, что вам нужно удаленное прочтение, запрос и сетевой мост. Я буду по этому телефону. — Он собрался вешать трубку.

— Стойте! — выпалил Дануорти. Звонари укоризненно обернулись. — Какой может быть максимальный сдвиг на переброску в 1320 год?

— Даже не представляю, — без раздумий ответил Эндрюс. — Сдвиг сложно высчитать заранее. Там ведь уйма факторов.

— А если приблизительно? Двадцать восемь лет может быть?

— Лет?! — От его изумленного возгласа у Дануорти свалился камень с души. — Нет, вряд ли. Конечно, чем дальше отправляешься во времени, тем больше сдвиг, но он не в геометрической прогрессии растет. Точнее подскажет проверка параметров.

— Кафедра медиевистики ее не делала.

— Они отправили историка в прошлое без проверки параметров? — ужаснулся Эндрюс.

— Без проверки, без пробных переброс, без

контрольных тестов. Поэтому жизненно важно прочитать привязку. Мне необходима ваша помощь.

Эндрюс напрягся.

— Вам не обязательно приезжать, — поспешно добавил Дануорти. — У колледжа Иисуса есть локальная сеть в Лондоне. Съездите туда и сделайте проверку параметров на переброску в полдень 12 декабря 1320 года.

— А координаты местности?

— Не знаю. Получу, когда доберусь до Брэйзноуза. Пожалуйста, позвоните мне, как только установите максимальный сдвиг. Сможете?

— Да, — ответил Эндрюс, но без особой уверенности.

— Хорошо. А я позвоню Полли Уилсон. Удаленное прочтение, запрос на информационный доступ, сетевой мост. Дам знать, как только она все это обеспечит для Брэйзноуза. — Дануорти отключился, пока Эндрюс не передумал.

С трубкой в руках он посмотрел на звонарей. Порядок приседаний все время менялся, но мисс Пьянтини, кажется, больше не сбивалась.

Дануорти позвонил Полли Уилсон и продиктовал ей полученные от Эндрюса указания, размышляя, что делать, если она тоже насмот-

релась визика и испугается системы отопления в Брэйзноузе.

Однако Полли сказала только: «Поищу шлюз. Буду в колледже через сорок пять минут».

Оставив звонарей продолжать свои упражнения, Дануорти пошел в Брэйзноуз. Дождь снова сменился моросью, народ потихоньку выползал на улицу, хотя магазины по-прежнему стояли закрытые. Смотритель карильона в Карфаксе то ли свалился с гриппом, то ли из-за карантина просто позабыл про колокола. Карильон вызванивал «Жанетт, Изабелла» — а может, «О, танненбаум!»

Трое пикетчиков вышагивали у входа в индийскую бакалею. Еще полдюжины толпились у Брэйзноуза, растянув поперек дороги большой транспарант: «ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ — УГРОЗА ЗДОРОВЬЮ!» В крайней пикетчице Дануорти узнал санитарку из «Скорой».

Система отопления, Европейское сообщество, путешествия во времени… В Пандемию это были кондиционеры и американское биологическое оружие. А в Средние века во всем подозревались евреи и кометы. Когда станет известно, что вирус из Южной Каролины, народный гнев обрушится на Конфедерацию и жареные окорочка.

На стойке привратницкой по-прежнему красо-

валась елочка с ангелом на макушке.

— Ко мне должна приехать студентка из Шрусбери, чтобы наладить сетевое оборудование, — сообщил Дануорти сторожу. — Нам нужно пройти в лабораторию.

— Лаборатория под запретом, сэр.

— Под запретом?

— Да, сэр. Заперта, и никого не велено пускать.

— Почему? Что случилось?

— Из-за эпидемии, сэр.

— Эпидемии?!

— Да, сэр. Вам, наверное, лучше поговорить с мистером Гилкристом, сэр.

— Наверное. Передайте ему, что я здесь и мне нужно в лабораторию.

— Боюсь, его сейчас нет.

— А где он?

— В лечебнице, по-видимому. Он…

Дануорти не дослушал. На полдороге в лечебницу до него дошло, что Полли будет ждать у ворот, не зная, куда он подевался, а уже у входа в приемный покой осенила мысль, что Гилкрист мог попасть в больницу с гриппом.

«И поделом», — подумал Дануорти. Но Гилкрист, живой и здоровый, стоял в тесном зальчике ожидания, в марлевой маске и с закатанным

рукавом. Сестра собиралась делать ему укол.

— Ваш сторож говорит, что вход в лабораторию воспрещен, — вклиниваясь между ними, заявил Дануорти. — Мне нужно туда попасть. Я нашел оператора, который прочтет привязку Киврин.

Гилкрист приготовился к обороне.

— Мне казалось, что ваш оператор уже прочел привязку, до того как заболеть!

— Прочел, но не в состоянии сообщить, что в итоге получилось. Эндрюс согласился прочесть с удаленного доступа, однако нам необходимо подсоединить передатчик.

— Боюсь, это невозможно, — ответил Гилкрист. — Лаборатория на карантине, пока не будет выявлен источник вируса.

— Какой источник? — не поверил своим ушам Дануорти. — Ведь уже ясно, что вирус из Южной Каролины.

— Это доподлинно неизвестно, я жду подтверждения. А до тех пор считаю своим долгом избавить университет от лишнего риска, закрыв доступ в лабораторию. Прошу меня извинить, я здесь по делу, мне положено Т-клеточное наращивание. — Он шагнул к медсестре.

Дануорти преградил ему дорогу.

— Какого риска?

— Общественность опасается, что вирус мог проникнуть через сеть.

— Общественность? Вы имеете в виду тех трех недоумков с плакатом у ворот? — рассвирепел Дануорти.

— Пожалуйста, потише, мистер Дануорти, — вмешалась медсестра. — Здесь больница.

— Ваша «общественность», — не обращая на нее внимания, продолжал Дануорти, — требует заодно ужесточить иммиграционные законы. Что будете делать? Отделитесь от Сообщества?

Гилкрист вздернул подбородок, и жесткие носогубные складки обозначились даже под маской.

— Мой долг, как исполняющего обязанности главы исторического факультета, действовать в университетских интересах. Ссоры с горожанами, как вам должно быть известно, могут нам повредить. И я счел необходимым успокоить общественность, закрыв лабораторию до прибытия результатов секвенирования. Если подтвердится, что вирус из Южной Каролины, тогда, разумеется, лаборатория будет немедленно открыта.

— А Киврин? С ней что будет до выяснения?

— Если вы не перестанете кричать, — пригрозила сестра, — я пожалуюсь доктору Аренс.

— Отлично! — согласился Дануорти. — Ее и

позовите. Пусть разъяснит мистеру Гилкристу, какую чушь он несет. Вирус никак не мог проникнуть через сеть.

Медсестра возмущенно удалилась.

— Если ваши пикетчики не понимают элементарных законов физики, — кипятился Дануорти, — растолкуйте им хотя бы, что мы делали переброску в одну сторону. Сеть открывалась в 1320 год, а не из него. Из прошлого ничего просочиться не могло.

— Если так, то мисс Энгл ничего не грозит, и она спокойно подождет до результатов секвенирования.

— Ничего не грозит? Да вы даже не знаете, где она!

— Ваш оператор установил привязку, убедился, что перемещение состоялось и сдвиг минимальный, — возразил Гилкрист, раскатывая рукав и аккуратно застегивая манжет. — Я не сомневаюсь, что мисс Энгл именно там, где ей и предполагалось быть.

— А я сомневаюсь! И буду сомневаться, пока не удостоверюсь, что она благополучно туда прибыла.

— Видимо, придется вам напомнить, что мисс Энгл — моя студентка, а не ваша, мистер Дану-

орти. — Гилкрист надел пальто. — А я должен выбирать оптимальный выход.

— И оптимальный выход для вас — это закрыть лабораторию на карантин, чтобы умаслить горстку недоумков, — с горечью проговорил Дануорти. — Кстати, некоторые представители «общественности» считают эпидемию господней карой. Их каким образом предлагаете задабривать? Жечь мучеников на костре?

— Это оскорбление! Равно как и то, что вы постоянно вмешиваетесь не в свое дело. Вы с самого начала копали под медиевистику, чтобы не допустить нас к путешествиям во времени, а теперь вы копаете лично под меня. Не забывайте, что в отсутствие мистера Бейсингейма я исполняю обязанности главы факультета и…

— Невежественный, напыщенный остолоп, которому ни в коем случае нельзя было доверять кафедру, и жизнь Киврин тем более — вот кто вы!

— Не вижу смысла продолжать разговор, — заявил Гилкрист, выходя. — Лаборатория на карантине. И останется закрытой, пока не получим секвенирование.

Шагнув за Гилкристом, Дануорти чуть не столкнулся с Мэри, одетой в СЗК. Она читала таблицу.

— Ты не представляешь, что Гилкрист устроил. Поверил горстке пикетчиков, что вирус проник через сеть, и запер лабораторию.

Мэри молчала, уткнувшись взглядом в таблицу.

— Бадри утром сказал, что со сдвигом какая-то ошибка. Твердил «не может быть» и «что-то не так».

Мэри рассеянно посмотрела на него и снова уткнулась в распечатку.

— Я нашел оператора, который может удаленно прочитать привязку Киврин, а Гилкрист взял и все закрыл. Поговори с ним, разъясни, что вирус стопроцентно южнокаролинский.

— Не стопроцентно.

— В каком смысле? Результаты секвенирования пришли?

Мэри покачала головой.

— Центр по гриппу вызвал своего специалиста, но она еще не закончила. Хотя предварительные данные все равно показывают, что вирус не южнокаролинский. — Мэри подняла глаза. — Но я и без них уже знаю. Южнокаролинский не давал смертельных исходов.

— Ты хочешь сказать… Бадри?

— Нет. — Она сложила распечатку и прижала к

груди. — Беверли Брин.

Он не понял, кто это. Показалось на миг, что Мэри назовет Латимера.

— Женщина с фиалковым зонтом. Она только что скончалась.

Запись из «Книги Страшного суда»

(046381-054957)

22 декабря 1320 года (по старому стилю). Колено Агнес стало хуже. Покраснело и болит (мягко сказано — Агнес закатывает визг при любой попытке к нему притронуться). Бедняжка едва ходит. Что делать, непонятно — если я скажу леди Имейн, она примется мазать его какой-нибудь вонючей гадостью и сделает только хуже, а Эливис вся в тревоге и заботах.

Гэвин до сих пор не вернулся. Должен был приехать вчера к полудню, но когда он не появился и к вечерне, Эливис заподозрила, что Имейн услала его в Оксфорд.

— Всего лишь в Курси, — отбивалась леди Имейн. — Вероятно, дождь его задержал.

— И больше никуда? — Эливис заподозрила неладное. — Или еще бог весть в какие дали за новым капелланом?

Имейн выпрямилась.

— Отец Рош не сдюжит вести рождественскую службу перед сэром Блуэтом с домочадцами. Хочешь опозориться перед нареченным Розамунды?

Эливис побелела как полотно.

— Куда вы его услали?

— Я отправила его к епископу — изложить нашу крайнюю нужду в капеллане.

— В Бат?! — ужаснулась Эливис, взмахивая рукой. Казалось, она сейчас ударит Имейн.

— Нет. Всего лишь в Сисетер. Архидьякон должен быть в аббатстве на Святки. Я наказала Гэвину передать ему нашу просьбу, а уж он оттоле препоручит дело кому-нибудь из священников. Хотя, мнится мне, дела в Бате не столь уж худы, чтобы Гэвин не смог добраться до тех краев в целости и сохранности, иначе мой сын давно бы покинул город.

— Ваш сын разгневается, узнав, что мы его ослушались. Он наказал нам — и Гэвину — сидеть в поместье до его приезда.

Эливис едва сдерживала ярость, сжав опущенную руку в кулак, словно с наслаждением надрала бы Имейн уши, как Мейзри. Но при слове «Сисетер» немного успокоилась, судя по тому, как

зарозовели смертельно бледные скулы.

«Мнится мне, дела в Бате не столь худы, чтобы Гэвин не смог добраться туда в целости и сохранности», — сказала Имейн. Эливис, похоже, другого мнения. Боится, что Гэвин угодит в какую-нибудь ловушку или приведет сюда врагов лорда Гийома? И что все настолько «худо», что Гийом уже не может покинуть Бат?

Подозреваю, что все сразу. За утро Эливис раз десять подбегала к двери и вглядывалась вдаль сквозь пелену дождя, вся взвинченная, как Розамунда во время нашей вылазки. Только что спросила Имейн, доподлинно ли ей известно, что архидьякон в Сисетере. Очевидно, опасается, что, не застав его там, Гэвин мог податься прямиком в Бат.

Ее страхи передались остальным. Леди Имейн скрылась в укромном уголке с реликварием, Агнес хнычет, а Розамунда смотрит отсутствующим взглядом на свои пяльцы с вышивкой.

(Пауза.)

Днем потащила Агнес к отцу Рошу. Колено все хуже. Ходить она уже не может, и от ссадины вверх потянулась красная полоска.

В 1320 году лекарства от заражения крови еще не изобрели, а колено Агнес повредила исключи-

тельно по моей вине. Не кинься я на поиски той поляны, она бы не упала. Я понимаю, что закон парадоксов не позволит, чтобы мое присутствие как-то повлияло на судьбу современников, но рисковать не могу. Если уж на то пошло, я и сама не должна была заболеть, однако ведь заболела.

Поэтому, когда Имейн удалилась на чердак, я отнесла Агнес в церковь. Дождь лил как из ведра, но она даже не ныла, что промокла, и это меня напугало куда больше, чем красная полоска.

В церкви было темно и пахло плесенью. Изнутри доносился голос отца Роша. «Лорд Гийом еще не вернулся из Бата. Я опасаюсь за него», — говорил он кому-то.

Я подумала, что это Гэвин приехал, и решила послушать, вдруг он расскажет о суде, поэтому притаилась у порога, не спуская Агнес с рук.

— Два дня идет дождь, — продолжал отец Рош, — с запада дует сильный ветер. Овец пришлось загнать с полей.

С минуту я напряженно вглядывалась в темноту и, когда глаза чуть-чуть привыкли, наконец различила силуэт. Отец Рош стоял на коленях перед алтарной преградой, сложив руки в молитве.

— У мажордомова младенца колики, и он не принимает молока. Коттеру Таборду совсем худо.

Он молился не на латыни, не нараспев, как священник из реформистской церкви, и не ораторствуя, как викарий. Просто излагал события, как я сейчас.

В XIV веке Бог казался современникам ближе и роднее, осязаемее, чем материальный мир, их окружавший. «Ты просто вернешься домой», — успокаивал меня отец Рош, когда я умирала. Именно так современники, по идее, и воспринимали смерть: телесная жизнь иллюзорна и несущественна, а душа вечна, и лишь ее существование важно. Душа словно гостит на земле, как я гощу в этом времени. Однако подтверждений этому я не наблюдала. Эливис исправно бормочет «аве» на заутрене и вечерне, а потом встает, отряхивая юбку, в прежней тревоге за мужа, за дочерей и за Гэвина. А Имейн, с ее реликварием и часословом, озабочена только положением в обществе. И лишь теперь, услышав в сырых церковных стенах молитву отца Роша, я увидела, что Бог для него действительно где-то рядом.

Наверное, он представляет Господа и небеса так же четко и ясно, как я представляю вас и Оксфорд — залитый дождем двор колледжа и ваши запотевшие очки, которые вы все время протираете

шарфом. Наверное, небеса кажутся ему такими же близкими и недосягаемыми.

— Храни наши души от зла и дай нам войти в Царствие Небесное, — закончил отец Рош, и Агнес, как по сигналу, встрепенулась у меня на руках.

— Я хочу к отцу Рошу!

Он поднялся с колен и пошел к нам.

— Что такое? Кто здесь?

— Это леди Катерина. Я принесла Агнес. У нее колено… — Как объяснить? Заражено? — Взгляните на ее колено, пожалуйста.

В церкви было слишком темно, и он понес девочку к себе в дом. Там оказалось ненамного светлее. Дом у него едва ли больше той лачуги, где я отсиживалась, и вряд ли выше. Отец Рош постоянно пригибался, чтобы не стукнуться головой о стропила.

Открыв ставню на единственном окне, через которое теперь лил дождь, он зажег лучину и усадил Агнес на грубо сколоченный стол. От прикосновения к повязке малышка дернулась.

— Сиди смирно, Агнец, и я расскажу тебе, как Христос спустился на землю с небес.

— На Рождество! — подхватила Агнес.

Рош, ведя непрерывный рассказ, ощупал рас-

пухшую коленку.

— И пастухи застыли в испуге, не ведая, что это за сияние. И донесся до них перезвон колоколов небесных. И уверились они тогда, что это ангел господень явился пред ними.

Меня Агнес до сих пор не подпускала к ссадине ни в какую, поднимала визг и отпихивалась, а Рошу с его грубыми пальцами спокойно позволила ощупать распухшую ногу. Да, красная полоска мне не померещилась. Рош поднес лучину поближе.

— И пришли из дальних земель три царя с дарами. — Он еще раз осторожно дотронулся до красной полоски и молитвенно сложил руки. «Не молись, — закричала я мысленно. — Сделай что-нибудь!»

Он опустил руки и посмотрел на меня.

— Боюсь, рана отравлена. Я сделаю отвар иссопа, чтобы вытянуть яд. — Подойдя к очагу, священник помешал едва теплые угли и налил из ведра воды в металлический ковш.

Ведро было грязным, ковш тоже, и руки, которыми он трогал рану, не чище. Я смотрела, как он ставит ковш на огонь и роется в грязном мешке, жалея, что пришла. Толку от него не больше, чем от Имейн. Ни его отваром, ни ее притирками

заражение крови не вылечить, равно как и молитвами, даже если обращаться к Господу так, будто он стоит перед тобой.

У меня чуть не вырвалось: «Это все, на что вы способны?», но я поняла, что хочу невозможного. От заражения помогает пенициллин, иммуномодуляторы, антисептики, и ничего этого в дерюжном мешке отца Роша не водится.

Я вспомнила, как мистер Гилкрист рассказывал на лекции про средневековых врачей. Про то, какие они были дураки, что пытались лечить чуму кровопусканием, мышьяком и козлиной мочой. А что им еще оставалось? У них не было ни нуклеозидных аналогов, ни антибиотиков. Они даже причин болезни не знали. Вот и отец Рош, перетирая в грязных пальцах сушеные лепестки и травы, делает что может.

— У вас есть вино? — спросила я. — Старое вино?

В их легком пиве градусов почти нет, в молодом вине тоже, однако чем дольше оно зреет, тем выше алкогольное содержание, а спирт все-таки антисептик.

— Я припомнила, что, если полить рану старым вином, можно излечить инфекцию.

Отец Рош не стал спрашивать, что такое «ин-

фекция», и как это я смогла припомнить такое, если позабыла даже, кто я и откуда. Он отправился прямиком в церковь и принес глиняную бутыль с терпко пахнущим вином, которым я смочила тряпицу и протерла рану.

Бутыль я унесла с собой в поместье. Там я спрятала ее под кроватью в светлице Розамунды (вдруг это вино для причастия — тогда у Имейн окажется на руках величайший козырь, и Роша просто сожгут за ересь), чтобы и дальше обрабатывать рану. Перед тем как Агнес отправилась спать, я налила немного вина прямо ей на коленку.

Глава девятнадцатая

Дождь лил до самого Сочельника, хлесткий дождь с ветром, проникавший через дымовое отверстие в крыше и заставлявший огонь шипеть и дымить.

Киврин заливала коленку Агнес вином при каждом удобном случае, и к полудню двадцать третьего она уже выглядела чуть получше — еще опухшей, но уже без красной полоски. Киврин, растянув плащ над головой, побежала в церковь, сообщить отцу Рошу, однако его там не было.

Ни Имейн, ни Эливис даже не заметили, что у Агнес с коленом. Они в поте лица готовились к приезду сэра Блуэта, расчищая чердак для женской части гостей, разбрасывая розовые лепестки по тростниковым полам в зале, выпекая несметное количество манше, пудингов и пирогов — в том числе гротескного вида изделие в виде младенца Христа в яслях, с плетенкой из теста, изображающей свивальник.

Днем в поместье, промокший и продрогший, пришел отец Рош. Он ходил под ледяным дождем собирать плющ для зала. Имейн не было — она возилась на кухне с «младенцем Христом», и

Киврин пригласила Роша обогреться у очага.

Поскольку Мейзри на зов не явилась, Киврин сама сходила через двор в кухню за кружкой горячего эля. Вернувшись, она увидела Мейзри на скамье рядом с отцом Рошем — служанка придерживала грязной рукой на шее сальные волосы, а священник смазывал ей ухо гусиным жиром. Заметив Киврин, она хлопнула по уху рукой, сводя на нет все лечение, и выскочила.

— Колено Агнес уже лучше, — сообщила Киврин. — Опухоль спала, корочка нарастает.

Рош воспринял это как само собой разумеющееся, и Киврин подумала, не ошиблась ли она. Может, и не было вовсе никакого заражения?

Ночью дождь перешел в снег.

— Они не приедут, — с видимым облегчением сказала наутро леди Эливис.

Киврин тоже так показалось. За ночь снегу выпало почти по колено, и снегопад все не утихал. Даже Имейн склонялась к тому, что гости вряд ли появятся, хотя приготовлений не отменяла.

В полдень снегопад резко прекратился, а к двум начало проясняться, и Эливис велела всем переодеться в праздничное. Киврин одела девочек, поражаясь изысканности шелковых нижних рубах. Агнес облачили в темно-красный бархат-

ный киртл с серебряной пряжкой, а у Розамунды верхнее платье оказалось зелено-травяным, с длинными разрезными рукавами и низким лифом, открывающим вышивку на желтой рубахе. Киврин никто не указывал, что ей надевать, но когда она расплела девочкам косы и, расчесав, распустила по плечам, Агнес заявила: «А ты будешь в своем синем» и достала из сундука ее киртл. На фоне праздничных платьев он выглядел более уместно, но все равно цвет оставался слишком ярким, а плетение слишком тонким.

Прическа вызывала не меньшее замешательство. Распустить волосы, убрав на лбу под повязку или стянув лентой, как положено незамужней девице в праздник, не выйдет — для этого они слишком коротки, а покрывают голову только замужние. Оставлять все как есть тоже не годится, слишком страшно их обкорнали.

Эливис, видимо, думала так же. Увидев Киврин, спускающуюся с девочками по лестнице, она задумчиво пожевала губу и отправила Мейзри на чердак за тонкой, почти прозрачной вуалью, которую закрепила у Киврин на голове на манер фаты, открыв волосы на лбу, но спрятав неровно остриженные концы.

На улице распогодилось, зато Эливис снова

стала мрачнее тучи. Вздрогнув, когда со двора вошла Мейзри, она закатила служанке оплеуху за то, что нанесла грязи. Вдруг обнаружилась уйма недоделанного, и под горячую руку попало всем. Когда Имейн в очередной раз завела свое: «Вот если бы мы поехали в Курси…», Эливис на нее чуть не сорвалась.

Киврин предчувствовала, что одевать Агнес в праздничное заранее — не самая лучшая идея. К середине дня вышитые рукава оказались перемазаны, а подол юбки с одного бока припудрен мукой.

Когда к вечеру Гэвин так и не вернулся, нервы у всех были на пределе, а уши Мейзри пылали, как факелы. Поэтому распоряжение леди Имейн отнести отцу Рошу полдюжины восковых свечей Киврин только обрадовало — хоть какая-то возможность увести девочек на время из дома.

— Пусть бережет, их должно хватить на обе службы, — наставляла леди Имейн раздраженно. — Ох, да разве восславишь такой службой рождение Господа нашего… Надо было нам ехать в Курси.

Киврин закутала Агнес в плащ, позвала Розамунду, и они дошли до церкви. Отца Роша не было. Посреди алтаря стояла большая желтоватая

свеча с прочерченными отметками. Незажженная. Он запалит ее на закате и будет отсчитывать по ней часы до полуночи. На коленях в ледяной церкви.

В доме священника тоже не оказалось, поэтому Киврин оставила свечи на столе. Пробираясь через луг обратно, они увидели привязанного к погостной калитке осла, который лизал снег.

— Мы забыли покормить зверей, — спохватилась Агнес.

— Зверей? — настороженно переспросила Киврин, забеспокоившись насчет праздничных платьев.

— Сочельник!.. Вы дома разве не кормили зверей?

— Она не помнит, — ответила Розамунда. — В Сочельник мы кормим домашний скот в память о том, что Христос был рожден в яслях.

— Ты и про Рождество ничего не помнишь? — задала резонный вопрос Агнес.

— Смутно. — Киврин представила предрождественский Оксфорд; витрины, украшенные пластиковой хвоей и лазерными гирляндами; магазины, битком набитые любителями покупать подарки в последнюю минуту; запруженную велосипедами Хай-стрит и контур башни Магда-

лины сквозь снежную пелену.

— Сперва звонят в колокола, потом едят, потом служба, потом святочное полено, — перечислила Агнес.

— Все наоборот, — поправила Розамунда. — Сперва мы зажигаем полено, а потом идем в церковь.

— Сперва колокола! — воскликнула Агнес запальчиво. — А потом церковь.

Захватив из амбара мешок овса и немного сена, они отправились на конюшню кормить лошадей. Судя по отсутствию Гринголета, Гэвин не вернулся. До стыковки меньше недели, а Киврин так и не выяснила, где переброска. Дело плохо, ведь неизвестно, что принесет приезд лорда Гийома.

Эливис отложила все выяснения до приезда супруга, которого, как она сказала девочкам поутру, нужно ждать сегодня домой. Вдруг он решит отправить Киврин в Оксфорд или в Лондон в поисках ее родни, или сэр Блуэт предложит взять ее с собой в Курси? Надо как можно скорее поговорить с Гэвином. Хотя в полном доме гостей его будет легче отловить наедине или даже, со всей этой суматохой и кутерьмой, попросить проводить ее к переброске.

Киврин постаралась задержаться у лошадей

как можно дольше, надеясь на скорый приезд Гэвина, но Агнес там наскучило, и она потребовала идти кормить кур. Киврин предложила вместо этого угостить корову мажордома.

— Это не наша корова, — возмутилась Розамунда.

— Она помогла мне, когда я вышла больная из дому, — ответила Киврин, вспоминая, как опиралась на костлявую коровью спину. — Хочу отблагодарить ее.

Они прошли мимо загона, где раньше были свиньи.

— Бедные поросятки, — вздохнула Агнес. — Я бы угостила их яблочком.

— На севере опять тучи, — заметила Розамунда, посмотрев на небо. — Наверное, все-таки никто не приедет.

— Приедут! — возразила Агнес. — Сэр Блуэт обещал мне гостинец.

Мажордомова корова стояла почти на том же месте, что и в прошлый раз, за предпоследней лачугой, объедая остатки потемневших гороховых плетей.

— Хорошего Рождества, сударыня корова, — поприветствовала ее Агнес, протягивая горстку сена с метрового расстояния.

— Они говорят только в полночь, — напомнила Розамунда.

— Давай придем сюда в полночь, леди Киврин, — воодушевилась Агнес. Корова вытянула шею, и девочка попятилась.

— В какую полночь, недотепа? — охладила ее Розамунда. — Ты же будешь в церкви.

Корова шагнула вперед, тяжело ступая широким копытом, и Агнес спряталась Киврин за спину. Под завистливым взглядом девочки Киврин скормила корове клок сена.

— Если в полночь все в церкви, откуда тогда знают, что звери говорят? — поинтересовалась Агнес.

Резонный вопрос, подумала Киврин.

— Отец Рош сказал, — ответила Розамунда.

Высунувшись из-за юбки Киврин, Агнес взяла еще клок сена и протянула его в коровью сторону.

— А что они говорят?

— Говорят, что ты не умеешь их кормить! — отрезала Розамунда.

— Неправда! — выбрасывая руку вперед, заявила Агнес. Корова, задрав губу, попыталась цапнуть сено, и девочка, швырнув в нее свой клок, снова поспешила спрятаться за Киврин. —

Они славят Господа нашего. Так отец Рош сказал.

На дороге послышался конский топот. Агнес выбежала в проулок между лачугами.

— Приехали! — возвестила она, возвращаясь. — И сэр Блуэт приехал. Я видела. Они уже в воротах.

Киврин торопливо разбросала перед коровой остатки сена. Розамунда зачерпнула из мешка горсть овса и начала кормить корову с руки.

— Пойдем! — крикнула Агнес. — Сэр Блуэт приехал!

Розамунда стряхнула с ладони остатки овса.

— Надо покормить ослика отца Роша. — Даже не оглянувшись на поместье, она направилась к церкви.

— Розамунда, они ведь приехали! — Агнес кинулась вдогонку. — Ты что, не хочешь посмотреть гостинцы?

Видимо, нет. Розамунда дошла до погостной калитки, где ослик жевал торчащий из-под снега хвост щетинника. Наклонившись, она сунула ослу под нос пригоршню овса, на которую он не обратил ни малейшего внимания, и застыла, опираясь рукой на его спину. Темные длинные волосы скрывали ее лицо.

— Розамунда! — надрывалась пунцовая от до-

сады Агнес. — Ты что, меня не слышишь? Они приехали!

Осел оттолкнул руку с овсом и принялся клацать желтыми зубами над крупным побегом щетинника. Но Розамунда не сдавалась.

— Я покормлю осла, — сказала Киврин. — А ты ступай, надо поздороваться с гостями.

— Сэр Блуэт обещал привезти мне гостинец, — похвасталась Агнес.

Розамунда разжала горсть, высыпая зерно на землю.

— Вот пусть отец тебя за него и выдает, раз ты души в нем не чаешь, — ответила она, разворачиваясь к дому.

— Я еще маленькая, — возразила Агнес.

Розамунда тоже, подумала Киврин, хватая Агнес за руку и устремляясь за старшей. Та, воинственно вздернув подборок, быстро шагала вперед, волоча подол по земле и не обращая внимания на просьбы Агнес подождать.

Гости въехали во двор, Розамунда поравнялась со свинарником. Киврин прибавила шагу, увлекая за собой семенящую почти бегом Агнес, и во двор все трое прибыли одновременно. Киврин в изумлении остановилась.

Она ожидала официального приема — хозяева,

выстроившись на пороге, встречают гостей приветственными речами, — но столпотворение во дворе больше напоминало первый день семестра, когда все снуют с сумками и коробками, обнимаются, целуются, смеются и говорят наперебой. Розамунду еще даже не успели хватиться. Дородная женщина в крахмальном чепце принялась расцеловывать Агнес, а Розамунду окружили с радостными визгами три девочки-подростка.

Слуги, тоже, очевидно, принаряженные под праздник, тащили в кухню увязанные корзины и огромного гуся, другие заводили лошадей в конюшню. Гэвин, перегнувшись с седла, разговаривал с Имейн. «Нет, епископ в Уилскоме», — услышала Киврин, но, судя по довольному лицу Имейн, Гэвину удалось передать просьбу архидьякону.

Имейн помогла слезть с коня молодой женщине в ярко-синем (ярче даже, чем платье Киврин) плаще и, сияя, подвела ее к Эливис. Эливис встретила гостью с улыбкой.

Киврин попыталась вычислить среди приехавших сэра Блуэта. Всадников было человек шесть, все в подбитых мехом плащах и на конях в богатой сбруе. Слава богу, дряхлых калек среди них не наблюдалось, а парочка и вовсе казались

симпатичными. Киврин хотела уточнить у Агнес, но та еще барахталась в объятиях крахмальной дамы, которая, гладя девочку по голове, приговаривала: «Так выросла, тебя и не узнать уж». Киврин улыбнулась про себя. Над некоторыми вещами время не властно.

Среди прибывших было несколько рыжеволосых, в том числе и женщина возраста леди Имейн, которая тем не менее носила свои поблекшие длинные розовые космы распущенными, как юная девица. Скорбно поджимая губы, она с недовольным видом смотрела, как слуги разгружают припасы. Выхватив из рук спотыкающегося слуги переполненную корзину, старуха сунула ее толстяку в зеленой бархатной куртке.

Он тоже был рыжим, а еще рыжим был самый симпатичный из всадников, лет тридцати на вид. Круглое веснушчатое лицо его казалось открытым и добрым — уже хорошо.

— Сэр Блуэт! — закричала Агнес и, проскочив мимо Киврин, кинулась обнимать колени толстяка.

Ох, нет. Киврин думала, толстяк женат на этой мегере с розовыми космами или на крахмальном чепце. Лет ему было не меньше пятидесяти, веса — все восемь пудов, и полный рот коричневых

гнилых зубов.

— Вы привезли мне гостинец? — спросила Агнес, дергая за полу куртки.

— Будет гостинец, — ответил он, глядя на окруженную девочками Розамунду. — И тебе, и сестрице.

— Я ее приведу, — сказала Агнес и помчалась туда, прежде чем Киврин успела ее перехватить. Сэр Блуэт потопал следом. Девочки, захихикав, расступились, и Розамунда, испепелив сестру взглядом, с улыбкой протянула гостю руку.

— Добро пожаловать, сударь.

Подбородок ее был задран выше некуда, на бледных скулах алел лихорадочный румянец, но сэр Блуэт, очевидно, принял это за робость и восторг.

— Весной, надо думать, ты будешь с супругом поласковее, — заграбастав своей лапищей ее тонкие пальчики, пробасил он.

— Еще только зима, сэр, — пунцовея, ответила Розамунда.

— Весна не за горами, — расхохотался он, показывая гнилые зубы.

— А где мой гостинец? — напомнила Агнес.

— Агнес, не будь такой попрошайкой, — вставая между дочерьми, вмешалась Эливис. — Не след

клянчить подарки у гостей. — Она улыбнулась сэру Блуэту. Если ее и пугал предстоящий брак, то виду она не показывала. Наоборот, Киврин еще не доводилось наблюдать ее такой спокойной.

— Я обещал свояченице гостинец. — Запустив руку в кошель на лопающемся от натуги поясе, он вытащил небольшой полотняный мешочек. — А моей нареченной — свадебный подарок. — Из мешочка появилась на свет брошка, усыпанная камнями. — Вот, любовный узелок для моей невесты, — продолжал Блуэт, расстегивая булавку. — Будешь носить его и вспоминать меня.

Пыхтя, он шагнул вперед, чтобы приколоть брошь. «Хоть бы его удар хватил», — пожелала про себя Киврин. Розамунда стояла, полыхая румянцем, ни жива ни мертва, пока Блуэт копошился толстыми пальцами у ее горла.

— Рубины! — восхитилась Эливис. — Розамунда, ты не хочешь поблагодарить жениха за щедрый подарок?

— Спасибо вам за брошь, — прошелестела Розамунда бесцветным голосом.

— А мой гостинец? — Агнес от нетерпения перепрыгивала с ноги на ногу.

Блуэт снова запустил руку в мешочек и вытянул что-то маленькое, зажатое в кулаке. Отдуваясь,

он наклонился к Агнес и раскрыл ладонь.

— Бубенчик! — радостно взвизгнула девочка, хватая колокольчик и пробуя им потрясти. Он был медный и круглый, как на лошадиной сбруе, с металлическим ушком наверху.

Агнес потащила Киврин в светлицу за лентой, чтобы повязать бубенец на запястье, как браслет.

— Отец мне ее с ярмарки привез, — похвасталась девочка, вытаскивая ленту из ларя, где лежала одежда Киврин. Лента оказалась неровно окрашенной и такой жесткой, что Киврин с трудом продела ее в узкое ушко. Даже самые дешевые ленточки в «Вулворте» и бумажные тесемки, которыми перевязывают рождественские подарки, и то качественнее, чем это сокровище.

Киврин завязала ленту на запястье Агнес, и они вдвоем спустились вниз. Теперь суматошная разгрузка шла внутри, слуги таскали сундуки, перины и что-то похожее на прообразы ковровых саквояжей. Похоже, зря она опасалась, что сэр Блуэт предложит забрать ее с собой. Судя по пожиткам, они отсюда до весны не уедут.

О том, что они озаботятся ее участью, тоже можно было не беспокоиться. На незнакомку никто и не взглянул, даже когда Агнес повела ее

к матери похвастаться браслетом. Эливис, поглощенная разговором с Блуэтом, Гэвином и тем симпатичным всадником (наверное, сыном или племянником), снова нервно заламывала руки. Видимо, вести из Бата нерадостные.

Леди Имейн в дальнем конце зала беседовала с толстухой и бледным мужчиной в облачении священника — судя по выражению лица, жаловалась на отца Роша.

Воспользовавшись кутерьмой, Киврин вытащила Розамунду из девичьей стайки и, отведя в сторонку, расспросила, кто есть кто. В бледном Киврин правильно угадала капеллана сэра Блуэта. Дама в ярко-синем плаще оказалась Блуэтовой приемной дочерью. Дородная женщина в крахмальном чепце — женой Блуэтова брата, приехавшей погостить из Дорсета. Двое рыжеволосых юношей и хихикающие девочки — ее дети. Своих у сэра Блуэта нет.

«Своих нет, вот он и женится на ребенке, и очевидно, со всеобщего одобрения», — возмутилась Киврин про себя. В 1320 году продолжить род было жизненно важно. Чем моложе супруга, тем больше у нее шансов наплодить наследников, из которых хотя бы один дорастет до совершеннолетия.

Мегера с выцветшими волосами — это (вот ведь ужас) леди Ивольда, незамужняя сестра сэра Блуэта, живет с ним в Курси. Глядя, как она распекает Мейзри, уронившую корзину, Киврин заметила на поясе у старухи связку ключей. Значит, хозяйством заправляет она (по крайней мере до Пасхи). Бедняжку Розамунду съедят живьем.

— А остальные кто? — спросила Киврин, надеясь отыскать среди них хоть одного союзника для Розамунды.

— Слуги, — передернула плечами девочка и убежала к своим подругам.

Гостей оказалось общим числом около двадцати, не считая конюхов, которые заводили лошадей в стойла, и никого, даже измученную тревогой Эливис, это нашествие не пугало. Киврин читала, конечно, что в знатных домах держали десятки слуг, но думала, что цифры несколько завышены. Имейн и Эливис ведь как-то обходились — что, впрочем, не отменяло участия всей деревни в предрождественских хлопотах. Киврин, понимая, что такая аскеза обусловлена поспешным отъездом и чрезвычайным положением, все же полагала количество слуг в сельских поместьях сильно преувеличенным. Видимо, напрасно.

Слуги сновали по залу, подавая на стол. Киврин и не чаяла сегодня поужинать, ведь Сочельник предполагает пост, однако как только бледный капеллан закончил читать вечерню, из кухни, очевидно по знаку леди Имейн, промаршировала вереница слуг — с хлебами, кувшинами разбавленного вина и сушеной треской, размоченной в щелоке и затем обжаренной.

Агнес от возбуждения не съела ни куска, и когда убрали со стола, ни в какую не захотела посидеть тихонько у очага, а начала вместо этого бегать по залу, звеня своим бубенцом и донимая собак.

Слуги сэра Блуэта вместе с мажордомом внесли святочное полено и бухнули его в очаг, рассыпав сноп искр. Женщины отпрянули со смехом, дети завизжали от восторга. Розамунда, самая старшая из детей, осторожно поднесла к заскорузлому корню зажженную щепку от прошлогоднего полена. Появившийся огонек был встречен бурным весельем и хлопаньем в ладоши, а Агнес замахала рукой, бренча колокольчиком.

Киврин знала от Розамунды, что детям дозволено в Сочельник не ложиться, чтобы присутствовать на всенощной, но надеялась хотя бы ненадолго уложить Агнес подремать рядышком на скамье. Однако Агнес, никак не желая угомо-

ниться, бегала с визгами по залу, звеня своим бубенцом, и Киврин пришлось его забрать.

Женщины тихо беседовали у очага. Мужчины разбрелись по залу группками и тоже о чем-то разговаривали, скрестив руки на груди. Несколько раз они все, кроме капеллана, выходили наружу и возвращались, топая ногами, чтобы отряхнуть снег, и хохоча. Красные физиономии и неодобрительно поджатые губы Имейн подсказывали, что гости, в нарушение поста, наведывались к бочонку эля в пивоварне.

После третьей вылазки Блуэт развалился у очага, вытянув ноги к огню, и стал глазеть на девочек. Розамунда с тремя хохотушками играли в жмурки. Улучив момент, когда она с завязанными глазами пробегала рядом, сэр Блуэт сграбастал ее и посадил на колени. Все рассмеялись.

Имейн весь вечер просидела рядом с капелланом, описывая свои мытарства с отцом Рошем. И неуклюжий он, и невежда, и переставил местами «Исповедую…» с шестьдесят девятым псалмом на прошлой воскресной службе. «И мерзнет на коленях в холодной церкви, — подумала Киврин, — пока этот бледный капеллан греется у очага, неодобрительно кивая».

Поленья в очаге прогорели до углей. Розамунда,

соскочив с колен Блуэта, убежала к девочкам. Гэвин, не сводя глаз с Эливис, расписал в красках, как отбился разом от шести волков. Капеллан поведал историю об одной женщине, солгавшей в исповеди на смертном одре: когда он помазал ей лоб елеем, кожа ее обуглилась и почернела прямо у него на глазах.

Не дослушав рассказ капеллана, Гэвин встал и, погрев руки над очагом, направился к нищенской скамье. Там он стянул с ноги сапог.

Где-то через минуту к нему подошла Эливис. Киврин не слышала, что она ему сказала, но рыцарь поднялся со скамьи — разутый, с сапогом в руке.

— Слушанье снова отложили, — донеслось до Киврин. — Судья захворал.

Эливис что-то проговорила вполголоса, на что Гэвин кивнул со словами: «Это хорошо. Новый судья из Суиндона и менее расположен к королю Эдуарду». Однако, глядя на лица собеседников, Киврин не назвала бы вести радостными. Эливис побледнела почти как в тот раз, когда Имейн призналась, что отправила Гэвина в Курси.

Эливис стояла, вертя на пальце массивный перстень. Гэвин сел обратно, отряхнул чулок от тростника и что-то сказал, натягивая сапог.

Эливис отвела глаза, и Киврин не разглядела ее лица, скрытого в тени, зато увидела, как смотрит на хозяйку Гэвин.

И, наверное, не она одна. Киврин поспешно оглянулась, проверяя, нет ли любопытных. Имейн продолжала изливать душу капеллану, зато сестрица сэра Блуэта наблюдала, поджав губы в порицающей гримасе. Наблюдал и сам сэр Блуэт с другими мужчинами.

Киврин надеялась поговорить с Гэвином еще сегодня, но как тут поговоришь, когда вокруг столько соглядатаев? Снаружи донесся удар колокола. Эливис, вздрогнув, обернулась на дверь.

— Антихристову погибель звонят, — произнес вполголоса капеллан, и даже дети притихли, слушая.

В некоторых деревнях существовал обычай вызванивать в Сочельник число лет от Рождества Христова. В большинстве случаев, правда, звонили всего час до полуночи, к тому же Киврин сомневалась, что отец Рош или даже капеллан осилят такие числа, но все равно начала считать про себя удары. «Тем более Гилкрист велел не откладывая сориентироваться во времени».

Трое слуг подкинули в очаг поленьев и растопки, огонь заполыхал с новой силой, отбрасывая

на стены огромные причудливые тени. Агнес возбужденно вскочила, а кто-то из юнцов, сплетя руки, изобразил силуэт кролика.

Мистер Латимер говорил, что современники устраивали гадание по теням от святочного полена. Знать бы, что готовит им судьба… Особенно сейчас, когда Лорд Гийом в беде и семье грозит опасность.

У осужденных преступников король отбирал все земли и имущество. Придется им бежать во Францию или идти в нахлебники к сэру Блуэту и терпеть злорадные усмешки мажордомовой жены.

А может, лорд Гийом сейчас прискачет домой и привезет Агнес сокола. И они будут жить долго и счастливо. Все, кроме Эливис. И Розамунды. Что же с ней-то станется?

«Сталось», — поправила себя Киврин. Все уже случилось. Суд уже состоялся, лорд Гийом вернулся и узнал про Эливис и Гэвина. Розамунду уже выдали за сэра Блуэта. А Агнес выросла, вышла замуж и умерла в родах от заражения крови, холеры или воспаления легких.

«Они все давно мертвы», — напомнила себе Киврин. Они уже семь сотен лет как мертвы.

— Смотрите! — взвизгнула Агнес. — Розамун-

да без головы! — Она показывала пальцем на пляшущие по стенам искаженные силуэты. Тень Розамунды, причудливо вытянутая, заканчивалась у плеч.

Один из рыжеволосых парней подбежал к Агнес.

— У меня тоже нет! — возвестил он, приплясывая на цыпочках и дурачась со своей тенью.

— Розамунда, ты безголовая! — радостно крикнула Агнес. — Ты умрешь до конца года.

— Перестань! — Эливис бросилась к дочери. Остальные обернулись.

— У Киврин есть голова, — не унималась Агнес, — и у меня есть, только у бедняжки Розамунды нет.

Эливис стиснула дочкины плечи.

— Глупые забавы! Перестань так говорить.

— Но тень… — Агнес насупилась, готовясь заплакать.

— Сядь тихонько рядом с леди Катериной и не озорничай, — велела Эливис. Она почти силком усадила девочку на лавку. — Ты слишком разбушевалась.

Агнес прижалась к Киврин, решая, стоит ли поднимать рев. Киврин, сбившись со счета колокольных ударов, продолжила с того места, на

котором прервалась. Сорок шесть, сорок семь.

— Хочу свой бубенец, — заявила Агнес, сползая с лавки.

— Нет-нет, посиди спокойно. — Киврин взяла ее на колени.

— Расскажи мне про Рождество.

— Не могу, Агнес, я не помню.

— Ты совсем-совсем ничего не помнишь? И ничего мне не расскажешь?

«Все помню, — подумала Киврин. — Магазины, заваленные лентами, атласом, блестящей упаковочной бумагой, бархатом всех цветов и оттенков — красного, золотого, синего, синее даже, чем мое окрашенной вайдой платье. И везде яркие огни и музыка. Колокола на Большом Томе и башне Магдалины. Рождественские гимны».

Она вспомнила карильон на Карфаксе, вызванивающий «Полночью ясной», и заигранные до дыр фоновые записи гимнов в магазинах на Хай-стрит. «Эти гимны еще даже не написаны», — подумала Киврин. Ей отчаянно захотелось домой.

— Я буду звонить в колокольчик, — канючила Агнес. — Повяжи мне его. — Она подставила запястье.

— Повяжу, если приляжешь рядом и отдохнешь

немного, — пообещала Киврин.

Агнес снова насупилась, обиженно выпячивая нижнюю губу.

— Спать ложиться?

— Нет. Я расскажу тебе сказку, — ответила Киврин, отвязывая колокольчик от собственной руки, куда она прикрепила его, чтобы не потерялся. — Жила… — Девушка запнулась, прикидывая, существовал ли в 1320 году зачин «жили-были» и какие сказки рассказывали в те времена детям. Наверное, про волков и про ведьм, которые обугливались от капли елея.

— Жила-была девица, — начала она, завязывая на пухлой ручонке Агнес красную ленту, которая уже размахрилась по краю. Вряд ли тесьма выдержит новые завязывания-развязывания. — Жила она…

— Это та самая девица? — раздался у нее над ухом женский голос.

Киврин подняла голову.

Перед ней стояла леди Ивольда, из-за которой выглядывала Имейн. Мегера окинула Киврин пристальным неодобрительным взглядом и покачала головой.

— Нет, это не дочь Ульрика. Та была ниже и темнее.

— И не из Ферреров? — спросила Имейн.

— Та умерла. Вы ничегошеньки о себе не помните? — осведомилась Ивольда.

— Нет, сударыня, — вовремя спохватившись скромно опустить глаза долу, ответила Киврин.

— Ее стукнули по голове, — подсказала Агнес.

— Но вы помните свое имя и не забыли, как разговаривать. Вы из приличной семьи?

— Я не помню своих родных, сударыня, — благонравным голоском проговорила Киврин.

— Говор западный, — хмыкнула Ивольда. — Вы посылали в Бат за вестями? — обратилась она к Имейн.

— Нет. Невестка дожидается прибытия моего сына. Из Оксенфорда ничего не слышно?

— Нет. Там все хворают, — ответила Ивольда.

К ним подошла Розамунда.

— Вы знаете родных леди Катерины, леди Ивольда? — спросила она.

Мегера повернулась к ней с кислым выражением лица.

— Нет. Где брошь, которую подарил тебе мой брат?

— На… на плаще, — запинаясь, проговорила Розамунда.

— Тебе настолько не дорог его подарок?

— Сходи принеси, — распорядилась леди Имейн. — Я хочу взглянуть.

Розамунда вздернула подбородок, но покорно отправилась в сени, где висели плащи.

— Она воротит нос и от его подарков, и от него самого, — упрекнула девочку Ивольда. — За ужином с ним и словом не перемолвилась.

Розамунда вернулась, неся зеленый плащ с приколотой к нему брошью, и без слов протянула его Имейн.

— Я тоже хочу! — всунулась Агнес. Розамунда повернула брошь к ней.

Круглое золотое кольцо, усыпанное красными каменьями, крепилось на булавку без застежки, просто продевалось в ткань. По ободку кольца шла гравировка: «lo suiicen lui dami amo».

— Что тут написано? — спросила Агнес, тыкая пальцем в опоясывающие брошку буквы.

— Не знаю. — «И не хочу знать», — ясно говорил тон Розамунды.

Ивольда стиснула зубы, и Киврин поспешила прийти на помощь. «От друга милого приветом буду», — перевела она и тут же осознала с ужасом, какого сваляла дурака. Она посмотрела на Имейн, но та, кажется, ничего не заметила.

— Такие слова надобно носить на груди, а не

вешать в чулане, — сняв брошку с плаща, Имейн приколола ее Розамунде на лиф.

— И сидеть подле моего брата, как подобает невесте, — подхватила Ивольда, — а не тешить себя детскими забавами. — Она простерла руку к очагу, где в полудреме развалился Блуэт, которого явно разморило после вылазок на пивоварню. Розамунда затравленно оглянулась на Киврин.

— Ступай поблагодари сэра Блуэта за щедрый подарок, — ледяным тоном велела Имейн.

Отдав Киврин плащ, Розамунда поплелась к очагу.

— Пойдем, Агнес, — позвала Киврин. — Тебе нужно отдохнуть.

— Я дождусь, пока отзвонят по дьяволу, — заявила девочка.

— Леди Катерина, — начала Ивольда, как-то странно подчеркнув слово «леди», — вы сказали, что ничего не помните. Однако надпись на броши вы прочли без труда. Вы знаете грамоту?

«Знаю, — мысленно ответила Киврин. — Хотя здесь ее знает не больше трети населения, а из женщин и того меньше».

Она украдкой посмотрела на Имейн, которая разглядывала ее с тем же выражением лица, что и в первый день, когда щупала ткань платья и

изучала ее руки.

— Нет, — взглянув Ивольде в глаза, ответила Киврин. — Мне даже «Отче наш» не осилить. Ваш брат сам поведал, что означает надпись, когда вручал брошь Розамунде.

— Нет, он ничего не говорил, — вмешалась Агнес.

— Ты тогда бубенчик рассматривала, — возразила Киврин, понимая, что леди Ивольда все равно нипочем не поверит, сама спросит у брата и уличит ее во вранье.

Ивольду, впрочем, объяснение удовлетворило.

— Конечно, откуда ей знать грамоту? — поделилась она с Имейн, беря ее под руку и направляясь вместе с ней к сэру Блуэту.

Киврин обессиленно опустилась на лавку.

— Повяжи мне бубенец! — потребовала Агнес.

— Не повяжу, пока не уляжешься.

Агнес вскарабкалась ей на колени.

— Тогда сперва расскажи мне сказку. Жила-была девица…

— Жила-была девица, — послушно проговорила Киврин, оглядываясь на Имейн с Ивольдой. Они уселись рядом с сэром Блуэтом и что-то втолковывали Розамунде. Та отвечала, вздернув подбородок и пылая румянцем. Лапища хохо-

чущего сэра Блуэта накрыла брошь, а потом скользнула ниже, на грудь Розамунды.

— Жила-была девица… — настойчиво повторила Агнес.

— И жила она на опушке большого леса. «Не ходи в лес одна», — наказывал ей отец.

— Она его не слушалась, — зевнув, подсказала Агнес.

— Нет, не слушалась. А отец любил ее и пекся лишь о ее благополучии, но ей было невдомек.

— А что ждало ее в лесу? — пристраиваясь под боком у Киврин, спросила Агнес.

Киврин укрыла девочку плащом Розамунды. «Разбойники и душегубы. И похотливые старикашки с желчными сестрицами. И несчастные влюбленные. И мужья. И судьи».

— Уйма разных опасностей.

— Волки… — протянула Агнес сонно.

— Да, и волки. — Она посмотрела на Имейн и Ивольду, которые, отодвинувшись от сэра Блуэта, о чем-то перешептывались, не сводя с нее глаз.

— И что сталось с девицей? — пробормотала Агнес, уже сквозь сон.

Киврин, баюкая, прижала ее к себе.

— Не знаю, Агнес. Не знаю.

Глава двадцатая

Агнес не проспала и пяти минут, как колокол смолк и тут же зазвонил снова, но более беспокойно, созывая на всенощную.

— Поторопился отец Рош. Еще и полуночи нет, — скривилась леди Имейн, однако не успела договорить, как звон подхватили другие колокола — уичлейдский и берфордский и где-то далеко-далеко на востоке, так далеко, что от звона оставался лишь слабый вздох, — оксфордский колокол.

«Это колокола Осни и Карфакса», — подумала Киврин. Звонят ли они сейчас дома?

Сэр Блуэт поднял свою тушу на ноги и подал руку сестре — к ним тут же поспешил слуга с плащами и подбитой беличьим мехом мантильей. Девочки-хохотушки, не переставая щебетать, вытащили свои накидки из общей груды. Леди Имейн растолкала Мейзри, уснувшую на нищенской скамье, и велела принести молитвенник. Служанка, зевая, поплелась к чердачной лестнице. Розамунда с преувеличенной осторожностью подобрала свой плащ, сползший с плеча Агнес.

Агнес спала как сурок. Киврин помедлила,

ужасно не желая ее будить, но, очевидно, даже набегавшиеся за день пятилетние дети от всенощной не освобождались.

— Агнес, — позвала она тихонько.

— Придется нести ее в церковь на руках, — сказала Розамунда, сражаясь с брошкой. Младший сын мажордома застыл перед Киврин с белым плащом, волоча подол по тростнику.

— Агнес, — снова позвала Киврин и слегка потормошила ее за плечо, удивляясь, как малышка не проснулась от колокольного звона. Колокол гудел громче и ближе, чем на заутреню и вечерню, почти заглушая остальные колокола.

Девочка распахнула глаза.

— Ты меня не разбудила, — сонно пробормотала она Розамунде и тут же повторила громче, стряхивая сон: — Ты обещала меня разбудить!

— Надевай накидку, — велела ей Киврин. — Мы идем в церковь.

— Киврин, я хочу мой бубенец.

— Он и так у тебя, — ответила Киврин, пытаясь заколоть застежку на вертящейся шее Агнес и не проткнуть ее насквозь.

— Нет, его нет, — ощупывая запястье, заволновалась Агнес. — Где мой бубенчик?

— Вот он. — Розамунда подняла колокольчик с

пола. — Наверное, отвязался. Сейчас его надевать не след. Звонят к всенощной, рождественский перезвон будет позже.

— Я не буду звонить, — пообещала Агнес. — Только надену.

Киврин в это верилось с трудом, но спорить было некогда — остальные уже собрались. Кто-то из слуг Блуэта зажигал головней из костра охотничьи фонари и раздавал остальным. Киврин поспешно завязала ленту у девочки на запястье.

Сэр Блуэт подал руку леди Эливис. Леди Имейн знаком велела Киврин пристроиться следом вместе с девочками, остальные встали за ними, образуя торжественную процессию — леди Имейн с Блуэтовой сестрой и вся остальная свита. Леди Эливис с Блуэтом прошествовали через двор, затем вышли через ворота на луг.

Снегопад прекратился, засияли звезды. Деревня безмятежно спала под белым покрывалом. «Застыла во времени», — подумала Киврин. Снег скрыл всю грязь, преобразив покосившиеся изгороди и худые стены лачуг до неузнаваемости. Хрустальные грани снежинок переливались в свете фонарей, но Киврин заворожили не они, а звезды — сотни, тысячи звезд, искрящиеся, словно драгоценные каменья на ледяном куполе.

«Блестит», — восхищенно протянула Агнес, и Киврин не стала уточнять, про небо она говорит или про снег.

Колокол звонил размеренно, спокойно, звон его тоже раздавался в морозном воздухе совсем по-другому — не громче, а как-то полнозвучнее и яснее. Теперь Киврин узнавала и остальные колокола — в Эсткоте, в Уитени и Киртлингтоне, хотя и они звучали не так, как раньше. Она попыталась распознать в многоголосии суиндонский колокол, который звонил не смолкая все это время, но не распознала. И оксфордские колокола тоже. Может, они ей только почудились.

— Ты бренчишь бубенцом, Агнес, — упрекнула сестру Розамунда.

— Не бренчу. Я просто иду.

— Посмотрите на церковь, — отвлекла их Киврин. — Разве не красота?

Церковь светилась на дальнем конце луга, будто маяк, озаренная снаружи и изнутри, витражи отбрасывали на снег дрожащие рубиновые и сапфировые отблески. Вокруг тоже все было в огнях, по всему погосту и до самой колокольни. Факелы. Их смолистый запах витал в воздухе. Такая же дорожка из огней вилась вниз с холма за церковью.

Киврин вдруг вспомнился Оксфорд в Сочельник, освещенные магазины, открытые для запоздалых покупателей, и золотистый квадрат окна во внутреннем дворе Брэйзноуза. И елка в Баллиоле, переливающаяся разноцветными лазерными гирляндами.

— Жаль, не вышло наведаться к вам на святки, — сетовала Имейн леди Ивольде. — Был бы тогда у нас достойный капеллан на службу. Здешний даже «Отче наш» толком не упомнит.

Здешний священник, подумала Киврин, только что отстоял несколько часов на коленях в промерзшей церкви. В дырявых чулках. А теперь битый час звонит в тяжеленный колокол. А после начнет сложную церемонию, которую ему пришлось затвердить наизусть, потому что читать он не умеет.

— Никудышная нас ждет проповедь и служба из рук вон, — продолжала ворчать Имейн.

— Увы, в нынешние времена многие отворачиваются от Господа, — согласилась Ивольда. — Нам должно молиться Ему, чтобы обратил Он мир на путь истины и добродетели.

Имейн, конечно, совсем не к тому клонила.

— Я посылала к епископу батскому с просьбой отрядить нам капеллана. Но он еще не прибыл.

— Братец говорит, дела в Бате худые, — ответила Ивольда.

Процессия подходила к погосту. Теперь Киврин различала лица в дымном свете факелов и масляных плошек в руках у женщин. Подсвеченные снизу багряным пламенем, эти лица казались зловещими. Мистер Дануорти принял бы процессию за разъяренную толпу, ведущую мученика на костер. Во всем виновато освещение — в отблесках факелов кто угодно покажется разбойником. Неудивительно, что люди поспешили изобрести электричество.

Процессия вошла на погост. Среди стоящих у церковных врат Киврин разглядела знакомые лица: цинготного мальчишку, девушек, помогавших на кухне со стряпней к рождественскому столу, Коба с конюшни. Мажордомова жена куталась в плащ с горностаевым воротом и держала в руке металлический фонарь с крохотными вставками настоящего стекла. Она о чем-то оживленно беседовала с золотушной женщиной, которая приходила развешивать остролист. Все перетаптывались и разговаривали, чтобы не замерзнуть, а один чернобородый крестьянин зашелся таким хохотом, что факел в его руке опасно накренился к апостольнику мажордомовой жены.

Киврин вспомнила, что в конечном итоге церковные власти упразднили всенощную службу, пресекая попойки и гульбу. Судя по виду некоторых прихожан, они действительно весь вечер только и делали, что нарушали пост. Мажордом чесал языком с грубоватым мужланом, про которого Розамунда пояснила, что это отец Мейзри. Физиономии у обоих багровели то ли от мороза, то ли от пламени, то ли от выпитого — или от всего сразу. Однако опасностью от них не веяло, только развеселой удалью. Мажордом подкреплял почти каждое слово увесистым хлопком по плечу собеседника, а отец Мейзри в ответ подобострастно подхихикивал, и Киврин заподозрила, что он не так прост, как кажется.

Когда мажордомова жена потянула супруга за рукав, тот лишь отмахнулся, однако при виде леди Эливис и сэра Блуэта, входящих в калитку, поспешно отошел, давая дорогу. Остальные тоже притихли, пропуская процессию к массивным церковным вратам, а потом заговорили снова, но уже вполголоса, пристраиваясь в хвост.

Сэр Блуэт, отстегнув меч, вручил его слуге и вместе с леди Эливис опустился на колени, едва переступив порог. Затем они дошли рука об руку почти до самой алтарной преграды и там снова

преклонили колени.

Киврин с младшими девочками последовала за ними. Когда Агнес перекрестилась, звяканье бубенчика разнеслось эхом по всей церкви. «Надо как-то его снять», — решила Киврин, прикидывая, уместно ли будет вывести Агнес из процессии и отвязать ленточку, укрывшись за могилой супруга Имейн. Но сзади уже нетерпеливо покашливала сама Имейн с сестрой сэра Блуэта.

Киврин повела девочек вперед. Сэр Блуэт уже поднялся на ноги. Эливис задержалась на коленях чуть дольше, потом встала, и сэр Блуэт с поклоном сопроводил ее в северную часть церкви, а сам вернулся на мужскую половину. Киврин опустилась на колени вместе с девочками, молясь, чтобы Агнес не слишком сильно трезвонила, когда будет креститься. На этот раз обошлось, но, поднимаясь на ноги, малышка споткнулась о край собственного платья и бухнулась с таким звоном и грохотом, что чуть не заглушила церковный колокол. Леди Имейн, которая разумеется, оказалась прямо у них за спиной, испепелила Киврин негодующим взглядом.

Киврин поставила девочек рядом с Эливис. Леди Имейн преклонила колени полностью, леди Ивольда ограничилась реверансом. Когда

Имейн поднялась, откуда-то выскочил слуга с обитой темным бархатом подставкой под колени и установил ее для Ивольды рядом с Розамундой. Другой слуга принес такую же подставку на мужскую половину для сэра Блуэта и помог ему на нее опуститься. Отдуваясь, пыхтя и цепляясь за руку слуги, сэр Блуэт грузно навалился на подставку. Лицо его побагровело от натуги.

Киврин с завистью посмотрела на подушечку леди Ивольды, вспоминая пластиковые откидные подставки на спинках скамей в церкви Святой Марии. Она и не задумывалась, какое спасение эти жесткие деревянные скамьи — до сих пор, пока не встала с колен и не представила со страхом, каково будет отстоять всю службу на ногах.

По полу тянуло холодом. Церковь выстудили насквозь, несмотря на огни — да и какое тепло от масляных плошек, расставленных вдоль стен и у статуи святой Катерины, увитой остролистом. На каждом окне в обрамлении еловых веток теплилось по тонкой желтоватой свече, однако вряд ли отец Рош рассчитывал, что в их свете цветные вставки окажутся непроницаемо темными.

По обеим сторонам алтаря в серебряных шандалах горели такие же тонкие свечи, а перед ними и

по верху алтарной преграды зеленел падуб, между острыми глянцевитыми листьями которого отец Рош приткнул восковые свечи, присланные Имейн. «Теперь даже она не найдет к чему придраться», — подумала Киврин, оглядываясь на вечно недовольную старуху.

Зажав реликварий в молитвенно сложенных ладонях, Имейн тем не менее не молилась, а смотрела прямо на алтарную преграду. Судя по неодобрительно поджатым губам, свечи предназначались не туда, хотя лучшего места для них было не сыскать.

Они освещали распятие и Страшный суд, озаряя своим сиянием почти весь неф.

От этого вся церковь выглядела более родной и домашней, как оксфордская церковь Святой Марии. На прошлое Рождество Дануорти водил Киврин на экуменическую службу. Она сама планировала сходить на всенощную к реформистам, чтобы послушать латынь, но всенощная не состоялась. Священника позвали почитать из Евангелия на экуменической службе, поэтому он передвинул всенощную на четыре часа дня.

Агнес теребила свой колокольчик. Леди Имейн грозно сверкнула на нее глазами поверх молитвенно сложенных рук, а Розамунда, перегнув-

шись через Киврин, шикнула на сестру.

— Нельзя звонить, пока идет служба, — прошептала Киврин, наклоняясь к самому уху Агнес.

— Я не звонила, — ответила Агнес громким шепотом, разнесшимся по всей церкви. — Лента слишком тугая. Видишь?

Киврин так не показалось. Наоборот, если бы она успела повязать ее потуже, колокольчик не звякал бы от каждого движения, но спорить с переутомившимся ребенком, когда вот-вот начнется служба, она не собиралась, поэтому попробовала нащупать узел.

Агнес, видимо, пыталась снять ленту через ладонь, не развязывая. Размахрившаяся тесьма затянулась мертвым узлом. Киврин попыталась подцепить его ногтем, посматривая украдкой на стоящих сзади. Всенощная начнется с процессии — отец Рош со служками (если они у него найдутся) должен пройти по проходу, кропя святой водой и читая покаянный пятидесятый псалом.

Киврин потянула за ленту с обеих сторон от узла, затягивая его окончательно. Теперь снять ее можно было только разрезав, зато она стала чуть свободнее. Хотя ладонь через петлю все равно не пролезала.

Колокол смолк, но отец Рош не показывался, и

прохода, по которому он смог бы подойти, тоже не наблюдалось. Сельчане столпились у врат, заполонив все пространство. Кто-то поставил ребенка на надгробие рыцарской могилы, чтобы ему было лучше видно. Киврин снова принялась бороться с лентой — подсунув под нее два пальца, дернула ее вверх, пытаясь растянуть.

— Не порви! — предупредила Агнес своим звучным театральным шепотом. Киврин, поспешно перевернув бубенчик на тыльную сторону запястья, вложила его девочке в ладошку.

— Зажми вот так, — показала она, загибая пальцы Агнес в кулак. — И не выпускай.

Агнес послушно сжала кулачок. Киврин накрыла его другой ладонью, чтобы было похоже на молитвенный жест, объясняя вполголоса:

— Держи крепко, и он не зазвонит.

Агнес с ангельской кротостью склонила голову, касаясь лбом сложенных домиком ладоней.

— Умница, — похвалила Киврин, прижимая ее к себе за плечи одной рукой и оглядываясь на церковные врата. Они были закрыты. Киврин со вздохом облегчения повернулась обратно к алтарю.

Там стоял отец Рош. В вышитой белой столе поверх пожелтевшего стихаря с еще более обтре-

панным подолом, чем края ленточки у Агнес. Он явно ждал все это время, пока Киврин закончит возиться с Агнес, но в глазах его не было ни укора, ни нетерпения. На лице его отражалось совсем другое, и Киврин невольно вспомнился мистер Дануорти, смотревший на нее через стеклянную перегородку.

Леди Имейн кашлянула (скорее, рыкнула), и отец Рош опомнился. Отдав книгу Кобу, облаченному в засаленный подризник и пару слишком больших кожаных башмаков, он преклонил колени перед алтарем. Потом забрал книгу обратно и принялся читать поучения.

Киврин повторяла их про себя вместе с ним, на латыни, под эхо параллельного перевода.

— Кого узрели вы, о пастухи? — декламировал отец Рош на латыни, переходя к респонсорию. — Ответствуйте, кто сошел на землю.

Он вдруг замолк, морща лоб и глядя на Киврин.

Забыл, поняла она и тревожно посмотрела на Имейн, в надежде, что та не заметит незавершенности. Однако та испепеляла отца Роша взглядом, сведя обтянутые шелковым апостольником скулы.

Рош по-прежнему смотрел на Киврин, морща

лоб.

— Ответствуйте, кто вам явился, — произнес он, и Киврин облегченно вздохнула. — Поведайте, кого узрели вы.

Неверно. Она прошептала одними губами следующую строку, внушая ему повторять за ней. «Узрели мы новорожденного Христа». Рош, казалось, не замечал, хотя смотрел на Киврин в упор. «Увидел я…» Он снова запнулся.

«Узрели мы новорожденного Христа», — отчетливее зашептала Киврин. Леди Имейн обернулась.

— И ангелов, поющих Господу хвалу, — продолжал Рош, и снова неверно. Леди Имейн перевела свой негодующий взгляд на него.

Обо всем этом наверняка будет доложено епископу. И о свечах, и о неаккуратном подоле и бог весть еще о каких недочетах и прегрешениях.

«Ответствуйте, что зрели вы», — подсказала Киврин, и священник будто опомнился.

— Ответствуйте, что зрели вы, — произнес он четко и ясно. — И о рождении Христа поведайте. Узрели мы новорожденного Христа и ангелов, поющих Господу хвалу.

Он перешел к «Исповедую…», и, хотя Киврин продолжала шептать слова про себя, отец Рош

больше не сбивался. Она слегка успокоилась, но не сводила с него глаз, когда он направился к алтарю читать «Молим тебя, Господи…»

Под стихарем у него чернел подризник — оба одеяния изначально довольно тонкой работы, судя по всему. Рошу они были малы — когда он склонился над алтарем, из-под края подризника показались добрых сантиметров десять его поношенных коричневых чулок. Наверное, облачение досталось от предшественника — или с барского плеча капеллана Имейн.

Священник в реформистской церкви накинул синтетический полиэстровый стихарь поверх коричневого свитера с джинсами. Он заверил Киврин, что всенощная будет проведена строго по канону, хоть и в послеполуденный час. Текст антифона восходит к восьмому веку, а ужасающе подробно выписанные стояния крестного пути — копии туринских. Однако церковь располагалась в бывшем канцелярском магазине, роль алтаря исполнял складной столик, и снаружи карильон на Карфаксе домучивал «Полночью ясной…»

— Господи, помилуй, — произнес Коб, молитвенно складывая руки.

— Господи, помилуй, — подхватил отец Рош.

— Христе, помилуй, — проговорил Коб.

— Христе, помилуй, — звонко откликнулась Агнес.

Киврин прижала палец к губам, прошипев «тс-с-с». Господи, помилуй. Христе, помилуй. Господи, помилуй.

На экуменической службе тоже читали «Господи, помилуй» — наверное, священник-реформист выторговал у викария в обмен на передвинутую всенощную, но священник из Церкви Тысячелетия отказался в этом участвовать и только смотрел на всех с холодным неодобрением. Как леди Имейн.

Отец Рош вроде бы освоился. Прочитал без запинки Великое славословие и Песнь ступеней, затем перешел к Евангелию.

— Initium sancti Envangelii secundum Luke[22], — произнес он и начал, спотыкаясь, читать на латыни. — «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле…»

Викарий в церкви Святой Марии читал то же самое. Только, по настоянию Церкви Тысячелетия, в общенародном переводе, который начинался так: «Днесь посудили политиканы устроить перепись для всех налогоплательщиков…»

---

[22] Примечания: 1.22
Из святого Евангелия от Луки.

И все равно это было то же Евангелие, которое сейчас старательно зачитывал отец Рош.

— «И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» — Отец Рош поцеловал Библию. — Per evangelica dicta deleantur nostra delicta[23].

Дальше по порядку предполагалась проповедь. В большинстве деревенских приходов священники проповедовали только по большим праздникам, да и то вся проповедь сводилась к катехизису — перечислению семи смертных грехов и семи деяний милосердия. Полная проповедь скорее всего будет на торжественной литургии, рождественским утром.

Однако отец Рош вышел в центральный проход, который снова почти весь заполнился сельчанами, подпирающими колонны и друг друга в попытках встать поудобнее, и начал речь:

— Во дни, когда Христос сошел с небес на землю, Господь послал нам знаки, возвещающие его прибытие. И дни кончины века тоже будут отмечены знаками. Будут глады и моры, и нечистый

---

[23] Примечания: 1.23
Евангельскими изречениями да изгладятся наши согрешения.

возьмет власть над всея землей.

«Ох нет, — подумала Киврин, — только не надо про дьявола на вороном коне».

Она оглянулась на Имейн — та клокотала от ярости. Впрочем, старухе, по сути, все равно, что он скажет: она лишь выискивает, к чему придраться, чтобы наябедничать епископу.

Леди Ивольда смотрела сурово, остальные стояли со скучающе покорным видом, в который проповедь повергает всех прихожан во все века. На прошлое Рождество в церкви Святой Марии слушатели сидели с тем же выражением лица.

Темой для проповеди в том году послужила борьба с мусором, и декан Крайст-Чёрч начал ее так: «Христианство родилось в хлеву. Значит ли это, что ему суждено закончить свои дни в выгребной яме?»

Но все это было не важно. Стояла полночь, в церкви Святой Марии имелся каменный пол и настоящий алтарь, и, если закрыть глаза, исчезала ковровая дорожка, и зонтики, и лазерные свечи. Киврин убрала тогда пластиковую подставку и встала коленями прямо на камни, пытаясь вообразить, каково оно в Средневековье.

Мистер Дануорти предупреждал, что действительность не сравнится ни с какими предположе-

ниями. И оказался прав, конечно. Во всем, кроме службы. Киврин представляла ее именно так — каменный пол и «Господи, помилуй» вполголоса, запах ладана вперемешку со свечным жиром, и холод.

— Господь придет с огнем и мором, и все падут под ними, — вещал отец Рош, — но даже в последние дни Господь не оставит нас своим милосердием. Он пошлет нам утешение и радость и примет нас в чертог свой.

Примет в чертог. Киврин снова подумала о мистере Дануорти. «Не нужно вам туда. Все будет не так, как вам видится». И он не ошибся. Он никогда не ошибается.

Но даже ему, волновавшемуся о разбойниках, оспе и кострах, не пришло в голову, что Киврин элементарно потеряется. Что за какую-нибудь неделю до стыковки она так и не найдет место переброски. Она посмотрела на Гэвина; рыцарь, стоя по ту сторону от прохода, глядел на Эливис. Надо будет как-то отловить его после службы.

Отец Рош вернулся к алтарю, переходя к причастию. Агнес привалилась к Киврин, и та обняла ее покрепче. Бедняжка, совсем засыпает. Встала до зари, потом вся эта дикая беготня… Сколько, интересно, будет длиться причастие?

В церкви Святой Марии вся служба заняла час с четвертью, и то у доктора Аренс посреди оффертория запищал пейджер. «Роды, — прошептала она Киврин и Дануорти, пробираясь к выходу. — Надо же как кстати».

«Интересно, они тоже сейчас в церкви?» — подумала Киврин, но тут же опомнилась — там Рождество уже позади. Они его отмечали через три дня после ее перемещения в прошлое, пока она лежала больная. Там сейчас — какое? — второе января, рождественские каникулы почти на исходе, и все украшения уже сняли.

В церкви становилось душно, свечи забирали весь воздух. Позади шаркали и переминались с ноги на ногу, отец Рош исполнял обряды согласно канону, а Агнес наваливалась на Киврин все сильнее. Когда добрались до «Свят, свят, свят», она опустилась на колени с нескрываемым облегчением.

Киврин попыталась представить второе января в Оксфорде — в магазинах новогодние распродажи, карильон на Карфаксе нем как рыба. Доктор Аренс наверняка в лечебнице — разбирается с послепраздничными расстройствами желудка, а мистер Дануорти готовится к зимнему триместру. Хотя нет. Она снова увидела его за стеклянной

перегородкой. «Ему не до того, он занят беспокойством обо мне».

Отец Рош, подняв чашу, преклонил колени и поцеловал алтарь. На мужской половине снова началось шарканье и перешептывание. Киврин повернула голову. Гэвин со скучающим видом откинулся на пятки. Сэр Блуэт спал.

И Агнес тоже. Она уже совсем легла на Киврин, ясно было, что на «Отче наш» ее не разбудить. Киврин и пытаться не стала. Когда все поднялись, она просто прижала малышку к себе покрепче и устроила поудобнее. У нее самой заныло колено — видимо, попало в ямку между двумя камнями. Киврин подсунула под него сложенный подол плаща.

Отец Рош положил в чашу кусок хлеба, сказал слова о крови и теле Христовых, и все снова опустились на колени под «Агнца Божьего».

— *Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis*, — читал нараспев отец Рош. — Агнец божий, взявший на себя грехи мира, помилуй нас.

Агнус деи. Агнец божий. Киврин с улыбкой посмотрела на Агнес. Та спала без просыпа, всем весом навалившись на Киврин и приоткрыв рот, но маленький кулачок, державший колокольчик, так и не разжался. «Агнец мой», — подумала

Киврин.

Стоя на коленях на каменном полу церкви Святой Марии, она представляла себе и свечи, и холод, но никак не леди Имейн, только и дожидающуюся, когда отец Рош ошибется. Не Гэвина с Эливис, не Розамунду. И не отца Роша с разбойничьим лицом и в прохудившихся чулках.

Даже за сотню лет — за семь сотен лет и тридцать четыре года — она не смогла бы представить себе Агнес, с ее щенком, с ее капризами — и с зараженным коленом. «Я рада, что я здесь, — подумала Киврин. — Несмотря ни на что».

Отец Рош перекрестил собравшихся чашей и, выпив вино, возгласил: «*Dominus vobiscum*»[24]. Люди за спиной зашевелились. Основная часть службы подошла к концу, народ потянулся к выходу, чтобы не устраивать столпотворения. Очевидно, на выходе расступаться перед домочадцами владельца поместья уже не предполагалось. И подождать с разговорами хотя бы до порога тоже. Киврин едва расслышала слова завершения.

— *Ite, missa est*[25], — произнес отец Рош, едва перекрывая общий гомон. Леди Имейн, не до-

---

[24] Примечания: 1.24
Господь с вами!

[25] Примечания: 1.25
Идите, месса совершилась (лат.)

жидаясь даже, пока он опустит поднятую для благословения руку, промаршировала прочь с таким видом, будто направлялась прямиком в Бат, докладывать епископу.

— Нет, вы видели сальные свечи у алтаря? — спросила она у леди Ивольды. — А ведь я нарочно ему прислала восковые и наказала зажечь.

Леди Ивольда, покачав головой, бросила недобрый взгляд на отца Роша, и обе возмущенные старухи вышли, а за ними по пятам — Розамунда.

Девочка явно искала способ возвращаться отдельно от сэра Блуэта — и придумала неплохо. За спинами старух и Розамунды сомкнулась шумная хохочущая толпа. Пока сэр Блуэт, пыхтя и кряхтя, поднимется на ноги, они будут уже у ворот поместья.

Киврин сама едва могла встать. Нога затекла, а Агнес спала как убитая.

— Агнес, — позвала Киврин. — Просыпайся, пора домой.

Сэр Блуэт, снова побагровев от натуги, все-таки поднялся и подошел взять Эливис под руку.

— Ваша дочь заснула, — заметил он.

— Да.

Они пошли к выходу.

— Ваш супруг не приехал, как обещал.

— Нет, — услышала Киврин. Эливис крепче ухватилась за руку Блуэта.

Снаружи зазвонили колокола, все разом, наперебой, без складу и ладу, зато ликующе и празднично.

— Агнес, — расталкивая девочку, позвала Киврин. — Пора звонить в колокольчик.

Малышка не шевельнулась. Киврин попыталась взвалить ее на плечо. Руки девочки безвольно повисли у Киврин за спиной, и колокольчик коротко тренькнул.

— Ты ведь всю ночь ждала, когда можно будет позвонить, — приподнимаясь на колено, продолжала Киврин. — Просыпайся, агнец.

Она оглянулась в поисках подмоги. Церковь почти опустела. Коб ходил от окна к окну, гася своими исцарапанными пальцами фитили свечей. Гэвин с племянниками Блуэта в задней части нефа опоясывались мечами. Отца Роша нигде не было. Наверное, это он, забравшись на колокольню, устроил такой радостный развеселый трезвон.

Затекшую ногу закололо иголками. Киврин подвигала ею в тонком башмаке, потом попробовала наступить. Ощущения не ахти, но стоять

можно. Тогда она взвалила Агнес повыше и хотела подняться. Нога зацепилась за подол юбки, и Киврин полетела вперед.

Ее подхватил Гэвин.

— Сударыня Катерина, госпожа Эливис послала меня помочь вам, — произнес рыцарь, без малейших усилий забирая у нее Агнес и перекидывая себе на плечо. Киврин, прихрамывая, пошла за ним к выходу.

— Спасибо! — поблагодарила она, когда запруженный людьми церковный двор остался позади. — Я боялась, у меня руки отвалятся.

— Да, она девчушка крепкая.

Бубенчик соскочил у Агнес с запястья и упал на снег, звякнув в унисон большим колоколам. Киврин подобрала его. Узел затянулся до микроскопических размеров, а растрепанные концы ленты превратились в тонкую бахрому, но как только Киврин взяла бубенец в руки, узел разошелся. Она завязала его бантиком на руке Агнес.

— Я всегда рад выручить даму из беды, — ответил Гэвин.

Они оказались на лугу вдвоем. Остальные уже подходили к воротам поместья. Мажордом поднял фонарь повыше, освещая дорогу леди Ивольде и леди Имейн. На погосте еще толпились

люди, кто-то развел костер у дороги, и сельчане собрались вокруг, грея руки и передавая друг другу деревянную плошку непонятно с чем. Но здесь, посреди луга, кроме них с Гэвином не было никого. Вот он, удобный случай, на который Киврин уже перестала надеяться.

— Я хотела поблагодарить вас за то, что искали моих обидчиков, и за то, что спасли меня в лесу и привезли сюда. А далеко отсюда то место? Можете меня туда проводить?

Он остановился в недоумении.

— Вам разве не сказали? Я перевез все ваши сундуки и повозку в поместье. Разбойники похитили все добро, и мне ничего не удалось отыскать, сколько я ни скакал по их следам.

— Я знаю, что вы привезли мои пожитки, спасибо. Я не за этим хочу попасть на то место, — затараторила Киврин, боясь, что не успеет изложить просьбу, до того как они нагонят остальных.

Леди Имейн обернулась, замедлив шаг у ворот. Нужно поторопиться, пока старуха не послала мажордома выяснять, что их задержало.

— Я лишилась памяти, когда на меня напали. И я подумала — вдруг то место пробудит какие-нибудь воспоминания.

Гэвин, снова остановившись, смотрел на до-

рогу, ведущую к церкви с холма. Там, быстро приближаясь, плясали какие-то огни. Запоздавшие прихожане?

— Кроме вас никто не знает, где находится это место, — продолжала уговаривать Киврин. — Я совсем не хочу вас утруждать. Если бы вы объяснили мне хотя бы на словах, я попыталась бы сама…

— Там ничего нет, — бросил рыцарь рассеянно, глядя на цепочку огней. — Повозку и сундуки я перевез в поместье.

— Да, я знаю и очень вам признательна, только…

— Они в амбаре. — Гэвин обернулся на конский топот. Огни оказались фонарями в руках у всадников. Проскакав мимо церкви, затем через всю деревню, с полдюжины верховых осадили коней у ворот, где стояли Эливис и остальные.

«Ее муж», — решила Киврин, но не успела она додумать, как Гэвин сунул Агнес ей в руки и помчался к дому, вытаскивая на бегу меч.

«Ох, нет». Киврин тоже побежала, спотыкаясь под тяжестью спящей девочки. Это не муж. Это их гонители, те, от кого они здесь скрывались, те, из-за кого Эливис так негодовала на Имейн, раскрывшую Блуэту их местопребывание.

Всадники с факелами спешились. Эливис подошла к одному из трех оставшихся в седле и как подкошенная рухнула на колени.

«Нет, нет, нет», — задыхаясь, твердила про себя Киврин. Бубенец Агнес жалобно позвякивал.

Гэвин подбежал, сверкая мечом в свете фонарей, и тоже бухнулся на колени. Эливис поднялась и шагнула к всадникам, простирая руку в приветственном жесте.

Киврин замерла, пытаясь отдышаться. Сэр Блуэт вышел вперед, припал на колено и встал. Всадники откинули капюшоны. Под ними оказались какие-то шапочки, похожие на короны. Гэвин, не поднимаясь с колен, сунул меч в ножны. Один из всадников поднял руку, в ней что-то блеснуло.

— Что такое? — протянула Агнес сонно.

— Не знаю, — ответила Киврин.

Девочка извернулась у нее на руках.

— Это же волхвы! — восхищенно проговорила она.

Запись из «Книги Страшного суда»

(064996-065537)

Сочельник (по старому стилю) 1320 года. При-

был посланник от епископа, а с ним еще два церковника. Прискакали сразу после всенощной. Леди Имейн не нарадуется — убеждена, что их прислали в ответ на ее просьбу о новом капеллане. Я сомневаюсь. Они прибыли без слуг и какие-то взвинченные, словно отлучились второпях и тайком.

Это наверняка связано как-то с лордом Гийомом, хотя ассизы — светский суд, а не церковный. Возможно, епископ дружен с лордом Гийомом или с королем Эдуардом II, и они приехали выторговать что-нибудь у Эливис в обмен на свободу мужа.

Как бы то ни было, въехали они с шиком. Агнес даже приняла их за трех волхвов — и неудивительно. У посланника такое тонкое, аристократическое лицо, и разряжены все по-королевски — у одного, например, пурпурная бархатная мантия с шелковым белым крестом.

Леди Имейн моментально прилипла к нему с жалобами на невежественного, неуклюжего и совершенно невыносимого отца Роша. «Его нужно лишить прихода», — заявила она.

К сожалению (но к счастью для отца Роша), это оказался не посланник, а просто клирик. Посланник был в красном облачении (тоже весьма

роскошном), с вышивкой золотом и оторочкой из собольего меха. Третий, судя по белой рясе (куда более тонкой шерсти, чем мой плащ), подпоясанной шелковым шнуром, — монах-цистерцианец; пальцы у него унизаны перстнями, достойными королевской сокровищницы, но поведение отнюдь не монашеское. Они с посланником потребовали вина, не успев даже спешиться, а клирик явно порядком набрался еще в дороге. Он поскользнулся, слезая с коня, и чуть не упал, так что толстому монаху пришлось вести его в дом под руки.

(Пауза.)

Я, похоже, неправильно истолковала причины их появления в поместье. Эливис и сэр Блуэт, войдя в дом, о чем-то побеседовали с посланником в уголке, — недолго, всего пару минут, а потом Эливис сказала Имейн: «Они ничего не слышали о Гийоме».

Имейн эта весть не удивила и даже не особенно взволновала. Ее заботит только одно — получить нового капеллана, поэтому она вовсю стелется перед гостями. Велела немедленно подавать рождественское угощение и усадила посланника во главе стола. Гостей, однако, питье интересует куда больше еды. Имейн сама поднесла им по кубку

— церковники залпом все осушили и требуют еще. Клирик ухватил Мейзри за подол, когда она проходила мимо с кувшином, подтянул к себе, перехватывая руками, как канат, и запустил лапищу под рубаху. Мейзри, конечно, зажала уши ладонями.

Единственная польза от них — усиливают всеобщую неразбериху. Мне удалось всего парой слов перебросить с Гэвином с глазу на глаз, но завтра-послезавтра я обязательно найду способ поговорить с ним без посторонних — тем более все внимание Имейн поглощено посланником (который как раз выхватил у Мейзри кувшин и сам наливает себе вина). Очень надеюсь, что Гэвин покажет мне, где переброска. Времени еще уйма. Почти неделя.

Глава двадцать первая

Двадцать восьмого умерли еще двое — оба «вторичные», с танцев в Хедингтоне. У Латимера случился инсульт.

— Развился миокардит, который привел к тромбоэмболии, — сказала Мэри по телефону. — В данный момент Латимер ни на что не реагирует.

С гриппом слегла почти половина карантинных, размещенных у Дануорти, в лечебницу принимали только самых тяжелых — не хватало места. Сбиваясь с ног, Дануорти вместе с Финчем и одной карантинной, прошедшей, как выяснил Уильям, годичные сестринские курсы, раздавал глотательные термометры и поил больных апельсиновым соком.

И беспокоился. Мэри, когда он передал ей слова Бадри про «не может быть» и «это все крысы», ответила: «Он бредит, Джеймс. Не бери в голову. У меня тут один из пациентов только и твердит, что о королевских слонах». И все равно Дануорти неотвязно преследовала тревога, что Киврин попала в 1348-й.

Ведь еще в самый первый день Бадри спрашивал, какой год, и повторял «что-то не так».

После ссоры с Гилкристом Дануорти позвонил Эндрюсу — сообщить, что доступ в лабораторию Брэйзноуза обеспечить не удалось.

— Ничего, — ответил Эндрюс. — Главное — временные координаты, пространственные не так важны. Попробую установить их из колледжа Иисуса. Я уже договорился насчет проверки параметров, они не возражают.

Изображение отрубили, но в голосе Эндрюса чувствовалась тревога, будто оператор боялся, что Дануорти снова начнет уговаривать его приехать в Оксфорд.

— Я тут почитал насчет сдвигов. Теоретически никаких пределов не существует, однако на практике минимальный сдвиг всегда больше нуля, даже в ненаселенной местности. Максимальный сдвиг ни разу пока не превышал пяти лет — но это в пробных перебросках, без человека. При полноценной переброске самый большой сдвиг был на удаленке в XVII век — двести двадцать шесть дней.

— А если не сдвиг? — спросил Дануорти. — Есть еще что-нибудь, кроме сдвига, что может сбиться?

— Если с координатами не напортачили, то ничего, — заверил Эндрюс и обещал отзвониться,

как только проведет проверку параметров.

Пять лет — это 1325 год. Чума даже в Китае еще не началась. Кроме того, Бадри сказал Гилкристу, что сдвиг минимальный.

С координатами тоже должно быть все в порядке — Бадри проверял их до болезни. Тем не менее Дануорти не отпускала тревога, и он каждую свободную минуту кидался обзванивать операторов, пытаясь найти кого-нибудь, кто согласится приехать и прочитать привязку, когда прибудут результаты секвенирования и Гилкрист откроет лабораторию. Вообще-то их должны были прислать еще накануне, но пока ничего не пришло.

Ближе к вечеру позвонила Мэри.

— Можешь организовать у себя лазарет?

Видеосвязь наладили. СЗК у Мэри выглядел помятым, будто она в нем спала, медицинская маска болталась на шее на одной тесемке.

— У меня и так лазарет. Полный карантинных. Тридцать один человек на сегодняшний день.

— А еще одну палату организуешь, если что? Не прямо сейчас, — добавила она устало, — но такими темпами скоро придется. У нас все почти под завязку, а из медперсонала некоторые уже свалились, некоторые отказываются приходить.

— Результатов секвенирования так и нет?

— Нет. Пока только звонили из Центра по гриппу. В первый раз они напутали, пришлось переделывать заново. Завтра должны прислать. Теперь они подозревают уругвайский вирус. — Мэри вымученно улыбнулась. — Бадри ни с кем из Уругвая не контактировал, нет? Когда ты сможешь приготовить койки?

— К вечеру, — ответил Дануорти.

Финч, однако, сообщил, что почти все раскладушки заняты, и Дануорти пришлось выбивать из Госздрава еще дюжину. Переоборудовать две аудитории под лазарет закончили только на рассвете.

Финч, помогавший ставить и заправлять раскладушки, объявил, что на исходе чистое белье, маски и туалетная бумага.

— У нас и на карантинных едва хватает, — сетовал он, подтыкая простыню. — Какой уж там лазарет. А бинтов вообще нет.

— Не война ведь, — возразил Дануорти. — Вряд ли понадобится перевязывать раненых. Вы не выяснили, в других колледжах никто из операторов не оставался на каникулах в Оксфорде?

— Да, сэр, я все обзвонил. Никто не оставался. Я повсюду развесил объявления, чтобы экономили туалетную бумагу, но толку пока никакого.

Особенно американки подводят, — натягивая наволочку, пожаловался Финч. — Хотя, конечно, я им безмерно сочувствую. Вчера ночью слегла Хелен, а второго состава у них нет, заменить некем.

— Хелен?

— Мисс Пьянтини. Тенор. Жар, тридцать девять и семь. Теперь «Чикагский сюрприз» срывается.

«Что, возможно, и к лучшему», — подумал Дануорти.

— Узнайте, пожалуйста, смогут ли они и дальше дежурить у меня на телефоне, даже если прекратят репетиции. Я жду несколько важных звонков. Эндрюс не объявлялся?

— Нет, сэр, пока нет. И изображение снова полетело. — Финч взбил подушку. — Жаль, что так получается с концертом. Они, конечно, могут сыграть стедман, но это вчерашний день. И ведь ничего не поделаешь. Прискорбно.

— Вы составили список операторов?

— Да, сэр, — сражаясь с тугой раскладушкой, пропыхтел Финч. — Вон, около доски лежит.

Дануорти взял стопку бумаг и начал просматривать верхнюю. Там шли столбцы каких-то чисел, состоящих из цифр от единицы до шестерки, чередующихся в каждой строке.

— Нет, это не то. — Финч выхватил у него верхний лист. — Это перемены для «Чикагского сюрприза». Вот, — он подал Дануорти отдельную бумагу, — я их переписал по колледжам, с адресами и телефонами.

В аудиторию вошел Колин — в мокрой насквозь куртке — с рулоном клейкой ленты и кипой ламинированных листов.

— Викарий попросил развесить по всем палатам, — пояснил он, вытаскивая плакат. «Путаются мысли? Появилась рассеянность? Помутнение сознания — один из симптомов гриппа!»

Оторвав полоску скотча, Колин прилепил плакат к доске.

— Хожу я по лечебнице, расклеиваю, и тут эта миссис Гадость, представляете? Как думаете, что она делала? — Мальчик вытащил из стопки еще один плакат с надписью: «Надевайте медицинские маски!» и прицепил его на стену над раскладушкой, которую заправлял Финч. — Зачитывала больным Библию. — Он убрал скотч в карман. — Не дай бог мне заразиться. — Сунув свернутые плакаты под мышку, Колин двинулся к двери.

— Надевай маску, — посоветовал Дануорти.

— Вот и Гадость то же самое сказала. А еще

сказала, что Господь покарает всех, кто не прислушивается к речам праведным. — Он выудил из кармана серый клетчатый шарф. — Я его ношу вместо маски, — пояснил мальчик, по-разбойничьи завязывая шарфом нижнюю половину лица.

— Микроскопические вирусы ткань не задержит, — предупредил Дануорти.

— Знаю. Тут все дело в цвете. Он их отпугивает. — Колин умчался.

Дануорти позвонил Мэри — хотел сообщить, что лазарет готов, — но не пробился и пошел в лечебницу. Дождь слегка поутих, на улицах снова появились прохожие — в основном в масках. Кто-то возвращался из продуктового, кто-то пристраивался в очередь к аптеке. Но все равно на улицах царила неестественная, тревожная тишина.

Карильон выключили, понял Дануорти. Как-то жаль даже.

Мэри сидела у себя в кабинете, прилипнув взглядом к экрану.

— Секвенирование пришло, — объявила она, не дав Дануорти доложить про лазарет.

— Ты сообщила Гилкристу? — воодушевился он.

— Нет. Это не уругвайский вирус. И не южно-

каролинский.

— Тогда какой?

— H9N2. А те оба относились к H3.

— Откуда же он взялся?

— В Центре по гриппу не знают. Это неизвестный вирус. Прежде не секвенировался. — Мэри протянула ему распечатку. — Семиточечная мутация, — неудивительно, что он убивает людей.

Дануорти посмотрел на колонки цифр, которые напоминали партитуру «Чикагского сюрприза», — такие же непонятные перестроения.

— Но ведь кто-то его принес?

— Не обязательно. Примерно раз в десять лет происходит крупная антигенная мутация — антигенный шифт, грозящий эпидемией. Вирус мог зародиться и у Бадри. — Она забрала у Дануорти распечатку. — Ты не знаешь, у него рядом с домом никто скотину не держит?

— Скотину? У него городская квартира в Хедингтоне.

— Вирус иногда мутирует в результате генетического обмена между птичьим и человеческим штаммами. Центр по гриппу просил проверить возможные контакты с птицами и воздействие радиации. Бывает, что вирусные мутации вызываются рентгеновскими лучами. — Мэри

заскользила взглядом по строчкам в распечатке, словно пытаясь найти там ответ. — Странно. Нет рекомбинации генов гемагглютинина, только точечная мутация невероятных масштабов.

Хорошо, что она не сказала Гилкристу. Тот обещал открыть лабораторию, когда придет секвенирование. При таких результатах он только уверится в своих бредовых гипотезах.

— А средство от него есть?

— Появится, как только будет получен нуклеозидный аналог. И вакцина. Работа над прототипом уже начата.

— И как скоро?..

— От трех до пяти дней на создание прототипа, потом еще по меньшей мере пять на серийный выпуск, — если не возникнет сложностей с дупликацией белка. К десятому числу можно будет начать инъекции.

Десятое. И это только начнут колоть. Сколько времени уйдет на иммунизацию всей карантинной зоны? Неделя? Две? Как скоро Гилкрист со своими идиотами пикетчиками сообразит, что уже можно открывать лабораторию?

— Слишком долго, — сказал Дануорти вслух.

— Знаю, — вздохнула Мэри. — Бог весть сколько еще к тому времени заболеет. Только за сего-

дняшнее утро еще пять человек привезли.

— Полагаешь, это мутировавший штамм?

Мэри задумалась.

— Нет. Вероятнее всего, Бадри подцепил вирус на танцах в Хедингтоне. Там могли быть новые индусы или «земляне», или другие, которые тоже не верят в антивирусные препараты и современную медицину. Если помнишь, казарочий грипп 2010 года начался в коммуне последователей Христианской науки. Так что источник есть. И мы его найдем.

— А что будет с Киврин? Вдруг источник так и не найдут до самой стыковки? Она должна вернуться шестого января. Установят его к тому времени?

— Не знаю, — обреченно проговорила Мэри. — Ей, может, и ни к чему возвращаться в столетие, которое все больше тянет на десятку. Может, ей безопаснее побыть в своем 1320-м.

«Если она там», — мысленно закончил Дануорти и отправился к Бадри. Тот не упоминал о крысах с самого Рождества и сейчас заново переживал день, когда разыскивал Дануорти в Баллиоле. «Лаборатория?» — пробормотал он при виде профессора и попытался слабеющей рукой передать ему невидимую записку, а потом,

измученный, провалился в сон.

Дануорти постоял у койки пару минут и пошел к Гилкристу.

Пока он добрался до Брэйзноуза, дождь опять припустил, как из ведра. Пикетчики, поеживаясь, сгрудились под собственным транспарантом.

Сторож разбирал примостившуюся на стойке мини-елку. При появлении Дануорти он встрепенулся, но профессор, не останавливаясь, прошагал прямиком в колледж.

— Туда нельзя, мистер Дануорти! — крикнул ему вслед сторож. — Колледж закрыт.

Дануорти шел через двор. Прямо за лабораторией квартира Гилкриста. Профессор торопился, опасаясь, что сторож кинется за ним и попытается его завернуть.

На двери в лабораторию висел большой желтый знак с надписью: «Вход только по пропускам», а на косяке виднелся датчик электронной сигнализации.

— Мистер Дануорти! — навстречу ему под дождем размашистым шагом спешил Гилкрист. Наверное, сторож доложил. — Лаборатория закрыта.

— Мне нужно с вами поговорить, — ответил Дануорти.

Волоча длинную мишуру, к ним подбежал сторож.

— Вызвать университетскую полицию?

— Не надо. Пойдемте ко мне, — обратился Гилкрист к Дануорти. — Хочу вам кое-что показать.

Он проводил Дануорти к себе в кабинет, уселся за неубранный, заваленный разным хламом стол и нацепил какую-то сложную маску с кучей фильтров.

— Я разговаривал с Центром по гриппу. — Голос его теперь звучал глухо, как будто издалека. — Вирус оказался неизвестным штаммом непонятного происхождения.

— Его уже секвенировали, — сообщил Дануорти. — Аналог и вакцина будут в считанные дни. Доктор Аренс договорилась, чтобы Брэйзноуз поставили первым в очереди на иммунизацию, а я пока отыскиваю оператора, который сможет прочитать привязку, как только иммунизация будет закончена.

— Боюсь, это невозможно, — глухо возразил Гилкрист. — Я исследовал вопрос возникновения вспышек гриппа в XIV веке. Имеются серьезные основания считать, что серия эпидемий гриппа в первой половине столетия основательно подорвала здоровье населения, тем самым пони-

зив сопротивляемость чуме. — Он взял со стола старинную книгу. — Я нашел шесть отдельных свидетельств о вспышках болезни в период с октября 1318 по февраль 1321 года. «После сбора урожая на Дорсет обрушилась горячка, отнявшая немало жизней. Начиналась она с болей в голове и смятения во всем теле. Сколь ни отворяли кровь лекари, многие все равно умерли», — зачитал Гилкрист.

Горячка. В век, когда горячкой называли все болезни подряд — и холеру, и тиф, и корь. И какую ни возьми, каждая начинается с головных болей и «смятения во всем теле».

— «1319 год. Отменены батские ассизы, разбирающие дела за предыдущий год, — продолжал Гилкрист, читая уже из другой книги. — Весь суд охватила грудная хворь, из-за которой не осталось ни судей, ни присяжных, способных присутствовать на заседаниях». — Гилкрист посмотрел на Дануорти поверх маски. — Вы называли общественные опасения насчет сети беспочвенной истерией. Однако, похоже, историческая почва как раз имеется, и довольно твердая.

Твердая историческая почва. Описания горячек и непонятных «грудных хворей», которые могло вызвать что угодно — заражение крови, тиф и

еще сотня безымянных инфекций. Впрочем, что толку.

— Вирус не мог проникнуть через сеть, — начал Дануорти. — Переброски совершались и в Пандемию, и в траншеи Первой мировой — под пары иприта, и в Тель-Авив. Кафедра XX века посылала поисковое оборудование в разрушенный собор Святого Павла через два дня после точечного попадания. Ничего никогда оттуда не проникало.

— Это вы так думаете. — Гилкрист взял распечатку. — А по вероятностной оценке, возможность просачивания микроорганизма через сеть составляет три тысячных процента. Возможность нахождения жизнеспособного миксовируса в пределах критической зоны в момент открытия сети оценивается в двадцать две и одну десятую процента.

— Откуда вы только вытаскиваете эти цифры? — не выдержал Дануорти. — С потолка? Согласно той же оценке, — с сарказмом напомнил он, — вероятность, что Киврин столкнется на месте переброски со случайным прохожим, составляла четыре сотых процента — статистически, по вашим же словам, несущественная погрешность.

— Вирусы отличаются устойчивостью, — изрек

Гилкрист. — Они могут очень долго дремать, подвергаясь воздействию экстремальных температур и влажности, и остаться жизнеспособными. В определенных условиях они формируют кристаллы, способные сохранять свою структуру бесконечно. Если их поместить обратно в раствор, инфекционные свойства вернутся. Жизнеспособные кристаллы вируса табачной мозаики попадались даже в образцах XVI века. Существует серьезная опасность проникновения вируса через сеть, поэтому, учитывая обстоятельства, я не позволю открыть лабораторию.

— Вирус никак не мог проникнуть через сеть, — в который раз повторил Дануорти.

— Тогда почему вам непременно нужно прочитать привязку?

— Потому что… — Дануорти помолчал, пытаясь не взорваться. — Потому что лишь привязка покажет, все ли прошло как предполагалось, без сбоев.

— То есть вы допускаете вероятность ошибки? — подхватил Гилкрист. — Тогда почему в результате сбоя через сеть не мог проникнуть вирус? Пока такая вероятность существует, лаборатория останется под замком. Я уверен, что мистер Бейсингейм одобрил бы мои действия

целиком и полностью.

Бейсингейм, понял Дануорти. Вот оно что. Ни вирус, ни пикетчики, ни «грудная хворь» 1318 года тут ни при чем. Главное для Гилкриста — обелить себя в глазах Бейсингейма.

Ведь это Гилкрист, оставшись исполнять обязанности главы факультета, потребовал срочного пересмотра шкалы и передвинул дату переброски, надеясь, вне всякого сомнения, что Бейсингейм вернется — а дело уже сделано, и победителей не судят. Но он просчитался. Вместо блестящего результата — эпидемия, потерянный в прошлом историк и пикеты у ворот колледжа, поэтому сейчас он спасает свою шкуру, жертвуя при этом Киврин.

— Как насчет Киврин? Она тоже всецело одобрит? — поинтересовался Дануорти.

— Мисс Энгл отлично понимала, на что идет, когда вызвалась отправиться в 1320 год.

— Понимала, что вы решите ее там бросить?

— Разговор окончен, мистер Дануорти. Я открою лабораторию, когда будет определен источник вируса и станет доподлинно известно, что он не мог проникнуть через сеть.

Гилкрист проводил Дануорти к выходу. Снаружи дожидался сторож.

— Я не позволю вам бросить Киврин.

Гилкрист скривил губы под маской.

— А я не позволю вам ставить под удар здоровье населения. Проводите профессора до ворот, — обратился он к сторожу. — В случае новой попытки пробраться в Брэйзноуз звоните в полицию.

Дануорти дошел до ворот в сопровождении сторожа. Тот не спускал с него тревожного взгляда, словно боялся, как бы профессор не выкинул какой фортель.

«А ведь могу», — подумал Дануорти.

— Мне нужно от вас позвонить, — попросил он. — По университетским делам.

Сторож явно встревожился, однако телефон на стойку выставил. Под его бдительным оком Дануорти набрал номер Баллиола.

— Нам необходимо отыскать Бейсингейма, — сообщил он, когда Финч поднял трубку. — Срочно. Позвоните в шотландское бюро выдачи лицензий на рыбалку, составьте список гостиниц. И дайте мне телефон Полли Уилсон.

Он нажал отбой и начал набирать продиктованный номер — затем, передумав, позвонил Мэри.

— Я хочу участвовать в определении источника вируса.

— Гилкрист не открывает сеть, — догадалась Мэри.

— Да. Что нужно делать?

— То же, что и раньше — сопоставлять контакты, обращая внимание на то, о чем я тебе говорила: радиационное излучение, птицы или животные в непосредственной близости, религиозные запреты на медицинское вмешательство. Тебе понадобятся сводные таблицы первичных и вторичных.

— Пришлю за ними Колина, — решил Дануорти.

— Кстати, проверь заодно контакты Бадри четырех-шестидневной давности, на случай если вирус все же зародился у него. Инкубационный период в очаге возникновения может быть дольше, чем при передаче от человека к человеку.

— Этим пусть Уильям займется.

Он подвинул аппарат обратно сторожу, который тут же вышел из-за стойки и выпроводил гостя за ворота. Дануорти даже удивился, что сторож не побрел за ним до самого Баллиола.

От себя он сразу позвонил Полли Уилсон.

— Вы можете как-то проникнуть в систему управления сетью без доступа в лабораторию? Напрямую, через университетский компьютер?

— Не знаю. Университетский компьютер под защитой. Я могла бы попробовать пробить брешь или просочиться с баллиольского терминала. Надо посмотреть, что там стоит защитного. Вы уже нашли оператора, чтобы прочитал, если я пробьюсь?

— Как раз ищу. — Он отключился.

Вошел Колин, взять еще рулон скотча. С его куртки текло ручьями.

— Знаете, что пришло секвенирование и что вирус оказался мутантом?

— Да. Сбегай, пожалуйста, в лечебницу, забери у бабушки таблицы контактов.

Колин сгрузил стопку плакатов. «Берегитесь рецидива!» — предостерегал верхний.

— Говорят, это биологическое оружие, — поведал Колин. — Мол, вирус сбежал из какой-то лаборатории.

«Не из Гилкристовой, конечно», — подумал Дануорти с досадой.

— Ты не знаешь, где Уильям Гаддсон?

— Нет. — Колин скорчил гримасу. — Небось целуется с кем-нибудь на лестнице.

Уильям обнимался с одной из карантинных в буфетной. Дануорти попросил его установить передвижения Бадри с четверга по утро воскре-

сенья, а также взять выписку с кредитного счета Бейсингейма за декабрь, сам же отправился обратно к себе обзванивать операторов.

Один протягивал сеть для кафедры XIX века в Москве, двое других уехали кататься на лыжах. Остальных не оказалось дома, или они, предупрежденные Эндрюсом, просто не подходили к телефону.

Колин принес таблицы. Там царил хаос. Никто даже не пытался как-то сопоставить данные (за исключением тех, что касались Америки), и число контактов просто зашкаливало. Половина первичных побывала на танцах в Хедингтоне, две трети ходили по магазинам, и все, кроме двоих, ездили на метро. Легче иголку найти в стоге сена.

Полночи Дануорти проверял религиозную принадлежность и отмечал совпадения. Сорок два — англикане, девять — реформисты, семнадцать — невоцерконленные. Восемь — студенты Шрусбери, одиннадцать стояли в «Дэбенхеме» в очереди к Санта-Клаусу, девять работали на раскопках у Монтойи, тридцать делали покупки в «Блэкуэлле».

Двадцать один человек пересекался также по крайней мере с двумя из вторичных, а Санта-

Клаус из «Дэбенхема» контактировал с тридцатью двумя (со всеми, за вычетом одиннадцати, в пабе после смены), но со всеми первичными без исключения виделся только Бадри.

Утром Мэри — в СЗК, но без маски — привела больных, не поместившихся в лечебнице.

— Койки готовы?

— Две палаты по десять мест.

— Хорошо. Мы займем все.

Пациентов отвели в полевой лазарет, уложили на раскладушки и поручили заботам практикантки, крутившей шашни с Уильямом.

— Лежачих привезем, как только освободится «Скорая», — предупредила Мэри, идя вместе с Дануорти обратно к воротам колледжа.

Дождь прекратился совсем, небо посветлело, будто обещая проясниться.

— Когда привезут аналог? — спросил Дануорти.

— Дня через два, не раньше.

Они дошли до ворот, и Мэри остановилась в арке.

— Когда все это закончится, я отправлюсь куда-нибудь по сети. В какое-нибудь столетие, где нет эпидемий, где не надо ждать и волноваться или торчать беспомощно рядом, не в силах ничего

поделать. — Она пригладила седые волосы. — В какую-нибудь страну, которой далеко до десятки. Только ведь такой не существует, — улыбнулась она. — Да?

Дануорти подтвердил.

— Я тебе рассказывала про Долину царей?

— Ты говорила, что вы туда поехали в Пандемию.

Мэри кивнула.

— Каир закрыли на карантин, поэтому домой мы вылетали из Аддис-Абебы, и по дороге туда я сунула таксисту на лапу, чтобы он отвез нас в Долину царей посмотреть на могилу Тутанхамона. Безрассудство, конечно. Пандемия уже добралась до Луксора, и мы едва не угодили в карантин. В нас дважды стреляли. — Мэри покачала головой. — Нас могли убить. Сестра отказалась вылезать из машины, а я спустилась по лестнице, подошла к двери в усыпальницу и подумала: «Вот так, наверное, все было, когда ее откопал Картер».

Она смотрела сквозь Дануорти, вспоминая.

— Гробница, когда они до нее добрались, оказалась запечатана, и им пришлось дожидаться разрешения от властей на вскрытие. Картер пробил дыру в преграде и посмотрел внутрь, поднеся

свечу, — рассказывала Мэри слегка осипшим голосом. — Карнарвон спросил: «Видите что-нибудь?» «Да, — ответил Картер. — Удивительные вещи».

Мэри прикрыла глаза.

— Никогда не забуду, как стояла у этой запертой двери. Я и сейчас отчетливо ее вижу. Может, туда и отправлюсь, когда все закончится. В момент вскрытия гробницы Тутанхамона.

Мэри выпрямилась, высовываясь из-под арки.

— Опять дождь, ну что ты будешь делать… Мне надо обратно. Тяжелых пришлю, как только освободится «Скорая». — Она пристально посмотрела на Дануорти. — Ты почему без маски?

— У меня от нее очки запотевают. А ты почему?

— Их мало осталось. Т-клеточное вкололи?

Дануорти покачал головой.

— Некогда было.

— Найди время. И маску носи. Если заболеешь, Киврин от тебя никакой пользы не будет.

«Ей от меня и так никакой пользы, — подумал Дануорти, возвращаясь в корпус. — В лабораторию попасть не могу, привезти оператора в Оксфорд не могу, Бейсингейма не нашел». Он стал размышлять, с кем еще можно связаться.

Все агентства, рыболовов-инструкторов и прокаты лодок в Шотландии он уже обзвонил. Нигде никаких следов. Наверное, Монтойя права, и Бейсингейм вовсе не в Шотландии, а где-нибудь в тропиках с женщиной…

Монтойя! Как же он про нее забыл? Ведь последний раз они виделись на службе в Сочельник, и она разыскивала Бейсингейма, чтобы тот подписал ей разрешение на раскопки, а потом в Рождество она звонила спросить, по лососю он или по форели. И еще перезвонила, передав: «Уже не важно». Значит ли это, что она не только разобралась в лососях и форелях, но и отыскала самого декана?

Дануорти поднялся по лестнице к себе. Если Монтойя вышла на Бейсингейма и получила его подпись, то отправилась прямиком на раскоп, не озаботившись тем, чтобы обрадовать и остальных. Вряд ли она вообще помнила, что он тоже разыскивает Бейсингейма.

В таком случае, узнав от Монтойи о карантине, декан должен был немедленно вернуться в Оксфорд — если только его не задержала непогода или непроезжие дороги. Или, может, Монтойя не сказала ему про карантин? Запросто. Она ведь лишь о раскопках печется, попросила подпись

— и все.

Мисс Тейлор вместе с четырьмя здоровыми коллегами и Финчем делали приседания, выстроившись в кружок. Финч держал в одной руке листок бумаги и считал про себя.

— Я как раз собирался в лазарет, организовывать сестер, — смутился Финч. — Вот отчет от Уильяма. — Вручив Дануорти листок, секретарь выскочил за дверь.

— Звонила некая Уилсон, — сообщила мисс Тейлор, собирая футляры от колокольчиков. — Просила передать, что пробить брешь не удалось, поэтому придется просачиваться через терминал Брэйзноуза.

Дануорти поблагодарил, и мисс Тейлор вышла, а за ней гуськом ее звонарки.

Он позвонил на раскоп. Никого. Позвонил Монтойе домой, потом в ее кабинет в Брэйзноузе и снова на раскоп. Нигде никого. Тогда он еще раз набрал домашний номер Монтойи и, слушая длинные гудки, принялся читать отчет от Уильяма. Всю субботу и утро воскресенья Бадри провел на раскопках. Так, стоп. Чтобы это выяснить, Уильям должен был связаться с Монтойей…

Ему вдруг пришла в голову неожиданная мысль. Раскоп находится где-то под Уитни, на

охраняемой Национальным трестом ферме. Там ведь наверняка есть утки, или куры, или свиньи — или все сразу. А Бадри провозился там в грязи целых полтора дня — вот вам и резервуар вируса, во всей красе.

Появился промокший насквозь Колин.

— Плакаты кончились, — заявил он, роясь в своей сумке. — Завтра из Лондона еще пришлют. — Он откопал леденец и, не очищая, прямо с налипшим ворсом, сунул в рот. — А знаете, кто у вас на лестнице стоит? — запрыгнув на подоконную лежанку, он раскрыл «Век рыцарства». — Уильям с какой-то девушкой. Чмок-чмок, сюси-пуси. Еле проскочил.

Дануорти открыл дверь. Уильям неохотно отлепился от невысокой блондинки в «Берберри» и зашел к нему.

— Вы знаете, где мисс Монтойя? — спросил Дануорти.

— Нет. В Госздраве сказали, что она на раскопках, но телефон там не отвечает. Наверное, она у церкви или где-то на ферме и просто не слышит. Я хотел попробовать с вопилкой, но потом вспомнил про эту девушку, которая как раз с историко-археологического. — Он кивнул на миниатюрную блондинку. — Она сказала, что

видела разнарядку на раскопе, Бадри был записан на субботу и воскресенье.

— Вопилка? Это что?

— Ее можно подключить к линии, и она усиливает звонок на том конце. Чтобы дозваниваться, если человек в саду или в душе, или еще где-то, где не слышно.

— На этот аппарат можете такую установить?

— Сам я вряд ли справлюсь. Но знаю одного человека, который, пожалуй, сможет. Сейчас, схожу к себе за ее телефоном. — Он вышел, держась с блондинкой за руки.

— Если мисс Монтойя и вправду на раскопе, я могу вас провести за периметр, — предложил Колин, рассматривая леденец. — Как нечего делать. Там столько проходов неохраняемых. Кому охота караулить под дождем?

— Нет, я не собираюсь нарушать карантин. Наша задача — остановить эпидемию, а не наоборот.

— Вот так чума и распространялась во времена черного мора. — Леденец в пальцах Колина отливал ядовито-желтым. — Пытались от нее убежать, а вместо этого тащили заразу с собой.

В дверь просунулся Уильям.

— Она говорит, на установку вопилки уйдет

дня два, но у нее на телефоне есть своя, так что приглашает воспользоваться.

— Можно мне с вами? — встрепенулся Колин, хватая куртку.

— Нет. И переоденься в сухое. Не хватало еще, чтобы ты заболел.

Он пошел вниз вслед за Уильямом.

— Она учится в Шрусбери, — пояснил тот, устремляясь под дождь.

На полпути к воротам их догнал Колин.

— Не заболею. Мне же сделали прививки. А у них не было карантинов, поэтому чума распространялась везде. — Он вытащил шарф из кармана куртки. — Через периметр удобнее пробираться на Ботли-роуд. Там на углу у кордона есть паб, и охранник туда все время заскакивает погреться.

— Куртку застегни, — велел Дануорти.

Знакомой из Шрусбери оказалась Полли Уилсон. Она сообщила, что пишет оптическую обманку, чтобы пробраться в сетевой компьютер, но пока не получается. Дануорти позвонил на раскоп, никто не ответил.

— Пусть звонит, не отключайтесь, — посоветовала Полли. — Может, ей там долго идти. У вопилки радиус действия — полкилометра.

Дануорти выждал десять минут, потом повесил трубку и через пять минут повторил звонок, на этот раз слушая гудки целых четверть часа, прежде чем признать поражение. Полли не сводила обожающих глаз с Уильяма, а Колин дрожал в своей мокрой куртке. Дануорти отвел его домой и отправил в кровать.

— Я мог бы пролезть за периметр и попросить ее, чтобы перезвонила, — укладывая леденец обратно в сумку, сообразил Колин. — Если вы считаете себя слишком старым для такого дела. У меня хорошо получается пролезать куда нужно.

Дануорти подождал, пока утром вернется Уильям, и отправился в Шрусбери дозваниваться снова. И снова безрезультатно.

— Я настрою повтор вызова через каждые полчаса, — пообещала Полли, провожая его к воротам. — А Уильям больше ни с кем из девушек не дружит, вы не знаете случайно?

— Нет, — ответил Дануорти.

Из Крайст-Чёрч вдруг донесся колокольный звон, перекрывающий шелест дождя.

— Неужели кто-то опять включил карильон? — ужаснулась Полли.

— Нет. Это американки. — Дануорти прислушался, пытаясь определить, действительно ли

мисс Тейлор в итоге решила довольствоваться стедманом. Но в перезвоне ясно слышалась шестиголосица старинных колоколов из аббатства Осни — «Дуса», «Гавриила» и «Марии», которым вторили «Клемент», «Отклер» и «Тейлор». — И Финч.

Звонили на удивление красиво, совсем не похоже на карильон и на «О Христос, что с миром связан». Слушая этот чистый и мелодичный звон, Дануорти представил воочию, как американки сейчас стоят кружком на колокольне, держа веревки в поднятых руках и сгибая попеременно колени, и как Финч подглядывает в свою партитуру.

«Ни при каких обстоятельствах нельзя выпускать веревку колокола», — вспомнил Дануорти слова мисс Тейлор и почувствовал непонятный душевный подъем. Хоть у мисс Тейлор и не получилось дать со своими звонарями концерт в Норидже под Рождество, она не отступается, упрямо раскачивает свой колокол, и вот его оглушительный звон плывет на головокружительной высоте, возглашая победу и праздник. Как в рождественское утро. Он найдет Монтойю. И Бейсингейма. Или оператора, который не испугается карантина. Он отыщет Киврин.

В баллиольской квартире надрывался телефон. Профессор помчался по лестнице, надеясь, что звонит Полли. Ошибся.

— Дануорти? Здравствуйте. Это Лупе Монтойя. Что там у вас?

— Вы где? — спросил он.

— На раскопках.

Дануорти и сам уже увидел. Монтойя разговаривала с полураскопанного погоста, а за спиной у нее вырисовывался остов церковного нефа. Теперь понятно, почему она так спешила попасть на участок. Вода местами стояла почти по колено. Яму накрывали разнокалиберные куски брезента и пленки, но вода все равно где просто капала, а где и лилась с просевших краев тента водопадом. Все кругом — и надгробия, и походные фонари, которые Монтойя подвесила к тенту, и лопаты, сложенные штабелем у стенки, — было залеплено грязью.

И сама Монтойя тоже. И штормовка, и высокие рыбацкие бродни (в таких же, наверное, ходит где-то Бейсингейм) измазаны до неузнаваемости. Рука, сжимающая трубку, покрыта коркой сухой глины.

— Я вам несколько дней дозваниваюсь, — сообщил Дануорти.

— У меня тут насос все заглушает. — Монтойя махнула рукой куда-то за пределы экрана, но Дануорти никакого насоса не услышал, только стук дождя по брезенту. — Там ремень только что лопнул, а другого нет. У вас колокола звонили. Это что, карантин сняли, выходит?

— Если бы. Эпидемия в разгаре. Семьсот восемьдесят госпитализированных и шестнадцать смертей. Вы разве в газеты не заглядывали?

— Я здесь света белого не вижу. Последние шесть дней только и делаю, что выкачиваю треклятую воду, но меня одной просто не хватает на все. А теперь еще и насос… — Она перепачканной рукой убрала со лба густые черные волосы. — Зачем же тогда звонили в колокола, если карантин еще действует?

— «Чикагский сюрприз».

— Занялись бы лучше чем-нибудь полезным, раз силы девать некуда, — возмутилась Монтойя.

«Они уже, — подумал Дануорти. — Вас вот побудили позвонить».

— Я словно белка в колесе. — Монтойя снова пригладила волосы. Вид у нее был такой же измученный, как у Мэри. — Так надеялась, что карантин сняли и можно будет кого-нибудь вызвать

на подмогу. Как думаете, сколько еще ждать?

«Слишком долго, — ответил он мысленно, глядя на потоки дождя, льющиеся с брезента. — Помощь не успеет».

— Мне нужно кое-что выяснить насчет Бейсингейма и Бадри Чаудри, — сказал он вслух. — Мы пытаемся установить источник вируса, и нам надо знать, с кем контактировал Бадри. Он работал на раскопках восемнадцатого и утром девятнадцатого. Кто еще здесь был вместе с ним?

— Я.

— А еще?

— Больше никого. Мне весь декабрь не хватало рабочих рук. Все мои студенты с историко-археологического разъехались в первый же день каникул. Пришлось скрести по сусекам в поисках добровольцев.

— Вы уверены, что, кроме вас двоих, тут никого не было?

— Абсолютно. Я хорошо помню, потому что в субботу мы вскрывали рыцарскую могилу и никак не могли поднять крышку. На субботу у меня записывалась Джиллиан Ледбеттер, но в последнюю минуту предупредила, что не сможет. Из-за свидания.

«С Уильямом», — догадался Дануорти.

— А в воскресенье кто-нибудь работал с Бадри?

— Он приехал только на утро и оставался тут один. А потом ему понадобилось в Лондон. Все, мне надо идти. Если помощи все равно ждать неоткуда, нужно приниматься за работу. — Она собралась класть трубку.

— Подождите! — закричал Дануорти. — Не отключайтесь.

Монтойя нетерпеливо прижала трубку к уху.

— Ответьте еще на пару вопросов. Это важно. Чем быстрее мы определим источник вируса, тем скорее снимут карантин и пришлют вам помощников.

Монтойя посмотрела с сомнением, но все-таки нажала какую-то комбинацию цифр, положила трубку на рычаг и спросила:

— Ничего, если я без отрыва от работы?

— Конечно, — облегченно вздохнул Дануорти. — Пожалуйста.

Она на секунду вышла из кадра, вернулась и нажала еще какие-то кнопки.

— Простите. Не дотягивается.

Экран зарябил — видимо, Монтойя перетаскивала аппарат в другое место. Когда картинка вернулась, Монтойя сидела на корточках в глиняной яме у каменного саркофага. Видимо, того

самого, чью крышку они с Бадри чуть не уронили.

Эта крышка со скульптурным изображением рыцаря, скрестившего на обтянутой кольчугой груди руки в тяжелых латных перчатках, с мечом, покоящимся в ногах, стояла прислоненная к стенке саркофага, закрывая искусно вырезанную надпись. Виднелся только обрывок — «Requisc…» Requiscat in pace. Покойся с миром. Даже в этом бедняге отказали. Его спящее лицо под резной кромкой шлема выглядело осуждающе.

Тонкая пластиковая пленка, которую Монтойя набросила на открытый саркофаг, была покрыта каплями дождя. Дануорти задумался, есть ли на противоположной стенке такие же вырезанные в камне загробные ужасы, как в книжке у Колина — и насколько они отражают действительность. В изголовье саркофага непрерывным потоком лилась вода, постепенно стягивая вниз пленку.

Монтойя выпрямилась, поднимая забитый грязью поддон.

— Ну что? — Она поставила поддон на угол саркофага. — Вы, кажется, хотели меня еще о чем-то спросить?

— Да. Вы сказали, что, кроме Бадри, вам здесь никто не помогал.

— Правильно, — подтвердила Монтойя, вытирая пот со лба. — Ох, ну и духота здесь. — Она скинула штормовку и, свернув, бросила на крышку саркофага.

— А местные? Не связанные с археологией?

— Если бы здесь хоть кто-то появился, я бы их сразу же припахала. — Она принялась перебирать пальцами комки грязи в поддоне, выуживая оттуда коричневые камешки. — Крышка весила целую тонну, и не успели мы ее снять, как полил дождь. Нам бы любой случайный прохожий сгодился, но раскоп слишком далеко от населенки, здесь никто не ходит.

— А сотрудники Национального треста?

Монтойя стала промывать камни под струей воды.

— Они только на лето приезжают.

Дануорти надеялся, что источником окажется кто-нибудь из работавших на раскопках, что Бадри контактировал с местными или сотрудниками Треста, или случайно забредшим сюда охотником на уток. Но у миксовирусов не бывает носителей. Таинственный местный источник должен был бы заболеть сам, а Мэри уже обзвонила все английские больницы и клиники. За пределами карантина случаев заболевания не

зафиксировано.

Вертя в пальцах мокрые камни, Монтойя по очереди подносила их к подвешенному на подпорке тента фонарику и осматривала покрытые коркой глины края.

— А птицы?

— Птицы? — удивилась Монтойя, подумав, видимо, что Дануорти предлагает ей скликать пролетающих мимо воробьев, чтобы помогли двигать крышку.

— Вирус мог передаться от птиц. Утки, гуси, куры, — перечислил Дануорти, не особенно, впрочем, уверенный, что куры действительно служат первичным резервуаром. — Они тут бывают?

— Куры? — переспросила Монтойя, рассматривая камень на свет.

— Вирусы иногда порождаются скрещиванием человеческих и животных штаммов, — терпеливо объяснил Дануорти. — Чаще всего биологическим резервуаром выступает птица, но иногда бывает и рыба. Или свиньи. Здесь не ходят свиньи?

Монтойя по-прежнему смотрела на него как на чокнутого.

— Раскоп ведь относится к территории фермы?

— Да, но до самой фермы отсюда три километра.

Мы посреди ячменного поля. Откуда здесь свиньи — и тем более птица и рыба?

Она снова принялась изучать камни.

Птиц нет. Свиней нет. Местных жителей тоже. Вирус явно не отсюда. Может, у него и нет источника, может, грипп просто мутировал спонтанно в организме Бадри — Мэри ведь говорила, такое случается, — взялся ниоткуда и пошел косить жителей Оксфорда, как чума, уложившая ни о чем не подозревавших людей в эти могилы.

Монтойя в очередной раз перебирала камни, соскребая ногтем и оттирая пальцами приставшую грязь. И только теперь Дануорти увидел, что это не камни, а кости. Позвонки или, может, пальцы рыцаря. Покойся с миром…

Наконец она выбрала из общей груды ту, которую, видимо, искала — неровную полукруглую косточку размером с грецкий орех. Ссыпав остальные в поддон, она нашарила в кармане штормовки зубную щетку с короткой ручкой и, морща лоб, стала чистить вогнутые края кости.

Гилкрист ни за что не примет в качестве источника спонтанную мутацию. Он слишком крепко вцепился в свою теорию о неизвестном вирусе из XIV–XV столетия, проникшем через сеть. И слишком крепко держится за свою должность и.о.

главы исторического факультета. Он не уступит, даже если Дануорти отыщет ему уток в мутных лужах посреди раскопа.

— Мне нужно связаться с Бейсингеймом, — сказал профессор. — Он сейчас где?

— Бейсингейм? — Монтойя, хмурясь, рассматривала кость. — Понятия не имею.

— Но… Я думал, вы его нашли. Вы ведь разыскивали его в Рождество, чтобы он подписал освобождение от карантина.

— Да, разыскивала. Два дня угробила на обзвон шотландских лососевых и форелевых инструкторов, а потом решила, что с меня хватит. Как по мне, так его в Шотландии и близко нет. — Она вытащила нож из кармана джинсов и принялась скрести зазубренный конец косточки. — Кстати, о Госздраве. Не сделаете мне доброе дело? Я им названиваю, но у них занято наглухо. Можете зайти к ним и передать, что мне нужны еще рабочие руки? Скажите, что участок представляет собой «невосполнимую историческую ценность» и будет потерян безвозвратно, если мне не пришлют по крайней мере пятерых помощников. И насос.

Нож соскочил. Монтойя, сдвинув брови, поскоблила еще.

— Как же вам удалось получить подпись Бей-

сингейма, если вы не знаете, где он? Ведь для освобождения требовалась подпись?

— Да. — Кусочек кости отскочил на полиэтиленовый саван. Осмотрев оставшийся у нее в руках обломок, Монтойя кинула кость обратно в поддон. — Я ее подделала.

Она снова опустилась на корточки у саркофага — выкапывать очередную порцию костей. Сосредоточенностью она напоминала Колина, осматривающего свой леденец. Интересно, она вообще помнит о том, что Киврин в прошлом, или забыла, как забыла про эпидемию?

Дануорти повесил трубку, сомневаясь, что Монтойя заметит, и отправился пешком в лечебницу — докладывать Мэри о результатах расспросов и заново опрашивать вторичных в поисках источника. Дождь извергался из водостоков, смывая предметы невосполнимой исторической ценности.

Звонари с Финчем все еще трудились, играя перемены одну за другой в установленном порядке, сгибая-выпрямляя колени и не выпуская веревки из рук, целеустремленные, как Монтойя. Колокола звонили громко и надрывно, заглушая шум дождя. Будто сигнал тревоги. Будто крик о помощи.

Запись из «Книги Страшного суда»

(066440-066879)

Канун Рождества 1320 года (по старому стилю). Времени меньше, чем я думала. Только что вернулась из кухни, и Розамунда передала, что меня звала леди Имейн. Та о чем-то увлеченно беседовала с посланником епископа — судя по ее лицу, не иначе как перечисляла в очередной раз грехи отца Роша, — но когда мы с Розамундой подошли, она показала на меня со словами: «Вот об этой особе я толковала».

Особа, не девица. И в голосе упрек, граничащий с обвинением. Неужели выдала посланнику, что подозревает меня в шпионаже на французов?

— Говорит, что ничегошеньки не помнит, — продолжала леди Имейн. — Однако грамоте она разумеет. Где твоя брошь? — повернулась она к Розамунде.

— У меня на плаще. Я оставила его наверху.

— Так сходи за ним.

Розамунда неохотно поплелась на чердак.

— Сэр Блуэт привез моей внучке брошь в виде любовного узелка с надписью на латыни. А она, — леди Имейн устремила на меня торжествующий

взгляд, — сумела прочитать, и в церкви давеча говорила слова службы вперед священника.

— Кто учил вас грамоте? — осведомился посланник заплетающимся языком.

Я думала снова сослаться на сэра Блуэта, который якобы сам перевел надпись на брошке, но не стала — вдруг он уже успел опровергнуть мои слова.

— Не ведаю. Я запамятовала всю свою жизнь до нападения в лесу, ведь мне повредили голову.

— Едва очнувшись, она тараторила на никому не понятном языке, — выдвинула новое доказательство леди Имейн. Я по-прежнему не понимала, в чем она пытается меня обвинить и как ей может помочь посланник.

— Святой отец, вы ведь поедете через Оксфорд, когда покинете нас?

— Да, — настороженно ответил он. — Мы долго не загостимся.

— Прошу вас, возьмите эту особу с собой и отвезите в Годстоу, к сестрам в обитель.

— Мы не едем через Годстоу. — Пустая отговорка. Монастырь едва ли в пяти милях от Оксфорда. — Но я узнаю у епископа, не разыскивает ли ее кто, и пошлю вам весточку.

— Мне подумалось, что она может быть из

монахинь, раз говорит на латыни и знает службу, — заключила Имейн. — Потому и прошу вас отвезти ее в обитель, чтобы там поспрашивали по монастырям, не знают ли ее где.

Посланник занервничал еще больше, но согласился. Значит, времени у меня только до их отъезда — а они, по его словам, не загостятся. Если повезет, пробудут тут до Избиения младенцев, если же не повезет… Хочу сейчас уложить Агнес и постараться еще раз поговорить с Гэвином.

Глава двадцать вторая

Уложить Агнес в кровать Киврин удалось только на рассвете. Появление «трех волхвов» окончательно прогнало сон, и девочка ни в какую не соглашалась даже просто прилечь, боясь, что пропустит самое интересное, хотя устала она смертельно.

Пока Киврин помогала Эливис подавать угощение на стол, Агнес таскалась за ней хвостом и канючила, что проголодалась, а потом, когда накрыли и сели пировать, не съела ни куска.

Киврин было некогда ее уламывать. Сперва пришлось носить блюдо за блюдом из кухни в зал через весь двор — подносы с олениной и запеченной свининой, а потом огромный пирог, в котором запросто поместилась бы стая живых дроздов. Если верить священнику из реформистской церкви, между всенощной и утренней рождественской службой надлежало соблюдать пост, однако все до единого, включая посланника, с аппетитом уплетали запеченных фазанов и гуся, а также тушеного кролика с шафранной подливкой. И пили. «Волхвы» постоянно требовали подлить им еще.

Хотя перебрали они и так уже изрядно. Монах с сальной ухмылкой пялился на Мейзри, а клирик, пьяный еще с дороги, сполз почти под стол. Посланник хлестал в три горла, то и дело прося Розамунду подать ему чашу с рождественским элем и размахивая руками все беспорядочнее.

«Хорошо, — подумала Киврин. — Может, он напьется и забудет, что обещал леди Имейн отвезти меня в Годстоу». Она пошла с чашей к Гэвину, надеясь еще раз спросить его про переброску, однако рыцарь с хохотом рассказывал что-то Блуэтовой свите, которая тут же потребовала еще эля и мяса. Когда Киврин добралась до Агнес, девочка уже крепко спала, уложив голову на хлебную тарелку. Киврин осторожно подхватила малышку на руки и понесла наверх, в светлицу Розамунды.

Из открывшейся навстречу двери выглянула Эливис с полной охапкой перин.

— Как вы кстати! Мне нужна ваша помощь.

Агнес заворочалась у Киврин на руках.

— Принесите полотняные простыни. На этой кровати мы положим церковников, а сестру сэра Блуэта с ее девицами на чердаке.

— А я где буду спать? — спросила Агнес, вырываясь.

— Мы ляжем в амбаре, — ответила Эливис. — Только тебе придется подождать, пока мы постелем. Иди поиграй покамест.

Два раза девочке повторять не пришлось. Она радостно запрыгала вниз по ступенькам, размахивая рукой с колокольчиком.

Эливис передала Киврин перины.

— Отнесите их на чердак, а из резного сундука достаньте горностаевое покрывало.

— Как думаете, сколько посланник со своими людьми здесь пробудет? — спросила Киврин.

— Не знаю, — обеспокоенно отозвалась Эливис. — Надеюсь, что не больше двух недель, иначе у нас закончится мясо. И подголовники не забудьте прихватить попышнее.

Двух недель хватит с лихвой — стыковка гораздо раньше, а эти тут явно обосновались надолго. Когда Киврин спустилась с чердака, прижимая к себе охапку постельного белья, посланник зычно храпел на тронном кресле, а клирик сидел, закинув ноги на стол. Монах зажал в углу какую-то из служанок сэра Блуэта и теребил ее платок. Гэвин куда-то подевался.

Киврин доставила Эливис белье с покрывалами, затем вызвалась отнести постели в амбар.

— Агнес очень утомилась. Мне бы ее уложить

поскорее.

Эливис кивнула рассеянно, взбивая тяжелый подголовный валик, и Киврин сбежала по лестнице на двор. Ни на конюшне, ни в пивоварне Гэвин не отыскался. Она покрутилась у нужника, пока двое вышедших оттуда рыжих парней не посмотрели на нее удивленно, потом отправилась в амбар. Гэвин, видимо, либо снова где-то тискает Мейзри, либо присоединился к праздничным гуляньям на лугу — оттуда доносились взрывы бурного хохота.

Накрыв мехами и одеялами расстеленную по полу солому, Киврин спустилась вниз и вышла на луг, проверить свою догадку. Сельчане стояли вокруг большого костра перед погостом, грея руки и прихлебывая из больших рогов. В отблесках пламени багровело лицо папаши Мейзри и старосты. Гэвина не наблюдалось.

Во дворе его тоже не было. У ворот, закутавшись в плащ, стояла Розамунда.

— Ты что здесь мерзнешь? — спросила Киврин.

— Дожидаюсь отца, он нынче до рассвета прискачет. Гэвин сказал.

— Ты видела Гэвина?

— Да. На конюшне.

Киврин с надеждой оглянулась в ту сторону.

— Слишком холодно ждать, задубеешь. Ступай в дом, а я попрошу Гэвина позвать тебя, когда отец появится.

— Нет, я буду ждать здесь, — заупрямилась Розамунда. — Он обещал вернуться на Рождество. — У нее дрогнул голос.

Киврин приподняла фонарь повыше. Розамунда не плакала, но щеки у нее горели. Что же еще выкинул сэр Блуэт, что она от него прячется? А может, ее напугал монах — или пьяный в стельку клирик?

Киврин взяла девочку за руку.

— Отца вполне можно ждать и в кухне, там теплее.

Розамунда кивнула.

— Он обещал, значит, непременно приедет.

И что сделает? Вышвырнет церковников? Разорвет помолвку Розамунды с сэром Блуэтом? «Отец не даст меня в обиду», — вспомнила Киврин. Вот только вряд ли он станет расторгать сговор — ссориться с сэром Блуэтом, у которого «много влиятельных знакомых», себе дороже.

Киврин отвела Розамунду на кухню и велела Мейзри подогреть для нее кружку вина.

— Попрошу Гэвина, чтобы тотчас же позвал тебя.

Киврин заглянула на конюшню, но Гэвина там не нашла. И в пивоварне тоже.

Она вернулась в дом, гадая, не отправила ли Имейн рыцаря еще с каким-нибудь поручением. Нет, старуха что-то убежденно втолковывала бесцеремонно разбуженному посланнику, а Гэвин расположился у огня в окружении Блуэтовой свиты — включая тех двоих, что выходили из нужника. Сам сэр Блуэт с толстой невесткой и Эливис сидел у очага ближе к входу.

Киврин опустилась на нищенскую скамью у сеней. К Гэвину сейчас даже не подобраться, куда уж там спрашивать о переброске.

— Отдай! — закричала Агнес. Она вместе с гурьбой младших прыгала на лестнице, ведущей в светелку, и мальчишки тискали Черныша, отнимая его друг у друга. Наверное, Агнес успела сбегать на конюшню за щенком, пока Киврин стелила постели в амбаре. — Это мой гончий! — пытаясь выхватить Черныша, ныла Агнес, но мальчик уворачивался со щенком в руках. — Отдай!

Киврин встала со скамьи.

— Я ехал через лес и вдруг увидел деву, — громко вещал Гэвин. — На нее напали разбойники и нанесли ей тяжелое увечье, из глубокой раны на

лбу ручьем лилась кровь.

Киврин с сомнением взглянула на Агнес, которая колотила мальчишку по руке, и села обратно.

— «Сударыня, — обратился я к ней. — Кто сотворил с вами такое злодейство?» Но увечье лишило ее языка.

Агнес наконец отвоевала Черныша и притиснула к себе. По-хорошему, пойти бы и забрать несчастное создание, но Киврин осталась сидеть, только чуть подвинулась, чтобы крахмальный чепец Блуэтовой невестки не закрывал ей обзор. «Скажи им точно, где ты меня нашел, — внушала она Гэвину. — Назови, где именно в лесу».

— «Я к вашим услугам и разыщу этих лиходеев, однако мне страшно оставлять вас в таком плачевном состоянии». — Он оглянулся на Эливис. — Меж тем дева очнулась и стала умолять меня пуститься в погоню за обидчиками.

Эливис постояла в сенях, тревожно прислушиваясь, потом вернулась на место.

— Нет! — взвизгнула Агнес. Рыжий племянник сэра Блуэта выхватил у нее щенка и держал за шкирку в вытянутой вверх руке. Киврин поняла, что, если она сейчас же не спасет Черныша, беднягу замучают до смерти. Слушать «Сагу о

спасении прекрасной девы в лесах» смысла все равно нет, потому что Гэвину главное — похвалиться перед Элвис, точность изложения — дело десятое. Киврин направилась к детворе.

— След разбойников еще не простыл, и я пустился по нему, пришпорив своего скакуна.

Племянник Блуэта раскачивал Черныша в воздухе за передние лапы, щенок жалобно скулил.

— Киврин! — закричала Агнес, кидаясь к ней и обнимая за ноги. Племянник, тут же отдав щенка, поспешил ретироваться, остальные кинулись врассыпную. — Ты спасла Черныша! — протягивая к нему руки, восхитилась Агнес.

Киврин покачала головой.

— Пора в кровать.

— Я ничуть не устала… — Агнес зевнула, потирая кулачками глаза.

— Черныш зато устал, — опускаясь перед Агнес на корточки, ответила Киврин. — А он не пойдет спать, пока ты не ляжешь рядышком.

Довод показался Агнес убедительным, и пока она не нашла в нем логический изъян, Киврин поспешила сунуть ей в объятия щенка, будто младенца, а потом подхватила обоих на руки.

— Черныш хочет, чтобы ты рассказала ему сказку, — проговорила Киврин, направляясь к двери.

— Вскоре след завел меня в незнакомые места, — нагнетал страха Гэвин. — В самую чащу леса.

Киврин понесла своих подопечных через двор.

— Черныш любит сказки про кошек, — ласково баюкая щенка, заявила Агнес.

— Тогда расскажи ему про кошек, — согласилась Киврин, забирая Черныша, чтобы девочка вскарабкалась по приставной лестнице на чердак амбара. Затисканный щенок уже спал. Киврин уложила его на солому рядом с постелью.

— Непослушная кошка, — объявила Агнес, снова хватая Черныша в охапку. — Только я не буду спать. Я просто полежу рядом, значит, раздеваться мне не надо.

— Нет, не надо, — подтвердила Киврин, накрывая девочку со щенком тяжелой меховой полостью. В амбаре стоял такой холод, что лучше было спать в одежде.

— Черныш хочет поносить мой колокольчик. — Агнес попыталась надеть ему ленточку через голову.

— Нет, не хочет.

Конфисковав колокольчик, Киврин расстелила еще одно меховое покрывало поверх первого и забралась под них сама, пристроившись рядом с

Агнес. Девочка прижалась к ней поплотнее.

— Жила-была непослушная кошка, — начала Агнес, зевая. — Отец не велел ей ходить в лес, а она его не послушалась. — Она мужественно боролась со сном, потирая глаза и придумывая все новые и новые приключения для кошки, но темнота и теплый мех сделали свое дело.

Киврин полежала, дожидаясь, пока дыхание Агнес не станет размеренным и легким, а потом, осторожно высвободив щенка из девочкиных объятий, опустила его на солому.

Агнес заворочалась и стала нащупывать Черныша во сне. Киврин обняла ее покрепче. Надо бы встать и пойти поискать Гэвина. До стыковки меньше недели.

Агнес приткнулась к ее плечу, щекоча волосами щеку.

«Как я тебя оставлю? — подумала Киврин. — А Розамунду? А отца Роша». И заснула.

Когда она проснулась, на дворе светало. Рядом с Агнес посапывала Розамунда. Киврин, стараясь их не разбудить, слезла вниз и пошла через серый в сумерках двор, боясь, что пропустила колокол к заутрене. Но Гэвин по-прежнему хвастался у огня своими ратными подвигами, а посланник все так же обреченно внимал леди Имейн с тронного

кресла.

Монах сидел в углу, обняв Мейзри за талию, клирика видно не было. Наверное, вырубился, и его оттащили в кровать.

Детвору тоже уложили, а женщины отправились почивать на чердак. Ни сестры, ни дорсетской невестки сэра Блуэта Киврин среди присутствующих не заметила.

— «Стой, негодяй! — закричал я. — Я сражусь с тобой в честном поединке», — гремел Гэвин.

Киврин не очень поняла, по-прежнему ли это «Сага о спасении девы» или уже сказания о подвигах Ланселота. Однако если расчет был поразить Эливис, то Гэвин зря старался. Ее в зале не наблюдалось. Немногочисленные оставшиеся слушатели тоже утратили интерес. Двое вяло перекидывались в кости на скамье, а сэр Блуэт спал, распластав подбородок по массивной груди.

Судя по всему, Киврин ничего не проспала и поговорить с Гэвином ей все равно бы не удалось — да и вряд ли удастся в ближайшие часы. Можно было не вылезать из амбара. Видимо, хватит полагаться на судьбу. Придется подкарауливать Гэвина самой — преградить ему путь в нужник, например, или шепнуть на ухо по дороге в церковь: «Встретимся на конюшне после службы».

Церковники явно не настроены уезжать, пока в доме остается еще хоть капля вина, но слишком затягивать тоже опасно. Вдруг им завтра взбредет в голову поехать на охоту, или погода переменится. Да и в любом случае, уедет посланник со своими пропойцами или нет, до стыковки ровно пять дней. Нет, уже четыре. Ведь Рождество наступило.

— «Он замахнулся, готовясь нанести смертельный удар. — Гэвин сделал выпад. — И достань ему сил, покатилась бы голова моя с плеч».

— Леди Катерина! — Имейн поманила Киврин к себе. Посланник глядел так заинтересованно, что у Киврин тревожно заколотилось сердце — какую еще каверзу они там выдумали вдвоем? Леди Имейн, не дожидаясь, сама двинулась ей навстречу с каким-то полотняным свертком в руках.

— Отнесите это отцу Рошу к утренней службе. — Имейн отвернула уголок, показывая лежащие внутри восковые свечи. — Пусть поставит на алтарь, — подчеркнула она, — и ни в коем случае не снимает нагар пальцами — от этого ломается фитиль. Пусть как следует уберет церковь для епископского посланника, чтобы тот мог отслужить рождественскую заутреню. Церкви должно

походить на храм божий, а не на хлев. И пусть наденет чистое.

«Значит, ты все-таки обеспечила себе полноценную службу, — подумала Киврин, спеша через двор и по тропинке к церкви. — И меня сплавила. Теперь осталось только отца Роша извести — убедить посланника лишить его сана или отправить в Бистерское аббатство».

На лугу никого не было. В серых сумерках догорал бледный костер, а лужи растаявшего снега затягивало коркой льда. Сельчане разошлись по кроватям — отец Рош, должно быть, тоже. Но дым из его лачуги не шел, и на стук в дверь никто не отозвался. Киврин зашла в церковь через боковую дверь. Внутри царила темнота и стужа — сильнее, чем в полночь.

— Отец Рош! — негромко позвала Киврин, пробираясь на ощупь к статуе святой Катерины.

До Киврин донеслось бормотание. Священник стоял на коленях перед алтарем, за алтарной преградой.

— Приведи тех, кто сейчас вдали от родных мест, домой во здравии, огради их от бедствий и хворей в пути, — молился он.

Киврин вспомнила, как лежала больная и как этот же ласковый голос успокаивал и утешал,

пробиваясь сквозь треск пламени. И еще она вспомнила мистера Дануорти. Больше она звать не стала, прислонилась к ледяной статуе, вслушиваясь в голос из темноты.

— К всенощной прибыл из Курси сэр Блуэт с домочадцами да слугами. И Теодульф Фриман из Хенефельда. Снег намедни перестал, небеса расчистились к светлому празднику Рождества… — Он продолжал отчитываться тем же будничным голосом, каким Киврин «молилась» в диктофон. Список присутствующих на службе и прогноз погоды.

В окнах забрезжил свет, и за ажурной решеткой алтарной преграды Киврин разглядела отца Роша отчетливее — потертый подризник с запачканным подолом, лицо грубое и жесткое, особенно по сравнению с тонкими аристократическими чертами посланника и клирика.

— Нынешней светлой ночью, когда закончилась всенощная, явился к нам посланец от епископа, а с ним двое священников — все люди высокоученые и добрые.

«Не все то золото, что блестит, — мысленно возразила ему Киврин. — Вы один стоите десятка таких высокоученых». Имейн сказала, что рождественскую заутреню будет служить посланник

— который не постился и не удосужился хотя бы заглянуть в церковь, настроиться на таинство. Имейн это не смущает. «Вы стоите полусотни таких. Нет, сотни».

— Из Оксенфорда идут вести о хвори. Коттеру Торду полегчало, хоть я и отговаривал его бить ноги в такую даль на службу. Уктреда по немощи своей не пришла. Я отнес ей супу, но она не ела. Уолтеф перебрал элю на танцах и свалился с блевотой. Гита обожгла руку, вытаскивая ветку из костра. Мне нечего страшиться, хоть и грядут последние дни, дни гнева и страшного суда, ведь Ты прислал мне добрую подмогу.

Добрую подмогу. Хороша будет подмога, если она так и останется стоять сложа руки. В розово-золотистом сиянии восходящего солнца стали видны и потеки на ножках потускневших нечищеных подсвечников, и большое пятно воска на алтарном покрове. Гнев и страшный суд неминуемы, если все это заметит Имейн, шествующая к заутрене.

— Отец Рош! — окликнула его Киврин.

Священник повернул голову и стал разгибать затекшие от стояния на холодном полу колени. Он как будто всполошился или испугался чего-то.

— Это я, Катерина, — успокоила его Киврин, вставая к окну, на свет.

Отец Рош ошарашенно перекрестился. «Может, он читал свои молитвы в полудреме и еще не проснулся до конца», — подумалось Киврин.

— Леди Имейн прислала свечи, — обходя алтарную преграду, объяснила она. — И просила передать, чтобы вы поставили их в серебряных шандалах по обеим сторонам алтаря. Еще она распорядилась… — Киврин осеклась, не в силах пересказывать остальные указания Имейн. — Я пришла помочь вам убрать церковь к заутрене. Что мне сделать? Давайте я начищу подсвечники? — Она протянула ему сверток со свечами.

Он стоял молча, не шевелясь. Киврин недоуменно нахмурилась, гадая, не нарушила ли она каких правил приличия в своем стремлении уберечь Роша от гнева леди Имейн. Женщинам запрещено трогать священные сосуды и Святые Дары. Может быть, подсвечники тоже не их ума дело?

— Вам нельзя принять от меня помощь? — спросила она. — Или мне нет хода в алтарь?

Отец Рош будто очнулся.

— Божьим слугам никуда пути не заказаны, — ответил он, забирая у нее свечи и складывая на

алтарь. — Но вам негоже заниматься такой черной работой.

— Это богоугодное дело, — возразила Киврин и стала вынимать огарки из тяжелого ветвистого шандала в восковых потеках. — Нам понадобится песок. А еще нож, чтобы счищать воск.

Отец Рош молча отправился на поиски, и Киврин, воспользовавшись его отсутствием, поспешно сняла свечи с алтарной преграды и заменила их на сальные.

Священник вернулся с песком, ворохом грязных лоскутьев, зажатых в кулаке, и жалким подобием ножа. Киврин начала отскребать пятно на алтарном покрове, беспокоясь, управятся ли они вовремя. Посланник, правда, вряд ли спешит покидать насиженное тронное кресло и готовиться к службе, но кто знает, сколько он продержится под натиском леди Имейн.

«У меня тоже времени в обрез», — подумала Киврин, приступая к подсвечникам. Как ни убеждала она себя, что успеет, а толку? Пробегала за Гэвином всю ночь и даже близко к нему не подобралась. Вдруг завтра он умчится на охоту или спасать прекрасных дев? Или посланник с приспешниками вылакают все вино и отправятся на поиски новых запасов, потащив ее с собой?

«Божьим слугам никуда пути не заказаны», — сказал отец Рош. Только на переброску не попасть. И домой.

Она с яростью атаковала восковой нарост у края подсвечника, и кусок воска отскочил прямо в свечу, которую скоблил ножом отец Рош.

— Простите, — извинилась Киврин. — Леди Имейн… — Она оборвала себя на полуслове.

Не стоит жаловаться, что ее хотят услать подальше. Если отец Рош будет пререкаться из-за нее с леди Имейн, ему это выйдет боком. Еще не хватало, чтобы его за попытку помочь отправили в Осни или куда похуже.

— Леди Имейн просила передать, что службу проведет епископский посланник, — договорила она, чтобы фраза не повисла в воздухе.

— Нам всем отрадой будет услышать святые слова из его уст в светлый праздник рождения младенца Иисуса, — ответил отец Рош, ставя на место начищенную до блеска чашу.

Рождение младенца Иисуса. Киврин попыталась перенестись мысленно в церковь Святой Марии — тепло, музыка, лазерные свечи помаргивают в блестящих подсвечниках из нержавейки… Картинка получалась призрачная и нереальная.

Киврин водрузила шандалы на алтарь. Они

тускло поблескивали в разноцветном сиянии витражей. Вставив в них три восковые свечи, присланные Имейн, она сдвинула левый чуть ближе к алтарю, выравнивая с остальными.

Подризник Роша придется оставить как есть, с ним уж ничего не поделаешь — и Имейн прекрасно знает, что другого нет. Киврин отряхнула прилипший к его рукаву мокрый песок.

— Пойду разбужу Агнес и Розамунду к заутрене, — сказала она, проходясь щеткой по подолу подризника, а потом неожиданно для себя добавила: — Леди Имейн попросила епископского посланника отвезти меня в обитель в Годстоу.

— Господь прислал тебя нам в помощь, — ответил отец Рош. — Он не допустит, чтобы тебя забрали от нас.

«Хотелось бы верить», — подумала Киврин, возвращаясь через луг обратно. Там по-прежнему стояла мертвая тишина, хотя над некоторыми домами уже курился дымок, и корову уже выгнали пастись. Она щипала траву на проталинах вокруг кострища. «Может быть, в доме все спят? Тогда разбудить Гэвина и спросить, где переброска», — размышляла Киврин, но тут увидела идущих навстречу Агнес и Розамунду. Выглядели они помятыми. Травянисто-зеленое платье Розамун-

ды все в трухе и сене, у Агнес — полная голова соломы. При виде Киврин младшая кинулась к ней, вырвав руку.

— Что же вам не спалось? — удивилась Киврин вслух, отряхивая солому с красного киртла Агнес.

— Там пришли еще люди. И нас разбудили.

Киврин вопросительно посмотрела на Розамунду.

— Отец приехал?

— Нет. Я их не знаю. Наверное, это слуги епископского посланника.

Так и оказалось. Четверо монахов — правда, рангом пониже цистерцианского — на двух навьюченных ослах. Видимо, они только догнали ехавшего налегке господина. На глазах у Киврин и девочек они принялись сгружать два больших сундука, несколько дерюжных мешков и огромный бочонок вина.

— Они, кажется, надолго, — рассудила Агнес.

— Да, пожалуй, — согласилась Киврин. «Господь прислал тебя нам в помощь. Он не допустит, чтобы тебя забрали». — Пойдем, — позвала она Агнес, оживляясь. — Я тебя причешу.

Она увела Агнес внутрь и почистила платье. Короткий сон малышку не особенно умиротво-

рил, поэтому стоять смирно, пока Киврин ее расчесывала, она не соглашалась ни в какую. Распутывать колтуны и вытаскивать солому пришлось до самой службы, а потом Агнес еще капризничала всю дорогу до церкви.

Видимо, пожитки посланника состояли не только из вина. Сам посланник облачился в привезенную слугами черную бархатную ризу поверх ослепительно белого подризника, а монах красовался в парче и золотом шитье. Клирика видно не было, как и отца Роша — наверное, услали подальше, чтобы не портил картину. Киврин оглянулась, надеясь, что ему дозволили по крайней мере постоять у дверей и полюбоваться всей этой благодатью, но вход загораживали столпившиеся сельчане.

Выглядели они неважнецки, а некоторые явно мучились похмельем. Как и посланник. Он бубнил текст безо всякого выражения, с каким-то плохо понятным Киврин выговором. Латынь его разительно отличалась от латыни Роша. Впрочем, латынь Латимера и священника-реформиста она тоже мало напоминала. Гласные совсем другие, и «цэ» в «эксцельсис» больше похожа на «зэ». А Латимер твердил о растянутых гласных, священник-реформист утверждал, что в настоящей

латыни «цэ» произносится как «к».

Что же тогда настоящая латынь? «Я тебя не оставлю, — обещал тогда Рош. — Не бойся». И она его понимала.

Посланник бубнил монотонной скороговоркой, стараясь отделаться побыстрее. Леди Имейн будто бы не замечала. Взирая на всех с умиротворенным самодовольством, она одобрительно кивала в такт словам проповеди, — в которой речь, кажется, шла об отказе от мирской суеты.

Однако на выходе она задержалась в дверях и, скорбно поджав губы, устремила сердитый взгляд на колокольню. «Теперь-то что не так? — недоумевала Киврин. — Пылинка на колоколе?»

— Вы видели, леди Ивольда, как он убрал церковь? — поделилась Имейн возмущением с Блуэтовой сестрицей, заглушая колокольный звон. — Поставил вместо свечей в алтарных окнах простецкие плошки с жиром. Я должна остаться и отчитать его. Он опозорил наш дом перед епископом.

Пылая праведным гневом, она решительно зашагала на колокольню. А если бы он поставил свечи вместо плошек, подумала Киврин, они бы оказались не того размера или не в тех подсвечниках. Или он бы неправильно их гасил.

Предупредить бы его о надвигающейся буре, но Имейн уже почти дошла, а Агнес нетерпеливо дергала Киврин за руку.

— Я устала, — хныкала малышка. — Пойдем спать.

Киврин отвела ее в амбар, уворачиваясь от сельчан, которые по второму кругу завели гулянья на заснеженном выпасе. В костер подбросили свежего хвороста, несколько женщин плясали вокруг, взявшись за руки. Агнес без пререканий улеглась на амбарном чердаке, но не успела Киврин дойти до дома, как обнаружила, что девочка пустилась за ней вдогонку.

— Агнес, — строго начала Киврин, уперев руки в боки, — ты почему вскочила? Сама ведь говорила, что спать хочешь.

— Черныш занедужил.

— Занедужил? Что с ним такое?

— Ему плохо, — повторила Агнес. Ухватив Киврин за руку, она повела ее обратно в амбар и вверх, на чердак. Щенок безжизненным комочком обмяк на соломе. — Ты сготовишь ему снадобье?

Киврин подобрала щенка — и бережно уложила обратно. Он уже начал коченеть.

— Ох, Агнес, боюсь, ему уже не поможешь.

Девочка, присев на корточки, с любопытством присмотрелась к щенку.

— И капеллан у бабушки умер. Черныша сгубила горячка?

«Черныша сгубило чрезмерное внимание», — ответила Киврин мысленно. Его вчера столько тискали, дергали, отнимали друг у друга и чуть не задушили… Заласкали беднягу до смерти. Да еще в Рождество — хотя Агнес, кажется, не особенно расстроилась.

— Теперь будут похороны? — спросила девочка, осторожно дотрагиваясь пальцем до щенячьего уха.

Нет, какие там похороны. В Средние века домашних питомцев не хоронили в коробках из-под обуви. Их просто кидали под куст или в ручей.

— Мы зароем его в лесу, — придумала Киврин, слабо, впрочем, представляя, как они смогут прокопать мерзлую землю. — Под деревом.

Вот теперь Агнес огорчилась.

— Нет, пусть отец Рош похоронит Черныша на погосте.

Киврин сомневалась, что даже ради Агнес, для которой он готов на все, отец Рош согласится хоронить животное по христианскому обычаю. Наличие души у домашних любимцев отрица-

лось вплоть до XIX века, но и викторианцы не требовали христианского погребения для своих усопших собак и кошек.

— Я прочитаю над ним отходную, — пообещала Киврин.

— Отец Рош должен похоронить его в ограде, — надулась Агнес. — И позвонить в колокол.

— Все равно придется погодить с похоронами до окончания Рождества, — нашлась Киврин. — А после праздника я спрошу у отца Роша, как быть.

Только непонятно, что теперь делать с тельцем. Не оставлять же мертвого щенка у постели девочек.

— Пойдем отнесем Черныша вниз.

Стараясь не морщиться, Киврин подхватила коченеющий трупик и слезла по лестнице. Внизу она оглянулась в поисках какого-нибудь ящика или мешка, но ничего не нашла. Тогда она уложила щенка в углу рядом с косой и велела Агнес принести соломы, чтобы его укрыть.

Девочка обрушила на него целую охапку.

— Если отец Рош не позвонит в колокол, душа не попадет на небо… — разрыдалась она.

Киврин успокаивала ее битых полчаса. Баюкала, вытирая льющиеся по щекам девочки слезы, и приговаривала: «Ну, будет, будет, ш-ш-ш».

На дворе послышались шум и возгласы. Рождественские гулянья добрались до господского дома? Или гости собрались на охоту? Киврин различила конское ржание.

— Пойдем посмотрим, что там творится, — позвала она Агнес. — Может быть, это твой отец приехал.

Агнес села, хлюпая носом.

— Я расскажу ему про Черныша, — решила она, слезая с колен Киврин.

Они вышли наружу. Во дворе толпились люди и кони.

— Что они делают? — не поняла Агнес.

— Не знаю, — ответила Киврин, хотя что там гадать. Коб выводил из конюшни белого скакуна, принадлежащего посланнику, а слуги выносили мешки и сундуки, которые сгружали поутру. Леди Эливис, застыв в дверях, обводила двор тревожным взглядом.

— Они уезжают? — догадалась Агнес.

— Нет.

«Нет, только не это. Они не могут уехать. Я не знаю, где переброска».

Вышел монах в своей белой рясе и плаще. Коб, нырнув в конюшню, вывел оттуда лошадь, на которой Киврин ездила за остролистом, и вынес

седло.

— Уезжают, еще как уезжают! — возразила Агнес.

— Да, я вижу. Я вижу.

Глава двадцать третья

Схватив Агнес за руку, Киврин повела ее обратно в амбар, подальше с глаз. Надо отсидеться, пока они не уедут.

— Мы куда? — спросила Агнес.

Киврин прошмыгнула мимо двух Блуэтовых слуг с сундуком.

— На чердак.

— Я не пойду спать! — завопила Агнес, останавливаясь как вкопанная. — Я не устала!

— Леди Катерина! — окликнул ее кто-то со двора.

Подхватив Агнес на руки, Киврин поспешила к амбару.

— Я не устала! — надрывалась девочка.

К ним подбежала Розамунда.

— Леди Катерина! Вы меня не слышите? Вас матушка просит. Посланник уезжает.

Она повлекла Киврин за собой к дому.

Эливис глядела на них с порога, а рядом стоял закутанный в красный плащ посланник. Леди Имейн Киврин не увидела — наверное, она где-то в доме, собирает ее вещи.

— У посланника спешное дело в приорстве под

Бернчестером, — светясь от радости, объяснила Розамунда по дороге, — и сэр Блуэт едет с ними. Сэр Блуэт обещал сопроводить их до Курси, чтобы они там переночевали и к завтрему приехали в Бернчестер.

Бернчестер. Бистер. Хорошо хоть не Годстоу. Но Годстоу тоже по дороге.

— А что за дело?

— Не знаю, — беззаботно ответила Розамунда. Ее и правда это не заботило. Главное — сэр Блуэт уезжает, остальное не важно. Пробираясь сквозь сутолоку из людей, лошадей и сундуков, девочка со всех ног спешила к матери.

Посланник разговаривал с кем-то из слуг, и Эливис, наморщив лоб, прислушивалась к разговору. Если развернуться и нырнуть в раскрытые двери конюшни, никто не заметит… Но Розамунда, не отпуская рукав, тянула Киврин вперед.

— Розамунда, мне надо обратно в амбар, я оставила свой плащ…

— Матушка! — закричала Агнес, бросаясь к Эливис и чуть не врезаясь на бегу в лошадь. Лошадь, заржав с перепугу, мотнула головой, слуга кинулся ловить узду.

— Агнес! — воскликнула Розамунда — и отпустила рукав Киврин. Но было уже поздно.

Эливис с посланником заметили их и двинулись навстречу.

— Не бегай под копытами, — пожурила Эливис дочку, прижимая ее к себе.

— Мой песик умер, — пожаловалась Агнес.

— Это не повод для беготни, — ответила Эливис невпопад.

— Передайте супругу нашу признательность за то, что позволил взять лошадей и не гнать наших до Бернчестера. — Посланник тоже говорил как-то рассеянно. — Я пришлю их обратно из Курси со слугой.

— Посмотришь моего песика? — Агнес потянула мать за юбку.

— Цыц! — шикнула на нее Эливис.

— Мой клирик с нами нынче не поедет. Боюсь, он давеча не рассчитал своих сил, и теперь ему недужится от неумеренных возлияний. Окажите милость, сударыня, приютите его до тех пор, пока он не оправится, чтобы пуститься в дорогу.

— Конечно, пусть остается сколь нужно. Чем мы можем облегчить его страдания? Мать моего мужа…

— Не стоит. Пусть лежит. Сон прогонит хворь. К вечеру будет на ногах. — Посланник и сам выглядел изрядно перебравшим. Нервничал,

таращился невидящим взглядом, будто превозмогая головную боль, и аристократическое лицо его в утреннем свете казалось серым. Поежившись, он поплотнее запахнул полы плаща.

На Киврин он даже не взглянул. Может, все-таки в суматохе забыл про обещание, данное леди Имейн? Она тревожно обернулась на ворота, надеясь, что Имейн еще отчитывает Роша и не напомнит о своей просьбе, неожиданно вынырнув из-за спины.

— Сожалею, что супруг мой нынче не с нами, — продолжала Эливис, — и мы не смогли принять вас как подобает. Мой муж…

— Я должен присмотреть за слугами, — перебил ее посланник, протягивая руку. Эливис, припав на колено, поцеловала его перстень. Не успела она выпрямиться, как посланник уже шагал к конюшне. Эливис проводила его встревоженным взглядом.

— Пойдешь посмотреть? — снова начала Агнес.

— Не сейчас. Розамунда, ты должна попрощаться с сэром Блуэтом и леди Ивольдой.

— Он весь холодный, — не отставала Агнес.

— Леди Катерина, — обратилась хозяйка к Киврин, — вы не знаете, часом, где леди Имейн?

— Она задержалась в церкви, — ответила за нее Розамунда.

— Наверное, молится, — предположила Эливис и, привстав на цыпочки, окинула взглядом запруженный двор. — А Мейзри где?

«Прячется, — подумала Киврин. — И мне бы тоже спрятаться».

— Пойти ее поискать? — вызвалась Розамунда.

— Нет. Ты должна попрощаться с сэром Блуэтом. Леди Катерина, сходите в церковь за леди Имейн, чтобы она пожелала счастливого пути посланнику епископа. Розамунда, что ты стоишь? Ступай прощайся со своим нареченным.

— Схожу за леди Имейн, — пробормотала Киврин, думая про себя: «Выскользну со двора и, если она еще в церкви, нырну за лачуги и спрячусь в лесу».

Она зашагала прочь. Двое Блуэтовых слуг, возившихся с тяжелым сундуком, выронили его, не удержав, прямо перед ней — сундук опрокинулся на бок. Киврин попятилась и начала обходить их, стараясь при этом не соваться к лошадям сзади.

— Подождите! — К ней подбежала Розамунда и ухватила за рукав. — Пойдемте со мной попрощаться с сэром Блуэтом.

— Розамунда… — Киврин оглянулась в сторону

луга. В любую минуту оттуда появится Имейн со своим молитвенником.

— Пожалуйста! — молила бледная и перепуганная девочка.

— Розамунда…

— Это всего на два слова, а после сходите за бабушкой. — Она потянула Киврин к конюшне. — Пойдемте! Пока с ним его невестка.

Сэр Блуэт смотрел, как ему седлают коня, и разговаривал с дамой в умопомрачительном чепце. Чепец, все такой же огромный, был сегодня нахлобучен впопыхах и перекашивался на один бок.

— Что за спешное дело позвало посланника в дорогу? — допытывалась невестка у сэра Блуэта.

Он только плечами пожал, насупив брови, но при виде Розамунды расплылся в ухмылке. Девочка попятилась, цепляясь за руку Киврин.

— Может, получил вести из Бата? — приветственно качнув в сторону Киврин крыльями чепца, продолжала невестка.

— Ни вечор, ни поутру никаких гонцов не было, — возразил Блуэт.

— Если не было вестей, почему он не сообщил о своей спешной надобности сразу как приехал?

— Не знаю, — раздраженно ответил Блуэт. —

Обожди. Я должен попрощаться со своей нареченной. — Он потянулся к руке Розамунды, и девочка едва сдержалась, чтобы не убрать ее за спину.

— Счастливого пути, сэр Блуэт, — выдавила Розамунда.

— Так-то ты провожаешь своего мужа? Неужто не подаришь ему поцелуй на прощание? — укорил ее толстяк.

Розамунда торопливо чмокнула его в щеку и тут же отступила подальше.

— Благодарю вас за подаренную брошь.

Масленый взгляд скользнул с бледного личика Розамунды на ворот ее плаща.

— «От друга милого приветом буду», — обводя пальцем надпись, прочитал Блуэт.

С криком: «Сэр Блуэт! Сэр Блуэт!» — к ним подбежала Агнес. Он подхватил ее на руки.

— Я пришла сказать «до свидания». Мой песик умер.

— Я подарю тебе другого, когда придешь на свадьбу, — если поцелуешь меня.

Агнес обвила руками его шею и громко расцеловала в обе красные щеки.

— А ты не так скупа на поцелуи, как сестрица, — похвалил он, поглядев на Розамунду, и поставил Агнес на землю. — Что, может, и ты на

два расщедришься для мужа?

Розамунда промолчала.

— «Lo suiicien lui dami amo», — прочитал он, снова ощупывая брошь, и взял Розамунду за плечи. — Вспоминай обо мне, когда будешь ее носить, — наклонившись, он поцеловал девочку во впадину между ключицами.

Розамунда не отпрянула, но лицо ее стало белее мела.

— Жди меня после Пасхи. — Напутствие прозвучало как угроза.

— Привезешь мне черного песика? — спросила Агнес.

— Куда твои слуги подевали мой дорожный плащ? — грозно осведомилась леди Ивольда, входя в конюшню.

— Я принесу! — Розамунда кинулась к дому, не отпуская рукав Киврин.

Когда сэр Блуэт остался позади, Киврин попыталась остановиться.

— Постой, я должна привести леди Имейн. Они вот-вот тронутся в путь.

И действительно, из столпотворения слуг, лошадей и сундуков постепенно вырисовывалась стройная процессия. Коб открыл ворота. Лошадей, на которых приехали накануне «три волхва»,

навьючили поклажей и связали поводья вместе. Невестка сэра Блуэта с дочерьми уже сидели верхом, а посланник подтягивал стремя на седле хозяйской кобылы.

«Пару минут продержаться, — молила Киврин. — Всего пару минут пусть еще побудет в церкви, и они уедут».

— Твоя матушка просила привести леди Имейн, — напомнила она вслух Розамунде.

— Пойдемте сперва со мной в дом.

Рука девочки, вцепившаяся в платье Киврин, заметно дрожала.

— Розамунда, некогда…

— Пожалуйста! А вдруг он отыщет меня в доме?

Киврин вспомнился Блуэт, приникший к прозрачному горлу.

— Пойдем. Только поскорее.

Они пробежали через двор, влетели в дверь — и чуть не врезались в толстого монаха. Тот спускался из светлицы — то ли сердитый, то ли с похмелья. Даже не взглянув на Киврин и Розамунду, он вышел через сени.

Больше в доме никого не осталось. На столе стояли неубранные кубки и блюда с мясом, посреди зала коптил брошенный без присмотра очаг.

— Плащ леди Ивольды на чердаке! — выпалила Розамунда. — Подождите здесь, я сбегаю.

Она понеслась по лестнице, будто за ней гнался сам сэр Блуэт.

Киврин вернулась в сени и выглянула наружу. Дорожку на луг отсюда было не видно. Посланник, ухватившись одной рукой за луку седла, слушал монаха, который что-то говорил, склоняясь к самому его уху. Киврин посмотрела на закрытую дверь светлицы, гадая, действительно ли клирик остается из-за похмелья — или, может, повздорил с посланником? Монах удрученно разводил руками.

— Нашла. — Розамунда спустилась, держась одной рукой за приставную лестницу, а в другой сжимая плащ. — Пожалуйста, отнесите его леди Ивольде. Это ведь недолго.

Вот он, удобный случай. Киврин забрала у Розамунды тяжелый плащ и двинулась к двери. Теперь выйти во двор, отдать плащ первому попавшемуся слуге с наказом вручить его сестре сэра Блуэта, а самой по дорожке на луг. «Пожалуйста, задержись в церкви еще на пару минут, — умоляла она. — Дай мне дойти до выпаса». Она вышла за дверь — прямо на леди Имейн.

— Почему вы еще не собрались? — глядя на

плащ в ее руках, вознегодовала старуха. — Почему сами не в плаще?

Киврин посмотрела на посланника. Ухватившись за луку, он садился в седло с подставленных Кобом рук. Монах уже сидел на коне.

— Мой плащ остался в церкви. Я принесу, — сказала Киврин.

— Некогда. Они уезжают.

Киврин заметалась отчаянным взглядом по двору, но помощи ждать было неоткуда. Эливис стояла у конюшни с Гэвином, Агнес увлеченно болтала с племянницей сэра Блуэта, Розамунда куда-то подевалась — видимо, спряталась в доме.

— Леди Ивольда послала меня за плащом.

— Мейзри его отнесет. Мейзри!

«Пожалуйста, не вылезай, сиди где сидишь», — молила Киврин.

— Мейзри! — рявкнула Имейн, и служанка, держась за ухо, выскользнула бочком из-за двери в пивоварню. Выхватив плащ из рук Киврин, Имейн сунула его Мейзри. — Прекрати шмыгать носом и отнеси это леди Ивольде!

Распорядившись, она сказала: «Пойдемте!» и повлекла Киврин за руку к посланнику.

— Святой отец, вы позабыли про леди Катерину, которую обещались взять в Годстоу.

— Мы не едем в Годстоу, — ответил он и с усилием взгромоздился в седло. — Наш путь лежит в Бернчестер.

Гэвин, верхом на Гринголете, направлялся к воротам. Значит, он едет с ними? Может, тогда по дороге к Курси удастся упросить его показать ей переброску? Или выведать подробно, где она, а потом, оторвавшись от остальных, отыскать ее самой.

— Нельзя ли в таком случае довезти ее до Бернчестера, а оттуда пусть ваш монах сопроводит ее в Годстоу? Ее непременно нужно вернуть в обитель к святым сестрам.

— На это нет времени, — подбирая поводья, ответил посланник.

Имейн ухватилась за его алую ризу.

— Чем вызвана такая спешка? Вы недовольны приемом?

Посланник оглянулся на монаха, натянувшего поводья чалого, на котором ездила Киврин.

— Нет. — Он рассеянно перекрестил Имейн, пробормотав: «Dominus vobiscum, et cum spiritu tuo»[26], и с намеком взглянул на ее руку, вцепившуюся в ризу.

---

[26] Примечания: 1.26
Господь с вами и с духом твоим (лат.).

— А что насчет нового капеллана? — не сдавалась Имейн.

— Я оставляю вам в этом качестве своего клирика.

Врет, поняла Киврин. Он обменялся заговорщицким взглядом со своим монахом. Неужели их «спешное дело» состоит лишь в том, чтобы унести ноги подальше от приставучей старой карги?

— Вашего клирика? — Польщенная Имейн отпустила ризу.

Посланник пришпорил коня и понесся галопом через двор, чуть не затоптав Агнес, которая, отскочив, уткнулась в юбку Киврин. Монах на чалом ронсене поспешил следом за посланником.

— Да пребудет с вами Господь, святой отец! — напутствовала леди Имейн, но гости уже скрылись за воротами.

И все. Все уехали — Гэвин пронесся через двор последним, красуясь перед Эливис в стремительном галопе. А ее оставили. Не забрали в Годстоу, не увезли прочь от переброски. Киврин от радости даже не успела встревожиться, что Гэвин уехал с ними. До Курси всего полдня пути. Он может вернуться сегодня же к ночи.

Остальные тоже, кажется, расслабились. Или сказывалась послепраздничная усталость — как-

никак, со вчерашнего утра все на ногах. Никто не пытался убрать со столов, заставленных грязными тренчерами и недоеденными яствами. Эливис обессиленно опустилась в тронное кресло, безвольно свесив руки с подлокотников и безучастно глядя на стол. Посидев немного, она позвала Мейзри, но когда служанка не явилась, повторять зов не стала, откинулась на резную спинку кресла и закрыла глаза.

Розамунда пошла вздремнуть на чердак, Агнес примостилась рядом с Киврин у очага, уложив голову ей на колени и рассеянно теребя свой колокольчик.

Только леди Имейн отказывалась поддаваться сонному оцепенению.

— Я подниму своего капеллана к вечерне, — заявила она и пошла стучаться в светлицу.

Эливис, не открывая глаз, попыталась слабо возразить, что посланник просил дать клирику отлежаться, но Имейн все равно постучала несколько раз — громко и безрезультатно. Выждав немного, она постучала снова, затем спустилась к подножию лестницы и, преклонив колени, открыла свой молитвенник, поглядывая на дверь, чтобы перехватить клирика, когда он выйдет.

Агнес, широко зевая, одним пальцем покачивала колокольчик.

— Пойди на чердак, поспи вместе с Розамундой, — предложила Киврин.

— Я не устала! — вскакивая, замотала головой Агнес. — Расскажи мне, что было дальше с непослушной девицей.

— Только если ляжешь.

Киврин начала рассказывать — Агнес хватило всего на пару предложений.

Про щенка Киврин вспомнила уже к вечеру. Все давно спали, даже леди Имейн, которая оставила клирика в покое и улеглась на чердаке. Мейзри, свернувшись под столом, громко храпела.

Осторожно сняв голову Агнес со своих колен, Киврин отправилась хоронить щенка. Во дворе было пусто. Посреди луга дотлевали угли костра, вокруг ни души. Наверное, сельчан тоже одолела послепраздничная дрема.

Киврин вынесла трупик и пошла в конюшню за деревянной лопатой. Там остался только пони Агнес. Киврин недоуменно нахмурилась — на чем, интересно, клирик будет добираться до Курси? Или посланник не соврал, и клирик, хочешь не хочешь, останется здесь в качестве капеллана?

Взяв лопату, Киврин понесла окоченевшее

тельце щенка к церкви. У северной стены она уложила трупик на землю и принялась ковырять жесткий наст.

Земля в буквальном смысле окаменела. Деревянная лопата не оставляла даже зарубки. Киврин встала на нее обеими ногами — не помогло. Тогда она поднялась по косогору к лесной опушке, разгребла снег у корней ясеня и зарыла щенка в груде палой листвы.

— *Requiscat in pace*[27], — произнесла она, чтобы с чистой совестью сообщить Агнес, что щенок похоронен по христианскому обычаю, и отправилась обратно к дому.

Хорошо бы сейчас вернулся Гэвин. Тогда можно попросить, чтобы показал дорогу к переброске, пока все спят. Она двинулась по лугу медленным шагом, прислушиваясь, не доносится ли стук копыт. Гэвина, по идее, надо ждать с главной дороги. Прислонив лопату к плетеной изгороди свинарника, она дошла вдоль наружной стены поместья до ворот. Ничего. Тишина.

Краски дня тускнели. Если Гэвин в ближайшее время не появится, станет слишком темно, чтобы ехать в лес. Через полчаса отец Рош станет

---

[27] Примечания: 1.27
Покойся с миром (лат.).

звонить к вечерне — и все проснутся. Но Гэвин, когда бы он ни вернулся, должен будет поставить лошадь, значит, можно перехватить его в конюшне с просьбой проводить к переброске завтра поутру.

Или пусть хотя бы объяснит, как добраться, или нарисует карту. Тогда не обязательно ехать с ним в лес вдвоем, а если Имейн в день стыковки придумает ему очередное поручение, просто взять лошадь и отыскать нужное место самой.

Киврин постояла у ворот, пока не замерзла, потом вернулась тем же путем вдоль стены к свинарнику и зашла на безлюдный двор. В сенях, кутаясь в плащ, стояла Розамунда.

— Где вы были? Я вас повсюду ищу. Этот клирик…

Киврин похолодела.

— Что такое? Он уезжает?

Неужели оправился от похмелья и собрался в путь? И леди Имейн уговорила его заодно довезти Киврин до Годстоу?

— Нет, — ответила Розамунда, направляясь в зал. Пусто. Видимо, Имейн и Эливис в светлице с клириком. Девочка расстегнула Блуэтову брошку и сняла плащ. — Ему неможется. Отец Рош послал меня за вами. — Она двинулась вверх по

лестнице.

— Неможется? — переспросила Киврин.

— Да. Бабушка отправила Мейзри в светлицу отнести ему поесть.

«И вытащить его из постели», — договорила мысленно Киврин, поднимаясь за ней.

— И Мейзри нашла его больным?

— Да. У него горячка.

У него похмелье. Неужто Рош не распознал последствий обильного возлияния?

Стоп! Киврин оцепенела. Клирика уложили в ее кровать. Он мог заразиться ее вирусом.

— Какие у него симптомы? — спросила она.

Розамунда открыла дверь.

Слишком много народу для тесной комнатушки. Отец Рош стоял у кровати, Эливис чуть поодаль, прижимая к себе Агнес. Мейзри съежилась у окна. Леди Имейн опустилась на колени в изножье кровати и копалась в медицинском ларце, вертя в руках непонятное вонючее снадобье. По комнате плыл еще какой-то запах, тошнотворный и перебивающий даже горчично-луковую вонь притирания.

Все, кроме Агнес, выглядели испуганными. Агнес смотрела с любопытством, так же, как на Черныша. Клирик умер, догадалась Киврин.

Заразился ее вирусом и умер. Но это абсурд. Она здесь с середины декабря, значит, получается, инкубационный период почти в две недели, и больше никто не заразился — даже отец Рош и Эливис, которые во время болезни были при ней почти неотлучно.

Она посмотрела на клирика. Тот лежал в постели неукрытый, в одной рубахе и без штанов. Остальная одежда висела на спинке кровати, пурпурный плащ подметал пол. Завязки на рубахе из желтого шелка разошлись, открывая грудь почти до живота, но Киврин не замечала ни бледной груди, ни горностаевой оторочки на рукавах. Клирику было очень худо. «Мне никогда не было настолько худо, — подумала Киврин. — Даже когда я умирала».

Она подошла ближе. Попавшаяся под ноги полупустая глиняная бутыль с вином покатилась под кровать. Клирик дернулся. У изголовья кровати стояла еще одна бутыль, запечатанная.

— Это от пресыщения тяжелой пищей, — высказалась леди Имейн, растирая что-то в каменной ступке.

Нет, на расстройство желудка не похоже. И на алкогольное отравление, несмотря на все эти початые и непочатые бутылки. Он болен, поняла

Киврин. Серьезно болен.

Он учащенно дышал раскрытым ртом, как бедняга Черныш, вывалив ярко-красный распухший язык. Побагровевшее лицо искажала гримаса ужаса.

Может быть, его отравили? Посланник так торопился уехать, что чуть Агнес не задавил, и Эливис просил не тревожить занедужившего. В XIV веке церковь вроде не гнушалась подобных фокусов? Таинственные случаи гибели в монастырях и соборах, всегда игравшие кому-то на руку…

Да нет, глупость. Посланник с монахом не сорвались бы так поспешно, попросив не заглядывать к жертве, если планировалось обставить все как несчастный случай — смерть от ботулизма или перитонита, или десятка других малоизвестных средневековых напастей. Кроме того, зачем посланнику травить своего подчиненного, если можно его попросту сместить, как леди Имейн мечтает сместить отца Роша?

— Это холера? — предположила леди Эливис.

«Нет», — ответила Киврин про себя, припоминая симптомы. Острая диарея и рвота с обширным обезвоживанием. Запавшие глаза, цианоз, мучительная жажда.

— Вы хотите пить? — спросила она у клирика.

Тот будто не слышал. Полузакрытые веки казались припухшими.

Киврин потрогала его лоб. Клирик дернулся, моргнув покрасневшими глазами.

— Он весь горит! — При холере не бывает настолько высокой температуры. — Принесите кто-нибудь влажную тряпицу.

— Мейзри! — встрепенулась Эливис, но Розамунда уже подскочила с каким-то грязным лоскутом — наверное, из тех, которыми перевязывали Киврин.

По крайней мере прохладный. Киврин свернула его прямоугольником, наблюдая за клириком. Он по-прежнему тяжело дышал, и лицо его исказилось, будто от боли, когда на лоб легла повязка. Он судорожно хватался за живот. Аппендицит? Нет, тогда температура должна быть гораздо ниже. При тифе жар может дойти и до сорока, но не в самом начале. Еще при нем увеличивается селезенка, что тоже может вызвать боли в животе.

— Вам больно? — спросила она. — Где у вас болит?

Он снова моргнул, руки беспорядочно заметались по покрывалу. Очень похоже на тиф, это вот беспокойное хватание, но такое бывает на более поздних стадиях, на восьмой-девятый день

болезни. Может, он приехал уже больным?

Он споткнулся, слезая с лошади, монаху пришлось его подхватить. Но ел и пил он за праздничным столом вволю, и Мейзри ему достало сил щупать. Не похож он был на тяжелобольного, а тиф развивается постепенно, начинаясь с головной боли и небольшой температуры. До тридцати девяти она поднимается только на третью неделю.

Киврин наклонилась ближе, отодвигая ворот расшнурованной рубахи в поисках тифозной сыпи. Нет, ничего похожего. Шея слегка распухшая, но увеличением лимфатических узлов чревата любая инфекция. Киврин закатала рукав. На руке розовых пятен тоже не наблюдалось, однако ногти были синюшно-коричневого цвета, что означало нехватку кислорода. А цианоз числится среди симптомов холеры…

— Рвоты или опорожнения кишечника не было? — уточнила Киврин.

— Нет, — ответила леди Имейн, размазывая зеленоватую массу по жесткой полотняной тряпице. — Он всего лишь переел сахара и пряностей, они и вызвали огонь в крови.

Без рвоты это точно не холера, да и температура слишком высокая в любом случае. Возможно, он

все-таки заразился ее вирусом. Но у нее не болел живот, и язык так не распухал.

Дернув рукой, клирик смахнул компресс со лба, рука безвольно упала обратно на постель. Киврин подхватила тряпицу. Она уже успела высохнуть. Что, кроме вируса, могло вызвать такой жар? Только тиф, больше ничего в голову не приходило.

— У него не шла кровь носом? — спросила она Роша.

— Нет, — ответила Розамунда, забирая у Киврин компресс. — Я не видела.

— Намочи в холодной воде и не выжимай, — велела Киврин. — Отец Рош, помогите мне его поднять.

Рош усадил клирика, обхватив его за плечи. Нет, крови в изголовье постели не видно.

Священник осторожно уложил больного обратно.

— Ты думаешь, это тиф? — спросил он с какой-то непонятной надеждой.

— Не знаю.

Розамунда подала Киврин компресс. Наказ девочка исполнила буквально — с тряпицы текла ледяная вода.

Нагнувшись, Киврин уложила компресс кли-

рику на лоб.

Больной вдруг бешено затрепыхался, выбив повязку у Киврин, а потом сел рывком на постели, молотя руками и брыкаясь. Одной ногой он попал Киврин под колено, и она чуть не плюхнулась на кровать.

— Простите, простите, — затараторила она, хватая его за руки и пытаясь уложить обратно. — Простите.

Клирик распахнул налившиеся кровью глаза и уставился в пространство.

— Gloriam tuam![28] — завопил он странным срывающимся на визг голосом.

— Простите…

Киврин поймала его запястье, но другая рука с размаху ударила ее в грудь.

— *Requiem aetemum dona eis*, — взревел клирик, вскакивая на колени, а потом на ноги и раскачиваясь посреди кровати. — *Et luxperpetua luceat eis*[29].

Киврин поняла, что он пытается читать заупокойную службу.

Отец Рош ухватил его за рубаху — он вырвался

---

[28] Примечания: 1.28
Во славу Твою! (лат.)

[29] Примечания: 1.29
Покой вечный даруй им и свет вечный да светит им (лат.).

и принялся брыкаться, вертясь волчком в неистовой пляске.

— *Miserere nobis*[30].

Он крутился слишком близко к стене, так что не подобраться, задевая ногами балки и молотя руками, будто мельница, не видя ничего и никого вокруг.

— Надо ухватить его за лодыжки, когда он будет поближе, и сбить с ног, — сказала Киврин.

Отец Рош кивнул, едва дыша, остальные стояли как громом пораженные. Имейн застыла на коленях. Мейзри, зажав уши руками и зажмурившись, чуть не вываливалась из окна. Розамунда подобрала мокрую тряпицу и держала ее в вытянутой руке, наивно полагая, будто Киврин еще раз попытается положить ее больному на лоб. Агнес с открытым ртом таращилась на полураздетого клирика.

Тот в своей бешеной пляске подлетел ближе, раздирая шнуровку на груди.

По знаку Киврин они с отцом Рошем ухватились за дергающиеся лодыжки. Клирик повалился на колено, потом, размахивая руками, вырвался и прыгнул с высокой постели прямо на Розамун-

---

[30] Примечания: 1.30
Помилуй нас (лат.).

ду. Девочка загородилась локтем, не выпуская компресс.

— *Miserere nobis*, — проговорил клирик, и они с Розамундой полетели на пол.

— Хватайте его за руки, пока он ее не зашиб, — велела Киврин, но клирик уже перестал молотить. Он лежал неподвижно, придавив Розамунду, почти касаясь губами ее рта и бессильно разбросав руки.

Ухватив больного за обмякшее плечо, отец Рош стащил его с Розамунды. Клирик повалился на бок, мелко, но уже не учащенно дыша.

— Умер? — спросила Агнес. Будто очнувшись от морока, все шагнули вперед, а леди Имейн, держась за столбик кровати, поднялась с пола.

— Черныш умер, — проговорила девочка, хватаясь за юбку Эливис.

— Он не умер, — изрекла Имейн, снова опускаясь на колени. — Это жар ударил ему в голову. Так часто бывает.

«Так никогда не бывает, — возразила мысленно Киврин. — Ни в одной известной мне болезни. Что же это такое? Менингит спинного мозга? Эпилепсия?»

Она наклонилась к Розамунде. Девочка неподвижно лежала на полу, зажмурившись и стиснув

побелевшие кулаки.

— Он тебя ушиб? — спросила Киврин.

Розамунда приоткрыла глаза.

— Он меня повалил, — пролепетала она дрожащим голосом.

— Встать можешь?

Розамунда кивнула, и Киврин с Эливис, за юбку которой цеплялась Агнес, помогли ей подняться.

— Ногу больно, — пожаловалась девочка, опираясь на руку матери, но все же попыталась наступить. — Он вдруг взял и…

Эливис подвела ее к изножью кровати и усадила на резной ларь. Агнес вскарабкалась рядом.

— Он на тебя напрыгнул!

Клирик что-то пробормотал, и Розамунда покосилась на него испуганно.

— Сейчас опять вскочит?

— Нет, — заверила ее Эливис, но младшей дочери велела: — Отведи сестру к огню и посиди с ней.

Агнес взяла Розамунду за руку и повела вниз.

— Когда клирик умрет, мы похороним его на погосте, — донеслось до Киврин. — Как Черныша.

Клирик лежал, уставившись в потолок полузакрытыми остекленевшими глазами, будто уже умер. Отец Рош, присев, без усилий взвалил его

на плечо, как Киврин взваливала Агнес после всенощной. Киврин поспешно стянула покрывало с перины, и отец Рош сгрузил обмякшее тело клирика на постель.

— Нужно вытянуть ему жар из головы, — заявила леди Имейн, снова принимаясь за свое притирание. — Это все из-за пряностей.

— Нет, — прошептала Киврин, глядя на клирика. Тот лежал на спине, раскинув руки ладонями вверх. Тонкая рубаха, порвавшаяся на груди, обнажала левое плечо и вытянутую руку. Под мышкой краснел нарыв. — Нет, — выдохнула Киврин.

Нарыв был ярко-алый, величиной чуть поменьше яйца. Жар, распухший язык, поражение нервной системы, бубоны под мышками и в паху.

Киврин попятилась от кровати.

— Этого не может быть. Это не оно.

Что-то другое. Волдырь. Язва. Киврин потянулась к рукаву рубахи, чтобы отдернуть и посмотреть.

У клирика задергались руки. Отец Рош припечатал его запястья к перине. Нарыв оказался твердым на ощупь, а кожа вокруг него — крапчато-сине-черной.

— Не может быть. Сейчас только 1320-й.

— Это вытянет жар. — Имейн не без труда выпрямилась, держа перед собой вымазанную в снадобье повязку. — Снимите с него рубаху, я приложу притирание.

Она шагнула к кровати.

— Нет! — воскликнула Киврин, выставляя руку. — Не подходите! Его нельзя трогать!

— Что за дерзость? Это всего лишь желудочная горячка.

— Это не горячка! Отпустите его и отойдите подальше, — велела она Рошу. — Это не горячка. Это чума.

Рош, Имейн и Эливис посмотрели на нее бессмысленным взглядом, напомнив Мейзри.

«Они даже не знают, что это такое, — подумала Киврин в отчаянии. — Ее еще не существует. Черного мора еще нет. Даже в Китае чума начнется только в 1333-м. А до Англии доберется только к 1348 году».

— Это она, — сказала Киврин вслух. — У него все симптомы. Бубоны, распухший язык и подкожные кровоизлияния.

— Это всего лишь желудочная горячка, — не уступала Имейн, проталкиваясь мимо Киврин к кровати.

— Нет, — начала Киврин, но старуха уже застыла как вкопанная с повязкой в руке.

— Господи, помилуй нас… — пролепетала она, пятясь.

— Синяя хворь? — в страхе спросила Эливис.

И тут Киврин поняла все. Они сбежали сюда не из-за процесса, не из-за опалы лорда Гийома. Он отослал их подальше от начавшейся в Бате чумы.

«Наша няня умерла», — вспомнила Киврин. И капеллан леди Имейн, брат Губард. «Розамунда говорит, он умер от синей хвори». Сэр Блуэт сообщил, что слушание отменили, потому что заболел судья. Вот почему Эливис так противилась предложениям послать кого-нибудь в Курси и так рассердилась, когда Имейн отправила Гэвина к епископу. Потому что в Бате чума. Но этого не может быть… Черный мор дошел до Англии только осенью 1348 года.

— Какой сейчас год? — спросила Киврин.

Женщины посмотрели непонимающе. Имейн сжимала в руках позабытую повязку.

— Какой сейчас год? — повернулась Киврин к Рошу.

— Вам нездоровится, леди Катерина? — Он с тревогой потянулся к ее запястью, опасаясь, види-

мо, что с ней сейчас случится такой же приступ, как и с клириком.

— Скажите, какой сейчас год, — отдергивая руку, повторила она.

— Двадцать первый год правления Эдуарда III, — начала Эливис.

Третьего, не второго. Киврин в панике разом позабыла все даты.

— Год! Скажите мне год!

— *Anno domine*, — прохрипел клирик. Он попытался облизать губы распухшим языком. — Тысяча триста сорок восьмой.

Книга третья

«Собственноручно похоронил пятерых своих детей в одной могиле… Без погребального звона. Без слез. Конец света настал».

Аньола де Тура, 1547 год

Глава двадцать четвертая

Следующие несколько дней Дануорти обзванивал по списку Финча операторов и шотландских рыболовов-инструкторов, параллельно оборудуя дополнительный лазарет в Балкли-Джонсоне. Грипп свалил еще пятнадцать карантинных, в том числе и мисс Тейлор, которой оставалось лишь сорок пять ударов до конца перезвона.

— Упала в обморок и выпустила колокол, — сокрушался Финч. — Он качнулся обратно с погребальным набатом, веревка извивалась, будто живая. Захлестнула меня за шею и чуть не задушила. Мисс Тейлор хотела продолжить, когда очнулась, но было, конечно, уже поздно. Вы бы поговорили с ней, мистер Дануорти. Она в таком отчаянии. Мол, подвела остальных и нет ей теперь прощения. Я ее успокаиваю, что она не виновата. Ведь не всегда можно за всем уследить, да?

— Да.

Дануорти не удалось пока не то что добыть оператора, а хотя бы дозвониться до кого-нибудь. Бейсингейм не отыскивался. Они с Финчем обзвонили все гостиницы Шотландии, потом

все пансионы и сдаваемые в аренду коттеджи. Уильям раздобыл выписку с кредитного счета, но никаких приманок или болотных сапогов, купленных в захолустном шотландском городке, там, вопреки надеждам Дануорти, не значилось. И вообще никаких операций после пятнадцатого декабря.

Телефонная связь работала все хуже и хуже. Изображение снова отключили, а механический голос, сообщавший, что в связи с эпидемией все линии заняты, вклинивался чуть ли не на третьей цифре почти в каждом номере.

Дануорти уже не беспокоился за Киврин, он носил ее в себе тяжким грузом, снова и снова набирая телефонные номера, дожидаясь «Скорых», выслушивая претензии миссис Гаддсон. Эндрюс не перезванивал — либо не смог пробиться. Бадри без умолку бормотал что-то о смерти, и сестры прилежно стенографировали его бред на бумажных листках. Слушая гудки в ожидании, пока ответит очередной оператор или рыболов-инструктор, Дануорти вчитывался в эти обрывки, пытаясь найти в них ответ. Там попадались и «черный», и «лаборатория», и «Европа».

Связь дышала на ладан. Механический голос перебивал уже на первой цифре, несколько раз

Дануорти даже гудков не услышал. Тогда он сделал перерыв и переключился на таблицы контактов. Уильяму удалось добыть медкарты первичных из конфиденциальной базы Госздрава, и Дануорти штудировал их на предмет радиационной терапии и визитов к стоматологу. Одному из первичных недавно делали снимок челюсти, однако при ближайшем рассмотрении записи выяснилось, что было это двадцать четвертого, уже после начала эпидемии.

Дануорти отправился в лечебницу, расспрашивать первичных, находящихся в сознании, о наличии домашних животных и о возможных недавних поездках на утиную охоту. Коридоры были заставлены каталками, на каждой кто-нибудь лежал. Их плотные ряды перегораживали вход в приемный покой и подступы к лифтам. Дануорти пошел по лестнице.

У дверей в инфекционное отделение его встретила знакомая Уильяма, блондинка-практикантка в белом полотняном халате и маске.

— Извините, но туда нельзя, — выставляя руку в перчатке, заявила она.

«Бадри умер», — подумал Дануорти.

— Мистеру Чаудри хуже?

— Нет, наоборот, — он теперь меньше мечется.

Просто у нас закончились СЗК. Завтра обещали прислать еще партию из Лондона, персонал пока ходит в тканевых, но посетителей одевать не во что. — Она выудила из кармана обрывок бумаги. — Вот, я тут записала. В основном невнятица всякая, к сожалению. Твердит ваше имя и — Киврин, да? Правильно?

Дануорти кивнул, вглядываясь в каракули на листке.

— И всякие отдельные слова, тоже большей частью бессвязные.

Она записывала фонетически, как слышалось, подчеркивая разобранные осмысленные слова. «Не могу», — значилось на листке. А еще «черный» и «столько тревог».

К утру воскресенья слегло больше половины карантинных, остальные, те, кто еще держался на ногах, ухаживали за больными. Дануорти с Финчем уже не пытались класть их в лазарет, да и свободные раскладушки все равно кончились. Больных оставляли в собственных кроватях или вместе с постелью перетаскивали в Сальвин, чтобы хоть как-то избавить добровольных сиделок от лишней беготни.

Звонарки валились одна за другой, и Дануорти устраивал их в старой библиотеке. Мисс Тейлор,

пока еще ходячая, потребовала, чтобы ее пустили к коллегам.

— Это меньшее, что я могу сделать, — задыхаясь после изнурительного путешествия по коридору, уверяла она. — Ведь я так безобразно всех подвела.

Дануорти помог ей улечься на надувном матрасе, который принес Уильям, и накрыл одеялом.

— Дух бодр, плоть же немощна, — процитировал он.

У него самого истощились все силы, хронический недосып и постоянные неудачи выжали его как лимон. Наконец между кипячением воды для чая и мытьем «уток» он дозвонился до оператора из колледжа Магдалины.

— Она в больнице, — ответила мать девушки. Вид у нее был измученный и усталый.

— А когда она заболела?

— В Рождество.

У Дануорти проснулась надежда. Может быть, эта девушка-оператор и есть источник?

— Какие у нее симптомы? Головная боль? Жар? Спутанность сознания?

— Прободение аппендикса.

К утру понедельника грипп свалил три четверти карантинных. Как и предсказывал Финч,

закончилось чистое постельное белье и медицинские маски. Что еще хуже, закончились глотательные термометры, антибиотики и аспирин.

— Я пытался дозвониться в лечебницу, чтобы прислали еще, — сообщил Финч, отдавая Дануорти список, — но связи нет совсем.

Дануорти отправился в лечебницу пешком. Перед входом в приемный покой его ждало столпотворение из карет «скорой помощи», такси и пикетчиков с большим транспарантом, возглашавшим: «ПРЕМЬЕР-МИНИСТР БРОСИЛ НАС ЗДЕСЬ НА ПОГИБЕЛЬ!» Протиснувшись сквозь эту толчею к двери, Дануорти увидел бегущего к нему Колина — тот, как обычно, промок до нитки, нос и щеки покраснели от холода, куртка нараспашку.

— Телефоны в отрубе, — сообщил он. — Перегруз линий. Теперь я за курьера. — Он вытащил из кармана ворох мятых сложенных пополам листков. — Будете кому-нибудь что-нибудь передавать?

«Да. Эндрюсу. Бейсингейму. Киврин».

— Нет.

Колин запихнул отсыревший бумажный комок обратно в карман.

— Тогда побегу. Если ищете бабушку Мэри, она

в неотложке. Только что еще пятерых привезли. Вся семья целиком. Малыш уже мертвый был.

Он умчался, лавируя между машинами в заторе.

Дануорти протолкался в приемный покой и показал список требуемого дежурному врачу, который направил его в кладовую. В коридорах по-прежнему теснились каталки, уже по обеим стенам, так что оставался только узкий проход. Склонившись над одной из них, медсестра в розовой маске и халате что-то читала больному.

— Пошлет Господь на тебя моровую язву, — услышал Дануорти, с опозданием осознавая, что это миссис Гаддсон. Однако она, поглощенная чтением, даже не подняла головы. — Доколе не истребит Он тебя с земли.

«Пошлет Господь на тебя моровую язву…» — повторил Дануорти, думая о Бадри. «Это все крысы. Они всех убили. Половину Европы».

«Нет, не могла она попасть во времена чумы», — разубеждал себя профессор, заворачивая к складу. Максимальный сдвиг, по словам Эндрюса, никогда не превышал пяти лет. В 1325 году чума еще даже в Китае не началась. Если верить Эндрюсу, кроме координат и сдвига, других накладок, которые позволят благополучно

завершить переброску, быть не может. Бадри, когда еще отвечал на вопросы, подтвердил, что координаты Пухальски перепроверены.

Он дошел до кладовой. За стойкой никого не было, пришлось позвонить в колокольчик.

Сколько он ни спрашивал Бадри про координаты, тот неизменно подтверждал, что стажер не ошибся, но при этом нервно барабанил пальцами по одеялу, снова и снова вводя данные привязки. «Не может быть. Что-то не так».

Дануорти позвонил еще раз, и из-за стеллажей вышла медсестра. Прервать заслуженный пенсионный отдых ее, видимо, вынудила эпидемия, поскольку лет ей было не меньше девяноста. Накрахмаленный халат, хоть и пожелтел от времени, по-прежнему стоял колом. Когда медсестра протянула руку за списком, ткань захрустела.

— Есть разрешение на выдачу?

— Нет.

Она вернула ему список и вручила бланк заявления на трех страницах.

— Все требования должны быть подписаны у заведующей отделением.

— У нас нет заведующей, — начал закипать Дануорти. — И отделений нет. У нас пятьдесят человек на карантине в двух общежитиях и ни-

каких медикаментов.

— В таком случае нужно подписать у лечащего врача.

— У лечащего врача полная больница гриппующих и нет времени подписывать бумажки. В городе эпидемия!

— Я в курсе, — ледяным тоном ответила сестра. — Все требования нужно подписывать у лечащего врача, — хрустя и поскрипывая, она удалилась за стеллажи.

Дануорти отправился обратно в приемный покой. Мэри там уже не было. Дежурный врач направил его в инфекционное, но и там Мэри не оказалось. Дануорти начал подумывать, не подделать ли подпись самому, однако поговорить с Мэри — о том, что не удается ни вызвонить оператора, ни обойти запрет Гилкриста и открыть сеть, — хотелось все равно. Даже простого аспирина не достать, а на дворе уже третье января.

Мэри он в конце концов перехватил в лаборатории. Она разговаривала по телефону — видимо, связь наладили, хотя дисплей по-прежнему рябил. Но Мэри туда не смотрела. Она смотрела на монитор с ветвящимися схемами контактов.

— В чем причина задержки? — спрашивала она в трубку. Вы еще два дня назад обещали все

прислать.

Пауза. Человек, скрытый за рябью на дисплее, приводил какие-то оправдания.

— Что значит, завернули? — не поверила своим ушам Мэри. — У меня тут тысяча больных гриппом.

Снова пауза. Мэри что-то набрала на терминале, и появилась новая схема.

— Так отправьте снова! — Она повысила голос. — Мне срочно нужно. У меня люди умирают! Чтобы все было здесь к… Алло? Вы слушаете? — Дисплей померк. Мэри заметила Дануорти и махнула ему рукой, приглашая зайти в кабинет.

— Вы меня слушаете? Алло! — Она в сердцах обрушила трубку на рычаг. — Телефон не работает, половина персонала лежит с гриппом, а аналоги еще не пришли, потому что какой-то недоумок не пропускает их на карантинную территорию!

Она устало опустилась на стул и помассировала под глазами.

— Прости. Дурацкий сегодня день. Трое скончавшихся до госпитализации за одно утро. Один — шестимесячный младенец.

На лацкане халата по-прежнему зеленела веточка остролиста. И халат, и веточка были изрядно помяты, сама Мэри выглядела не лучше

— запавшие глаза, скорбные носогубные складки. Дануорти не стал спрашивать, когда она последний раз спала, — все равно вряд ли вспомнит.

Мэри разгладила пальцами верхние веки.

— Никак не получается привыкнуть, что не все в наших руках.

— Да.

Она подняла голову, будто только сейчас его увидела.

— Ты чего-то хотел, Джеймс?

Невыспавшаяся, обессиленная, трое погибших в «Скорой» за утро, один из них совсем кроха. Взваливать на нее еще и Киврин?

— Нет. — Он встал, отдавая ей бланк заявления. — Только подпиши.

Мэри расписалась не глядя.

— Я сегодня утром заходила к Гилкристу, — сообщила она, возвращая листок.

Дануорти, удивленный и тронутый, не нашел, что сказать.

— Хотела уговорить его открыть сеть пораньше. Объяснила, что совершенно незачем ждать всеобщей иммунизации. Для снятия векторов заражения достаточно иммунизировать критический процент оказавшихся в очаге заболевания.

— И ни один из доводов не подействовал.

— Нет. Он накрепко вбил себе в голову, что вирус проник из прошлого. — Мэри вздохнула. — Расчертил диаграммы циклических мутаций миксовирусов типа А. По ним выходит, что один из них, существовавший в 1318–1319 годах, был как раз H9N2. — Она потерла лоб. — Поэтому Гилкрист не откроет лабораторию, пока не закончится всеобщая иммунизация и не снимут карантин.

— И когда это случится? — спросил Дануорти, хотя и так уже примерно представлял.

— Карантин снимают только через семь дней после всеобщей иммунизации или через две недели с последнего отмеченного случая заболевания, — похоронным голосом сообщила Мэри.

С последнего отмеченного. Две недели без появления новых больных.

— И сколько уйдет на иммунизацию всей страны?

— Как только вакцина появится в достаточном количестве, не так уж много. В Пандемию было всего восемнадцать дней.

Восемнадцать дней. После того, как изготовят нужное количество вакцины. Конец января.

— Долговато.

— Знаю. Нужно доподлинно установить источ-

ник. — Она посмотрела на терминал со схемами контактов. — Ответ где-то здесь, только мы не там ищем. — Мэри вывела на экран новую таблицу. — Пока провожу сопоставления, ищу студентов-ветеринаров; первичных, проживающих возле зоопарков, сельские адреса. Вот это список вторичных, перечисленных в справочнике «Дебретт»[31], — всякая там фазанья охота и так далее. Но на самом деле они если кого из пернатых и видели вблизи, то разве что рождественского гуся.

Мэри переключила на другую таблицу. В верхней строке по-прежнему значилась фамилия Бадри. Мэри посмотрела на нее долгим пристальным взглядом, как Монтойя на древние кости.

— Первое, чему должен научиться врач, — не казнить себя за потерю больного.

О ком это она? О Киврин? О Бадри?

— Я добьюсь, чтобы открыли сеть, — пообещал Дануорти.

— Надеюсь.

Нет смысла искать правду в таблицах контактов и совпадениях. Все ответы у Бадри, чья фамилия, несмотря на все расспросы вторичных,

---

[31] Примечания: 1.31

Ежегодно издающийся справочник, перечисляющий представителей английской аристократии.

на все тупиковые гипотезы, по-прежнему висит в первой строке. Бадри — первый заболевший, за четыре-шесть дней до переброски где-то соприкоснувшийся с резервуаром.

Дануорти поднялся к нему. За стойкой в коридоре сидел высокий нервный парень, на вид не старше семнадцати.

— А где… — начал Дануорти и понял, что не знает имени светловолосой практикантки.

— Она тоже заболела, — ответил парень. — Вчера. Уже двадцатая среди сестер, а на подмену больше выходить некому. Обратились к третьекурсникам. Я вообще-то только на первом, но проходил курс первой помощи.

Вчера. То есть целый день за Бадри никто не записывал.

— Вы, случайно, ничего не помните из того, что говорил Бадри за это время? — без особой надежды спросил Дануорти. Первокурсник… — Какие-нибудь внятные слова или фразы?

— Вы, наверное, мистер Дануорти? — Парень вручил ему комплект СЗК. — Элоиза мне передала вашу просьбу все записывать.

Дануорти развернул упаковку. Белый халат с черными крестиками по бортам, завязывается на спине. Лучше не думать, откуда достали эти

комплекты.

— Она совсем никакая была, только повторяла, как важно все записывать.

Парень проводил Дануорти в палату, взглянул на мониторы над койкой, потом на Бадри. Этот хотя бы на больного смотрит, оценил профессор.

Бадри лежал, выпростав руки поверх одеяла и нервно загребая пальцами, напоминающими иллюстрацию в книге Колина, — ту, где изображалась рыцарская могила. Открытые запавшие глаза не видели ни медбрата, ни Дануорти, ни одеяла, которое никак не могли ухватить беспокойные пальцы.

— Я об этом читал в учебниках, — сообщил парень. — Но сам вижу первый раз. Распространенный предсмертный симптом при дыхательных заболеваниях. — Он что-то набрал на клавиатуре терминала и показал на верхний левый экран. — Вот, я все записал.

Действительно все, даже невнятицу. Воспроизвел фонетически, с многоточиями на месте пауз и sic в спорных местах. Среди прочей абракадабры попадались «крысы» и «откатить» (sic), и «Почему он не идет?»

— Это в основном за вчера, — пояснил парень, переводя курсор в нижнюю треть экрана. —

Утром еще немного поговорил. А сейчас, конечно, молчит.

Дануорти сел у койки и взял Бадри за руку. Даже сквозь защитную перчатку она казалась ледяной. Он взглянул на датчик температуры — жар давно ушел, а вместе с ним и лихорадочный румянец. Бадри будто обескровили, теперь его кожа стала цвета мокрого пепла.

— Бадри, — позвал профессор. — Это мистер Дануорти. Я должен тебя кое о чем спросить.

Ноль реакции. Холодная рука безжизненно повисла в ладони Дануорти, а другая продолжала беспокойно, бездумно скрести по одеялу.

— Доктор Аренс предполагает, что ты мог подцепить вирус от какой-нибудь живности — от дикой утки или гуся, например.

Медбрат с интересом посмотрел на Дануорти, потом на Бадри, будто ожидая пронаблюдать еще какой-нибудь не встреченный пока на практике клинический феномен.

— Бадри, ты ничего такого не помнишь? Ты нигде не пересекался с утками или гусями за неделю до переброски?

Бадри шевельнул кистью. Неужели услышал? Но когда профессор разжал ладонь, тонкие, исхудавшие до костей пальцы только слабо заскребли

по его руке, по запястью, по рукаву.

Дануорти стало отчаянно стыдно терзать вопросами больного, который уже слеп, глух и вообще далеко отсюда.

Он уложил руку Бадри обратно на одеяло и похлопал по ней ласково.

— Отдыхай. Постарайся отдохнуть.

— Вряд ли он вас слышит, — заметил медбрат. — Обычно в таком состоянии они уже не воспринимают ничего.

— Да. Я знаю, — ответил Дануорти, но со стула не встал.

Медбрат поправил капельницу, посмотрел на нее настороженно и поправил снова. Потом с тревогой оглянулся на Бадри, в третий раз поправил капельницу и, наконец, вышел. Дануорти сидел, глядя, как Бадри вслепую скребет пальцами по одеялу в бесплотных попытках ухватить неподдающиеся складки. Зацепиться. Время от времени он что-то едва слышно бормотал себе под нос. Дануорти осторожно помассировал его руку, и через какое-то время движения пальцев замедлились. Дануорти не знал, плохо это или хорошо.

— Погост, — произнес Бадри.

— Нет, — ответил Дануорти. — Нет.

Он посидел еще, массируя руку Бадри, однако пальцы опять задергались беспокойно, и Дануорти прекратил.

— Ты отдыхай, — сказал он на прощание и вышел.

Медбрат за стойкой перелистывал «Уход за больными».

— Сообщите мне, пожалуйста, когда… — Дануорти понял, что не в силах закончить фразу. — Сообщите, хорошо?

— Да, сэр. Где вас найти?

Дануорти сунул руку в карман в поисках клочка бумаги, чтобы записать телефон, и наткнулся на позабытый список медикаментов.

— Я в Баллиоле. Пришлите курьера.

Он спустился обратно в кладовую.

— Нужно заполнить как полагается, — заявила хрустящая халатом старуха, глядя на протянутое заявление.

— Там стоит подпись, — отдавая ей список, ответил Дануорти. — Остальное заполните сами.

Сестра скользнула неодобрительным взглядом по списку.

— Масок нет, термометров тоже. — Она вытащила крошечный пузырек аспирина. — Синтомицин и азелнидипин кончились.

В пузырьке болталось не больше двадцати таблеток. Убрав его в карман, Дануорти отправился в аптеку на Хай-стрит. У входа под дождем жалась горстка пикетчиков с плакатами «НАДУВАТЕЛЬСТВО!» и «ЦЕНЫ ВЗВИНЧЕНЫ». Дануорти зашел внутрь. Масок не было, цены на аспирин и глотательные термометры действительно оказались бешеные. Он купил все, что имелись в наличии.

Всю ночь он раздавал лекарства и штудировал таблицу контактов Бадри, выискивая хоть какую-нибудь ниточку к источнику вируса. Десятого декабря Бадри проводил локальную переброску для кафедры XIX века в Венгрии, но где именно, в данных не уточнялось. Уильям, вовсю приударявший за пока еще ходячими карантинными, тоже не знал, а связь пока не наладили.

Не наладили ее и к утру, когда Дануорти хотел позвонить в лечебницу и узнать, как там Бадри. Он даже гудков не услышал, но стоило положить трубку, как раздался звонок.

Это оказался Эндрюс, только из-за шипения в трубке Дануорти едва мог разобрать, что он говорит.

— Простите, что так долго, — сказал оператор, а потом еще что-то, неразборчивое.

— Вас плохо слышно!

— Я говорю, дозвониться не мог. Телефоны… — Снова шипение. — Я сделал проверку параметров. По трем разным… и триангулировал… — Остальное утонуло в помехах.

— Каков максимальный сдвиг? — прокричал Дануорти в трубку.

Помехи вдруг стихли.

— Шесть дней.

— Шесть дней? Вы уверены?

— Это на координаты… — В трубке зашипело с новой силой. — По вероятностной оценке, максимальный сдвиг на любые координаты в радиусе пятидесяти километров не превышает пяти лет.

Шипение перешло в громкий треск, линия заглохла.

Дануорти положил трубку. У него с души камень должен был свалиться, но он почему-то не чувствовал ничего. Придет Киврин на стыковку или нет, Гилкрист все равно не собирается открывать сеть шестого числа. Он потянулся к телефону, чтобы позвонить в Шотландское туристическое бюро, но аппарат снова его опередил.

— Дануорти слушает, — произнес профессор, вглядываясь в дисплей, на котором по-прежнему плясала сплошная рябь.

— Кто? — переспросил то ли пьяный, то ли хриплый женский голос. — Простите. Я звонила… — конец предложения зажевался, а дисплей потемнел.

Дануорти подождал, не зазвонит ли телефон снова, потом отправился в Сальвин. Колокол на башне Магдалины отбивал часы. Под непрекращающимся дождем его звон напоминал похоронный. Мисс Пьянтини, видимо, тоже его услышала, потому что стояла посреди двора в ночной рубашке, торжественно воздевая и опуская руки в одном ей известном ритме.

— Середина, сбой, потом снова туда-обратно, — бормотала она, когда Дануорти попытался увести ее в здание.

Во двор выбежал обескураженный Финч.

— Это из-за колоколов, сэр, — подхватывая мисс Пьянтини под другую руку, сказал он. — Они ее будоражат. Лучше бы вообще перестали звонить, раз такие дела.

Мисс Пьянтини возмущенно выдернула свой локоть у Дануорти.

— Ни при каких обстоятельствах нельзя выпускать веревку колокола!

— Именно, — кивнул Финч и, вцепившись в ее руку, словно в пресловутую веревку, повел мисс

Пьянтини обратно на раскладушку.

Примчался Колин, как всегда промокший и посиневший от холода. Под расстегнутой курткой болтался на шее бесполезный серый шарф в клетку. Лихо притормозив, Колин отдал Дануорти записку.

— Это от дежурной, которая с Бадри, — пояснил он, открывая пакетик мыльных пастилок и кидая в рот светло-голубую.

Записка уже успела отсыреть. «Бадри зовет вас». От первого слова, правда, мало что осталось, кроме расплывающейся буквы «Б».

— Она не сказала, как там Бадри? Ему хуже?

— Нет, только записку отдала. А бабушка Мэри просила, когда придете, чтобы обязательно сделали Т-клеточное. Она не знает, когда пришлют аналог.

Дануорти помог Финчу уложить сопротивляющуюся мисс Пьянтини, потом поспешил в лечебницу, прямиком в инфекционное. Дежурная на посту снова сменилась, на этот раз там сидела женщина средних лет с отекшими ногами. Закинув их на стойку, она смотрела карманный визик, но при виде посетителя тут же встала.

— Вы мистер Дануорти? — осведомилась она, преграждая ему путь. — Доктор Аренс просила

вас немедленно спуститься к ней вниз.

По ее негромкому ласковому голосу Дануорти догадался, что она пытается оттянуть неприятный момент. «Перекладывает на Мэри. Чтобы та сама мне сообщила».

— Бадри, да? Он умер?

— Да нет, что вы! — испугалась сестра. — Наоборот, ему сегодня лучше. Вы не получили разве мою записку? Он уже садится.

— Садится? — Дануорти не поверил своим ушам. Неужели сестра тоже впала в лихорадочный бред?

— Еще слаб, конечно, однако температура нормальная, и он в сознании. Доктор Аренс ждет вас в приемном покое. Она просила срочно.

Дануорти с сомнением оглянулся на дверь палаты.

— Передайте ему, что я скоро приду, сразу как только освобожусь.

На выходе он чуть не столкнулся с Колином.

— Тебе зачем сюда? Кто-нибудь из операторов позвонил?

— Меня к вам приставили. Бабушка Мэри говорит, что иначе вы Т-клеточное вовек не сделаете. Поэтому сейчас я вас туда отведу.

— Не сейчас. Там что-то срочное в приемном

покое, — торопливо шагая по коридору, ответил Дануорти.

Колин пустился за ним вприпрыжку, чтобы не отстать.

— Тогда после этого срочного. Мне велено не выпускать вас из лечебницы, пока не сделаете прививку.

Мэри дожидалась его прямо у лифта.

— Новый пациент, — мрачно сообщила она. — Это Монтойя. Сейчас ее должны привезти из Уитни.

— Монтойя? — переспросил Дануорти, направляясь за Мэри в приемный покой. — Это невозможно. Она все время была на раскопе, одна.

— Видимо, нет.

— Но она говорила… Ты уверена, что это вирус? Она там под дождем безвылазно. Может, простудилась?

— Нет. Санитары взяли предварительные анализы. Совпадает с вирусом. — Мэри остановилась у регистрационной стойки. — Уже привезли?

Дежурный врач покачал головой.

— Только через кордон проехали.

Мэри подошла к наружному выходу и выглянула на улицу, будто хотела сама убедиться.

— Она позвонила с утра, мы ничего не поняли, — продолжила рассказ Мэри. — Я просила Чиппинг-Нортон, ближайшую больницу к раскопкам, прислать за ней «Скорую», но там сказали, что раскоп по официальным данным приписан к карантину. А нашу «Скорую» тоже за оцепление не выпускают. Пришлось выбивать в Госздраве отдельный приказ на проезд «Скорой». — Мэри снова выглянула на улицу. — Когда она отправилась на раскопки?

— Я… — Дануорти стал вспоминать. Про шотландских рыболовов-инструкторов она спрашивала в Рождество, потом в тот же день перезвонила и сказала, что «уже не важно», поскольку решила подделать подпись Бейсингейма. — В Рождество. Если отделения Госздрава работали. Или двадцать шестого. И с тех пор она ни с кем не виделась.

— Откуда ты знаешь?

— Она мне жаловалась по телефону, что рук не хватает и она не может откачивать воду из раскопа в одиночку. Просила позвонить в Госздрав, чтобы ей прислали каких-нибудь студентов в помощь.

— И давно это было?

— Два — нет, три дня назад, — наморщив лоб,

подсчитал Дануорти. Когда спишь урывками, дни сливаются в один.

— Может, она нашла кого-то на ферме уже после вашего разговора?

— Там зимой пусто.

— Если я не ошибаюсь, она себе в подручные всех и каждого тянет. Могла какого-нибудь прохожего завербовать.

— Она говорила, там не бывает никого. Раскоп на отшибе.

— Значит, кто-то все же появился. Она восемь дней на раскопе, а инкубационный период у вируса всего сорок восемь часов.

— «Скорая» подъехала! — объявил Колин.

Мэри выскочила на улицу, Дануорти с Колином следом. Двое санитаров в масках вытащили носилки и водрузили их на каталку. Одного из них Дануорти узнал — он когда-то увозил Бадри.

Колин, нагнувшись над каталкой, с любопытством разглядывал Монтойю, которая лежала с закрытыми глазами. Голова ее покоилась на подушках, щеки горели тем же густым нездоровым румянцем, что и у мисс Брин. Колин наклонился ниже, и Монтойя кашлянула прямо ему в лицо.

Дануорти сгреб мальчика за шиворот, оттаскивая подальше от носилок.

— Ну куда ты лезешь? Хочешь вирус подцепить? Где твоя маска?

— Они все кончились.

— Тебя здесь вообще быть не должно. Бегом марш в Баллиол и…

— Не могу. Я должен проследить, чтобы вы сделали прививку.

— Тогда посиди вот здесь, — велел Дануорти, отводя его на стул в приемном. — И не суйся к больным.

— Только не пытайтесь от меня улизнуть, — предупредил Колин, однако послушно уселся, вытащил из кармана леденец и обтер его рукавом куртки.

Дануорти вернулся к каталке.

— Лупе, нам надо кое-что узнать, — обратилась Мэри к Монтойе. — Когда вы заболели?

— Утром, — ответила та сиплым голосом, и Дануорти вдруг понял, что это она ему звонила с утра. — Вчера вечером жутко болела голова. — Она потерла лоб перепачканной рукой. — Но я думала, это потому что я глаза перенапрягаю.

— Кто был с вами на раскопе?

— Никого, — удивленно просипела Монтойя.

— А рассыльные? Из Уитни вам ничего не доставляли?

Монтойя попыталась покачать головой, но только сморщилась от боли.

— Нет. Я все привезла с собой.

— И помогать с раскопками тоже никто не приезжал?

— Нет. Я просила мистера Дануорти передать в Госздрав, чтобы оттуда кого-нибудь прислали, но он не передал. — Монтойя вслед за Мэри оглянулась на Дануорти. — Они пришлют? Иначе его до скончания веков не отыскать.

— Кого не отыскать?

Похоже, Монтойя впадает в бред.

— Диктофон Киврин.

У Дануорти перед глазами вспыхнула картина: Монтойя у саркофага, перебирает в залепленном грязью поддоне окаменевшие кости. Суставы запястья. Она ощупывала неровные края суставных костей, выискивая шпору, в которой пряталось записывающее устройство. Диктофон Киврин.

— Я еще не все могилы перекопала, — продолжила Монтойя. — Там льет и льет. Пусть срочно кого-нибудь присылают.

— Могилы? — Мэри недоуменно посмотрела на Дануорти. — Какие могилы?

— Она перекапывает средневековый погост в поисках останков Киврин, — с горечью пояснил

тот. — И диктофона, который ты ей вживляла в запястье.

— Мне нужны таблицы контактов, — сообщила Мэри дежурному врачу, отвлекаясь от объяснений Дануорти. — Бадри ведь ездил на раскоп?

— Да.

— Когда?

— Восемнадцатого и девятнадцатого.

— Копал погост?

— Да. Они с Монтойей вскрывали рыцарский саркофаг.

— Саркофаг… — повторила Мэри таким тоном, будто теперь ей все стало ясно. — Вы работали на этой неделе с рыцарской могилой? — склонившись над каталкой, спросила она у Монтойи.

Монтойя хотела кивнуть, но снова поморщилась.

— Тошнит, когда головой двигаю, — извинилась она. — Да, пришлось перенести останки. Могилу начало затапливать.

— Когда вы там работали? В какой день?

Монтойя нахмурилась.

— Не помню. За день до колоколов, кажется.

— Тридцать первого, — подсказал Дануорти. — А потом? После этого?

Монтойя мотнула головой.

— Таблицы выведены, — сообщил дежурный врач.

Мэри стремительно подошла к его стойке и, выхватив клавиатуру, нажала несколько кнопок. Посмотрела на экран, снова что-то набрала.

— Что такое? — спросил Дануорти.

— Какие там условия на погосте?

— Условия? — Дануорти не сразу понял, о чем она. — Жидкая глина. Монтойя накрыла погост брезентом, но внутрь все равно заливает.

— Там тепло?

— Да, она жаловалась на духоту. И электрообогреватели работали. Так в чем дело?

Мэри вела пальцем по строчкам на экране, что-то выискивая.

— Вирусы отличаются поразительной живучестью. Они могут годами лежать в спячке, а потом воскреснуть. В саркофагах египетских мумий находили вполне жизнеспособные штаммы. — Ее палец уперся в число. — Так и думала. За четыре дня до того, как заболеть, Бадри был на раскопе. — Она повернулась к дежурному врачу: — Мне срочно нужна бригада на раскоп. Выбейте разрешение в Госздраве. Скажите, что мы, кажется, нашли источник вируса.

Мэри нажала пару кнопок, вывела новую

таблицу, проскользила пальцем по строчкам, напечатала что-то и отступила на шаг от экрана.

— У нас было четверо вторичных, никак не связанных с Бадри. Двое из них ездили на раскоп за четыре дня до госпитализации. Еще один — за три дня до болезни.

— То есть вирус на раскопе? — подытожил Дануорти.

— Да, — печально улыбнулась Мэри. — Похоже, Гилкрист оказался прав. Вирус действительно проник из прошлого. Через рыцарскую могилу.

— Киврин тоже ездила на раскоп.

Мэри изменилась в лице.

— Когда?

— В воскресенье, накануне переброски. Девятнадцатого.

— Это точно?

— Она сама мне говорила перед отправлением. Пыталась придать рукам аутентичный вид.

— Господи… — Мэри побледнела. — Если она была там за четыре дня до переброски, то это еще до Т-клеточного наращивания. Вирус мог проникнуть в организм. И она могла заболеть.

— Не могла! — Дануорти схватил Мэри за руку. — Сеть не пропустила бы ее заражать современников.

— Она никого бы не заразила. Если вирус действительно из рыцарского саркофага, то рыцарь умер в 1118-м{2}, там все уже этим гриппом переболели. У них иммунитет. — Мэри тем же стремительным шагом вернулась к Монтойе. — Киврин работала с саркофагом, когда приезжала на раскоп?

— Не знаю. Меня там не было. Я встречалась с Гилкристом.

— А кто может знать? Кто там работал в тот день?

— Никто. Все разъехались на каникулы.

— От кого же Киврин получила задание?

— Добровольцы оставляли записки следующей смене перед отъездом.

— Кто работал утром до Киврин?

— Бадри, — ответил Дануорти и решительно двинулся в инфекционное.

Он вошел прямо в палату. Застигнутая врасплох сестра, которая снова сидела закинув отекающие ноги на мониторы, бросилась за ним с возгласом: «Без защитного комплекта нельзя!», но Дануорти не оглянулся.

Бадри полулежал на подушках, бледный как

{2} Комментарии: 2.2
Очевидно, 1318.

полотно, будто болезнь выпила из него все соки, и совсем слабый.

— Киврин работала с рыцарским саркофагом? — с порога спросил профессор.

— Киврин? — едва слышным эхом откликнулся Бадри.

В дверь влетела медсестра.

— Мистер Дануорти, вам нельзя сюда!

— В воскресенье, — напомнил Дануорти. — Ты должен был оставить ей записку с заданием. Ты писал про саркофаг?

— Мистер Дануорти, вы можете заразиться, — не отступала медсестра.

Вошла Мэри, натягивая защитные перчатки.

— Джеймс, сюда нельзя без СЗК.

— Я ему говорила, доктор Аренс, — начала оправдываться сестра, — но он проскочил мимо меня…

— Ты оставлял Киврин записку с заданием поработать в могиле рыцаря? — допытывался Дануорти.

Бадри слабо кивнул.

— Она контактировала с вирусом, — заключил Дануорти. — В воскресенье. За четыре дня до переброски.

— Нет… — выдохнула Мэри.

— Что такое? В чем дело? — забеспокоился Бадри, пытаясь приподняться. — Где Киврин? — Он посмотрел на Дануорти, потом на Мэри. — Вы же ее вытащили? Когда поняли, что случилось? Вытащили?

— Вы о чем? — нахмурилась Мэри.

— Вы должны были ее вытащить. Она не в 1320-м. Она в 1348-м.

Глава двадцать пятая

— Невозможно, — возразил Дануорти.

— 1348-й? — изумленно переспросила Мэри. — Это как? Это же год начала чумы.

«Она не могла угодить в 1348-й, — пронеслось в мыслях у Дануорти. — Эндрюс говорил, максимальный сдвиг не превышает пяти лет. А координаты Пухальски были верными».

— 1348-й? — повторила Мэри, глядя на экраны за спиной Бадри, будто надеясь, что он по-прежнему бредит. — Вы уверены?

Бадри кивнул.

— Я сразу почуял неладное, когда увидел сдвиг… — Он будто сам не верил своим словам.

— Даже максимальный сдвиг не перекинул бы ее в 1348-й, — вмешался Дануорти. — Эндрюс сделал мне проверку параметров. Он говорит, что максимум — пять лет.

Бадри покачал головой.

— Это не сдвиг. Сдвиг там всего четыре часа. Слишком маленький. А минимальный на такую дальнюю переброску должен быть не меньше сорока восьми.

«Получается, Бадри пугало не то, что сдвиг

слишком большой, совсем наоборот. А я не догадался спросить Эндрюса про минимальный сдвиг, меня интересовал только максимум».

— Я не знаю, как так вышло, — продолжал Бадри. — У меня трещала голова. Все время, пока я настраивал сеть, просто раскалывалась.

— Это из-за вируса, — механически проговорила Мэри, которая стояла как громом пораженная. — Головная боль и дезориентация. — Она опустилась на стул у койки. — 1348-й…

1348-й. У Дануорти путались мысли. Столько волноваться, не заразилась ли Киврин гриппом, тревожиться насчет сдвига, а она все это время была в 1348-м. В том самом, когда в Оксфорд пришла чума. Под Рождество.

— Этот чересчур маленький сдвиг меня сразу насторожил, — повторил Бадри. — Поэтому я вывел координаты и…

— Ты же говорил, что перепроверял за Пухальски, — начал Дануорти грозно.

— Он всего лишь стажер. Он никогда не проводил удаленок. А Гилкрист вообще не ведал, что творит. Я пытался вам сказать. Она что, не пришла на стыковку? — Бадри беспокойно посмотрел на Дануорти. — Почему вы ее не вытащили?

— Мы не знали, — глухо проговорила Мэри. —

Вы нам так и не успели ничего сообщить. Вы лежали в бреду.

— Чума унесла пятьдесят миллионов жизней, — свирепел Дануорти. — Половину Европы.

— Джеймс… — предостерегающе сказала Мэри.

— Я пытался вам сообщить, — оправдывался Бадри. — Потому и прибежал тогда. Чтобы вытащить ее до того, как она уйдет со стыковки.

Он пытался сообщить. Он пробежал до самого паба. Летел под дождем без пальто, расталкивая прохожих, не обращая внимания на свертки и зонты, примчался промокший. Продрог так, что зуб на зуб не попадал. «Что-то не так».

Он старался достучаться. «Погубила половину Европы». «Это все крысы» и «какой сейчас год?». Он силился предупредить.

— Если сдвиг ни при чем, то остаются только координаты… — упираясь обеими руками в спинку кровати, проговорил Дануорти.

Бадри вжался спиной в подушки, будто загнанный в угол зверь.

— Ты уверял, что Пухальски не ошибся.

— Джеймс… — вновь предостерегла Мэри.

— Другой накладки, кроме координат, быть не могло, — повысил голос Дануорти, — иначе переброска бы не состоялась. Ты сказал, что дважды

все перепроверил! Ты говорил, что ошибок нет!

— Верно, — подтвердил Бадри. — Но я все равно беспокоился. Боялся, что он мог напутать в сидерических данных, которые не показываются в координатах. — Его лицо стало землистым. — И я ввел все заново. Сам. Утром перед переброской.

Утром. Когда у него «трещала голова». Когда уже подкрадывались жар и бред. Перед глазами Дануорти вновь встала картина: Бадри сидит перед терминалом и что-то набирает, хмуря брови и уткнувшись взглядом в экран. «Все было на моих глазах. Я стоял и смотрел, как он отправляет Киврин во времена чумы».

— Я не знаю, как так вышло, — повторил Бадри. — Наверное, я…

— Чума уносила целые деревни, — произнес Дануорти. — Люди гибли в таком количестве, что некому было хоронить.

— Оставь его, Джеймс, — увещевала Мэри. — Он не виноват. Он был уже болен.

— Болен, — подхватил Дануорти. — Киврин контактировала с вирусом гриппа. И она в 1348-м.

— Джеймс…

Он не слушал. Рванув на себя дверь, он кинулся в коридор.

Колин качался на стуле, глубоко запрокидываясь назад.

— Вот вы где! — встрепенулся он.

Дануорти прошагал мимо.

— Куда вы? — Колин с грохотом обрушил передние ножки стула обратно на пол. — Бабушка Мэри велела не выпускать вас, пока не сделаете прививку. — Он завалился на бок вместе со стулом, но подставил руки и вскочил на четвереньки. — Почему вы без СЗК?

Дануорти вышел из отделения.

Колин, проскользив по полу подошвами, как по льду, вылетел за ним через двойные двери.

— Бабушка Мэри велела ни в коем случае вас не выпускать!

— У меня нет времени на прививки. Она в 1348-м.

— Бабушка Мэри?

Дануорти не оглянулся.

— Киврин? — бегом пускаясь вдогонку, сообразил Колин. — Да ладно! Это что, когда чума началась?

Дануорти распахнул дверь на лестницу и, перескакивая через ступеньку, поспешил вниз.

— Ничего не понимаю, — не отставал Колин. — Как она оказалась в 1348-м?

Дануорти толкнул нижнюю дверь и устремился к телефонной будке, на ходу выуживая из кармана ежедневник, подаренный Колином.

— И как теперь ее вытаскивать? — спросил мальчик. — Лаборатория ведь закрыта.

Дануорти принялся листать ежедневник. Где-то на последних страницах записан номер Эндрюса.

— Мистер Гилкрист вас не пропустит. Как вы попадете в лабораторию? Он сказал, что вам туда вход запрещен.

Номер отыскался на самом последнем листке. Дануорти снял трубку.

— Если он вас не пустит в лабораторию, кто будет проводить переброску? Мистер Чаудри?

— Эндрюс, — коротко ответил Дануорти и принялся набирать номер.

— А я думал, он не приедет. Из-за вируса.

— Я ее там не брошу. — Дануорти прижал трубку к уху.

— Двадцать четыре восемьсот тридцать семь, — ответил женский голос. — «Эйч-Эф Шефердс Лимитед».

Дануорти недоуменно посмотрел на листок ежедневника.

— Мне нужен Рональд Эндрюс. Куда я попал?

— Двадцать четыре восемьсот тридцать семь, — раздраженно повторили на том конце. — Здесь таких нет.

Дануорти швырнул трубку на рычаг.

— Дурацкая связь!

Он начал тыкать в кнопки заново.

— Даже если он согласится приехать, как вы ее там найдете? — продолжал расспросы Колин, заглядывая Дануорти через плечо. — Ее ведь там не будет? Стыковка только через три дня.

Дануорти слушал гудки, пытаясь представить, как отреагировала Киврин, когда все поняла. Вне всякого сомнения, вернулась на место стыковки и села ждать. Если была в состоянии. Если не заболела. Если в Скендгейте ее не объявили виновницей чумы.

— Двадцать четыре восемьсот тридцать семь, — ответил знакомый женский голос. — «Эйч-Эф Шефердс Димитед».

— Какой это номер? — прокричал Дануорти.

— Двадцать четыре восемьсот тридцать семь, — процедила женщина сквозь зубы.

— Двадцать четыре восемьсот тридцать семь. Я туда и звоню.

— Не-а. — Колин, перегнувшись через его руку, ткнул пальцем в номер Эндрюса на странице

ежедневника. — Вы перепутали цифры. Давайте я. — Он взял у Дануорти трубку и набрал номер сам.

На этот раз гудки были другие, более далекие. Дануорти думал о Киврин. Чума ведь не везде началась одновременно. Это в Оксфорд она пришла под Рождество, а про Скендгейт ничего неизвестно.

Никто не подходил. Дануорти выждал десять гудков. Одиннадцать. Он даже не помнит, с какой стороны наступала чума. Ее принесли из Франции — значит, с востока, через Ла-Манш. А Скендгейт к западу от Оксфорда. Возможно, она добралась туда только после Рождества.

— Где книга? — спросил он у Колина.

— Какая книга? Ежедневник? Вот же он, перед вами.

— Которую я тебе подарил на Рождество. Почему ты не взял ее с собой?

— Сюда? — изумился Колин. — Да она весит целую тонну.

На том конце по-прежнему никто не подходил. Дануорти повесил трубку, схватил ежедневник и зашагал к выходу.

— Она должна всегда быть при тебе. В городе эпидемия, неужели непонятно?

— С вами все хорошо, мистер Дануорти?

— Неси ее.

— Прямо сейчас?

— Сбегай в Баллиол и принеси. Мне нужно знать, когда чума достигла Оксфордшира. Не города, а деревень. И с какой стороны она пришла.

— А вы куда? — семеня рядом, спросил Колин.

— К Гилкристу, требовать, чтобы открыл лабораторию.

— Если он из-за гриппа ее закрыл, то из-за чумы теперь вообще не откроет, — резонно возразил Колин.

Дануорти вышел на улицу. Дождь не унимался. Пикетчики, ратовавшие за отделение от ЕС, сгрудились под козырьком приемного покоя. Один из них кинулся навстречу, протягивая листовку. Колин прав. Нет смысла сообщать Гилкристу про источник. Этот остолоп накрепко вбил себе в голову, что вирус проник через сеть. И теперь испугается, что оттуда просочится чума.

— Дай мне лист бумаги, — попросил Дануорти, шаря по карманам в поисках ручки.

— Бумаги? — удивился Колин. — Зачем?

Дануорти выхватил у пикетчика листовку и принялся строчить на обороте.

— Мистер Бейсингейм дает разрешение на от-

крытие лаборатории.

Колин пристально вгляделся в рукописные строчки.

— Он не поверит, мистер Дануорти. На обороте листовки?

— Тогда живо добудь мне бумагу!

Колин округлил глаза.

— Хорошо-хорошо. Только вы никуда не уходите, — успокаивающим тоном попросил он. — Ждите здесь.

Метнувшись внутрь, он выскочил с парой-тройкой писчих листов. Дануорти выхватил их у него и размашисто набросал приказ, поставив внизу росчерк Бейсингейма.

— А теперь бегом за книгой. Я тебя жду в Брэйзноузе.

— А ваше пальто?

— Некогда.

Сложив приказ вчетверо, Дануорти сунул его в карман пиджака.

— Дождь ведь. Может, лучше на такси?

— Такси нет. — Дануорти зашлепал по лужам.

— Бабушка Мэри меня убьет, — крикнул Колин ему вслед. — Я перед ней отвечаю за вашу прививку.

Надо было взять такси. Когда он дошел до Бр-

эйзноуза, лило вовсю — косой колючий дождь, который через час обернется мокрой кашей под ногами. Дануорти продрог до костей.

Одна польза — дождь разогнал пикетчиков. У входа в Брэйзноуз валялись только оброненные мокрые листовки. Однако проем ворот был затянут металлической раздвижной решеткой. Сторож скрывался у себя в привратницкой за опущенными жалюзи.

— Открывайте! — потребовал Дануорти, сотрясая решетку обеими руками. — Немедленно откройте!

Сторож поднял одну штору и выглянул. При виде Дануорти он сперва встревожился, затем перешел в наступление.

— Брэйзноуз на карантине, — заявил он воинственно. — Вход воспрещен.

— Немедленно открывайте ворота.

— Боюсь, сэр, это невозможно. Мистер Гилкрист отдал приказ никого не пускать, пока не будет установлен источник вируса.

— Мы нашли источник, — ответил Дануорти. — Открывайте.

Штора поехала вниз. Через минуту сторож вышел к решетке.

— Неужели рождественские украшения? Го-

ворили, что вирус передавался через елочные игрушки.

— Нет. Откройте ворота и пустите меня.

— Я не знаю, сэр… — замялся сторож. — Мистер Гилкрист строжайше…

— Мистер Гилкрист больше не у дел. — Дануорти вытащил из кармана пиджака сложенный приказ и просунул его через решетку сторожу.

Тот развернул его, прямо там, под дождем.

— Мистер Гилкрист освобожден от должности и.о. декана. Мистер Бейсингейм перепоручает переброску мне. Открывайте ворота.

— Мистер Бейсингейм… — протянул сторож, разглядывая уже расплывающуюся подпись. — Сейчас схожу за ключами.

Он унес приказ с собой в привратницкую. Дануорти, ссутулив плечи, остался ждать у ворот, дрожа под ледяным дождем.

Он беспокоился, что Киврин простудится на голой земле, а вокруг нее все это время смерть косила людей направо и налево, сельчане замерзали насмерть, потому что некому было наколоть дров, и скотина гибла на лугах, потому что некому было загнать ее домой. Восемьдесят тысяч душ в Сиене, триста тысяч в Риме, более сотни тысяч во Флоренции. Половина Европы.

Сторож наконец вышел с большой связкой ключей.

— Сейчас открою, сэр, — пообещал он, перебирая связку.

Киврин наверняка должна была вернуться к месту переброски, как только осознала, что ее отправили в 1348-й. И все это время она сидит там, дожидаясь, пока откроется сеть, и негодуя, что никак не открывают.

Если она осознала. Она ведь могла и не понять, что попала в 1348-й. Бадри сказал ей, что сдвиг составит максимум несколько дней. Она сопоставит даты с предрождественскими праздниками и решит, что все в порядке. Вряд ли ей придет в голову уточнять год. Она будет думать, что на дворе 1320-й, и чума подкрадется незаметно, исподтишка.

Замок щелкнул, и Дануорти раздвинул решетку насколько мог, чтобы протиснуться.

— Возьмите ключи, — велел он сторожу. — Мне нужно, чтобы вы открыли лабораторию.

— Этого ключа здесь нет.

Сторож снова исчез в привратницкой.

В воротах дуло, дождь сек хлесткими косыми струями. Дануорти ссутулился у дверей привратницкой, пытаясь хоть чуть-чуть согреться,

с силой втискивая кулаки в карманы пиджака, чтобы унять дрожь.

Он беспокоился о разбойниках и лиходеях, а Киврин все это время была в 1348-м, где трупы складывали штабелями на улицах и евреев с чужестранцами отправляли на костер.

Он волновался из-за проверки параметров, которой не озаботился Гилкрист. Так волновался, что заразил своим беспокойством Бадри, и тот, уже горя в лихорадке, ввел заново все координаты. «Столько тревог».

Дануорти вдруг осознал, что сторож подозрительно долго копается. Гилкристу звонит? Он шагнул к двери, и тут вышел сторож, сетуя на холод и раскрывая над собой и Дануорти зонт.

— Я уже промок насквозь, — отказался Дануорти и зашагал через двор к лаборатории.

Поперек двери желтела полиэтиленовая лента. Дануорти сорвал ее, пока сторож хлопал себя по карманам в поисках ключа от сигнализации, перекладывая зонт из руки в руку.

Профессор отыскал взглядом окна Гилкриста. Они выходили на лабораторию, в гостиной горел свет, но движения внутри не наблюдалось.

Сторож наконец выудил магнитную карту, отключающую сигнализацию, и начал новые

поиски — теперь уже ключа от двери.

— Я все-таки сомневаюсь, вправе ли мы открывать лабораторию без ведома мистера Гилкриста…

— Мистер Дануорти! — раздался с середины двора оклик Колина. Дануорти со сторожем обернулись. Колин примчался, мокрый до нитки, сжимая под мышкой завернутую в шарф книгу. — В некоторые… части… Оксфордшира… она добралась… только в марте! — запыхавшись, выпалил он. — Простите… бежал всю дорогу.

— В какие именно части? — уточнил Дануорти.

Колин вручил ему книгу и согнулся, уперев ладони в коленки и шумно отдуваясь.

— Там… не сказано.

Размотав шарф, Дануорти открыл книгу на заложенной Колином странице, но сквозь забрызганные дождем очки ничего не разглядел. Разворот начал мокнуть.

— Там говорится, что началось в Мелкумбе, потом перекинулось на север к Бату и на восток. Оксфорда она достигла под Рождество, а Лондона — к октябрю следующего года, но в некоторые части Оксфордшира добралась только поздней весной и отдельные деревни обходила стороной

вплоть до июля.

Дануорти вглядывался в неразборчивые строки.

— Это нам ничего не дает.

— Знаю. — Колин разогнулся, протяжно вздыхая. — По крайней мере там не сказано, что чума сразу охватила весь Оксфордшир к Рождеству. Может, ваша Киврин как раз в одной из тех деревень, которые оставались нетронутыми до марта.

Дануорти вытер разворот концом размотавшегося шарфа и закрыл книгу.

— Чума шла от Бата на восток, — размышлял он вслух. — А Скендгейт чуть южнее Оксфордско-Батской дороги.

Сторож наконец определился с ключом и вставил его в замок.

— Я еще раз позвонил Эндрюсу — по нулям, не подходит.

Сторож открыл дверь.

— Как вы запустите сеть без оператора? — спросил Колин.

— Запустите сеть? — всполошился сторож. — Я думал, вы хотите просто посмотреть данные в компьютере. Мистер Гилкрист не позволит вам трогать сеть без спросу.

Он вытянул из кармана приказ Бейсингейма и начал перечитывать.

— Считайте, что я выдал разрешение. — Дануорти прошел мимо сторожа внутрь.

Тот метнулся за ним, но раскрытый зонт застрял в дверях, и ему пришлось спешно нащупывать на рукоятке кнопку.

Колин, поднырнув под зонтом, проскочил вслед за Дануорти.

Гилкрист, видимо, выключил отопление. В лаборатории стоял такой же собачий холод, как и снаружи, но очки у Дануорти, и без того забрызганные, все равно запотели. Он снял их и стал тереть о промокший насквозь пиджак.

— Вот. — Колин сунул ему комок тонкой бумаги. — Это туалетная. Собираю для мистера Финча. Только ведь Киврин трудно будет отыскать, даже если мы перенесемся в нужное место, а вы сами говорили, что попасть точно в определенное место и время очень непросто.

— У нас уже заложено и место, и время, — ответил Дануорти, протирая очки туалетной бумагой и надевая обратно. В глазах все равно двоилось.

— Боюсь, я вынужден буду вас выпроводить, — сообщил сторож. — Без разрешения мистера Гилкриста я не могу позволить…

— Зараза, — чертыхнулся Колин себе под нос. — Мистер Гилкрист!

— Что здесь происходит? — спросил вошедший Гилкрист. — Что вы здесь делаете?

— Вытаскиваю Киврин.

— Кто вам позволил? Это сеть Брэйзноуза, и вы устроили незаконное вторжение. Я ведь отдал вам приказ не пускать мистера Дануорти на территорию колледжа, — отчитал он сторожа.

— Но мистер Бейсингейм подписал… — Сторож продемонстрировал промокший документ.

— Бейсингейм! — Гилкрист выхватил у него бумагу и принялся рассматривать. — Это не его подпись! — возмущенно выкрикнул он. — Значит, еще и подделка документов вдобавок к незаконному вторжению. Мистер Дануорти, я подаю в суд. А когда мистер Бейсингейм вернется, ему будет незамедлительно доложено о вашем…

Дануорти шагнул к нему.

— А я доложу мистеру Бейсингейму, как исполняющий его обязанности отказался прервать переброску, намеренно подверг опасности историка, препятствовал доступу в лабораторию и в итоге помешал определить темпоральное положение переброшенного. Вы знаете, что показала привязка? — Он с яростью махнул рукой

в сторону терминала. — Та самая, которую вы десять дней не пускали моего оператора прочитать из-за горстки болванов, — таких же как вы! — не понимающих принципов путешествий во времени. Так вы знаете, что показала привязка? Киврин ни в каком не в 1320-м. Она в 1348-м, в разгар чумы. — Дануорти кивнул подбородком на экран. — Она там уже две недели. Из-за вашей бестолковости. Из-за ваших… — Он запнулся.

— Вы не имеете права разговаривать со мной в таком тоне, — процедил Гилкрист. — Как и находиться в этой лаборатории. Я требую, чтобы вы немедленно покинули помещение.

Дануорти не ответил. Он шагнул к терминалу.

— Вызовите инспектора, — велел Гилкрист сторожу. — Пусть наведет порядок.

Экран был не просто темный, он не работал. И лампочки на терминале не горели. Рубильник стоял на «выкл».

— Вы отключили питание, — севшим, как у Бадри, голосом проговорил Дануорти. — Вырубили сеть.

— Да, — подтвердил Гилкрист. — И правильно сделал, учитывая некоторых любителей вламываться без спросу.

Дануорти, пошатываясь, потянулся рукой к

экрану.

— Вы отрубили сеть.

— С вами все хорошо, мистер Дануорти? — встревожился Колин, шагая к нему.

— Я подозревал, что вы решите вломиться и открыть сеть, — продолжал Гилкрист. — Вы ведь не желаете считаться с прерогативой медиевистики. Поэтому я отключил питание — и очень предусмотрительно, как выясняется.

Дануорти не раз слышал выражение «оглушили страшной новостью». Когда Бадри сказал, что Киврин в 1348-м, профессор не сразу осознал всю полноту трагедии. А теперь страх накатил на него, как лавина, вышибая дух.

— Вы отрубили сеть. Вы потеряли привязку.

— Потеряли привязку? Чушь! — возразил Гилкрист. — Там наверняка все предусмотрено и сохранено. Когда питание включится, оно снова…

— То есть мы теперь не знаем, где Киврин? — понял Колин.

— Да, — ответил Дануорти и подумал, падая: «Я повалюсь на пульт, как Бадри». Но этого не случилось. Он мягко качнулся вперед, будто его ударили в спину, и повис на руках Гилкриста.

— Так и знал, — услышал он голос Колина. —

Это все потому, что вы не сделали прививку. Бабушка Мэри меня убьет.

Глава двадцать шестая

— Этого не может быть, — прошептала Киврин. — Какой 1348-й, откуда?

Но все сходилось: и погибший капеллан Имейн, и отсутствие слуг, и боязнь Эливис посылать Гэвина в Оксфорд за выяснениями насчет Киврин. «Там все хворают», — сказала леди Ивольда. В аккурат под Рождество 1348-го чума докатилась до Оксфорда.

— Как же так? — Голос Киврин сорвался на крик. — Как это?! Меня отправляли в 1320-й. Двадцатый! Да, мистер Дануорти отговаривал, предупреждал про некомпетентность кафедры медиевистики, — но не могли же они отправить меня в совершенно другой год! — Она умолкла. — Выходите все отсюда немедленно! Это черный мор!

Ответом ей были недоуменные взгляды. Неужели переводчик снова переключился на современный английский?

— Черный мор, — повторила Киврин. — Синяя хворь!

— Нет… — выдохнула Эливис едва слышно.

— Леди Эливис, отведите леди Имейн и отца

Роша вниз, — распорядилась Киврин.

— Не может такого быть… — пробормотала Эливис, однако покорно взяла Имейн под руку и вывела. Старуха стискивала в ладонях тряпку с мазью, будто серебряный реликварий. Мейзри, зажав уши, кинулась следом.

— Вы тоже идите, — сказала Киврин отцу Рошу. — Я с ним побуду.

— Тпр-р-р-ру-у-уу… — пробулькал клирик с кровати и дернулся, силясь встать. Рош шагнул навстречу.

— Нет! — Киврин ухватила его за рукав, преграждая путь. — Не подходите к нему. — Эта болезнь заразна. — Лишь бы не подвел переводчик, лишь бы подыскал правильное слово. — Она передается через блох и… — Киврин запнулась, не зная, как объяснить про воздушно-капельную инфекцию. — Через телесные жидкости и дыхание. Она смертельна и убивает почти всякого, кто приблизится к недужному.

Киврин напряженно следила за лицом Роша. Понял ли он хоть что-то из этих разъяснений? Под силу ли ему понять? В XIV веке еще ничего не знали о микробах, не имели представления, как распространяются болезни. Чуму считали карой господней. Верили, что ее насылает ядовитый

туман, стелющийся по лугам на заре, или взгляд покойника, или колдовство.

— Отче… — позвал клирик, и отец Рош снова попытался шагнуть к кровати, но Киврин не пустила.

— Негоже оставлять человека при смерти, — покачал головой Рош.

«А ведь оставляли, сплошь и рядом, — подумала Киврин. Спасались бегством, бросая больных. Бросали собственных детей, лекари отказывались входить в дом, священники уносили ноги».

Она подобрала с пола тряпицу, предназначенную леди Имейн под основу для вонючего компресса.

— Возьмите, прикройте себе рот и нос, — велела она Рошу.

Тот забрал у нее обрывок полотна и, хмуря в недоумении брови, свернул из него квадрат, который неуверенно приложил к лицу.

— Не так, надо завязать.

Она взяла другую тряпицу и, сложив треугольником, повязала как разбойничью полумаску, затянув узел на затылке.

Рош последовал ее примеру. Лишь когда он наконец справился с узлом, Киврин отодвинулась — Рош приложил ладонь к груди клирика.

— Нет! — воскликнула Киврин. Рош посмотрел вопросительно. — Не касайтесь его лишний раз…

Киврин напряженно затаила дыхание, опасаясь, что в любую секунду клирик опять вскочит и кинется на Роша, но тот даже не шевелился. Бубон под мышкой начал сочиться кровью и тягучим зеленоватым гноем. Киврин перехватила потянувшуюся к нему руку Роша.

— Не трогайте. Наверное, он лопнул, когда мы тут боролись.

Она вытерла кровь и гной другой тряпицей, а оставшейся перевязала рану, сделав тугой узел на плече. Клирик не поморщился и не издал ни звука, он лежал не шелохнувшись, глядя в пространство перед собой.

— Он умер? — не поняла Киврин.

— Нет, — ответил Рош, снова положив ему ладонь на грудь, и Киврин сама разглядела едва заметные колебания. — Я схожу за причастием. — Сквозь маску его речь звучала так же неразборчиво, как у клирика.

«Нет! — перепугалась Киврин. — Не уходи. А если он умрет? Или снова вскочит?»

— Не бойся, — успокоил ее Рош, выпрямляясь. — Я быстро обернусь.

Он поспешно удалился, оставив дверь открытой. Снизу донеслись голоса — Эливис и Роша. Надо было предупредить, чтобы ни с кем не разговаривал. Агнес заныла: «Я хочу обратно к Киврин», и Розамунда накричала на нее раздраженно. «Все скажу Киврин!» — пообещала Агнес, надувшись. Киврин заперла дверь на засов.

Нельзя пускать сюда Агнес, и Розамунду нельзя, никого. Они не должны контактировать с вирусом. От чумы нет лекарства. Единственный способ спасти их — не дать заразиться. Киврин лихорадочно принялась вспоминать, что говорили о чуме в лекциях по XIV веку и что рассказывала доктор Аренс, когда делала прививки.

Чума бывает двух разных видов — нет, трех, в третьем случае вирус сразу поражает кровеносную систему, и человек умирает в считанные часы. Бубонная чума разносится крысиными блохами, при ней как раз появляются бубоны. Другая разновидность — это пневмоническая, бубонов не дающая, зато дающая кашель и рвоту с кровью. Она распространяется капельным путем, очень заразная. У клирика бубон, он менее инфекционный. Недостаточно просто постоять рядом с больным, блоха должна перепрыгнуть с него на следующую жертву.

Перед глазами Киврин мелькнул клирик, валящий на пол Розамунду. Что, если девочка заразилась? Нет, ни за что! Лекарства не существует…

Клирик шевельнулся в постели, и Киврин подошла ближе.

— Пить, — просипел он, облизывая губы распухшим языком.

Киврин подала ему кружку с водой, он жадно отпил несколько глотков, поперхнулся и фонтаном выдал все обратно, прямо на Киврин. Она отскочила, срывая с лица промокшую маску. «Это бубонная, — уговаривала она себя, лихорадочно отряхивая капли с груди. — Она не передается воздушно-капельным. И ты не можешь заразиться, у тебя есть все прививки». Однако антибиотики ей тоже кололи и Т-клеточное наращивание делали, и вирус ей якобы не грозил. И в 1348-м она не должна была оказаться.

— Как же так вышло? — прошептала Киврин.

Вряд ли из-за сдвига. Мистер Дануорти, конечно, переживал, что не сделали предварительную проверку, но даже в самом худшем случае расхождение измерялось бы неделями, никак не годами. Значит, что-то случилось с самой сетью.

Да, мистер Дануорти ругал мистера Гилкри-

ста самонадеянным профаном; да, где-то что-то сорвалось, и она угодила в 1348-й, но почему не прервали переброску, когда ошибка обнаружилась? Может, у мистера Гилкриста и не хватило бы ума ее вытянуть, но мистер Дануорти уж точно сообразил бы? Он с самого начала пытался ее не пустить. Почему же он не включил обратную переброску?

«Потому что тебя там не было», — ответила сама себе Киврин. На установление привязки ушло как минимум часа два. К тому времени она уже отправилась бродить по лесам. Но мистер Дануорти оставил бы сеть открытой, он не стал бы закрывать ее и дожидаться намеченной стыковки. Он бы держал ее открытой.

Кинувшись к двери, Киврин навалилась на засов. Надо найти Гэвина. Пусть он наконец объяснит ей дорогу к переброске.

Клирик рывком сел в кровати и спустил босую ногу на пол, будто собираясь идти с Киврин.

— Помоги, — прохрипел он, силясь скинуть вторую ногу.

— Не стану, — огрызнулась Киврин. — Это не мое время. — Ей наконец удалось справиться с засовом. — Я должна отыскать Гэвина.

И только теперь она вспомнила, что Гэвина в

доме нет, он уехал вместе с епископским посланником и сэром Блуэтом в Курси. С посланником, который так торопился убраться отсюда, что чуть не задавил Агнес.

Киврин бухнула засов обратно на скобы и рывком развернулась к клирику.

— У других тоже чума? У посланника тоже? — Она вспомнила серое, землистое лицо и то, как он, дрожа, кутался в плащ. Он заразит всех. И Блуэта, и его чванливую сестру, и девчонок-хохотушек. И Гэвина. — Вы уже знали, что больны, когда приехали. Так? Так?!

Клирик протянул к ней руки, неуклюже, как ребенок.

— Помоги, — пробормотал он и повалился навзничь, свесившись головой и плечом почти до полу.

— Вы не заслуживаете помощи. Вы принесли чуму в дом.

В дверь постучали.

— Кто там? — рявкнула Киврин.

— Рош.

Киврин почувствовала гигантское облегчение, даже радость, оттого что он пришел, но не тронулась с места. Она смотрела на клирика, наполовину сползшего с кровати. Распухший язык

едва помещался в полуоткрытом рту.

— Впусти меня, — раздался голос Роша. — Я должен его исповедать.

Исповедать.

— Нет, — ответила Киврин.

Он постучал громче.

— Я не могу вас пустить. Он заразен. Вы тоже заболеете.

— Он кончается. Его нужно соборовать, чтобы душа вошла в царствие небесное.

«Не будет ему царствия небесного, — возмутилась Киврин мысленно. — Он принес сюда чуму».

Клирик распахнул глаза. Они были красные и заплывшие, дышал он с хрипами.

Умирает, поняла Киврин.

— Катерина! — позвал из-за двери отец Рош.

«Умирает вдали от дома. Как я тогда». Она тоже принесла с собой болезнь, и если никто не заразился, то совсем не ее усилиями. Они все ее выхаживали, и Рош, и Эливис, и Имейн. А ведь она могла их всех заразить. Рош читал над ней отходную, держал ее за руку.

Киврин осторожно приподняла свесившуюся голову клирика и переложила обратно на постель.

— Я пущу вас его соборовать, — сказала она Рошу, слегка приоткрыв дверь. — Но сперва мне нужно с вами поговорить.

Рош успел облачиться в стихарь и снять маску. В руках он держал корзинку с елеем и виатиком. Поставив корзинку на сундук в изножье кровати, он прислушался к прерывистому дыханию клирика.

— Я должен его исповедать.

— Нет! — воскликнула Киврин. — Сперва выслушайте меня. У клирика бубонная чума, — начала она, сделав глубокий вдох и внимательно следя за тем, что выдает переводчик. — Это страшная хворь. От нее почти нет спасения. Ее разносят крысы и их блохи, она передается через дыхание недужного, через его одежду и вещи.

Киврин сверлила Роша взглядом, моля, чтобы он внял и осознал. Рош смотрел настороженно и ошеломленно.

— Это страшная хворь, — повторила Киврин. — Не чета холере и тифу. Она уже погубила сотни тысяч людей в Италии и Франции — целыми селениями, не щадя ни единой души, так что даже мертвых иной раз похоронить некому было.

Лицо Роша стало непроницаемым.

— Ты вспомнила, кто ты и откуда, — произнес

он утвердительно.

«Он решил, что я спасалась от чумы, когда Гэвин нашел меня в лесах, — догадалась Киврин. — Если подтвердить, он сочтет разносчицей заразы меня». Но во взгляде Роша не было обвинения. Будь что будет, нужно любой ценой убедить его в своей правоте.

— Да, — ответила она, затаив дыхание.

— Что надобно делать?

— Не пускать остальных в эту комнату. Сказать им, чтобы со двора ни ногой и никому не отворяли ворота. Передать сельчанам, пусть сидят по домам, а если увидят дохлую крысу — держатся подальше. Больше никаких пирушек и плясок на лугу. Запретить приближаться к господскому двору и церкви. И никаких сборищ.

— Я передам леди Эливис, чтобы не выпускала Розамунду и Агнес, а сельчанам велю не выходить за порог, — кивнул Рош.

С кровати донесся полузадушенный хрип, и они обернулись.

— Неужто ничем нельзя помочь захворавшим этой… чумой? — Рош с опаской выговорил непривычное слово.

Пока его не было, Киврин усиленно вспоминала, какие меры принимали против чумы

современники. Носили бутоньерки, пили толченый изумруд, ставили пиявки на бубоны — но все это хуже, чем мертвому припарки. Как ни старайся, объяснила доктор Аренс, современники были бессильны. Лишь антибиотики типа тетрациклина или стрептомицина могли помочь, а их открыли только в XX столетии.

— Поить его и укрывать потеплее, — ответила Киврин.

— Господь не оставит его, — проговорил Рош, глядя на клирика.

«Оставит, — возразила Киврин. — Уже оставил. Половину Европы».

— Господь не может помочь нам в борьбе с чумой, — сказала она вслух.

Рош кивнул и взял плошку с елеем.

— Наденьте повязку, — напомнила Киврин и, подобрав с пола последнюю тряпицу, завязала ее у Роша на затылке. — Без повязки к нему не подходите.

Лишь бы он не заметил, что она сама без повязки.

— Это Господь наслал на нас чуму? — спросил Рош.

— Нет. Нет-нет.

— Тогда, выходит, это козни дьявола?

Соблазн сказать «да» был велик. Почти вся Европа считала чуму происками антихриста. И устраивала охоту на слуг антихриста, истязая евреев и прокаженных, забрасывая камнями старух, сжигая молодых девушек на костре.

— Никто ее не насылал, — объяснила Киврин. — Это хворь. В ней нет ничьей вины. Господь помог бы нам, будь это в его силах, но он… — Но он что? Не слышит нас? Отвернулся? Не существует? — Ему не до нас, — неуклюже вывернулась она.

— И нам придется самим?

— Да.

Рош опустился на колени у кровати и на минуту склонил голову над сложенными ладонями.

— Я знаю, что Господь послал нам тебя на великое благо.

Киврин тоже преклонила колени и сомкнула ладони.

— *Mittere digneris sanctum Angelum*, — проговорил Рош. — Благоволи послать святого ангела Твоего с небес, дабы он сохранил и защитил всех собравшихся в доме сем.

— И убереги Роша от заражения, — шептала Киврин в диктофон. — Убереги Розамунду от заражения. Пусть клирик умрет, прежде чем чума доберется до его легких.

Распевный голос Роша звучал так же, как когда-то давно, когда он читал молитвы у ее постели. Оставалось только надеяться, что клирику он приносит такое же утешение, как когда-то ей. По его виду сложно было понять. Исповедаться он уже не мог, а помазание причиняло боль. Он дернулся, когда ладоней коснулся холодный елей, дыхание становилось все шумнее с каждой строкой молитвы. Наконец Рош поднял голову и посмотрел на больного. На руках клирика проступали крошечные иссиня-черные кровоподтеки — это значит, что под кожей один за другим лопались сосуды.

— Неужто настает конец света, предсказанный апостолами Господними? — спросил Рош, повернувшись к Киврин.

«Да», — подумала она.

— Нет. Нет, просто лихие времена. Черные дни. Но умрут не все. А потом будут и хорошие. Возрождение и классовые реформы, и музыка. Золотая пора. И появятся новые лекарства, и люди перестанут гибнуть от этой хвори, и от оспы, и от пневмонии. И будет вдосталь еды, а в домах станет тепло даже зимой. — Она представила наряженный к Рождеству Оксфорд, освещенные улицы и витрины. — Повсюду будет свет и коло-

кола, которые звонят сами.

Их разговоры успокоили клирика. Он задышал ровнее и погрузился в дремоту.

— А теперь отойдите от него, — велела Киврин и увела Роша к окну, потом принесла плошку с водой. — Надо вымыть руки после того, как вы его касались.

Воды в плошке было на донце.

— Еще надо мыть посуду и ложки, которыми мы его кормим, — продолжала Киврин, глядя, как Рош полощет в миске свои большие руки. — А одежду и повязки сжечь. В них чума.

Он вытер ладони о подол ризы и отправился объяснять Эливис, что нужно делать. Вернулся он с плошкой свежей воды, но ее хватило ненадолго. Клирик проснулся и постоянно просил пить. Поила его Киврин, из кружки, стараясь как можно меньше подпускать Роша к кровати.

Потом Рош ушел читать вечерние молитвы и звонить. Киврин закрыла за ним дверь, прислушиваясь к звукам снизу, но ничего не услышала. Наверное, все заснули. Или больны. Ей представилась Имейн, склоняющаяся над клириком со своей мазью, и Агнес, стоящая у изножья кровати, а потом Розамунда, придавленная массивным телом.

«Слишком поздно», — думала она, шагая взад-вперед вдоль кровати. Они все заразились. Какой у чумы инкубационный период? Две недели? Нет, это срок, через который начинает действовать вакцина. Четыре дня? Три? Она не помнила. А как давно клирик считается заразным? Она попыталась вспомнить, с кем он сидел за праздничным столом, с кем разговаривал, но ведь она тогда не обращала на него особого внимания. Она следила за Гэвином. Четкое воспоминание осталось только одно — как клирик хватал Мейзри за юбку.

Киврин приоткрыла дверь.

— Мейзри!

Тишина. Но это ничего не значит, служанка могла просто забиться куда-нибудь или заснуть, а у клирика бубонная форма, которая разносится блохами, не пневмоническая. Может, он никого и не заразил, уговаривала себя Киврин, однако, дождавшись возвращения Роша, взяла жаровню и спустилась за горячими углями. И заодно убедиться, что с остальными все в порядке.

Розамунда и Эливис сидели у огня с шитьем на коленях, леди Имейн, пристроившись рядом, читала им вслух из своего молитвенника. Агнес ворковала над тележкой, катая ее туда-сюда по каменным плитам. Мейзри спала на лавке у

длинного стола, и даже во сне с ее лица не сходило угрюмое выражение.

Агнес наехала повозкой на ногу Имейн.

— Я заберу у тебя эту забаву, Агнес, если ты не умеешь играть как подобает, — пригрозила старуха. Ее строгий тон, поспешно спрятанная улыбка Розамунды, здоровый розовый румянец на согретых теплом огня лицах — все это подействовало на Киврин успокаивающе. Самый обычный вечер в поместье.

Только Эливис не шила. Она резала полотно тонкими длинными полосами и постоянно оглядывалась на дверь. В голосе Имейн, читавшей молитвы, звенела тревога, а Розамунда, надрывая тряпицу с краю, беспокойно посмотрела на мать. Эливис поднялась и вышла в сени. Наверное, услышала, как кто-то едет, подумала Киврин. Но не прошло и минуты, как Эливис вернулась и, сев обратно к огню, снова занялась повязками.

Киврин стала тихонько спускаться по лестнице — но пройти незамеченной не удалось. Агнес, бросив свою тележку, вскочила на ноги и с криком: «Киврин!» бросилась к ней.

— Осторожно! — Киврин заслонилась свободной рукой. — Угли горячие.

Какой смысл менять и без того горячие угли? Но

Агнес не заметила изъяна в логике и послушно попятилась.

— Почему ты в повязке? Расскажешь мне дальше про ту девицу?

Эливис встала, Имейн тоже обернулась на Киврин.

— Как чувствует себя клирик? — спросила Эливис.

«Горит в аду», — хотела ответить Киврин.

— Жар немного спал. А вы держитесь от меня подальше. Зараза может прятаться в одежде.

Теперь поднялись и остальные, даже Имейн закрыла свой молитвенник, заложив его реликварием, и отошла от огня, не сводя глаз с Киврин.

В очаге по-прежнему тлел огромный кряж святочного полена. Обернув руку подолом, Киврин сняла крышку с жаровни и высыпала серые угли на край очага. Заклубилась зола, один из угольков, отскочив от полена, запрыгал по полу.

Агнес рассмеялась, остальные смотрели, как он укатывается под лавку, — все, кроме Эливис, которая снова оглянулась на сени.

— Гэвин вернулся с лошадьми? — Киврин тотчас же пожалела, что спросила, — могла бы догадаться сама по напряженному лицу Эливис. Имейн пробуравила ее ледяным взглядом.

— Нет, — ответила Эливис, не оборачиваясь. — Вы думаете, посланник и тот, другой, тоже больны?

Киврин вспомнила пепельный лоб посланника, ввалившиеся глаза монаха.

— Не знаю.

— Холодает, — подала голос Розамунда. — Он мог заночевать там.

Эливис промолчала. Киврин, опустившись на колени у очага, поворошила угли тяжелой кочергой, вытаскивая снизу те, что покраснее. Потом попыталась перетащить их той же кочергой в жаровню, но бросила неуклюжие попытки и загребла угли крышкой.

— Это ты принесла в дом беду, — возвестила Имейн.

Киврин похолодела. Она подняла голову — Имейн смотрела не на нее. На Эливис.

— За твои грехи нам послана эта кара.

Киврин ожидала увидеть на лице Эливис ужас или возмущение, но оно не выражало ничего. Хозяйка безучастно скользнула взглядом по свекрови, будто пребывая мыслями далеко отсюда.

— Господь карает прелюбодеев и весь их дом, — продолжала Имейн, потрясая перед Эливис своим молитвенником, — как ныне карает тебя. Ты

своими прегрешениями навлекла на нас чуму.

— Это ведь вы послали за епископом, — ровным голосом ответила Эливис. — Это вас не устраивал отец Рош. Это вы пригласили в наш дом гостей, а с ними и чуму.

Круто развернувшись, она снова вышла в сени.

Имейн застыла как громом пораженная, потом деревянной походкой вернулась к своей скамье. Опустившись на колени, она вытащила из молитвенника реликварий и принялась рассеянно перебирать цепочку.

— А теперь расскажешь сказку? — спросила Агнес.

Имейн облокотилась на скамью и уткнулась лбом в ладони.

— Расскажи мне про непослушную девицу!

— Завтра, — пообещала Киврин. — Завтра я тебе расскажу.

Она понесла жаровню обратно в светлицу. Клирик снова впал в лихорадочный бред. Он метался, выкрикивая строки из заупокойной мессы, будто ругательства. Еще он постоянно требовал пить, и Рош, а потом и Киврин, ходили за водой к колодцу.

Киврин на цыпочках спускалась по ступеням со свечой в одной руке и ведром в другой, моля,

чтобы Агнес ее не заметила. Но все уже спали — кроме леди Имейн. Старуха молилась на коленях, повернувшись к миру негнущейся непримиримой спиной. «За твои грехи нам послана эта кара».

Киврин вышла на темный двор. Где-то звонили два колокола, слегка не в лад, — вечерня или погребальный звон? Стоявшую у колодца полупустую бадью она вылила на камни и зачерпнула свежей воды. Потом, оставив ведро у двери в кухню, зашла внутрь, взять чего-нибудь поесть. На краю стола лежали тяжелые салфетки, которыми накрывали блюда, когда несли из кухни в дом. Киврин взяла одну, увязала в нее хлеба и холодного мяса, остальные прихватила под мышку и отнесла все наверх. Они с Рошем перекусили, сидя на полу у жаровни, и с первым же куском Киврин почувствовала, что ей становится легче.

Клирику тоже полегчало. Он снова задремал, потом его бросило в жаркий пот. Киврин обтерла его грубой кухонной тряпицей, он умиротворенно вздохнул и заснул совсем. Когда он проснулся, жар прошел. Подтащив сундук к краю кровати, Киврин с Рошем поставили там сальную лампадку и по очереди сидели с больным, уходя спать на подоконную лежанку. Выспаться как следует

мешал холод, но Киврин все-таки подремала, прикорнув на каменном подоконнике, и с каждым пробуждением больному вроде бы делалось все лучше.

Она читала в материалах по XIV веку, что иногда вскрытый бубон помогал спасти человеку жизнь. Клирик уже не обливался потом, и хрипы с присвистами исчезли. Может быть, он и не умрет.

Некоторые историки полагали, что на самом деле от чумы погибло совсем не так много народу, как свидетельствуют источники. Мистер Гилкрист, например, настаивал, что цифры сильно преувеличены — в силу страха и неграмотности. И даже если источники не врут, все равно совершенно не обязательно в каждой деревне погибла ровно треть населения. Где-то умерли всего двое или трое. Где-то вообще никто не умер.

Они ведь сразу изолировали больного, как только поняли, в чем дело. И Роша ей в основном удается держать подальше от кровати. Все возможные меры приняты. До пневмонической формы пока не дошло. Может быть, этого хватит, и чуму удалось зарубить на корню. Нужно сказать Рошу, чтобы деревню закрыли, никого не пускали, и тогда, возможно, напасть обойдет их

стороной. Так бывало. Целые деревни оставались нетронутыми, а в некоторых областях Шотландии о чуме вообще слыхом не слыхивали.

Видимо, Киврин задремала. Когда она проснулась, за окном брезжил рассвет, а Рош куда-то ушел. Она посмотрела на кровать. Клирик лежал не шевелясь, глядя в потолок широко раскрытыми глазами. «Умер, — подумала Киврин. — А Рош отправился копать могилу». Но не успела она додумать эту мысль, как увидела, что покрывало на груди клирика все-таки слегка колышется. Она пощупала пульс. Частый, но очень слабый, едва уловимый.

Снаружи донеслись удары колокола, и Киврин поняла, что Рош, видимо, пошел читать заутреню. Натянув на нос повязку, она склонилась над кроватью.

— Отче… — позвала она негромко. Клирик не шелохнулся. Киврин положила ему руку на лоб — жар снова спал, но кожа на ощупь была совсем плоха. Сухая, как бумага, и кровоподтеки на руках и ногах еще больше потемнели и расползлись. Отвратительно распухший лиловый язык вываливался между зубами.

От клирика шел мерзкий запах, проникавший даже сквозь повязку. Привстав на подоконник,

Киврин отцепила один угол навощенной шторы — в комнату полился чудесный свежий воздух, морозный и бодрящий. Киврин, перегнувшись наружу, вдохнула полной грудью.

Пока она освежалась, в дверях кухни возник Рош с дымящейся плошкой в руках. Он двинулся через двор ко входу в дом, и тут показалась леди Эливис. Он направился к ней, но вдруг, резко остановившись, натянул маску. «Старается ни с кем не сталкиваться лишний раз», — поняла Киврин. Рош прошел в дом, а Эливис зашагала к колодцу.

Киврин прицепила штору обратно и оглянулась в поисках чего-нибудь, чем можно было бы проветрить комнату. Наконец, спрыгнув, ухватила принесенную из кухни тяжелую салфетку и вскарабкалась обратно.

Эливис все еще стояла у колодца, вытягивая бадью. Киврин перевела взгляд на ворота и замерла. Во двор входил Гэвин, ведя под уздцы коня.

При виде Эливис рыцарь остановился, и Гринголет, уткнувшись в его спину, сердито мотнул головой. Глядя, с каким томлением и надеждой он смотрит на хозяйку, Киврин почувствовала досаду, что даже сейчас ему все нипочем. «Он ничего не знает, — возразила она самой себе. — Он

только что из Курси». Теперь ей стало его жаль. Сейчас Эливис обрушит на него страшные вести.

Эливис подтянула ведро к краю колодца, и Гэвин шагнул к ней, дернув поводья Гринголета. И остановился.

Он знает, поняла Киврин. Он все знает. Посланник заболел, рыцарь примчался обратно предупредить своих. Она только сейчас увидела, что Гэвин не привел одолженных лошадей. Значит, монах тоже… А остальные обратились в бегство.

Гэвин смотрел, как Эливис вытаскивает тяжелую бадью на каменный ободок колодца, и не двигался с места. Он готов ради нее на все, подумала Киврин. Он сокрушит сотню лесных разбойников — только вот против чумы он бессилен.

Гринголет, которому не терпелось в родную конюшню, затряс головой. Гэвин протянул руку, успокаивая его, но было поздно. Эливис его уже заметила.

Бадья с громким плеском, так что слышала даже Киврин, упала обратно в колодец, взметнув высоченный фонтан воды. А потом Эливис оказалась в объятиях Гэвина. Киврин, ахнув, зажала рот рукой.

В дверь негромко постучали. Киврин спрыгнула с подоконника и отодвинула засов. На пороге стояла Агнес.

— Ты уже расскажешь мне сказку?

Вид у малышки был совершенно растрепанный. Никто не причесывал ее со вчерашнего дня, вихры торчали из-под полотняной шапочки в разные стороны, а спала она, судя по перемазанному пеплом рукаву, прямо у очага.

Киврин поборола желание отряхнуть ее рукав.

— Тебе сюда нельзя, — сказала она, прикрывая дверь и оставляя только малюсенькую щелку. — Ты подхватишь хворь.

— Мне не с кем играть, — пожаловалась Агнес. — Матушка ушла, а Розамунда еще спит.

— Матушка только за водой вышла, — твердо ответила Киврин. — А где бабушка?

— Молится.

Агнес потянулась к ее юбке, и Киврин едва успела отскочить.

— Нельзя! Не трогай меня!

Девочка обиженно выпятила нижнюю губу.

— Почему ты на меня сердишься?

— Я не сержусь, — объяснила Киврин как можно мягче. — Но тебе сюда нельзя. Клирик очень хворает, и любой, кто к нему подойдет, мо-

жет… — Объяснять Агнес про заражение она даже пытаться не стала. — Может тоже захворать.

— Он умрет? — полюбопытствовала Агнес, пытаясь просунуть нос в щель.

— Боюсь, что да.

— А ты?

— Нет, — ответила Киврин и поняла вдруг, что страх прошел. — Розамунда скоро встанет. Попроси ее рассказать тебе сказку.

— А отец Рош умрет?

— Нет. Иди поиграй со своей тележкой, пока Розамунда спит.

— А когда клирик умрет, расскажешь мне сказку?

— Расскажу. Ступай уже вниз.

Агнес неохотно спустилась на три ступеньки, придерживаясь за стену.

— Мы все умрем?

— Нет.

«Я этого не допущу». Киврин закрыла дверь и привалилась к ней спиной.

Клирик по-прежнему лежал недвижный и бесчувственный, обращенный внутрь себя, где шла отчаянная борьба с врагом, неведомым доселе для его иммунной системы и потому несокрушимым.

В дверь снова постучали.

— Ступай вниз, Агнес, — велела Киврин, но это оказался Рош с плошкой бульона из кухни и совком горячих угольев. Высыпав их в жаровню, он опустился рядом на колени и принялся раздувать жар.

Плошку он передал Киврин. Она была чуть теплой, и от нее шел терпкий дух, — похоже, Рош заварил там ивовую кору. Киврин догадалась, что таким же отваром поили когда-то ее саму, чтобы снять жар.

Рош встал, забрал плошку, и они вдвоем попытались накормить клирика, но распухший язык не пускал бульон в горло, все лилось по подбородку.

Еще кто-то забарабанил по двери.

— Агнес, я же сказала, что сюда нельзя, — раздраженно отчитала девочку Киврин, вытирая промокшую постель.

— Меня бабушка за тобой послала.

— Она захворала? — Рош тут же направился к двери.

— Нет. Розамунда.

У Киврин бешено застучало сердце.

Рош отворил дверь, но Агнес застыла на пороге, во все глаза глядя на повязку, закрывающую лицо

священника.

— Розамунде стало худо? — встревоженно спросил Рош.

— Она упала.

Киврин проскочила мимо них и кинулась вниз по лестнице.

Розамунда сидела на скамье у очага, рядом стояла леди Имейн.

— Что случилось? — выпалила Киврин, подбегая.

— Я упала, — растерянно проговорила Розамунда. — И ушибла руку.

Девочка держала ее на весу, странно вывернув локоть. Леди Имейн что-то пробормотала.

— Что? — переспросила Киврин, и тут поняла, что старуха молится. Киврин оглянулась в поисках Эливис. Той не было. Только Мейзри сжалась в испуге у стола, и у Киврин мелькнула мысль, что Розамунда могла просто споткнуться о служанку.

— Ты споткнулась?

— Нет. Голова болит.

— Ударилась головой?

— Нет. — Девочка поддернула рукав. — Локтем о камни.

Киврин приподняла свободно спадающий ру-

кав повыше.

На локте виднелась ссадина, крови не было. Неужели перелом? Почему Розамунда так странно выворачивает локоть?

— Больно? — спросила Киврин, осторожно сгибая ее руку.

— Нет.

— А так? — Она попробовала покрутить.

— Нет.

— Пальцами можешь пошевелить?

Розамунда поболтала всеми по очереди. Киврин в недоумении сдвинула брови. Возможно, растяжение, но как тогда ей удается так свободно вертеть рукой?

— Леди Имейн, вы не могли бы привести отца Роша? — попросила Киврин.

— Что от него проку? — презрительно поджала губы Имейн, однако все-таки пошла.

— Вроде бы не сломана, — обнадежила Киврин Розамунду.

Девочка опустила руку, взвыла от боли и вздернула плечо под тем же странным углом. Кровь отхлынула от ее лица, над верхней губой выступила испарина.

«Значит, все-таки сломана», — решила Киврин и потянулась к руке. Отпрянув, Розамунда на гла-

зах Киврин повалилась кулем со скамьи на пол. В этот раз она точно ударилась головой. Киврин услышала тяжелый удар о камень. Перебравшись через скамью, она опустилась рядом с девочкой на колени.

— Розамунда, ты меня слышишь? Розамунда!

Та не шевелилась. Падая, она откинула ушибленную руку в сторону, будто хватаясь за что-то, и когда Киврин дотронулась до локтя, вздрогнула. Киврин отчаянно оглянулась, ища Имейн, однако старухи на лестнице не было.

Розамунда распахнула глаза.

— Не уходи! — попросила она, видя, что Киврин поднимается на ноги.

— Я должна сходить за подмогой.

Девочка замотала головой.

— Отец Рош! — крикнула Киврин, понимая, что он не расслышит за тяжелой глухой дверью. Из сеней выбежала леди Эливис и кинулась к дочери.

— У нее синяя хворь?

«Нет».

— Она упала, — объяснила Киврин, прикасаясь к простертой по полу голой руке Розамунды. Рука пылала жаром. Розамунда, снова закрыв глаза, дышала ровно, размеренно, будто во сне.

Киврин закатала тяжелый рукав Розамундиного платья выше плеча и вывернула руку, чтобы посмотреть подмышку. Девочка дернулась от боли, но Киврин держала крепко.

Не такой большой, как у клирика, однако ярко-красный и уже твердый на ощупь.

«Нет, — подумала Киврин. — Нет». Розамунда застонала и попыталась вырвать руку. Киврин осторожно уложила ее обратно на пол, расстелив рукав на камнях.

— Что случилось? — спросила Агнес, спускаясь по лестнице. — Розамунда захворала?

«Я не могу этого допустить, — думала Киврин. — Мне нужна помощь. Все с ним контактировали, даже Агнес, а здесь их ничем не спасти. До изобретения антибиотиков еще целых шесть столетий».

— За твои грехи воздается нам, — изрекла Имейн.

Киврин подняла голову. Эливис смотрела на старуху рассеянно, будто не слышала.

— Твои и Гэвина, — продолжала Имейн.

— Гэвин, — произнесла Киврин вслух. Пусть покажет, где переброска, и она приведет помощь. Доктор Аренс придумает, что делать. И мистер Дануорти. Доктор Аренс даст ей антибиотики и

вакцину. — Где Гэвин?

Эливис посмотрела на нее полным тоски и надежды взглядом. Гэвин наконец добился ее, поняла Киврин.

— Где он? Где Гэвин? — повторила она.

— Уехал, — ответила Эливис.

— Куда? Мне нужно с ним поговорить. Я должна привести помощь.

— Помощи ждать неоткуда, — возвестила Имейн, становясь на колени рядом с Розамундой и складывая ладони. — Это кара Господня.

— Куда уехал? — спросила Киврин, поднимаясь с пола.

— В Бат. За моим супругом.

Запись из «Книги Страшного суда»

(070114-070526)

Я решила все это записать. Мистер Гилкрист надеялся, что благодаря экспедициям кафедры медиевистики в прошлое нам удастся получить сведения об эпидемии чумы из первых рук. Кажется, его чаяния сбылись.

Первым заболел клирик, прибывший с епископским посланником. Приехал он уже больным или нет, я не знаю. Возможно, что да, и именно по-

этому вся компания завернула в поместье, сделав крюк по дороге в Оксфорд — хотели избавиться от больного. В рождественское утро, когда они уезжали, ему уже явно нездоровилось, а значит, накануне вечером, когда с ним контактировала половина деревни, он был уже заразен.

Он инфицировал дочь лорда Гийома, которая заболела… двадцать шестого? Я потеряла счет времени. У обоих классические бубоны. Бубон клирика лопнул и сочится гноем. Розамундин твердый и растет, он уже почти размером с грецкий орех. Кожа вокруг него воспалена. Больные лежат в сильном жару, периодически впадая в беспамятство и бред.

Мы с отцом Рошем изолировали их в светлице и всем велели сидеть по домам, друг к другу не ходить и не общаться, но я боюсь, уже слишком поздно. Почти вся деревня плясала на рождественской гулянке, и все домашние сидели с клириком за одним праздничным столом.

Знать бы еще, заразна ли чума до появления симптомов и какой у нее инкубационный период. Я помню, что она бывает трех видов: бубонная, которую разносят крысы и блохи; легочная — передается воздушно-капельным путем, и септическая, поражающая кровеносную систему.

Легочная — самая заразная, поскольку распространяется через кашель, дыхание и телесный контакт с больным. У клирика и Розамунды вроде бы бубонная.

От страха мысли путаются. Он накатывает волнами. Броде ничего-ничего, а потом вдруг паника, и я хватаюсь за спинку кровати, чтобы не умчаться прочь — прочь из этой комнаты, из этого дома, из этой деревни, куда угодно, лишь бы подальше!

Я знаю, что у меня прививка от чумы, но Т-клеточное наращивание и антибиотики мне тоже кололи, а я все равно чем-то заболела, поэтому от каждого прикосновения клирика я внутренне съеживаюсь. Отец Рош постоянно забывает надевать повязку, и я боюсь, как бы он тоже не заразился. И Агнес. Еще я боюсь, что клирик умрет. И Розамунда. И что кто-нибудь в деревне подхватит легочную, и Гэвин не вернется, и я не отыщу ту самую поляну до стыковки…

(Пауза.)

Кажется, успокоилась. Помогает, когда говорю с вами, даже если вы меня не слышите.

Розамунда молодая и крепкая. Чума убивала не всех подряд. В некоторых деревнях все уцелели.

Глава двадцать седьмая

Розамунду отнесли в светлицу и устроили на соломенном тюфяке в узком проходе рядом с кроватью. Рош, накрыв тюфяк полотняной простыней, отправился в амбар за постелью.

Киврин опасалась, что Розамунда придет в ужас при виде клирика с его жутким вываливающимся языком и чернеющей кожей, но девочка на него едва взглянула. Сняв сюрко и туфли, она благодарно улеглась на узком тюфяке. Киврин укрыла ее кроличьим одеялом с кровати.

— Я тоже буду кричать и кидаться на людей, как клирик? — спросила Розамунда.

— Нет, — успокоила ее Киврин, выдавив улыбку. — Постарайся отдохнуть. У тебя где-нибудь болит?

— Живот. И голова. Сэр Блуэт говорил, что от горячки человек пускается в пляс. Я думала, он меня просто пугает. Он сказал, что больные пляшут, пока изо рта не хлынет кровь, а потом умирают. Где Агнес?

— На чердаке, с твоей матушкой.

Киврин велела Эливис закрыться с Имейн и Агнес на чердаке, что Эливис и сделала, даже не

оглянувшись на Розамунду.

— Отец скоро приедет… — пробормотала девочка.

— Ты отдохни пока, поспи.

— Бабушка говорит, что бояться своего мужа — смертный грех, но я ничего не могу поделать. Он трогает меня бесстыдным образом и рассказывает всякие страшные небылицы.

«Чтоб ему умереть в страшных муках, — пожелала Киврин. — Чтоб он уже заразился и заболел».

— Отец наверняка в дороге, — продолжила Розамунда.

— Постарайся заснуть.

— Теперь сэр Блуэт не посмел бы меня коснуться. — Она закрыла глаза. — Настал бы его черед бояться.

В комнату вошел Рош с охапкой одеял и снова удалился. Киврин набросила на Розамунду все разом, подоткнула по краям, а сверху укутала меховым покрывалом с кровати клирика.

Тот лежал смирно, однако в дыхании опять появились хрипы и время от времени даже кашель. Язык, вываливающийся из полуоткрытого рта, порос белым мхом.

«Я не допущу такого для Розамунды, — дума-

ла Киврин. — Ей всего двенадцать». Должен быть какой-то выход. Должен! Бацилла чумы — это бактерия. Она гибнет от стрептомицина и сульфамидов, но получить их вручную нет возможности, а где переброска, неизвестно.

Гэвин уехал в Бат. Разумеется. Ради бросившейся к нему на шею Эливис он готов скакать хоть на край света, даже за ее супругом.

Киврин попыталась прикинуть, сколько займет дорога в Бат и обратно. Семьдесят километров. Если гнать коня во весь опор, то в Бате рыцарь будет дня через полтора. Значит, всего три. Если не задержится, если найдет лорда Гийома, если не заболеет. Доктор Аренс говорила, что без ухода заболевший чумой умирает на четвертый — пятый день. Киврин сомневалась, что клирик продержится так долго. У него опять подскочила температура.

Киврин вспомнила про медицинский ларец Имейн, который задвинули под кровать, когда устраивали Розамунду. Вытащив его, она принялась перебирать сухие травы и порошки. Современники пытались спасаться от чумы домашними средствами типа зверобоя и паслена, от которых проку не больше, чем от толченых изумрудов. Вот если бы раздобыть блошницу…

Но ее розово-фиолетовых цветков Киврин в полотняных кисетах не обнаружила.

Вернувшегося отца Роша она отправила нарезать у ручья ивовых веток и заварила на них горький настой. Рош попробовал и поморщился.

— Что это за отвар?

— Аспирин, — ответила Киврин. — Надеюсь.

Рош влил целую кружку клирику, который уже не разбирал вкусов, и температура, кажется, слегка спала. У Розамунды же она неуклонно ползла вверх, к вечеру девочку стал бить озноб. Когда Рош ушел служить вечерню, до нее уже дотронуться было горячо.

Откинув покрывала, Киврин стала обтирать Розамунде руки и ноги прохладной водой, чтобы сбить жар, но девочка возмущенно вырывалась. «Сударь, вы ведете себя неприлично, — едва выговорила она, выбивая дробь зубами. — Я все обязательно расскажу отцу, когда он приедет».

Рош не возвращался. Киврин зажгла сальные лампадки и стала подтыкать одеяла у Розамунды, недоумевая, где мог задержаться священник.

В тусклом свете лампадок Розамунда выглядела еще хуже: бледная, осунувшаяся. Она что-то бормотала, снова и снова повторяя имя Агнес, один раз воскликнула с досадой: «Что же его все

нет и нет? Давно пора быть».

Давно пора, согласилась Киврин. Колокол отзвонил вечерню полчаса назад. «Он на кухне, — успокаивала она сама себя, — готовит нам суп. Или поднялся к Эливис рассказать, как тут Розамунда. Он не заболел». Однако она все же встала, вскарабкалась на подоконник и выглянула во двор. Холодало, темное небо затягивали тучи. На дворе было пусто — ни огня, ни души, ни звука.

За спиной открылась дверь, Киврин, облегченно улыбнувшись, спрыгнула с подоконника.

— Где вы были? Я… — Она запнулась на полуслове.

Рош пришел в стихаре и принес елей с виатиком. «Нет, — подумала Киврин, оглядываясь на Розамунду. — Нет!»

— Я ходил к Ульфу-старосте. Соборовал.

«Слава богу, не Розамунда», — мелькнуло у Киврин. И только тут она осознала. Рош ходил в деревню.

— Вы уверены? У него чума? Нарывы?

— Да.

— Сколько у него домочадцев?

— Жена и двое сыновей, — устало проговорил Рош. — Я наказал ей носить повязку, а сыновей отправил резать ивовые прутья.

— Хорошо, — одобрила Киврин.

На самом деле ничего хорошего. Хотя нет, по крайней мере это бубонная форма, не легочная, так что у жены и сыновей еще есть шанс уберечься. Но скольких Ульф уже заразил, и от кого заразился сам? Он ведь к клирику даже близко не подходил. Значит, скорее всего от слуг.

— Еще больные есть?

— Нет.

Это тоже ничего не значит. За Рошем посылают, только когда дела совсем плохи, когда человек уже при смерти. На самом деле в деревне могли заболеть уже трое-четверо. Или дюжина.

Киврин опустилась на подоконник, размышляя, что же теперь делать. «Уже ничего. Ничего не поделаешь. Она глотала деревню за деревней, убивая целыми семьями, целыми городами. От одной трети до половины всей Европы».

— Нет! — вскричала Розамунда, пытаясь подняться.

Киврин с Рошем кинулись к ней, но девочка уже улеглась.

Ее укрыли, однако через секунду одеяла снова полетели на пол.

— Я все скажу матушке, Агнес, неслух, — пробормотала она. — Выпусти меня.

Ночью стало холоднее. Рош принес побольше углей для жаровни, а Киврин привязала обратно вощеную штору, но комната все равно сильно выстудилась. Киврин с Рошем по очереди сворачивались клубком у жаровни, пытаясь немного поспать, и просыпались дрожа, как Розамунда.

Клирик не дрожал, только жаловался на холод, заплетающимся, как у пьяного, языком. Ступни и руки у него заледенели и потеряли чувствительность.

— Их нужно к огню, — решил Рош. — Надо спустить их вниз, в зал.

«Ты не понимаешь, — мысленно ответила Киврин. — Единственная надежда на спасение в том, чтобы изолировать больных, не давая распространяться инфекции». Только ведь все и так уже распространяется. Как там Ульф, у него тоже мерзнут ноги и руки? И чем он будет греться? Видела она деревенскую лачугу изнутри, сидела у их огня. Этот очаг даже кошку не согреет.

«Кошки тоже умирали», — вспомнила Киврин и посмотрела на Розамунду. Исхудавшее, тающее на глазах тело сотрясал озноб.

— Плохи дела, — произнес Рош.

— Знаю, — ответила Киврин и принялась собирать постельные принадлежности. — Велите

Мейзри, пусть расстелет солому в зале.

Клирик сошел вниз сам, поддерживаемый под руки Рошем и Киврин, Розамунду Рошу пришлось нести. Эливис с Мейзри раскладывали солому в дальнем углу, Агнес еще спала, а Имейн стояла на коленях там же, где и вчера вечером, стиснув перед собой негнущиеся ладони.

Рош уложил Розамунду, и Эливис начала ее укрывать.

— Где отец? — прохрипела девочка требовательно. — Почему его нет?

Агнес заворочалась. Через минуту она вскочит и вскарабкается на тюфяк к Розамунде, глазея на клирика. Нужно что-то придумать, как-то отгородить больных от Агнес. Киврин подняла взгляд к потолку. Не пойдет, стропила слишком высоко, даже под чердачным потолком штору не повесишь. Да и нечего вешать — все имеющиеся в наличии покрывала и меха давно пущены в дело. Киврин принялась опрокидывать набок скамьи и баррикадировать ими угол. Рош с Эливис, вдвоем сняв столешницу с козел, прислонили ее к скамьям.

Эливис присела у постели Розамунды. Девочка спала, на щеках ее играли красноватые отблески пламени.

— Надевайте повязку, — напомнила Киврин.

Эливис кивнула, не трогаясь с места, и отвела с лица дочери спутанные волосы.

— Она была у моего супруга любимицей.

Розамунда проспала почти половину утра. Киврин откатила святочное полено к краю очага и подложила колотых чурок. Потом откинула одеяло с ног клирика, открывая их жару костра.

Чтобы уберечь от чумы Папу Римского, личный лекарь усадил его в комнате между двумя кострами — и он не заболел. Некоторые историки объясняли успех тем, что бацилла чумы не выносит высоких температур. На самом деле, вероятнее всего, костры послужили кордоном от заразных толп, но попробовать стоит. «Все стоит попробовать», — подумала Киврин, глядя на Розамунду и подкладывая еще дров в огонь.

Отец Рош отправился служить заутреню, хотя время уже близилось к полудню. Колокольный звон разбудил Агнес.

— Кто раскидал скамейки? — удивилась она, подбегая к баррикаде.

— За эту ограду заходить нельзя, — объяснила ей Киврин, отступая как можно дальше. — Иди посиди с бабушкой.

Вскарабкавшись на скамью, Агнес перегнулась

через уложенный набок стол.

— Вон Розамунда, я ее вижу. Она умерла?

— Она сильно хворает, — ответила Киврин строго. — Тебе нельзя сюда. Иди поиграй со своей повозкой.

— Я хочу к Розамунде! — перекидывая ногу через край стола, воскликнула Агнес.

— Нет! — рявкнула Киврин. — Ступай к бабушке!

Агнес застыла в изумлении, потом ударилась в рев.

— Я хочу к Розамунде! — рыдала она, однако все-таки отошла и села рядом с Имейн.

— Заболел старший сын Ульфа, — сообщил пришедший Рош. — У него бубоны.

За утро слегли еще двое, и еще один днем — в число новых больных попала и мажордомова жена. У всех были бубоны или крошечные, с горошину, нарывы на лимфатических узлах. У всех, кроме мажордомовой жены.

Киврин отправилась к ней вместе с Рошем. Больная нянчила младенца, ее худое острое лицо заострилось еще больше. Кашля не было, рвоты тоже, и Киврин надеялась, что бубоны еще просто не видны.

— Носите повязки, — велела она мажордо-

му. — Малыша кормите коровьим молоком. Не подпускайте к жене детей, — закончила она безнадежно. Шестеро детей в двух комнатушках. «Только бы не легочная, — молила Киврин. — Не дай им всем заразиться».

По крайней мере Агнес удавалось уберечь. После строгого окрика Киврин она к баррикаде не подходила. Сперва посидела насупясь и испепеляя обидчицу взглядом, который в других обстоятельствах показался бы комичным, а потом отправилась на чердак за своей повозкой. Накрыв для нее на большом столе, Агнес стала угощать тележку праздничными кушаньями.

Проснулась Розамунда. Хриплым голосом она попросила пить, и когда Киврин дала ей воды, тут же заснула снова. Даже клирик задремал, и хрипы в его груди стали потише. Киврин облегченно уселась рядом с Розамундой.

Нужно выйти и помочь Рошу с мажордомовыми детьми — хотя бы проверить, надел ли он повязку и моет ли руки, но внезапная усталость придавила Киврин, не давая подняться. «Прилечь бы на минутку, — подумала она. — Вдруг какая светлая мысль в голову придет».

— Я хочу проведать Черныша, — заявила Агнес.

Киврин встрепенулась, пробуждаясь от навалившейся дремы.

Агнес в своей красной накидке с капюшоном стояла почти у самой баррикады — насколько осмелилась подойти.

— Ты обещала отвести меня к могиле моего песика.

— Тише, разбудишь сестру.

Агнес заплакала — на этот раз вместо оглушительного рева, служившего орудием искусной манипуляции, послышались тихие всхлипы. «Она тоже больше не может, — поняла Киврин. — Весь день одна, мы с Рошем и Розамунда ее бросили, все заняты, расстроены и напуганы».

— Ты обещала! — кривя нижнюю губу, захныкала Агнес.

— Я не могу тебя сейчас отвести, — ответила Киврин ласково. — Но сказку я тебе расскажу. Только тихо-тихо. — Она прижала палец к губам. — Чтобы не будить Розамунду и клирика.

Агнес утерла сопливый нос.

— Расскажешь про непослушную девицу? — театральным шепотом спросила она.

— Да.

— А тележке можно послушать?

— Да.

Агнес со всех ног метнулась за своей повозкой и, прибежав обратно, вскочила на скамью, собираясь штурмовать баррикаду.

— Нет, ты садись на пол по ту сторону, а я сяду здесь, внутри, — остановила ее Киврин.

— Я тебя так не услышу, — снова надулась Агнес.

— Еще как услышишь — если не будешь шуметь.

Агнес проворно сползла со скамьи и примостилась у перевернутого стола. Тележку она устроила рядом, наказав ей: «Сиди тихо-тихо».

Киврин окинула беглым взглядом своих больных и тоже села на пол, привалившись спиной к столу. Снова накатила усталость.

— Жила-была… — подсказала Агнес.

— Жила-была в далеком-предалеком королевстве маленькая девочка. Она жила у самого дремучего леса…

— Отец говорил ей: «Не ходи в лес!», но она не послушалась.

— Она не послушалась, — согласилась Киврин. — Она надела свой плащ…

— Красный, с капюшоном. И пошла в лес, хотя отец ей не велел.

Хотя отец ей не велел. «Со мной все будет в

полном порядке, — уверяла она мистера Дануорти. — Я не пропаду».

— Она плохо сделала, что пошла, да? — спросила Агнес.

— Она хотела посмотреть, что там. Думала, только одним глазком взглянет и все, — объяснила Киврин.

— Нет, она плохо сделала, — решила Агнес. — Я бы ни за что не пошла. В лесу темно.

— Очень темно, и слышны всякие страшные шорохи.

— Волки! — прошептала Агнес, и Киврин услышала, как она ерзает у столешницы, стараясь подобраться поближе. Сжалась в комок, подтянув к себе колени, в обнимку с маленькой деревянной тележкой.

— Девица подумала: «Мне здесь не нравится» и хотела вернуться обратно, но заблудилась в темноте. И вдруг на нее кто-то как выскочит!

— Волк! — выдохнула Агнес.

— Нет. Это был медведь. И спросил ее медведь: «Что ты делаешь в моем лесу?»

— Девочка испугалась, — дрожащим от страха голоском подсказала Агнес.

— Да. «Не ешь меня, медведь, пожалуйста! — взмолилась девица. — Я заблудилась и не могу

отыскать дорогу домой». А медведь на самом деле был добрый, хоть и казался злым, и он сказал: «Я выведу тебя из леса». «Как? — не поняла девица. — Здесь такая темень». «Мы спросим сову. Она видит в темноте».

Киврин рассказывала, выдумывая на ходу, и постепенно успокаивалась сама. Когда Агнес перестала перебивать, Киврин, не прерывая рассказа, осторожно встала и перегнулась через баррикаду.

— «Ты знаешь, как выйти из леса?» — спросил медведь у ворона. «Знаю», — ответил ворон.

Агнес спала, привалившись к столешнице, крепко прижимая к себе тележку и разметав по полу свою красную накидку.

Укрыть бы ее чем-нибудь, но Киврин не осмеливалась. В постельных покрывалах кишат чумные бациллы. Она посмотрела на леди Имейн, которая молилась лицом в угол.

— Леди Имейн! — тихонько позвала Киврин, но та будто не слышала.

Тогда она подбросила дров в огонь и снова села спиной к столешнице, запрокинув голову.

— «Я знаю, как выйти из леса, — ответил ворон. — Я вас выведу», — тихо проговорила Киврин. — Он захлопал крыльями быстро-быстро и

сразу же пропал за верхушками деревьев.

Наверное, она заснула, потому что, когда открыла глаза, огонь уже догорал и шея затекла. Розамунда и Агнес не просыпались, зато проснулся клирик и неразборчиво звал Киврин. Белый налет обволакивал весь его язык целиком, а изо рта шел такой смрад, что Киврин резко отвернула голову, чтобы не задохнуться. Бубон снова начал сочиться — темной густой жидкостью, воняющей тухлым мясом. Киврин перевязала плечо заново, стискивая зубы и едва удерживая рвотный позыв, а старую повязку отнесла в дальний угол зала, потом вышла и помыла руки у колодца, по очереди поливая сначала одну, потом вторую ледяной водой из ведра и глотая свежий морозный воздух.

Во двор вошел Рош.

— Ульрик, сын Хала, — обронил он на ходу. — И мажордомов старший, Вальтеф.

В сенях он споткнулся о ножку скамьи и чуть не упал.

— Вы устали, — сказала Киврин. — Ступайте прилягте, отдохните немного.

Имейн неуклюже поднялась с колен, будто ее не держали затекшие ноги, и деревянной походкой двинулась навстречу Киврин с Рошем.

— Не могу. Я пришел за ножом, чтобы на-

стругать ивы, — ответил Рош, но все же сел, уставившись невидящими глазами сквозь огонь.

— Хотя бы дух переведите. Я принесу эля.

Отодвинув скамью в сторону, она зашагала к дверям.

— Из-за тебя пришла к нам эта хворь, — раздался за спиной голос леди Имейн.

Киврин обернулась. Старуха стояла посреди зала, буравя взглядом Роша. К груди она обеими руками прижимала молитвенник, из которого свисал на цепочке реликварий.

— За твою нерадивость маемся мы. Он читал литургию Мартынова дня в день святого Евсевия. Он запятнал свою ризу, — обратившись к Киврин, начала перечислять леди Имейн тем же тоном, каким жаловалась сестре сэра Блуэта. Пальцы ее перебирали звенья цепочки, отсчитывая грехи, как на четках. — Он запамятовал закрыть в церкви дверь в прошлую среду после вечерни.

Перекладывает на него собственную вину, догадалась Киврин. Это ведь леди Имейн написала епископу, выпрашивая нового капеллана, она выдала их местонахождение. Ей невыносимо сознавать, что она сама привела в дом чуму. Понимая все это умом, Киврин не могла выдавить из себя ни капли жалости к старухе. «Ты не име-

ешь никакого права обвинять Роша, — ответила она мысленно. — Он делает все, что в его силах. А ты сидишь в углу и молишься».

— Это не кара Господня, — холодно возразила она Имейн. — Это хворь.

— Он пропустил «Исповедую…» — пробормотала старуха и, уковыляв обратно в угол, снова встала на колени. — Он поставил хорошие свечи на алтарную преграду вместо алтаря.

Киврин подошла к Рошу.

— Здесь нет ничьей вины.

— Если Господь и впрямь карает нас, — проговорил священник, глядя в огонь, — то, видать, сильно велик наш грех.

— Грехи ни при чем, — повторила Киврин. — Это никакая не кара.

— Dominus! — выкрикнул вдруг клирик, силясь сесть. Он снова закашлялся, жутким рычащим, разрывающим грудь кашлем, однако ничего не выплюнул. Страшные звуки разбудили Розамунду, которая начала тоненько всхлипывать. «Если это не кара, — подумала Киврин, — то уж больно на нее похоже».

Сон мало чем помог Розамунде. Снова поднялась температура, глаза ввалились. От малейшего движения девочка вздрагивала, будто от удара

плетью.

«Надо что-то делать. Чума ее высасывает».

Дождавшись возвращения Роша, Киврин сходила в светлицу за медицинским ларцом. Имейн, беззвучно шевелившая губами, на вопрос, что там в полотняных кисетах, уткнулась лбом в сложенные ладони и закрыла глаза.

Кое-что Киврин узнала и без нее. Мистер Дануорти велел изучить лекарственные травы, поэтому окопник, медуницу и растертую пижму она отличила. Еще в ларце отыскался мешочек толченого сульфида ртути, которым ни один человек в здравом уме не стал бы никого лечить, и наперстянка, недалеко от него ушедшая по ядовитости.

Вскипятив воды, Киврин заварила все знакомые травы разом. По залу поплыл чудесный летний аромат, и на вкус отвар получился не хуже, чем ивовый, но проку от него было не больше. К ночи клирик уже кашлял не переставая, а на животе и руках Розамунды начали расплываться красные пятна. Бубон вырос размером с яйцо и на ощупь казался таким же твердым. При каждом прикосновении к нему Розамунда взвизгивала от боли.

Во времена чумы врачи делали припарки на

бубоны или вскрывали их. А еще пускали кровь и лечили мышьяком… С другой стороны, клирику явно стало получше, когда прорвался его бубон, и он до сих пор жив. Однако вскрытие может привести к распространению инфекции. Или, что еще хуже, занести вирус в кровь.

Киврин нагрела воды и намочила в ней тряпицы, чтобы сделать припарку. Но хотя вода была чуть теплой, Розамунда все равно истошно взвизгнула. Пришлось вернуться к бесполезной холодной. «А остальное, можно подумать, помогает, — с досадой возразила себе Киврин, прижимая холодную тряпицу к подмышке Розамунды. — Тут все бесполезно».

«Я должна отыскать переброску». Как? Леса тянутся на многие мили, в них сотни дубов и десятки полян. Ей никогда не найти ту самую. И Розамунду нельзя оставить.

Может быть, Гэвин вернется. В некоторых городах попросту закрывали ворота — может, его не пустят в Бат, или он поговорит с кем-нибудь в пути и поймет, что лорд Гийом скорее всего уже погиб. «Возвращайся, — звала она его мысленно. — Скорее. Торопись!»

Она снова принялась перебирать снадобья Имейн, пробуя на вкус содержимое кисетов. Жел-

тый порошок — сера. Ее тоже использовали во времена эпидемий, сжигая на огне, чтобы парами очистить воздух. Киврин припомнила из истории медицины, что сера убивает некоторые бактерии, только вот вылетело из памяти — возможно, для них губительны лишь соединения серы. Ладно, это безопаснее, чем вскрывать бубон.

Киврин бросила щепотку в очаг, с самого краю, посмотреть, что будет. Огонь пыхнул желтым облаком, от которого у Киврин запершило в горле даже через повязку. Клирик стал хватать ртом воздух, а Имейн в дальнем углу зашлась надрывным сухим кашлем.

Киврин надеялась, что запах тухлых яиц через минуту-другую выветрится, однако желтое облако так и висело в воздухе, разъедая глаза. Мейзри, кашляя в передник, выскочила во двор, а Эливис увела Имейн и Агнес на чердак.

Подперев входную дверь поленом, Киврин принялась махать тяжелой кухонной салфеткой, и немного погодя воздух слегка очистился, хотя в горле по-прежнему першило. Клирик кашлял не переставая. Розамунда кашлять перестала, пульс у нее замедлился настолько, что Киврин едва его нащупала.

— Я не знаю, что делать, — пробормотала она,

сжимая сухое и горячее запястье девочки. — Я все перепробовала.

Кашляя, в зал вошел Рош.

— Это сера, — объяснила Киврин. — Розамунде хуже.

Он взглянул на девочку, потрогал пульс и снова вышел. Киврин это обнадежило. Он бы не оставил ее, будь дела по-настоящему плохи.

Через несколько минут он вернулся — в ризе, с елеем и виатиком в руках.

— Что такое? Мажордомова жена скончалась?

Он покачал головой.

— Нет! — Киврин увидела, на кого он смотрит, и вскочила на ноги, закрывая от него Розамунду. — Не дам.

— Она не должна умереть без отпущения грехов.

— Розамунда не умирает!

Однако она лежала как мертвая — потрескавшиеся полураскрытые губы, немигающие потухшие глаза. Желтоватая восковая кожа туго натянулась на заострившихся скулах. «Нет, — в отчаянии подумала Киврин. — Я должна что-то сделать. Ей ведь всего двенадцать…»

Рош шагнул вперед с чашей для причастия, и Розамунда воздела руку, будто в мольбе, но тут

же уронила.

— Мы должны вскрыть бубон, — решилась Киврин. — Надо выпустить отраву.

Она думала, Рош откажется, возразит, что сперва нужно соборовать и отпустить грехи, но священник промолчал. Поставив елей и чашу на пол, он пошел за ножом.

— Поострее! — крикнула вслед Киврин. — И вина.

Сама она тем временем снова принялась кипятить воду. Принесенный нож она промыла, поливая из ведра и отскребая налипшую у рукоятки грязь ногтями. Потом, обернув ручку полой своего сюрко, Киврин накалила лезвие на огне и обдала кипятком, затем вином и снова кипятком.

Они переложили Розамунду поближе к огню. Рош опустился на колени, Киврин осторожно закатала рукав Розамундиной рубахи, подоткнув ткань под плечо как подушку. Рош вытянул руку Розамунды за голову, являя бубон на свет.

Он был размером с яблоко, и все плечо вокруг распухло и воспалилось. По краям нарыв стал мягким, как желе, но сердцевина еще оставалась твердой.

Киврин откупорила бутыль принесенного

Рошем вина, смочила тряпицу и осторожно промокнула ею бубон. Он выпирал из-под кожи, будто камень. Киврин опасалась, что даже сталь его не возьмет.

Она занесла нож над бубоном. Страшно. Страшно задеть артерию, пустить инфекцию в кровь, совершить непоправимое.

— Она уже не чувствует боли, — произнес Рош.

Киврин посмотрела на девочку. Та не шелохнулась, даже когда Киврин надавила на бубон. Она смотрела сквозь них на что-то жуткое. «Хуже не будет, — поняла Киврин. — Даже если я ее убью, хуже теперь не будет».

— Держите ее руку, — велела она Рошу, и тот прижал тонкое запястье и предплечье к полу. Розамунда по-прежнему не шевелилась.

«Два точных быстрых надреза», — настраивала себя Киврин. Вдохнув поглубже, она коснулась бубона лезвием.

Розамунда дернула плечом, уворачиваясь от ножа, тонкие пальцы скрючились.

— Что вы делаете? — прохрипела она. — Я все скажу отцу!

Киврин отдернула нож. Священник ухватил руку Розамунды и снова припечатал к полу. Она слабо замахнулась на него другой рукой.

— Я дочь Гийома д'Ивери! Вы не смеете со мной так обращаться.

Киврин, стараясь ни обо что не задеть ножом, отползла в сторону и поднялась на ноги. Рош поймал вторую руку Розамунды и без труда зажал оба запястья одной своей ладонью. Девочка сделала слабую попытку лягнуть Киврин. Чаша перевернулась, вино для причастия потекло на пол, собираясь в темную лужицу.

— Придется ее связать, — сказала Киврин и только тут осознала, что стоит с занесенным в воздухе ножом, как убийца. Завернув его в заготовленную Эливис тряпицу, она разорвала еще одну на тонкие полоски.

Рош стянул руки Розамунды за головой, а Киврин примотала ее ноги к перевернутой скамейке. Розамунда не сопротивлялась, но когда Рош задрал ей рубаху до плеч, выпалила:

— Я тебя знаю! Ты разбойник, который напал на леди Катерину.

Рош навалился всем весом на ее плечо, и Киврин надрезала бубон. Кровь сперва заструилась, потом хлынула потоком. «Я задела артерию», — испугалась Киврин. Одновременно с Рошем они кинулись к вороху тряпок, и Киврин, ухватив сразу большой комок, прижала его к ране. Он

сразу же пропитался насквозь, и когда она убрала руку, чтобы взять у Роша новую тряпку, из крошечного надреза фонтаном брызнула кровь. Киврин заткнула его полой своего сюрко. Розамунда заскулила, тоненько, беспомощно, как щенок Агнес, и, кажется, потеряла сознание, хотя терять было уже почти нечего.

«Я ее убила», — подумала Киврин.

— Не могу остановить кровь!

Но кровь уже остановилась. Досчитав сперва до ста, потом до двухсот, Киврин осторожно отлепила край сюрко от раны.

Разрез по-прежнему набухал кровью, однако теперь она перемешивалась с густым желто-серым гноем. Рош нагнулся, чтобы промокнуть его, но Киврин не дала.

— Нельзя, там чумные бациллы, — забирая у него тряпку, объяснила она. — Не трогайте.

Киврин стерла тошнотворную субстанцию. На ее месте выступила новая, потом более жидкая, водянистая.

— Кажется, все. Передайте мне вино, — попросила Киврин, оглядываясь в поисках чистой тряпицы, которую можно было бы смочить.

Их не осталось ни одной. Все ушли на попытку остановить кровь. Тогда Киврин просто наклони-

ла бутыль, и темная густая жидкость полилась тонкой струйкой на разрез. Розамунда не шевельнулась. Лицо ее было землисто-серым. «Я не могу сделать переливание. Я даже чистую тряпку найти не могу».

Рош развязал запястья Розамунды и взял ее безжизненную руку в свою.

— Теперь ее сердце бьется сильнее.

— Надо найти еще полотна, — сказала Киврин и расплакалась.

— Мой отец велит вас за это повесить! — проговорила Розамунда.

Запись из «Книги Страшного суда»

(071145-071862)

Розамунда без сознания. Накануне вечером я пыталась вскрыть ее бубон, чтобы вытянуть инфекцию, но, боюсь, только навредила. Она потеряла много крови. Лежит бледная, а пульс такой слабый, что я вообще не могу его нащупать.

Клирику хуже. Кровоподтеки множатся, ясно, что он уже долго не протянет. Доктор Аренс говорила, что без ухода заболевший чумой умирает на четвертый-пятый день, но я сомневаюсь, что клирик продержится так долго.

Леди Эливис, леди Имейн и Агнес пока здоровы, хотя леди Имейн, кажется, теряет рассудок со своими поисками виноватого. Утром она оттрепала Мейзри за уши, заявляя, что Господь карает нас за ее нерасторопность и тупоумие.

Мейзри действительно ленива и тупа. Она не в силах присмотреть за Агнес и пяти минут, а когда я послала ее сегодня поутру за водой, чтобы промыть рану Розамунды, она проболталась где-то полтора часа и вернулась без воды.

Я промолчала, не желая снова навлекать на нее гнев Имейн. Недолог тот час, когда старуха ополчится и на меня. Я чувствовала спиной ее взгляд поверх молитвенника, когда, не дождавшись Мейзри, отправилась за водой. Ее мысли как на ладони: я подозрительно много знаю о чуме для человека, не бывавшего в чумных местах и якобы потерявшего память. Теперь она решит, что моя давешняя горячка вовсе не от удара по голове, а от чумы.

Если она до этого додумается, боюсь, ей хватит напора убедить леди Эливис, что чуму навлекла на них я и что меня слушать не надо, а надо разобрать заграждение и вместе молиться Господу, чтобы он избавил их от напасти.

Как тогда мне оправдываться? Рассказать, что я

из будущего, и мне известно все, кроме того, как лечить чуму без стрептомицина и как попасть обратно в свое время?

Гэвин так и не вернулся пока. Эливис сходит с ума от беспокойства. Когда Рош отправился служить вечерню, она стояла у ворот — простоволосая, без плаща, — глядя на дорогу. Приходило ли ей в голову, что Гэвин мог заразиться еще до отъезда в Бат? Он ведь ускакал в Курси вместе с епископским посланником, а когда приехал, уже знал про чуму…

(Пауза.)

Ульф-староста при смерти. Его жена и один из сыновей тоже больны. Бубонов нет, но у женщины на внутренней стороне бедра несколько мелких узелков размером с горошину. Рошу постоянно приходится напоминать, чтобы надевал повязку и поменьше дотрагивался до больных.

В исторических визиках говорилось, что во времена чумы все в панике бежали без оглядки, бросая больных, и первыми спасали свою шкуру священники, — на самом деле это совсем не так.

Все напуганы, однако стараются как могут, а Рош вообще большой молодец. Он сидел с женой старосты и держал ее за руку, пока я ее осматривала, он не гнушается самой грязной работы

— промывать рану Розамунды, выносить ночные горшки, убирать за клириком. И ничем не выдает своего страха. Я не знаю, где он черпает мужество.

Он продолжает служить заутрени и вечерни, молиться, рассказывать Господу о Розамунде и остальных заболевших, описывая их симптомы и то, как мы за ними ухаживаем, будто Бог действительно его слушает. Так же, как я рассказываю вам.

Может, Господь тоже существует — отрезанный еще более плотной завесой, чем время, через которую невозможно пробиться?

(Пауза.)

Чума обретает голос. В деревнях после погребения звонят в колокол — по мужчине девять раз, по женщине — три, по младенцу — один. А потом целый час непрерывного погребального перезвона. В Эсткоте сегодня хоронили двоих, Осни звонит не переставая со вчерашнего дня. Колокол на юго-западе, который я слышала в первые свои дни здесь, умолк. Не знаю, как это понимать — что чума кончилась или что некому стало звонить.

(Пауза.)

Пожалуйста, пусть Розамунда не умрет. Пусть

Агнес не заразится. Пусть Гэвин вернется.

Глава двадцать восьмая

Ночью чумой заболел мальчишка, сбежавший от Киврин в тот день, когда она отправилась на самостоятельные поиски переброски. Его мать дожидалась Роша у церкви, зная, что он придет звонить заутреню. У мальчишки бубон вырос на спине, и Киврин вскрыла его, поручив Рошу и матери держать больного.

Если бы только можно было не вскрывать… Мальчишка и так ослаб от цинги. Кроме того, Киврин не знала, нет ли под лопатками каких-нибудь артерий. Розамунде, кажется, вскрытие бубона не особенно помогло, хотя Рош уверял, что пульс стал четче. Она лежала мертвенно-бледная и неподвижная.

Мальчишка же выглядел таким тщедушным, что любая пролитая капля крови могла стать для него последней.

Однако операция прошла благополучно, и еще до того, как Киврин закончила мыть нож, щеки мальчика начали розоветь.

— Поите его шиповниковым отваром, — велела Киврин. Хотя бы от цинги поможет. — И ивовую кору заваривайте.

Она подержала лезвие ножа над огнем — таким же чахлым, как в день той неудачной вылазки. Этим огнем мальчонку не согреть, а если отправить его мать за хворостом, она заразит еще кого-нибудь.

— Мы принесем вам дров, — пообещала Киврин. И только потом задумалась — как.

Еда от рождественского стола еще осталась, но другие припасы стремительно таяли. Большая часть поленницы ушла на то, чтобы согревать Розамунду и клирика, а наколоть дрова, сложенные у кухни, было некому. Староста лежал больной, мажордом ухаживал за женой и сыном.

Набрав охапку поленьев и несколько кусков коры на растопку, Киврин отнесла их в лачугу, жалея, что нельзя перетащить мальчонку в господский дом. У Эливис и без того клирик с Розамундой на руках, и сама она едва не падает от усталости.

Эливис просидела с Розамундой всю ночь, выпаивая ее ивовым отваром и перевязывая рану, — на бинты она разорвала свой чепец. Усевшись лицом к сеням, Эливис каждые несколько минут вскакивала и шла к двери, будто заслышав чьи-то шаги. С распущенными по плечам темными волосами она выглядела не старше

Розамунды.

Киврин высыпала дрова на земляной пол рядом с крысиной клеткой. Крысы там не было — убили, по всей видимости, без вины виноватую. «Господь с нами», — проговорила мать мальчугана и, опустившись на колени у очага, принялась осторожно подкладывать поленья.

Киврин еще раз осмотрела больного. Бубон по-прежнему сочился прозрачной водянистой жидкостью — хороший признак. У Розамунды он кровоточил далеко за полночь, потом раздулся и снова затвердел. «И я не могу вскрыть его еще раз, — думала Киврин. — Новая кровопотеря ее прикончит».

Киврин двинулась обратно в дом, размышляя, что лучше — сменить Эливис или попробовать наколоть дров. Навстречу ей из мажордомовой лачуги вышел Рош, с известием, что еще двое из мажордомовых сыновей заболели.

Двое младших, и явно легочной формой. Мальчики кашляли, а их мать непрерывно отхаркивала водянистую мокроту. Господь с нами…

В зале все еще висела серная дымка, и руки клирика в желтоватом свете выглядели почти черными. Огонь в очаге едва теплился — такой же чахлый, как в давешней лачуге. Сгрузив остат-

ки колотых поленьев, Киврин отправила Эливис прилечь, пообещав посидеть с Розамундой.

— Нет, — ответила Эливис, оглядываясь на дверь, и добавила, будто про себя: — Он уже три дня в пути…

Семьдесят километров до Бата. По крайней мере полтора дня пути верхом туда и столько же обратно, если раздобудет в городе свежего коня. Он может вернуться сегодня — при условии, что ему удалось сразу же разыскать лорда Гийома. «Если вообще вернется», — подумала Киврин.

Эливис снова оглянулась на дверь, будто кого-то услышала, но это была лишь Агнес, ворковавшая над своей повозкой. Завернув тележку в одеяльце, она кормила ее воображаемой едой. «У нее синяя хворь», — пояснила она Киврин.

Остаток дня Киврин хлопотала по хозяйству — носила воду, варила бульон из запеченного окорока, опорожняла горшки. Мажордомова корова с раздувшимся, несмотря на указания Киврин, выменем, притащилась с горестным мычанием на господский двор и ходила за Киврин по пятам, то и дело тыкая ее рогом. Пришлось доить. Отец Рош между заходами к мажордому и цинготному мальчугану нарубил чурбаков, и Киврин, отчаянно жалея, что не научилась колоть

дрова, принялась неуклюже тюкать колуном по толстым поленьям.

Под вечер пришел мажордом и позвал их с Рошем к своей младшей. Итого уже восемь больных, посчитала Киврин. В деревне всего человек сорок. Смертность у чумы — от одной трети до половины населения, причем мистер Гилкрист, например, считает эти данные преувеличенными. Одна треть — это тринадцать человек, значит, могут слечь еще пятеро. Даже если ориентироваться на половину — это еще двенадцать, а у мажордома уже вся семья, как ни крути, проконтактировала с заболевшими.

Она окинула их взглядом — старшую, коренастую и темноволосую, как отец; младшего, с острыми, как у матери, чертами лица; щуплого малыша. «Вы все заболеете, — подумала она. — И тогда остается еще восемь».

В ней ничего не шевельнулось, даже когда малыш заплакал и сестренка, уложив его на колени, сунула ему в рот грязный палец. «Двенадцать, — молила Киврин. — В крайнем случае тринадцать».

При виде клирика у нее тоже ничего не шевельнулось, хотя уже понятно было, что до утра ему не дотянуть. Его язык и губы покрывала бурая

слизь, он кашлял водянистой слюной с кровавыми прожилками. Киврин ухаживала за ним механически, безо всяких эмоций.

«Это все недосып, — думала она. — Он притупляет чувства». Устроившись у огня, Киврин попыталась заснуть, но от усталости даже сон не шел. «Еще восемь человек, — складывала она в уме. — Мать того мальчонки, жена и дети старосты. Остаются четверо. Пожалуйста, только не Агнес. Не Эливис. Не Рош».

Поутру священник обнаружил стряпуху в снегу на пороге ее хибарки, полузамерзшую и кашляющую кровью. «Девятая», — прибавила Киврин.

Стряпуха давно овдовела, ухаживать за ней было некому, поэтому ее перенесли в зал и уложили рядом с клириком, который, что самое жуткое и поразительное, оставался еще жив. Кровоподтеки распространились по всему телу, грудь расчертили фиолетово-синие полосы, руки и ноги почернели целиком. Щеки поросли черной щетиной, которая тоже казалась порождением болезни.

Розамунда по-прежнему лежала белая и недвижная, зависнув между жизнью и смертью, и Эливис ухаживала за ней тихо и молчаливо, будто малейшее движение, малейший звук мог

столкнуть девочку в бездну. Киврин передвигалась между тюфяками на цыпочках, и Агнес от этой гнетущей тишины совсем распоясалась.

Она канючила, висла на баррикаде, по десять раз просила Киврин сводить ее то к песику, то к пони, то принести поесть, то дорассказать сказку про непослушную девочку.

— Что с ней было дальше? — ныла Агнес, и от этого нытья у Киврин сводило скулы. — Ее съели волки?

— Не знаю, — буркнула Киврин на четвертый раз. — Ступай посиди с бабушкой.

Агнес недовольно оглянулась на леди Имейн, день и ночь напролет выстаивающую в углу на коленях спиной ко всем.

— Бабушка со мной не играет.

— Тогда поиграй с Мейзри.

Агнес переключилась на служанку, которую через пять минут замучила так, что та отважилась дать отпор. Девочка прибежала обратно с визгом, что Мейзри ее ущипнула.

— И поделом, — ответила Киврин и отправила обеих на чердак.

Потом она зашла осмотреть мальчика, который поправился настолько, что уже мог сидеть, а когда вернулась, Мейзри дрыхла как сурок в

тронном кресле.

— Где Агнес? — спросила Киврин.

Эливис обвела зал отрешенным взглядом.

— Не знаю. Они были на чердаке.

— Мейзри, проснись! — позвала Киврин. — Где Агнес?

Служанка осовело заморгала.

Киврин слазила на чердак, но там Агнес не было. Она посмотрела в светлице. Там тоже.

Мейзри, выбравшись из тронного кресла, сжалась в страхе у стены.

— Где она? — рявкнула Киврин.

Мейзри зажала рукой ухо и выпучила глаза.

— Вот-вот, — подтвердила Киврин. — Я надеру тебе уши, если не скажешь, где она.

Мейзри уткнулась лицом в передник.

— Где она? — Киврин дернула служанку за руку. — Ты должна была за ней следить! Ты к ней приставлена!

Мейзри начала подвывать, визгливо, как лесная зверушка.

— Прекрати! Покажи, куда она пошла. — Киврин потащила служанку в сени.

— Что такое? — спросил вошедший Рош.

— Агнес. Надо ее найти. Она могла ушмыгнуть в деревню.

Рош покачал головой.

— Я ее не видел. Быть может, она в какой из пристроек.

— На конюшне! — догадалась Киврин. — Она рвалась навестить своего пони.

В конюшне девочки не было.

— Агнес! — крикнула Киврин в пропахшую навозом темноту. — Агнес!

Пони заржал и попытался вынести дверцу стойла. Когда его последний раз кормили? И где собаки? Киврин заглянула во все стойла по очереди, посмотрела за яслями — много ли маленькой девочке нужно места, чтобы спрятаться. Или заснуть.

«Она может быть в амбаре», — подумала Киврин и вышла наружу, заслоняя глаза рукой от неожиданно резкого света. Из кухни показался Рош.

— Нашли ее? — спросила Киврин, но он не ответил. Он смотрел на ворота, склонив голову набок, будто прислушиваясь.

Киврин последовала его примеру, однако ничего не услышала.

— Что там? Она где-то плачет?

— Это наш Господь, — кидаясь к воротам, возгласил Рош.

«Нет, только не его!» Киврин бросилась следом.

— Отец Рош, — начала Киврин и тут услышала конский топот.

Конь несся прямо на них, громко стуча копытами по промерзшей земле.

Не Господь, а господин — поняла Киврин. Хозяин поместья. Рош думает, что наконец приехал супруг Эливис. И тут ее озарила внезапная надежда — это мистер Дануорти.

Рош поднял и сдвинул в сторону тяжелый засов.

«Нам нужен стрептомицин и дезинфицирующие средства, а Розамунду срочно забрать в больницу. Ей необходимо переливание крови».

Рош толкнул створки.

«И вакцина, — лихорадочно перебирала в уме Киврин. — Лучше всего пероральная. Куда же подевалась Агнес? Агнес тоже нужно увезти отсюда в безопасное место».

Конь был почти у двора, когда Киврин наконец опомнилась.

— Нет!

Поздно. Рош уже распахнул ворота.

— Ему сюда нельзя! — Киврин отчаянно оглядывалась в поисках какого-нибудь предупрежда-

ющего знака. — Он заразится чумой.

У пустого свинарника валялась лопата, которой Киврин хотела копать могилу для Черныша. Она сжала в руках черенок.

— Не пускайте его! — крикнула она, и Рош замахал руками, однако всадник уже проскакал во двор.

Рош перестал махать.

— Гэвин!

Да, вороной жеребец был похож на Гринголета, но в седле сидел мальчик. Не старше Розамунды годами, в перепачканной, заляпанной одежде, с грязными потеками на лице. Жеребец выглядел не лучше — весь в мыле, он тяжело дышал и отфыркивался комьями пены. Мальчик казался таким же загнанным, как и конь, нос и уши его покраснели от холода. Не сводя глаз с Киврин и Роша, он собрался спешиться, но Киврин его остановила.

— Сюда нельзя, — медленно, чтобы не сорваться на современный, проговорила она. — В деревне чума. — Она наставила на него лопату, будто ружье.

Мальчик, уже перекинувший ногу через спину коня, вскарабкался обратно.

— Синяя хворь, — добавила Киврин, на случай

если он не понял.

— Она повсюду, — кивнул мальчик, доставая что-то из притороченной к седлу торбы. — У меня послание. — Он протянул Рошу кожаный кошель, и священник шагнул навстречу.

— Нет! — Киврин преградила ему путь лопатой. — Брось на землю! — велела она мальчику. — Тебе нельзя к нам прикасаться.

Гонец вытащил из кошеля туго скрученный пергаментный свиток и бросил к ногам Роша.

Священник развернул послание.

— Что там говорится?

Ну да, он же неграмотный, вспомнила Киврин.

— Не знаю. Это от епископа Батского. Я должен развезти их по всем приходам.

— Дозволите мне прочитать? — попросила Киврин.

— Быть может, это от господина, — понадеялся Рош. — Шлет весточку, что задерживается.

— Да, — согласилась Киврин, понимая, что на самом деле вряд ли.

Текст был написан на латыни, замысловатой, плохо разбираемой вязью. Но это не имело значения. Киврин его уже читала. В Бодлеинке.

Закинув лопату на плечо, она огласила послание вслух, переводя с латыни:

— «Моровая язва, что катится ныне по всем городам и весям, оставила паству многих приходов и селений нашего диоцеза без священника и пастыря…»

Киврин оглянулась на Роша. «Ну уж нет. Здесь я этого не допущу».

— «Яко не найдется священников, желающих…»

Священники либо лежат мертвые, либо унесли ноги, и никого не уговоришь взять на себя их труд, поэтому люди умирают «без причащения Святых Тайн».

Киврин читала, видя перед собой вместо свежих черных строк выцветшие коричневые, которые разбирала в Бодлеинке. Тогда это послание показалось ей напыщенным и глупым. «Люди мрут как мухи, — возмущенно делилась она с мистером Дануорти, — а епископа волнует только соблюдение канона!» Однако теперь, зачитывая свиток измученному гонцу и отцу Рошу, она понимала, что каждая строчка продиктована такой же бесконечной усталостью. И отчаянием.

— «Буде кто при смерти и не окажись поблизости священника, да исповедуются друг другу. Сим письмом и именем Христовым заклинаем вас — поступайте так».

Ни мальчик, ни Рош ничего не сказали, когда она добралась до конца. Возможно, гонец все-таки знал, о чем говорится в послании. Скатав свиток, Киврин отдала его обратно.

— Я три дня в пути, — проговорил мальчик, устало ссутулившись в седле. — Неужто не пустите передохнуть?

— Здесь опасно, — ответила Киврин, борясь с жалостью. — Мы дадим еды в дорогу для тебя и коня.

Рош направился в кухню, а Киврин вдруг вспомнила про Агнес.

— Ты не видел поблизости маленькую девочку? Пятилетнюю, в красной накидке с капюшоном?

— Нет, — покачал головой гонец. — А на дорогах людно нынче. Все бегут от мора.

Рош вынес дерюжный мешок. Киврин хотела сходить за овсом для коня, и тут к ним, путаясь в длинной юбке, подбежала растрепанная Эливис.

— Не надо!.. — крикнула Киврин, но хозяйка уже повисла на поводьях коня и схватила гонца за рукав.

— Откуда ты? Не встречался ли тебе где Гэвин Фицрой?

Мальчик испуганно отшатнулся.

— Я из Бата, с посланием от епископа, — натя-

гивая поводья, ответил он. Конь заржал и мотнул головой.

— Что за послание? — истерически вскрикнула Эливис. — От Гэвина?

— Мне такой человек неведом.

— Леди Эливис… — Киврин шагнула к ней.

— Гэвин — рыцарь, ездит на черном скакуне, сбруя с серебряной чеканкой, — не выпуская поводья, тараторила Эливис. — Он отправился в Бат за моим супругом, который свидетельствует на слушании в Ассизах.

— Кто же нынче едет в Бат? — опешил мальчик. — Все, кто может, бегут оттуда.

Эливис, пошатнувшись, припала к шее коня.

— Там нет ни суда, ни закона, — продолжал гонец. — Мертвые лежат по улицам, и каждый, кто хотя бы взглянет на них, умирает тоже. Говорят, близится конец света.

Эливис выпустила поводья и, отступив на шаг, с надеждой обернулась к Рошу и Киврин.

— Значит, они вскоре будут дома? Ты точно не встречал их по дороге? Он ездит на черном скакуне.

— Там много скакунов было. — Гонец понукнул коня к Рошу, но Эливис преграждала ему путь.

Рош с мешком провизии шагнул вперед сам.

Мальчик взял мешок, перегнувшись с седла, и развернул коня, чуть не затоптав Эливис. Она даже не попыталась уклониться.

Киврин ухватила поводья.

— Не езди к епископу.

Мальчик дернул повод, испугавшись, кажется, еще больше, чем прежде испугался Эливис. Но Киврин держала крепко.

— Скачи на север. Там пока нет чумы.

Гонец пришпорил коня и галопом умчался со двора.

— Держись подальше от больших дорог! — крикнула Киврин ему вслед. — Ни с кем не разговаривай.

Эливис не трогалась с места.

— Пойдемте, — позвала ее Киврин. — Нужно отыскать Агнес.

— Мой супруг с Гэвином наверняка сперва завернули в Курси, упредить сэра Блуэта, — сказала Эливис и покорно пошла вместе с Киврин обратно в дом.

Киврин посмотрела в амбаре. Агнес там не было, зато она обнаружила свой плащ, забытый в канун Рождества. Завернувшись в него, она поднялась на чердак. Потом заглянула на пивоварню, а Рош поискал в других постройках, но

девочка будто в воду канула. Пока они разговаривали с гонцом, поднялся холодный ветер, в воздухе запахло снегом.

— Быть может, она в доме, — предположил Рош. — Ты смотрела за господским креслом?

Киврин снова поискала в доме, заглянула за тронное кресло и под кровать в светлице. Мейзри лежала, хныча, на прежнем месте, и Киврин с трудом поборола желание ее пнуть. Вместо этого она спросила про Агнес отвернувшуюся к стене коленопреклоненную Имейн.

Старуха не ответила, беззвучно шевеля губами и перебирая звенья цепочки.

Киврин потормошила ее за плечо.

— Вы не видели, она не выходила из дома?

Имейн яростно сверкнула глазами.

— Она во всем виновата!

— Агнес? — возмутилась Киврин. — В чем она может быть виновата?!

Имейн мотнула головой и устремила взгляд на Мейзри.

— Господь карает нас за растяпу служанку.

— Агнес пропала, а на дворе темнеет. Мы должны найти ее. Вы не видели, куда она пошла?

— Ее вина, — прошептала старуха, отворачиваясь к стене.

Смеркалось. В сенях завывал ветер. Киврин выбежала по тропинке между постройками на луг.

Все как в тот день, когда она впервые вышла из дома на поиски переброски. На заснеженном выпасе ни единой души, ветер рвет полы одежды. Где-то далеко-далеко на северо-востоке вызванивал колокол — тягучим погребальным звоном.

Агнес всегда манила колокольня. Киврин заглянула туда, покричала, хотя лестница просматривалась до самого колокола. Потом вышла и остановилась, окидывая взглядом лачуги и размышляя, куда могла податься девочка.

В чей-нибудь дом вряд ли, разве что очень замерзла. Щенок. Она хотела проведать могилу щенка. Киврин не успела сказать, что закопала его в лесу. Агнес просила похоронить его на погосте. Киврин и так видела, что там никого нет, но все-таки вошла в калитку.

Агнес сюда заходила. Следы маленьких ножек вели от могилы к могиле, а потом сворачивали к северной стене церкви. Киврин посмотрела вдаль, на кромку леса за холмом. «Неужели она пошла в лес? Там ее вовек не отыскать».

Она кинулась за угол церкви. Следы заворачивали обратно ко входу. Киврин открыла церковную дверь. Внутри царила почти кромеш-

ная тьма и ледяная стужа — холоднее, чем на погосте.

— Агнес! — крикнула она.

Никто не ответил, но у алтаря послышался какой-то шорох, будто мышь заскреблась в углу.

— Агнес? — вглядываясь в темноту за могилой рыцаря и в боковые проходы, повторила Киврин. — Ты здесь?

— Киврин? — пискнул дрожащий голосок.

— Агнес! — Киврин бросилась на звук. — Ты где?

Она сидела у статуи святой Катерины, сжавшись в комок между свечами в своей красной накидке с капюшоном. Широко распахнув испуганные глаза, она прижималась к грубой каменной юбке статуи. Щеки у девочки были красные и зареванные.

— Киврин! — воскликнула она, кидаясь ей на руки.

— Ты что здесь делаешь, Агнес? — вздохнув от облегчения, напустилась на нее Киврин, крепко прижимая к себе. — Мы тебя повсюду ищем.

Девочка спрятала мокрое лицо у Киврин на груди.

— Прячусь. Я водила Повозку посмотреть на моего песика и упала. — Она вытерла нос ладо-

нью. — Я тебя звала-звала, а ты не приходила.

— Я не знала, где ты, солнышко, — объяснила Киврин, гладя ее по голове. — Почему ты забралась в церковь?

— Пряталась от разбойника.

— Какого разбойника? — нахмурилась Киврин.

Тяжелая входная дверь открылась, и Агнес обхватила Киврин за шею, чуть не задушив.

— Разбойник! — истерически зашептала она.

— Отец Рош! — позвала Киврин. — Я ее нашла, мы тут.

Дверь закрылась, в темноте раздались гулкие шаги.

— Это отец Рош, — успокоила она Агнес. — Он тебя тоже искал. Мы не знали, куда ты подевалась.

Девочка слегка ослабила хватку.

— Мейзри сказала, что придет злодей-лиходей и заберет меня.

К ним подбежал запыхавшийся Рош, и Агнес снова уткнулась лбом в шею Киврин.

— Она захворала? — в тревоге спросил Рош.

— Вроде нет. Но продрогла вся. Закутайте ее в мой плащ.

Священник неуклюже снял накидку с плеч Киврин и укрыл ею Агнес.

— Я пряталась от разбойника, — изворачиваясь у Киврин на руках, сообщила девочка.

— Какого разбойника?

— Который напугал тебя в церкви. Мейзри говорит, он приходит, хватает всех и насылает синюю хворь.

— Нет никакого разбойника, — успокоила ее Киврин, думая про себя: «Вот доберусь до этой Мейзри, я из нее душу вытрясу». Она встала, и Агнес ухватилась за ее шею покрепче.

Рош ощупью добрался до боковой двери. Голубоватый свет заструился внутрь.

— Мейзри сказала, что разбойник забрал моего песика, — дрожа, пролепетала Агнес. — Но меня он не нашел. Я спряталась.

Киврин вспомнила обмякшее в ее руках черное тельце щенка со струйкой крови из уголка пасти. «Нет». Обмирая, она заторопилась к дому по снежной пустоши. «Агнес дрожит, потому что промерзла в холодной церкви». Щека, уткнувшаяся в ее шею, была как лед. «Это от слез», — сказала себе Киврин и спросила Агнес, не болит ли у нее голова.

Девочка молча не то кивнула, не то мотнула волосами, уткнувшись лбом Киврин в плечо. «Нет», — похолодела Киврин и ускорила шаг.

Мимо мажордомовой лачуги, во двор. Рош торопился следом.

— Я ведь не ходила в лес, — произнесла Агнес в сенях. — Это непослушная девочка ходила, не я.

— Да. Но все кончилось хорошо. Отец нашел ее и забрал домой. И они жили долго и счастливо, — усадив Агнес на скамью у очага, она расстегнула красную накидку.

— И больше она никогда не ходила в лес, — подсказала девочка.

— Больше никогда. — Киврин стянула с нее мокрые башмаки и чулки. — Ложись, — велела она, расстилая свой плащ рядом с очагом. — Я принесу тебе горячего супу. — Агнес послушно улеглась, и Киврин укутала ее полами плаща.

От супа Агнес отказалась и почти тотчас же заснула.

— Она простудилась, — не допускающим возражений тоном сообщила Киврин Рошу и Эливис. — Полдня на улице. Конечно, простыла.

Но когда Рош пошел служить вечерню, она раскутала Агнес и начала ощупывать под мышками и в паху. Даже перевернула и посмотрела на всякий случай, нет ли нарывов между лопаток, как у цинготного мальчонки.

Рош не звонил в колокол. Он вернулся с потре-

панным одеялом, снятым, видимо, с собственной постели, и, сбив его в тюфяк, переложил Агнес.

Вечерню звонили остальные колокола. Оксфордский и в Годстоу, и тот, что на юго-западе. Колокольная пара из Курси молчала. Киврин тревожно оглянулась на Эливис, но та не слушала звон. Она смотрела поверх Розамунды в сторону сеней.

Колокола смолкли — и тут зазвонили в Курси. Звон был странный, приглушенный и протяжный. Киврин посмотрела на Роша.

— Это погребальный?

— Нет, — глядя на Агнес, ответил он. — Эго святой праздник.

Киврин потеряла счет дням. Епископский посланник уехал рождественским утром, затем нагрянула чума, а после этого все слилось в один бесконечный день. Четверо суток, посчитала Киврин. Четверо суток прошло.

Она хотела попасть в прошлое именно под Рождество, потому что в это время много церковных праздников, любой крестьянин подскажет, какой день на дворе, и она уж точно не пропустит стыковку. «Гэвин уехал за подмогой в Бат, мистер Дануорти, — объяснила она мысленно, — а епископский посланник забрал всех лошадей, и я не

знаю, где переброска».

Эливис, встав, прислушивалась к звону.

— Это из Курси? — спросила она отца Роша.

— Да. Не бойтесь. Это день Невинных Младенцев Вифлеемских.

Избиение младенцев, подумала Киврин, глядя на Агнес. Девочка спала. Дрожать она перестала, но по-прежнему вся горела.

Стряпуха что-то выкрикнула, и Киврин зашла в выгородку, посмотреть, что с ней. Приподнявшись на своем тюфяке, она силилась встать на ноги.

— Мне надобно домой, — заявила она.

Киврин уговорила ее лечь обратно и принесла воды. В ведре почти ничего не осталось, поэтому Киврин подхватила его и направилась к двери.

— Скажи Киврин, пусть придет, — позвала вдруг Агнес, сев на одеяле.

Киврин поставила ведро на пол.

— Я здесь. — Она опустилась на колени рядом с девочкой. — Вот я, тут.

Агнес посмотрела на нее, раскрасневшаяся, сердитая.

— Если Киврин не придет, меня заберет разбойник. Позови ее!

Запись из «Книги Страшного суда»

(073453-074912)

Я пропустила стыковку. Потеряла счет дням, ухаживая за Розамундой, потом потеряла Агнес, и еще раньше потеряла переброску.

Вы, наверное, с ума сходите от беспокойства, мистер Дануорти. Думаете, что я попала в лапы разбойников и лиходеев. Так и есть. А теперь они добрались до Агнес.

У нее жар, но бубонов нет, рвоты и кашля тоже. Только жар. Очень сильный — она меня не узнает и все время зовет, чтобы я пришла. Мы с Рошем пытались сбить жар холодным обтиранием, но температура постоянно подскакивает снова.

(Пауза.)

Леди Имейн заболела. Отец Рош нашел ее сегодня утром распростертой в углу. Наверное, она пролежала там всю ночь. Последние две ночи она отказывалась отправляться в кровать и все время стояла на коленях, моля Господа защитить ее и остальных верных от чумы.

Он не защитил. У нее легочная форма. Кашель и рвота с кровью.

Ни меня, ни Роша она к себе не подпускает.

— Она во всем виновата, — заявила Имейн Рошу, указывая на меня. — Посмотри на ее волосы. Это не девица. Посмотри, как она одета.

Одета я в мальчишескую куртку и кожаные штаны, которые отыскались в одном из чердачных сундуков. Платье погибло под рвотой леди Имейн, а рубаху я разорвала на повязки и компрессы.

Рош пытался напоить Имейн отваром из ивовой коры, но она все выплюнула.

— Она лгала, что на нее напали в лесу, — шипела старуха. — Ее к нам подослали.

Рош вытер стекающую по ее подбородку струйку кровавой слюны.

— В вас говорит хворь, — возразил он мягко. — Хворь внушает вам всякую напраслину.

— Ее подослали отравить нас. Она отравила детей моего сына, видишь? А теперь подбирается ко мне, но я не возьму из ее рук ни еды, ни питья.

— Тише, — посуровел Рош. — Не след хулить того, кто хочет вам помочь.

Имейн затрясла головой.

— Она хочет прикончить нас всех. Ее надо сжечь. Она служит дьяволу.

Никогда я не видела его таким рассвирепевшим. Он будто снова превратился в разбойника.

— Вы не ведаете, что говорите. Господь послал ее к нам на подмогу.

Если бы только это было правдой — если бы я могла им чем-то помочь… Но я бессильна. Агнес плачет и зовет меня, Розамунда лежит как околдованная, клирик чернеет, и я ничего не могу поделать. Ничего.

(Пауза.)

Вся семья мажордома больна. Бубон обнаружился только у младшего, Лефрика — я перенесла его в дом и вскрыла бубон. Остальным помочь нечем. У всех легочная.

(Пауза.)

Умер младенец мажордома.

(Пауза.)

Из Курси доносится похоронный звон. Девять ударов. Кто? Посланник? Толстый монах, помогавший уводить наших лошадей? Сэр Блуэт? Надеюсь, что он.

(Пауза.)

Ужасный день. Умерла жена мажордома и цинготный мальчуган. Мажордом копает могилы для обоих, хотя земля так промерзла, что ее, по-моему, даже не ковырнешь. Розамунде и Лефрику хуже. Розамунда едва может глотать, пульс нитевидный и рваный. Агнес получше,

но температуру никак не получается сбить. Рош сегодня служил вечерню здесь, в зале.

Отчитав положенные молитвы, он добавил: «Иисусе, я знаю, что ты помогаешь нам чем можешь, однако, боюсь, против черной чумы этого недостает. Твоя святая слуга Катерина говорит, что этот мор всего лишь хворь, но разве возможно такое? Ведь она не перекидывается от человека к человеку, а нападает на всех разом».

Так и есть.

(Пауза.)

Ульф-староста.

Сибб, мажордомова дочка.

Джоан, мажордомова дочка.

Стряпуха (не знаю ее имени).

Вальтеф, старший мажордомов сын.

(Пауза.)

Больше половины деревни больны. Пожалуйста, только не Эливис. И не Рош.

Глава двадцать девятая

Он позвал на помощь, но никто не пришел, и он решил, что все умерли, а он остался один, как тот монах, брат Джон Клин, в монастыре миноритов. «Я, пребывая на пороге смерти…»

Он хотел нажать кнопку вызова сестры, но не смог ее найти. Тогда он потянулся к обнаруженному на тумбочке колокольчику. Ручка выскользнула из слабых пальцев, и колокольчик брякнулся на пол, оглашая округу протяжным несмолкающим звоном, будто кошмарное воплощение «Большого Тома», — и все равно никто не пришел.

Когда он проснулся в следующий раз, колокольчик снова стоял на тумбочке, значит, кто-то заходил, пока он спал. Близоруко прищурившись на колокольчик, он попытался прикинуть, сколько же он пролежал в отключке. Видимо, долго.

По самой палате не поймешь. Светло, но свет рассеянный, без теней. То ли день, то ли позднее утро. Часов ни на стене, ни на тумбочке не наблюдалось, а повернуться и посмотреть на экраны за спиной не хватало сил. В палате имелось окно, однако приподняться и выглянуть он тоже не

мог — видел только, что за окном льет дождь. Когда он ходил в Брэйзноуз, тоже шел дождь, значит, вероятно, это все тот же день. Может, он просто потерял сознание, и его привезли сюда на обследование.

— Я поступлю с вами так, — раздался над ухом чей-то голос.

Дануорти открыл глаза и попытался нашарить очки — безуспешно.

— Я пошлю на вас ужас, чахлость и горячку.

Миссис Гаддсон. Она сидела в кресле у его койки и зачитывала из Библии. Ни повязки, ни халата на ней не было, хотя Библия по-прежнему поблескивала полиэтиленовой обложкой. Дануорти прищурился, присматриваясь.

— Если же вы укроетесь в города ваши, то пошлю на вас язву…

— Какое сегодня число? — спросил Дануорти.

— …и преданы будете в руки врага, — невозмутимо продолжила миссис Гаддсон, посмотрев на Дануорти загадочным взглядом.

Вряд ли он здесь долго. Когда он отправлялся искать Гилкриста, миссис Гаддсон тоже развлекала больных чтением. Похоже, это действительно один и тот же день, и Мэри просто не успела еще вытолкать отсюда миссис Гаддсон.

— Вы можете глотать? — спросила сестра — та самая старуха из кладовой. — Я должна дать вам термометр, — проскрипела она. — Глотать можете?

Дануорти открыл рот, и она положила ему на язык капсулу термометра, затем, хрустя халатом, наклонила ему голову, чтобы удобнее было запивать.

— Прошла?

Капсула застряла где-то в горле, но Дануорти кивнул. Движение отозвалось головной болью.

— Хорошо. Тогда это снимаю. — Она отстегнула что-то от его предплечья.

— Сколько времени? — спросил Дануорти, стараясь не выплюнуть капсулу.

— Время лежать и отдыхать, — ответила сестра, с дальнозорким прищуром вглядываясь в экраны за кроватью.

— Какое сегодня число? — сделал он еще попытку, но сестра уже уковыляла. Он задал тот же вопрос миссис Гаддсон, однако и ее в палате уже не было.

Вряд ли он здесь долго. Раз по-прежнему болит голова и держится температура. Это ведь ранние симптомы гриппа. Может, его всего несколько часов как госпитализировали. Наверное, день все

тот же, а он очнулся, когда его перевезли в палату и еще не успели ни подключить кнопку вызова, ни скормить глотательный термометр.

— Пора мерить температуру, — объявила сестра. Уже другая, симпатичная практикантка, которая расспрашивала об Уильяме Гаддсоне.

— Я ведь только что проглотил капсулу.

— Это было вчера. Давайте, запиваем.

Первокурсник, дежуривший у палаты Бадри, говорил, что девушка тоже заболела.

— Я думал, вы заболели, — сказал Дануорти.

— Болела, но уже поправилась. И вы поправитесь. — Она приподняла ему голову, помогая отпить воды.

— Какое сегодня число?

— Одиннадцатое. Не сразу сообразила. Тут под конец настоящий хаос наступил. Почти весь персонал слег, остальные работали по две смены. Потеряла счет дням.

Она что-то набрала на клавиатуре и, нахмурившись, посмотрела на экраны.

Дануорти понял все и сам, еще до того, как потянулся за колокольчиком. Температура и жар сплавили все бредовые ночи и накачанные лекарствами утра в один бесконечный дождливый день, выпавший у него из памяти, но где-то в

глубине сознания шел отсчет времени, поэтому Дануорти все понял еще до того, как услышал ответ. Он пропустил стыковку.

«Не было никакой стыковки», — возразил он сам себе с горечью. Гилкрист вырубил сеть. Поэтому здоров он или болен, мог он прийти или нет — значения не имеет. Сеть выключена, и ничего не поделаешь.

Одиннадцатое января. Сколько же Киврин прождала на переброске? День? Два? Три? Прежде чем начала беспокоиться, что перепугала дату или место. Просидела всю ночь у Оксфордско-Батской дороги, закутавшись в свою непрактичную белую накидку и боясь развести костер из страха, что на огонь выйдут разбойники или волки. Или крестьяне, бегущие от чумы. Когда она поняла окончательно, что ее никто не заберет?

— Вам что-нибудь принести? — спросила сестра, вставляя носик шприца в катетер.

— Это снотворное?

— Да.

— Хорошо. — Дануорти благодарно закрыл глаза.

Проспал он несколько минут, а может, день — или месяц.

Свет, дождь, отсутствие теней — все осталось

по-прежнему. В кресле у койки сидел Колин, читая книгу, подаренную на Рождество, и что-то перекатывая во рту. «Нет, не могло столько времени пройти, — подумал Дануорти, глядя на него, — раз леденец все еще с нами».

— Супер, — сказал Колин, со стуком захлопывая книгу. — Эта жуткая сестра разрешила мне остаться, только если я пообещаю вас не будить, а я ведь и не будил? Скажете ей, что сами проснулись, хорошо?

Он вытащил леденец, проинспектировал его и сунул в карман.

— Вы ее видели? Она сама небось из Средних веков. Такая же некрозная, как миссис Гаддсон.

Дануорти посмотрел на него вприщур. Куртка, в карман которой отправился леденец, новая, зеленая, и серый клетчатый шарф на ее фоне смотрится еще более унылым, и Колин в ней кажется старше, словно повзрослел, пока он тут спал.

— Это я, Колин, — нахмурился мальчик. — Вы меня узнаете?

— Конечно. Почему ты без маски?

— А мне не надо, — заулыбался Колин. — И потом, вы все равно уже не заразны. Дать вам очки?

Дануорти осторожно кивнул, чтобы снова не заболела голова.

— В прошлые разы, когда вы просыпались, вы совсем меня не узнавали. — Он вытащил очки из выдвижного ящика и отдал их Дануорти. — Вам жутко плохо было. Я думал, вы уже не поднимете. И еще вы все время звали меня Киврин.

— Какое сегодня число? — спросил Дануорти.

— Двенадцатое, — буркнул Колин. — Вы ведь меня уже утром спрашивали. Не помните?

— Нет. — Дануорти надел очки.

— Вы вообще ничего не помните из того, что за это время было?

«Помню, что подвел Киврин. Что бросил ее в 1348-м».

Колин подвинулся поближе вместе с креслом и положил книгу на кровать.

— Сестра предупреждала, что так будет — из-за температуры. — Колин будто сердился на Дануорти. — Она не пускала меня к вам и ничего не рассказывала. По-моему, это жутко нечестно. Запихивают человека в приемную, потом все время гонят домой, потому что «тебе тут делать нечего», а на все вопросы отвечают: «Сейчас придет врач» — и ничего толком не говорят. Как с маленьким. Человек имеет право знать или как? Представля-

ете, что сегодня утром эта сестра сделала? Просто взяла и выставила меня. Сказала: «Мистеру Дануорти очень плохо. Не надо его волновать». Можно подумать, я собирался.

Несмотря на возмущение, Колин выглядел усталым, подавленным. Дануорти представил, как он слоняется по коридорам и просиживает в приемной в ожидании новостей. Неудивительно, что у него такой повзрослевший вид.

— А миссис Гаддсон сейчас сказала, что вам нужно рассказывать только хорошие новости, потому что от плохих у вас может случиться рецидив, и вы умрете — и все из-за меня.

— Миссис Гаддсон, я гляжу, по-прежнему мастерица повышать настроение, — заметил Дануорти с улыбкой. — Как думаешь, есть у нее шансы заразиться и полежать немного?

Колин вытаращил глаза.

— Эпидемия закончилась. На следующей неделе карантин снимают.

Значит, стараниями Мэри аналог все же прибыл. Насколько вовремя, хотелось бы знать… Успели они спасти Бадри? Или это и есть плохие новости, о которых не велела говорить миссис Гаддсон? «Самое худшее я уже знаю», — подумал Дануорти. Привязка сорвана, Киврин осталась

в 1348-м.

— Тогда расскажи что-нибудь хорошее.

— Ну, уже третий день новых больных не поступало. И поставки наконец разрешили, так что хоть еда нормальная появилась.

— И обновок тебе перепало, как я вижу.

Колин посмотрел на свою зеленую куртку.

— Это рождественский подарок от мамы. Она их выслала после… — Он осекся, помрачнев. — Еще она прислала разных визиков и масок-нашлепок.

Дожидалась окончательного завершения эпидемии и никак не могла отправить подарки раньше? Интересно, что на это сказала Мэри?

— Вот, видите, — продемонстрировал Колин, вставая, — она застегивается автоматически. Надо только на кнопку нажать. Поэтому вам больше не придется все время напоминать, чтобы я застегнулся.

В палату, шурша крахмальными складками, прошествовала сестра.

— Это он вас разбудил?

— Вот, говорил же, — буркнул Колин себе под нос. — Нет, мэм, это не я. Я сидел тише мыши, даже страницами не шелестел.

— Он меня не будил и он мне не мешает, —

заверил Дануорти, предупреждая дальнейшие вопросы. — И рассказывает только хорошее.

— Ты вообще не должен докучать мистеру Дануорти рассказами. Ему нужно отдыхать. — Сестра подвесила на капельницу баллон с прозрачной жидкостью. — Больной еще недостаточно выздоровел для посещений. — Она стала выпроваживать Колина из палаты.

— Если вы против посещений, то почему пускаете к нему миссис Гаддсон с Библией? — запротестовал Колин. — От нее любой заболеет. — Он остановился в дверях, сердито глядя на сестру. — Я завтра приду. Вам что-нибудь принести?

— Как там Бадри? — спросил Дануорти, внутренне сжимаясь.

— Лучше, — ответил Колин. — Он почти поправился, а потом случился рецидив. Но теперь уже гораздо лучше. И он хочет с вами увидеться.

— Нет, — начал Дануорти, но сестра уже закрыла дверь.

«Бадри не виноват», — говорила Мэри. Она права. Дезориентация — один из первых симптомов. Он вспомнил, как сам не мог правильно набрать номер Эндрюса и как мисс Пьянтини раз за разом сбивалась на репетиции, снова и снова бормоча «Простите!».

— Простите, — проговорил Дануорти. Бадри не виноват. Винить нужно только себя. Это он, беспокоясь за расчеты стажера, заразил своими страхами Бадри. Так беспокоился, что Бадри решил ввести координаты заново.

Колин оставил на койке свою книгу. Дануорти подтянул ее к себе — она оказалась немыслимо тяжелой, такой тяжелой, что рука задрожала под ее весом, но он облокотил ее на поручень и принялся листать, едва разбирая текст под таким углом, пока не отыскал то, что хотел.

Черная смерть докатилась до Оксфорда под Рождество, вынудив закрыть университет и обратив в бегство тех, кто еще держался на ногах. Жители рассыпались по ближайшим деревням, неся чуму с собой. Те, кто не мог бежать, умирали тысячами, и «некому оставалось смотреть за хозяйством и хоронить мертвых». А немногие уцелевшие баррикадировались в колледжах, прячась и ища виноватых.

Он заснул прямо в очках и проснулся, когда сестра стала их снимать. Это была уже другая сестра, Уильямова блондинка, и она улыбалась.

— Простите, — сказала она, убирая очки в ящик. — Не хотела вас будить.

Дануорти близоруко сощурился.

— Колин говорит, эпидемия кончилась?

— Да, — подтвердила она, глядя на экраны за спиной Дануорти. — Источник вируса установили одновременно с получением аналога, и как раз вовремя. Вероятностные подсчеты давали восемьдесят пять процентов смертности при тридцати двух даже с антибиотиками и Т-клеточным наращиванием, и это еще без учета всеобщего дефицита и нехватки рук. Но и с аналогом смертность составила девятнадцать процентов, и многие пациенты до сих пор в критическом состоянии.

Она взяла его запястье, не сводя глаз с экранов.

— Температуру слегка сбили, — прокомментировала она. — Вам ведь на самом деле очень повезло. На уже заразившихся аналог не действовал. Доктор Аренс… — Она осеклась. «Что же, интересно знать, сказала Мэри? Что он уже не поднимется?» — Вам очень повезло, — повторила девушка. — А теперь поспите.

Он заснул, а когда опять проснулся, над ним с Библией наперевес стояла миссис Гаддсон.

— «И наведет на тебя все язвы Египетские, — начала она, едва он открыл глаза. — И всякую болезнь и всякую язву, доколе не будешь истреблен».

— И преданы будете в руки врага, — пробормотал Дануорти.

— Что? — грозно спросила миссис Гаддсон.

— Ничего.

Она потеряла строчку и принялась листать страницы туда-сюда в поисках новых упоминаний о язвах и морах.

— «Что Бог послал в мир единородного Сына своего…»

Никогда бы не послал, знай он, что будет дальше, подумал Дануорти. Ирод, и избиение младенцев, и Гефсиманский сад.

— Прочтите мне из Матфея, — попросил он. — Глава двадцать шестая, стих тридцать девятый.

Миссис Гаддсон недовольно умолкла, но все же отлистала к Евангелию от Матфея.

— «И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: „Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия“».

Господь не знал, где он, подумал Дануорти. Он послал своего единородного сына к людям, а потом что-то случилось с привязкой, кто-то выключил сеть, и Он потерял связь с сыном, и того арестовали, надели на него терновый венец и распяли на кресте.

— Глава двадцать седьмая, — велел он, — стих

сорок шестой.

Миссис Гаддсон с поджатыми губами перевернула страницу.

— Мне кажется, это не самые подходящие главы для…

— Читайте.

— «А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: „Или, Или! лама савахфани?“ — то есть: „Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?“»

Киврин будет теряться в догадках. Решит, что перепутала место или время, что из-за чумы потеряла счет дням, что возникли какие-то сбои в сети. Подумает, что ее бросили.

— Все? — спросила миссис Гаддсон. — Или будут еще пожелания?

— Нет.

Миссис Гаддсон вернулась к Ветхому Завету.

— «Падут они от меча, голода и моровой язвы. Кто вдали, тот умрет от моровой язвы».

Несмотря ни на что, он все-таки заснул, а когда открыл глаза, бесконечный день наконец чем-то сменился. За окном по-прежнему шел дождь, однако в палате появились тени, и колокол отзвонил четыре часа. Зашла Уильямова медсестра, проводить больного в туалет. Книга куда-то ис-

чезла — может, Колин наведывался? Но когда сестра полезла в тумбочку за тапками, Дануорти увидел книгу внутри, на полке. Попросив сестру поднять спинку кровати в сидячее положение, он надел очки и снова раскрыл тяжелый том.

Чума распространялась так беспорядочно, так стремительно, что современники не верили в ее естественное происхождение. Они обвиняли евреев, прокаженных и душевнобольных в колдовстве и порче воды в колодцах. Все незнакомое, все чужестранное попадало под подозрение автоматически. В Суссексе закидали камнями двух путников. В Йоркшире молодую женщину сожгли на костре.

— Вот она куда подевалась, — сказал Колин, входя. — А я уж думал, что потерял ее.

Он был в зеленой куртке и весь мокрый.

— Относил футляры с колокольчиками в Реформистскую — мисс Тейлор просила. А там просто потоп.

У мистера Дануорти отлегло от сердца при упоминании о мисс Тейлор, и он только теперь осознал, что не спрашивал ни про кого из карантинных, боясь услышать страшное.

— Значит, с мисс Тейлор все в порядке?

Колин нажал кнопку, и куртка расстегнулась,

окатив всю палату брызгами.

— Да. Они играют какой-то там свой концерт в Реформистской пятнадцатого.

Изогнувшись, он посмотрел, что именно читает Дануорти. Тот захлопнул книгу и отдал ему.

— А остальные звонари? Мисс Пьянтини.

— Ее еще не выписали, — кивнул Колин. — Так похудела, вы ее не узнаете. — Он открыл книгу. — Вы читали про чуму, да?

— Да. Мистеру Финчу удалось уберечься?

— Удалось. Он все это время заменяет мисс Пьянтини на теноре. Очень расстраивается. Туалетная бумага из Лондона не пришла, и он боится, что наши запасы почти на исходе. Поссорился из-за бумаги с миссис Гадостью. — Он уложил книгу обратно на кровать. — А что теперь будет с вашей Киврин?

— Не знаю, — ответил Дануорти.

— И никак нельзя ее вытащить?

— Нет.

— Чума — это жутко, — сказал Колин. — Столько народу умерло, что их даже не хоронили. Оставляли лежать на улицах штабелями.

— Я не могу к ней попасть, Колин. Привязка сорвалась, когда Гилкрист выключил сеть.

— Знаю, но неужели ничего нельзя сделать?

— Нет.

— Но…

— Я поставлю перед вашим врачом вопрос о сокращении числа посетителей, — сурово заявила сестра, выволакивая Колина за шиворот.

— Тогда сократите первым делом миссис Гаддсон, — попросил мистер Дануорти. — И передайте Мэри, что я хочу с ней увидеться.

Мэри не пришла, зато пришла Монтойя — судя по всему, прямо с раскопок, по колено в грязи. Даже ее кудрявые волосы поседели от глиняной пыли. С ней пробрался Колин, в основательно промокшей зеленой куртке.

— Нам пришлось проникать тайком, пока эта не видела, — пояснил мальчик.

Монтойя тоже сильно потеряла в весе. Электронные часы болтались на похудевшем запястье.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Лучше, — соврал Дануорти, глядя на ее руки. Под ногтями чернела каемка. — А вы?

— Лучше.

Наверное, прямо с больничной койки отправилась на раскопки искать диктофон. А теперь пришла сюда.

— Она умерла, да? — спросил Дануорти.

Пальцы Монтойи сжались на спинке кровати, потом разжались.

— Да.

Значит, Киврин все-таки перебросилась правильно. Пространственное расхождение не превысило нескольких километров — или даже метров, и она отыскала Оксфордско-Батскую дорогу. Отыскала Скендгейт. И там умерла от гриппа, подхваченного еще до отправки в прошлое. Или от голода после чумы. Или отчаяния. Ее нет в живых уже семь сотен лет.

— Вы его нашли, — констатировал Дануорти.

— Что нашли? — не понял Колин.

— Диктофон Киврин.

— Нет, — ответила Монтойя.

Легче не стало.

— Но найдете.

Ее руки на спинке кровати слегка задрожали.

— Она сама меня просила. В день переброски. Это она предложила сделать диктофон в форме костной шпоры, чтобы записи сохранились даже в самом крайнем случае. «Мистер Дануорти напрасно беспокоится, — сказала она, — но если что-то случится, я попытаюсь устроить, чтобы меня похоронили на погосте, и тогда вам… — голос Монтойи дрогнул, — не придется перекапывать

пол-Англии».

Дануорти закрыл глаза.

— Но ведь вы не нашли диктофон, откуда же вы знаете, что она умерла? — возмутился Колин. — Вы говорите, что даже точное местоположение ее неизвестно. Почему вы так уверены, что она умерла?

— Мы проводили эксперименты с лабораторными крысами на раскопе. Для заражения достаточно проконтактировать с вирусом в течение пятнадцати минут. Киврин провела у саркофага около трех часов. Вероятность того, что она заразилась, — семьдесят пять процентов, а учитывая слабо развитую медицину XIV века, осложнений было не миновать.

Слабо развитая медицина. В этом веке людей лечили пиявками и толчеными рубинами, о стерилизации, бациллах и Т-лимфоцитах и знать не знали. Они шлепали бы на Киврин грязные компрессы, бормотали молитвы и вскрывали ей вены. «И врачи отворяли им кровь, — говорилось в книге Колина, — но многим не помогло и это».

— Без антибиотиков и Т-клеточного наращивания, — продолжала Монтойя, — смертность от этого вируса доходит до сорока девяти процентов. Вероятностные подсчеты…

— Вероятностные подсчеты… — с горечью подхватил Дануорти. — Это Гилкрист вычислил?

Монтойя оглянулась на Колина и сдвинула брови.

— Семьдесят пять процентов, что Киврин подхватила вирус, и шестьдесят восемь, что она попала на зачумленную территорию. Смертельность бубонной чумы — девяносто один процент, а уровень смертности…

— Чумой она не могла заразиться, — перебил Дануорти. — Ей сделали прививку. Разве доктор Аренс и Гилкрист не говорили?

Монтойя снова оглянулась на Колина.

— Мне не велели ему рассказывать, — воинственно заявил мальчик.

— О чем? Что, Гилкрист заболел? — Дануорти вспомнил, как повалился прямо Гилкристу в объятия. Неужели заразил его тогда?

— Мистер Гилкрист скончался от гриппа три дня назад, — сказала Монтойя.

Дануорти посмотрел на Колина.

— Чем еще тебе велели меня не волновать? Кто еще умер, пока я болел?

Монтойя сделала предостерегающий жест, но было уже поздно.

— Бабушка Мэри, — ответил Колин.

Запись из «Книги Страшного суда»

(077076-078924)

Мейзри сбежала. Мы с Рошем обыскали все и вся — вдруг она заползла в какой-нибудь угол и лежит там без чувств, но мажордом, оказывается, видел, копая могилу для Вальтефа, как она неслась в сторону леса. Верхом на пони Агнес.

Она только распространит болезнь или застрянет в какой-нибудь деревне, где тоже все болеют. Чума повсюду вокруг нас. Колокола звонят со всех сторон, будто к вечерне, только не в лад, словно звонари посходили с ума. И не разобрать, девять там ударов или три. Колокольная пара из Курси отбила сегодня один удар. Неужели какая-нибудь из хохотушек, игравших с Розамундой?

Она все так же без сознания, пульс едва прощупывается. Агнес бьется и кричит в бреду. Зовет меня, а сама не подпускает. Когда пытаюсь с ней заговорить, выгибается и визжит, как в припадке.

Эливис падает с ног, ухаживая за Агнес и леди Имейн, которая при виде меня вопит: «Дьявол!» и утром чуть не подбила мне глаз. Единственный, кто дает к себе подойти, это клирик, которому

уже все равно. Он не продержится и дня. От него так смердит, что пришлось перенести его в самый дальний угол. Бубон его снова начал гноиться.

(Пауза.)

Гунни, второй сын мажордома.

Женщина с золотушной шеей.

Папаша Мейзри.

Служка Роша, Коб.

(Пауза.)

Леди Имейн очень плоха. Отец Рош пытался ее соборовать, но она отказалась исповедаться.

— Нужно примириться с Господом перед смертью, — увещевал священник. Имейн отвернулась стене со словами: «Он во всем виноват».

(Пауза.)

Тридцать один заболевший. Больше семидесяти пяти процентов. Рош сегодня освятил часть луга, потому что в ограде уже некуда хоронить.

Мейзри не вернулась. Наверное, спит в тронном кресле какого-нибудь другого брошенного поместья, а когда все закончится, провозгласит себя потомком древнего знатного рода.

Вот, наверное, почему наше время такое никудышное, мистер Дануорти. Оно берет начало от Мейзри и сэров Блуэтов. А все хорошие люди, которые не щадили себя, как Рош, заразились

и умерли.

(Пауза.)

Леди Имейн без сознания, Рош читает над ней отходную. Я ему велела, объяснив, что в ней говорит хворь и ее душа не отвернулась от Господа. Может быть, это неправда, и может, она не заслуживает прощения, но и обратного не заслуживает. Она отравлена болезнью и гниет изнутри. Она винит Бога, я виню ее, а ведь на самом деле не виноват никто. Это просто болезнь.

Освященное вино закончилось, оливковое масло тоже. Рош использует для помазания кухонное. У него прогорклый запах. Там, где Рош касался висков и ладоней Имейн, кожа чернеет.

Просто болезнь.

(Пауза.)

Агнес хуже. На нее страшно смотреть, она тяжело дышит, как тот несчастный щенок, и скулит: «Пусть Киврин меня заберет отсюда! Здесь плохо!»

Даже Рошу это невыносимо.

— Почему Господь нас так наказывает?

— Это не кара, это хворь, — повторила я, но это не ответ, и Рош это знает.

Вся Европа это знает, и Церковь тоже. Еще несколько столетий она продержится, сочиняя

отговорки, но не сможет изгладить из памяти самое главное — что Он это допустил. Что Он никого не спасает.

(Пауза.)

Колокола смолкли. Рош спросил, не значит ли это, что чуме конец.

— Может, Господь все же пришел нас спасти?

Вряд ли. В Турне церковные власти своим указом запретили звонить в колокола, чтобы звон не пугал людей. Возможно, епископ Батский последовал их примеру.

Звон пугал, но тишина еще страшнее. Это похоже на конец света.

Глава тридцатая

Почти все время, что он проболел, Мэри была мертва. Слегла в тот день, когда прибыл аналог. У нее почти сразу развилось воспаление легких, и на второй день остановилось сердце. Шестого января. Крещение.

— Ты должен был мне сказать.

— Я вам говорил. Вы разве не помните?

Он не помнил. И его не насторожило ни присутствие миссис Гаддсон, ни возмущение Колина тем, что «они вообще ничего не рассказывают». Ему даже не показалось странным, что Мэри не приходит его навестить.

— Я говорил, когда она заболела, — продолжал Колин. — И когда она умерла. Но вы были слишком больны и ничего не слышали.

Он представил, как Колин ждет под дверью ее палаты, потом приходит сюда и стоит у койки, пытаясь ему рассказать.

— Прости меня, Колин.

— Вы не виноваты, что заболели, — ответил мальчик. — Вы ведь не нарочно.

Он сам говорил это мисс Тейлор, и она ему не поверила, как сейчас он не верит Колину. Да и

Колин, похоже, не верит.

— Ничего. Все помогали, кроме этой сестры. Она не разрешала вам рассказать даже после того, как вы пошли на поправку. А остальные все помогали, кроме миссис Гадости. Она все время зачитывала мне из Библии про то, как Господь карает нечестивых. Мистер Финч позвонил маме, но она не могла приехать, поэтому похороны он организовывал сам. Он очень помог. И американки тоже. Они угощали меня конфетами.

— Прости, — повторил Дануорти. И еще раз повторил, когда Колина вывела древняя сестра.

Мальчик не возвращался, и Дануорти не знал, то ли сестра ему запретила, то ли, несмотря на извинения, он его все-таки не простил.

Он бросил Колина. Отключился и оставил его на растерзание миссис Гаддсон, сестрам и врачам, которые держали его в неведении. Он скрылся вне зоны доступа, как Бейсингейм, уехавший за своим лососем на какую-то безвестную шотландскую речку. И что бы Колин ни говорил, на самом деле он считает, что Дануорти мог бы и помочь, несмотря на все болезни — захоти он помочь по-настоящему.

— Вы тоже думаете, что Киврин умерла? — спросил Колин после ухода Монтойи.

— Боюсь, что да.

— Но ведь вы сами говорили, что чума ей не грозит. А если она жива? Если она и сейчас ждет на стыковке?

— Она заразилась гриппом, Колин.

— Но ведь вы тоже. И живы. Может, и она жива. Я думаю, вам надо поговорить с Бадри, вдруг он что-нибудь придумает. Как включить машину обратно или еще что-нибудь.

— Ты не понимаешь. Это ведь не фонарик. Привязку нельзя включить и выключить.

— Тогда, может быть, он установит другую. Новую. На то же самое время.

На то же самое время. Переброску, даже с уже известными координатами, надо настраивать не один день. А координат у Бадри нет. Только дата. Он может создать новые на основе этой даты, если пространственные не изменились, и если Бадри в горячке не запорол и их тоже, и если парадоксы вообще допустят повторную переброску.

Все это Колину не объяснишь, как и то, что Киврин вряд ли смогла переболеть гриппом в столетии, где самый ходовой метод лечения — это кровопускание.

— Не выйдет, Колин, — сказал он, вдруг разом устав от объяснений. — Прости.

— То есть вы ее там просто бросите? Живую или мертвую? И даже говорить с Бадри не будете?

— Колин…

— Бабушка Мэри боролась за вас до конца! Она не сдавалась.

— Что здесь происходит? — проскрипела вошедшая в палату сестра. — Я буду вынуждена попросить вас удалиться, если вы продолжите нервировать больного.

— Я и так ухожу! — Колин выскочил.

Днем он не пришел, вечером тоже, и на следующее утро тоже нет.

— Ко мне еще пускают посетителей? — спросил Дануорти Уильямову медсестру, заступившую на дежурство.

— Да, — ответила она, глядя на экраны. — Там как раз кто-то дожидается.

Это оказалась миссис Гаддсон. С заранее раскрытой Библией.

— От Луки, двадцать третья, двадцать третий, — мстительно сверкнув глазами, объявила она. — Раз вас так интересует Распятие. «И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его».

Если бы Господь знал, где его сын, он бы никогда не позволил сотворить с ним такое, подумал

Дануорти. Он бы его вытащил. Явился бы за ним и спас.

Во времена чумы людям казалось, что Господь от них отвернулся. «Почему ты отворотил лик свой? — писали они. — Почему не внемлешь нашему воплю?» А если он их просто не слышал? Лежал без сознания больной на небесах, беспомощный, не в силах прийти?

— «И сделалась тьма по всей земле до часа девятого, — читала миссис Гаддсон, — и померкло солнце».

Современники верили, что настал конец света, Судный день, и дьявол восторжествовал над землей. «Так и есть, — согласился Дануорти. — Восторжествовал и выключил сеть. Потерял привязку».

Он подумал о Гилкристе. Как он, осознал перед смертью, что натворил, или тоже лежал в беспамятстве, не ведая, что убил Киврин?

— «И вывел их Иисус вон до Вифании и, подняв руки Свои, благословил их. И, когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо».

Его забрали, вознесли на небо. Господь все-таки пришел за ним. Но поздно. Слишком поздно.

Миссис Гаддсон читала до самого прихода Уи-

льямовой медсестры.

— Дневной сон, — объявила девушка, выпроваживая миссис Гаддсон. Вытащив из-под головы мистера Дануорти подушку, она взбила ее несколькими энергичными ударами.

— Колин приходил? — спросил мистер Дануорти.

— Я его не видела со вчерашнего дня, — подкладывая подушку обратно, ответила сестра. — А сейчас постарайтесь поспать.

— И мисс Монтойя не заглядывала?

— Со вчера — нет. — Девушка выдала ему капсулу и бумажный стаканчик с водой.

— Мне ничего не передавали?

— Нет, — покачала она головой, забирая пустой стаканчик. — Вы поспите.

Не передавали. «Я постараюсь устроить так, чтобы меня похоронили на погосте», — пообещала Киврин Монтойе, но на погостах не хватало места. Чумных закапывали во рвах, в канавах. Кидали в реки. Под конец перестали хоронить вовсе. Складывали трупы штабелями и поджигали.

Монтойе не отыскать диктофон вовек. А если и отыщет, что там будет записано? «Я пришла на переброску, но сеть не открылась. В чем дело?» Срывающийся на крик, полный панического

страха, обвиняющий голос Киврин: «Элои! Элои! Для чего ты меня оставил?»

Медсестра заставила его покинуть койку и пообедать, сидя в кресле. Когда он доедал свой компот из чернослива, пришел Финч.

— Консервированные фрукты почти закончились, — сообщил он, указывая на поднос Дануорти. — И туалетная бумага. Не представляю, с чем мы будем семестр начинать. — Он присел на край койки. — Университет назначил начало семестра на двадцать пятое, мы к тому времени просто не успеем подготовиться. В Сальвине еще пятнадцать человек больных, всеобщую иммунизацию только-только запустили, и я не стал бы с такой уверенностью утверждать, что больше никто не заболеет.

— Как там Колин? — спросил Дануорти. — С ним все в порядке?

— Да, сэр. Захандрил после кончины доктора Аренс, потом несколько приободрился, когда вы пошли на поправку.

— Я хотел вас поблагодарить, что присмотрели за ним и помогли. Колин сказал, что это вы организовывали похороны.

— Мне только в радость помочь, сэр. У него ведь больше никого нет. Я был уверен, что его

мать приедет, раз опасность миновала, но она сказала, что не управится за такой короткий срок. Зато прислала восхитительные цветы. Лилии и лазерные. Отпевание проводили в Баллиольской часовне. — Он неловко поерзал. — Да, и кстати о часовне… Я надеюсь, вы не будете возражать: я разрешил реформистам устроить там колокольный концерт пятнадцатого. Американки будут исполнять «Наконец грядет спаситель» Рембо, а Реформистскую церковь Госздрав реквизировал под центр иммунизации. Надеюсь, ничего страшного?

— Конечно, — ответил Дануорти, думая о Мэри. Звонили на ее похоронах в колокол?

— Или попросить их перебраться в церковь Святой Марии? — встревоженно уточнил Финч.

— Нет, что вы, не нужно. Часовня отлично подойдет. Вы, похоже, без меня огромную работу провернули.

— Я старался, сэр. Хотя с миссис Гаддсон, конечно, сложновато. — Он встал. — Все, не буду больше мешать, вам ведь нужно отдохнуть. Могу я что-нибудь для вас сделать? Принести что-нибудь?

— Нет, — покачал головой Дануорти. — Что тут сделаешь.

У самой двери Финч обернулся.

— Да, и примите, пожалуйста, мои соболезнования, мистер Дануорти, — пробормотал он смущенно. — Я знаю, как вы дружили с доктором Аренс.

«Дружили, — подумал Дануорти, когда Финч вышел. — Хороший из меня друг». Он попытался вызвать в памяти картину, где Мэри склоняется над его койкой, скармливает ему капсульный термометр, тревожно смотрит на экраны; представить, как Колин, стоя у его кровати в новой зеленой куртке и своем сером шарфе, твердит: «Бабушка Мэри умерла. Умерла. Вы меня слышите?» Но ничего не вспоминалось. Совсем ничего.

Пришла сестра и повесила еще одну капельницу, от которой он провалился в сон, а когда проснулся, ему вдруг резко стало лучше.

— Это Т-клеточное наращивание действует, — объяснила Уильямова медсестра. — Мы такое уже у многих наблюдали. Иногда буквально за ночь человека на ноги поднимает.

Она отвела его в туалет, а после обеда заставила пройтись по коридору.

— Чем дальше пройдете, тем лучше, — опустившись на колени, она надела ему тапки.

«Никуда я не пойду, — подумал Дануорти. —

Гилкрист выключил сеть».

Сестра примотала к его плечу капельницу, прицепила к ней переносной мониторчик и помогла надеть халат.

— А депрессия — это не страшно, — успокоила она, поддерживая его под локоть. — Просто остаточный симптом после гриппа. Пройдет, как только восстановится химический баланс.

Она вывела его в коридор.

— Вы, наверное, хотите навестить кого-нибудь из знакомых? В самом конце коридора лежат двое из Баллиола. Мисс Пьянтини на четвертой койке. Ее бы не помешало слегка приободрить.

— А мистер Латимер… — Дануорти запнулся. — Мистер Латимер еще в больнице?

— Да, — ответила сестра, и по ее голосу он понял, что старик так и не оправился от инсульта. — Через две палаты.

Дануорти добрел по коридору до палаты Латимера. Он ни разу не навестил старика в больнице — сначала ждал звонка от Эндрюса, а потом закончились СЗК. Мэри говорила, что у него полный паралич и утрата всех функций.

Он толкнул дверь в палату. Латимер лежал вытянув руки по швам, слегка отставив левую, чтобы поместились трубки капельниц. От носа и

горла тоже тянулись трубки, а от головы и груди — провода к экранам над кроватью. Они наполовину закрывали его лицо, но старика это вовсе, казалось, не беспокоило.

— Латимер? — позвал Дануорти, подходя к койке.

Он не слышал. В раскрытых глазах не мелькнуло ничего, и лицо под переплетением трубок и проводов осталось неподвижным. Старик будто унесся мыслями далеко-далеко, пытаясь, например, вспомнить строчку из Чосера.

— Мистер Латимер, — позвал Дануорти погромче и посмотрел на экраны. Там тоже ничего не изменилось.

«Он ничего не знает», — подумал Дануорти, опираясь рукой на спинку кресла.

— Вы ведь не знаете, что за это время произошло? Мэри умерла. Киврин в 1348-м, — наблюдая за экранами, рассказал он. — А вы даже не в курсе. Гилкрист выключил сеть.

На экранах ничего не дрогнуло. Линии невозмутимо ползли по темному фону как ни в чем не бывало.

— Вы с Гилкристом послали ее на черную смерть! — прокричал Дануорти. — А теперь лежите тут… — осекшись, он опустился в кресло.

«Я вам говорил, что бабушка Мэри умерла, но вы были слишком больны и ничего не слышали». Колин пытался до него докричаться, а он лежал, как сейчас Латимер, глухой и бесчувственный ко всему.

«Колин никогда не простит меня. Как не простит матери за то, что не приехала на похороны. Как там Финч сказал? Не управится за такой короткий срок?» Он представил Колина, стоящего в одиночестве у гроба, заваленного лилиями и лазерными цветами. И никого из близких вокруг, только миссис Гаддсон и звонари.

«Мама не смогла приехать», — сказал Колин, сам не особенно в это веря. Конечно, если бы захотела по-настоящему, то приехала бы.

«Он никогда меня не простит. И Киврин не простит. Она взрослее Колина, она придумает сотню форс-мажорных обстоятельств и где-то даже угадает. Но в глубине души, оставшись на растерзание разбойникам с лиходеями и чуме, она ни за что не поверит, что я не смог за ней прийти. Если бы по-настоящему захотел».

Дануорти с усилием поднялся, держась за кресло, и, не глядя на Латимера и экраны, двинулся обратно в коридор. Увидев у стены пустую каталку, он прислонился к ней на минуту.

Из соседней палаты вышла миссис Гаддсон.

— Вот вы где, мистер Дануорти! А я как раз шла вам почитать. — Она раскрыла Библию. — Вам разве разрешили подниматься?

— Да.

— Ну, я рада, что вы наконец идете на поправку. В ваше отсутствие все просто по швам поехало.

— Да.

— И прошу вас, повлияйте как-то на мистера Финча. Он позволил американкам репетировать в любое время дня и ночи, а когда я пожаловалась на этот бесконечный трезвон, он мне нахамил. А еще он приставил моего Уилли ухаживать за больными. Уилли! Который заражается от каждого чиха! Это чудо, что он до сих пор не слег с этим гриппом.

Действительно, чудо, подумал Дануорти, учитывая количество потенциально заразных девиц, с которыми Уилли успел перецеловаться за время эпидемии. Интересно, как вероятностные подсчеты оценили бы его шансы остаться невредимым?

— И тут мистер Финч со своими заданиями! — возмущалась миссис Гаддсон. — Я, конечно, не позволила. «Я запрещаю вам своими безответственными действиями подвергать опасности

здоровье Уилли, — заявила я ему. — И не думайте, что я буду стоять сложа руки, когда моему сыну грозит смертельная опасность».

— Я должен навестить мисс Пьянтини, — сказал Дануорти.

— Вам нужно лечь обратно в постель. Вид у вас крайне неважный. — Она потрясла перед ним Библией. — Никакой дисциплины в этой больнице. Разрешают пациентам болтаться по коридорам почем зря. У вас случится рецидив, вы умрете и сами будете в этом виноваты!

— Нет, — ответил Дануорти, толкая дверь в палату и скрываясь внутри.

Он думал, что палата будет пустой, что всех уже выписали, но там оказалось полно народу. Большинство сидели в кровати, читая или смотря портативные визики, а один в кресле-каталке глядел на дождь за окном.

Дануорти узнал его не сразу. Хоть Колин и говорил про рецидив, такого Дануорти не ожидал. Он постарел, на темном лице выделялись светлые круги под глазами и резкие носогубные морщины. Волосы побелели как лунь.

— Бадри, — позвал Дануорти.

Он обернулся.

— Мистер Дануорти…

— Я не знал, что ты в этой палате.

— Меня перевезли после… — Он не договорил. — Я слышал, вы поправляетесь?

— Да.

Нет, это невыносимо, подумал Дануорти. «Как ты себя чувствуешь? — Спасибо, лучше. А вы? — Гораздо лучше. Конечно, без депрессии не обошлось, но это неизбежный остаточный синдром».

Бадри развернул свое кресло к окну, и Дануорти понял, что ему тоже, наверное, невыносимо.

— Я ошибся, когда заново вводил координаты, — проговорил Бадри, глядя на капли дождя. — Я ввел неправильный год.

Надо ответить: «Ты был болен, у тебя начался жар». Объяснить, что спутанность сознания — один из первых симптомов гриппа. Сказать, что это не его вина.

— Я не понимал, что заболеваю, — продолжил Бадри, теребя свой халат, как теребил одеяло лежа в бреду. — Все утро у меня трещала голова, но я думал, что просто пересидел за терминалом. Надо было догадаться, что дело плохо, и отменить переброску.

«А мне надо было отказаться от наставничества, потребовать, чтобы Гилкрист провел проверку

параметров, заставить его открыть сеть, сразу как ты прибежал в паб».

— Надо было открыть сеть в тот же день, как вас положили в больницу, и не ждать стыковки, — продолжал Бадри, комкая в руках пояс халата. — Сразу надо было открыть.

Дануорти машинально глянул на стену за спиной Бадри, но экранов там не было. Даже температурного датчика на руке не наблюдалось. Неужели Бадри не в курсе, что Гилкрист отключил сеть? Может, от него скрыли, чтобы не волновать, как скрыли от самого Дануорти смерть Мэри?

— Они отказались меня выписывать. Нужно было их уговорить.

«Я должен ему сообщить», — подумал Дануорти, но промолчал. Он стоял, глядя, как Бадри терзает пояс, и проникаясь бесконечной жалостью.

— Мисс Монтойя показала мне вероятностные результаты. Вы думаете, что Киврин умерла?

«Надеюсь. Надеюсь, что она скончалась от вируса еще до того, как осознала, куда ее закинули. До того, как поняла, что мы ее бросили».

— Ты ни в чем не виноват, — сказал он вслух.

— Я всего на два дня опоздал с открытием сети. Я был уверен, что она дождется. Всего на два дня.

— Что? — не понял Дануорти.

— Я попытался выписаться из больницы шестого, а меня продержали до восьмого. Я открыл сеть сразу же, но ее там не было.

— О чем ты говоришь? Как ты мог открыть сеть? Гилкрист ее отключил.

Бадри поднял голову и посмотрел на него.

— Через откат.

— Какой откат?

— Привязку, которую я делал на нашей сети, — озадаченно пояснил Бадри. — Вы так беспокоились, что медиевистика не сможет провести переброску, и я решил сделать резервную копию на всякий пожарный. Во вторник днем я приходил к вам в Баллиол посоветоваться, но вас не застал. Тогда я оставил записку, что мне надо с вами поговорить.

— Записку…

— Я увидел, что наша лаборатория открыта, и сделал резервную привязку через баллиольскую сеть, — продолжал Бадри. — Вы так беспокоились…

Дануорти вдруг перестали держать ноги, и он опустился на край кровати.

— Я пытался вам сказать, но из-за бреда никак не мог нормально сформулировать.

Все это время у них была резервная привязка. Он терял день за днем, уламывая Гилкриста открыть лабораторию, разыскивая Бейсингейма, дожидаясь, пока Полли Уилсон проникнет в университетский компьютер, — и все это время в баллиольской сети была готовая привязка. «Столько тревог, — твердил Бадри в бреду. — Лаборатория открыта? — Откатываем». Значит, откат. Резервная копия.

— Ты можешь снова открыть сеть?

— Конечно, только если даже она не заразилась чумой…

— Не заразилась, — перебил Дануорти. — У нее прививка.

— …ее все равно там не будет. Со стыковки прошло восемь дней. Она не могла просидеть все это время в ожидании.

— Можно перекинуть туда кого-то еще?

— Еще кого-то? — растерялся Бадри.

— Чтобы поискать ее на месте. Другого человека можно отправить той же переброской?

— Не знаю…

— Сколько уйдет на настройку, чтобы можно было проверить?

— Часа два максимум. Пространственно-временные уже заданы, но я не представляю, какой

получится сдвиг.

Дверь в палату распахнулась, и внутрь вошел Колин.

— Вот вы где! Сестра сказала, что вы отправились размяться, я вас ищу-ищу. Думал уже, что вы заблудились.

— Нет, — ответил Дануорти, глядя на Бадри.

— Она попросила вас привести. — Колин подхватил Дануорти под руку, помогая ему подняться. — Чтобы вы не переутомлялись. — Он повел профессора к двери.

Дануорти остановился на пороге.

— Откуда ты открывал сеть восьмого числа? — спросил он Бадри.

— Из Баллиола. Я боялся, что часть данных ПЗУ стерлась после отключения брэйзноузской сети, а запускать программу анализа сбоев некогда было.

Колин толкнул дверь спиной.

— Через полчаса наша медсестра сменится. Вы же не хотите, чтобы вас застукала та грымза? — Он вывел Дануорти в коридор и отпустил дверь. — Простите, что не пришел раньше, нужно было отвезти графики иммунизации в Годстоу.

Дануорти привалился к дверному косяку. Сдвиг может получиться слишком большим, оператор

в кресле-каталке, сам он едва в состоянии дойти до конца коридора… «Столько тревог». Он думал, Бадри хочет сказать: «Вы так беспокоились, что я решил ввести координаты заново», а на самом деле он имел в виду: «Я сделал резервную копию». Откат.

— С вами все хорошо? — насторожился Колин. — Никакого рецидива не начинается?

— Нет.

— Вы спросили мистера Чаудри, сможет ли он сделать привязку заново?

— Нет. Там осталась резервная.

— Резервная? — встрепенулся Колин. — То есть еще одна такая же?

— Да.

— Это значит, девушку можно вытащить?

Дануорти привалился к стоящей вдоль стены каталке.

— Не знаю.

— Я вам помогу! Только скажите, что сделать. Я все сделаю! Могу сбегать куда надо или что-нибудь достать. Вам ничего самому не придется.

— Не факт, что выйдет, — начал Дануорти. — Сдвиг…

— Но вы же все равно попробуете? Да?

С каждым шагом под ребрами пекло все силь-

нее. У Бадри уже был один рецидив. И даже если решиться, сеть может не пропустить его в прошлое.

— Да, — ответил Дануорти. — Попробую.

— Апокалиптично! — воскликнул Колин.

Запись из «Книги Страшного суда»

(078926-079064)

Леди Имейн, мать Гийома д'Ивери.

(Пауза.)

Розамунда уходит. Пульс совсем не прощупывается, кожа выглядит восковой и пожелтевшей, это плохой признак, я понимаю. Агнес борется изо всех сил. Ни бубонов, ни рвоты у нее так и не появилось, и меня это обнадеживает. Эливис пришлось отстричь ей волосы. Она все время дергала их, крича, чтобы я пришла и ее причесала.

(Пауза.)

Рош соборовал Розамунду. Об исповедании, конечно, речь не шла. Агнес, кажется, лучше, хотя недавно у нее пошла кровь из носа. Просила свой бубенец.

(Пауза.)

Не смей, изверг! Сволочь! Я тебе ее не отдам. Она еще маленькая. Но тебе только их и подавай!

Избиение младенцев… Ты уже забрал мажордомова малыша, и щенка Агнес, и цинготного мальчонку, тебе все мало. Я не отдам тебе ее, слышишь, ты, чудовище! Убери свои лапы!

Глава тридцать первая

Агнес умерла сразу после Нового года, безутешно зовя Киврин.

— Она здесь, — уговаривала Эливис, сжимая маленькую ручонку. — Леди Катерина с тобой.

— Нет, — рыдала Агнес, осипшая, но по-прежнему громогласная. — Позови ее!

— Позову, — пообещала Эливис и растерянно оглянулась на Киврин. — Приведите отца Роша.

— Что такое?

Он соборовал Агнес сразу как только она заболела, лягающуюся и молотящую руками, будто в припадке, и с тех пор девочка его не подпускала.

— Леди Эливис, вы тоже больны?

Эливис покачала головой.

— Что я скажу супругу, когда он приедет?

Она уложила руку девочки вдоль тела, и только теперь Киврин осознала, что Агнес мертва.

Киврин обмыла крошечное тельце, превратившееся в почти сплошной фиолетовый синяк. Там, где Эливис держала ее за руку, кожа совсем почернела. Девочку будто избивали. «Так и есть, — подумала Киврин. — Избиение младенцев. Замучили и убили».

Сюрко и рубаха Агнес заскорузли от рвоты и крови, а повседневное полотняное платье давно пошло на повязки. Киврин завернула малышку в свой белый плащ, и Рош с мажордомом похоронили ее.

Эливис на похороны не вышла.

— Я должна остаться с Розамундой, — отказалась она. Розамунде Эливис ничем не могла помочь, та по-прежнему лежала будто заколдованная, и Киврин боялась, что жар как-то подействовал на клетки мозга. — И Гэвин может приехать.

Стоял сильный холод. Рош с мажордомом тяжело отдувались, опуская Агнес в могилу, и Киврин злилась, глядя на клубы пара, валившие у них изо рта. «Она ведь легче пуха. Одной рукой можно поднять», — думала Киврин с горечью.

При виде могил в ней тоже закипала злость. Погост переполнился, и все меньше оставалось места на том куске луга, который освятил Рош. Могила леди Имейн примостилась почти рядом с погостной дорожкой, а мажордомову младенцу отдельной могилы не досталось вовсе, даром что крещеный, — отец Рош разрешил похоронить его в ногах у матери. И все равно места не хватало.

«А как же младший сын мажордома? — яз-

вила Киврин в пустоту. — И клирик? Их куда хоронить? Чума должна уносить от трети до половины населения. Не всех разом».

— Requiescat in pace. Amen, — произнес Рош, и мажордом принялся закидывать крохотный сверток комьями мерзлой земли.

«Вы были правы, мистер Дануорти, — думала Киврин с горечью. — Белое слишком маркое. Вы во всем оказались правы. Вы отговаривали меня, предрекали всякие кошмары и ужасы. Все так и вышло. И вам теперь не терпится сказать: „Я же предупреждал“. Только вам это не удастся, потому что я не знаю, где переброска, а единственный человек, который знает, наверное, погиб».

Она не стала дожидаться, пока мажордом засыплет Агнес землей, а Рош закончит точить лясы с Богом. Клокоча от гнева, она зашагала через луг, злясь на всех подряд — на мажордома с его лопатой, которому лишь бы могилы рыть; на Эливис, что не удосужилась выйти; на Гэвина, что никак не вернется. Никто не идет. Никто.

— Катерина! — позвал Рош.

Она обернулась, и он подбежал, выдыхая клубы пара.

— Что? — буркнула Киврин.

— Мы не должны терять надежду, — веско за-

метил он.

— Почему нет? — взорвалась Киврин. — Скоро подвалит к восьмидесяти пяти процентам, а это только начало. Клирик умирает, Розамунда умирает, все перезаразились. На что я должна надеяться?

— Господь не оставил нас бесповоротно. Агнес теперь спасена, ведь она в Его руках.

«Спасена, как же. В земле. В холоде. В темноте». Киврин уткнулась лицом в ладони.

— Агнес на небесах, и там чуме ее не достать. Ибо ничто не может отлучить нас от любви Божией, ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни настоящее…

— Ни будущее, — проговорила Киврин.

— Ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь. — Рош мягко накрыл ладонью ее плечо, будто совершая помазание. — Своей любовью он послал тебя на помощь нам.

Киврин сжала лежащую у нее на плече руку Роша.

— Мы должны помогать друг другу.

Они постояли не шевелясь, а потом Рош сказал:

— Я пойду звонить в колокол, чтобы душа Агнес свободно вознеслась на небо.

— А я посмотрю Розамунду и остальных.

Эливис, якобы оставшаяся ухаживать за Розамундой, лежала на тюфячке Агнес, сжавшись в комок и завернувшись в свой плащ, не сводя глаз с двери.

— Быть может, его коня похитили бегущие от чумы, — предположила Эливис. — И поэтому он все не едет.

— Агнес похоронили, — обронила Киврин холодно, пробираясь в выгородку к Розамунде.

Та пришла в сознание. Посмотрев исподлобья на опустившуюся рядом Киврин, девочка потянулась к ее руке.

— Розамунда! — У Киврин защипало от слез в носу и в глазах. — Солнышко, как ты себя чувствуешь?

— Есть хочется. Отец приехал?

— Нет пока. — Киврин вдруг показалось, что он действительно еще может приехать. — Сейчас принесу тебе бульона. А ты лежи, не вставай без меня. Ты очень сильно хворала.

Розамунда послушно закрыла глаза. Они выглядели менее запавшими, хотя под ними по-прежнему темнели синяки.

— Где Агнес? — спросила она.

— Спит, — ответила Киврин, отводя со лба де-

вочки спутанные волосы.

— Хорошо. А то уморит всех своими криками и беготней.

— Я схожу за бульоном. Леди Эливис, у меня добрые вести! — воскликнула она радостно. — Розамунда очнулась.

Эливис приподнялась на локте и рассеянно посмотрела на дочь, словно думая о другом, а потом снова улеглась.

Киврин встревоженно пощупала лоб Эливис — теплый. Правда, у нее самой руки холодные с улицы, не поймешь.

— Вы больны?

— Нет, — ответила Эливис так же рассеянно. — Что я ему скажу?

— Скажете, что Розамунда поправляется.

Теперь Эливис, кажется, вняла. Поднявшись с тюфяка, она села рядом с Розамундой. Но когда Киврин вернулась из кухни с бульоном, Эливис уже снова скорчилась на тюфячке Агнес под меховым плащом.

Розамунда спала — обычным, не мертвым сном. Восковая желтизна растаяла, хотя скулы по-прежнему остро торчали под натянутой кожей.

Эливис тоже заснула — или притворилась спящей. Клирик, пока Киврин ходила за бу-

льоном, успел сползти с тюфяка и наполовину перелезть через заграждение. Когда она попыталась стащить его обратно, он замолотил руками. Пришлось звать отца Роша, чтобы тот его утихомирил.

Правый глаз его начал вытекать, разъедаемый чумой изнутри, и клирик отчаянно пытался его выцарапать.

— *Domine Jesu Christe*, — орал он, — *fidelium defunctorium de poenis infermis*!

Господи Иисусе Христе, избави души верных от мук адских.

«Да, — поддержала Киврин, пытаясь ухватить судорожно царапающие руки. — Избави его побыстрее».

Она снова перерыла медицинский ларец Имейн, ища какое-нибудь болеутоляющее. Опия не обнаружилось — да и рос ли в Англии 1348-го опиумный мак? Отыскав несколько оранжевых шелестящих клочков, слегка напоминавших маковые лепестки, Киврин опустила их в горячую воду, но выпить отвар клирик не смог. Его рот превратился в одну большую язву, а зубы и язык покрывала корка запекшейся крови.

«Он не заслужил такого, — подумала Киврин. — Даже если он и принес сюда чуму. Никто такого

не заслуживает. Пожалуйста…» — взмолилась она, сама не зная, о чем просит.

Мольбы все равно остались без ответа. Клирика начало рвать темной желчью пополам с кровью, два дня шел снег, Эливис становилось все хуже. И судя по всему, не из-за чумы. Бубонов у нее не было, кашля и рвоты тоже, и Киврин не понимала, болезнь это или горе и чувство вины.

— Что я ему скажу? — снова и снова повторяла Эливис. — Он хотел спрятать нас здесь.

Киврин трогала ее лоб. Теплый. «Все заболеют», — думала она. Лорд Гийом отослал их подальше от опасности, а их все равно косит, одного за другим. Что-то нужно делать. Единственное спасение от чумы — бежать, но один раз они уже сбежали, сюда, их настигло и здесь. Да и как бежать, если Розамунда и Эливис даже не поднимаются.

«Ничего, Розамунда крепнет день ото дня, а у Эливис нет чумы. Это просто горячка. Может быть, у них найдется еще какое-нибудь поместье, в котором можно было бы отсидеться? На севере».

До Йоркшира чума пока не добралась. Если ни с кем не сталкиваться на дорогах, обходить всех встречных, чтобы не заразиться…

Она спросила Розамунду, нет ли у них владений в Йоркшире.

— Нет, — ответила девочка, приваливаясь спиной к скамье. — Есть в Дорсете.

Дорсет не подходит, чума уже там. А Розамунда, хоть и идет на поправку, слишком слаба. Она не сможет ехать верхом. Если бы еще было на ком ехать.

— У отца имелся еще дом в Суррее, — продолжила девочка. — Мы там жили, когда Агнес родилась. — Она посмотрела на Киврин. — Агнес умерла?

— Да.

Розамунда кивнула, ничуть, кажется, не удивившись.

— Я слышала, как она кричала.

Киврин не нашла, что ответить.

— Отец тоже умер, да?

Киврин молчала. Скорее всего да, и Гэвин тоже. Уже восемь дней, как он уехал в Бат. Эливис, по-прежнему в горячке, пробормотала утром: «Снег перестал, теперь он приедет».

— Он еще может прискакать, — поддержала Киврин. — Если задержался из-за снегопада.

Зашел мажордом с лопатой и остановился у заграждения. Он заходил каждый день прове-

дать своего сына и молча смотрел на него через перевернутый стол. Сегодня он едва взглянул на мальчика и, опираясь на лопату, принялся разглядывать Киврин и Розамунду.

На плечах и шапке его таял снег, лезвие лопаты тоже было мокрым. «Копал еще одну могилу, — поняла Киврин. — Кому?»

— Кто-то умер?

— Нет. — Мажордом продолжал задумчиво разглядывать Розамунду.

Киврин встала.

— Вы что-то хотели?

Недоуменно, словно не осознав вопрос, он посмотрел на нее, потом опять на Розамунду и, подхватив лопату, ушел.

— Он идет копать могилу Агнес? — спросила Розамунда, проводив его взглядом.

— Нет, — мягко ответила Киврин. — Агнес уже похоронили, на погосте.

— Значит, мою?

— Нет! — ужаснулась Киврин. — Что ты! Ты не умрешь. Ты поправляешься. Ты очень хворала, но худшее теперь позади. Отдыхай, спи и набирайся сил.

Розамунда послушно улеглась и закрыла глаза, однако через минуту открыла снова.

— Теперь, после смерти отца, король заберет мое приданое. Как вы думаете, сэр Блуэт еще жив?

«Надеюсь, что нет». Бедняжка, неужели она все это время беспокоилась о своем замужестве? Бедная девочка. Смерть Блуэта — единственная польза от чумы. Если он умер, конечно.

— Не тревожься о нем. Отдыхай и поправляйся.

— Король может привести помолвку в исполнение, — продолжала Розамунда, теребя одеяло прозрачными пальцами. — Если обе стороны согласны.

«Тебе не придется ни на что соглашаться. Он умер. Епископский посланник убил его».

— Если же не согласны, то король выдаст меня замуж за кого сам пожелает. А сэра Блуэта я хотя бы знаю.

«Нет», — подумала Киврин, уже понимая, что девочка на самом деле права. Воображение подсовывало Розамунде еще худшие ужасы, чем сэр Блуэт, — разных извергов и чудовищ, которые, Киврин знала, бывают не только в страшных сказках.

Король использует Розамунду как разменную монету в сделке с каким-нибудь знатным фео-

далом — с кем-нибудь из опасных сторонников Черного принца, например, и ехать ей бог весть куда и бог весть зачем.

Бывают страхи и пострашнее похотливых стариков с сальными ухмылками и сестрами-мегерами. Барон Гарнье, например, двадцать лет продержал свою жену в цепях. Граф Анжуйский сжег свою заживо. И некому будет защитить Розамунду или выхаживать ее, если заболеет, потому что на всем белом свете у нее не останется ни родных, ни друзей.

«Я ее увезу, — подумала Киврин. — Куда-нибудь, где до нее не доберутся ни Блуэт, ни чума».

Нет такого места. Чума уже поглотила Бат и Оксфорд и движется на юго-восток к Лондону. Потом через Кент на север к Йоркширу и через Ла-Манш обратно в Германию и Нидерланды. Она добралась даже до Норвегии, приплыв на корабле, полном мертвецов. От нее не скрыться.

— А Гэвин здесь? — спросила Розамунда, точь-в-точь как ее мать и бабушка. — Я пошлю его в Курси, пусть скажет сэру Блуэту, чтобы встречал меня.

— Гэвин? — встрепенулась Эливис на своем тюфяке. — Он едет?

«Нет, — подумала Киврин. — Никто не едет.

Даже мистер Дануорти».

Не важно, что она пропустила стыковку. Там все равно никто бы не ждал. Никто не догадывается, что она в 1348-м. Иначе ее бы ни за что здесь не бросили.

Наверное, что-то случилось с сетью. Мистер Дануорти очень беспокоился, что ее отправляют в глубокое прошлое без проверки сети на сдвиги. «На такой дальности могут возникнуть непредвиденные осложнения». Может быть, непредвиденное осложнение испортило или вовсе сорвало привязку, и ее теперь ищут в 1320-м. «Я опоздала на стыковку почти на тридцать лет».

— Гэвин? — снова повторила Эливис, силясь подняться.

Она не смогла. Эливис таяла на глазах, хотя никаких признаков чумы по-прежнему не появлялось. Когда пошел снег, она произнесла с облегчением: «Теперь он точно не приедет, пока не кончится непогода» и села рядом с Розамундой. Но к полудню ей пришлось улечься снова и температура неуклонно росла.

Рош исповедал ее, сам шатаясь от усталости. Все падали с ног. Засыпали моментально, стоило присесть хотя бы на миг. Мажордом, пришедший

проведать детей, захрапел, стоя у заграждения, а Киврин отключилась, подкладывая дрова в огонь, и сильно обожгла руку.

«Так дальше нельзя, — думала она, глядя, как Рош осеняет крестом Эливис. — Он умрет от истощения сил. Он заразится чумой».

Нужно уводить их отсюда. Чума проникла не везде. Некоторые деревни она обошла далеко стороной. Миновала Польшу и Богемию, и в северной Шотландии оставались области, куда она не добралась.

— *Agnus dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis*[32], — распевно читал Рош своим успокаивающим голосом, который Киврин помнила с того дня, как сама лежала при смерти.

Безнадежно, поняла она. Рош никогда не бросит прихожан. История чумы полна рассказами о священниках, которые покидали паству, отказывались вести заупокойную службу, запирались в церквях и монастырях или уносили ноги. Наверное, эта статистика тоже врет.

Даже если она придумает способ вывести их всех… Эливис, которая и сейчас, исповедуясь, поминутно оглядывается на дверь, потребует

---

[32] Примечания: 1.32
Агнец Божий, взявший на себя грехи мира, помилуй нас (лат.)

дождаться Гэвина и ее мужа — ведь они непременно приедут, раз кончился снегопад.

— Отец Рош пошел его встречать? — спросила Эливис, когда Рош понес Святые Дары обратно в церковь. — Он вот-вот будет. Разумеется, он сперва завернул в Курси, чтобы упредить их о чуме, а оттуда всего полдня пути.

Она уговорила Киврин переложить ее тюфяк поближе к двери.

Киврин принялась передвигать заграждение, чтобы не класть Эливис на сквозняке, и вдруг клирик громко вскрикнул и забился в конвульсиях. Он выгнулся всем телом, будто от удара током, лицо исказилось в беззвучном вопле, а вытекающий глаз закатился под лоб.

— Пощади его! — крикнула Киврин, пытаясь засунуть ему между зубами ложку, выхваченную из Розамундиной миски с бульоном. — Неужто с него не достаточно?

Клирик дернулся.

— Прекрати! — разрыдалась Киврин. — Прекрати!

И вдруг он обмяк. Киврин втиснула ложку между его зубами, и из угла рта потекла черная слизь.

«Он умер», — подумала Киврин, не веря са-

мой себе. С распухшего лица, почерневшего под темной бородой, на нее смотрел гноящийся полузакрытый глаз. Сжатые кулаки прижимались к бокам. Он совершенно потерял человеческий облик, и Киврин накрыла его грубым одеялом, чтобы избавить от жуткого зрелища Розамунду.

— Он умер? — спросила девочка, приподнимаясь.

— Да. Слава богу. Пойду скажу отцу Рошу.

— Не оставляйте меня здесь одну!

— С тобой матушка. И мажордомов сын. Да и я тотчас вернусь.

— Мне боязно.

«Мне тоже», — ответила Киврин мысленно, оглядываясь на грубое одеяло. Даже смерть не избавила клирика от страданий. Лицо его, уже не похожее на человеческое, по-прежнему искажали боль и ужас. Адские муки.

— Не оставляйте меня, — повторила Розамунда.

— Я должна позвать отца Роша…

Вопреки своим словам Киврин все же села между Розамундой и клириком, дожидаясь, пока девочка заснет, и только потом пошла за священником.

Ни во дворе, ни в кухне его не было. На тропин-

ке стояла мажордомова корова, жующая сено из свинарника. Она потянулась вслед за Киврин на луг.

Мажордом копал могилу на погосте, стоя по грудь в заснеженной яме. «Он уже знает», — подумала Киврин. Хотя нет, откуда? Сердце тревожно забилось.

— Где отец Рош? — крикнула она, но мажордом не ответил и даже не обернулся. За спиной замычала догнавшая ее корова.

— Уходи, — велела Киврин и кинулась к мажордому.

Могила копалась уже не на погосте, а на лугу, за погостной калиткой, рядом с ней зияли еще две, и у каждой возвышался холмик мерзлой, как камень, земли.

— Что вы делаете? — рассвирепела Киврин. — Кому эти могилы?

Мажордом выбросил еще лопату земли на холмик. Промерзшие комья загрохотали, будто камни.

— Зачем вам три могилы? Кто умер? — Киврин увернулась от боднувшей ее в плечо коровы. — Кто у нас умер?

Мажордом всадил лопату в каменную землю.

— Грядут последние дни, мальчик, — прого-

ворил он, нажимая на лезвие ногой, и Киврин оторопела, а потом поняла, что он просто не узнает ее в мальчишеской одежде.

— Это я, Катерина.

— Конец света, — кивнул он, налегая на лопату всем весом. — Те, кто не умер, умрут.

Корова попыталась сунуть голову под руку Киврин.

— Уходи! — крикнула она, шлепая корову по носу. Та осторожно попятилась, обходя вырытые могилы, и Киврин только теперь заметила, что они разного размера.

Одна большая, а рядом поменьше, почти как для Агнес. Та, в которой стоял мажордом, тоже ненамного длиннее. «Выходит, все-таки для Розамунды. Я ее обманула».

— Вы не имеете права так поступать! — воскликнула она. — Ваш сын и Розамунда поправляются. А леди Эливис просто устала и сама не своя от горя. Они не умрут.

Мажордом посмотрел на нее тем же отрешенным взглядом, что и у заграждения, когда мысленно снимал с Розамунды мерки для могилы.

— Отец Рош говорит, вас послали к нам на подмогу, но что вы можете против конца света? — Он

снова налег на лопату. — Вам пригодятся эти ямы. Все, все умрут.

Корова обошла могилу с другой стороны и, наклонив морду к земле, промычала в лицо мажордому.

— Не ройте больше ничего, — велела Киврин. — Я вам запрещаю!

Он продолжал копать, такой же безучастный к ее словам, как к коровьему мычанию.

— Они не умрут, — повторила Киврин. — От чумы погибло от одной трети до половины современников. Мы уже исчерпали квоту.

Эливис умерла ночью. Мажордому пришлось удлинить могилу, предназначенную для Розамунды, а после похорон Киврин увидела, что для девочки уже начата новая.

«Нужно уводить их отсюда, — подумала она, глядя на мажордома, который как заведенный работал лопатой в Розамундиной могиле, даже не передохнув после погребения Эливис. — Я должна их увести, пока они не заболели».

Потому что иначе никак. Чума подстерегает их повсюду, притаившись в одежде, в постелях, в воздухе, которым они дышат. И если каким-то чудом им удастся уберечься сейчас, она настигнет их весной, прокатившись разом через весь

Оксфордшир, сметая и гонцов, и крестьян, и епископских посланников. Здесь нельзя оставаться.

«В Шотландию, — размышляла Киврин, шагая к поместью. — Можно вывезти их в Северную Шотландию. Туда чума не добралась. Мажордомова сына посадить на осла, а для Розамунды сделать носилки».

Девочка сидела на своем тюфяке.

— Мажордомов сын звал вас, — сказала она, едва завидев Киврин в дверях.

Его рвало кровавой слизью. В ней перепачкался весь тюфяк, а когда Киврин обтирала мальчика, он от слабости даже не мог поднять голову. «Если Розамунда и выдержит дорогу, то он точно нет, — в отчаянии осознала Киврин. — Никуда мы не едем».

Ночью она вспомнила про свою собственную телегу, привезенную с переброски. Вдруг мажордому удастся ее починить, тогда в нее можно усадить Розамунду. Запалив лучину от углей в очаге, Киврин пробралась на конюшню. Осел Роша встретил ее истошным ревом, и в тусклом свете коптящей лучины послышался шорох разбегающихся маленьких лапок.

На повозке лежали грудой разбитые сундуки. Разобрав их, Киврин поняла, что ничего не вый-

дет. Повозка слишком велика, осел ее не потянет, и деревянная ось куда-то подевалась, унесенная каким-нибудь предприимчивым крестьянином на починку изгороди или на дрова. Или баррикадироваться от чумы.

На дворе стояла кромешная тьма, в небе горели яркие звезды — как в рождественскую ночь. Она вспомнила спящую у нее на плече Агнес, бубенец на крошечном запястье и колокольный звон, возвещающий антихристову погибель. «Поторопились, — подумала Киврин. — Дьявол еще жив. Он властвует над миром».

Долгое время она лежала без сна, придумывая новый план. Может быть, удастся сколотить какую-нибудь тележку, которую осел сможет утащить, если снег будет не слишком глубокий. Или посадить обоих детей на осла, а поклажу нести самим в узлах за спиной.

В конце концов Киврин заснула — и почти тотчас же проснулась. Или ей показалось, что тотчас же. Было еще темно, и над ней склонялся Рош. Догорающий огонь освещал его лицо снизу, как тогда, на поляне, когда она приняла его за разбойника. Полусонная, она ласково погладила его по щеке.

— Леди Катерина! — позвал он, и Киврин

проснулась окончательно.

«Розамунда», — испугалась Киврин. Нет, девочка мирно спала, подложив тонкую руку под щеку.

— Что случилось? Вы заболели?

Рош мотнул головой. Открыл было рот, но ничего не сказал.

— Кто-то приехал? — Киврин вскарабкалась на ноги.

Он снова помотал головой.

Заболеть никто не мог. Некому больше. Она оглянулась на груду наваленных у двери одеял, где спал мажордом. Там было пусто.

— Мажордом захворал?

— Мажордомов сын преставился, — ответил Рош каким-то странным сдавленным голосом, и Киврин увидела, что мальчика тоже нет. — Я пошел в церковь читать заутреню… — Он не договорил. — Пойдем со мной.

Киврин подхватила свое потрепанное одеяло и выбежала за Рошем во двор.

Стояло раннее утро, едва ли позже шести. Солнце только-только показалось над горизонтом, заливая розовым румянцем небо и снег. Рош уже скрылся на лугу за постройками, и Киврин, кутаясь в одеяло, поспешила по тропинке следом

за ним.

Дорогу ей преградила мажордомова корова, которая, как и накануне, жевала сено через дыру в загородке свинарника. Подняв голову, она замычала на Киврин.

— Кыш! — Киврин попыталась отогнать ее, но глупая скотина лишь вытащила голову из дыры и с мычанием шагнула навстречу. — Некогда мне тебя доить.

Пока она спихивала тощее животное с тропинки, отец Рош уже успел дойти до середины выпаса.

— Что случилось? Можете мне сказать?

Священник не ответил и даже не оглянулся, сворачивая к могилам на краю луга. Похоже, ничего ужасного, просто мажордом, наверное, решил похоронить сына сам, без обряда.

Маленькая могила была уже засыпана, над ней возвышался заснеженный холмик. Кроме того, мажордом успел закончить могилу Розамунды и вырыть еще одну, большую. Оттуда торчала прислоненная к стенке лопата.

Рош не пошел к могиле Лефрика. Он остановился у свежевырытой и тем же сдавленным голосом проговорил:

— Я пошел в церковь читать заутреню…

Киврин заглянула в могилу. Мажордом, видимо, пытался закопать сам себя, но управляться с лопатой в узкой яме оказалось несподручно, и он, прислонив лопату к стенке, стал грести землю руками. В окоченевшей руке застыл мерзлый комок.

Он лежал, засыпанный по пояс, и от этого вид у него получался нелепый, будто он принимает ванну.

— Нужно похоронить его как подобает, — сказала Киврин и потянулась за лопатой.

Рош покачал головой.

— Это святая земля, — проговорил он глухо, и Киврин поняла, что он подозревает мажордома в самоубийстве.

«Какое это имеет значение?» — подумала она. Выходит, несмотря на все непрекращающиеся ужасы, Рош по-прежнему верит в Бога. Он обнаружил мажордома по дороге в церковь, когда шел служить заутреню, и даже если вся деревня вымрет, он все равно будет читать молитвы, не находя в них никакого противоречия.

— Это хворь, — объяснила Киврин, сама, впрочем, сомневаясь. — Септическая форма чумы. Она поражает кровь.

Рош посмотрел непонимающе.

— Он, должно быть, захворал, копая могилу. Септическая действует на мозг. У него помрачился рассудок.

— Как у леди Имейн, — почти обрадованно кивнул Рош, не желавший, вопреки всем требованиям канона, хоронить человека за церковной оградой.

Киврин помогла уложить тело мажордома поровнее, хотя тот уже окоченел. Вытаскивать его и заворачивать в саван они даже не пытались. Рош накрыл его лицо темной тканью, и они по очереди забросали могилу землей. Мерзлые комья грохотали, будто камни.

Рош не пошел в церковь за облачением и требником. Он постоял сперва у могилы Лефрика, потом у мажордомовой и произнес молитвы за упокой. Киврин склонила голову над сомкнутыми ладонями. «Он помутился рассудком. Он похоронил жену и семерых детей, похоронил почти всех своих знакомых, и даже если у него не было горячки, если он просто заполз в эту могилу и ждал, пока его одолеет холод, все равно он умер от чумы».

Он не заслужил позорной могилы за погостом. «Он вообще не заслужил никакой могилы. Он должен был ехать с нами в Шотландию», — по-

думала Киврин и сама ужаснулась внезапно охватившему ее ликованию.

Теперь можно отправляться! Киврин посмотрела на могилу, предназначенную для Розамунды. «Розамунду посадить на осла, а мы с Рошем понесем продукты и одеяла». Она подняла глаза к небу — в рассветных лучах облака стали воздушнее, будто скоро распогодится. Если выехать тотчас же, к полудню они с Рошем и Розамундой выберутся из леса на Оксфордско-Батскую дорогу. К вечеру будут уже на пути в Йорк.

— *Agnus dei, qui tollis peccata mundi,* — произнес Рош, — *dona eis requiem*[33].

«Нужно взять овса для ослика, — размышляла Киврин. — И топор, чтобы рубить дрова. И одеяла».

— *Dominus vobiscum et cum spiritu tuo. Requiescat in pace. Amen*[34], — завершил молитву Рош и отправился звонить в колокол.

«Некогда», — подумала Киврин и зашагала к поместью. Пока Рош отзвонит по усопшим, она уже половину вещей соберет, и тогда можно будет изложить ему свой план, Рош навьючит осла

---

[33] Примечания: 1.33
Агнец Божий, взявший на себя грехи мира, даруй им покой (лат.).

[34] Примечания: 1.34
Господь с вами и с духом твоим. Покойся с миром. Аминь (лат.).

— и в путь. Обязательно прихватить угля, чтобы было чем разжечь костер. Можно насыпать в ларец Имейн.

Розамунда все еще спала. Хорошо. Незачем будить ее раньше времени, пусть спит до самого отъезда. Ступая на цыпочках, Киврин опорожнила ларец и, оставив его у очага, отправилась в кухню.

— Я проснулась, а вас нет, — раздался голос Розамунды. Девочка села на своем тюфяке. — Я боялась, что вы ушли.

— Мы все уйдем. Мы едем в Шотландию. Ты пока отдохни перед дорогой. Я скоро вернусь.

— Куда вы?

— В кухню, только и всего. Ты голодная? Я принесу каши. А теперь ложись и отдыхай.

— Я не хочу лежать одна, — забеспокоилась Розамунда. — Посидите со мной немного.

«Некогда. У нас нет на это времени».

— Я только на кухню. И отец Рош тоже здесь. Слышишь? Он звонит в колокол. Я только туда и обратно. Хорошо? — Киврин улыбнулась обнадеживающе, и девочка неохотно кивнула. — Я скоро.

Почти бегом она выскочила во двор. Рош все еще звонил по усопшим — размеренно, медлен-

но. «Скорее, — поторопила его Киврин, — время поджимает». Она обшарила кухню, выставляя припасы на стол. Сложив лепешки стопкой в мешок и придавив сверху кругом сыра, Киврин отнесла все вместе к колодцу.

В дверях дома, держась за косяк, стояла Розамунда.

— Можно мне посидеть с вами в кухне? — Она успела натянуть киртл и башмаки, но все равно дрожала.

— Замерзнешь! — Киврин кинулась к ней. — Ты отдыхай, не трать силы.

— Когда вы уходите, я боюсь, что больше не вернетесь.

— Я здесь, — заверила Киврин, но все же принесла из зала плащ Розамунды и охапку мехов. — Можешь посидеть вот тут, на крыльце, и посмотреть, как я собираюсь. — Закутав плечи Розамунды плащом, она усадила девочку на ступеньку и обложила вокруг мехами. — Хорошо?

На вороте плаща по-прежнему болталась подаренная сэром Блуэтом брошь. Дрожащие тонкие пальцы Розамунды принялись теребить застежку.

— Мы поедем в Курси?

— Нет, — ответила Киврин, помогая застегнуть

булавку, *lo suiicien lui dami amo*. От друга милого приветом буду. — Мы едем в Шотландию. Там чума нас не достанет.

— Как вы думаете, мой отец погиб от чумы?

Киврин замялась.

— Матушка говорила, что он просто задерживается. Что братья, вероятно, захворали, и он приедет, когда они поправятся.

— Может быть, и так, — сказала Киврин, подтыкая мех Розамунде под ноги. — Мы оставим ему письмо, чтобы он знал, где нас отыскать.

Розамунда покачала головой:

— Будь он жив, он бы ко мне вернулся.

Киврин набросила еще одно покрывало на тонкие плечи девочки.

— Пойду принесу еды в дорогу.

Розамунда кивнула, и Киврин направилась в кухню. У стены стоял мешок с луком, а рядом еще один, с яблоками. Яблоки оказались сморщенными и в основном побитыми, но Киврин все же вытащила мешок на свет. Их не надо готовить, а витамины к весне всем пригодятся.

— Хочешь яблоко? — спросила она Розамунду.

Девочка кивнула, и Киврин принялась рыться в мешке, выискивая то, что поцелее и покрепче. Выудив одно зеленое с красным бочком, она об-

терла его о кожаные штаны и понесла Розамунде, с улыбкой вспоминая, как сама обрадовалась бы свежему яблочку, когда лежала больная. Или стакану апельсинового сока.

Но Розамунда куснула разок и потеряла к нему всякий интерес. Привалившись спиной к дверному косяку, она молча смотрела на небо, слушая размеренные удары колокола.

Киврин снова принялась перебирать яблоки, откладывая те, что выдержат дорогу, и прикидывая, сколько сможет увезти ослик. Нужно взять для него овса. Ведь травы еще нет, хотя в Шотландии, пожалуй, найдется какой-нибудь кустарник. Воду брать не надо, ручьев здесь вдосталь, а вот какой-нибудь котелок прихватить обязательно.

— Из ваших так никто и не явился, — подала голос Розамунда.

Киврин обернулась. Она по-прежнему сидела на ступеньке с яблоком в руках.

«Явились, но меня не было».

— Нет, не явился.

— Их, наверное, погубила чума?

— Нет.

«По крайней мере они не умирают бог весть где без надежды на помощь. По крайней мере я знаю, что с ними все в порядке».

— Когда сэр Блуэт возьмет меня к себе, я расскажу ему, как вы нам помогли. Попрошу приютить вас с отцом Рошем тоже. — Она гордо вскинула подбородок. — Мне положена камеристка и капеллан.

— Спасибо, — сказала Киврин проникновенно.

Мешок отложенных яблок она поставила рядом с лепешками и сыром. Колокол смолк, но отголоски звона еще плыли в холодном воздухе. Взяв ведро, Киврин опустила его в колодец. Нужно сварить овсянки и порезать туда побитые яблоки. Будет сытная еда перед дорогой.

Яблоко Розамунды прокатилось ей под ноги и стукнулось о стенку колодца. Киврин наклонилась за ним. На красном сморщенном боку белел один-единственный маленький укус. Киврин обтерла кожицу полой куртки.

— Ты уронила, — сказала она, поворачиваясь.

Прозрачная рука застыла полураскрытой, будто девочка хотела поймать укатившееся яблоко.

— Розамунда… — выдохнула Киврин.

Запись из «Книги Страшного суда»

(079110-079239)

Мы с отцом Рошем едем в Шотландию. Зачем

я это говорю, не знаю, ведь вы уже все равно никогда не прослушаете этот диктофон, но, может быть, кто-нибудь наткнется на него посреди вересковой пустоши, или мисс Монтойя будет что-нибудь копать в Северной Шотландии, когда закончит со Скендгейтом. И тогда вы хотя бы узнаете, что с нами было дальше.

Я понимаю, что бегство — это наихудший выход, но мне нужно увести отсюда отца Роша. Все поместье зачумлено — постели, одежда, воздух — и повсюду крысы. Я видела одну в церкви, когда забирала оттуда ризу и орарь Роша для похорон Розамунды. И даже если он не заразится здесь, чума кругом, а мне ни за что не убедить его оставаться в доме. Он обязательно пойдет помогать.

Мы будем держаться подальше от дорог и деревень. Припасов нам хватит на неделю, а там мы уже заберемся достаточно глубоко на север и купим еды в городе. У клирика был с собой мешок серебра. И не беспокойтесь. С нами все будет хорошо. Как сказал бы мистер Гилкрист: «Мы просчитали все возможные накладки».

Глава тридцать вторая

Апокалиптично. Более чем подходящий эпитет для бредовой идеи отправиться в прошлое за Киврин. До палаты Дануорти добрался едва живой, опираясь на Колина. Снова поднялась температура.

— Вы отдыхайте, — велел Колин, помогая ему улечься в постель. — Никаких рецидивов, если вы собираетесь спасать Киврин.

— Мне нужен Бадри. И Финч.

— Положитесь на меня, — пообещал Колин и убежал.

Нужно устроить себе и Бадри выписку из больницы, обеспечить медпомощь на месте выброски, на случай если Киврин больна. Нужна прививка от чумы. Через сколько, интересно, она начинает действовать? Мэри говорила, что Киврин делали прививку одновременно с имплантированием диктофона, то есть за две недели до переброски. Однако, возможно, на самом деле иммунитет вырабатывается быстрее.

Зашла сестра проверить температуру.

— Я сейчас сменяюсь с дежурства, — предупредила она, взглянув на электронную нашлепку.

— Когда меня могут выписать?

— Выписать? — поразилась девушка. — Ну ничего себе вы поправляетесь!

— Да. Так когда?

Сестра нахмурилась.

— Немного прогуляться по коридору и окончательно собраться домой — это две разные вещи. — Она поправила капельницу. — Вам пока очень вредно переутомление.

Она вышла, и через несколько минут явился Колин с Финчем и «Веком рыцарства».

— Я подумал, может пригодиться — костюмы там, и прочее, — пояснил мальчик, обрушивая тяжелый том в ноги Дануорти. — Пойду за Бадри.

— Вы уже гораздо лучше выглядите, сэр, — отметил Финч. — Я рад. Боюсь, вы срочно нужны в Баллиоле. Это из-за миссис Гаддсон. Она заявила, что колледж подрывает здоровье Уильяма. Мол, тяготы эпидемии вкупе с чтением Петрарки пагубно воздействуют на молодой организм. Говорит, что это дело так не оставит и дойдет до самого главы исторического факультета.

— Передайте ей, скатертью дорога, — ответил Дануорти. Бейсингейм где-то в Шотландии. А вы пока выясните, за какое время до возможного контакта с вирусом бубонной чумы необходимо

делать прививку, и распорядитесь подготовить лабораторию к переброске.

— Мы ее пока используем под кладовую, — смутился Финч. — Пришло несколько доставок из Лондона, хотя туалетной бумаги по-прежнему нет, несмотря на то, что я специально оговаривал…

— Перенесите в столовую, — перебил Дануорти. — Сеть мне понадобится в самое ближайшее время.

Открыв дверь локтем, Колин вкатил в палату Бадри, помогая себе второй рукой и коленом.

— Еле проскочили мимо той грымзы, — отдуваясь, сообщил мальчик, подкатывая кресло к кровати.

— Мне нужно… — начал Дануорти и осекся, посмотрев на Бадри. Ничего не выйдет. Бадри не в состоянии сейчас работать с сетью. Даже проезд из палаты в палату на кресле-каталке оставил его без сил. Пальцы Бадри теребили край кармана, как раньше терзали пояс халата.

— Два РТН, световой индикатор и портал, — перечислил Бадри слабым, но уже не обреченным голосом. — Еще разрешения на переброску и выброску.

— А как быть с пикетчиками у Брэйзноуза? —

вспомнил Дануорти. — Они не сорвут переброску?

— Нет, — ответил Колин. — Они переместились к Национальному тресту. Требуют закрыть раскопки.

«Это хорошо», — подумал Дануорти. Монтойя будет в поте лица отстаивать свой погост, и ей будет не до поисков диктофона.

— Что еще нам понадобится? — спросил он у Бадри.

— Инсулярная память и резерв для отката. — Бадри сверился с добытым из кармана списком. — И еще удаленное подключение, чтобы я мог провести проверку параметров.

Он отдал список Дануорти, и тот вручил его Финчу.

— Еще нам нужна медпомощь для Киврин, — продолжил Дануорти, — и пусть мне сюда проведут телефон.

Финч, нахмурив брови, изучал список.

— И не говорите, что это все закончилось, — опередил его Дануорти. — Выбейте, выклянчите или украдите. — Он повернулся к Бадри: — Еще что-нибудь понадобится?

— Чтобы меня выписали. И это, я боюсь, самое трудновыполнимое.

— Он прав, — согласился Колин. — Грымза ни за что его не выпишет. Я его и сюда-то еле провез.

— Кто твой врач? — спросил Дануорти.

— Доктор Гейтс, — ответил Бадри, — но…

— Думаю, мы сможем ему объяснить, насколько это важно. Что дело не терпит отлагательств.

Бадри покачал головой.

— Вот этого ему точно говорить не стоит. Я уже один раз убедил его отпустить меня, когда нужно было открыть сеть, а вы лежали больной. Он считал, что меня еще рано выписывать, но все-таки согласился, и потом у меня произошел рецидив…

— Ты уверен, что сможешь работать с сетью? — встревожился Дануорти. — Может быть, я попробую уговорить Эндрюса, раз эпидемия кончилась?

— Времени нет, — отказался Бадри. — И потом, я во всем виноват. Я хочу сам провести переброску. Может быть, мистер Финч найдет другого врача…

— Да, — кивнул Дануорти. — И передайте моему, что я хочу с ним поговорить. — Он потянулся за книгой. — Так, теперь костюм. — Дануорти принялся листать страницы, выискивая изображения средневековой одежды. — Без липучек, без молний, без пуговиц. — Он продемонстрировал

Финчу найденную иллюстрацию к Боккаччо. — У нас в закромах XX века вряд ли что есть. Обратитесь в Театральное общество, спросите, нет ли у них чего подходящего.

— Постараюсь, сэр, — с сомнением изучая картинку, ответил Финч.

Дверь со стуком распахнулась, и в палату вошла возмущенная медсестра.

— Мистер Дануорти, это вопиющая безответственность, — произнесла она голосом, от которого стыла кровь в жилах у раненых времен Второй фолклендской кампании. — Если вас не заботит собственное здоровье, подумайте хотя бы о здоровье других. — Она пробуравила Финча взглядом. — Мистеру Дануорти запрещаются посещения.

Сверкнув глазами на Колина, она выхватила у него ручки кресла-каталки.

— А вы о чем думали, мистер Чаудри? — резко разворачивая кресло, так что голова Бадри запрокинулась назад, продолжала она. — У вас уже был один рецидив. Второго я не допущу, можете быть уверены. — Она выкатила кресло из палаты.

— Я говорил, мы его не вытащим, — огорчился Колин.

Дверь снова распахнулась.

— Я сказала, никаких посетителей!

— Еще вернусь, — прошептал Колин, выскальзывая в коридор.

Сестра пригвоздила его грозным взглядом из-под морщинистых век.

— Ну уж нет. Со мной этот фокус не пройдет.

Видимо, действительно не прошел. Колин появился, только когда она сменилась с дежурства, и то лишь для того, чтобы отдать Бадри устройство удаленного подключения и доложить Дануорти о противочумных прививках. Финч позвонил в Госздрав. Полный иммунитет вырабатывается через две недели после вакцинации, частичный — через неделю.

— А еще мистер Финч спрашивал, не нужно ли вам заодно привиться от холеры и тифа.

— Времени нет.

На противочумную, впрочем, тоже. Киврин там уже больше трех недель, и с каждым днем ее шансы остаться в живых тают. А ему все так же далеко до выписки.

Как только ушел Колин, Дануорти вызвал Уильямову медсестру и сказал, что хочет поговорить со своим врачом.

— Меня можно выписывать.

Девушка рассмеялась.

— Я уже совсем здоров. Утром намотал десять кругов по коридору.

Медсестра покачала головой.

— У этой формы гриппа слишком высок процент рецидивов. Я просто не могу рисковать. Куда это вы так рветесь? — улыбнулась она. — Неужели без вас там даже недельку не протянут?

— Семестр начинается, — выкрутился Дануорти. «А ведь на самом деле начинается». — Пожалуйста, передайте врачу, что мне нужно с ним побеседовать.

— Доктор Уорден скажет вам то же самое, — нахмурилась девушка, но просьбу, видимо, передала, поскольку после ужина доктор все-таки заглянул.

На борьбу с эпидемией его вытащили не иначе как из дома престарелых. После пространного и бессвязного экскурса в историю здравоохранения времен Пандемии он проскрипел:

— В мое время больных не выписывали до полного выздоровления.

Дануорти даже не пытался с ним спорить. Он подождал, пока врач в сопровождении сестры прошаркает прочь, делясь воспоминаниями о Столетней войне, потом прицепил портативную капельницу и из телефона-автомата рядом с

травматологией позвонил Финчу узнать, как продвигаются дела.

— Сестра не разрешает провести телефон в палату, — огорчил его секретарь. — Но есть и хорошие новости — насчет чумы. Временный иммунитет вырабатывается курсом инъекций стрептомицина с гамма-глобулином и Т-клеточным наращиванием, и его можно провести хоть за двенадцать часов до контакта с вирусом.

— Хорошо. Тогда найдите врача, который выдаст направление на этот курс и разрешит меня выписать. Молодого врача. И пришлите мне Колина. Сеть готова?

— Уже почти, сэр. Разрешения на переброску и выброску я получил, прибор удаленного подключения добыл. Сейчас как раз за ним собирался.

Дануорти вернулся к себе в палату. Он не соврал медсестре: силы прибывали с каждой минутой, хотя к концу этой прогулки ребра внизу снова сдавило тисками.

Миссис Гаддсон была уже тут как тут, листая Библию в поисках ящуров, моровых язв и струпьев.

— Прочитайте мне из Луки, одиннадцатая, девятый.

Миссис Гаддсон отыскала страницу.

— «И я скажу вам: просите, и дано будет вам;

ищите, и найдете; стучите, и отворят вам», — процитировала она, поглядывая на Дануорти с подозрением.

Под самый конец отведенных для посещения часов пришла мисс Тейлор с портновским метром.

— Колин прислал меня снять с вас мерки, — объяснила она, обхватывая лентой пояс Дануорти. — Старая грымза не пускает его в отделение. Пришлось сказать, что я иду к мисс Пьянтини. Вытяните руку, пожалуйста. — Она померила длину от плеча до запястья. — Ей гораздо лучше. Может быть, даже сыграет с нами пятнадцатого «Наконец грядет спаситель» Рембо. Вы знаете, да, что мы исполняем его для реформистов, но помещение церкви реквизировано Госздравом, поэтому мистер Финч любезно пустил нас в Баллиольскую часовню? Какой у вас размер обуви?

Записав все мерки, мисс Тейлор пообещала, что Колин придет завтра и что сеть почти готова, можно не волноваться. Потом она вышла, очевидно к мисс Пьянтини, однако через пять минут вернулась с посланием от Бадри.

«Мистер Дануорти, я проверил параметры двадцать четыре раза. Все двадцать четыре запуска дают минимальный сдвиг, из них одиннадцать

— сдвиг меньше часа, и пять — меньше пяти минут. Провожу проверку расхождений и анализ сбоев, чтобы выяснить, в чем дело».

Что ж тут выяснять… Чума. Сдвиг возникает для того, чтобы предотвратить возможное изменение истории. Пятиминутный сдвиг — признак отсутствия анахронизмов, критических контактов, которых континуум стремится избежать. Это значит, что переброска произойдет на безлюдную территорию. Опустошенную чумой. И все современники мертвы.

Утром Колин не пришел, и после обеда Дануорти снова позвонил Финчу из автомата.

— Я не смог найти врача, готового взять на себя еще больных, — обескуражил его Финч. — Я перебрал всех врачей в округе. Большинство еще сами не встали после гриппа, — извиняющимся тоном объяснил он, — а некоторые…

Он не договорил, но Дануорти догадался и сам. Некоторые умерли, в том числе та, которая непременно пришла бы на помощь, которая сделала бы ему все нужные прививки и выписала Бадри.

«Бабушка Мэри ни за что бы не сдалась», — прозвучал в ушах голос Колина. Это так, не сдалась бы, несмотря на всех старых грымз и миссис Гаддсон, и невидимый тугой обруч на ребрах.

Будь она здесь, она сделала бы все от нее зависящее.

Дануорти вернулся в палату. Сестра налепила на дверь плакат: «Посещения строжайше воспрещаются», а сама куда-то подевалась. Вместо нее на стуле восседал Колин с большим промокшим свертком.

— Сестра в общей палате, — хитро улыбнулся мальчик. — Мисс Пьянтини очень вовремя упала в обморок. Вы бы ее видели. Ей на сцену надо. — Он принялся развязывать узел. — Практикантка только что заступила, но о ней вы тоже не беспокойтесь. Она в бельевой с Уильямом Гаддсоном.

Колин развернул сверток. В нем оказалась одежда — длинный черный дублет и черные штаны до колена, не имеющие ровным счетом никакого отношения к Средневековью, а еще пара черных женских колготок.

— Это откуда? Из «Гамлета»?

— Из «Ричарда III». Кибл-колледж ставил в прошлом семестре. Я только горб вытащил.

— А плащ есть? — спросил Дануорти, роясь в ворохе одежды. — Передай Финчу, пусть найдет мне плащ. Длинный, чтобы все скрывал.

— Хорошо, — рассеянно кивнул Колин, возясь с застежкой своей зеленой куртки. Наконец куртка

распахнулась, и мальчик сбросил ее с плеч. — Вот. Что скажете?

Да, с костюмерским заданием он справился лучше Финча. С сапогами промахнулся — они подозрительно напоминали резиновые огородные, — зато рубаха из бурой рогожи и мешковатые серо-коричневые штаны ни дать ни взять с иллюстрации, изображающей смерда.

— На штанах есть липучка, — признался Колин, — но под рубахой ее не видно. Все слизал с книги подчистую. Буду изображать вашего оруженосца.

«Мог бы предвидеть», — упрекнул себя Дануорти.

— Колин. Тебе нельзя со мной.

— Почему? Я помогу вам в розысках. У меня хорошо получается.

— Потому что это невозможно.

— Ну да, теперь вы меня начнете пугать всякими средневековыми ужасами. Но ведь здесь тоже опасно. Вот хоть бабушка Мэри. В Средневековье она, может, уцелела бы. Я уже столько всего опасного переделал — лекарства носил, плакаты над койками развешивал. А пока вы болели, еще кучу всего, о чем вы даже не знаете.

— Колин…

— Вы слишком старый, вам нельзя туда одному. И потом, мне вас поручила бабушка Мэри. Вдруг у вас случится рецидив?

— Колин…

— Маме вот все равно, она бы меня отпустила.

— А мне не все равно. Поэтому я тебя не беру.

— Опять, значит, сидеть и ждать, — с горечью выпалил Колин. — И никто мне ничего не расскажет, и я даже не узнаю, живой вы там или умерли. — Он поднял куртку. — Так нечестно!

— Знаю.

— Можно мне хотя бы в лабораторию?

— Можно.

— И все-таки я бы на вашем месте меня взял. — Он принялся сворачивать колготки. — Костюм здесь оставить?

— Лучше не надо. Сестра может конфисковать.

— Что все это значит, мистер Дануорти? — раздался грозный голос миссис Гаддсон.

Оба подпрыгнули от неожиданности. Миссис Гаддсон, потрясая Библией, вошла в палату.

— Колин собирает одежду для благотворительного рейда, — помогая мальчику увязывать костюм в узел, объяснил Дануорти. — Передадут карантинным.

— Отличный способ распространять инфекцию

— делиться одеждой между больными, — фыркнула миссис Гаддсон.

Колин подхватил узел и выскочил за дверь.

— А уж пускать сюда ребенка, чтобы он тут бог знает чем заразился! Вчера вечером он предложил проводить меня домой из лечебницы, но я отказалась наотрез: «Не имею права рисковать твоим здоровьем!»

Миссис Гаддсон уселась рядом с койкой, раскрывая Библию.

— Вопиющая халатность — пускать этого мальчика к больным. Впрочем, мне ли удивляться, зная, как отвратительно поставлена работа в вашем колледже. Мистер Финч в ваше отсутствие превратился в настоящего деспота. Вчера он меня чуть не растерзал, а я всего-то попросила у него лишний рулон туалетной бумаги…

— Мне нужно увидеться с Уильямом, — сказал Дануорти.

— Здесь?! — опешила миссис Гаддсон. — В больнице? — Она с треском захлопнула Библию. — Не позволю. Слишком многие еще заразны, а бедный Уилли…

«Обнимается в бельевой с практиканткой».

— Передайте, пусть придет как можно скорее.

Миссис Гаддсон махнула на него Библией, буд-

то Моисей, обрушивающий на фараона десять казней египетских.

— Я обязательно доложу главе факультета о вашем преступном небрежении к здоровью студентов!

Она возмущенно удалилась и принялась громко жаловаться кому-то в конце коридора — видимо, медсестре, потому что в палату почти сразу же вошел Уильям, приглаживая волосы.

— Мне нужны инъекции стрептомицина и гамма-глобулина, — сообщил ему Дануорти. — Еще необходимо обеспечить мою выписку из больницы. И Бадри Чаудри тоже.

Уильям кивнул.

— Знаю. Колин говорил, что вы собираетесь вытаскивать застрявшую в прошлом практикантку. Есть у меня одна знакомая медсестра… — протянул он задумчиво.

— Сестра не может колоть уколы без санкции врача, и для выписки тоже понадобится чья-то подпись.

— У меня есть еще приятельница в канцелярии. Когда нужно?

— Чем скорее, тем лучше.

— Сейчас займусь. Дня два-три может уйти. — Он направился к выходу. — Я как-то видел

Киврин. Она приходила к вам в Баллиол. Очень даже ничего так.

«Надо будет предостеречь ее насчет этого ловеласа», — подумал Дануорти и поймал себя на неожиданном проблеске надежды. «Держись, — попросил он мысленно. — Я иду. Еще два-три дня».

Остаток вечера он мерил шагами коридор, разрабатывая мышцы. На обеих дверях палаты Бадри висело по плакату, «строжайше воспрещающему посещения», и старая грымза каждый раз пыталась испепелить Дануорти слезящимися голубыми глазами, когда он проходил мимо.

Потом прибежал Колин, промокший и запыхавшийся, с парой сапог.

— Бдит как цербер, — пожаловался он. — Мистер Финч просил передать, что сеть готова, только он не может никого найти для медпомощи.

— Поручи Уильяму, — посоветовал Дануорти. — Он занимается выпиской и стрептомициновым курсом.

— Знаю. От него у меня послание для Бадри. Сейчас вернусь.

Он не вернулся, Уильям тоже. Дануорти отправился к автомату позвонить в Баллиол, но сестра

вернула его с полдороги и отвела назад в палату. То ли усиленная оборона помешала просочиться даже миссис Гаддсон, то ли миссис Гаддсон все еще кипела от возмущения за Уильяма, но до самого вечера она не появлялась.

Сразу после ужина пришла хорошенькая медсестра, которую Дануорти до этого не видел. Со шприцем.

— Старшую сестру забрали на срочный вызов, — сообщила она.

— Что там? — спросил Дануорти, кивнув на шприц.

Девушка пальцем свободной руки простучала по клавиатуре, посмотрела на экран, побарабанила еще и подошла делать укол.

— Стрептомицин.

Судя по тому, как спокойно она себя вела, не озиралась, не нервничала, Уильяму удалось както сфабриковать направление на курс уколов. Выдавив содержимое шприца в катетер, девушка улыбнулась и вышла, не выключая терминал. Дануорти выбрался из постели и посмотрел, что там на экране.

Это оказалась его история болезни — точь-в-точь как у Бадри, такая же абракадабра. Последняя запись гласила:

«ПИТ 15802691 14-1-55 1805 150/повт 1800КС Ин. Стрептмц 4 мл/к6 ч ГСЗ 40-211-7 М. Аренс».

Дануорти опустился на койку. Мэри…

Видимо, Уильям добыл ее код доступа — через свою приятельницу в канцелярии скорее всего — и ввел его в компьютер. В канцелярии сейчас, разумеется, завал, куча писанины после эпидемии, поэтому там смерть Мэри еще не зафиксирована. Когда-нибудь они обнаружат эту накладку, а может быть, и нет, ведь ушлый Уильям наверняка заметет следы.

Дануорти прокрутил экран на более ранние записи. Подписи М. Аренс шли вплоть до 8-1-55, до самого дня ее смерти.

Боролась за его жизнь до последнего, пока сама могла на ногах стоять. Неудивительно, что у нее отказало сердце.

Выключив терминал, чтобы старшая сестра не заметила запись, он улегся в постель. Интересно, документы на выписку Уильям тоже сфабрикует за подписью Мэри? Если да, то хорошо, она была бы рада помочь.

За весь вечер больше никто его не навещал. В восемь часов приковыляла грымза, посмотрела пульс на тахобраслете, дала проглотить пилюлю термометра, ввела показания в терминал, но

ничего подозрительного не заметила. В десять зашла другая медсестра, тоже хорошенькая, сделала второй укол стрептомицина и дополнительно вколола гамма-глобулин.

Экран она не выключила, и Дануорти повернулся так, чтобы видеть подпись Мэри. Он думал, что не заснет, но заснул. Ему приснился Египет и Долина царей.

— Мистер Дануорти, просыпайтесь, — прошептал Колин, светя ему в лицо карманным фонариком.

— Что такое? — Дануорти, моргая, потянулся за очками. — Что случилось?

— Это я, Колин. — Мальчик направил фонарик на себя. На нем почему-то оказался белый медицинский халат, а лицо, подсвеченное снизу, выглядело напряженным и зловещим.

— Что стряслось?

— Ничего, — прошептал Колин. — Вас выписывают.

Дануорти нацепил очки, но все равно ничего не увидел.

— Сколько времени?

— Четыре. — Мальчик сунул ему тапочки и направил фонарик на шкаф. — Торопитесь, она вот-вот нагрянет. — Он ткнул в руки профессору

сорванный с крючка халат.

Дануорти, полусонный, путался в вещах, недоумевая, почему его выписывают посреди ночи, да еще без сестры.

Колин осторожно выглянул в коридор, потом, выключив фонарик, сунул его в карман слишком просторного халата и бесшумно притворил дверь. Выждав долгую напряженную паузу и затаив дыхание, он снова выглянул через узкую щель в коридор.

— Чисто. — Он махнул Дануорти. — Уильям увел ее в бельевую.

— Кого, медсестру? — все еще плохо соображая, спросил профессор. — Она еще дежурит?

— Не ее, грымзу. Он ее там задержит, пока мы выберемся.

— А миссис Гаддсон?

Колин смутился.

— Она читает мистеру Латимеру. Ну, мне нужно было чем-то ее отвлечь, а мистер Латимер все равно ее не слышит.

Он распахнул дверь пошире и взялся за ручки стоявшего в коридоре кресла-каталки.

— Я могу идти, — запротестовал Дануорти.

— Времени мало. А так, если нас кто-то засечет, я скажу, что везу вас на сцинтиграфию.

Дануорти сел в кресло, и Колин покатил его мимо бельевой и палаты Латимера. Из-за двери доносился приглушенный голос миссис Гаддсон, зачитывающей из Исхода.

До конца коридора Колин дошел на цыпочках, а потом припустил с такой скоростью, с какой уж точно не возят больных на сцинтиграфию. Еще коридор, поворот и в боковую дверь, у которой они когда-то наткнулись на пикетчика с плакатами «КОНЕЦ СВЕТА БЛИЗОК».

В переулке стояла кромешная темнота и лил дождь. В дальнем конце просматривались смутные очертания «Скорой». Колин постучал по задней дверце кулаком, и оттуда выпрыгнула санитарка. Та самая, которая увозила когда-то Бадри. И пикетировала Брэйзноуз.

— Сядете сами? — спросила она, заливаясь краской.

Дануорти кивнул, вставая с кресла.

— Закрой двери изнутри, — велела санитарка Колину, уходя в кабину.

— Только не говори, что она тоже подружка Уильяма, — попросил Дануорти, глядя ей вслед.

— Само собой. Пыталась у меня выведать, какой будет миссис Гаддсон в качестве свекрови. — Колин помог Дануорти забраться в салон.

— А где Бадри? — спохватился профессор, вытирая капли дождя с очков.

Колин закрыл двери.

— В Баллиоле. Мы его вывезли первым, чтобы он настроил сеть. — Колин обеспокоенно оглянулся в заднее окно. — Надеюсь, мы успеем уехать, до того как грымза поднимет тревогу.

— Даже не сомневаюсь, — ответил Дануорти. Они явно недооценивали Уильяма. Грымза наверняка сейчас прильнула к его груди в бельевой и вышивает их общий вензель на полотенцах.

Колин посветил фонариком на носилки.

— Я прихватил ваш костюм.

Дануорти сбросил халат и переоделся в протянутый ему черный дублет, чуть не повалившись на пол, когда «Скорая» тронулась. Усевшись на боковую скамью и держась за качающуюся стенку, он принялся сражаться с черными колготками.

Сирену санитарка не включала, но гнала на такой скорости, что лучше было бы включить. Одной рукой ухватившись за ременную петлю, другой рукой Дануорти натянул штаны, а Колин, шагнувший за сапогами, чуть не перекувырнулся через голову.

— Мы нашли вам плащ. Мистер Финч позаимствовал в Классическом театральном

обществе. — Колин развернул темный сверток и накинул на плечи Дануорти викторианский черный плащ с красной шелковой подкладкой.

— А эти что ставили? «Дракулу»?

«Скорая» лихо затормозила, чуть не завалившись набок, и санитарка распахнула задние двери. Колин помог Дануорти выбраться, неся за ним плащ, словно мантию. Они проскочили в арку. Дождь барабанил по камням, и сквозь эту дробь слышалось еще какое-то беспорядочное бренчание.

— Что это? — вглядываясь в темный двор, недоуменно спросил Дануорти.

— «Наконец грядет спаситель», — ответил Колин. — Американки репетируют какой-то церковный концерт. Некрозно, да?

— Миссис Гаддсон жаловалась, что они репетируют круглосуточно, но я никак не думал, что они действительно играют в пять утра.

— Так концерт сегодня.

— Сегодня? — Дануорти осознал, что уже пятнадцатое. Шестое по юлианскому календарю. Крещение. Прибытие волхвов.

Ему навстречу спешил Финч с зонтом.

— Простите, опоздал, — извинился он. — Нигде не мог отыскать зонт. Вы не представляете,

в каких количествах карантинные их теряют. Особенно американки…

Дануорти пошел к зданию.

— Все готово?

— Медпомощь еще не прибыла, — стараясь держать зонт над головой Дануорти, сообщил Финч. — Но Уильям Гаддсон только что звонил и сказал, что все улажено, и она скоро будет.

Дануорти не удивился бы, узнав, что на эту роль вызвалась старая грымза.

— Очень надеюсь, что Уильяма не потянет на криминальную стезю.

— Нет, сэр, не думаю. Его мать этого не допустит. — Финч засеменил, пытаясь не отстать. — Мистер Чаудри вводит предварительные координаты. И мисс Монтойя тоже здесь.

Дануорти остановился.

— Монтойя? Что-то случилось?

— Не знаю, сэр. Говорит, у нее для вас новости.

«Только не сейчас, — подумал Дануорти. — Не сейчас, мы уже почти рядом».

Он вошел в лабораторию. Бадри сидел за терминалом, а рядом в измазанных джинсах и штормовке стояла Монтойя, глядя на экран. Бадри что-то ей сказал, она покачала головой и посмотрела на часы. Обернувшись, она увидела

Дануорти, и лицо ее стало сочувственным. Она сунула руку в карман штормовки.

«Нет», — подумал Дануорти.

— Я не знала, что вы затеяли, — начала Монтойя, протягивая сложенный листок бумаги. — Вот, пытаюсь помочь чем могу. Это то, с чем предстояло работать Киврин по прибытии в прошлое.

Дануорти посмотрел на листок. Там была карта.

— Вот это переброска. — Монтойя ткнула пальцем в крестик на черной линии. — Здесь Скендгейт. Вы узнаете его по церкви. Норманнская церковь, с фресками над алтарной преградой и статуей святого Антония. Покровитель отчаявшихся, помощник в поиске всего, что потеряно, — улыбнулась она. — Только вчера узнала. Если почему-то она не попала в Скендгейт, то вероятнее всего могла оказаться в Эсткоте, Хенефельде и Шривендуне. — Монтойя по очереди показала на остальные крестики. — Опознавательные признаки перечислены на обороте.

Бадри встал из-за терминала и подошел к ним. Он выглядел еще изможденнее, чем в палате, хотя, казалось бы, дальше некуда, и двигался медленной стариковской походкой, действительно

состарившись на глазах.

— Сдвиг по-прежнему минимальный, какие переменные ни вводи. — Он ухватился рукой за ребра. — Буду держать прерывистую — с открыванием на пять минут через каждые два часа. Так можно протянуть целые сутки, а если повезет, то и сутки с половиной.

«Сколько из этих двухчасовых интервалов протянет сам Бадри, вот вопрос, — подумал Дануорти. — Вид у него такой, будто он прямо сейчас рухнет».

— Точку переброски вы отличите по мерцанию или искрящейся водяной пыли. Как заметите, сразу становитесь туда, — проинструктировал Бадри.

— А если будет темно? — полюбопытствовал Колин. Он скинул свой медицинский халат, под которым оказался костюм оруженосца.

— Мерцание все равно разглядите, а мы вас позовем, — пообещал Бадри и, охнув, снова схватился за бок. — Прививки сделаны?

— Да.

— Хорошо. Тогда ждем только медпомощь. — Он пристально посмотрел на Дануорти. — Вам точно хватит сил?

— А тебе?

Дверь открылась, и вошла Уильямова практикантка в дождевике. При виде Дануорти она смущенно зарделась.

— Уильям сказал, что вам нужен медик. Где мне развернуть медпункт?

«Обязательно надо предостеречь насчет него Киврин», — напомнил себе Дануорти. Бадри показал девушке, где можно устроиться, и Колин побежал за ее чемоданчиком.

Монтойя подвела Дануорти к очерченному мелом кругу под кисейными занавесями сети.

— Вы в очках будете перебрасываться?

— Да. Потом сможете откопать их у себя на погосте.

— До этого точно не дойдет, я уверена, — возразила Монтойя сурово. — Вы как хотите, сидя или лежа?

Он вспомнил Киврин, которая лежала, загородившись рукой, беспомощная и ничего не видящая.

— Стоя, — ответил Дануорти.

Колин вкатил большой кофр на колесах.

— Вам нельзя туда одному.

— Я не могу никого взять, Колин.

— Почему?

— Слишком опасно. Ты не представляешь, что

это такое, времена чумы.

— Представляю. Я книгу прочел два раза от корки до корки и тоже сделал… — Он осекся. — Я все знаю про чуму. И тем более, если там все так страшно, вам нельзя одному. Я правда не буду мешаться.

— Колин, — беспомощно вздохнул Дануорти, — я за тебя отвечаю. Не могу я рисковать.

К сети подошел Бадри с индикатором.

— Сестре нужно помочь принести остальное.

— Если вы не вернетесь, я никогда не узнаю, что с вами случилось, — выпалил Колин и, развернувшись, убежал.

Бадри медленно обошел вокруг Дануорти, снимая показания. Нахмурился, схватился за локоть, снова что-то измерил. Подошла медсестра со шприцем, и Дануорти закатал рукав дублета.

— Имейте в виду, я эту затею не одобряю, — предупредила девушка, протирая место для укола. — Вам обоим надо обратно в больницу, — вколов положенную дозу, она вернулась к своему чемоданищу.

Бадри, дождавшись, пока Дануорти раскатает рукав обратно, поднял его руку, снова что-то замерил и повернул руку под другим углом.

Колин притащил аппарат для УЗИ и снова вы-

шел, не взглянув на Дануорти.

Дануорти смотрел, как сменяются строчки на экране. Сквозь закрытую дверь колокольный перезвон казался почти мелодичным, но тут Колин распахнул ее, втаскивая второй кофр, и по ушам снова ударила бренчащая какофония.

Колин доволок чемодан до «медпункта» и встал рядом с Монтойей у терминала, глядя на бегущие цифры. Надо было соглашаться на переброску сидя, запоздало понял Дануорти. Жесткие сапоги нещадно жали, стоять становилось все тяжелее.

Бадри дал команду в микрофон, и занавеси опустились, собираясь мягкими складками на полу. Колин что-то сказал Монтойе, она кивнула, нахмурив брови, а потом снова уставилась на экран. Колин подошел к сети.

— Что ты делаешь? — насторожился Дануорти.

— Штора зацепилась. — Обойдя сзади, он потянул за складку.

— Готовы? — спросил Бадри.

— Да, — ответил Колин, пятясь к служебной двери. — Нет, стойте. — Он вернулся к шторам. — Очки, наверное, надо снять. Вдруг вас кто-то увидит в момент переброски.

Дануорти снял очки и сунул под дублет.

— Если не вернетесь, — пригрозил Колин, — я

сам за вами приду. Все, готово! — крикнул он, отходя.

Дануорти посмотрел на экраны. Все расплывалось. И Монтойя, перегнувшаяся Бадри через плечо, тоже расплывалась. Она посмотрела на часы. Бадри скомандовал в микрофон.

Дануорти закрыл глаза. Американки, не жалея сил, вызванивали «Наконец грядет спаситель».

— Поехали, — сказал Бадри и нажал кнопку. Колин, поднырнув под шторы, кинулся Дануорти на плечи.

Глава тридцать третья

Розамунду похоронили в могиле, вырытой для нее мажордомом. Он оказался прав. «Эти могилы вам еще пригодятся». Сами бы они с Рошем эту мерзлую землю не прокопали. Все, на что их хватило, это отнести Розамунду на луг.

Они уложили ее рядом с ямой. Закутанная в плащ, она казалась совсем тоненькой, истаявшей. Пальцы правой руки, сжавшиеся вокруг укатившегося яблока, просвечивали насквозь, до косточек.

— Ты ее исповедала? — спросил Рош.

— Да, — ответила Киврин, ничуть не лукавя. Ведь Розамунда действительно как на духу рассказала, что боится темноты, чумы и оставаться одна, что любит отца и понимает — больше им не увидеться. Призналась в том, в чем Киврин боялась признаться самой себе.

Расстегнув брошку, подаренную сэром Блуэтом, Киврин с головой закутала девочку в плащ, и Рош, подхватив ее, будто спящую, спустился в могилу.

Выбраться оттуда оказалось нелегко, и Киврин пришлось вытягивать его за огромные грубые руки.

— *Domine, ad adjuvandum me festina*[35], — начал читать Рош вместо заупокойной молитвы.

Киврин посмотрела на него с тревогой. Нужно поскорее убираться отсюда, пока он тоже не заразился. Однако поправлять его она не стала. Нельзя терять ни минуты.

— *Dormiunt in somno pads*[36], — закончил Рош и принялся засыпать могилу.

Дело двигалось бесконечно медленно. Киврин сменяла его, ковыряя смерзшуюся в монолитный холм землю и пытаясь прикинуть, докуда они успеют добраться засветло. Еще не полдень. Если не мешкать, можно преодолеть Вичвудский лес и, перейдя Оксфордско-Батскую дорогу, выехать на Мидлендскую равнину. Через неделю они будут в Шотландии, где-нибудь в Инверкассли или Дорнохе, куда не дотянулась чума.

— Отец Рош, — начала она, когда священник принялся прихлопывать холмик плоской стороной лопаты. — Нам нужно ехать в Шотландию.

— В Шотландию? — Он будто никогда не слышал такого названия.

— Да. Нужно убираться отсюда. Взять ослика и

---

[35] Примечания: 1.35
Господи, поспеши на помощь мне (лат.).

[36] Примечания: 1.36
Почивают сном мирным (лат.).

ехать в Шотландию.

— Тогда я возьму Святые Дары. Прежде чем трогаться в путь, надобно отзвонить по Розамунде, чтобы душа ее свободно вознеслась на небеса.

Киврин хотела возразить, что некогда, что уходить нужно тотчас же, немедленно, однако лишь кивнула.

— Пойду за Валаамом.

Рош зашагал к колокольне, а Киврин бегом кинулась к конюшне. Нужно отправляться не мешкая, пока еще чего-нибудь не случилось. Она словно боялась, что чума подстережет их и набросится из-за угла — из-за церкви, из-за амбара, из-за пивоварни.

Пробежав через двор, она вывела из конюшни ослика и принялась навьючивать на него переметную суму.

Колокол ударил один раз и умолк. Киврин замерла, сжимая в руках пряжку ремня, и прислушалась в ожидании второго удара. Трижды звонят по женщине, вспомнила она. По ребенку — один раз.

Застегнув пряжку, она принялась набивать суму. Полностью поклажа все равно не влезет. Придется навьючивать мешки сверху. Киврин насыпала в рогожный мешок овса, выгребая

обеими горстями из ларя и просыпая целые пригоршни на грязный пол, потом завязала мешок грубой веревкой, висевшей на стойле, где держали пони Агнес. Однако второй конец веревки оказался привязан к двери стойла тугим узлом, с которым никак не получалось совладать. В конце концов Киврин сдалась и побежала на кухню за ножом, а заодно принесла оттуда мешки с уже собранными припасами.

Отхватив веревку ножом, она разрезала ее на куски покороче и, кинув нож на пол, пошла к ослику. Тот пытался прогрызть дыру в мешке с овсом. Киврин примотала мешок вместе с остальными упрямцу на спину и повела ослика через луг к церкви.

Роша не было видно. Киврин помнила, что еще нужно забрать одеяла и свечи, но сначала хотела загрузить в суму Святые Дары. Еда, овес, свечи, одеяла. Что еще она забыла?

В дверях появился Рош, с пустыми руками.

— А где Святые Дары? — удивилась Киврин.

Он ничего не ответил. Привалившись к дверному косяку, он посмотрел на Киврин с таким же выражением лица, какое было у него, когда он сообщил ей про мажордома. «Но ведь все умерли, — подумала Киврин. — Больше никого

не осталось».

— Нужно позвонить в колокол, — проговорил он и двинулся к колокольне.

— На погребальный звон нет времени, — возразила Киврин. — Пора ехать в Шотландию. — Она привязала ослика к калитке, с трудом затянув узел деревенеющими на холоде пальцами, и ухватила Роша за рукав. — Что случилось?

Он резко обернулся, и Киврин испугалась, увидев его лицо. Оно снова стало свирепым, разбойничьим.

— Нужно звонить к вечерне, — рявкнул он, вырываясь.

«Ох, нет».

— Сейчас только полдень. Еще рано для вечерни.

«Он просто устал. Мы оба так измучились, что мысли путаются». Она снова взялась за его рукав.

— Пойдемте, отче. Пора в дорогу, если мы хотим выбраться из леса засветло.

— Час давно пробил, а я еще не звонил. Леди Имейн будет гневаться.

«Ох, нет. Только не это, нет, нет, нет».

— Я сама позвоню, — сказала Киврин, заступая ему дорогу. — А вы идите в дом и отдохните.

— Темнеет, — сердито буркнул он и распахнул рот, будто собираясь накричать на нее, но оттуда фонтаном выплеснулась рвота с кровью — прямо на куртку Киврин.

«Ох, нет. Нет, нет, нет!»

Рош в недоумении уставился на промокшую куртку, и лицо его обмякло.

— Пойдемте, вам нужно лечь, — позвала Киврин, думая: «Нам не дойти до дома».

— Я захворал?

— Нет. Вы просто устали и должны отдохнуть.

Она повела его в церковь. На пороге он споткнулся, и Киврин обмерла — ей ни в какую его не поднять, если он упадет. Толкнув тяжелую дверь спиной, она втянула его под руку внутрь и усадила, прислонив к стене.

— Умаялся, — проговорил он, откидываясь затылком на каменную кладку. — Посплю чуток.

— Правильно, поспите.

Как только он закрыл глаза, Киврин побежала в господский дом за одеялами и валиком, чтобы сделать тюфяк. Но когда она влетела в церковь, проехавшись по каменным плитам пола, Роша на прежнем месте не оказалось.

— Рош! — крикнула она, вглядываясь в темный неф. — Вы где?

Молчание. Прижимая тюфяк к груди, она снова кинулась во двор, однако ни на колокольне, ни на погосте священника не было. До дома он дойти никак не мог. Вернувшись в церковь, она зашагала по проходу — и нашла его, на коленях перед статуей святой Катерины.

— Ложитесь, — велела она, расстилая одеяла на полу.

Он послушно улегся, и Киврин подложила валик ему под голову.

— У меня бубонная чума, да?

— Нет, — ответила Киврин, укрывая его одеялом. — Вы просто устали. Постарайтесь поспать.

Он отвернулся на другой бок, но через несколько минут вскочил, снова рассвирепев, и скинул одеяла.

— Я должен звонить к вечерне! — прогремел он.

Выхода не было. Дождавшись, пока он снова провалится в сон, Киврин разорвала на ленты растрепавшуюся подкладку своей куртки и привязала Роша за руки к алтарной преграде.

— Не поступай так с ним, — сама себя не слыша, молила Киврин. — Пожалуйста! Очень прошу! Не надо так с ним!

Он открыл глаза.

— Господь не останется глух к столь истовой мольбе, — проговорил он и задышал глубже и спокойнее, засыпая.

Киврин выбежала наружу — отвязать и разгрузить ослика. Мешки она принесла в церковь, прихватив заодно и фонарь. Рош мирно спал. Тогда она снова осторожно выбралась из церкви и притащила из колодца ведро воды.

Рош вроде бы не просыпался, но когда Киврин выжала ему на лоб смоченную в холодной воде полоску, оторванную от алтарного покрова, пробормотал, не открывая глаз:

— Я боялся, что ты ушла.

Киврин стерла запекшуюся в углу его рта кровь.

— Я не поеду в Шотландию без вас.

— Не в Шотландию. На небеса.

Она пожевала сухую лепешку с сыром из продуктового мешка и прилегла поспать, но в церкви стоял ужасный холод. Когда Рош ворочался и вздыхал во сне, изо рта его шел пар.

Тогда Киврин развела костер перед алтарной преградой, разобрав на хворост изгородь вокруг одной из лачуг, и вся церковь тут же продымилась, несмотря на распахнутые настежь двери. Рош снова закашлялся, его вырвало. На этот раз

почти одной кровью. Потушив костер, Киврин сделала еще два торопливых рейса за одеялами и мехами, прихватив все, что попалось под руку, и соорудила из них что-то вроде гнезда вокруг Роша.

Ночью у священника началась горячка. Он разбрасывал покрывала, ругался на Киврин непонятными словами, хотя в какой-то момент произнес отчетливо: «Изыдите и будьте прокляты!», и снова и снова повторял исступленно, что уже темнеет.

Сняв свечи с алтаря и преграды, Киврин расставила их перед статуей святой. Когда крики про темноту стали совсем невыносимыми, она зажгла все свечи разом и укрыла Роша заново. Вроде бы помогло.

Но жар становился все сильнее, зубы Роша выбивали дробь, несмотря на все меха и одеяла. Киврин показалось, что кожа его уже начала чернеть от лопающихся сосудов и множественных кровоподтеков. «Не надо! Пожалуйста!»

Утром ему полегчало. Кожа осталась светлой, чернота лишь померещилась Киврин в неверном пляшущем свете свечей. Жар слегка улегся, Рош все утро и половину дня крепко проспал, без рвоты. К вечеру, пока не стемнело, Киврин пошла

набрать еще воды.

Бывали случаи, когда люди неожиданно выздоравливали, а некоторых удавалось и отмолить. Не все заразившиеся умирали. У легочной формы вероятность смертельного исхода всего девяносто процентов.

Когда Киврин вернулась, Рош не спал, лежа в полосе дымного света. Встав на колени, Киврин поднесла к его губам кружку с водой, поддерживая голову, чтобы легче было пить.

— Это синяя хворь, — просипел он, когда она осторожно опустила его голову обратно.

— Вы не умрете, — заверила Киврин. Девяносто процентов. Девяносто.

— Ты должна меня исповедать.

Нет. Он не может умереть. Тогда она останется совсем одна. Киврин, не в силах выдавить ни слова, помотала головой.

— Помилуйте меня, святой отец, ибо я согрешил, — начал Рош на латыни.

Он не грешил. Он ухаживал за больными, соборовал умирающих, хоронил усопших. Это Господу следовало бы молить о прощении.

— …мыслию, словом, делом и неисполнением долга. Я злился на леди Имейн. Я кричал на Мейзри. — Он сглотнул. — Я питал плотские помыслы

к ангелу Господнему.

Плотские помыслы.

— Смиренно молю тебя, Господи, прими мое покаяние, а вас, отче, отпустить грехи мои, аще сочтете достойным.

«Вам не за что просить прощения», — хотела сказать Киврин. Это никакие не грехи. Плотские помыслы. Мы опускали в могилу Розамунду, баррикадировали деревню от несчастного мальчугана и хоронили полугодовалого младенца. Конец света настал. Неужели человек не может позволить себе пару плотских помыслов?

Киврин беспомощно подняла руку, не в силах произнести слова отпущения, но Рош не заметил.

— Господи, — воскликнул он, — я глубоко каюсь, что оскорбил Тебя.

Оскорбил. «Вы и есть ангел Божий, — хотела сказать ему Киврин. — А он где? Где он, черт побери? Почему он не придет и не спасет вас?»

Масла не было. Киврин окунула пальцы в ведро с водой и сотворила крест, коснувшись глаз, ушей, носа, рта и ладоней, что держали ее руку, когда она лежала при смерти.

— *Quid quid deliquiste*, — произнес он, и Киврин, снова обмакнув пальцы в воду, перекрестила

подошвы его ног.

— *Libera nos, quaesumus, Domine,* — подсказал Рош.

— *Ab omnibus malis,* — проговорила Киврин, — *praeteritis, praesentibus, et futuris.*

— *Perducat te ad vitam aeternam*[37], — пробормотал Рош.

— Аминь, — закончила Киврин и наклонилась остановить хлынувшую у него изо рта кровь.

Его рвало всю ночь и почти весь следующий день, а потом он впал в беспамятство, и дыхание его стало прерывистым и поверхностным. Киврин сидела рядом, обтирая водой его пылающий лоб.

— Не умирай, — попросила она, когда он вдруг задохнулся, а потом снова задышал, через силу. — Не умирай, — повторила Киврин чуть слышно. — Что я буду делать без тебя? Я останусь совсем одна.

— Ты не должна здесь оставаться, — выдавил он, приоткрыв воспаленные, покрасневшие глаза.

---

[37] Примечания: 1.37

Этим святым помазанием…

Избавь нас, молим Тебя, Господи, от всех зол прошедших, настоящих и будущих…

…да приведет тебя к жизни вечной (лат.)

— Я думала вы спите, — извинилась Киврин. — Не хотела вас будить.

— Ты должна отправиться обратно на небеса, — проговорил он. — И помолиться за мою душу в чистилище, чтобы она там пробыла как можно меньше.

Чистилище. Неужели Господь после всех этих мук собирается мучить его еще?

— Вам мои молитвы не понадобятся, — успокоила Киврин.

— Ты должна вернуться туда, откуда явилась. — Он слабо махнул рукой перед лицом, будто закрываясь от удара.

Киврин перехватила грубую кисть и мягко, чтобы не оставить на его коже синяков, приложила к своей щеке.

Ты должна вернуться туда, откуда явилась. «Если бы я только могла». Сколько, интересно, они продержали сеть открытой вопреки всему? Четыре дня? Неделю? Может, она до сих пор открыта? Мистер Дануорти не позволит ничего закрывать, пока остается хоть малейшая надежда. «Но ее нет. Я не в 1320-м. Я здесь, на пороге конца света».

— Не могу, — ответила она. — Я не знаю дороги.

— Вспоминай. — Рош высвободил руку и снова

взмахнул ею. — Агнес, нарежь вилкой.

Бредит. Киврин поднялась на колени, опасаясь, что он вновь попытается вскочить.

— Там, где ты упала. — Он поддержал одной рукой локоть другой, и Киврин поняла, что он силится показать направление. — Сразу вилкой.

За развилкой.

— За развилкой? Что там?

— Место, где я тебя нашел, когда ты свалилась с небес. — Он уронил руки на тюфяк.

— Я думала, меня нашел Гэвин.

— Да, — подтвердил он, не находя здесь никакого противоречия. — Я встретил его по пути, когда вез тебя в поместье.

Он встретил Гэвина по пути.

— Там, где упала Агнес, — напомнил Рош. — Когда мы ездили за остролистом.

«Почему же ты не сказал мне, когда мы были там?» Но Киврин уже знала ответ. Рош был занят борьбой с упрямым ослом, который застыл на вершине холма как вкопанный и отказывался сдвинуться с места.

«Он видел меня в момент переброски. — Киврин поняла, что это Рош тогда стоял над ней на полянке. — Я его слышала. Я нашла его след».

— Ты должна вернуться туда, а оттуда на небе-

са, — повторил он и закрыл глаза.

Он видел ее в момент переброски, стоял над ней, когда она выжидала, прислушиваясь, а потом посадил на ослика, когда она заболела. А она так и не догадалась, даже увидев его в церкви, даже услышав от Агнес, что он считает ее святой.

Потому что Гэвин рассказывал всем, что нашел ее. Гэвин, «гораздый похваляться», Гэвин, больше всего на свете мечтающий отличиться перед леди Эливис. «Я нашел вас и привез сюда», — сказал рыцарь, возможно, даже не кривя душой. Кто такой деревенский священник, в конце концов? Никто. И все это время, что болела Розамунда, Гэвин умчался в Бат, а переброска открылась и закрылась навеки, Рош знал, где находится та поляна.

— Меня ждать нет нужды, — выдохнул Рош. — А тебя уже давно хватились.

— Тс-с-с, — прошептала Киврин вполголоса. — Вам нужно поспать.

Он забылся беспокойным сном, и руки его, не в силах угомониться, теребили покрывала и куда-то указывали. Скинув одеяло, он снова попытался дотронуться до своего паха. «Бедняга, — подумала Киврин. — Неужели даже умереть человеку не дадут пристойно?»

Сложив руки священника на груди, она укрыла его, но он отпихнул одеяло и задрал рясу выше пояса. Снова схватившись за пах, он вдруг резко отдернул руку, конвульсивно дернувшись, и чем-то это движение напомнило Киврин Розамунду.

Она нахмурилась. Рвота кровью и сама стадия эпидемии указывали на легочную форму чумы, тем более что никаких бубонов под мышками Роша, когда он снял куртку, Киврин не заметила. Она откинула край рясы, обнажив шерстяные штаны грубой вязки. Туго натянутые на поясе, они перепутались с подолом ризы и снять их, не приподняв Роша, не было никакой возможности, а за этими складками многослойной задранной одежды ничего не просматривалось.

Она осторожно коснулась его бедра, помня, как болезненно реагировала на прикосновения к своему плечу Розамунда. Рош вздрогнул, но не проснулся, и она провела ладонью по внутренней стороне, едва касаясь ткани. Нога пылала жаром.

— Простите меня, — сказала Киврин и сунула руку ему между ног.

Рош завопил и дернулся, резко согнув колени, но Киврин уже успела отскочить, зажав рот рукой. Бубон был громадный и раскаленный на ощупь. Его следовало вскрыть еще полдня назад.

Роша не разбудил даже собственный вскрик. Лицо его пошло пятнами, дышал он шумно и ровно. От конвульсивного рывка одеяла опять разметались. Киврин взяла себя в руки и укрыла его. Священник снова свел колени, но уже не так резко, и Киврин, обложив его одеялами, сняла с алтарной преграды последнюю свечу, поставила ее в фонарь и запалила от мерцающих перед статуей лампадок.

— Я тотчас же вернусь, — пообещала она и пошла к выходу.

На свету она невольно заморгала, хотя уже смеркалось. Несмотря на пасмурное небо, ветра почти не было, и снаружи казалось даже теплее, чем в церкви. Киврин побежала через луг, заслоняя открытое окошко фонаря рукой.

Где-то на конюшне валяется острый нож. Она резала им веревку, когда собирала мешки в дорогу. Только его необходимо стерилизовать перед операцией. Нужно срочно вскрыть этот воспалившийся лимфоузел. В паху бубоны оказываются в опасной близости от бедренной артерии. Даже если Рош сразу не истечет кровью, весь этот яд попадет прямо в кровоток. Давным-давно надо было вскрыть.

Конюшня стояла распахнутой — и внутри кто-

то возился. У Киврин замерло сердце.

— Кто там? — крикнула она, поднимая фонарь повыше.

В стойле ворочалась мажордомова корова, поедая рассыпанный овес. Обернувшись, она замычала на Киврин и, спотыкаясь, побежала к ней.

— Мне не до тебя, — сказала Киврин. Выхватив нож из вороха спутанных веревок, она выскочила наружу. Корова не отставала, неуклюже ковыляя с переполненным выменем и жалобно мыча.

— Уходи, — велела Киврин сквозь подступающие слезы. — Я должна помочь ему, или он умрет.

Она поглядела на нож. Нож был грязный. Он был грязный еще до того, как она стала резать им веревку, и, повалявшись на унавоженном земляном полу, чище не стал.

Подойдя к колодцу, Киврин заглянула в бадью. На дне, под тонкой ледяной коркой, плескалось воды не больше чем на два пальца. Даже нож толком не помоешь. А разводить костер и кипятить — вечность уйдет. Нельзя терять ни минуты, бубон мог уже сам лопнуть. Где-то нужно раздобыть спирт, алкоголь, но все вино ушло на вскрытие бубонов и причащение умирающих.

Киврин вспомнила про бутыль, которую клирик припрятал в светлице Розамунды.

Корова попыталась оттеснить ее.

— Нет, — твердо сказала Киврин и, подхватив фонарь, толкнула дверь господского дома.

В сенях было темно, но сквозь узкие окна в зал струился свет, ложась длинными дымно-золотистыми полосами на холодный очаг, трапезный стол и рассыпавшиеся из мешка яблоки.

Крысы не разбежались. Они посмотрели на вошедшую Киврин, дергая маленькими черными ушками, а потом снова принялись грызть яблоки. На столе копошилась по крайней мере дюжина крыс, одна сидела на трехногом табурете Агнес, будто в молитве сложив изящные лапки.

Киврин поставила фонарь на пол.

— Убирайтесь!

Крысы на столе даже не обернулись. Молящаяся смерила Киврин холодным взглядом поверх сложенных лапок, словно незваную гостью.

— Выметайтесь отсюда! — заорала Киврин, топая ногами.

Они все равно не разбежались. Две спрятались за солонкой, а одна со стуком уронила яблоко. Оно покатилось и шлепнулось на тростниковый пол.

Киврин подняла нож.

— Прочь! — Она обрушила его с размаху на столешницу, и крысы брызнули врассыпную. — Из! — Она снова занесла нож. — Этого! — Киврин смахнула яблоки со стола, они запрыгали по тростниковому ковру. Сидевшая на табурете крыса в панике побежала прямо на Киврин. — Дома! — Киврин запустила в нее ножом, и крыса, слетев под табурет, скрылась в тростнике.

— Выметайтесь отсюда… — выдохнула Киврин и закрыла лицо руками.

— Мууууу! — промычала корова из сеней.

— Это болезнь, — дрожащим голосом прошептала Киврин, зажимая рот ладонью. — Здесь нет ничьей вины.

Она подобрала нож и фонарь. Корова наполовину протиснулась в дверь и застряла. Зал оглашало горестное мычание.

Бросив ее там, Киврин поднялась в светлицу, стараясь не обращать внимания на шорох лапок над головой. В комнате стоял ледяной холод. Штора на окне оторвалась и висела на одном крючке. Полог с одного бока тоже оборвался под весом цеплявшегося за него клирика, а перина наполовину съехала на пол. Из-под кровати доносился шорох, но Киврин не стала разбираться, что там. Резная крышка сундука была откинута на

спинку кровати, и внутри виднелась сложенная пурпурная мантия клирика.

Бутылка вина закатилась под кровать. Бросившись на пол, Киврин попыталась ее оттуда вытащить, но она укатилась от толчка еще дальше, и Киврин пришлось заползти под кровать наполовину, прежде чем удалось ухватить ее.

Затычка вылетела. Давно — вероятно, еще когда все толпились возле клирика. На горлышке застыло несколько липких капель.

— Нет, — пробормотала Киврин безнадежно и застыла в оцепенении с пустой бутылью в руках.

В церкви вина больше нет. Рош все израсходовал на соборования.

Внезапно Киврин вспомнила про ту бутыль, которую Рош ей выдал, чтобы промывать колено Агнес. Ввинтившись еще глубже под кровать, она осторожно пошарила за изголовьем, боясь опрокинуть бутылку. Сколько там оставалось, бог весть.

Несмотря на осторожность, она все-таки чуть ее не смахнула, но успела вовремя перехватить широкое горлышко. Выбравшись из-под кровати, Киврин потрясла бутылку. Почти половина. Она заткнула нож за пояс куртки, зажала бутыль под мышкой, ухватила мантию клирика и спу-

стилась вниз. Крысы, собравшиеся продолжить прерванную пирушку, при появлении Киврин на лестнице снова разбежались. Она не стала смотреть, куда они скрываются.

Корова протиснулась в дверь почти на две трети и безнадежно заткнула выход. Раскидав ногой тростник, чтобы можно было ровно поставить бутылку, Киврин сложила свою ношу на пол и вытолкнула корову наружу под непрекращающееся страдальческое мычание.

Однако несчастная скотина тут же стала ломиться обратно в сени.

— Нет! — сказала Киврин. — Некогда.

Но все же поднялась на амбарный чердак и сбросила оттуда корове охапку сена. А потом, подхватив бутылку и плащ, побежала в церковь.

Рош лежал без сознания. Тело его обмякло, огромные ноги были широко разбросаны, а руки лежали вдоль туловища ладонями вверх. Его словно опрокинули навзничь мощным ударом. Дышал он тяжело и прерывисто, будто в ознобе.

Киврин укрыла его тяжелым пурпурным плащом.

— Рош, я вернулась.

Она похлопала его по простертой руке, но он даже не шелохнулся. Подняв шторку фонаря,

Киврин зажгла от него все остальные свечи. Из тех, что передала леди Имейн, остались только три, и то уже наполовину сгоревших. Оглянувшись, она запалила заодно и лучины, и толстую сальную свечу в нише святой Катерины, а потом сдвинула их поближе к ногам Роша, чтобы хоть что-то видеть.

— Я сниму с вас штаны, — предупредила она, откидывая покрывало. — Нужно вскрыть бубон. — Она развязала потрепанный пояс штанов. Рош лежал смирно, только застонал негромко и будто захлебываясь.

Киврин попыталась сперва спустить штаны с бедер, потом потянула за штанины, но они сидели слишком туго. Придется разрезать. Жаль, не догадалась прихватить из дома Розамундины ножницы.

— Сейчас разрежу, — сообщила Киврин, отползая туда, где оставила нож и бутылку вина. — Я постараюсь осторожно, чтобы вас не поранить.

Она понюхала горлышко бутылки, сделала глоток и поперхнулась. Хорошо. Вино старое, крепкое. Киврин полила им лезвие ножа, вытерла о собственные штаны, полила еще, стараясь оставить побольше, чтобы хватило на обработку раны.

— *Beata*[38], — пробормотал Рош, нащупывая пах.

— Все хорошо, — успокоила его Киврин и, взявшись за одну штанину, надрезала шерстяную ткань. — Я понимаю, что болит, но сейчас я его вскрою. — Ухватившись за края надреза обеими руками, она рванула в разные стороны, и ткань разошлась с громким треском. Рош дернул коленями. — Нет, нет, не сгибайте. — Киврин налегла на них, прижимая к полу. — Мне нужно вскрыть бубон.

Колени не поддавались. Оставив их на время в покое, она разорвала штанину до конца, чтобы добраться до бубона. Тот оказался в два раза крупнее Розамундиного и абсолютно черный. Давным-давно надо было его вскрыть, много дней назад.

— Рош, опустите ноги, пожалуйста, — попросила Киврин, наваливаясь на них всем весом. — Нужно вскрыть чумной нарыв.

Он не реагировал. Возможно, просто ее не слышал, а мышцы сгибались рефлекторно, помимо его воли, как у клирика, но Киврин некогда было ждать, пока пройдет спазм. Бубон мог лопнуть в

---

[38] Примечания: 1.38
Славная, блаженная (лат.).

любой момент.

Поразмыслив, она опустилась на пол и просунула руку с зажатым в ней ножом под согнутые колени. Рош застонал, Киврин перехватила нож и осторожно, плавно подвела его острием к самому бубону.

От мощного удара ногами в грудь Киврин полетела навзничь. Нож выскочил у нее из рук и лязгнул по каменным плитам. Задохнувшись, Киврин, хрипя, хватала ртом воздух. Она попыталась сесть, но правый бок словно огнем обожгло, и она повалилась обратно, схватившись за ребра.

Рош кричал, протяжным диким криком, как затравленный зверь. Киврин медленно перекатилась на левый бок, крепко зажав правый ладонью, и приподняла голову, силясь посмотреть, что со священником. Он качался взад-вперед, как ребенок, отчаянно голося и подтянув голые ноги к груди. Бубона Киврин не разглядела.

Она привстала на локте, опираясь рукой о каменный пол, потом осторожно подтянула ее к себе, садясь, и наконец встала на колени, постанывая от боли, однако ее скулеж утонул в крике Роша. Должно быть, от удара треснуло несколько ребер. Киврин плюнула на ладонь — нет, крови не видно.

Поднявшись на колени, она посидела на пятках, обхватив себя руками, чтобы унять боль.

— Простите, — прошептала она. — Я не хотела вас обидеть. — Ползком на коленях Киврин двинулась к Рошу, помогая себе правой рукой. От движения она задышала глубже, и каждый вдох отзывался кинжальной резью в боку. — Все хорошо, Рош, я иду, уже иду…

Услышав ее голос, он судорожно прижал колени к груди, и Киврин обогнула его сбоку, подползая вдоль стены, чтобы он ее снова не задел. Одна из свечей, опрокинутая ударом, лежала в лужице разлившегося воска, но все еще горела. Киврин подняла ее и положила руку Рошу на плечо.

— Ш-ш-ш, все хорошо. Я здесь. — Крики смолкли. — Простите, — повторила она, наклоняясь. — Я не хотела вас обидеть. Я только пыталась вскрыть бубон.

Колени прижались к груди еще плотнее. Подхватив красную свечу, Киврин подняла ее над обнаженным бедром Роша. Бубон чернел на прежнем месте, такой же твердый и громадный. Нож не оставил на нем даже царапины. Киврин приподняла свечу повыше, оглядываясь в поисках ножа. Он улетел куда-то к могиле рыцаря. Киврин посветила туда, надеясь, что лезвие блес-

нет в темноте.

Она стала осторожно разгибаться, чтобы не потревожить ребро, но боль снова накрыла ее и заставила с криком согнуться пополам.

— Что такое? — подал голос Рош. Он открыл глаза, в углу рта выступила кровь. Наверное, прикусил язык, когда кричал и дергался. — Я тебя зашиб?

— Нет, — опускаясь рядом с ним на колени, ответила Киврин. — Нет. Ничего страшного. — Она вытерла его губу рукавом куртки.

— Ты должна… — начал он, и изо рта снова полилась кровь. Он сглотнул. — Ты должна прочитать отходную.

— Нет, — воспротивилась Киврин, вытирая кровь. — Вы не умрете. Нужно вскрыть бубон, пока он сам не лопнул.

— Не надо, — произнес Рош, и Киврин не поняла, о чем он просит — не вскрывать или просто не уходить. Сквозь стиснутые зубы продолжала струиться кровь. Киврин вновь опустилась на пятки, стараясь не закричать, и уложила голову священника себе на колени.

— *Requiem aeternam dona eis*, — начал он, и в

горле его что-то булькнуло. — *et lux perpetua*[39].

Рош захлебывался кровью. Киврин приподняла ему голову повыше, подоткнув под нее скомканную пурпурную мантию, и вытерла рот и подбородок рукавом куртки. Рукав уже промок насквозь. Киврин потянулась за ризой.

— Не надо, — попросил Рош.

— Я здесь, я никуда не иду.

— Помолись за меня. — Он попытался сложить руки на груди. — Рек… — Он снова захлебнулся, и конец слова потонул в крови.

— *Requiem aeternam*, — послушно произнесла Киврин, сама сложив руки в молитве. — *Requiem aeternam dona eis, Domine*.

— *Et lux…*

Красная свеча рядом с Киврин зачадила и погасла, наполнив церковь едким запахом дыма. Киврин оглянулась на остальные свечи. Горела только одна, последняя из восковых, переданных леди Имейн, да и та оплавилась до крошечного огарка.

— *Et lux perpetua*, — проговорила Киврин.

— *Luceat eis*, — сказал Рош. Запнувшись, он хотел облизать окровавленные губы, но распух-

---

[39] Примечания: 1.39
Вечный покой даруй им, Господи, и свет вечный… (лат.).

ший язык не ворочался. — *Dies irae, dies ilia*[40]. — Сглотнув, он попытался закрыть глаза.

— Не мучай его больше, — прошептала Киврин на современном английском. — Пожалуйста! Это несправедливо.

«Beata», услышала Киврин и стала припоминать следующую строчку, но она точно не начиналась с «блаженной».

— Что? — переспросила она, склоняясь ближе.

— В последние дни, — проговорил он неразборчиво. Киврин наклонилась еще ниже. — Я боялся, что Господь совсем оставит нас. — «Так и есть, — подумала Киврин, промокая его рот и подбородок подолом куртки. — Оставил». — Но он по милосердию своему послал нам ангела…

Подняв голову, Рош закашлялся, заливая кровью свою грудь и колени Киврин. Она лихорадочно попыталась остановить поток, приподнять голову Роша, но все поплыло в пелене слез.

— А я ничем не могу помочь, — вытирая глаза, прошептала она.

— Почему ты плачешь?

— Вы спасли мне жизнь, — выдавила Киврин сквозь душившие ее рыдания, — а я не могу спа-

---

[40] Примечания: 1.40
И свет вечный да светит им. День гнева, судный день (лат.).

сти вашу.

— Все умирают, — сказал Рош. — И никому, даже Христу, не под силу спасти их.

— Да. — Она закрыла лицо руками, и слезы закапали Рошу на шею.

— И все же ты спасла меня, — проговорил он, чуть более отчетливо. — От страха. И безверия, — закончил он, захлебнувшись вдохом.

Киврин вытерла слезы тыльной стороной ладони и взяла Роша за руку. Она была холодной и уже коченела.

— Я благословен среди людей, — сказал он и закрыл глаза.

Киврин откинулась на стену. Снаружи стемнело, свет больше не проникал сквозь узкие окна. Свеча леди Имейн заморгала.

Киврин немного подвинула голову Роша, чтобы не давила на ребро. Рош застонал, и рука его дернулась, будто желая высвободиться, но Киврин сжимала ее крепко. Свеча вспыхнула напоследок ярко-ярко — и церковь погрузилась в кромешную тьму.

Запись из «Книги Страшного суда»

(082808-083108)

Вряд ли я теперь попаду назад, мистер Дануорти. Рош сказал мне, где переброска, но у меня, кажется, сломаны ребра, а лошадей у нас увели. Ехать на ослике Роша без седла я тоже не смогу.

Постараюсь устроить так, чтобы мисс Монтойя нашла диктофон. Передайте мистеру Латимеру, что в 1348-м флексии у прилагательных еще не отмерли. А мистеру Гилкристу скажите, что он ошибался. Статистика смертности во времена чумы нисколько не преувеличена.

(Пауза.)

Пожалуйста, не вините себя в том, что случилось. Я знаю, вы обязательно забрали бы меня, если бы могли, но я бы все равно не ушла, пока болела Агнес.

Я сама хотела сюда попасть, и если бы не попала, они остались бы совсем одни, и некому было бы рассказать об их страхах, мужестве и неповторимости.

(Пауза.)

Странно. Когда я не могла отыскать переброску и к нам пришла чума, вы казались так далеко, что я не чаяла когда-нибудь вас увидеть. Теперь я понимаю, что все это время вы были рядом, и

ничто — ни чума, ни семь сотен лет, ни смерть, ни будущее, ни другая какая тварь — не отлучит меня от вашей заботы и беспокойства. Я чувствовала их каждую минуту.

Глава тридцать четвертая

— Колин! — воскликнул Дануорти, хватая за руку мальчишку, нырнувшего рыбкой под штору. — Ты что творишь?

Колин вывернулся.

— Вам нельзя туда одному!

— Ты с ума сошел вот так проскакивать в сеть? Это тебе не карантинный кордон. А если бы она открылась? Ты бы погиб! — Он снова ухватил мальчишку за руку и шагнул к терминалу. — Бадри! Останови переброску!

Бадри там не было. Дануорти близоруко сощурился, ища взглядом терминал. Вокруг тянулись к небу деревья, на земле лежал снег, а в воздухе мерцала искрящаяся взвесь.

— Если вы пойдете один, кто о вас позаботится? — продолжал Колин. — Если у вас случится рецидив? — Он выглянул из-за плеча Дануорти и изумленно открыл рот. — Это мы уже там?

Отпустив руку мальчика, Дануорти нашарил под дублетом свои очки.

— Бадри! — крикнул он. — Открой сеть! — Очки покрылись инеем, и профессор, сорвав их с носа, принялся скрести стекла. — Бадри!

— Где мы? — спросил Колин.

Дануорти нацепил очки и обвел деревья взглядом. Они выглядели старыми, посеребренные инеем стволы обвивал плющ. Никаких следов Киврин не наблюдалось.

Глупо было думать, что она сидит тут и ждет. Бадри ведь уже открывал сеть, и Киврин не появилась, но Дануорти надеялся, что, осознав, куда она попала, Киврин придет на переброску и дождется. Однако здесь ее не оказалось, и непохоже, что она здесь когда-то была.

Снег лежал белым нетронутым ковром. Достаточно глубокий, чтобы скрыть следы, но недостаточно для того, чтобы спрятать разбитую повозку с поклажей. На Оксфордско-Батскую дорогу эта поляна тоже мало походила.

— Не знаю, где мы, — признался Дануорти.

— По крайней мере это не Оксфорд, — заключил Колин, топая по снегу. — Потому что дождя нет.

Дануорти поднял голову к черной паутине веток на фоне бледного ясного неба. Если сдвиг получился такой же, как у Киврин, то сейчас примерно середина утра.

Колин кинулся, взметая снег, к рыжеватому ивняку.

— Ты куда? — окликнул его Дануорти.

— Искать дорогу. Нас ведь на дорогу перебрасывали. — Он скрылся в зарослях.

— Колин! Сейчас же вернись! — крикнул Дануорти, шагая следом.

— Вот она! — отозвался Колин. — Дорога тут!

— Вернись немедленно!

Колин раздвинул ветки руками с той стороны.

— Идите сюда. Она ведет на холм, — продираясь сквозь лозу обратно на поляну, рассказал мальчик. — Можно взойти на него и осмотреться.

На коричневой рубахе темнели пятна растаявшего снега, а в глазах читалась настороженность.

— Вы хотите отправить меня обратно?

— Так надо, — ответил Дануорти, мрачнея. Бадри откроет сеть не раньше, чем через два часа, и сколько она продержится открытой, неизвестно. Терять целых два часа немыслимо, но и оставлять Колина в этом времени нельзя. — Я за тебя отвечаю.

— И я за вас, — упрямился Колин. — Перед бабушкой Мэри. Вдруг случится рецидив?

— Как ты не поймешь? Чума…

— Да все я понимаю. Правда. Мне вкололи стрептомицин и разное прочее. Я уговорил Уильяма, чтобы он попросил медсестру. Сейчас вы

меня все равно не отошлете, переброска закрыта, а стоять здесь и ждать битый час — мы замерзнем. Зато если сразу же отправимся искать Киврин, можем к тому времени ее уже найти.

Дануорти начинала пробирать дрожь под викторианским плащом, а рогожная рубаха Колина, к тому же мокрая, защищала от холода еще хуже, чем оксфордская куртка.

— Ладно, поднимемся на холм. Только сперва нужно оставить здесь метку, чтобы не заблудиться. И не вздумай больше убегать. Постоянно держись на виду. У меня нет времени еще и тебя искать.

— Я не потеряюсь, — заверил Колин, копаясь в своем узле и вытаскивая плоскую коробочку. — Вот, это навигатор. Он уже настроен на поляну.

Придержав вербовые ветки, мальчик пропустил Дануорти, и они вышли на дорогу. Под этим громким названием скрывалась скромная коровья тропа, запорошенная нетронутым снегом, на котором чернели разве что беличьи следы — и еще собачьи, а может быть, волчьи. Колин послушно держался рядом с Дануорти до середины холма, но потом, уже не в силах сдерживаться, припустил бегом.

Дануорти брел за ним, превозмогая растущую

боль под ребрами. На середине холма деревья кончились, и разгулялся пронизывающий ветер.

— Вижу деревню! — крикнул сверху Колин.

Дануорти добрался до макушки. Здесь ветер дул еще сильнее, пробирая насквозь и гоня по бледному небу длинные ленты облаков. Далеко на юге тонкая струйка дыма тянулась вертикально вверх, но там ветер резко рвал ее к востоку.

— Видите? — показал Колин.

Перед ними расстилалась заснеженная равнина, и обилие яркой белизны резало глаза. На этом белом фоне чернели голые деревья и дороги, словно метки на карте. Оксфордско-Батская дорога тянулась прямой темной полосой, рассекающей равнину надвое, а Оксфорд вырисовывался вдали карандашным наброском. Над темными стенами виднелись укрытые снегом крыши и квадратная башня Святого Михаила.

— Кажется, чума сюда еще не добралась, — поделился мыслями Колин.

Похоже, он прав. Все выглядит таким безмятежным, нетронутым… Старинный Оксфорд из романтических преданий. Невозможно представить, что здесь лютует чума, — заваленные трупами повозки на узких улицах, заколоченные брошенные колледжи, и повсюду мертвые и уми-

рающие. Невозможно вообразить, что где-то тут, в одной из этих невидимых деревень, — Киврин.

— Видите, вон там? — Колин показал на юг. — За деревьями.

Дануорти прищурился, пытаясь различить спрятавшиеся между перелесками дома. Сквозь серые ветви проступал какой-то темный силуэт — то ли церковная башня, то ли угол господского дома.

— Туда ведет дорога, — продолжал Колин, тыкая пальцем в узкую серую ленту, начинающуюся где-то на склоне под их ногами.

Дануорти принялся изучать выданную Монтойей карту. Понять, какая это деревня, не зная, как далеко они оказались от запланированного места переброски, не представлялось возможным даже с помощью подробных примечаний. Если холм строго южнее, то деревня слишком далеко к востоку для Скендгейта, однако и на предполагаемом месте тоже никакой деревни не обнаруживалось, сплошное ровное белое поле.

— Ну что? — спросил Колин. — Идем туда?

Кроме этой деревни (если это действительно деревня) других поблизости не наблюдалось, а пути до нее было не больше километра. Если это и не Скендгейт, она хотя бы в подходящем на-

правлении, и если там отыщется какой-нибудь из отмеченных Монтойей «отличительных признаков», то они с Колином хотя бы сориентируются.

— Не отходи от меня ни на шаг и ни с кем не заговаривай, — велел Дануорти.

Колин рассеянно кивнул.

— Дорога, кажется, там, — сказал он, сбегая по пологой стороне холма.

Дануорти двинулся следом, стараясь не думать, сколько здесь таких деревушек, как мало у них времени и куда подевались все силы после первого же подъема на холм.

— Как ты уломал Уильяма на инъекции стрептомицина? — Полюбопытствовал он, поравнявшись с Колином.

— Ему нужен был рабочий код доступа бабушки Мэри, чтобы подделать разрешения. А код лежал в аптечке, в пакете с покупками.

— И ты не давал ему код, пока он не согласился?

— Да. И еще пригрозил рассказать его маме про всех этих девушек. — Колин снова умчался вперед.

За дорогу они, как выяснилось, принимали изгородь. Идти напрямик через поле, которое она опоясывала, Дануорти отказался.

— Нужно держаться дорог.

— Но так ведь быстрее, — возразил Колин. — Заблудиться мы не заблудимся, у нас есть навигатор.

Дануорти не стал спорить попусту. Он зашагал по прежней тропке, ища развилку. Однако у леса, с которым сливались узкие пашни, тропа заворачивала назад на север.

— А если тут вообще нет дороги? — спросил Колин через полкилометра.

Дорога обнаружилась за следующим поворотом. Она была еще уже, чем та, что у переброски, и с самого снегопада по ней никто не ездил. Дануорти с Колином направились по ней, на каждом шагу проламывая корку наста. Дануорти тревожно оглядывался по сторонам, высматривая жилье, однако за густыми деревьями ничего не было видно.

Ковылять по снегу оказалось трудно, и Дануорти начал выбиваться из сил. Грудь будто железный обруч стянул.

— Что мы будем делать, когда доберемся? — спросил Колин, легко шагая по снежной колее.

— Ты спрячешься где-нибудь и будешь ждать меня. Это понятно?

— Да. А вы уверены, что это правильная до-

рога?

Дануорти не был уверен совсем. Дорога забирала на запад, в совершенно другую сторону от предполагаемой деревни, а впереди снова сворачивала на север. Дануорти обеспокоенно всматривался в переплетение ветвей, надеясь, что там мелькнет каменная стенка или соломенная крыша.

— До той было ближе, я помню, — растирая озябшие плечи, высказался Колин. — Мы уже несколько часов идем.

Несколько не несколько, но около часа точно, и за это время им не попалось даже хибарки коттера, не то что деревни. Здесь ведь где-то целое скопище деревень, но где?

Колин вытащил навигатор.

— Видите, — он продемонстрировал Дануорти дисплей, мы слишком забрали на юг. По-моему, надо вернуться на прежнюю тропу.

Дануорти посмотрел на дисплей, потом на карту. Они зашли почти на три километра от переброски и стояли строго на юг от нее. Теперь придется проделать весь этот путь обратно, без всякой надежды найти на нем Киврин, и Дануорти сильно сомневался, что сможет после двинуться куда-то еще. Он уже едва шел, тиски с

каждым шагом сжимали ребра все сильнее, и кроме того, начинало печь в груди. Обернувшись, он посмотрел на поворот впереди, решая, как быть.

— У меня ноги мерзнут, — пожаловался Колин, притопывая. Из кустов вспорхнула и унеслась прочь испуганная пичуга. Дануорти, нахмурившись, посмотрел на небо. Его затягивало тучами.

— Надо было идти вдоль изгороди, — упрекнул Колин. — Так получилось бы гораздо…

— Тихо!

— Что такое? — прошептал Колин. — Кто-то идет?

— Тс-с-с. — Дануорти оттеснил мальчика к краю дороги и снова прислушался. Вроде бы откуда-то донесся конский топот, но теперь снова стояла тишина. Может быть, померещилось или просто птица крыльями захлопала.

Он сделал Колину знак спрятаться за деревом.

— Стой тут, — велел он и осторожно пошел вперед до поворота.

Там, привязанный к кусту боярышника, храпел вороной конь. Дануорти поспешно укрылся за ближайшей елью и замер, высматривая всадника. Но на дороге никого не было. Дануорти подождал, стараясь дышать потише и прислушиваясь, однако никто не шел. Только вороной

переступал с ноги на ногу.

Конь был под седлом, в сбруе с серебряной чеканкой, но сильно отощавший — подпруга болталась на выпирающих ребрах. Болталась так сильно, что даже седло слегка съехало, когда конь попятился назад. Он задрал голову, натягивая поводья и, видимо, пытаясь освободиться. Подобравшись поближе, Дануорти увидел, что повод вовсе не привязан, а просто запутался в колючих ветках.

Он вышел на дорогу. Конь повернулся к нему и дико заржал.

— Тихо, тихо, все хорошо, — приговаривал Дануорти, осторожно обходя коня слева. Когда он положил руку вороному на шею, тот перестал ржать и принялся тыкаться носом в карманы, ища еду.

Дануорти оглянулся в поисках какого-нибудь клочка травы, пробивающейся из-под снега, но пятачок вокруг боярышника был совершенно лысый.

— Сколько же ты здесь мучаешься, бедолага? — посочувствовал Дануорти. Всадник, видимо, заболел чумой в дороге или умер, и перепуганный конь скакал без оглядки, пока длинные поводья не запутались в колючих кустах.

Дануорти зашел чуть подальше в лес, ища следы ног. Конь снова заржал, и профессор двинулся обратно, распутывать повод, прихватывая по дороге торчащие из-под снега стебельки.

— Лошадь! Апокалиптично! — воскликнул, подбегая, Колин. — Где вы ее нашли?

— Я тебе что велел? Не сходить с места.

— Знаю, но я услышал ржание и подумал, вдруг вы попали в беду.

— Тем более должен был оставаться на месте. — Он отдал Колину пучок собранной травы. — Вот, покорми его.

Дануорти принялся освобождать поводья. Конь, безуспешно пытаясь вырваться, успел основательно запутать их в колючих зарослях. Придерживая ветки одной рукой, Дануорти просунул другую в глубь куста и стал разматывать повод. Через несколько секунд обе руки покрылись царапинами.

— Чья это лошадь? — спросил Колин, протягивая коню пучок травы с расстояния в несколько шагов. Изголодавшийся конь клацнул зубами, и Колин поспешно отскочил, выронив корм. — Она точно домашняя?

Едва не оставшись без руки, когда конь дернул головой, подбирая траву с земли, Дануорти все же

высвободил поводья. Обмотав одним из них свою окровавленную ладонь, он подобрал второй.

— Да.

— А чья она? — робко гладя морду коня, повторил Колин.

— Наша. — Дануорти подтянул подпругу, усадил протестующего мальчика на круп, а сам взобрался в седло.

Скакун, еще не осознав, что свободен, укоризненно покосился на Дануорти, когда тот сжал коленями его бока, потом послушно затрусил по заснеженной дороге.

Колин судорожно вцепился Дануорти в пояс, как раз там, где ребра сдавливало будто тисками, но уже через сотню метров ослабил хватку, выпрямился и начал забрасывать профессора вопросами: «А как его поворачивать?» и «А если надо прибавить скорость?»

На главную дорогу они вернулись в считанные минуты. Колин предложил доехать до изгороди и пуститься по полю напрямик, но Дануорти направил коня в другую сторону. Через полмили дорога разветвлялась. Он выбрал левую.

Эта оказалась более езженной, чем первая, хотя лес вокруг смыкался еще более густой стеной. Небо совсем затянуло тучами, ветер крепчал.

— Смотрите! — воскликнул Колин и, отцепившись одной рукой, показал на каменную крышу, темневшую на фоне серого неба за осиновой рощицей. Церковь, видимо, или поместье. Оно лежало чуть дальше к востоку, и как раз туда уходила от главной дороги тонкая тропинка, ведущая через шаткий деревянный мосток над ручьем и дальше, по узкому лугу.

Судя по тому, что конь не навострил уши и не ускорил шаг, он был не из этой деревни. «Тоже хорошо, — решил Дануорти. — Иначе нас повесят за конокрадство, не дав расспросить о Киврин». И тут он увидел овец.

Они лежали на боку, будто мотки грязно-серой свалявшейся шерсти, хотя некоторые жались к деревьям, пытаясь укрыться от снега и ветра.

Колин не заметил.

— Что мы будем делать, когда туда приедем? — поинтересовался он в спину Дануорти. — Спрячемся? Или с ходу спросим, не видел ли ее кто?

«Там некого будет спрашивать», — подумал Дануорти, но пустил коня рысью, и они въехали через осиновую рощицу в деревню.

Она совсем не походила на картинку из книжки Колина, где все постройки обрамляли открытое пространство посередине. Здесь дома словно

прятались друг от друга за деревьями. Дануорти углядел соломенные крыши, а чуть дальше, за осинами, каменную церковь, но здесь, на полянке величиной не больше переброски, стоял только деревянный дом с низким сараем.

Для господского маловат — скорее, жилище мажордома или деревенского старосты. Сарай был открыт нараспашку, внутрь намело снегу. Ни дыма над крышей, ни шороха кругом.

— Может быть, они сбежали, — предположил Колин. — Многие бежали, узнав о приближении чумы. Так она и распространялась.

Может быть, и сбежали. Снег перед домом был плотно утоптан, очевидно, множеством ног и копыт.

— Подожди меня здесь с конем, — велел Дануорти и пошел к дому. Дверь, хоть и плотно притворенная, оказалась незапертой. Пригнувшись, он нырнул внутрь.

Внутри стоял ледяной холод и такая кромешная темнота, что после яркого дневного света Дануорти будто ослеп, только красные круги плыли перед глазами. Он распахнул дверь настежь, но светлее стало ненамного, и красные ореолы тоже остались.

По всей вероятности, жилище мажордома. Две

комнаты, разделенные бревенчатой перегородкой, тростниковые циновки на полу. Стол голый, огонь в очаге погас много дней назад. В воздухе пахло остывшей золой. Мажордом с семейством сбежали, как, наверное, и остальные жители деревни, забрав с собой чуму. И Киврин.

Дануорти прислонился к дверному косяку, надсадная боль под ребрами вновь стала резкой, кинжальной. Со всеми тревогами за Киврин он упустил вот эту — что она просто уедет.

Он заглянул во вторую комнату. Колин просунул голову в дверь.

— Лошадь все время тянется к ведру с водой. Можно ей?

— Да, — ответил Дануорти, загораживая собой дальнюю комнату. — Но слишком много пить не давай. После долгого перерыва нельзя сразу.

— В ведре все равно мало. — Мальчик с любопытством обвел комнату взглядом. — Это дом крестьянина, да? Они и в самом деле были жутко бедные. Что-нибудь нашли?

— Нет. Иди присмотри за конем. Чтобы не убрел куда-нибудь.

Колин вышел, задев макушкой дверную притолоку.

На мешке с шерстью в углу лежал младенец.

Судя по всему, он был еще жив, когда умерла его мать. Она скорчилась на земляном полу, протягивая руки к ребенку. Оба тела казались темными, почти черными, а свивальник малыша пропитался потемневшей кровью.

— Мистер Дануорти! — раздался снаружи тревожный голос Колина, и Дануорти вздрогнул от неожиданности, испугавшись, что мальчик снова зашел в дом, но тот стоял во дворе, рядом с конем, опустившим морду в ведро.

— Что такое?

— Там что-то лежит. — Он махнул в сторону других домов. — Кажется, труп. — Колин дернул коня за поводья, и ведро опрокинулось, разлив воду тонкой лужицей по снежной корке.

— Подожди, — сказал Дануорти, но Колин уже бежал к в рощицу вместе с конем.

— Да, это… — У Колина перехватило дыхание. Дануорти, держась за бок, поспешил к нему.

Там действительно оказался труп. Молодой парень лежал навзничь в замерзшей луже темной жидкости. Лицо его заиндевело. «Видимо, бубоны лопнули», — решил Дануорти и оглянулся на Колина, однако тот смотрел не на труп, а на поляну, открывшуюся за деревьями.

Она была попросторнее, чем у мажордомова

жилища. Ее обрамляли с полдюжины домов, а на дальнем конце примостилась норманнская церковь. Посередине на притоптанном снегу лежали трупы.

Их даже не пытались похоронить, хотя рядом с церковью виднелся неглубокий ров, и рядом горка припорошенной снегом земли. Некоторых, видимо, тащили на погост — по снегу тянулись длинные следы, как от саней, и по крайней мере один человек дополз до порога своего дома. Он лежал там ногами наружу.

— Убойтесь Бога, — пробормотал Дануорти, — ибо наступил час суда его.

— Здесь как будто битва разыгралась, — ошеломленно произнес Колин.

— Так и есть.

Колин подошел поближе, приглядываясь к трупу молодого парня.

— Они все мертвы, да?

— Не трогай ничего, — предостерег Дануорти. — А лучше даже не подходи.

— Мне кололи гамма-глобулин, — напомнил Колин, но все же попятился, судорожно сглотнув.

— Дыши глубже, — кладя ему руку на плечо, велел Дануорти. — И смотри в другую сторону.

— В книге примерно так и рассказывалось, — пробормотал Колин, не сводя глаз с ближайшего дуба. — Я, если честно, боялся, что будет страшнее. Всякие жуткие запахи и прочее…

— Да.

Он снова сглотнул.

— Я уже нормально. — Мальчик обвел поляну взглядом. — Как думаете, где может быть Киврин?

«Только не здесь», — взмолился Дануорти.

— В церкви, например, — шагая вперед с конем в поводу, предположил он. — И нужно посмотреть, есть ли там саркофаг. Может, это совсем другая деревня. — Жеребец сделал два шага и, прижав уши, испуганно заржал, запрокидывая голову.

— Пойди поставь его в сарай, — попросил Дануорти. — Он чувствует запах крови и пугается. Привяжи его там.

Он отвел коня подальше от трупа и передал поводья Колину.

— Ты не бойся, — сказал мальчик, шагая с конем к сараю мажордома. — Я понимаю, что ты чувствуешь.

Дануорти поспешил через поляну к погосту. В неглубоком рву лежало четыре трупа, рядом

виднелись две засыпанные могилы — видимо, первых погибших еще хоронили по всем правилам. Он завернул за угол церкви, к фасаду.

Перед дверьми каменели еще два трупа, сваленных друг на друга. Наверху старик, а под ним женщина. Дануорти видел полы ее грубого плаща и кисть руки, остальное — плечи и голову — закрывал старик.

Дануорти осторожно приподнял его окоченевшую руку, и за ней потянулось все тело, прихватывая примерзший плащ женщины. Киртл под плащом был перепачканный и залитый кровью, но ярко-голубой цвет все же распознавался. Дануорти откинул капюшон плаща. Шею женщины стягивала веревочная петля. Пряди длинных светлых волос перепутались с грубой пенькой.

«Ее повесили», — безо всякого удивления подумал Дануорти.

К нему подбежал Колин.

— Я догадался, что там за следы на земле. Это они волокли трупы. За амбаром паренек с веревкой на шее.

Дануорти посмотрел на веревку, на спутанные, потемневшие от грязи когда-то светлые волосы.

— Их волокли на погост, потому что нести было тяжело, — развил мысль Колин.

— Ты поставил коня в сарай?

— Да. Привязал к какому-то столбу. Он хотел со мной.

— Голодный, — объяснил Дануорти. — Иди обратно и покорми его сеном.

— Что-то случилось? — обеспокоился Колин. — Рецидив?

Дануорти решил, что вряд ли Колину с его места видно голубое платье.

— Нет. Там в сарае должно быть сено. Или овес. Иди покорми коня.

— Хорошо, — воинственно произнес Колин и побежал назад к сараю. На середине поляны он остановился. — Не обязательно ведь прямо в зубы совать? Можно я просто на землю кину?

— Можно, — отозвался Дануорти, глядя на змеящуюся к запястью женщины темную засохшую струйку. Локоть остался согнутым, будто женщина пыталась, падая, подставить руку.

Ухватить ее за локоть и повернуть — ничего сложного. Главное — ухватиться за локоть…

Он взял ее руку в свою. Она была холодной и каменной. Под грязью виднелась красная кожа вся в ссадинах и трещинах. Нет, это не может быть Киврин, а если да, то через что ей пришлось пройти за эти две недели, чтобы стать такой?

Все будет на диктофоне. Дануорти осторожно развернул руку, ища шрам от операции по вживлению, но все скрывала облепившая запястье корка грязи.

А если диктофон там и есть, то что? Послать Колина за ножом на мажордомову кухню и отсечь мертвую кисть, чтобы услышать голос Киврин, рассказывающий о пережитых здесь ужасах? Он не сможет этого сделать, как не может перевернуть труп и выяснить окончательно и бесповоротно, она ли это.

Дануорти бережно уложил руку обратно вдоль тела, взялся за локоть и перевернул.

Она умерла от бубонной формы. На боку синего киртла расплылось жуткое желтое пятно, там, где лопнул и вытек подмышечный бубон. Черный распухший язык не помещался во рту и торчал между зубами, словно кляп, задушивший ее, раздувший и обезобразивший ее бледное лицо.

Не Киврин. Шатаясь, Дануорти распрямился, а потом запоздало сообразил, что лицо женщины следовало бы чем-то прикрыть.

— Мистер Дануорти! — Колин несся к нему со всех ног, и Дануорти посмотрел на него потухшим отрешенным взглядом. — Что случилось? — спросил мальчик требовательно. — Вы ее нашли?

— Нет, — ответил профессор, загораживая труп от Колина. «Мы ее никогда не найдем».

Колин глядел мимо него на женщину. Ее лицо казалось сизым на белом снегу и на фоне грязного голубого платья.

— Это она, да? Вы ее нашли?

— Нет, — повторил Дануорти. «Но могла быть она. Могла быть. А я не в силах больше переворачивать трупы, понимая, что это может быть она». Колени вдруг ослабли, будто отказываясь его держать. — Помоги мне дойти до сарая.

Колин не двинулся с места.

— Если это она, так и скажите, — упрямо повторил он. — Я выдержу.

«Зато я не выдержу. Я не вынесу, если она мертва».

Он двинулся обратно к мажордомову жилищу, придерживаясь за холодную каменную стену церкви и думая, как быть, когда стена кончится.

Колин, подскочив к нему, взял его под руку.

— Что такое? Рецидив? — с тревогой спросил мальчик.

— Просто нужно немного отдохнуть, — проговорил он и добавил безотчетно: — На Киврин было голубое платье, когда она отправлялась в прошлое.

Когда она легла на пол и закрыла глаза, беззащитная и доверчивая, и исчезла навсегда в этом царстве кошмаров.

Колин распахнул дверь сарая и провел Дануорти внутрь, поддерживая его обеими руками. Конь вытащил морду из мешка с овсом.

— Я не нашел сена. Поэтому дал ей овса. Лошади ведь едят овес?

— Да, — ответил Дануорти, усаживаясь на мешки. — Только не давай ему весь, иначе он объестся и лопнет.

Колин принялся оттаскивать мешок с овсом подальше.

— Почему вы решили, что это Киврин?

— По голубому платью. У нее было такого же цвета.

Мешок оказался слишком тяжел для Колина. Он рванул обеими руками, но рогожа треснула, и зерно полилось густой струйкой на солому. Конь тут же потянулся туда губами.

— Нет, я не про то. Они ведь все умерли от чумы? А у Киврин прививка. Значит, от чумы она не могла погибнуть. От чего тогда?

«От этого, — подумал Дануорти. — Ни одному человеку не под силу пережить такое, смотреть, как дети и младенцы гибнут, будто скот; стас-

кивать трупы в канавы и забрасывать землей, волочить окоченевшие тела на веревке. Как могла она такое пережить?»

Колин оттащил мешок от коня. Привалив его к небольшому ларчику, он, слегка запыхавшись, вернулся к Дануорти и пристально посмотрел ему в глаза.

— У вас точно не рецидив?

— Нет, — ответил профессор, чувствуя начинающийся озноб.

— Может, вы просто устали, — согласился Колин. — Вы отдохните, а я сейчас.

Он вышел, прикрыв за собой дверь сарая. Конь, шумно фырча, подбирал просыпавшийся из мешка овес. Дануорти встал, придерживаясь за грубый опорный столб, и подошел к ларчику. Медные полосы потускнели, на кожаной крышке виднелась вмятина, однако в целом он выглядел почти как новый.

Присев рядом, Дануорти откинул крышку. Мажордом использовал его под инструменты. Внутри лежал моток кожаной веревки и ржавая головка мотыги. Голубая обивка, о которой разглагольствовал в пабе Гилкрист, порвалась под мотыжным острием.

Колин вернулся с ведром.

— Я принес воды. Из ручья, — поставив ведро, он поискал по карманам пузырек. — У меня всего десять таблеток аспирина, так что вы с рецидивами поаккуратнее. Аспирин я прихватил у мистера Финча.

Он вытряхнул две таблетки на ладонь.

— Еще я стащил синтомицин, но боялся, что его еще не изобрели. А аспирин у них наверняка уже должен быть. — Колин выдал таблетки Дануорти и подтянул поближе ведро. — Зачерпывать придется рукой. Местная посуда, наверное, вся в бациллах, поэтому я ее не стал брать.

Дануорти проглотил аспирин и запил водой из пригоршни.

— Колин… — начал он.

Мальчик подвинул ведро к коню.

— И еще, по-моему, это не та деревня. Я зашел в церковь, там только одна могила, и в ней похоронена какая-то дама. — Он вытащил из другого кармана карту и навигатор. — Мы слишком забрали на восток. Вот, мы, кажется, здесь, — он ткнул в какую-то из пометок Монтойи, — а значит, если отъехать на ту, первую дорогу, и оттуда срезать прямо на восток…

— Мы возвращаемся на переброску. — Дануорти медленно поднялся, стараясь не касаться ни

стены, ни сундука.

— Почему? Бадри сказал, что день у нас точно есть, а мы всего одну деревню проверили. Их ведь тут навалом. Киврин может оказаться в любой.

Дануорти отвязал поводья.

— Я могу взять лошадь и поискать, — предложил Колин. — Я поскачу быстро-быстро, осмотрю все окрестные деревни, потом вернусь и сообщу, как только найду ее. Или можем разделить деревни пополам, а тот, кто найдет первым, подаст какой-нибудь сигнал. Зажжет костер, например, и тогда второй увидит дым и придет.

— Она умерла, Колин. Мы ее не найдем.

— Не говорите так! — по-детски звонко воскликнул Колин. — Она не умерла! У нее были прививки!

Дануорти показал на кожаный окованный медью ларчик.

— Вот, это из ее реквизита.

— И что? — не уступал Колин. — Таких сундуков, может, миллион. Что, если она убежала, когда началась чума? Нельзя вернуться и бросить ее здесь! А если бы это я потерялся и ждал, ждал, пока меня кто-нибудь заберет, и никто бы не шел? — Он начал хлюпать носом.

— Колин, — сказал Дануорти беспомощно, —

бывает так, что человека все равно не спасти, как ни старайся.

— Как у бабушки Мэри. — Колин вытер слезы тыльной стороной ладони. — Но ведь не всегда.

«Всегда», — подумал Дануорти.

— Нет, не всегда.

— Иногда все-таки получается спасти, — не сдавался Колин.

— Да. Хорошо. — Дануорти замотал поводья вокруг столба. — Мы пойдем и поищем ее. Дай мне еще две таблетки, я немного посижу, пока они подействуют, и мы отправимся на поиски.

— Апокалиптично, — выдохнул Колин, утаскивая ведро из-под носа коня, который снова собрался похлебать. — Схожу за водой.

Он выбежал, а Дануорти опустился на мешки, привалившись спиной к стене.

— Пожалуйста. Пожалуйста, пусть мы ее найдем.

Дверь медленно отворилась. Колин стоял в проеме, окруженный сияющим ореолом.

— Вы слышали? Слушайте!

Звон был слабый, приглушенный стенами сарая. И паузы между ударами колокола выходили слишком длинные, но Дануорти расслышал. Поднявшись, он вышел наружу.

— Это оттуда. — Колин показал на юго-запад.

— Веди коня.

— Думаете, это Киврин? По карте не с той стороны.

— Это Киврин, — ответил Дануорти.

Глава тридцать пятая

Колокол смолк, не успели они даже оседлать коня.

— Быстрее! — подгонял Дануорти, подтягивая подпругу.

— Все в порядке, — успокоил Колин, посмотрев на карту. Он ударил три раза. Я заметил направление. На юго-запад, так? А это Хенефельде. — Он показал карту профессору, по очереди тыкая в крестики. — Значит, звонили вот в этой деревне.

Дануорти глянул на карту, потом на юго-запад, стараясь зафиксировать в памяти сторону, откуда доносился звон. И уже начал сомневаться, что запомнил правильно, хотя последние гулкие ноты еще дрожали в воздухе. Хоть бы аспирин скорее подействовал.

— Тогда поехали, — позвал Колин и потянул коня за повод к выходу из сарая. — Садитесь.

Дануорти вставил ногу в стремя и перекинул вторую через седло. Голова вдруг закружилась. Колин посмотрел на него пристально и со словами: «Давайте-ка я поведу», уселся впереди седла.

Шенкеля у Колина получились слишком слабыми, а повод он, наоборот, дернул слишком резко,

но вороной, как ни странно, послушно зашагал через поляну к тропе.

— Деревню мы определили, — заявил Колин уверенно. — Осталось только найти дорогу, которая туда ведет.

Пару шагов спустя он возвестил, что найдена и дорога. Это была довольно широкая тропа, спускающаяся с пригорка в сосняк, но почти сразу за деревьями она раздваивалась, и Колин вопросительно оглянулся на Дануорти.

Конь зато никаких сомнений не испытывал и решительно двинулся по правой.

— Смотрите, он знает куда ехать! — восхитился Колин.

«Хорошо, что хоть один из нас знает». Дануорти закрыл глаза, чтобы поменьше прыгал окружающий пейзаж и не так стучало в висках. Конь, конечно же, просто идет домой, и нужно бы сказать об этом Колину, но сознание заволакивало горячечным туманом, и Дануорти, из страха, что жар его одолеет, боялся даже на минуту разомкнуть руки. Как же холодно! Это все температура, конечно, и стук в висках, и головокружение, это все жар, а жар — это хорошо, это значит, организм мобилизует силы на борьбу с вирусом, собирает свои войска. Озноб лишь

побочный эффект температуры.

— У-у-у, холодрыга какая! — пожаловался Колин, одной рукой запахивая рубаху поплотнее. — Только бы снег не пошел. — Совсем отпустив поводья, он укутал нос и рот шарфом. Конь даже не заметил. Он целеустремленно топал все глубже и глубже в лес. Они проехали еще одну развилку, потом еще одну. Колин каждый раз сверялся с картой и навигатором, но Дануорти не видел, сам он выбирал дорогу или конь все так же трусил в заданном направлении.

Пошел снег — или они просто въехали под снегопад. Дорогу вдруг скрыла снежная пелена, мелкие снежинки таяли на стеклах очков.

Аспирин наконец начал действовать. Дануорти выпрямился и стянул плащ на груди. Заодно протер краем полы снег с очков. Покрасневшие пальцы плохо слушались, он потер ладони и подышал на них, отогревая. Лес не кончался, а тропка стала еще уже, чем в начале.

— По карте Скендгейт в пяти километрах от Хенефельде, — сообщил Колин, смахивая снег с навигатора. — Мы проехали по крайней мере четыре, так что уже близко.

Если бы. Они в дебрях Вичвудского леса, на какой-нибудь коровьей, если не оленьей, тропе. Она

упрется в лачугу коттера или в соляную глыбу, а то и в ягодные заросли, о которых конь хранит теплые воспоминания с лета.

— Вот, я же говорил! — воскликнул Колин. За деревьями показалась колокольня. Конь припустил рысью. — Стой! — Мальчик натянул поводья. — Притормози!

Дануорти забрал у него поводья, заставляя коня замедлить шаг. Выехав из леса, они пересекли заснеженный луг и поднялись на пригорок.

У подножия, за ясеневой рощицей, лежала деревня, проступавшая сквозь пелену снега лишь серыми силуэтами — господский дом, крестьянские, церковь, колокольня. В Скендгейте колокольни не было, значит, они снова ошиблись деревней. Но Колин если и заметил, то не подал виду. Он несколько раз неловко сжал коленями бока скакуна, и тот медленно потрусил вниз по склону.

Трупов вроде бы не заметно, однако и живых людей тоже, как и дыма над крышами. Колокольня стояла молчаливая и покинутая, никаких следов вокруг.

— Там что-то есть, — сказал Колин на середине склона. Дануорти тоже заметил. Какое-то шевеление — может, птица, а может, качнувшаяся

ветка. — Вон там. — Мальчик показал на вторую с края лачугу. Из-за домишек вышла непривязанная корова с тугим, лопающимся выменем. Страхи Дануорти подтверждались — здесь тоже побывала чума.

— Корова, — с досадой бросил Колин. Услышав его, скотина подняла голову и двинулась навстречу, жалобно мыча. — Где же все? Кто-то ведь звонил в колокол?

«Все умерли», — подумал Дануорти, глядя на погост. Там виднелись свежие могилы, засыпанные землей и даже не целиком еще укрытые снегом. «Пусть все окажутся уже похоронены». И тут Дануорти увидел первый труп. Это был юноша, привалившийся спиной к надгробию, будто просто присел отдохнуть.

— Ой, тут кто-то есть! — воскликнул Колин, натягивая поводья и показывая на труп. — Здрасте! Как думаете, они поймут по-нашему? — спохватился мальчик.

— Он… — начал Дануорти.

Юноша, болезненно охнув и опираясь рукой на надгробие, встал и заозирался в поисках какого-нибудь оружия.

— Мы вас не тронем! — крикнул Дануорти, вспоминая, как это будет на среднеанглийском.

Он спешился, цепляясь за седло, потому что опять закружилась голова, потом выпрямился и протянул юноше руку ладонью вверх.

Лицо у паренька было в грязных потеках, куртка на груди и закатанные штаны задубели от крови. Он согнулся, хватаясь за бок, будто от резкой боли, подобрал припорошенную снегом палку и шагнул вперед, преграждая дорогу.

— *Kepe from haire. Derfevreblau hast bifallen us*[41].

— Киврин! — ахнул Дануорти и пошел к ней.

— Не подходите! — выкрикнула она на современном, выставив палку вперед, будто копье. Обломанный конец торчал зазубренной пикой.

— Киврин, это я, мистер Дануорти, — проговорил профессор, не сбавляя шага.

— Нет! — Она попятилась, махнув на него обломком лопаты. — Вы не понимаете! Здесь чума!

— Все хорошо, Киврин, у нас есть прививки.

— Прививки, — откликнулась она эхом, будто пробуя незнакомое слово на слух. — Это все епископский клирик. Он приехал уже больной.

Колин подбежал к Дануорти, и девушка снова выставила палку.

— Все хорошо, — повторил Дануорти. — Это Ко-

---

[41] Примечания: 1.41
Не подходите. У нас синяя хворь.

лин. У него тоже прививка. Мы пришли забрать тебя домой.

Она посмотрела на него долгим пристальным взглядом сквозь летящий снег.

— Домой… — отсутствующим голосом проговорила Киврин, опуская глаза к могиле у своих ног. Она была короче других и меньше, вероятно, детская.

«Я опоздал, — подумал Дануорти в отчаянии, глядя на девушку в окровавленной куртке, стоящую среди могил. — Ее уже распяли».

— Киврин, — позвал он.

Она выпустила лопату из рук.

— Вы должны мне помочь.

Повернувшись, девушка зашагала к церкви.

— Это точно она? — прошептал Колин.

— Да.

— А что с ней такое?

«Я опоздал, — подумал Дануорти, опираясь на плечо Колина. — Она никогда меня не простит».

— Что такое? Вам опять плохо?

— Нет, — ответил Дануорти, но опираться перестал не сразу.

Киврин остановилась у церковной двери, снова держась за бок. У Дануорти мороз пошел по коже. Она заразилась… У нее чума.

— Ты заболела?

— Нет. — Она посмотрела на свою ладонь, будто ожидая увидеть там кровь. — Он меня лягнул. — Девушка попыталась толкнуть церковную дверь, поморщилась и пропустила вперед Колина, чтобы он ей помог. — Кажется, ребра сломаны.

Колин налег на массивную деревянную дверь, и они втроем вошли внутрь. Дануорти заморгал от резко обрушившейся на него темноты. Узкие окна совсем не пропускали света, только слегка обозначались на фоне стены. Впереди по левую руку виднелось что-то приземистое и массивное — труп? — и проступали темные столбы ближних колонн, а за ними все тонуло в темноте. Колин, судя по шороху, что-то искал в своих бездонных карманах.

Далеко впереди замигал огонек, ничего вокруг не освещая, и тут же погас. Дануорти шагнул туда.

— Сейчас, минутку, — остановил его Колин и щелкнул фонариком. Свет ослепил Дануорти, погрузив все, что находилось за пределами рассеянного луча, в такую же непроглядную тьму, как сразу после входа. Колин посветил вокруг — на раскрашенные стены, тяжелые колонны, неровный пол. Луч выхватил из темноты приземистый

массив, который Дануорти принял за труп. Это оказалась каменная могила.

— Она там.

Колин послушно посветил в сторону алтаря, куда показывал Дануорти.

Киврин, опустившись на колени, склонялась над чем-то распростертым на полу перед алтарной преградой. Подойдя ближе, Дануорти увидел, что это мужчина. Его ноги и нижнюю половину туловища прикрывал пурпурный покров, а большие грубые руки были скрещены на груди. Киврин пыталась запалить свечу от уголька, но свеча, давно оплавившаяся до крошечного огарка, сразу же гасла, поэтому Колина с фонариком Киврин встретила благодарным взглядом.

— Вы должны помочь мне с Рошем. — Киврин, щурясь от света, подалась вперед, будто собираясь взять мужчину за руку.

«Думает, что он еще жив», — решил Дануорти, однако Киврин продолжила тем же будничным тоном:

— Он умер сегодня утром.

Колин посветил на усопшего. Скрещенные руки в безжалостном электрическом луче оказались почти одного цвета с пурпурным покрывалом, но лицо умершего было светлым и совершенно

умиротворенным.

— Он кто? — заинтересованно спросил Колин. — Рыцарь?

— Нет, — ответила Киврин. — Святой.

Она накрыла окоченевшую руку своей. Мозолистой, окровавленной, с черными от грязи ногтями.

— Вы должны мне помочь.

— Помочь в чем? — уточнил Колин.

«Она хочет, чтобы мы помогли его похоронить, — понял Дануорти. — Но мы не справимся». Этот Рош просто громадина. Наверное, при жизни он возвышался над Киврин на голову. Даже если каким-то чудом удастся вырыть могилу, поднять тело они не смогут даже втроем, а вытащить его на погост на веревке Киврин не позволит.

— С чем помочь? — повторил Колин. — Надо торопиться.

Торопиться и впрямь надо было. Дело шло к вечеру, а в темноте им ни за что не отыскать дорогу через лес, и сколько Бадри сможет продержать прерывистую переброску, тоже неизвестно. Он обещал сутки, но, судя по его виду, хорошо, если два часа протянет, а уже прошло восемь. Земля мерзлая, у Киврин сломаны ребра, действие аспирина заканчивается. В холодной церкви

Дануорти снова начинала бить дрожь.

«Мы не сможем похоронить его, — глядя на коленопреклоненную Киврин, подумал Дануорти. — Только как ей сказать, если я и так опоздал помочь со всем остальным?»

— Киврин…

Девушка ласково погладила окоченевшую руку.

— Похоронить мы его не сможем, — проговорила она все тем же ровным отрешенным голосом. — В его могилу пришлось положить Розамунду, после того как мажордом… — Она посмотрела на Дануорти. — Я попыталась вырыть утром еще одну… Земля слишком твердая. Лопату сломала. Я прочитала над ним отходную. И хотела позвонить в колокол.

— Мы слышали, — кивнул Колин. — Так мы вас и нашли.

— Нужно было девять ударов, — продолжала Киврин, — но я не смогла. — Она ухватилась за бок, будто вновь переживая ту боль. — Помогите мне прозвонить остальные.

— Зачем? — удивился Колин. — Вряд ли здесь кто-то остался в живых. Никто не услышит.

— Не важно, — сказала Киврин, глядя на Дануорти.

— Времени нет, — попытался вразумить ее Колин. — Скоро стемнеет, а до переброски…

— Я отзвоню. — Дануорти поднялся. — А ты оставайся здесь, — велел он, хотя Киврин и так не шевельнулась. — Я позвоню в колокол.

— Темнеет ведь. — Колин бросился за ним по проходу, и луч фонарика беспорядочно запрыгал по колоннам и полу. — А вы сами говорили, что неизвестно, сколько Бадри продержит переброску. Ну, подождите!

Дануорти распахнул дверь, заранее сощурившись, чтобы не ослепила белизна, но снаружи уже сгущались сумерки, и небо набрякло тучами. В воздухе пахло снегом. Он поспешил через погост к колокольне. Корова, которую заметил Колин на въезде в деревню, пролезла в калитку и ковыляла навстречу между могилами, проваливаясь копытами в снег.

— Какой смысл звонить, если все равно никто не услышит? — пожал плечами Колин, останавливаясь, чтобы выключить фонарик, и снова кидаясь вдогонку.

Дануорти зашел на колокольню. Там царили такая же темнота и холод, как в церкви, и еще пахло крысами. Корова просунула голову в дверь, и Колин, протиснувшись мимо нее, встал у полу-

круглой стены.

— Вы же сами все время говорили, что нужно назад, что переброска закроется, а мы тут останемся, — напомнил Колин. — Даже без Киврин хотели вернуться.

Дануорти постоял, давая глазам привыкнуть и заодно восстанавливая дыхание. Не надо было так быстро шагать, теперь снова сдавило ребра. Он отыскал взглядом веревку. Она висела прямо над головой, с засаленным узлом примерно в футе от размочаленного конца.

— Можно, я позвоню? — попросил Колин, задирая голову.

— Ты не достанешь.

— Достану! — Мальчик подпрыгнул и уцепился за самый кончик под узлом, повисел пару секунд и разжал пальцы, но веревка почти не шелохнулась, а колокол слабо тренькнул в вышине, будто кто-то запустил в него камешком. — Тяжелый…

Подняв руки, Дануорти ухватился за грубую пеньку, холодную и колючую. Он резко дернул веревку вниз, сомневаясь, что справится лучше Колина, и пенька врезалась в ладони.

Бом-м-м!

— Громкий! — Колин, зажав уши ладонями, восхищенно запрокинул голову.

— Раз, — сосчитал Дануорти. Раз и вверх. Вспомнив американок, он согнул колени и потянул веревку вертикально вниз. Два. И вверх. И три.

Как же Киврин умудрилась прозвонить целых три раза — со сломанными-то ребрами? Колокол был гораздо громче, гораздо тяжелее, чем он думал, звон гудел и вибрировал в голове и в надсаженной груди. Бом-м-м!

Он представил мисс Пьянтини, сгибающую пухлые колени и считающую про себя. Пять. Как же это, оказывается, тяжело. Каждый удар словно выкачивал воздух из легких. Шесть.

Остановиться бы и передохнуть, но он не хотел, чтобы Киврин, слушающая в церкви, подумала, будто он перестал, будто он прозвонил только недостающее число ударов. Покрепче стиснув узел, он прислонился на секунду к каменной стене, пытаясь ослабить тугой обруч в груди.

— С вами все хорошо, мистер Дануорти? — встревожился Колин.

— Да. — Он дернул веревку с такой силой, что легкие чуть не разорвались. Семь.

Не следовало прислоняться к стене. От ледяных камней его снова начало знобить. Дануорти представил мисс Тейлор — как она пытается доиграть «Малый Чикагский сюрприз», считая оставшиеся

удары и борясь с нарастающим звоном в ушах.

— Я могу закончить, — предложил Колин, и Дануорти едва его расслышал. — Я могу сбегать за Киврин, и мы добьем оставшиеся два удара. Будем тянуть вдвоем.

Дануорти покачал головой.

— Звонарю нельзя отпускать веревку, — выдохнул он, дергая изо всех сил. Восемь. Не отпускать. Мисс Тейлор потеряла сознание и отпустила, и веревка вылетела из рук, будто живая, и захлестнула шею Финча, едва не задушив его. Не отпускать, что бы ни случилось.

Он потянул веревку вниз, удерживая до тех пор, пока не убедился, что устоит на ногах, и только потом поднял руки.

— Девять.

Колин сердито сдвинул брови.

— У вас рецидив? — спросил он подозрительно.

— Нет. — Дануорти отпустил веревку.

В двери торчала коровья голова. Дануорти бесцеремонно отодвинул ее, прошагал до церкви и вошел внутрь.

Киврин по-прежнему стояла на коленях рядом с Рошем, сжимая его окоченевшую руку.

— Я позвонил в колокол, — сообщил Дануорти,

подходя.

Киврин подняла голову.

— Наверное, пора уже ехать, — сказал Колин. — Темнеет.

— Да, — ответил Дануорти. — Я думаю, лучше… — Голова закружилась так неожиданно, что он пошатнулся и чуть не упал на Роша.

Киврин выставила руку, Колин нырнул профессору под локоть, и луч фонарика заметался по потолку. Дануорти успел подставить колено и ладонь, а второй машинально хотел схватиться за Киврин, но она резко отпрянула.

— Вы заболели! — Это было обвинение. Приговор. — Вы заразились чумой, да? — Впервые за все время в ее голосе прорезались эмоции. — Да?!

— Нет, — ответил Дануорти. — Это…

— У него рецидив, — констатировал Колин, кладя фонарик на согнутую руку статуи и помогая Дануорти сесть. — Вот не надо было отмахиваться от моих плакатов.

— Это вирус, — объяснил Дануорти, приваливаясь спиной к статуе. — Не чума. Нам обоим кололи стрептомицин и гамма-глобулин. Чума нам не грозит.

Он коснулся статуи затылком.

— Это вирус. Все будет в порядке. Я только пе-

редохну немного.

— Говорил же, не надо звонить в колокол, — сокрушался Колин, вытряхивая на пол содержимое рогожного мешка и укрывая пустым мешком плечи Дануорти.

— Аспирин еще остался? — спросил профессор.

— Его можно принимать только раз в три часа и обязательно запивать водой.

— Так принеси воды! — отрезал Дануорти.

Колин оглянулся на Киврин, ища поддержки, но она застыла по другую сторону от мертвого Роша, настороженно глядя на Дануорти.

— Ну?

Колин выбежал, стуча сапогами по каменному полу. Дануорти перевел взгляд на Киврин, и она отступила еще на шаг.

— Это не чума, — заверил он. — Это грипп. Мы боялись, что ты успела им заразиться еще до переброски и заболеешь здесь. Ты болела?

— Да. — Девушка снова опустилась на колени рядом с Рошем. — Он спас мне жизнь.

Киврин разгладила пурпурное покрывало, и Дануорти только сейчас увидел, что это бархатный плащ с нашитым посередине большим шелковым крестом.

— Он уговаривал меня не бояться. — Киврин

подтянула плащ повыше, к скрещенным рукам усопшего, но тогда открылись ноги в грубых толстых сандалиях. Дануорти снял со своих плеч рогожный мешок и аккуратно расправил поверх торчащих ног, а потом встал, придерживаясь за статую, чтобы снова не свалиться.

Киврин погладила руки Роша под плащом.

— Он не нарочно меня ушиб.

Вернулся Колин с половиной ведра воды, видимо, зачерпнутой из лужи. Он тяжело дышал.

— На меня напала корова! — Грязным ковшом мальчик набрал воды из ведра и высыпал таблетки на ладонь Дануорти. Их оставалось пять.

Дануорти взял две и запил крошечным глотком, остальные отдал Киврин. Она забрала их с мрачным видом, не вставая с колен.

— Лошадей я не нашел, — сообщил Колин, передавая Киврин ковш. — Только мула.

— Осла, — поправила Киврин. — Пони Агнес украла Мейзри, — вернув ковш, она снова взяла Роша за руку. — Он звонил по всем усопшим, провожая их души на небо.

— Надо, наверное, ехать? — прошептал Колин. — Там уже совсем стемнело почти.

— Даже Розамунду, — будто не слыша, продолжала Киврин. — Хотя он уже был болен. Я

говорила, что некогда, что нам нужно отправляться в Шотландию.

— Надо выезжать, — согласился Дануорти, — пока еще хоть что-то видно.

Киврин не шевельнулась и не выпустила руку Роша.

— Он держал меня за руку, когда я умирала.

— Киврин, — позвал Дануорти.

Она погладила Роша по щеке и поднялась с колен. Дануорти хотел ей помочь, но девушка встала сама, держась рукой за бок, и пошла по проходу.

У двери она остановилась, обернувшись в темноту.

— Он сказал мне, умирая, где переброска, чтобы я могла попасть обратно на небеса. Просил оставить его и возвращаться к себе, чтобы встретить его там, когда он дотуда доберется.

Киврин вышла под падающий снег.

Глава тридцать шестая

Снег ложился плавно, мягко, укрывая коня и ослика, дожидающихся у калитки. Дануорти подсадил Киврин на вороного, и она не стала, вопреки его опасениям, противиться, но уже оказавшись в седле, высвободилась и решительно сжала поводья. Однако стоило Дануорти отпустить ее, как она снова ссутулилась, хватаясь за бок.

Дануорти отчаянно пытался унять дрожь, стискивая зубы, чтобы Колин не заметил. На осла он залез лишь с третьей попытки и сильно опасался, что не удержится.

— Сдается мне, лучше я его поведу, — неодобрительно посмотрев на это дело, сказал Колин.

— Некогда, — возразил Дануорти. — Темнеет. Садись позади Киврин.

Колин подвел скакуна к калитке, забрался на столбик и вскарабкался на спину коня позади седла.

— Навигатор у тебя? — спросил Дануорти, понукая ослика и стараясь при этом не упасть.

— Я знаю дорогу, — подала голос Киврин.

— Да, — ответил Колин, демонстрируя навига-

тор. — И фонарик. — Он щелкнул кнопкой и обвел лучом погост, будто проверяя, все ли они взяли. И кажется, только теперь заметил могилы. — Это здесь всех похоронили? — полюбопытствовал он, высвечивая гладкие белые холмики.

— Да.

— А они давно умерли?

Киврин развернула коня и направила его на пригорок.

— Нет.

Корова протопала за ними до середины склона, покачивая раздутым выменем, потом остановилась и начала горестно мычать. Дануорти оглянулся. Неуверенно промычав напоследок, она развернулась и побрела обратно к деревне. На макушке холма снегопад слегка поутих, но внизу, в деревне, снег сыпал по-прежнему густо. Он укрыл все могилы, и церковь с колокольней почти пропали за его плотной завесой.

Киврин не оглянулась ни разу. Выпрямив спину, она смотрела строго перед собой. Примостившийся сзади Колин держался не за ее талию, а за высокую луку седла. Снег поредел до отдельных хлопьев, и на въезде в густой лес прекратился почти совсем.

Дануорти правил за размашисто идущим во-

роным, стараясь не отстать и не поддаваться температуре. Аспирин не действовал — надо было лучше запивать — и в голове снова сгущался туман, скрывая из виду деревья и костлявую спину осла, заглушая голос Колина.

Мальчик оживленно рассказывал Киврин про эпидемию, и в его изложении она казалась захватывающим приключением.

— Тут бац — карантин, и говорят — езжайте назад в Лондон, но мне-то неохота обратно. Мне нужно к бабушке Мэри. Поэтому я пролез через кордон, а охранник увидел меня и кричит: «Стой, куда ты?» Он за мной, а я со всех ног по улице и ныряю в переулок…

Вороной остановился, и Киврин с Колином спешились. Колин снял шарф, Киврин приподняла свою заскорузлую от крови куртку, и мальчик замотал шарф вокруг ее ребер. Дануорти понимал, что ей, наверное, еще больнее, чем кажется, что нужно хотя бы попытаться ей помочь, но боялся, что, сойдя с ослика, обратно уже не заберется.

Киврин, подсадив Колина, вскарабкалась в седло, и они поехали дальше, останавливаясь на каждом повороте и у каждого ответвления — Колин склонялся над навигатором и тыкал пальцем, а Киврин утвердительно кивала.

— Вот здесь я упала с осла, — сказала она у очередной развилки. — В первую ночь. Мне было так плохо. Я принимала его за разбойника.

Они доехали до другой развилки. Снег давно кончился, но небо над деревьями было темным и хмурым. Колину приходилось светить на экран навигатора фонариком. Ткнув в правую тропку, он снова пристроился позади Киврин и продолжил рассказ о своих приключениях:

— Мистер Дануорти говорит: «Вы потеряли привязку!», а потом как повалится на мистера Гилкриста, и оба упали.

Мистер Гилкрист как будто назло все делал, даже не разрешил мне его укрыть. А он дрожит весь, и жутко горячий, я его зову: «Мистер Дануорти, мистер Дануорти!», но он меня не слышит. А мистер Гилкрист только твердил: «Вы лично за все ответите».

Ветер усиливался, снова бросая пригоршни снега в лицо. Дануорти, дрожа, вцепился в жесткую ослиную гриву.

— Они все от меня скрывали, — пожаловался Колин. — А когда я хотел прорваться к бабушке Мэри, сказали: «Дети не допускаются».

Теперь они ехали против ветра, который ледяными порывами задувал под плащ Дануорти.

Профессор наклонился вперед, чуть не ложась на ослиную шею.

— Вышел доктор, — рассказывал Колин, — и начал шептаться с медсестрой, и я понял, что бабушка умерла.

Дануорти почувствовал, как сжимается сердце. «Ох, Мэри…»

— Я не знал, что делать, и я просто сидел там в коридоре. И тут подходит миссис Гаддсон — это жутко некрозная тетка — и начинает зачитывать мне из Библии, что на все воля божья. Ненавижу миссис Гаддсон! — воскликнул он со злостью. — Это ей надо было заболеть гриппом!

Голос Колина зазвенел в ушах Дануорти, слова разнеслись эхом по лесу и запутались в ветвях, теряя смысл, но при этом почему-то не таяли в холодном воздухе, и, казалось, могли долететь через семь столетий до самого Оксфорда.

И тут Дануорти осенило, что Мэри ведь еще не умерла — что здесь, в этом жутком году, в этом страшном веке, который тянет на десятку с гаком, она еще жива, и он почувствовал облегчение, какого совсем не ожидал здесь найти.

— И тогда мы услышали колокол. Мистер Дануорти сказал, что это вы, зовете на помощь.

— Так и было, — ответила Киврин. — Нет, так

нельзя. Он упадет.

Дануорти осознал, что они снова спешились и стоят рядом с осликом, а Киврин держит веревочную уздечку.

— Нужно посадить вас на лошадь, — сказала Киврин, обхватывая Дануорти за пояс. — Иначе вы свалитесь с осла. Слезайте, я вам помогу.

Помогать пришлось обоим — Киврин обхватывала его рукой (наверняка превозмогая дикую боль в ребрах), а Колин подпирал почти всем своим телом.

— Мне бы посидеть чуть-чуть, — выбивая зубами дробь, проговорил Дануорти.

— Некогда, — попытался возразить Колин, но все же они отвели его на край тропки и осторожно усадили спиной к валуну.

Киврин вытащила из-под полы три таблетки аспирина и протянула на раскрытой ладони профессору.

— Вот, возьмите.

— Это же для тебя. Чтобы ребра…

— Со мной все будет хорошо, — заверила Киврин, глядя на него суровым немигающим взглядом, и пошла привязывать коня к кусту.

— Может, воды? — предложил Колин. — Я могу разжечь костер и растопить снега.

— Я сейчас, ничего страшного. — Дануорти закинул таблетки в рот и проглотил.

Киврин поправляла стремена, уверенной рукой развязывая кожаные ремни. Подтянув их и закрепив заново, она вернулась к Дануорти, чтобы помочь ему подняться.

— Готовы? — спросила она, подхватывая его под руку.

— Да, — ответил профессор и попытался встать.

— Плохо мы придумали, — сказал Колин. — Нам его никогда не поднять.

Однако у них все же получилось — Дануорти поставил одну ногу в стремя и ухватился за луку, а Киврин с Колином подсадили его общими усилиями, и под конец он даже помог им слегка, протянув руку, чтобы Колин смог вскарабкаться впереди.

Озноб прекратился, но Дануорти не знал, хорошо это или плохо, и когда они тронулись дальше, за Киврин, трясущейся на ослике, и Колин с ходу продолжил рассказ, Дануорти прижался к его спине и закрыл глаза.

— И я решил, что после школы поступлю в Оксфорд и стану историком, как вы. Но я не хочу во времена чумы. Я отправлюсь на крестовые

походы.

Дануорти слушал, навалившись на спину Колина. В лесу темнеет, они в Средневековье, двое калек и ребенок, а Бадри, еще один калека, удерживает переброску, рискуя свалиться с рецидивом. Но почему-то эти мысли не вызывали у Дануорти ни паники, ни даже беспокойства. У Колина есть навигатор, а Киврин знает, куда ехать. Все будет хорошо.

Даже если они не найдут переброску и застрянут здесь навеки, даже если Киврин его не простит, она не пропадет. Она отвезет их в Шотландию, куда так и не добралась чума, а Колин добудет из своего бездонного кармана рыболовные снасти и сковородку, и они наловят лосося и форели на ужин. И может, даже найдут Бейсингейма.

— Я смотрел по визику, как дерутся на мечах, а лошадью управлять я уже умею, — рассуждал Колин и вдруг резко дернул поводья на себя. — Стой!

Конь чуть не наподдал носом под хвост ослу. Они стояли на макушке небольшого пригорка. У его подножия виднелась затянутая льдом лужа и полоска ивняка.

— Вы его пришпорьте, — посоветовал Колин,

но Киврин уже спешилась.

— Он дальше не пойдет. Потому что видел меня во время переброски. Я думала, это Гэвин, а это с самого начала был Рош. — Она закинула веревочную уздечку на шею ослику, и тот, развернувшись, припустил по узкой тропке назад.

— Хотите на мое место? — спросил Колин, сползая на землю, но Киврин покачала головой.

— Слезать и залезать больнее, чем просто идти. — Она посмотрела на дальний холм. Лес покрывал его только до середины склона, а выше белела лысая макушка. Снег, наверное, прекратился, хотя Дануорти и не заметил. В просветах между расходящимися тучами проглядывало ясное бледно-лавандовое небо. — Он принял меня за святую Катерину. Увидел меня во время переброски, как вы и опасались. И решил, что меня послал Господь, чтобы помочь людям в час нужды.

— Так ведь вы и помогли, — утешил Колин, неуклюже подбирая поводья. Конь осторожно двинулся вниз по склону, Киврин шагала рядом. — Вы бы видели, что в других местах творится! Трупы горой… Им уж точно никто не помог.

Он передал поводья Киврин.

— Посмотрю, открыта ли сеть, — убегая вперед, крикнул мальчик. — Бадри обещал открывать каждые два часа. — Продравшись через вербовые заросли, он скрылся в лесу.

Киврин остановила коня у подножия и помогла Дануорти спешиться.

— Седло и сбрую лучше снять, — сказал профессор. — Когда мы его нашли, он запутался поводьями в кустах.

Вдвоем они расстегнули подпругу и сняли седло. Киврин отцепила уздечку и, привстав на цыпочки, потрепала коня по холке.

— С ним все будет хорошо, — заверил Дануорти.

— Может быть.

Отряхиваясь от снега, из ивняка выбрался Колин.

— Там ничего нет.

— Скоро откроется, — успокоил его Дануорти.

— А коня мы с собой возьмем? Я думал, историкам не разрешается ничего забирать в будущее. Но было бы круто. Я бы поехал потом на нем в крестовый поход.

Он кинулся обратно в заросли, окатив всех снегом.

— Пойдемте, там же откроется в любую ми-

нуту.

Киврин кивнула и хлопнула коня по крупу. Вороной прошел несколько шагов и остановился, вопросительно оглядываясь.

— Вы где? — позвал Колин из-за вербовой завесы, но Киврин не тронулась с места.

Рука ее плотно прижималась к боку.

— Киврин, — начал Дануорти, спеша на помощь.

— Ничего, я в порядке. — Она развернулась, разводя руками спутанные рыжеватые ветви.

Поляна тонула в густых сумерках. Сквозь черную крону дуба просвечивало лавандовое небо. Колин вытащил на середину поляны поваленное бревно.

— На случай если сеть закрылась прямо только что, и придется торчать здесь еще два часа.

Дануорти благодарно уселся.

— А как мы поймем, куда встать, когда сеть откроется? — спросил мальчик у Киврин.

— По изморози, — ответила она, смахивая снег с корней дуба.

— А если стемнеет?

Киврин устроилась у подножия кряжистого ствола, закусив губу, когда опускалась на корни. Колин примостился на корточках между ней и

профессором.

— Жаль, спички не взял, а то можно было бы костер развести.

— Ничего, — сказал Дануорти.

Колин включил фонарик, потом снова выключил.

— Лучше его поберечь на всякий пожарный.

В ивняке кто-то заворочался. Колин вскочил.

— Начинается!

— Это конь, — охладил его Дануорти. — Пасется.

Колин разочарованно уселся обратно.

— А может, сеть уже открылась, но мы не видим из-за темноты?

— Нет, — ответил Дануорти.

— А вдруг у Бадри случился рецидив, и он не смог держать ее открытой? — воскликнул Колин. Безо всякого испуга, скорее, оживляясь.

Они ждали. Небо стало фиолетовым, в ветвях дуба зажигались первые звезды. Колин, усевшись на бревно рядом с Дануорти, рассуждал вслух о крестовых походах.

— Вы ведь теперь все знаете про Средневековье, — обратился он к Киврин. — Может быть, сможете меня подготовить? Рассказать, что и как?

— Ты еще маленький, — ответила она. — Это слишком опасно.

— Знаю. Но я очень туда хочу. Поможете мне? Пожалуйста!

— Все будет совсем не так, как тебе представляется.

— Некрозная еда? Я читал в той книге, которую мне подарил мистер Дануорти, — про тухлое мясо и лебедей, и всякую гадость.

Киврин посмотрела долгим взглядом на свои руки.

— Большей частью ужасно, — проговорила она будто про себя. — Но были и чудесные моменты.

Чудесные моменты. Дануорти вспомнилась Мэри, рассказывающая о Египте в арке баллиольских ворот: «Я никогда этого не забуду». Чудесные моменты.

— А брюссельская капуста? — поинтересовался Колин. — Она уже была в Средние века?

— Нет, кажется, еще не изобрели, — в голосе Киврин послышался намек на улыбку.

— Хорошо! — Колин вскочил. — Слышали? Начинается. Похоже на колокол.

Киврин прислушалась, подняв голову.

— Когда я перемещалась, тоже звонил колокол.

— Пойдемте! — Колин ухватил Дануорти за руку, помогая ему встать. — Слышите?

Колокол звонил едва уловимо, где-то далеко-далеко.

— Вот оттуда. — Колин метнулся к краю поляны. — Сюда!

Опираясь рукой на землю, Киврин поднялась на колени.

Свободная рука машинально дернулась к ребрам.

Дануорти хотел ей помочь, но Киврин отказалась.

— Со мной все будет в порядке, — пробормотала она тихо.

— Знаю. — Дануорти опустил протянутую руку.

Киврин осторожно поднялась, придерживаясь за шершавый ствол дуба, потом выпрямилась и встала, ни на что не опираясь.

— Я все писала на диктофон, — сказала она. — Все что было.

«Как Джон Клин», — подумал Дануорти, глядя на ее неровно обрезанные волосы и перепачканное лицо. Истинный историк, выводящий в пустой церкви посреди могил: «Я, узревший столько невзгод, доверяю пергамену все, чему

сподобился стать свидетелем, дабы не поглотило время то, что надлежит помнить».

Киврин повернула ладони вверх и посмотрела на свои запястья, едва различимые в сумерках.

— Отец Рош, и Агнес, и Розамунда, и все остальные. Все они здесь. — Она провела пальцем вдоль косточки. — *Io suuicien lui damo amo*, — проговорила она едва слышно. — От друга милого приветом буду.

— Киврин, — позвал Дануорти.

— Пойдемте! — крикнул Колин. — Начинается. Слышите колокол?

— Да, — ответил Дануорти. Это мисс Пьянтини раскачивала тенор, вызванивая «Наконец грядет спаситель».

Киврин встала рядом с Дануорти и сомкнула ладони будто в молитве.

— Я вижу Бадри! — воскликнул Колин и, приставив руки ко рту, прокричал: — С ней все в порядке! Мы ее спасли!

К тенору мисс Пьянтини присоединились ликующие голоса других колоколов. Воздух заискрился изморозью.

— Апокалиптично! — просиял Колин.

Киврин взяла Дануорти за руку и крепко сжала ее в своей.

— Я знала, что вы придете, — сказала она.
Сеть раскрылась.